Digitized by Google

E3692

C 65
N 1125

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
ROMA
GOGOL
B
5621 /1

SLOVA i REČI
C
469

СЛОВА И РѢЧИ

СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

FILARETA

ФИЛАРЕТА,

MITROPOLITA MOSKOVSKAGO

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ.

Матѳ. XXVIII. 20.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

PARTE PRIMA

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОТЬЕ И МОНИГЕТТИ.
1848.

Cod. B5624/1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 5-го дня, 1847 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Профессоръ Философіи, Протоіерей Ѳеодоръ Голубинскій.

BVE0374826
1 BVE0374829

E
469.

МОЛИТВА

ПРЕДЪ ОКОНЧАНІЕМЪ МОЛЕБНАГО ПѢНІЯ,

въ новый 1847 годъ,

и

ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ СЕДМИСОТЛѢТІЯ ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА МОСКВЫ.

Господи Боже Вседержителю, Словомъ Твоимъ утвердивый небеса и Духомъ устъ Твоихъ всю силу ихъ, положивый свѣтила на тверди небеснѣй въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта, и бытіе видимыхъ созданій Твоихъ въ круги временъ заключивый, благословивый начатки временъ, и числа исполненія ихъ освятивый! Ты, Господи, усты Пророка Твоего Моисея, первымъ въ мѣсяцѣхъ лѣта нареклъ еси мѣсяцъ, въ оньже агнцемъ избавительныя пасхи спасительное таинство Агнца закланнаго прежде сложенія міра, Господа нашего Іисуса Христа, предобразилъ еси людемъ Твоимъ Израилю. Ты, въ древнемъ законѣ Твоемъ, въ предѣлъ седмицы дней и седмицы седмицъ, праздники Твоя, въ память благодѣяній Твоихъ, поставилъ еси; и исполненіе седмицы лѣтъ и седмицы седмилѣтій, во обновленіе памяти судебъ Твоихъ, лѣтомъ оставленія вѣнчалъ еси, со благословеніемъ безтруднаго изобилія. Се нынѣ Твой новый Израиль, отъ древняго образа къ новоявленнѣй истинѣ преше́дъ, первый въ мѣсяцѣхъ, и новое лѣто начинаетъ отъ явленія во яслѣхъ виѳлеемскихъ Агнца, вземлющаго грѣхи міра, Господа нашего Іисуса Христа, и отъ начатія Его всеспасительныя крестныя жертвы, въ страдательномъ проліяніи крове обрѣзанія. Царствующій же градъ сей не мѣсяца токмо и лѣта начало предъ собою нынѣ зритъ, и не седмицы дней токмо и лѣтъ исчисляетъ, но, седмь протекшихъ надъ нимъ вѣковъ помянувъ, судьбамъ Твоимъ чудится, и въ помышленіи о судьбахъ осьмаго своего вѣка, предъ лицемъ Твоимъ, Царю вѣковъ, благоговѣетъ. Исповѣдуемъ милости Твоя древнія, и о настоящихъ благодаримъ, и о будущихъ молимъ. Славимъ Твое благодатное избраніе, и богатый о насъ Промыслъ, яко малую нѣкогда весь во градъ велій возрастилъ еси: и, прежде событія, сже славну быти граду сему во всѣхъ градѣхъ россійскихъ, и взыти рукамъ его на плеци

врагъ его, и прославитися Тебѣ въ немъ, угодникомъ Твоимъ Святителемъ Петромъ предвозвѣстилъ еси; таже и преносимый престолъ Православія здѣ утвердилъ еси, и корень Единодержавія всероссійскаго здѣ насадилъ еси, и престолъ Царства возвысилъ еси, и угаснему свѣтильнику царскаго рода отселѣ съ вящшею свѣтлостію возсіяти даровалъ еси, и святымъ Твоимъ здѣ пожити и во благоуханіи святыни почити благоволилъ еси, ихже молитвами овогда убо, аки адамантовою стѣною, отъ напастей ограждалъ еси градъ сей, овогда же и бѣдствующій вскорѣ избавлялъ еси, и во дни наши, мнѣвшійся погибнути, отъ пепела и разрушенія еси возставилъ, и новымъ благолѣпіемъ украсилъ, и обиліемъ исполнилъ. Отче щедротъ и Господи милости! Призри благосердіемъ на сіе благодарственное исповѣданіе наше, и не отстави милости Твоея отъ насъ. Благослови вѣнецъ новаго лѣта благостію Твоею: и вѣнецъ седми вѣковъ, иже на вересѣ царствующаго сего града, и во осмѣмъ да не увядаетъ. Обнови и умножи благословенія Твои на превознесенномъ Тобою рабѣ Твоемъ Благочестивѣйшемъ Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ, и на державномъ Его родѣ. Долгоденствіе и благоденствіе и въ дѣлахъ царствія и во всѣхъ добродѣтелехъ преуспѣяніе Имъ даруй. Сохрани Церковь Твою святую неколеблему на основаніи Твоего Божественнаго слова, на камени Апостольскія вѣры, и никоеже дерзновенное своемудріе человѣческое да не прикоснется кивоту Божію. Реки, Господи, миръ на люди Твоя, и на обращающія сердца къ Тебѣ. Да будетъ близъ боящихся Тебе спасеніе Твое, вселити славу въ землю нашу. Милость и истина въ ней да срѣтаются, и правда и миръ да лобызаются. Не предаждь насъ, призрѣти въ сусты и неистовленія ложная, но да призримъ на вся заповѣди Твоя, и не постыдимся. Даруй намъ благодать и благую ревность, да Твоего вѣчнаго царствія и правды его, прежде и паче всего, ищемъ, яко да и благая временному житію потребная вся приложатся намъ, предстательствующими и покровительствующими молитвами Преблагословенныя Приснодѣвы Богородицы и Святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, съ нимиже во общеніи вѣры Тебѣ Единому Тріипостасному Богу, Безначальному Отцу и Собезначальному Сыну и Соприсносущному Святому Духу, приносимъ подобающее благодареніе, и поклоненіе, и славу, во вѣки вѣковъ.

Невыполнимо трудящуюся, и отягченныя ко мне.

Digitized by Google

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СЛОВА

НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.

СЛОВА
НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.

1. СЛОВО

На Рождество Хрістово и на воспоминаніе освобожденія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ, говоренное въ каѳедральномъ чудовъ монастырѣ, 1821 года.

И внезапу бысть со Ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу. Лук. II. 13.

Нынѣ Ангелы проповѣдуютъ вамъ, Христіане, и Ангелы же показываютъ, что вамъ должно дѣлать по ихъ проповѣди: что можетъ быть лучше сего поученія, и нужно ли послѣ сего другое? Ангелъ является, и проповѣдуетъ человѣкамъ: *се благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ.* Надлежало бы человѣкамъ на сію радостную проповѣдь воскликнуть: *аминь*, и прославить Бога за сіе благовѣстіе. Но съ Ангеломъ проповѣдникомъ Ангелы же являются и слушателями. *И внезапу*, то есть, какъ скоро произнесъ онъ проповѣдь о Рождествѣ Хрістовомъ, они цѣлымъ воинствомъ восклицаютъ: *слава въ вышнихъ Богу!* Восклицаютъ же такъ, что не только горнія, имъ принадлежащія обители, но и дольный міръ оглашается ихъ славословіемъ. Для чего? Безъ сомнѣнія, для того, чтобъ и дольный міръ послѣдовалъ горнему, чтобы къ славословію Ангельскому присоединилось человѣческое славословіе. И такъ будемъ послушны поученію Ангельскому. *Пріидите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему* (Псал. XCIV. 1). *Слава въ вышнихъ Богу!* Но вы уже и пришли радоваться о Рождествѣ Спасителя; славословіе, которое Церковь переняла у Ангеловъ, оглашаетъ не только храмы Божіи, но и жилища ваши; проповѣдь Ангельская, не смотря на то, что произнесена за столько вѣковъ, оказала и нынѣ свою силу; дѣло, кажется, совершено.

Надлежало бы теперь земнымъ служителямъ слова умолкнуть и успокоиться, когда дѣйствуютъ проповѣдники небесные. Но ихъ проповѣдь краткая и многозначущая, ихъ славословіе внезапное, невольно возбуждаютъ къ удивленію, а чрезъ удивленіе къ изслѣдованію и размышленію. Притомъ всходитъ на мысль, что, когда небесныя Силы проповѣдывали и торжествовали Рождество нашего Спасителя, кромѣ немногихъ пастырей, весь дольній міръ погруженъ былъ во снѣ, и не слыхалъ ихъ проповѣди и славословія. Не ужели,—скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые,—не ужели и мы среди яснаго дня Господня можемъ продремать великое славословіе Церкви?— Не укоряя симъ никого, я напомню только, что Давидъ, который, безъ сомнѣнія, бодрственнѣе насъ былъ въ славословіи, нуждымъ находилъ иногда пробуждать свою славу: *востани слава моя* (Псал. LVI. 9.)! Испытаемъ и мы, размышленіемъ о славѣ Божіей въ рожденіи Спасителя нашего, пробуждать нашу славу, или, яснѣе сказать, нашу ревность къ славѣ Божіей.

Слава въ вышнихъ Богу!

Не прежде, какъ при рожденіи Іисуса Хріста, земля слышитъ сіе Ангельское славословіе: для чего не прежде? И прежде не имѣлъ ли Богъ славы въ вышнихъ?

Такъ! Богъ имѣлъ высочайшую славу отъ вѣка. По изреченію одного ясновидца славы Его, Онъ есть *Богъ славы* (Дѣян. VII. 2.), то есть, съ самымъ именемъ, съ самымъ существомъ Его соединена слава, такъ что Онъ не былъ бы и Богомъ, если бы не имѣлъ славы.

Слава есть откровеніе, явленіе, отраженіе, облаченіе внутренняго совершенства. Богъ отъ вѣчности открытъ Самому Себѣ въ вѣчномъ рожденіи единосущнаго Сына Своего, и въ вѣчномъ исхожденіи единосущнаго Духа Своего; и такимъ образомъ единство Его во Святой Троицѣ сіяетъ существенною, непреходящею и неизмѣняемою славою. Богъ Отецъ есть *Отецъ славы* (Ефес. I. 17.); Сынъ Божій есть *сіяніе славы Его* (Евр. I. 3.), и Самъ *имѣетъ у Отца Своего славу, прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII. 5.); равнымъ образомъ Духъ Божій есть *Духъ славы* (I Петр. IV. 14.). Въ сей собственной, внутренней славѣ живетъ блаженный Богъ превыше всякія славы, такъ что не требуетъ въ оной никакихъ свидѣтелей, и не можетъ имѣть никакихъ участниковъ. Но какъ, по безконечной благости и любви Своей, Онъ желаетъ сообщить блаженство Свое, имѣть благодатныхъ причастниковъ славы Своея: то подвизаетъ Онъ Свои безконечныя совершенства, и онѣ открываются въ Его твореніяхъ; Его слава является небеснымъ силамъ, отражается въ человѣкѣ, облекается въ благолѣпіе видимаго міра; она даруется отъ Него, пріемлется причастниками, возвращается къ Нему, и въ семъ, такъ сказать, кругообращеніи славы Божіей, состоитъ блаженная жизнь и благобытіе тварей. Такъ Херувимы стоятъ предъ престоломъ Господнимъ, въ полнотѣ славы Его, и во славу Пресвятыя Троицы взываютъ другъ ко другу трисвятую пѣснь: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ* (Исаіи VI. 3.); они *закрываютъ лица свои*, потому что существенная слава Божія есть *свѣтъ неприступный* (I Тим. VI. 16.) и для вышнихъ тварей; они *окрестъ и внутрьуду исполнены очей*, потому что желаніе, созерцаніемъ пріобщаться славы Божіей, все существо ихъ дѣлаетъ окомъ; они *покоя не имутъ день и нощь* (Апок. IV. 8.), не потому, чтобы имъ возбраненъ былъ покой, но потому, что блаженство, которымъ преисполняетъ ихъ созерцаніе и причастіе славы Божіей, какъ будто изъ переполненнаго сосуда, непрестанно изливается въ радостномъ журчаніи славословія, и такимъ образомъ *слава, яже отъ единаго Бога* (Іоан. V. 44.), возвращается къ Богу. Такъ, человѣкъ, въ своемъ первобытномъ состояніи, былъ *образъ и слава Божія* (I Кор. XI. 7.), и безъ одежды не зналъ наготы, будучи одѣянъ сею славою. Такъ и видимыя небеса *повѣдаютъ славу Божію; день дни отрыгаетъ* о ней *глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Псал. XVIII. 2. 3.).

Но если такимъ образомъ слава Божія пребываетъ отъ вѣка въ Богѣ; и въ самыхъ тваряхъ, не только въ невидимыхъ, но даже и въ видимыхъ, возвѣщается давно и непрестанно: то для чего при Рождествѣ

Іисуса Христа новымъ и нечаяннымъ образомъ провозглашается оная съ неба на землю, какъ нѣчто неизвѣстное и неслыханное? Христіане! здѣсь твоя чреда быть *окомъ*, и особенно *внутрьуду*, стани добрѣ, и созерцай: здѣсь есть слава и тайна, — слава заключенная въ тайнѣ, тайна открытая въ славѣ.

Человѣкъ остановилъ въ себѣ присноживотное обращеніе славы Божіей, рѣшась не возвращать ея Богу, но присвоить ее себѣ, въ надеждѣ, по обѣщанію обольстителя, самому *быть яко Богъ*. Отъ сего въ духовномъ человѣкѣ произошло нѣчто подобное тому, что происходитъ въ чувственномъ человѣкѣ, когда останавливается обращеніе крови. Человѣкъ духовно умеръ для славы Божіей, или по крайней мѣрѣ, омертвѣлъ такъ, что въ немъ остались слабыя, въ сравненіи съ прежнимъ состояніемъ, движенія жизни душевной, омраченной, обнаженной, болѣзненной и тлѣнной. Поелику же и во всемъ видимомъ мірѣ слава Божія распространялась преимущественно чрезъ человѣка, отражаясь въ немъ, какъ въ образѣ Божіемъ: то, сокрывшись отъ человѣка, она уже не столь ясно, какъ въ началѣ, просіяваетъ и во всемъ видимомъ мірѣ. Хотя очистившій чувствія Псалмопѣвецъ и послѣ сего слышалъ глаголъ *небесъ, повѣдающихъ славу Божію*, и *звукъ ихъ проходящій по всей землѣ*: но сей звукъ, безъ сомнѣнія, уже не такъ высокъ и великолѣпенъ, какъ былъ въ началѣ; ибо тогда слышны были только величественные и сладостные звуки жизни и согласія, а нынѣ къ нимъ примѣшиваются раздирающіе звуки страданія и шумъ разрушенія. Сіе печальное затмѣніе славы Божіей въ мірѣ, омраченные грѣхомъ человѣки довершили тѣмъ, что, всѣ желанія и помышленія свои погрузя въ твари, *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и четвероногъ, и гадъ* (Рим. I. 23.).

Богъ славы, вѣдая, что безъ славы Его нѣтъ блаженства для Его тварей, употреблялъ, скажемъ почеловѣчески, многоразличныя и необыкновенныя усилія, дабы паки проявить ее въ человѣкахъ: но сіи усилія долго казались тщетными, и въ самомъ дѣлѣ были только болѣе или менѣе отдаленными и частными приготовленіями къ дѣйствительному, всеобщему, единственно возможному явленію славы Его между тѣми, которые *лишены ея* потому, *что всѣ согрѣшиша* (Рим. III. 23.). Въ самыя первыя минуты отлученія человѣка отъ славы Божіей, Богъ искалъ его, дабы возвратить къ ней: *Адаме, гдѣ еси?* но грѣшникъ не могъ снести ея присутствія; бѣжалъ, и скрылся отъ нея. Послѣ, дабы содѣлать ее доступною человѣкамъ, Богъ облекалъ ее иногда въ явленія Своихъ Ангеловъ: но и сіе приводило въ ужасъ человѣческую природу, и не могло посредствовать въ общеніи ея съ славою Божіею. *Увы мнѣ, Господи, Господи*, вопіетъ Гедеонъ, *яко видѣхъ Ангела Господня лицемъ къ лицу* (Суд. VI. 22.). *Смертію умремъ*, взываетъ Маное, *яко Бога видѣхомъ* (Суд. XIII. 22.). Народъ Израильскій, сколь ни тщательно, по наставленію Самого Бога, чрезъ Моисея, приготовленъ былъ къ явленію славы Божіей на Синаѣ, даже стоя въ отдаленіи, не выдержалъ сего явленія; *и рекоша Моисею: глаголи ты съ нами, и да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ* (Исх. XX. 19.). Что сказать о тѣхъ явленіяхъ славы Божіей, когда по исполненіи мѣры беззаконій человѣческихъ, на восходящій къ Богу вопль, не могъ Онъ, не измѣня святости Своей, отвѣтствовать гласомъ любви и милосердія, но отвѣтствовалъ грозными и карающими судьбами Своего правосудія, какъ было, на примѣръ, въ осужденіи Каина, во всемірномъ потопѣ, въ истребленіи Содома? — *Богъ славы гремѣлъ* (Псал. XXVIII. 3.); земля трепетала; человѣкъ исчезалъ: гдѣ было радоваться? Кому славословить?

Что же наконецъ творитъ непостижимый въ средствахъ милованія и спасенія Богъ, дабы возстановить человѣка *въ упованіе славы?* Поелику человѣкъ не дерзалъ приближиться къ Богу, и пріобщиться славы Его: Богъ приближается къ человѣку, и пріобщается его уничиженія. Дабы грѣшникъ не убѣгалъ болѣе присутствія Божія, Сынъ Божій является ему *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. VIII. 3.). Дабы немощная тварь не исчезла отъ славы всемогущаго Творца, Онъ уже не *облекается во*

исповѣданіе и въ велелѣпоту (Псал. CIII. 1.), но въ немощное и нѣмотствующее младенчество и въ убогія нелепы. Какъ искусный врачь, видя, что болящій страшится сильнаго врачевства, скрываетъ сіе врачевство подъ инымъ видомъ; и такимъ образомъ врачевство принято, и больной спасенъ: такъ и Небесный Врачь душъ и тѣлесъ, видя, что человѣчество, зараженное смертоносною болѣзнію грѣха, страшится Божественнаго, между тѣмъ какъ нитѣмъ не можетъ быть излѣчено, кромѣ Божественнаго, заключаетъ Божество Свое въ образъ человѣчества, и такимъ образомъ человѣческій родъ, прежде нежели узналъ, дѣйствительно вкусилъ Божественное, всецѣлебное врачевство благодати. Какъ же скоро Божество въ человѣчествѣ: то и *вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, поданы* (2 Петр. I. 3.); и потому наша немощь восполнена будетъ силою Божіею; наша неправда изглаждена будетъ правдою Божіею; наша тьма просвѣщена будетъ свѣтомъ Божіимъ; наша смерть упразднена будетъ жизнію Божіею; въ самомъ сокрытіи для насъ славы Божіей мы получаемъ надежду славы; и когда слава сія откроется, она не ослѣпитъ, не устрашитъ, не разрушитъ насъ, но, просіявъ въ насъ, просвѣтитъ и весь міръ, въ которомъ мы ее затмили. *Христосъ въ васъ, упованіе славы* (2 Кор. XIII. 5.), обнадеживаетъ Апостолъ. Се славная тайна и таинственная слава настоящаго дня! Небесные служители свѣта прежде насъ увидѣли зарю сея славы, и тотчасъ, обратясь къ намъ, воскликнули: *слава въ вышнихъ Богу!* Теперь уже не заря, но полный день сея славы: да востанетъ и наша слава; да взыдетъ взаимно къ небожителямъ; да вознесется въ радостномъ восхищеніи сердецъ къ самому престолу Всевышняго: *слава въ вышнихъ Богу!*

Братія! Помыслите, что Ангелы такъ торжественно прославляютъ Бога не за ихъ спасеніе, но за наше. Съ какою же ревностію должны мы прославлять Его за себя самихъ! Кто дастъ мнѣ искру небеснаго огня, Ангельской любви къ Богу, чтобы я могъ возжечь ею сердца ваши къ Ангельскому, неумолкному, не имѣющему покоя славословію? Ибо знаю, что міръ уже готовится заглушить въ душѣ вашей отголосокъ Ангельскаго славословія, шумомъ празднующихъ, суетными бесѣдами, пѣніемъ, растлѣвающимъ чистоту духа, *отягчить сердца ваши объяденіемъ и пьянствомъ* (Лук. XXI. 34.). Берегитесь, чтобы Бога Спасителя своего, прославляемаго словомъ во храмѣ, не оскорбить дѣлами въ домѣ. *Зане токмо прославляющія Мя прославлю*, глаголетъ Онъ, *и уничижаяй Мя безчестенъ будетъ* (1 Цар. II. 30.). И не испытавъ уже мы недавно сего безчестія тяжкимъ опытомъ, такъ что Господь не только домы наши предалъ хищенію и огню, но и храмы Свои уничижилъ? За что иначе, если не за то, что мы жизнію, недостойною славы Его, уничижили Его въ домахъ нашихъ, и нерадѣніемъ о благочестіи уничижили Его во храмахъ? Но се, Онъ и паки помиловалъ и прославилъ насъ: прославимъ Его, чтобы вновь не подвигнуть на себя Его негодованія, которымъ столь необыкновенно мятущійся чинъ природы уже намъ угрожаетъ. *Дадите славу Богови* (Псал. LXVII. 25.)! *Прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ* (1 Кор. VI. 20.)! Аминь.

2. СЛОВО

Въ день Рождества Христова.

И рече имъ Ангелъ: не бойтеся; се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь. Лук. II. 10. 11.

Какую радость возвѣщаетъ Ангелъ пастырямъ Виѳлеемскимъ! Подлинно *радость велію*. И какъ, но его предвѣщанію, это такая радость, *яже будетъ всѣмъ людемъ:* то теперь, но исполненіи уже предвѣщанія, радость сія, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и вамъ, здѣсь предстоящимъ, всѣмъ людемъ Божіимъ, отъ великаго до

малаго, всѣмъ, кто только не закроетъ ока ума, чтобы познать оную, и не окаменитъ сердца, чтобы оную почувствовать.

Какая жъ это радость? — Ангелъ изъясняетъ: *яко родися вамъ днесь....* Прерываю рѣчь вѣстника, чтобы показать въ самомъ началѣ его рѣчи начало радости. Рожденіе всегда больше или меньше радостно, потому что представляетъ расширеніе и торжество жизни: такъ какъ напротивъ смерть всегда больше или меньше печальна, потому что, поглотивъ одну жизнь, она угрожаетъ всѣмъ остающимся жизнямъ, того же рода. Въ особенности же рожденіе бываетъ радостно для тѣхъ, кому, или у кого и для кого родится младенецъ. Если онъ родится извѣстному семейству: радость сему семейству. Если онъ родится народу и государству, какъ напримѣръ, сынъ царевъ и особенно наслѣдникъ престола: радость всему народу и царству. Ангелъ говоритъ: *родися вамъ.* Кому? Не ужели только пастырямъ Виѳлеемскимъ, къ которымъ было слово Ангела? Но Ангелъ сказалъ уже, что радость будетъ *всѣмъ людемъ:* сіе показываетъ, что чрезъ пастырей онъ смотритъ на всѣхъ людей, и потому именно возвѣщаетъ радость *всѣмъ людямъ*, что возвѣщаемый младенецъ раждается *вамъ, всѣмъ людямъ,* не семейству, не народу, но всѣмъ людямъ на свѣтѣ, сколько есть, было и будетъ. Какая же огромная радость! Теперь вы можете радоваться каждый за себя, и за весь родъ человѣческій, за отжившихъ свой вѣкъ, и отшедшихъ въ вѣчность, о которыхъ вы или съ печалію воспоминаете, или не знаете, что объ нихъ думать, и за вашихъ потомковъ, о которыхъ, можетъ быть, заботитесь, какъ они жить будутъ.

Но станемъ далѣе вывѣдывать отъ Ангела, почему возвѣщаемое имъ рожденіе должно принести всеобщую радость. Онъ говоритъ: *яко родися вамъ днесь Спасъ.* Въ исторіи народа Божія не однократно видимъ являвшихся знаменитыхъ мужей, которые для него были орудіями спасенія Божія. *Возставилъ имъ Господь судей, и бяше Господь съ судіею, и спасе я отъ рукъ врагова ихъ во вся дни судіи* (Суд. II. 18.). Случалось и то, что такое спасеніе возвѣщаемо было Ангеломъ, какъ напримѣръ, Гедеону: *иди въ крѣпости твоей сей, и спасеши Израиля отъ руки Мадіамли* (Суд. VI. 14). Но сіи временныя и частныя спасенія не могли быть предметомъ радости для *всѣхъ людей.* Потому что не на всѣхъ простирались, и вскорѣ уступали мѣсто новому злу и бѣдствію. *Умираше судія, и отвращахуся, и паки растлѣвахуся паче отецъ своихъ* (Суд. II. 19.). Теперь раждается Спасъ всѣмъ людемъ, — истинный Спаситель, Котораго только слабымъ изображеніемъ были всѣ знаменитые въ священной древности мужи силы и спасенія, — всеобщій Спаситель, Котораго спасеніе простирается на всѣхъ, кто только не захочетъ погибнуть самъ добровольно, — всегдашній Спаситель, на спасаемыхъ Которымъ не смѣетъ прійти никакая новая погибель.

Вѣстникъ радости еще изъясняетъ ее: *родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь.* Видно Виѳлеемскіе пастыри уже имѣли нѣкоторое понятіе о Христѣ, когда небесный Вѣстникъ, видящій мысли ихъ, надѣялся достаточно вразумить ихъ о великости возвѣщаемой радости, сказавъ, что возвѣщаемый есть *Христосъ.* И подлинно, не льзя было имъ не слышать иногда въ Іерусалимскомъ храмѣ псаломскаго гласа, который оттуда перешелъ и въ наши храмы: *Спасе Господь Христа Своего* (Пс. XIX. 7.). И еще: *Господь утвержденіе людей Своихъ и защититель спасеній Христа Своего есть* (Пс. XXVII. 8.). Впрочемъ сіи самые гласы псаломскіе даютъ разумѣть намъ, въ какомъ возвышенномъ знаменованіи говорилъ о Христѣ Ангелъ пастырямъ. Псалмы представляютъ Христа спасаемаго, чтобы потомъ служить спасенію другихъ: въ словахъ Ангела является Христосъ спасающій, не имѣющій нужды ни въ какомъ спасеніи для Себя, имѣющій силу спасенія въ собственномъ существѣ, и дѣйствующій ею неограниченно: *Спасъ, иже есть Христосъ Господь.* Псаломникъ узнаетъ, какъ бы новое, то, что Господь покровительствуетъ Христа, защищаетъ, спасаетъ: *нынѣ,* говоритъ, *познахъ, яко спасе Господь Христа Своего:* Ангелъ возвѣщаетъ Христа,

Который есть Самъ Господь,—Хріста, то есть, помазанника Божія, Котораго Богъ, какъ сказуетъ другой Пророкъ, *помаза, благовѣстити нищимъ посла, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе, нарещи лѣто Господне пріятно, и день воздаянія, утѣшити вся плачущія, дати плачущимъ Сіона славу вмѣсто пепела, помазаніе веселія плачущимъ, украшеніе славы вмѣсто духа унынія* (Ис. LXI. 1 — 3.), но Который въ то же время и Самъ есть Господь и Богъ, Самъ Собою сильный спасти не только угрожаемыхъ погибелію, близкихъ къ погибели, погибающихъ уже, но и погибшихъ спасти, умершихъ воскресить, осужденныхъ оправдать, подъ клятвою за нарушеніе закона сущихъ благословить, рабовъ ада въ чадъ Божіихъ претворить.

О радость безпредѣльная, простирающаяся отъ неба до ада, вожделѣнная, какъ спасеніе, сладостная и восхитительная, какъ помазаніе Духа Божія, могущественная, какъ виновникъ ея Господь! Я умолкъ бы теперь: потому что сего слишкомъ довольно, чтобы ее чувствовать, такъ какъ напротивъ никакого слова не было бы довольно, чтобы вполнѣ изобразить оную.

Но проповѣдь Ангела еще не кончилась. Дослушаемъ ее до конца. Онъ хочетъ еще показать *знаменіе*,—примѣту, по которой бы ближе усмотрѣли возвѣщаемую имъ радость, лучше узнали ее, и полнѣе въ ней удостовѣрились: *и се вамъ знаменіе*. Какое жъ это знаменіе? Гдѣ оно? Покажи намъ. Вотъ оно: *обрящете младенца повита, лежаща во яслехъ*. Ахъ, вѣстникъ радости! Не разрушилъ ли ты ее, думая возвысить и утвердить знаменіемъ? Что за радость видѣть младенца не въ порфирѣ, или виссонѣ тонкомъ, не въ чертогѣ, или въ свѣтломъ домѣ, даже не въ хижинѣ, даже не въ колыбели, потому что для него не нашлось ни хижины, ни колыбели, но *въ яслехъ*, и слѣдственно въ какомъ нибудь жилищѣ безсловесныхъ, или въ пустомъ мѣстѣ, не защищенномъ отъ декабрьскаго ночнаго воздуха? При такомъ зрѣлищѣ не скорѣе ли пожалѣешь о родившей и о рожденномъ, или убоишься за жизнь младенца, нежели обрадуешься?—Но не льзя же подумать и того, чтобы Вѣстникъ небесный явился обмануть землю ложнымъ обѣщаніемъ, или невѣрнымъ знаменіемъ радости. Если намъ земнороднымъ не кажется знаменіемъ радости то, что онъ указуетъ, какъ знаменіе радости: не потому ли такъ, что чистое, небесное око лучше видитъ вещи, нежели земное, не вдругъ очищаемое отъ праха суеты? *Очистимъ чувствія, и узримъ*; очистимъ умъ, и уразумѣемъ тайну Хріста Господа; очистимъ сердце, и насладимся Его радостію, сквозь наружные виды скорби. Подумавъ лучше, я начинаю понимать Ангела, и признаю, что безпримѣрное зрѣлище *младенца повита, лежаща въ яслехъ*, есть *знаменіе* не столько безпримѣрной нужды и бѣдствія, сколько безпримѣрной радости. Ибо скажите, въ какомъ иначе видѣ желали бы обрѣсти родившагося вамъ днесь Спаса, Хріста Господа? Въ славѣ ли небесной, свойственной Ему, какъ Господу?—Но сей славы трепещутъ самые Херувимы, и закрываютъ предъ нею лица. Какъ же могли бы устоять предъ нею мы, земнородные, бренные, грѣшные? Въ славѣ ли хотя земной?—Но было ли бы и сіе зрѣлище радостнѣе зрѣлища простыхъ пеленъ и смиренныхъ яслей? Многимъ ли доступна и земная слава? И есть ли она что нибудь больше, какъ только поверхностный блескъ? Тѣмъ, которые смотрятъ на ея блескъ, она большею частію недостижима; а тѣ, отъ которыхъ исходитъ блескъ сей, знаютъ, что слава земная не есть вѣрное знаменіе радости. Нѣтъ! перестанемъ искать знаменія радости нашими гаданіями дерзновенными, но ненадежными: вникнемъ глубже въ то знаменіе, которое намъ показано. Почему нужно намъ знаменіе радости? — Потому, что у насъ не достаетъ радости. Почему намъ потребенъ Спасъ, Хрістосъ Господь?—Потому, что мы страшимся погибели. Отъ чего же недостатокъ радости, отъ чего страхъ погибели? Отъ того, что мы находимся въ удаленіи отъ жизни Божіей; отъ того, что живемъ въ растлѣніи грѣховномъ. А если такъ: то не доброе ли знаменіе, что родившійся намъ Спасъ начинаетъ показываться тамъ, гдѣ оказалось первое наказаніе грѣха, по изреченію Судіи: *въ болѣзняхъ родиши чада*? Какъ премудрый врачь, Онъ приблиз-

жается Своею врачебною, Божественною силою къ самому началу и корню нашей болѣзни, нашего грѣховнаго растлѣнія: какое же могло быть лучшее знаменіе чаемаго исцѣленія? По сему глубокому и премудрому началу не трудно заключить, сколь совершенное готовитъ Онъ врачеваніе. Не маловажно и то, что нисходя до смиреннаго рожденія, Онъ нисходитъ еще и до уничиженныхъ ясле́й. Чрезъ сіе даетъ Онъ особенное знаменіе, что, хотя бы грѣхъ унизилъ тебя до скотоподобныхъ страстей и похотей, хотя бы ты совѣстію принужденъ былъ самъ на себя обратить пророческое обличеніе: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. XLVIII. 13.); и тогда не долженъ ты отчаяваться въ снисхожденіи Спаса твоего, Который, не возгнушавшись возлечь въ ясляхъ, не возгнушается и въ ясляхъ души твоей почить Своею благодатію и Своимъ миромъ, если только ты покаяніемъ и вѣрою предъ Нимъ себя повергнешь.

И такъ *пріидите вси труждающіися и обремененніи* (Матѳ. XI. 28.) грѣхами, бѣдствіями, мученіями совѣсти, страхомъ осужденія вѣчнаго и погибели; се вамъ знаменіе спасенія, и слѣдственно радости, какая только вамъ желательна;—се вамъ знаменіе: *обрящете младенца повита, лежаща въ ясляхъ, иже есть Спасъ, Христосъ Господь.*

Приступите къ Спасу *младенцу*, и будите яко дѣти незлобіемъ и кротостію. Приступите къ Нему *повитому*; и свяжите ваше грѣховное своеволіе; предайте вашу волю волѣ Спасителя вашего. Приступите къ *лежащему въ ясляхъ*; и отвергните нечистое, скотоподобное житіе, и на мѣстѣ онаго утвердите жизнь духовную. Приступите къ Слову нѣмотствующему, съ безмолвными воплями непрестанно молящагося сердца: и Богъ Слово изречетъ въ сердца ваши Свою неизреченную радость. Тогда уразумѣете небеснаго Вѣстника радости; тогда возгласите съ Матерію рождшагося Христа: *величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ* (Лук. I. 47.). Аминь.

3. СЛОВО

На Рождество Христово.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко же человѣкъ. Фил. II. 5—7.

Если, по слову Соломонову, *время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. III. 1.): то не нынѣ ли время любомудрствовать о Апостоломъ о дивномъ самоумаленіи великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, когда видимъ Его умалившаго Себя даже до младенческой мѣры возраста, уничижившаго Себя даже до ясле́й?

Люди, пристрастные къ великости земной, нерѣдко соблазнялись умаленіемъ Іисуса Христа. Но когда уже опытомъ столь многихъ вѣковъ дознано и то, что *Богъ Его превознесе* (Филип. II. 9. 10.), что *предъ именемъ Его* дѣйствительно *преклонилось всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ*; ибо, со дней воскресенія и вознесенія Его, тысячи свидѣтелей видѣли, какъ небесныя силы раболѣпно исполняли Его повелѣнія, какъ напротивъ адскія силы Его именемъ низвергаемы были въ бездну; земнородныхъ же милліоны въ поклоненіи Его имени находятъ свое блаженство: послѣ сего, и предъ людьми для того и собравшимися, чтобы преклониться предъ именемъ Іисуса, мы можемъ освободить себя отъ труда защищать и оправдывать Его умаленіе; и ничто не препятствуетъ намъ взирать на Его умаленіе съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и на Его величіе.

О, какъ умалилъ Себя Сынъ Божій въ Своемъ воплощеніи! Умаленіе сіе тѣмъ поразительнѣе должно быть для насъ, что является въ нѣкоторомъ противоположномъ соотвѣтствіи съ первоначальнымъ возвеличеніемъ самаго человѣка. Ибо слово Божіе не безъ намѣренія употребляетъ для изображенія сихъ противоположностей одно и тоже выраженіе: *образъ и подобіе. Сотворимъ человѣка*, рекъ Богъ Творецъ,

по образу нашему и по подобію. И Апостолъ о воплощеніи Сына Божія говоритъ: *зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко же человѣкъ.* Иному владыкѣ не много нужно умалять себя, чтобы показаться въ видѣ раба. Но когда Господь великій и вышній, который и рабамъ Своимъ даруетъ образъ владычній, самъ является въ *образѣ* и *подобіи* раба, то есть, въ состояніи полнаго рабства, и глубокаго, какое рабству свойственно, уничиженія: тогда на столь чрезвычайное умаленіе великаго не можно смотрѣть безъ особеннаго чувства удивленія, простирающагося или до умиленія, или до ужаса. И симъ-то образомъ умалилъ Себя Сынъ Божій въ Своемъ воплощеніи.

Но какъ еще болѣе уничижилъ Онъ себя въ обстоятельствахъ Своего земнаго рожденія! Надлежало избрать народъ, въ которомъ бы Ему родиться: и Онъ избралъ для сего изъ всѣхъ народовъ земли малѣйшій, не имѣющій собственнаго правительства, многократно порабощенный и близкій къ новому порабощенію, нѣкогда благословенный, но уже едва не отверженный. Надлежало избрать городъ: и Онъ избралъ Виѳлеемъ, такъ малый, что и благопріятствующій ему Пророкъ не можетъ скрыть сего нареканія на него, и не находитъ инаго средства его возвеличить, какъ именемъ рождающагося въ немъ умаленнаго Іисуса. *И ты Виѳлееме, доме Евфриѳовъ, еда малъ еси, еже быти въ тысящахъ Іудиныхъ? Изъ тебе бо мнѣ изыдетъ старѣйшина, еже быти въ Князя во Израили, исходи же его изъ начала отъ дней вѣка* (Мих. V. 2.). Надлежало избрать матерь; и, чтобы до времени сокрыть отъ невѣрующихъ тайну воплощенія, надлежало узами закона, но не плотно, присоединить къ ней и мнимаго отца: и вотъ избраны, хотя потомки Царскіе, чтобы совершились обѣтованія и пророчества, но уже одинъ древодѣль, а другая бѣдная, сиротствующая дѣва. И что еще? Если бы Господь родился въ маломъ, собственномъ, или наемномъ жилищѣ Іосифа; и Марія положила бы Его въ бѣдной колыбели: зракъ раба, Имъ воспріемлемый, можетъ быть, не всѣ имѣлъ бы черты, какія его составлять могутъ; ибо могло найтись рабское жилище меньше Іосифова, и колыбель бѣднѣе Маріиной. Что же изобрѣтаетъ безконечно Великій, ищущій безконечнаго умаленія? Августовымъ повелѣніемъ *написати всю вселенную* (Лук. II. 1.) приводитъ въ движеніе народонаселеніе земли Іудейской, дабы Іосифу не льзя было, ни остаться въ собственномъ жилищѣ въ Назаретѣ, ни найти наемное въ Виѳлеемѣ, когда наступало время родиться истинному Господу вселенныя; и такимъ образомъ умалившій Себя даже до младенчества, уничижаетъ Себя даже до ясей, вмѣсто колыбели. *Положи Его во яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста во обители* (Лук. II. 7.).

Если отъ умаляющаго Себя Бога простремъ взоры далѣе по пространству міра, въ которомъ, идя котораго Онъ умаляется: чудо умаленія представитъ намъ новые разительные виды. Здѣсь приходитъ мнѣ на мысль картина сошествія Слова Божія съ небесъ на землю Египетскую, начертанная писателемъ книги Премудрости. *Тихому молчанію содержащу вся, и нощи во своемъ теченіи преполовляющейся, всемогущее Слово Твое, Господи, съ небесъ отъ престоловъ Царскихъ жестокъ ратникъ въ средину погибельныя земли впиде* (Прем. Сол. XVIII. 14. 15.). И въ сошествіе воплощеннаго Слова Божія на землю Израилеву, не также ли нощь въ своемъ теченіи преполовлялась, когда въ самыя минуты рожденія Его *пастыріе бѣхху въ той же странѣ, бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ* (Лук. II. 8.)? Не тихое ли молчаніе содержало вся на земли, когда одинъ только Ангельскій гласъ былъ услышанъ, и услышанъ немногими пастырями въ пустынѣ? Ужасная безвѣстность, въ которой карающее Слово Божіе сходило на погибельную землю Египетскую, чтобы *вся исполнить смерти* (Пр. Сол. XVIII. 16.), зрезъ пораженіе первенцовъ Египетскихъ! Впрочемъ сія безвѣстность не только не умаляла, но еще возвеличивала славу Бога Мстителя, Который безъ видимыхъ средствъ, безъ ощутительныхъ дѣйствій, однимъ неслышимымъ *повелѣніемъ*, или, можно сказать, однимъ умолкновеніемъ жизнь всему изрекающаго Слова совершаетъ казнь нечестивыхъ. Иначе, но не менѣе ужасна та без-

вѣстность, въ которой спасительное Слово Божіе, раждаясь плотію, приходитъ посѣтить всю землю, погибельную потому, что земнородные *всѣ согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Римл. III. 23.); — приходитъ, не яко жестокій ратникъ, угрожающій всему живущему смертію, но какъ новорожденный младенецъ, во всю область смерти приносящій надежду возрожденія и жизни; — приходитъ; — но погибельная земля не срѣтаетъ, не объемлетъ, не прославляетъ, даже не видитъ своего Спасителя, и не слышитъ Слова Божія, безмолвствующаго въ ясляхъ. Почти тщетно *слава*, которую Іисусъ Христосъ *имѣлъ* у Бога Отца, *прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII. 5.), въ устахъ Ангеловъ преслѣдуетъ Его сходящаго въ міръ, и достигаетъ въ слѣдъ за Нимъ — даже до земли: на погибельной землѣ почти нѣтъ неоглушенныхъ суетою ушей, способныхъ слышать оную. Почти тщетно мудрѣйшая и знаменитѣйшая изъ звѣздъ совершаетъ необычайный путь, дабы указать просіявающее сквозь глубокую ночь Солнце правды: способныхъ уразумѣть сіе указаніе, и готовыхъ послѣдовать оному едва найдется два или три человѣка, и то между сѣдящими во тьмѣ и въ смертной сѣни язычества и звѣздопоклоненія. А Іудея, гдѣ *вѣдомъ Богъ* (Псал. LXXV. 2.)? — Она не вѣдаетъ, что *Богъ явися во плоти* (1 Тим. III. 16.). А Іерусалимъ, *градъ Божій* (Пс. LXXXVI. 3.)? — Онъ не въ радости со Христомъ, приносящимъ спасти, но въ смятеніи съ Продомъ, ищущимъ погубити. А Первосвященники и Книжники, которымъ надлежало быть особенно близкими къ Богу и тайнамъ Его, чрезъ молитву и разумѣніе закона? Они прекрасно разрѣшаютъ ученый вопросъ: *гдѣ Христосъ раждается* (Мат. II. 4.)? и такъ довольны, что не находятъ нужнымъ далѣе заботиться узнать, не раждается ли Онъ дѣйствительно. Такъ не только въ полунощи естественнаго времени, но въ столь же глубокой нощи невѣдѣнія и забвенія человѣковъ о Тебѣ и судьбахъ Твоихъ, *всемогущее Слово Твое, Господи, съ небесъ отъ престоловъ Царскихъ въ средину погибельныя земли сниде*, и, не смотря на то, что никто почти Его не прославляетъ, никто не познаетъ и познавать не ищетъ, Оно не изрекаетъ повелѣнія карательнаго, но безмолвствуетъ въ спасительномъ для погибающихъ долготерпѣніи! Такъ, не только умалилъ Себя во образѣ Божіи Сый и равный Богу, и Богъ Сый: но еще пріялъ новый видъ умаленія отъ невѣжества и небреженія тѣхъ, изъ любви къ которымъ Онъ умалилъ Себя!

Подивимся, Христіане, произвольному для насъ умаленію Великаго Бога и Спаса нашего: но сего еще мало. Возблагоговѣемъ предъ симъ умаленіемъ Его: но и сего не довольно. *Сіе да мудрствуется въ васъ*, учитъ насъ Апостолъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ*. Имѣйте и вы такія же чувствованія, какія имѣлъ Іисусъ Христосъ; располагайте себя также, какъ Онъ расположенъ былъ. Что сіе значитъ? — Сіе изъясняетъ самъ Апостолъ, сказавъ предъ приведеннымъ изреченіемъ: *ничтоже по рвенію или тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга честію больша себе творяще* (Филип. II. 3.). Изъ сего видно, что учитъ онъ насъ, по примѣру Іисуса Христа, не ставить высоко самихъ себя, и не превозноситься какими-либо преимуществами, но смиряться, и въ самихъ себѣ, и предъ другими.

Кто имѣетъ рабовъ: тотъ да воспомянетъ *пріявшаго зракъ раба*, и умаленныхъ жребіемъ да не умалитъ презрѣніемъ, и вознесенный надъ ними Богомъ, да не превознесетъ самъ себя гордостію.

Кто живетъ въ великолѣпномъ домѣ, почиваетъ на пухѣ, одѣвается шелкомъ: да воспомянетъ вертепъ и ясли, и съ сими сообразно грубыя пелены; и да не уничижитъ тѣхъ, которые живутъ въ хижинахъ, спятъ на соломѣ, одѣваются рубищемъ, и которые, можетъ быть, не по внѣшнему только, но и по внутреннему состоянію больше его Христу подобны. *Да хвалится*, учитъ Апостолъ Іаковъ, — *да хвалится богатый во смиреніи своемъ* (Іак. I. 10.).

И тотъ, кто, по выраженію Апостола, *почиваетъ на законѣ, и хвалится о Бозѣ, и разумѣетъ волю, и разсуждаетъ лучшая, научаемъ отъ закона* (Римл. II. 17. 18.), — ахъ! и тотъ, — *хвалящійся о Господѣ да хвалится* (1 Кор. I. 31.)! *Мнящійся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X. 12.)! Особенно же да не осудитъ невѣдущихъ, да не посмѣется

надающимъ! Хрістосъ есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. I. 9.): можетъ быть, тотъ, котораго ты видишь сѣдящаго во тьмѣ и сѣни смертнѣй, вскорѣ свѣтлѣе тебя осіяется симъ свѣтомъ, или уже и осіявается внутренно, въ области духа. Можетъ быть, волхвы языческаго востока ревностнѣе тебя ищутъ, и предупредятъ тебя въ обрѣтеніи Хріста; можетъ быть, *мытари и любодѣйцы варяютъ* тебя *въ Царствіи Божіи* (Мат. XXI. 31.).

Кротость, простота, смиреніе, снисхожденіе къ низшимъ, уравнивающее себя съ послѣднимъ изъ нихъ, спокойствіе въ униженіи, терпѣніе, непобѣждаемое никакими оскорбленіями,—*сіе да мудрствуется въ васъ*, подобно какъ *и во Хрістѣ Іисусѣ*. Аминь.

4. СЛОВО

На Рождество Хрістово.

Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ: еже есть сказаемо, съ нами Богъ. Матѳ. I. 22. 23.

Неоднократно замѣчаетъ Святый Евангелистъ Матѳей, что всѣ обстоятельства и происшествія, которыми ознаменовалось рожденіе на земли воплощеннаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Хріста, были не просто стекшіяся обстоятельства и происшествія, но точныя событія пророческихъ предсказаній. Замѣчаніе, важное не для однихъ Іудеевъ, которые и на то, что можно разсмотрѣть простыми глазами, не иначе хотѣли смотрѣть, какъ сквозь зрительное стекло Пророковъ, но и для всякаго, кто желаетъ въ перепутанныхъ случайностями путяхъ человѣческихъ открывать слѣды Провидѣнія, и въ происшествіяхъ міра усматривать дѣла Божіи. Не очевидно ли Божіе дѣло, когда предсказанное за нѣсколько столѣтій точно сбывается, и особенно, когда сбывается то, что по обыкновеннымъ понятіямъ и соображеніямъ представлялось несбыточнымъ?

Какъ будто на предстоящую предъ очами, указываетъ Исаія на преблагословенную Дѣву Марію: *се дѣва;* тогда какъ не только сія дѣва, но и ея родители и прародители не произошли еще на свѣтъ. *Се дѣва*, говоритъ Онъ, *во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына.* Что глаголеши, Пророче? Можетъ ли дѣва пріять во чревѣ? Можетъ ли родившая быть дѣвою! Если сіе и сбыточно: какъ сбудется сіе у народа, которому ты предсказываешь сіе событіе? Если даже и сбудется: какъ можетъ быть сіе *знаменіемъ*, очевиднымъ, удостовѣрительнымъ, какое ты предвѣщаешь: *дастъ Господь Самъ вамъ знаменіе* (Иса. VII. 14.)? Если ты подлинно видишь сію дщерь Давидову, на которую указываешь: *се дѣва;* если видишь ее въ отдаленномъ отъ родины Давидовой, и въ презрѣнномъ *Назареѣ*, въ сиротствѣ, въ убожествѣ, безъ всякихъ знаменій царской ея породы, обреченную древодѣлю: скажи, какъ *дастъ Господь сіе знаменіе*, чтобы она явилась дѣвою рода Давидова, раждающею въ домѣ и отечествѣ Давидовомъ, именно, по назначенію другаго пророка, въ *Виѳлеемѣ?*

Смотрите же, какъ подлинно *Господь Самъ* отвѣтствуетъ за вѣрность слова пророческаго. *Духъ Святый найде* на Марію, *и сила Вышняго осѣни* ее (Лук. I. 35.): и она пріяла во чревѣ, пребывая дѣвою; и содѣлавшись матерію Сына, тѣмъ не менѣе осталась дѣвою. Чтобы не знающіе тайны сего зачатія не могли оскорбить зачавшую, она обручена мужу прежде сего зачатія: а дабы всякому здравомыслящему явно было сіе знаменіе Господне, что дѣва зачала безъ мужа, зачатіе послѣдовало за обрученіемъ, *прежде даже не сойтися има* (Матѳ. I. 18.), прежде нежели Іосифъ *пріялъ жену свою* (24.) въ домъ свой. Іосифу, чтобы онъ не остался въ недоумѣніи, открыть сію тайну, и указать сіе знаменіе, послана былъ Ангелъ: а для прочихъ, которые не могли видѣть и слышать Ангеловъ, не менѣе Ангела вѣрнымъ свидѣтелемъ знаменія и вѣстникомъ тайны, былъ самый Іосифъ, всѣмъ извѣстный, какъ *праведный*

(19.), который потому не могъ обманывать людей, и тѣмъ еще болѣе не могъ клеветать на Бога и на Святаго Духа. Но какъ сдѣлать, чтобы знаменіе, уже открывшееся въ языческомъ почти *Назареть*, дано было, по предреченію Исаіи, *домуДавидову* (Иса. VII. 13); чтобы дѣва, которая, по пріятіи во чревѣ отъ Духа Свята, и послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ домѣ одной родственницы, до послѣдняго времени чревоношенія оставалась жить въ *Назареть*, не помышляя ни о какомъ путешествіи, ни о какомъ переселеніи, — чтобы она родила Вождя Израилева, по пророчеству Михея, *въ Виѳлеемѣ* (Мих. V. 2.)? Подлинно здѣсь, какъ намекаетъ опять Исаія, *трудъ данъ Господеви* (Иса. VII. 13,), то есть, надлежало произвести трудныя, но человѣческому понятію, и необъятныя дѣла, чтобы предсказанное знаменіе совершилось. Дабы Марію, по совѣту Ангела, наконецъ принятую въ домъ Іосифовъ, привесть изъ Назарета въ Виѳлеемъ, и достовѣрно и торжественно показать происхожденіе Сына ея отъ Давида, къ сему избрана средствомъ всенародная перепись; но какъ такая перепись въ народѣ Божіемъ не была въ употребленіи, даже запрещена была закономъ, то надобно было народъ Божій предать власти другаго народа. И такъ Богъ поколебалъ почти всѣ царства міра, и покорилъ ихъ Риму; надъ Римомъ воздвигъ Августа; Августу далъ всемірный миръ, чтобы полномочіе и удобство подали ему мысль, и чтобы отъ него вышло *повелѣніе, написати всю вселенную* (Лук. II. 1.), предъ тѣмъ временемъ, когда надлежало родиться Сыну дѣвы; сія перепись сколько нечаянно, столько же необходимо повлекла Іосифа въ отечественный ему городъ Виѳлеемъ; Марія должна была слѣдовать за Іосифомъ; земный родъ Еммануила открылся въ то самое время, какъ пришелъ Его рожденіе; и,—что немногими днями ранѣе казалось еще несбыточнымъ,—Онъ родился точно, по предсказанію пророческому, въ Виѳлеемѣ.

Подлинно, все сдѣлано, чтобъ исполнилось предсказаніе, и чтобы сквозь малыя и великія дѣла человѣческія видно было единое великое знаменіе господствующаго надъ ними дѣла Божія. *Сіе все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ.*

При семъ разсужденіи о точномъ исполненіи пророческихъ словъ, относящихся къ Рождеству Господа нашего Іисуса Христа, можетъ кто-либо спросить: почему не столь, но видимому, точно исполнилось предсказаніе о Его имени? Поелику пророкъ Исаія преднарекъ Ему имя *Еммануила:* но вмѣсто того Ангелъ повелѣлъ нарещи Ему имя: *Іисусъ.*

На сіе, во-первыхъ, отвѣтствую, что если прочія предсказанныя подробности о Сынѣ Дѣвы, а въ числѣ ихъ и менѣе существенныя, каково, напримѣръ, есть назначеніе мѣста рожденія Его, сбылись въ точности: возможно ли, чтобы Творецъ Пророчества, Духъ Святый, допустилъ оному быть неточнымъ въ томъ, что составляетъ сущность, духъ и цѣль всѣхъ предсказанныхъ подробностей, именно, что въ Сынѣ Дѣвы сближается *съ нами Богъ,* или иначе сказать, что мы Имъ *спасаемся!*

Во-вторыхъ, признаю, что, при сличеніи Пророчества о имени Еммануила съ событіемъ, усматривается нѣчто неточное, по наружности, въ словахъ: но при семъ не обинуясь утверждаю, что сія видимая неточность не только не есть недостатокъ или несовершенство въ пророчествѣ, или въ событіи, но даже принадлежитъ къ совершенству, и новымъ образомъ открываетъ Божественное происхожденіе того и другаго. Приведите себѣ на мысль то, что Еммануилъ и предсказанъ, и пришелъ на землю по предсказаніямъ, для вѣрующихъ; а гдѣ вѣра, тамъ не все должно быть ясно видимо, но должно нѣчто предполагать сокровенное, поелику *вѣра*, по Апостолу, *есть обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI. 1.), открытое же и полное видѣніе не оставило бы мѣста вѣрѣ. Посему вы согласитесь, что Еммануилъ, въ пришествіи Своемъ на землю, долженствовалъ быть и столько видимъ, чтобъ Его можно было узнать, и столько сокровенъ, чтобы въ Него можно было вѣровать, и чтобы невѣрующіе не могли проникнуть въ тайны Его, и повредить дѣлу Божію, которое совершить Ему надлежало. Посему, что Пророкъ открывалъ вѣрую-

щимъ въ необыкновенномъ имени Еммануила, то же самое Ангелъ представилъ міру подъ покровомъ не столь необыкновеннаго для слуха Евреевъ имени Іисуса, которое имѣли уже прежде одинъ Судія, и одинъ Первосвященникъ, также не безъ таинства для вѣрующихъ, и также утаеннаго отъ невѣрующихъ.

Въ-третьихъ, если, не останавливаясь на одномъ видимомъ, съ помощію вѣры, или прозрѣнія въ невидимое, сличимъ назначенное въ пророчествѣ имя *Еммануила*, и явившееся въ событіи имя *Іисуса:* то не трудно усмотрѣть въ нихъ не только точную, взаимную сообразность внутреннюю, но и единство. Что препятствуетъ намъ человѣкамъ, да будетъ *съ нами Богъ? Грѣси ваши* (Иса. LIX. 2.), говоритъ Пророкъ, *разлучаютъ между вами и между Богомъ*. И такъ разлученіе отъ Бога, и состояніе грѣховное, есть одно и тоже. Слѣдственно приближеніе къ Богу, и спасеніе отъ грѣховъ, есть опять одно и тоже. Слѣдственно *Еммануилъ—съ нами Богъ*, и *Іисусъ—Спаситель отъ грѣховъ*, также есть одно и тоже. Слѣдственно и пророчество точно, и событіе вѣрно пророчеству. *Еммануилъ* есть *Спаситель; Іисусъ* есть *съ нами Богъ.*

Познаемъ, Христіане, глубокую мудрость сего пророчества, и восчувствуемъ высокое блаженство сего событія!

Съ нами Богъ во *Іисусѣ*, по самому воплощенію: поелику въ Немъ естество *Божеское* и *наше* человѣческое, не только сближены, но соединены нераздѣльно, впрочемъ и неслиянно, во единое лице Богочеловѣка; и потому Онъ *не стыдится* (Евр. II. 11.), какъ говоритъ Апостолъ, *братію нарицати* насъ.

Съ нами Богъ во *Іисусѣ*, по искупленію; поелику безъ Іисуса съ нами былъ грѣхъ, который мы и отъ Адама наслѣдовали, и сами творить не преставали: а *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII. 34.); съ нами былъ діаволъ, ибо *творяй грѣхъ* (1 Іоан. III. 8.) *отъ діавола есть;* но Іисусъ, пришедши на землю, жизнію Своею исполнилъ законъ Божій, который мы нарушали; страданіемъ Своимъ загладилъ грѣхъ, который мы творили: смертію Своею умертвилъ смерть, на которую мы за грѣхъ осуждены были; сошествіемъ Своимъ во адъ освободилъ насъ отъ темныя власти діавола; воскресеніемъ Своимъ вновь пріобрѣлъ намъ *жизнь Божію* (Ефес. IV. 18.), отъ которой мы грѣхомъ *отчуждены были.*

Съ нами Богъ во *Іисусѣ*, по дару Святаго Духа: поелику Сынъ Божій, пришедшій на землю для искупленія насъ, возвратился на небо, *да умолитъ Отца, и иного Утѣшителя дастъ намъ, да будетъ съ нами въ вѣкъ, Духъ истины* (Іоан. XIV. 16.).

Съ нами Богъ чрезъ *Іисуса*, въ нашемъ умѣ и познаніи: поелику *Бога никтоже тогдѣже видѣ; Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда* (Іоан. I. 18.).

Съ нами Богъ чрезъ *Іисуса*, въ нашемъ сердцѣ и чувствіи: поелику *Христосъ вселяется вѣрою въ сердца наши* (Ефес. III. 17.), и съ тѣмъ вмѣстѣ *любы Божія изливается въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ* (Римлян. V. 5.).

Съ нами Богъ чрезъ *Іисуса*, во всей нашей жизни и дѣлахъ, если только мы совершенно предаемъ себя Ему: поелику тогда *живемъ не ктому мы, но живетъ въ насъ Христосъ* (Гал. II. 20.); и *Богъ дѣйствуетъ въ насъ еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Филип. II. 13.).

Съ нами Богъ чрезъ *Іисуса*, если только желаемъ того, во всѣхъ состояніяхъ и приключеніяхъ жизни нашей; такъ что даже, страждемъ ли, можемъ *съ Нимъ страдать, да и съ Нимъ прославимся* (Римл. VIII. 17.); умираемъ ли, можемъ *умирать Господеви* (XIV. 8.).

О имени Господа нашего Іисуса Христа, съ нами Богъ, Христіане, всегда и во всемъ: только мы да не престанемъ быть съ Богомъ, чрезъ памятованіе о Немъ, чрезъ молитву къ Нему, чрезъ вѣру и любовь, чрезъ непрестанное упражненіе въ томъ, что угодно Богу, и что къ Богу насъ приближаетъ. Аминь.

5. СЛОВО

На Рождество Христово.

Велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти. 1 Тим. III. 16.

Новый Адамъ исходитъ изъ дѣвственной земли. Жена, источникъ проклятія, износитъ росу благословенія. Является истинный *Ной*, который *упокоитъ насъ отъ дѣлъ нашихъ, и отъ печали рукъ нашихъ, и отъ земли, юже прокля Господь Богъ* (Быт. V. 29.). Безродный *Мелхиседекъ* (Евр. VII. 3.), рожденный безъ матери, раждающійся безъ отца, приходитъ наслѣдовать Царство и Священство вѣчное. Преходитъ наконецъ долгая ночь страха и ожиданія всемірнаго; и утренній свѣтъ проникаетъ во мракъ Ветхозавѣтнаго Святилища, отверстаго не столько къ ежедневному, сколько къ вѣчному Востоку. Небесная Манна изсыпается отъ стамны, ее сокрывавшей. Жезлъ Іессеевъ прозябаетъ вмѣсто увядающаго жезла Ааронова. Христосъ раждается.

Пріидите, пастыри кроткіе, и облобызайте Агнца и Пастыря,—Агнца, пасущаго пастырей, и Пастыря, имѣющаго собрать во едино мирное стадо съ агнцами волковъ и юнцевъ со львами. Пріидите, волхвы мудрые, и поклонитесь тайнамъ древняго младенца; научитеся отъ Слова нѣмотствующаго, вкусите отъ Ангельскаго хлѣба на трапезѣ безсловесныхъ, и видите, яко благъ Господь. Сонмы небесныхъ силъ, *восхваляющіе* Господа, *егда сотворены быша звѣзды!* удвойте и утройте ваши славословія предъ вашимъ Солнцемъ, и для насъ восходящимъ. Христосъ раждается!

Христосъ раждается въ Виѳлеемѣ: и въ семъ ли состоитъ вся настоящая радость, и вся слава въ вышнихъ Богу? Слава Богу, если Онъ раждается и для насъ; ибо, по намѣренію судебъ, сіе *Отрока родися намъ, и дадеся намъ* (Иса. IX. 6.). Среди торжества о Его рожденіи, Церковь страждетъ болѣзнію рожденія, дабы онъ *вообразился* (Гал. IV. 19.) въ насъ. Не презримъ радостной скорби нашея Матери: снимемъ хотя нѣкоторыя черты съ образа рожденія Іисусова, и положимъ ихъ въ сердцахъ нашихъ.

Виѳлеемъ былъ отечественный градъ предковъ Іисусовыхъ: однако Іосифъ и Марія не имѣли въ немъ ниже убогой хижины, ниже яди земли наслѣдственной, ни пребыванія постояннаго. Провидѣніе, рукою Кесаря, привело ихъ въ сіе мѣсто, изъ котораго предопредѣлено было *изыти Вождю Израиля* (Мат. II. 6.). Чуждые въ землѣ предковъ своихъ, пришельцы въ своемъ отечествѣ, дали отечество Сыну Того, *изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Еф. III. 15..).—Христіане! Доколѣ мы живемъ въ мірѣ съ безпечностію гражданъ, и наслаждаемся имъ съ самовластіемъ обладателей: дотолѣ Христосъ не можетъ вообразиться въ насъ. Міръ непрестанно силится выпечатлѣвать въ душѣ нашей свои преходящіе образы; насыщаемыя желанія раждаютъ другія желанія, которыя непримѣтно возрастаютъ въ исполиновъ, и зиждутъ Вавилонъ. *Блаженъ, иже имѣетъ и разбіетъ о камень* вѣры самыхъ *младенцевъ* сего Вавилона, и отчуждитъ себя отъ града, здѣ пребывающаго, дабы взыскать грядущаго! Если бы Авраамъ, по гласу Божію, не изшелъ отъ земли своея и отъ рода своего: то бы онъ не получилъ славнаго завѣта, обѣтованія и наслѣдія. Если бы страждущій Израиль не рѣшился подвергнуть себя трудностямъ опаснаго и неизвѣстнаго пути: то Іегова не изшелъ бы въ силахъ его, и не уготовалъ бы въ немъ жилища Себѣ. Если бы прозорливая мать не изгнала невиннаго Іакова отъ лица мстительнаго Исава: оный не пришелъ бы на страшное мѣсто *вратъ небесныхъ*. Безпокровные токмо странники находятъ *Веѳиль* и *Виѳлеемъ,—домъ Божій* и *домъ Хлѣба* животнаго. Только произвольные изгнанники земли пріемлются въ гражданъ неба. Кто желаетъ быть селеніемъ Сына Божія: тотъ долженъ имѣть отечество въ единомъ Богѣ, и, при всей привязанности къ отечеству земному, впрочемъ весьма естественной и праведной, почитать его токмо предградіемъ небеснаго.

Іисусъ, ничего не занявъ отъ міра въ своемъ рожденіи, по видимому, не хотѣлъ и ему показать ничего собственнаго. Древодѣль получилъ имя отца Его; посвящая Его

во чревѣ, но ея признанію, не принесла къ сему служенію другаго достоинства, кромѣ чувствованія своего недостоинства: *призрѣ на смиреніе рабы своея* (Лук. I. 48.); Онъ скрылъ неизмѣримую вѣчность Свою за днемъ Своего рожденія; престоломъ Царя царствующихъ содѣлались ясли, утварью—пелены, первыми слугами Царствія—пастыри стада; Божія сила и Божія премудрость сокрыты въ немощахъ младенчества. Но кто можетъ измѣрить разстояніе отъ высоты Божественнаго Существа Его до глубины Его уничиженія? Конечный умъ не можетъ слѣдовать за Нимъ, какъ въ Его восхожденіи превыше всѣхъ небесъ, такъ и въ Его нисхожденіи до безднъ надпаго естества. Что же при видѣ толикаго смиренія должно чувствовать сердце, желающее быть сообразнымъ образу Іисуса?— «Сила ума, великость духа, знаменитость дѣлъ, преимущества званій! я вами не прельщаюсь, и не завидую тѣмъ, которые гордятся вами. Нѣтъ высшей мудрости, какъ отречься отъ мудрости для Іисуса; нѣтъ большей славы, какъ раздѣлять безчестіе съ Іисусомъ; нѣтъ избыточнѣйшаго состоянія, какъ нищета Іисуса; нѣтъ иной двери къ совершенству и блаженству, какъ младенчество Іисуса; нѣтъ лучшаго украшенія для души, въ которой Онъ долженъ обитать, какъ видѣть себя чужду всѣхъ украшеній, подобно ясли Его.»—Токъ благодати, подобно рѣчнымъ устремленіямъ, изливается въ долы: кедры на горахъ блюдутся громамъ и молніямъ. Богъ творитъ изъ ничего: доколѣ мы хотимъ и думаемъ быть чѣмъ нибудь; дотолѣ Онъ въ насъ не начинаетъ Своего дѣла. Смиреніе и отверженіе себя есть основаніе въ насъ храма Его: кто болѣе углубляетъ оное; тотъ выше и безопаснѣе созиждетъ.

Одною изъ существенныхъ принадлежностей рожденія Іисусова была чистота Его Матери, не нарушенная ниже взоромъ, ниже мыслію. Она должна была имѣть обручника: но токмо для того, чтобы онъ былъ защитникомъ и свидѣтелемъ ея цѣломудрія, и чтобы ея священное дѣвство не казалось осужденіемъ брака. Между тѣмъ она была, какъ единодушно исповѣдуетъ Церковь, Дѣва прежде рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ. — Взирай на ея примѣръ, стремящаяся къ соединенію съ Богомъ душа; и видѣ въ зерцалѣ совершенства ея твою обязанность. Господь есть Богъ ревнивый: тогда какъ Онъ гласомъ отеческой благости говоритъ человѣку: *даждь ми, сыне, твое сердце*, праведная ревность Его, не менѣе въ духовномъ, какъ и въ нравственномъ смыслѣ, заповѣдуетъ: *не прелюбы сотвори*. Тотъ, Кто далъ намъ сердце, не довольствуется большею или меньшею его долею: оно все должно принадлежать Владыкѣ всяческихъ. Онъ не признаетъ достойною Себя никакой любви, которая не основывается на любви къ Нему; всякое услажденіе, въ которомъ ищемъ себя пристрастно, всякая мысль, наклоненная къ тварямъ, всякая разсѣянность, есть удаленіе отъ Него. Строгая токмо надъ собою бдительность можетъ возвести къ блаженному съ Нимъ соединенію и удержать въ немъ: *всящымъ храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходища живота* (Притч. IV. 23.). Небесный Женихъ обручается съ мудрыми токмо и непорочными дѣвами, не дремлющими при Его чертогѣ; дѣвственная, къ единому Богу обращенная душа зачинаетъ духовную жизнь и раждаетъ блаженство чистаго созерцанія. *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ;* и гдѣ?—въ самомъ сердцѣ своемъ. Чистая душа, подобно какъ чистая вода, пріемлетъ въ себя живыя изображенія солнца и неба.

Не будемъ долѣе удерживать взоровъ на тѣхъ чертахъ въ образѣ рожденія Іисусова, которыя желающихъ начертать оный въ душѣ своей могли бы устрашить трудностію подражанія. Но еще одинъ взглядъ на тѣ черты онаго, въ которыхъ сквозь самое уничиженіе сіяла Его Божественная слава, и которыя въ слѣдъ за первыми благодать раскрываетъ и въ нашемъ рожденіи духовномъ.

При рожденіи Христовомъ Ангелы воспѣваютъ славу Божію и миръ на земли: они воспѣваютъ и при нашемъ возрожденіи славу благодати и миръ человѣка съ Богомъ. *Радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. XV. 7.).— Ко Христу приходятъ съ благовѣніемъ пастыри и волхвы, не смотря на убожество и неизвѣстность, которыя отдѣляли Его, по

видимому, отъ всего міра: такъ и соединяющійся со Христомъ соединяется въ Немъ со всѣми вѣрными Ему, столько же неразрывнымъ, сколько непостижимымъ союзомъ; тотъ Духъ, который образуетъ изъ нихъ единое общество, или паче единое тѣло, иногда нечаянно, всегда благовременно, сближаетъ ихъ другъ со другомъ, дабы взаимно наставлять и поучаться, утѣшать и принимать утѣшеніе, исповѣдывать милость и славу Божію.—Христу приносятся дары: злато, яко Царю; ливанъ, яко Богу; смирна, яко мертвому за смертныхъ: но не обѣщаетъ ли Онъ и намъ, что ищущимъ Царствія Божія *вся приложатся* (Матѳ. VI. 33.)? Не хощетъ ли *сотворить насъ цари и іереи Богу и Отцу своему* (Апок. I. 6.)? Не сопрягаетъ ли нашего духовнаго рожденія съ тою животворящею смертію, послѣ коей *животъ* нашъ будетъ вмѣстѣ *съ Нимъ сокровенъ въ Бозѣ* (Кол. III. 3.)?

О Боже, давый намъ Сына Твоего! Чего Ты намъ съ нимъ не даруешь? Даждь токмо намъ родити въ себѣ духъ Христовъ, и жити Его жизнію. Тогда пусть и противъ насъ, какъ нѣкогда противъ Него, *мятется Иродъ и весь Іерусалимъ съ нимъ;*— пусть неистовствуетъ князь вѣка сего, и весь міръ вооружается: Ты покрыеши насъ въ тайнѣ селенія Твоего; на водѣ покойнѣ воспитаеши насъ, и чрезъ Ангела завѣта Твоего введеши насъ въ гору святую Твою. Аминь.

6. СЛОВО

На вторый день праздника Рождества Христова, говоренное въ придворной церкви, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу, глаголя: воставъ поими Отрока и матерь его, и бѣжи во Египетъ, и буди тамо, дондеже реку ти: хощетъ бо Иродъ искати Отрочате, да погубитъ е. (Матѳ. II. 13.).

Чудно и ужасно! — Ангелы, которыхъ естества не пріялъ Сынъ Божій, торжествуютъ Его на земли рожденіе; Ангелы стараются спасти жизнь принедшаго спасти человѣковъ: а человѣкъ, для котораго Сынъ Божій содѣлался сыномъ человѣческимъ, ищетъ погубить своего Спасителя. Воинство небесное проповѣдуетъ на земли миръ; но вмѣсто того начинается неслыханная война: съ одной стороны царь Иродъ и весь Іерусалимъ, съ другой—Отроча Іисусъ, и Его тѣлохранители, всѣ младенцы Виѳлеемскіе.

Правда, царь не побѣдилъ Отрочате: воинство младенцевъ не предало Вождя своего въ руки враговъ, но своею кровію пожертвовало за жизнь всеобщаго Искупителя: напротивъ того невидимая месть постигла Ирода и его соумышленниковъ: *изомроша ищущіи душѣ Отрочате* (Мат. II. 20.). Но сія побѣда не принесла мира, ниже безопасности Побѣдителю. Іосифъ не дерзаетъ даже ввести Его въ отеческій градъ: *убояся тамо ити* (22).

Послѣ сего уже не удивительно, что возрастъ Отрочате Христа приносетъ Ему новыя брани, новыя опасности. Едва Онъ явился міру: все видное въ мірѣ возжелаетъ затмить славу Его. Фарисеи, книжники, священники, князи, судіи, правители обратятъ противъ Него, каждый свое оружіе. Когда же побѣда возведетъ Его на небеса: всѣ земныя силы: народъ и вельможи, мудрецы и Кесари, подвигнутся для истребленія отъ земли мирнаго царства Его. Кровопролитіе, начатое въ Виѳлеемѣ, обагритъ царства и вѣки.

Возвращаясь отъ воспоминанія сихъ печальныхъ событій, съ какимъ утѣшеніемъ успокоивается духъ, при видѣ великихъ и сильныхъ земли, смиряющихся предъ Отрочатемъ Виѳлеемскимъ, полагающихъ лучшую славу свою въ служеніи Ему, ищущихъ своего веселія въ Его Евангеліи.

Но что такое, Христіане, такъ долго раздражало, и, можетъ быть, частію еще раздражаетъ людей противъ Іисуса Христа, въ самые дни крѣпости Своея кроткаго и незлобиваго, какъ отроча, и заповѣдавшаго всѣмъ Своимъ послѣдователямъ, да будутъ *яко дѣти* (Мат. XVIII. 3.)? — *Любовь къ міру,* — отвѣтствуетъ представленный нынѣ въ Евангеліи примѣръ Ирода; и даетъ намъ случай свидѣтельствовать противу сей любви, колико суетной, толико вредной и Богопротивной.

Не будемъ говорить о той любви къ міру, въ которой и самый міръ, согласно съ Евангеліемъ, признаетъ вражду противъ Бога. Будучи обличаема сама собою, она не требуетъ постороннихъ обличеній. Есть иная любовь къ міру, которая, по видимому, примиряется съ любовію къ Богу; которая соглашается приносить жертвы Богу, только чтобы ей не возбранялось принимать жертвы отъ міра; готова творить дѣла человѣколюбія, только чтобы міръ видѣлъ и одобрялъ ихъ; даже любитъ ходить во храмы Богослуженія, только чтобы міръ за нею послѣдовалъ. Съ сей-то лукавой и притворной любви должно снять личину, ее украшающую, и повергнуть оную подъ строгій судъ, произносимый Евангеліемъ на всякую любовь міра безъ исключенія: *любы міра сего вражда Богу есть* (Іак. IV. 4.).

Тѣхъ, которые, при самомъ желаніи своемъ принадлежать Богу, не могутъ еще отторгнуться отъ міра, привязываетъ къ нему наипаче троякій узелъ: прелесть его благъ, сила его примѣровъ, и надежда совмѣстить съ любовію къ міру служеніе Богу. Слово Евангелія, какъ духовный мечь, разсѣкаетъ сіе сплетеніе обмановъ, и открываетъ свободному оку: суетность благъ міра, опасность его примѣровъ, и тайное сѣмя вражды противъ Бога, заключенное въ самой, какъ говорятъ, невинной любви къ міру.

Тамъ, гдѣ міръ воспріемлетъ всю возможную важность и великолѣпіе, дабы привлекать взоры, которыхъ онъ не можетъ не уважать; гдѣ неразлучная съ нимъ подражательность облекаетъ его въ виды тѣхъ совершенствъ, которымъ онъ удивляется, и заставляетъ брать высокіе примѣры, дабы тѣмъ полномочнѣе давать свои собственные; гдѣ близость великихъ бросаетъ нѣкую тѣнь величія на самые малые предметы;—могло бы статься, что сей блескъ или ослѣпилъ проницаніе, или поколебалъ твердость, или уничтожилъ довѣріе служителя слова, долженствующаго въ лицѣ самаго міра свидѣтельствовать его ничтожность. Но Духъ Божій, который приходитъ *обличить міръ* (Іоан. XVI. 8.), предупредилъ сіе затрудненіе, воздвигнувъ Себѣ свидѣтеля, котораго не льзя упрекать ни дерзостію, или пристрастіемъ, ни невѣдѣніемъ и неопытностію. Мудрѣйшаго и счастливѣйшаго изъ царей Онъ облекъ званіемъ *Екклесіаста*, то есть, проповѣдника, и вдохнулъ ему слово суда на всякое благо, счастіе и славу міра. Что же проповѣдуетъ сей царственный проповѣдникъ? *Суета суетствій, рече Екклесіастъ; суета суетствій, всяческая суета. Видѣхъ всяческая сотворенія, сотворенная подъ солнцемъ: и се вся суетство и крушеніе духа. Се азъ возвеличихся и умножихъ мудрость паче всѣхъ, иже быша прежде мене во Іерусалимѣ: и уразумѣхъ азъ, яко и сіе есть крушеніе духа. Рекохъ азъ въ сердцѣ моемъ, пріиди убо, да тя искушу въ веселіи, и виждь во благѣ: и се такожде сіе суетство. И призрѣхъ азъ на вся творенія моя, яже сотвористе руцѣ мои, и на прудъ, имже трудихся творити, и се вся суета. И возненавидѣхъ азъ всяческая міра* (Еккл. 1, 2. 14. 16. 17. II, 11. 18.).

Св. Златоустъ (Слов. на Евтр.) находилъ Соломонову проповѣдь о суетѣ столь важною, что желалъ, дабы она *была написана и на стѣнахъ, и на одеждахъ, и на соборищахъ, и на домахъ, и на путяхъ, и на вратахъ, и на внутреннихъ вхо-дахъ, а всего паче на сердцѣ каждаго.* Можно сказать, что суета и дѣйствительно повсюду написана, только не всегда на челѣ и на лицѣ вещей; и мы читаемъ сіе поучительное надписаніе по большой части уже тогда, какъ нѣсколько времени обращаемъ оныя въ рукахъ нашихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сіе значитъ, что вчерашнее украшеніе сегодня перестаетъ нравиться; что повторяемое сладкопѣніе начинаетъ терзать слухъ; что пріобрѣтенная честь, или сокровище, отражаетъ сердце наше къ новымъ исканіямъ; что расширяемый кругъ познаній только болѣе отверзаетъ предъ нами—неизмѣримую страну неизвѣстностей, а въ насъ — ненаполнимую пустоту любознанія? не то ли, что духъ нашъ невольно находитъ поражающее начертаніе суеты на всемъ, что занимаетъ насъ въ мірѣ: на нашихъ удовольствіяхъ, на нашемъ богатствѣ, на нашихъ достоинствахъ и на самой мудрости нашей? Творецъ всѣхъ вещей разсыпалъ по нимъ сіе начертаніе: подобно какъ попечительный отецъ на орудіяхъ дѣтскихъ забавъ

написуетъ буквы, которымъ дѣти должны научаться.

Горе легкомысленнымъ дѣтямъ, которыя не пріемлютъ ученія между играми! Орудія игръ непрестанно будутъ у нихъ отнимаемы, а ненавистное ученіе останется, и будетъ нападать на нихъ съ оружіемъ угрозъ и наказанія. Такъ, если мы, употребляя блага міра, не поспѣшимъ уразумѣть въ нихъ *суету суетствій и суету всяческихъ:* то, между тѣмъ, какъ сіи тлѣнныя блага ежечасно будутъ исчезать въ рукахъ нашихъ, *суета* будетъ оставаться въ сердцѣ нашемъ, какъ терніе послѣ цвѣтовъ; и разнообразными уязвленіями будетъ производить *крушеніе духа.* Тогда въ самомъ пресыщеніи чувствъ поселится вѣчный гладъ; сладость пріобрѣтенія и обладанія отравляема будетъ заботами сохраненія и страхомъ потери; счастіе и слава другихъ будетъ казаться несчастіемъ и безславіемъ нашимъ; свѣтъ познаній, какъ ночный призракъ, то будетъ непостоянно мерцать въ дымѣ гордости, то ниспадать отчаянно въ бреніе нечистой жизни: наипаче же смертный помыслъ, какъ строгій пѣстунъ, являясь нечаянно, будетъ приводить въ смятеніе и трепетъ рѣзвыхъ чадъ удовольствія.—Такимъ образомъ обильная жатва приводитъ раба суеты въ такое же недоумѣніе, какъ убогаго недостатокъ дневнаго пропитанія: *что сотворю* (Лук. XII. 17.)? Благодать чудотвореній, явившаяся въ Сынѣ тектоновѣ, паче язвъ Египетскихъ, мучитъ честолюбивыхъ вождей народа: *что сотворимъ? яко человѣкъ сей много знаменія творитъ* (Іоан. XI. 47.).—Невразумительный слухъ о рожденіи безвѣстнаго младенца, принесенный въ столицу иноплеменниками, колеблетъ царя на престолѣ, на твердость коего тѣмъ менѣе онъ полагался, чѣмъ болѣе дорожилъ его блескомъ: *слышавъ Иродъ царь, смутися* (Матѳ. II, 3.).

Сынове человѣчестіи! доколѣ тяжкосердіи? вскую любите суету (Пс. IV. 3.), вмѣсто того, чтобы умудряться отъ нея? Почто *ищете лжи*, которою міръ прельщаетъ, не примѣчая истины, которой онъ скрыть не можетъ?—*Преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. VII. 31.); не образъ только нѣкоторыхъ вещей, но и образъ всего міра: и что будетъ съ любовію къ міру, когда онъ прейдетъ невозвратно? *Земля, и яже на ней дѣла, сгорятъ* (2 Пет. III. 10.): куда же тогда пойдутъ безсмертныя желанія, обыкнія питаться отъ земли? Гдѣ будутъ самыя глубокія мудрованія, которыя однако также ископаны отъ земли? *Будетъ небо ново и земля нова* (Иса. LXV. 17.): допустятъ ли насъ внести туда съ нашимъ сердцемъ останки ветхаго міра?

Обратимся къ мудрѣйшему изъ царей. Какъ счастливо суетою исправляетъ онъ свою мудрость, познавъ ничтожность тѣхъ вещей, которыя ложнымъ блескомъ не разъ осуетили помышленія мудрыхъ: *уразумѣхъ азъ!* Какъ суетою же исцѣляетъ отъ мученій суеты, открывая суету самыя сея суеты: *суета—суетствій!* Какъ суетою міра сего пріуготовляетъ себя къ лучшему и непреходящему міру, преставъ любить міръ суетный: *возненавидѣхъ азъ всяческая міра!*

Къ сожалѣнію, многіе ближе знаютъ Соломона, подобно прочимъ, обращающагося въ вихрѣ земли: но теряютъ изъ вида Екклесіаста, стоящаго въ солнцѣ истины, и проповѣдующаго суету земнородныхъ. Бѣдственное ослѣпленіе людей, прельщенныхъ міромъ, увеличивается тѣмъ, что слѣпые слѣпыхъ же избираютъ вождями себѣ, или даютъ власти себя множеству, на которое опираясь десницею и шуйцею, мнятъ быть безопасны отъ паденія. На что же, Христіане, дано намъ собственное око ума, на что возжженъ предъ нами свѣтильникъ откровенной Богомъ истины, если бы мы могли ходить по единому осязанію примѣровъ міра?—

Впидемъ въ Іерусалимъ, въ которомъ Евангеліе показываетъ намъ сокращенный образъ міра: и примѣтимъ, куда приводятъ примѣры сего міра, пріемлемые слѣпымъ подражаніемъ.—Вѣсть о рожденіи Христа Царя приносится въ Іерусалимъ, который ожидалъ въ Немъ своего избавителя. Иродъ, котораго не священное право наслѣдія, но честолюбіе возвело на престолъ Давидовъ, и который утверждалъ власть свою болѣе притворствомъ и насиліемъ, нежели правленіемъ истинно благодѣтельнымъ, не могъ спокойно слышать о законномъ Царѣ Іудейскомъ, хотя Сей былъ еще въ пеленахъ,

и скрывался во мракѣ неизвѣстности: *слышавъ Иродъ Царь, смутися.* Но что Іерусалимъ? Познаетъ ли онъ время посѣщенія своего? Восклонаетъ ли главу, поникшую подъ чуждымъ игомъ? Радуется ли? *Благословляетъ ли Господа Бога Израилева, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и воздвиже рогъ спасенія имъ въ дому Давида отрока своего* (Лук. I. 68. 69.)? Напротивъ! Видъ разстроеннаго властителя, какъ въ зеркалѣ, отражается въ участникахъ его неправеднаго владычества; отъ сихъ тотъ же образъ вынечатлѣвается въ работѣшныхъ человѣкоугодникахъ; размножается любопытствомъ, лукавствомъ, неблагоразуміемъ; и наконецъ весь Іерусалимъ наполненъ и объятъ нелѣпымъ безпокойствомъ и богохульнымъ смущеніемъ о благодатномъ для всего Израиля и всего міра событіи: *Иродъ Царь смутися, и весь Іерусалимъ съ нимъ.*

Да помыслятъ при семъ люди, которые думаютъ, что живутъ, какъ должно, если живутъ, какъ большая часть;—да помыслятъ они, долженствовали ль, во время сего смятенія Іерусалима, Захарія, или Симеонъ, или Волхвы, подражать примѣру множества, и по господствующему мнѣнію учреждать свои чувствованія и дѣянія! — Или міръ заблуждалъ въ одномъ Іерусалимѣ?

Благословенно время и страна, гдѣ примѣръ великихъ и сильныхъ земли служитъ свѣтильникомъ для народа, и не позволяетъ сгуститься тьмѣ, распространяемой міродержителями тьмы вѣка сего! Но—доколѣ не пріидетъ царствіе Отца небеснаго, призываемое нами въ молитвѣ,—и подъ видимымъ владычествомъ благочестія всегда есть тайные самовладыки, которымъ Христосъ Царь не угоденъ, поелику Онъ требуетъ совершеннаго повиновенія и отреченія отъ любимыхъ страстей и вожделѣній: и плѣнники примѣровъ міра послѣдуютъ за оными, не примѣчая, что находятся въ порабощеніи у возмутителей. Какой же признакъ сихъ возмутителей и возмущаемыхъ?—О Царю Христе! міръ не хочетъ вѣрить; но Ты самъ увѣряешь насъ, что знаменіе не принадлежащихъ Тебѣ есть—многочисленность; что *мнози суть звани* во царствіе Твое, *мало же избранныхъ* (Матѳ. XX. 16.); что тѣ, которымъ Отецъ Твой благоволилъ дать царство, суть *малое стадо* (Лук. XII. 32.); что *узкая врата, и тѣсный путь вводящій въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его* (Мат. VII. 14.)!—Нѣтъ! міръ не руководитель, которому послѣдовать, но врагъ, котораго побѣждать должно чадамъ Божіимъ: *всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ* (I Іоан. V. 4.). Образъ мыслей и чувствованій, наиболѣе одобряемый, не рѣдко есть наиболѣе опасный; примѣръ, отъ котораго заповѣдано намъ остерегаться, есть точно примѣръ наиболѣе общій; обычай, принятый всегда и вездѣ; духъ времени, которымъ дышатъ и живутъ: *не сообразуйтеся вѣку сему* (Рим. XII. 2.).

Можетъ быть, вы желали бы, Христіане, осуждаемый Евангеліемъ образъ *вѣка сего* видѣть представленнымъ въ чертахъ болѣе яснымъ и раздѣльнымъ, дабы тѣмъ непогрѣшительнѣе различать, что *въ сынахъ вѣка сего* не достойно сыновъ *вѣка онаго:* но Тотъ, Который не позволилъ прежде времени отдѣлять плевелы отъ пшеницы, дабы, съ восторженіемъ опыхъ, и сія не была исторгнута, и *оставилъ расти обоя купно до жатвы* (Мат. XIII. 30.), оставилъ также обетшавающій образъ вѣка сего, и посреди его тайною рукою новонаписуемый образъ вѣка грядущаго, въ нерѣшительныхъ, смѣшенныхъ и пресѣченныхъ чертахъ, до предопредѣленныхъ временъ совершенія, когда наконецъ и на цѣлыхъ сонмахъ рабовъ и враговъ Божіихъ, и на каждомъ чле, явится тамъ свѣтлое *имя Отца* небеснаго (Апок. XIV. 1.), а тамъ—страшное *начертаніе звѣра* (11.), имѣющаго сотворить открытую, но гибельную для себя, брань со Агнцемъ Христомъ. Нынѣ же токмо то извѣстно, что міръ есть пещера и ложе, гдѣ рождается и воспитывается звѣрь; и поле, на которомъ съ пшеницею зрѣютъ плевелы, огню блюдомые. Но не довольно ли уже сего разумѣнія для того, чтобы оно управляло заповѣданною намъ осторожностію?—Чѣмъ глубже *весь міръ лежитъ во злѣ* (I Іоан. V. 19.), такъ что различіе зла и блага становится въ немъ какъ бы едва видимымъ: тѣмъ съ большею осмотрительностію мы должны въ немъ прикасаться даже къ тому, что кажется благомъ. Если весь міръ испошенъ плевелъ, и до-

селѣ не могъ быть очищенъ отъ нихъ: то можетъ ли быть очищена отъ оныхъ душа, исполненная міромъ? Если врагъ Божій сокровенно зачинается и живетъ въ сердцѣ міра: то можетъ ли любовь Божія обитать въ любви къ міру?

И такъ вотще стараются нѣкоторые утончать любовь къ міру, вмѣсто того, чтобы отсѣкать ее; и, вмѣсто того, чтобы побѣждать оную любовію къ Богу, надѣются примирить одну съ другою. Какъ бы кто ни облекалъ свою любовь къ міру видами добродѣтелей: воздержанія, трудолюбія, нестяжательности, кротости, благотворительности: но поелику душа всѣхъ добродѣтелей есть любовь, то всѣ добродѣтели его знаменуютъ токмо сына вѣка сего; живутъ и дышатъ міромъ, и съ міромъ исчезнутъ. И какъ двѣ души не могутъ одушевлять единаго тѣла: такъ двѣ любви — любовь къ Богу и любовь къ міру, не могутъ одушевлять единой души: *аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ* (1 Іоан. II. 15.). Гдѣ же нѣтъ любви къ Богу: тамъ должна быть по необходимости, хотя иногда сокровенная и не примѣчаемая, вражда противъ Него; ибо предъ высочайшимъ Благомъ нѣтъ мѣста равнодушію. Въ царствѣ Вседержителя всякій отдѣльный союзъ есть возстаніе на всеобщаго Владыку: кольми паче союзъ съ областію, очевидно зараженною духомъ буйства и своеволія. *Любы міра сего вражда Богу есть.*

Воззримъ еще разъ на Ирода, въ которомъ Евангеліе обнажаетъ совершенно сіе глубокое и крайнее зло любви къ міру. Сія любовь обыкновенному взору представляется въ Иродѣ такою, что желающіе избавить ее отъ имени порока, и ввести въ сообщество добродѣтелей, могли бы начать съ сего примѣра. Рожденіе Царя Іудейскаго приводитъ Ирода въ смущеніе. Что жъ? И не простительно ли нѣкоторое смущеніе, при угрожающей потерѣ владычества и чести? Но притомъ сіе смущеніе было, по видимому, кратковременнымъ порывомъ страсти, которая вскорѣ покорена разсудку. Иродъ не запретилъ Волхвамъ благоразумнаго изслѣдованія о Царѣ Іудейскомъ; но еще содѣйствовалъ имъ чрезъ способныхъ къ тому людей: *собравъ вся первосвященники и книжники людскія, вопрошаше.* Онъ самъ исповѣдалъ грядущаго Христа: *гдѣ Христосъ раждается* (Мат. II. 4.)? Онъ желалъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Его пришествіи: *шедше испытайте извѣстно о Отрочати.* Наконецъ онъ готовъ былъ самъ поклониться Христу: *яко да и азъ шедъ поклонюся Ему* (8.). Какое безпристрастіе и благочестіе! — восклицали, вѣроятно, Іерусалимляне. Міръ остался бы въ семъ обольщеніи, произведенномъ любовію къ міру: но вдругъ явилась небесная истина: *Ангелъ Господень явися.* Онъ оставляетъ безъ вниманія искуственныя слова и добродѣтели, поставленныя на зрѣлище: ведетъ насъ прямо въ сердце творца ихъ, и открываетъ, можетъ быть, еще самимъ Иродомъ не примѣченное хотѣніе, возникающее изъ глубины души его: *хощетъ Иродъ.* И что мы видимъ? — Смерть Спасителя міра, запечатлѣнную въ душѣ міролюбца. *Хощетъ Иродъ искати Отрочате, да погубитъ Е!*

О, если бы мы могли утвердиться въ вожделѣніномъ увѣреніи, что міръ не воздвигаетъ окрестъ насъ подобныхъ сему лицу противу Агнца Христа! *Изомроша ищущіи души Отрочате!* Но когда призванные воинствовать подъ знаменемъ *Побѣдителя міра* (Іоан. XVI. 33.) цѣпою тлѣнныхъ благъ увлекаются на страну мятежа; когда овцы Пастыря, имѣющаго малое стадо, мнятъ обрѣсти лучшую пажить посреди хищныхъ звѣрей и нечистыхъ животныхъ; когда довольствуются тѣмъ, что имѣютъ рукою міра написанный *образъ благочестія* (2 Тим. III. 5.), не предаваясь его силѣ сокрушающей и возсозидающей, умерщвляющей и возрождающей: то не *ищутъ ли* еще, хотя не Иродовымъ путемъ, — не *ищутъ ли* однако *души Отрочате?* Не возстаютъ ли, то есть, хотя можетъ быть, сами того не примѣчая, противу истиннаго духа Христова?

Оставимъ Соломону, котораго поставили мы первымъ свидѣтелемъ противу любви къ міру, запечатлѣть сіе свидѣтельство, и положить настоящему слову, соотвѣтственный ему, конецъ: *конецъ слова: Бога бойся, и заповѣди Его храни: яко сіе всякъ человѣкъ* (Екк. XII. 13.). Противопоставь обольщеніямъ любви къ міру *страхъ* Божій, и *по заповѣдямъ* Божіимъ пришимай, или

отвергай подаваемые тебѣ примѣры, а не составляй себѣ изъ одобряемыхъ въ вѣкѣ семъ примѣровъ, собственныхъ заповѣдей. *Храни* заповѣди Божіи, дабы міръ, подъ видомъ благоучрежденія и украшенія твоей наружной дѣятельности, не похитилъ оныхъ изъ сердца твоего. *Яко сіе всякъ человѣкъ:* то есть, сыновній страхъ къ Богу и храненіе заповѣдей Его, въ средоточіи коихъ почиваетъ любы Божія, суть все для всякаго человѣка: въ нихъ его радость, обиліе, слава, покой, блаженство, животъ временный и вѣчный. Аминь.

7. СЛОВО

Въ недѣлю Ваій.

Сіе же все бысть, да збудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: рцыте дщери Сіоновѣ: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на осля и жребя, сына подъяремника. Матѳ. XXI. 4. 5.

Какъ пріятно видѣть образъ солнца въ чистомъ потокѣ, гдѣ онъ, хотя не столь сильнымъ, какъ въ небесахъ, но за то болѣе приступнымъ для зрителя свѣтомъ сіяетъ: такъ пріятно въ чистыхъ источникахъ Израилевыхъ, то есть, въ проистекшихъ отъ Духа Божія глаголахъ Пророческихъ, духовнымъ окомъ, то есть, Богомыслящимъ умомъ, созерцать образъ Солнца правды, Господа нашего Іисуса Христа, представленный хотя не въ такомъ полномъ свѣтѣ, какъ въ Евангеліи, впрочемъ въ такихъ чертахъ, въ которыхъ внимательный созерцатель удобно можетъ усматривать Его Божественныя свойства, чудесныя дѣйствія, глубокія и спасительныя таинства.

Самъ святый Евангелистъ Матѳей почелъ не излишнымъ для Евангелія показать славу и таинство настоящаго дня въ изображеніи Пророка Захаріи. Прочитаемъ точныя слова Пророка, нѣсколько сокращенныя Евангелистомъ. *Радуйся зѣло, дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Іерусалимля: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаяй, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна* (Зах. IX. 9.). Два предмета можно здѣсь разсматривать: дивное событіе пророчества, и новое пророчество событія.

Если бы еще и не открыто было событіе пророчества Захаріина: по самому сему пророчеству можно примѣчать, что имъ обѣщается дивное событіе. Кто бы могъ ожидать, чтобы какой нибудь царь, въ царственный городъ, торжественнымъ шествіемъ вступилъ на юномъ жребяти, рожденномъ отъ подъяремныя ослицы? И если бы кто явился въ такомъ видѣ съ именемъ царя: можно ли было думать, что его примутъ съ искреннимъ веселіемъ и торжественными восклицаніями, а не съ посмѣяніемъ или пренебреженіемъ? Издревле цари побѣдоносные шествовали на коняхъ; мирные вельможи, по простотѣ древнихъ обычаевъ, путешествовали, правда, на ослицахъ; но на осля, рожденное отъ *подъяремныя*, то есть, отъ работной, носящей тяжести ослицы, и притомъ на осля юное, необученое, не отвыкшее отъ матери, царю возсѣсть, свойственно ли, вѣроятно ли было? Какъ же пришло на мысль Захаріи предсказывать торжественное шествіе и срѣтеніе Царя, *всѣдшаго на подъяремника и жребца юна?* Какъ могло исполниться такое предсказаніе? И то и другое не могло быть иначе, какъ необыкновеннымъ, отъ Бога устроеннымъ образомъ. По сей необычайности предсказываемаго дѣйствія, самые Іудеи признаютъ издревле до нынѣ, что пророчество Захаріи о кроткомъ Царѣ относится къ Мессіи, или иначе ко Христу, хотя не узнаютъ Его, бѣдные, въ кроткомъ Іисусѣ.

Но если въ самомъ пророчествѣ Захаріи уже можно усматривать необычайность событія, имъ возвѣщаемаго: то внимательное разсматриваніе самаго событія еще болѣе можетъ открыть чудеснаго и прямо Божественнаго.

Когда какому царю надлежитъ торжественно вступить въ царственный городъ: торжественность сія составляется посредствомъ предварительныхъ распоряженій и приготовленій. Но ничего таковаго не видимъ у Господа нашего, до самаго дня,— почти до самаго часа, царскаго шествія Его въ Іерусалимъ. Вчера Онъ вечерялъ

въ Виѳаніи, гдѣ воскресилъ Лазаря; и, при помазаніи ногъ Его мѵромъ, говорилъ о предварительныхъ распоряженіяхъ не къ воцареню, а къ погребенію Своему. Было тамъ немало народа, но *не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ* (Іоан. XII. 9.). Сегодня поутру идетъ Онъ въ Іерусалимъ, сопровождаемый учениками, также какъ и въ другіе дни. *Идяше преди*, пишетъ святый Лука, *восходя во Іерусалимъ* (Лук. XIX. 28.). Нѣтъ никакихъ приготовленій. Никто не думаетъ о Его воцареніи. *Сихъ же не разумѣша ученицы Его прежде* (Іоан. XII. 16.). Внезапно сіе начинается, и вдругъ совершается. *И бысть.* Не доходя до Виѳсфагіи, не далеко уже и отъ самаго Іерусалима, даетъ Онъ неожиданное повелѣніе: и *бысть, яко приближися въ Виѳсфагію и Виѳанію, къ горѣ нарицаемый Елеонъ, посла два ученикъ своихъ, глаголя: идита въ прямую весь: и въ нюже входяща обрящета жребя привязано, на неже никтоже николиже отъ человѣкъ всѣде* (Лук. XIX. 29. 30.),—по другому Евангелисту обстоятельнѣе: *осля привязано, и жребя съ нимъ* (Мат. XXI. 2.). Примѣчайте вниманіе, какъ поистинѣ Божественно дѣйствуетъ Божественный Царь нашъ. Онъ видитъ пророчество; видитъ близкую минуту, когда ему надлежитъ исполниться: но еще нѣтъ орудій къ исполненію онаго. Онъ взираетъ не тѣлеснымъ окомъ Своимъ, но Своимъ всевѣдѣніемъ: и потребное тотчасъ обрѣтается. *Абіе обрящета осля привязано и жребя съ нимъ.* Чудесно, какъ найдено сіе орудіе, но и то не менѣе чудесно, какъ оно взято. *Отрѣшивша, приведита Ми*, глаголетъ Онъ двумъ ученикамъ. Господи!—могли бы сказать посылаемые,—какъ можно сіе сдѣлать,—отрѣшить чужое осля, неизвѣстнымъ посланникамъ, и вести, куда не знаетъ хозяинъ? Подлинно, сіе могло затруднить Апостоловъ; подлинно, видимая несбыточность повелѣваемаго могла сопровождаться непослушаніемъ посылаемыхъ, если въ другомъ случаѣ встрѣченное ими затрудненіе сопровождалось и бѣгствомъ и отреченіемъ отъ Господа; и тогда бы дѣло разрушилось, и пророчество не исполнилось. Но и здѣсь Божественное вѣдѣніе Царя нашего провидѣло готовность посылаемыхъ, а Божественная власть Его надъ сердцами укрѣпила ихъ противъ всякаго сомнѣнія. То же вѣдѣніе провидѣло вопросъ хозяина осляти: *почто отрѣшаета?* Та же власть надъ сердцами предварительно дала на сіе, но видимому, нимало не убѣдительный для незнакомаго, но на самомъ дѣлѣ непреоборимымъ оказавшійся отвѣтъ: *Господь требуетъ* (Лук. XIX. 31.). И посланные взяли, и привели осля, не зная, кому и на что. Между тѣмъ народъ многъ, не царски созванный, но *пришедый въ праздникъ* (Іоан. XII. 12.) не по гласу провозвѣстника, но по славѣ воскресенія Лазарева, исходитъ въ срѣтеніе Іисусу; и, объятый внезапнымъ восторгомъ, вмѣсто приготовленныхъ украшеній, постилаетъ ему ризы, вмѣсто царскихъ знаменій и оружія, вземлетъ вѣтви древесныя; предшествуетъ, послѣдуетъ, восклицаетъ кроткому Царю, безъ всякой царской пышности несомому спокойно ослятемъ, котораго никакая человѣческая рука не пріобучала до сей минуты ни къ какому бремени. Какъ произошли всѣ сіи нечаянности?—Поистинѣ, сіе все бысть, да *сбудется реченное пророкомъ.* Сбылось несбыточное, дабы ясно было видно, что дѣйствуетъ Тотъ, у Котораго *не изнеможетъ всякъ глаголъ* (Лук. I. 37.).

Видимъ дивное событіе пророчества Захаріина. Изощримъ взоръ, и увидимъ въ самомъ событіи новое пророчество еще болѣе дивнаго событія.

Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ царскій входъ Господень въ Іерусалимъ? Для чего столь дивное предсказаніе? Для чего такое множество чудесъ? Какое намѣреніе столь необычайныхъ распоряженій? Какое послѣдствіе сихъ Божественныхъ дѣйствій? Какой плодъ столь величественнаго, но столь скоропреходящаго явленія Царя Сіонскаго? Какъ молнія, открывается надъ Іерусалимомъ царствіе небесное, и какъ молнія, поглощается областію темною. Только еще собирается народъ, чтобы идти въ срѣтеніе Царю *праведному и спасающему*; неправда уже замышляетъ погибель и Ему, и прославившему Его Лазарю: *совѣщаша же Архіереи, да и Лазаря убіютъ* (Іоан. XII. 10.). Еще отроки отъ полноты чистыхъ сердецъ восклицаютъ въ церкви: властители и мудрецы, *Архіереи и книжницы*

уже негодуютъ (Мат. XXI. 15), и отъ избытка злобы не могутъ скрыть своего негодованія. Сегодня говорятъ дщери Сіоновой: *се Царь твой грядетъ тебѣ:* а чрезъ нѣсколько дней таже дщерь Сіонова, то есть, народъ Іерусалимскій, скажетъ: *не имамы царя* (Іоан. XIX. 15.), и самый сей Царь отречется отъ видимаго призрака царства; *царство Мое*, скажетъ Онъ, *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII. 36.). Сегодня: *осанна сыну Давидову* (Матѳ. XXI. 9.), а вскорѣ послѣ сего: *распни Его* (Іоан. XIX. 15.)! На что же сіе блистательное, но исчезающее зрѣлище! Ты сказалъ уже, возразятъ мнѣ, что *сіе все бысть, да сбудется реченное пророкомъ.* Я сказалъ, что сіе такъ дивно предсказано для того, чтобы можно было узнать въ предсказаніи слово Божіе; и такъ дивно исполнилось, чтобы можно было узнать въ событіи дѣло Божіе. Но почто и слово Божіе предваряло, и дѣло Божіе послѣдовало? Когда Богъ, Который *рече, — и быша* (Псал. XXXII. 9.), *и се вся добра зѣло* (Быт. 1. 31.), посылаетъ слово Свое, да сбудется потомъ и самое дѣло Его: надобно, чтобы отъ сего произошло нѣкое существенное и твердое благо, а не одинъ мгновенный призракъ. Иначе, почто предпріемлется дѣло Божіе? Почто исходитъ слово Божіе, и почто нисходитъ оно даже до такихъ ничтожныхъ, по видимому, подробностей, какъ возрастъ ослятъ? Но, можетъ быть, изысканныя сіи вопрошенія начинаютъ уже казаться дерзновенными, а еще не обрѣтаютъ искомаго. По крайней мѣрѣ, не примѣчаете ли, что въ славѣ настоящаго дня должна быть сокрыта нѣкая тайна, хотя мы не дошли еще до ея открытія? Не имѣете ли уже загадки, хотя еще не угадываете ея разрѣшенія? Дойдя до сего, чтобы не выйти изъ предѣловъ вашего вѣроятія, умолкаю. Пусть говоритъ вмѣсто меня, и разрѣшитъ вамъ загадку, и откроетъ вамъ тайну, святый Златоустъ.

Здѣ, говоритъ онъ, изъясняя таинство входа Господня въ Іерусалимъ, *Церковь чрезъ жребя изъявляется, и новые люди, прежде убо нечистіи, егда же всѣде Іисусъ, чисти содѣлавшіися. И зри всюду подобіе соблюдаемо. Ученицы бо отрѣшаютъ ослята: отъ Апостолъ бо и оніи* (то есть Іудеи), *и мы* (то есть, Христіане изъ язычества), *призвахомся. Отъ Апостолъ приведохомся, понеже и наше благоискусство отъ къ ревности подвиже. Сего ради является ослѧ, послѣдуя жребяти. Егда бо всядетъ Христосъ на языки, тогда пріидутъ и Іудеѣ ревнующе имъ. И сіе являя Павелъ глаголаше: яко ослѣпленіе отчасти Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ внидетъ, и тако весь Израиль спасется. Яко бо пророчество бѣ, явственно есть отъ реченныхъ. Не бо было бы тщаніе пророку, съ толикимъ опасствомъ ослятъ возрастъ рещи, аще бы не сіе было. Не сія же токмо изъясняются реченными, но яко и со удобствомъ ихъ приведутъ Апостоли. Якоже бо здѣ никто же сопротивъ рече хотящимъ взяти: тако и о языцѣхъ никтоже возможе возбранити емлющимъ ихъ Апостоломъ прежде. Не всѣдаетъ же на нагаго жребца, но на ризы Апостольскія. Понеже бо жребя отъ инѣхъ аріяша, то и своя уже вся отдаютъ, якоже Павелъ глаголаше: азъ же въ сладость иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ. Смотри же послушность жребца, како не обученъ сый, и узды не искусенъ, не возскака, но благочинно идяше. И сіе пророчество будущаго есть, покорность языкъ являющее и незапное ихъ къ благочинію приложеніе. Ибо вся содѣла слово глаголюще: отрѣшивша приведита Ми: да безчинная благочинна, и нечистыя уже чиста будутъ* (На Матѳ. бесѣд. 66.).

До здѣ святый Златоустъ. Повторимъ ученіе сего таинства Христова такъ, чтобы, если можно, сдѣлать оное болѣе внятнымъ. Входъ Господень въ Іерусалимъ не есть простое изъявленіе настоящаго, но паче пророчество и предзнаменованіе будущаго воцаренія Его. Царство Его не есть сей Іерусалимъ, который вскорѣ разрушатъ, или земля Іудейская, которую вскорѣ поработятъ и опустошатъ, но Церковь которой и *врата адова не одолѣютъ* (Матѳ. XVI. 18.). Оселъ и жребя, на которыя Онъ возсѣдаетъ для царскаго Своего шествія,

означаютъ два рода людей, надъ которыми Онъ пришелъ духовно царствовать, — Іудеевъ и язычниковъ. Осля подъяремное есть образъ Іудеевъ, долго носившихъ на выяхъ своихъ иго закона, *иго, его же* — признается лучшій изъ нихъ — *ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣян. XV. 10.), и которое потому нужно было перемѣнить на иго Хріста благое, и бремя Его легкое. Жребя необученное знаменуетъ язычниковъ, неукрощенныхъ ученіемъ, не знающихъ закона. Апостолы безпрепятственно берутъ осля и жребя: то есть, Апостолы, не смотря на препятствія, покаряютъ царствію Хрістову Іудеевъ и язычниковъ. Господь возсѣдаетъ на жребя; осля за нимъ послѣдуетъ: то есть, сперва покаряются царствію Хрістову большею частію язычники, а когда предопредѣленные изъ язычниковъ войдутъ въ полноту Церкви, тогда и отставшіе Іудеи обратятся и постигнутъ ихъ. Необученное жребя благочинно несетъ на себѣ Царя: то есть, невѣжественные и своевольные прежде язычники вскорѣ образуются ученіемъ и заповѣдями Хрістовыми. Ризы постилаютъ Царю: то есть, совершенные послѣдователи Хрістовы все свое отдаютъ Ему. Дѣти пріемлютъ и славословятъ Царя: то есть, сердца, дѣтскія по простотѣ и искренности, пріемлютъ Хріста вѣрою, прославляютъ Его любовію.

Христіане, сынове царствія Хрістова! Если видимъ славу, или проникаемъ тайну настоящаго торжества: не попустимъ, чтобы оно прошло мимо насъ, какъ постороннее для насъ зрѣлище; ибо въ семъ случаѣ мы остались бы посторонними и чуждыми для царствія Хрістова. Посылаетъ ли кого изъ насъ Господь на какое служеніе? Будемъ безъ испытанія послушны, какъ Апостолы. Требуетъ ли отъ насъ чего? Предадимъ Ему все безпрекословно, какъ неизвѣстный, при имени Господа, отдалъ свою собственность, предадимъ добровольно, хотя бы то было съ лишеніемъ потребнаго для насъ, какъ то сдѣлали постилавшіе ризы свои. Ходилъ ли кто донынѣ въ волѣ сердца своего? Преклонись отнынѣ подъ иго Хрістово. Думаетъ ли кто, что образовалъ себя исполненіемъ нравственнаго закона? Послѣдуй за Хрістомъ, *аще хощеши совершенъ быти* (Матѳ. XIX. 21.). Всѣ воззовемъ дѣтскимъ, искреннимъ сердцемъ: *осанна сыну Давидову! Хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. XIII. 14.) во вѣки. Аминь.

8. СЛОВО

Въ великій Пятокъ.

Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей слова? Нѣтъ болѣе слова.

Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова *живаго и дѣйственнаго*, умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе и убѣдительнѣе *сказать человѣкамъ пути живота* (Исал. XV. 11.), Слово сіе преклонило небеса, и облеклося плотію: но человѣки не восхотѣли внимать Слову; растерзали плоть Его; и се, *взятъ отъ земли животъ Его* (Иса. LIII. 8.). Кто же теперь дастъ намъ слово жизни и спасенія?—

Поспѣшимъ исповѣдать тайну Слова, которая долженствуетъ обезоружить гонителей Его, и которая возвращаетъ Его душамъ, готовымъ принять Оное. Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда престаетъ звукъ его, но паче воспріемлетъ тогда новую силу, и проницаетъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышавшихъ: такъ Ѵпостасное Слово Божіе, Сынъ Божій, въ Своемъ спасительномъ вочеловѣченіи, умирая плотію, въ то же время *исполняетъ вселеская* (Ефес. IV. 10.) Своимъ духомъ и силою. Посему-то, когда Іисусъ Хрістосъ изнемогаетъ и умолкаетъ на крестѣ: тогда и небо и земля даютъ Ему гласъ свой, и умершіе проповѣдуютъ воскресеніе Распятаго, и самое каменіе вопіетъ о Немъ. *И померче солнце, и завѣса церковная раздрася, и земля потрясеся, и каменіе распадеся, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Лук. XXIII. 45. Матѳ. XXVII. 51. 52.).

Христіане! Воплощенное Слово умолкаетъ токмо для того, чтобы сильнѣе и

дѣйственнѣе глаголать къ намъ; сокрывается для того, чтобы внутреннѣе *вселиться въ насъ* (Іоан. I. 14.); умираетъ, чтобы даровать намъ Свое наслѣдіе. Будучи собраны церковію бесѣдовать съ умершимъ Іисусомъ, слышите *живое слово* (Евр. IV. 12.) умершаго; слышите данное отъ Него вамъ завѣщаніе: *Азъ завѣщаваю вамъ, якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство* (Лук. XXII. 29.).

Но, дабы неблаговременныя мечтанія о величіи сего наслѣдія не уклонили взоровъ нашихъ отъ предписаннаго предъ нами въ сіи великіе дни Распятаго Іисуса, примѣтимъ тщательнѣе, Христіане, что первые наслѣдники Его не обрѣли по Его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ, въ подражательныхъ образахъ, преподали всѣмъ, желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія. Что сіе значитъ? —То, что какъ Христу *подобаше пострадати*, дабы потомъ *внити въ славу* (Лук. XXIV. 26.), которую *имѣлъ Онъ у Отца*, такъ Христіанину *многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе* (Дѣян. XIV. 22.), которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ крестъ Христовъ есть дверь царствія для всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть ключь царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе великаго *слова крестнаго* (1 Кор. I. 18.), толь необъятнаго уму, толь удобопріятнаго вѣрѣ, толь сильнаго Богомъ. Принесемъ оное, какъ каплю мура, ко гробу Слова Животворящаго.

Прежде, нежели вочеловѣчившійся Сынъ Божій воспріялъ и понесъ крестъ Свой, сей крестъ принадлежалъ человѣкамъ. Въ началѣ своемъ онъ былъ содѣланъ *изъ древа познанія добра и зла*. Первый человѣкъ думалъ испытать только плодъ его; но едва прикоснулся, какъ вся тяжесть запрещеннаго древа, со всѣми вѣтвями его и отраслями, обрушилась на хребетъ нарушителя Господней заповѣди. Тьма, скорбь, ужасъ, труды, болѣзни, смерть, нищета, уничиженіе, вражда всей природы, словомъ: всѣ разрушительныя силы, какбы исторгшись изъ роковаго древа, ополчились на него: и низринулся бы сынъ гнѣва на вѣки во адъ, если бы Милосердіе, по предвѣчному совѣту, не простерло къ нему руки своей, и не удержало его въ паденіи. Сынъ Божій пренесъ на Себя бремя, подавляющее человѣка; усвоилъ Себѣ крестъ его, и предоставилъ ему токмо придержаться сего креста, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы онъ вспомоществовалъ Всемогущему въ ношеніи бремени, но дабы самъ, и съ малымъ оставшимся ему крестомъ собственнымъ, носимъ былъ силою креста великаго, подобно какъ ладія влечется движеніемъ корабля. Тако крестъ гнѣва преображается въ крестъ любви; крестъ, заграждавшій рай, становится лѣствицею къ небесамъ; крестъ, рожденный отъ страшнаго *древа познанія добра и зла*, чрезъ орошеніе Божественною кровію, перераждается *въ древо жизни*. Сынъ Божій пріемлетъ естество наше, и *страданьми совершаетъ* въ Себѣ *начальника спасенія* нашего; *искушается по всическимъ*, и *вспомоществуетъ искушаемымъ*; шествуетъ со крестомъ, и *ведетъ въ славу* Своихъ послѣдователей (Евр. II. 10. 18. IV. 15.).

Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный Начальникомъ нашего спасенія? Кто извѣситъ его тяжесть? Кто исчислитъ разнообразное множество крестовъ, изъ которыхъ онъ, какъ изъ каплей море, составляется?—Не отъ Іерусалима токмо до Голгоѳы несенъ крестъ сей, съ помощію Симона Киринейскаго. Несенъ онъ и отъ Геѳсиманіи до Іерусалима, и до Геѳсиманіи отъ самаго Виѳлеема. Вся жизнь Іисуса была единый крестъ; и никто не прикасался къ бремени его, развѣ для отягченія онаго: *Единъ истопталъ точило* ярости Божіей, *и отъ языкъ не бѣ мужа съ Нимъ* (Иса. LXIII. 3.).

Божественное соединяется съ человѣчествомъ, вѣчное со временнымъ, всесовершенное съ ограниченнымъ, несозданное съ своимъ созданіемъ, самосущее съ ничтожнымъ: какой необозримый и непостижимый крестъ изъ сего уже слагается!

Богочеловѣкъ, котораго низшествіе на землю прославляютъ небеса, является здѣсь въ уничиженнѣйшемъ возрастѣ человѣчества, въ малѣйшемъ градѣ малѣйшаго изъ царствъ земныхъ; нѣтъ для Него ни дома, ни колыбели; кромѣ убогихъ родителей, едва нѣсколько пастырей занимаются Его рожденіемъ.

Исчисляютъ Безначальному осмь дней новаго бытія: и порабощаютъ Его кровавому закону обрѣзанія.

Господь храма, *приносится во храмъ поставити Его предъ Господемъ*, и пришедый искупить міръ искупляется *двумя птенцами* (Лук. II. 22. 24.).

Тогда, какъ Онъ еще немотствуетъ, уже изощряется на Него въ устахъ Симеона оружіе слова крестнаго, и проходитъ сердце Его матери (Лук. II. 34. 35.).

Нѣкоторые иноплеменники приходятъ возвеличить Его именемъ царя Іудейскаго: но сія малая слава воздвигаетъ на Него злобу Іудейскаго царя, содѣлываетъ Его невинною виною кровопролитія, и принуждаетъ удалиться отъ народа Божія въ страну идолослужителей

Всеобъемлющая Премудрость Божія не иначе, какъ съ возрастомъ *преспѣваетъ премудростію у Бога и человѣковъ*. Источникъ и податель благодати *пріемлетъ благодать* (Лук. II. 52.). Тридесять лѣтъ Владыка небесъ и Царь славы сокрывается отъ неба и земли въ глубокомъ повиновеніи двумъ смертнымъ, которыхъ удостоилъ нарещи Своими родителями.

Чего потомъ не претерпѣлъ Іисусъ отъ дня вступленія Своего въ торжественное служеніе спасенію рода человѣческаго!

Святый Божій, грядущій освятить человѣковъ, вмѣстѣ съ ищущими очищенія грѣшниками, преклоняется подъ руку человѣка, и пріемлетъ крещеніе: воистину *крещеніе*, слушатели, то есть, погруженіе не столько въ водахъ, сколько въ обиліи креста!

Испытующій сердца и утробы Самъ поставляется *въ искушеніи*. Хлѣбъ небесный предается земной *алчбѣ*. Тотъ, предъ Которымъ должно *преклониться всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, допускаетъ князя преисподнихъ требовать отъ Себя *поклоненія* (Матѳ. IV. 9.).

Ходатай Бога и человѣковъ открываетъ Себя человѣкамъ: но Его или не узнаютъ, или не хотятъ узнавать. Его ученіе почитаютъ богохульнымъ (Матѳ. IX. 3.), Его дѣла беззаконными (Іоан. IX. 16.), Его чудеса Веельзевуловыми (Матѳ. XII. 24.). Если Онъ чудотворитъ и благотворитъ въ субботу: Его называютъ нарушителемъ субботы. Если обращаетъ заблуждшихъ, и пріемлетъ кающихся: Его порицаютъ *другомъ грѣшниковъ* (Матѳ. XI. 19.). Тамъ ищутъ уловить Его словомъ (Матѳ. XXII. 15.); здѣсь ведутъ Его на верхъ горы, дабы низринуть (Лук. IV. 29.); видѣ вземлютъ на Него каменіе (Іоан. VIII. 59.); нигдѣ не даютъ Ему главы подклонити (Матѳ. VIII. 20.). Онъ воскрешаетъ умершаго;—завистники совѣщаваются умертвить Его Самого (Іоан. XI. 43. 44. 46. 53.). Народъ во вратахъ Іерусалима привѣтствуетъ Его царемъ;—всѣ земныя власти возстаютъ, дабы осудить Его, какъ преступника. Въ избранномъ сонмѣ Своихъ друговъ Онъ видитъ неблагодарнаго предателя и первое орудіе смерти Своей; лучшіе изъ нихъ служатъ Ему *соблазномъ*, помышляя человѣческое въ то время, когда Онъ идетъ на дѣло Божіе (Матѳ. XVI. 23.).

Почіешь ли Ты, Божественный Крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе отъ ига, непрестанно возрастающаго на раменахъ Твоихъ? Почіешь ли, если не для обновленія Твоихъ силъ къ новымъ подвигамъ, по крайней мѣрѣ изъ снисхожденія къ немощи Твоихъ послѣдователей?—Такъ, приближаясь къ Голгоѳѣ, Ты почіешь на Ѳаворѣ. Гряди на сію гору славы; да просвѣтится лице Твое свѣтомъ небеснымъ; да убѣлятся ризы Твои; да пріидутъ законъ и пророки признать въ Тебѣ свое исполненіе; да услышится гласъ благоволенія Отчаго!—Но не примѣчаете ли вы, слушатели, какъ крестъ послѣдуетъ за Іисусомъ на самый Ѳаворъ, и слово крестное не разлучается отъ слова прославленія? О чемъ тамо среди толикой славы бесѣдуютъ со Іисусомъ Моисей и Илія?—Они бесѣдуютъ о Его крестѣ и смерти. *Глаголаста же исходъ Его* (Лук. IX. 31.).

Долго носилъ Іисусъ крестъ Свой, какъ бы не чувствуя его тяжести: наконецъ *преданъ былъ* ему, *аки льву, да сокрушитъ вся кости Его* (Иса. XXXVIII. 13.). Внидемъ за Нимъ съ Петромъ и сынами Зеведеовыми въ вертоградъ Геѳсиманскій; и проникнемъ блящимъ окомъ во мракъ послѣдней нощи Его на земли. Уже Онъ не сокрываетъ креста, сокрушившаго душу Его: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти* (Матѳ. XXVI. 38.). И молитвенное бесѣдованіе съ единосущнымъ Отцемъ не освобождаетъ Его, а удерживаетъ

подъ тяжестію страданія: *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI. 39.). *Носящій всяческая глаголомъ силы своея* имѣетъ теперь нужду *въ укрѣпленіи отъ Ангела* (Лук. XXII. 43.).

Можетъ быть, смертная скорбь Іисуса представляется нѣкоторымъ изъ насъ недостойною Безстрастнаго. Да вѣдаютъ они, что сія скорбь не есть дѣйствіе нетерпѣнія человѣческаго, но Божескаго правосудія. Могъ ли Агнецъ, *заколенный отъ сложенія міра* (Апок. XIII. 8.), убѣгать Своего жертвенника? Тотъ, *Егоже Отецъ святи и посла въ міръ* (Іоан. X. 36.), Тотъ, Который отъ вѣка пріялъ на Себя служеніе примиренія человѣковъ съ Богомъ, могъ ли поколебаться въ дѣлѣ сего служенія единою мыслію о страданіи? Если Онъ могъ имѣть какую нетерпѣливость: то развѣ нетерпѣливость совершить наше спасеніе, и облаженствовать насъ. *Крещеніемъ имамъ креститися*, говоритъ Онъ, и *какo удержуся, дондеже скончаются* (Лук. XII. 50.)? И такъ, если Онъ скорбитъ, то скорбитъ не собственною, но нашею скорбію; если мы видимъ Его *быти въ трудѣ, и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи*, то Онъ *грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуетъ* (Иса. LIII. 3. 4.); чаша, которую подаетъ Ему Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами содѣянныхъ и всѣхъ казней, намъ уготованныхъ, которая потонула бы весь міръ, если бы Онъ единъ не воспріялъ, удержалъ, изсушилъ ее. Она растворена во-первыхъ преслушаніемъ Адама, потомъ растлѣніемъ *перваго міра* (Быт. VI. 12. 2 Петр. II. 5.), гордостію и нечестіемъ Вавилона, ожесточеніемъ и нераскаянностію Египта, измѣнами Іерусалима, *избившаго пророки и каменіемъ побившаго посланныя къ нему* (Матѳ. XXIII. 37.), злостію Синагоги, суевѣріями язычества, буйствомъ мудрецовъ, и наконецъ (поелику Искупитель понесъ на Себѣ и будущіе грѣхи міра) соблазнами въ самомъ Христіанствѣ: раздѣленіями единаго стада Единаго Пастыря, дерзновенными мудрованіями лжеучителей, оскудѣніемъ вѣры и любви въ царствѣ вѣры и любви, возрожденіемъ безбожія въ нѣдрахъ самаго благочестія. Присовокупимъ къ сему все то, что мы находимъ въ себѣ и окрестъ себя достойнымъ отвращенія и гнѣва Божія, и также все, что стараемся сокрыть отъ своей совѣсти подъ ухищреннымъ наименованіемъ *слабостей:* — легкомысліе и законопреступныя утѣхи юности, законнѣніе старости, забвеніе промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе, свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надмѣннаго мечтою просвѣщенія: — всѣ сіи потоки беззаконія сливались для Іисуса въ единую чашу скорби и страданія; весь адъ устремился на сію небесную душу: и дивно ли, что она была *прискорбна даже до смерти?*

Наше слово изнемогаетъ, слушатели, чтобы провождать еще великаго Страдальца отъ Геѳсиманіи до Іерусалима и Голгоѳы, отъ внутренняго креста до внѣшняго. Но совершаемыя нынѣ Церковію тайнодѣйствія уже предназнали вамъ сей путь и сей послѣдній крестъ. Онъ столь болѣзненъ, что солнце не могло взирать на него; и столь тяжекъ, что земля потряслась подъ нимъ. Претерпѣть въ чистѣйшей непорочности всѣ мученія, внутреннія и внѣшнія, тягчайшія и поносныя, и претерпѣть вмѣсто награды за содѣланныя благодѣянія; страдать Всесвятому отъ пребезаконныхъ, Творцу отъ тварей; страдать за недостойныхъ, неблагодарныхъ, за самыхъ виновниковъ страданія; страдать для славы Божіей, и быть оставлену Богомъ: — какая неизмѣримая бездна страданій!

Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси Возлюбленнаго Твоего? — Ей, Господи! Ты оставилъ Его вмалѣ, дабы на вѣки не оставить насъ, Тебе оставившихъ. Отнынѣ Онъ *воцаряется; облекается въ лѣпоту, препоясуется силою, и утверждаетъ вселенную, да не подвижится* (Псал. XCII. 1.). *Вознесенный отъ земли* крестомъ, Онъ простираетъ его на землю, и *вся привлекаетъ къ Себѣ* на небо (Іоан. XII. 32.).

Но, сколь ни велика и Божественна все привлекающая сила Іисуса Христа: Онъ не иначе можетъ *влещи насъ въ слѣдъ Себе* (Пѣсн. I 3.), какъ чрезъ водруженіе креста

Своего въ насъ, и сопряженіе съ Его крестомъ креста нашего. *Иже хощетъ по Мнѣ ити*, глаголетъ Онъ, *да возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Мнѣ* (Лук. IX. 23.). Ибо, хотя завѣтною Своею кровію и крестомъ Своимъ совершилъ Онъ очищеніе отъ грѣховъ и отъ проклятія искупленіе всего міра, и отверзъ намъ входъ во святая святыхъ: но поелику туда не входитъ ничто, кромѣ жреца и жертвы, то мы должны, яко жертву, предать себя въ руки сего великаго, *по чину Мельхиседекову*, Священника; поелику клятва есть плодъ грѣха, грѣхъ же утверждается своимъ корнемъ въ свободной волѣ, то, для усвоенія себѣ очищенія и искупленія, правды и благословенія Христова, мы должны свободно предать волю свою крестному въ насъ дѣйствованію Христову. Для сего-то тѣ, которые истинно постигли заключенную въ *словѣ крестномъ силу Божію*, столь часто и примѣромъ и словомъ поучаютъ насъ *сораспинатися Христу, распинаться міру, распинать плоть со страстьми и похотьми, не жить себѣ самимъ, исполнять лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти нашей* (Рим. VI. 6. Гал. VI. 14. V. 24. Рим. XIV. 7. Кол. I. 24.).

Чѣмъ неослабнѣе и терпѣливѣе мы носимъ бремя креста нашего: тѣмъ обильнѣе подаются намъ дары Божіи, пріобрѣтенные крестомъ Христовымъ: *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5.). Грѣшникъ, который отъ усильнаго ношенія креста своего преходитъ наконецъ къ распятію себя на немъ, съ совершенною покорностію подвергаясь всѣмъ дѣйствіямъ очистительнаго правосудія предъ лицемъ распятаго Іисуса, вскорѣ услышитъ съ разбойникомъ радостный гласъ Его: *днесь со мною будеши въ раи*. Страданіе въ присутствіи Христа, и по образу Его, есть преддверіе рая.

Какъ видимый, вещественный крестъ есть державное знаменіе видимаго царства Христова: такъ крестъ таинственный—печать и отличіе истинныхъ и избранныхъ рабовъ невидимаго царствія Божія. Онъ есть драгоцѣнный залогъ любви Божіей, жезлъ Отчій, не столько наказующій и сокрушающій, сколько *пасущій и утѣшающій* (Псал. II. 9. XXII. 4.), очистительный огнь вѣры, сопутникъ надежды, укротитель чувственности, побѣдитель страстей, возбудитель къ молитвѣ, стражъ чистоты, отецъ смиренія, наставникъ мудрости, пѣстунъ сыновъ царствія. Гдѣ воспитаны всѣ великіе Ангелы, водители и хранители Церкви,—Іосифы, Моисеи, Даніилы, Павлы?—Въ училищѣ креста. Когда благословеннѣе вся Церковь возрастала, процвѣтала, и приносила плодъ во святыню? — Тогда, какъ вся нива Господня непрестанно раздираема была крестомъ, и напаяема кровію мучениковъ. Кто суть тѣ, которые окружаютъ славный престолъ Агнца,—вопросилъ Іоанна въ видѣніи? *Сіи облеченіи въ ризы бѣлыя, кто суть, и откуда пріидоша?* и когда онъ не могъ узнать ихъ въ Божественной славѣ сей, то ему сказано, что то были запечатлѣнные крестомъ: *сіи суть, иже пріидоша отъ скорби великія* (Апок. VII. 13. 14.).

Кто же суть тѣ, которые желаютъ *испраздпить крестъ Христовъ* (1 Кор. I. 17), и мнятъ *уразумѣть силу воскресенія Его* безъ *сообщенія страстей Его* (Фил. III. 10.)? Если единъ Христосъ есть и *животъ* и *путь* (Іоан. XIV. 6.) къ животу: то какъ могутъ они достигнуть *живота* Христова, не шествуя *путемъ* Его? Могутъ ли изнѣженные сіи члены быть въ союзѣ тѣла, которое *считаетъ* себѣ увѣнчанная терніемъ *Глава* (Ефес. IV. 15. 16)? Можно ли членамъ быть въ покоѣ и безпечности, когда глава въ трудѣ, и въ язвѣ, и во озлобленіи; забываться въ шумныхъ радостяхъ, когда она объята болѣзнями смертными; упиваться изъ полной чаши мірскихъ удовольствій, когда она жаждетъ и вкушаетъ оцетъ; превозноситься, когда она преклоняется; не хотѣть ниже минуты поболѣть о собственныхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, когда она за чуждыя страждетъ и умираетъ; жить міру и плоти, когда она предаетъ духъ свой Богу?—

О человѣкъ, влекомый благодатію Господа твоего на небо, но погрязающій плотію въ мірѣ! Виждь образъ твой въ человѣкѣ, погружающемся въ водахъ, и противоборствующемъ потопленію: онъ непрестанно возобновляетъ въ членахъ своихъ образъ креста, и такимъ образомъ превозмогаетъ

враждебныя волны. Воззри на птицу, когда она желаетъ вознестися отъ земли: она простирается въ крестъ, и возлетаетъ. Пищи и ты въ крестѣ средства изнинкнуть отъ міра, и вознестися къ Богу. *Слово крестное спасаемымъ сила Божія есть.* Аминь.

9. СЛОВО

Въ великій Пятокъ.

Тако возлюби Богъ міръ. Іоан. III. 16.

Нынѣ ли о любви, скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые? Нынѣ ли, когда плодъ вражды созрѣлъ въ вертоградѣ Возлюбленнаго; когда и земля трепещетъ отъ ужаса; и сердца камней разрываются, и око неба помрачается негодованіемъ? Нынѣ ли о любви къ міру, когда и Сынъ Божій, страждущій въ мірѣ, оставленъ безъ утѣшенія, и молитвенный вопль Его: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ,* — безъ отвѣта Отеческаго?

Правда, Христіане! День вражды и ужаса день сей, день гнѣва и мщенія. Но если такъ: то что съ нами будетъ, когда и земля не тверда подъ нами, и небо надъ нами не спокойно? Куда убѣжать съ колеблющейся земли? Куда уклониться изъ-подъ грозящаго неба? Взирайте прилѣжнѣе на Голгоѳу: и тамъ, гдѣ видится средоточіе всѣхъ бѣдъ, вы откроете убѣжище. Тогда, какъ *трепетна бысть земля, и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Богъ* (Псал. XVII. 8.), не видите ли, какъ непоколебимо тамъ стоитъ неукорененное древо Креста? Тогда, какъ и мертвые не почиваютъ во гробахъ своихъ, не видите ли, какъ мирно почіетъ Распятый на крестѣ Своемъ, сколько ни старались Его совлещи самою славою Спасителя: *иныя спасе, себе ли не можетъ спасти;* самымъ достоинствомъ Сына Божія: *аще Сынъ еси Божій: сниди со креста;* самымъ благомъ вѣры въ Него: *да снидетъ нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него?* И такъ утвердимъ въ сердцахъ нашихъ сію странную и страшную для міра, но радостную для вѣрующихъ, истину: что во всемъ мірѣ нѣтъ ничего тверже Креста, и безопаснѣе Распятаго. Ужасы отъ Голгоѳы для того и разсѣяны по всему міру, чтобы мы, не видя нигдѣ безопасности, бѣжали прямо на Голгоѳу, и повергались у ногъ, и скрывались въ язвахъ, и погружались въ страданіяхъ Распятаго Спасителя. О Солнце! для чего бы тебѣ закрывать отъ Него лице свое въ полдень, когда великое дѣло тьмы еще при твоемъ свѣтѣ достигло уже своей полуночи, и когда *очи, тмами темъ свѣтлѣйшіи* свѣта твоего, и во тьмѣ столь же ясно видятъ позоръ Богоубійства? — Такъ! въ твоемъ негодованіи впечатлѣно было наше вразумленіе; ты поспѣшало совершить видимый день вражды и гнѣва, дабы препроводить насъ къ созерцаемому дню любви и милосердія, освѣщаемому незаходимымъ свѣтомъ трисолнечнаго Божества.

Христіанинъ! Пусть *тма покрываетъ землю!* Пусть *мракъ на языки! Востань* отъ страха и недоумѣній! *Свѣтися* вѣрою и надеждою! Сквозь тьму *приходитъ свѣтъ твой* (Иса. LX. 1. 2.). Пройди путемъ, который открываетъ тебѣ раздирающаяся завѣса таинствъ; вниди во внутреннее Святилище страданій Іисусовыхъ, оставя за собою внѣшній дворъ, отданный языкамъ на попраніе. Что тамъ?—Ничего, кромѣ святыя и блаженныя любви Отца и Сына и Святаго Духа къ грѣшному и окаянному роду человѣческому.

Любовь Отца—распинающая.

Любовь Сына—распинаемая.

Любовь Духа — торжествующая силою крестною.

Тако возлюби Богъ міръ!

О сей-то любви, Христіане, да будетъ позволено мало нѣчто нѣмотствовать предъ вами: послику изрещи ея даже и не возможно, такъ что само Слово Божіе, дабы совершенно изобразить ее, умолкло на крестѣ. Сіе же Слово и сія любовь да даруетъ намъ и нѣмотствовать и внимать нѣмотствованію, подобно какъ дѣти одной матери, ея сердцемъ и ея словами взаимно нѣмотствуютъ и разумѣютъ нѣмотствованіе.

И такъ, кто распинаетъ Сына Божія? Воины? Они суть почти столько же страдательныя орудія, какъ крестъ и гвоздіе. Пилатъ? Онъ, кажется, истощилъ всѣ усилія въ защищеніи Праведника, и торжественно изъявилъ свое несогласіе на пролитіе

крови Его: *пріемъ воду, умы руцѣ предъ народомъ, глаголя: неповиненъ есмь отъ крове Праведнаго сего* (Матѳ. XXVII. 24.). Народъ? Какъ могъ онъ искать смерти Того, Котораго старался воцарить? Первосвященники? Старѣйшины? Фарисеи? Они признаются, что не имѣютъ власти ни надъ чьею жизнію: *намъ не достоитъ убити никогоже* (Іоан. XVIII. 31.). Предатель? Онъ уже свидѣтельствовалъ во храмѣ, что *предалъ кровь неповинную* (Матѳ. XXVII. 4.). Князь тьмы? Онъ не могъ коснуться и жизни Іова: нынѣ же самъ осуждается и изгоняется. Но кто лучше, какъ Распятый, можетъ знать распинателей? И что же глаголетъ Онъ? — *Не вѣдятъ, что творятъ* (Лук. XXIII. 34.). Коснулся было истинной причины дѣла сего Каіафа, сказавъ, что *уне есть, да единъ человѣкъ умретъ за люди:* однако и *сего о себѣ не рече, но Архіерей сый лѣту тому* (Іоан. XI. 51.); онъ прозвучалъ, какъ кимвалъ, въ который на тотъ день надлежало благовѣстить для церкви, но и самъ же не уразумѣлъ своего благовѣстія. Такимъ образомъ то, чего не хотѣли, не могли, не знали, предъ цѣлымъ свѣтомъ совершилось тѣми самыми, которые не хотѣли, не могли, не знали.

Впрочемъ сіе не значитъ того, чтобъ и не было виновныхъ въ убіеніи Невиннаго! Нѣтъ! Кто не могъ, если бы только восхотѣлъ, уразумѣть то, что уразумѣлъ и проповѣдалъ отчаянный даже Іуда? Но *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II. 8.).

Намъ должно примѣтить здѣсь то, какую ничтожную паутину составляло все сплетеніе видимыхъ причинъ, произведшихъ великое Голгоѳское событіе. Какъ же сія паутина въ первыхъ нитяхъ своихъ не расторглась или отъ дохновенія гнѣва Божія, или даже отъ вѣтра суеты человѣческой? Кто связалъ ею льва отъ Іуды? Какъ сдѣлалось то, чего не хотѣли, не могли, не знали, и что столь удобно было и уразумѣть и отвратить? Нѣтъ! Хулители Голгоѳскіе также не знаютъ, что говорятъ, какъ распинатели не знаютъ, что дѣлаютъ; въ самомъ же дѣлѣ не человѣки здѣсь ругаются Божію величеству: Божій Промыслъ посмѣвается буйству человѣческому, безъ нарушенія свободы заставляя его служить высочайшей Своей Премудрости. Не лукавые рабы прехитряютъ Господа: Всеблагій Отецъ не щадитъ Сына, дабы не погубить рабовъ лукавыхъ. Не вражда земная уязвляетъ любовь небесную: небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертію любви убить вражду, и распространить свѣтъ и жизнь любви сквозь тьму и сѣнь смертную. *Богъ возлюби міръ,* и *Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имѣетъ животъ вѣчный* (Іоан. III. 61.).

Кажется, мы, и проникая въ тайну распятія, и усматривая въ страданіяхъ Сына Божія волю Отца Его, болѣе ощущаемъ ужасъ Его правосудія, нежели сладость любви Его. Но сіе долженствуетъ увѣрять насъ не въ отсутствіи самыя любви, а токмо въ недостаткѣ нашея готовности къ принятію ея внушеній. *Боялся, не совершися въ любви* (1 Іоан. IV. 18.), говоритъ ученикъ любви. Очистимъ и расширимъ око наше любовію, и тамъ, гдѣ оно смѣжалось страхомъ Божія суда, насладимся зрѣніемъ любви Божіей. *Богъ любы есть* (16), говоритъ тотъ-же созерцатель любви. Богъ есть любовь по существу, и самое существо любви. Всѣ Его свойства суть облаченія любви; всѣ дѣйствія—выраженія любви. Въ ней обитаетъ Его всемогущество всею полнотою своею; она есть Его истина, когда осуществуетъ возлюбляемое; она есть Его премудрость, когда учреждаетъ существующее или существовать имѣющее, по закону истины; она есть Его благость, когда премудро раздаетъ истинные дары свои; наконецъ, она есть Его правосудіе, когда степени и роды ниспосылаемыхъ или удерживаемыхъ даровъ своихъ измѣряетъ премудростію и благостію, ради высочайшаго блага всѣхъ своихъ созданій. Приближьтесь и разсмотрите грозное лице правосудія Божія, и вы точно узнаете въ немъ кроткій взоръ любви Божіей. Человѣкъ своимъ грѣхомъ заградилъ отъ себя присносущій источникъ любви Божіей: и сія любовь вооружается правдою и судомъ, — для чего?— дабы разрушить сей оплотъ раздѣленія. Но какъ ничтожное существо грѣшника, подъ ударами очищающаго Правосудія, невозвратно сокрушилось бы, подобно сосуду

скудельному: то непостижимый Душелюбець посылаетъ единосущную Любовь Свою, то есть, единороднаго Сына Своего, дабы Сей, *носящій всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I. 3.), воспріятою на Себя плотію нашею, кромѣ грѣха, понесъ и тяжесть нашихъ немощей, и тяжесть подвигнагося на насъ правосудія; и Единъ истощивъ стрѣлы гнѣва, изощренныя на все человѣчество, въ крестныхъ язвахъ Своихъ открылъ бы незаградимые источники милосердія и любви, долженствующіе упоить всю, проклятую нѣкогда, землю благословеніями, жизнію и блаженствомъ. *Тако возлюби Богъ міръ!*

Но, если Отецъ Небесный изъ любви къ міру предаетъ единороднаго Сына Своего; то равно и Сынъ изъ любви къ міру предаетъ Себя Самого: и какъ любовь распинаетъ, такъ любовь же и распинается. Ибо, хотя не *можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже:* но ничего также не можетъ Онъ творить и вопреки Себѣ. *Онъ не ищетъ Своея воли* (Іоан. V. 30.): но потому, что есть вѣчный наслѣдникъ и обладатель воли Отца Своего. *Пребываетъ въ Его любви:* но въ ней и Самъ воспріемлетъ въ Свою любовь все, Отцу любезное, какъ и глаголетъ: *возлюби Мя отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ* (Іоан. XV. 9. 10.). И такимъ образомъ любовь Отца небеснаго, чрезъ Сына, простирается къ міру: любовь единосущнаго Сына Божія вмѣстѣ и восходитъ къ Отцу небесному, и нисходитъ къ міру. Здѣсь, имѣющій очи, да видитъ глубочайшее основаніе, и первоначальный внутренній составъ креста, изъ любви Сына Божія ко всесвятому Отцу Своему, и любви къ человѣчеству согрѣшившему, одна другую пресѣкающихъ, и одна другой придержащихся, по видимому, раздѣляющихъ единое, но воистину соединяющихъ раздѣленное. Любовь къ Богу ревнуетъ по Богѣ: любовь къ человѣку милуетъ человѣка. Любовь къ Богу требуетъ, чтобы соблюденъ былъ законъ правды Божіей: любовь къ человѣку не оставляетъ и нарушителя закона погибать въ неправдѣ своей. Любовь къ Богу стремится поразить врага Божія: любовь къ человѣку вочеловѣчиваетъ Божество, дабы посредствомъ любви къ Богу обожить человѣчество: и, между тѣмъ какъ любовь къ Богу *возносить отъ земли Сына человѣческаго* (Іоан. XII. 32. 34.), а любовь къ человѣку разверзаетъ объятія Сына Божія къ земнороднымъ, сіи противоположныя стремленія любви соприкасаются, сорастворяются, уравновѣшиваются и слагаютъ изъ себя то дивное средокрестіе, въ которомъ прощающая *милость* и судящая *истина срѣтаются, правда* Божества *и миръ* человѣчества *лобызаются;* чрезъ которое небесная *истина возсіяваетъ отъ земли, и правда* уже не грознымъ окомъ *приникаетъ съ небесе; Господь даетъ благость* землѣ, и *земля даетъ плодъ свой* небу (Псал. LXXXIV. 11—13.).

Крестъ Іисусовъ, сложенный изъ вражды Іудеевъ и буйства язычниковъ, есть уже земный образъ и тѣнь сего небеснаго Креста любви. Безъ сего могъ ли бы оный не токмо удержать на себѣ, даже до смерти, держащаго дланію жизнь всего живущаго, но даже и коснуться раменъ Того, для избавленія Котораго вящше дванадесяти легеоновъ Ангеловъ ожидали токмо мановенія. Вотще мрачное полчище подъемлетъ оружіе, дабы взять Его въ плѣнъ, и готовитъ узы Ему: освѣщая путь свой огнемъ злобы, оно не видитъ, что Онъ уже плѣненъ и связанъ собственною Своею *любовію, яко смерть, крѣпкою* (Пѣсн. VIII. 6.). Вотще вопіетъ беззаконное соборище: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети:* Онъ умретъ не по нашему, какъ по сему Своему закону: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу положитъ за други своя* (Іоан. XV. 13.). Вотще повторяютъ хулители: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста:* Сынъ Божій тѣмъ-то самымъ и дастъ познать Себя, что не снидетъ со креста, доколѣ не истощитъ всего Себя въ сугубомъ стремленіи любви къ Отцу Своему, Которому наконецъ предаетъ духъ Свой, и къ человѣкамъ, для которыхъ источаетъ воду очищенія и кровь жизни. *О семъ познахомъ любовь, яко Онъ* по *насъ душу Свою положи* (1 Іоан. III. 16.). Углубляйтесь, Христіане, въ сіе великое познаніе не однимъ словомъ и языкомъ, или слухомъ празднымъ, но духомъ и истиною: и вы пріидите наконецъ въ то, если можно такъ сказать, содружество креста, что не будете находить сладчайшаго удо-

вольствія, какъ въ духѣ созерцанія взывать съ Богоносным мужемъ: *Любовь моя распялася (Игнат. Богонос.)!*

Любовь Божія, непосредственно дѣйствующая въ крестѣ Іисусовомъ, безъ сомнѣнія долженствовала сообщить ему Божественную силу. И какъ быстро, какъ обильно, какъ неизмѣримо далеко течетъ изъ него сія побѣдоносная сила!

Аще зерно—такъ говорилъ Іисусъ Христосъ о Себѣ Самомъ—*аще зерно пшенично падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. XII. 24.). О, какъ скоро сіе зерно Божественнаго сѣмени, умирающее на крестѣ, даетъ окрестъ себя отрасли новыя жизни! Смотрите, какъ еще прежде кончины Іисуса, на древѣ проклятія, въ устахъ разбойника, процвѣтаетъ молитва: *помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ!* и сей подлинно райскій цвѣтъ въ тотъ-же день переносится въ рай Божій. Смотрите, какъ, вмѣстѣ съ потрясенною землею и разсѣдшимися камнями, сокрушается каменное дотолѣ сердце язычника, и немедленно износитъ зрѣлый плодъ устенъ исповѣдующихся Спасителю: *воистину Божій Сынъ бѣ Сей.* Какимъ непреодолимымъ влеченіемъ, оставившіе Іисуса живаго, собираются окрестъ Его креста и гроба! Нашаче же явилась побѣда креста въ Іосифѣ Аримаѳейскомъ. Доколѣ онъ зналъ Іисуса, какъ Пророка и чудотворца, онъ не имѣлъ мужества открыть себя Его ученикомъ: *потаенъ страха ради Іудейска* (Іоан. XIX. 38.). Но когда узналъ, что Іисусъ умеръ смертію осужденнаго, то Вознесенный отъ земли повлекъ его къ Себѣ съ такою силою, что онъ не вняль ни чести, ни боязни человѣческой, и не поколебался обнаружить даже предъ правительствомъ свое участіе въ Распятомъ: *дерзнувъ, вниде къ Пилату, и проси тѣлесе Іисусова* (Марк. XV. 43.). Не тою ли же силою и давно согнившія въ вертоградѣ смерти зерна показали необычайный плодъ, — *и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа?*

Чѣмъ далѣе простираться будетъ сила Креста: тѣмъ болѣе торжественны будутъ ея дѣйствія. Она сосредоточитъ въ единомъ Іисусѣ распятомъ всякую власть на небеси и на земли; дастъ ощутить силу благодатнаго владычества Его и сущимъ въ темницѣ духовомъ; вознесетъ Его превыше всѣхъ небесъ; низведетъ Имъ оттолѣ Утѣшителя, который не пришелъ бы, если бы Іисусъ не прошелъ путемъ Креста, и не содѣлалъ его путемъ истинно царскимъ. Тогда *любы Божія* безпрепятственно и преизобильно *изліется* въ жаждущія *сердца* вѣрующихъ *Духомъ Святымъ* (Рим. V. 5.), и, не смотря ни на какія препятствія, поведетъ крестными подвигами искупленный міръ ко всеобщему торжеству освященія и прославленія. Пусть враги Креста Христова устроятъ новый крестъ для Его Церкви: они готовятъ ей тѣмъ новую славу. Пусть мудрецы вѣка сего огласятъ *слово крестное юродствомъ:* оно будетъ юродствомъ только для *погибающихъ.* Пусть *Іудеи*—древніе или новые—*просятъ знаменія,* не примѣчая знаменій, совершающихся предъ ихъ очами, и *Еллины ищутъ* собственной *премудрости* слова тамъ, гдѣ должно дѣятельно вѣровать въ Премудрость Божію: истинная Церковь всегда будетъ *проповѣдовать Христа распята; Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе,* и Онъ всегда будетъ, для *званныхъ* Богомъ, *Христосъ, Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. I. 18—24.). Пусть наконецъ настанутъ и тѣ лютыя времена, когда человѣки *здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснемъ уклонятся* (2 Тим. IV. 3. 4.); во слѣдъ за лжеученіемъ приведутъ богоотступленіе, и самую любовь изсушатъ преумноженіемъ беззаконія: по мѣрѣ сихъ событій сила крестная, какъ при второмъ распятіи Господа, проникнетъ съ новымъ обиліемъ все человѣчество и всю природу, сотрясетъ всю землю, разрушитъ въ ней то, что было твердо, низринетъ то, что возвышалось, затмитъ то, что блистало, не столько въ отмщеніе врагамъ Божіимъ, которые обыкновенно сами уготовляютъ себѣ гибель, сколько для того, чтобы ускорить и довершить привлеченіе всего къ Вознесенному отъ земли. Равнымъ образомъ и любовь, подобно предуготовленному елею

мудрыхъ дѣвъ, непримѣтно для юродивыхъ, соблюдется дотолѣ, какъ явится вожделѣнный Женихъ, и она седмеричнымъ пламенемъ воспыласть въ день брака агнцаго; — и дотолѣ, какъ прейдутъ и небо и земля, и вѣра и надежда, *и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV. 28.), поелику во всѣхъ Богоносныхъ сердцахъ будетъ *любовь, изліянная* въ нихъ *Духомъ Святымъ* чрезъ язвы крестныя.

Вотъ, Христіане, и начало, и средина, и конецъ креста Христова—все одна любовь Божія! Какъ въ чувственномъ семъ мірѣ, куда ни простремъ взоръ, къ Востоку или Западу, къ Югу или Сѣверу, всюду зрѣніе упадаетъ въ неизмѣримость неба: такъ въ духовной области тайнъ, по всѣмъ измѣреніямъ креста Христова, созерцаніе теряется въ безпредѣльности любви Божіей. Прекратимъ дерзновенное о семъ нѣмотствованіе. Слово крестное чѣмъ болѣе изрекается, тѣмъ болѣе онѣмѣваетъ языкъ плоти, и око земнаго ума слѣпотствуетъ отъ избытка небеснаго свѣта крестнаго. Самъ вѣчный Художникъ креста, *Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, да дастъ вамъ по богатству славы Своея, силою утвердитися духомъ Его во внутренемъ человѣцѣ; вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша: въ любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же* въ семъ непостижимомъ многокрестіи единую *преспѣющую разумъ любовь Христову, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе* (Еф. I. 14. 19.).

Впрочемъ, вспомнимъ, что если мы не по имени токмо Христіане, но или есмы, или хотя желаемъ быть истинными послѣдователями Іисуса Христа: то имѣемъ и свой крестъ по Его заповѣди: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. XVI. 24.). Поелику же нашъ крестъ долженъ быть подобіемъ Креста Христова: то не отрадно ли теперь помыслить, что и нашъ крестъ долженъ состоять изъ единыя любви? Такъ, Христіане, сей крестъ, отъ котораго міролюбцы бѣгутъ, какъ отъ мучителя, и отъ котораго самые крестоносцы нерѣдко стонутъ, но большею частію потому, что благое и легкое бремя Христово, по невѣдѣнію, малодушію, неопытности, увеличиваютъ собственными тяжестями, — сей страшный крестъ весь изъ любви—что можетъ быть утѣшительнѣе? — весь изъ любви состоять долженъ. Но, да принесетъ нынѣ каждый изъ насъ малый крестъ свой, и приложитъ къ великому Кресту Христову, дабы видѣть, сообразенъ ли оный своему первообразному: ибо мы должны вѣдать, что всякій крестъ, не подобный Кресту Христову, не вознесетъ насъ отъ земли, но падетъ и съ нами, и истрѣтся подъ нами въ дрова огню геенскому. И такъ воззримъ еще разъ на Крестъ Господень. Се любовь Отца небеснаго распинаетъ за насъ единороднаго Сына Своего: какъ сообразуется сему наша любовь? Совершаемъ ли мы дѣло Авраама (Быт. XXII.), возношеніе на жертвенникъ любви Божіей всего намъ любезнаго, безъ колебанія, безъ остатка собственности, паче упованія? Се любовь Сына Божія сама предаетъ себя на распятіе не токмо Святѣйшей рукѣ Отца Своего, но и рукамъ грѣшниковъ: научила ли любовь и насъ неограниченной сей преданности судьбамъ Божіимъ, съ которою бы мы, какъ Исаакъ, всегда были готовы быть жертвою, для славы ли Божіей, для очищенія ли собственнаго, для блага ли ближнихъ? Се любовь Божія, изливающаяся Духомъ Святымъ, наполняетъ горняя и дольняя, объемлетъ время и вѣчность, дабы и ожестѣвшее и омертвѣвшее враждою противъ Бога растворитъ въ живоносную и блаженную любовь: умѣетъ ли и наша любовь побѣждать злое благимъ, благословлять клеветникъ, молиться за распинающихъ, и не знать иноднаго врага во всемъ мірѣ, хотя бы онъ не давалъ намъ иноднаго друга?—Не умножимъ сихъ вопросеній. Здѣсь должна продолжать бесѣду—совѣсть каждаго, которая и возвѣститъ намъ, нынѣ, или нѣкогда, непремѣнно, или горе, ожидающее враговъ креста, или побѣду, миръ и славу его любителей, по суду закланнаго на крестѣ Агнца Божія, Ему же отъ всякаго созданія *благословеніе и честь и слава и держава во вѣки вѣковъ* (Ап. V. 13.). Аминь.

10. СЛОВО

Въ день Святыя Пасхи.

Христосъ воскресе!

Сколь ни много уже разъ повторяли мы нынѣ, но и еще не утомляемся повторять, уповаемъ же, что и вы не утомляетесь такъ часто слышать одно и тоже слово: *Христосъ воскресе!*

Какое чудесное слово! Какъ измѣняется отъ него видъ всего, что существуетъ!

До сихъ поръ многіе изъ человѣковъ знали только землю, на которой они являются на краткое время, и вскорѣ скрываются, неизвѣстно, куда; иные нѣчто еще слыхали объ адѣ, какъ о пропасти, которая всѣхъ угрожаетъ поглотить, и никого не отдаетъ обратно; немногіе помышляли о небѣ, какъ о такомъ горнемъ жилищѣ, къ которому лѣствицу только во снѣ видѣлъ нѣкто, и только такую, по коей видны были восходящіе Ангелы Божіи, а человѣковъ не примѣчено.

Теперь, когда *Христосъ воскресе*, чѣмъ оказывается земля?— Она есть разсадникъ для неба; кратковременная и разрушеніемъ оканчивающаяся жизнь человѣка въ тѣлѣ, —скажемъ словами то, что наблюдаемый между нами при взаимномъ изъявленіи радости воскресенія обрядъ выражаетъ вещію,—жизнь человѣка въ тѣлѣ есть начинающаяся жизнь птенца въ яицѣ, которому, по сокрушеніи скорлупы, открывается высшій и обширнѣйшій кругъ жизни; надобно только, чтобы зародышъ птенца объятъ, проникнутъ и возбужденъ былъ теплотою крови матерней; то есть, надобно, чтобы зародышъ небесной жизни въ человѣкѣ объятъ, проникнутъ и возбужденъ былъ животворящею силою крови Христовой.

Теперь, когда *Христосъ воскресе*, и когда Ему, яко Богочеловѣку, *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII. 18.), не только небо сдѣлалось досязаемымъ, но даже соединилось съ землею такъ, что трудно найти между ими предѣлъ и различіе; ибо и на земли является Божество, и на небеси человѣчество; Ангелы, которыхъ Іаковъ видѣлъ восходящихъ и нисходящихъ по лѣствицѣ небесной, теперь сонмами ходятъ по земли, какъ вѣстники Сына человѣческаго, Который владычествуетъ на небеси.

Что и адъ послѣ того, какъ, по сошествіи во адъ, *Христосъ воскресе?* Крѣпость, въ которую подъ видомъ плѣнника вошелъ побѣдитель; темница, у которой врата сокрушены, и стражи разсѣяны; вотъ подлинно, по изображенію Христову, чудовище, которое поглотило сверженнаго съ корабля Пророка; но, вмѣсто того, чтобы пожрать и истребить его, сдѣлалось для него другимъ, хотя не столь покойнымъ, кораблемъ, чтобы вынести его на брегъ жизни и безопасности. Теперь становится понятнымъ, какъ надѣялся нѣкто чрезъ самый адъ пройти безопасно: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. XXII. 4.),—Ты, Который для насъ сшелъ съ неба, подобно намъ, ходилъ по земли, и, подобно намъ, низшелъ въ сѣнь смертную, дабы и оттолѣ проложить Твоимъ послѣдователямъ путь во свѣтъ жизни.

Наконецъ, и насъ самихъ не иными ли уже, противу прежняго, содѣлало Воскресеніе Христово? — Повѣримъ одному изъ вѣрныхъ свидѣтелей Воскресенія Христова, что и насъ оно переродило, если не самымъ дѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ, надеждою. *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа*, восклицаетъ Апостолъ Петръ, *Иже по многѣй Своей милости порождей насъ во упованіе живо воскресеніемъ Іисуса Христовымъ отъ мертвыхъ* (1 Петр. I. 3.)!

Но, если мы порождены воскресеніемъ Христовымъ только еще *во упованіе*; а за нашимъ упованіемъ слѣдуетъ упованіе и всея твари, *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ* (Рим. VIII. 19.): то всѣ чудеса, которыя произвело воскресеніе Христово, суть только еще начатки дальнѣйшихъ чудесъ, которыя оно будетъ открывать въ продолженіи, особенно въ концѣ временъ, и даже въ безконечной вѣчности.

По симъ неистощимымъ чудесамъ, совершившимся, и долженствующимъ совершиться, воскресеніе Христово есть для насъ источникъ размышленія, созерцанія, удивленія, радости, благодарности, надежды,

всегда полный, всегда новый, сколь ни давно, сколь ни часто изъ него почерпаемъ; оно есть вѣчная новость. И по сему-то, сколь ни увѣрены мы другъ о другѣ, что каждому изъ насъ извѣстно воскресеніе Христово, еще однако желаемъ тысящекратно возвѣщать другъ другу, какъ неслыханную вѣсть, яко *Христосъ воскресе*; сколь ни удостовѣрены въ истинѣ сего событія, засвидѣтельствованнаго очевидцами Воскреснаго, доказаннаго знаменіями и чудесами, не оспоримаго врагами Христіанства, еще однако жаждемъ слышать подтвержденіе, яко *воистину воскресе Христосъ*.

Если слово есть пища, по реченному, яко *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, живъ будетъ человѣкъ* (Втор. VIII. 3.): то слово о воскресеніи Христовомъ, подобно манѣ, какъ изображаетъ ее Премудрый, есть *хлѣбъ всякое услажденіе въ себѣ имѣющій, и ко всякому сличный вкушенію* (Прем. XVI. 20.). Изнуренъ ли ты грѣхомъ, и алчешь правды? Пріиди, насыщайся: *Христосъ воскресе, Иже преданъ бысть за беззаконія наша, и воста за оправданіе наше* (Рим. IV. 25.). Утомленъ ли ты безотраднымъ игомъ закона, и желаешь прейти отъ сего рабства въ благодатную свободу? Приступи, вкуси пасху, тобою желаемую: *ибо пасха наша за ны пожрена бысть Христосъ* (1 Кор. V. 7.); *свободою убо, ею же свободи насъ Христосъ, стойте, и не паки подъ игомъ работы держитеся* (Гал. V. 1.). Недугуешь ли ты страхомъ смерти? Пріими врачевство противъ сей болѣзни: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV. 20.). Изнемогаешь ли во брани противу граговъ твоего спасенія? *Вкуси добраго глагола* воскресенія, и въ немъ побѣдоносной *силы грядущаго вѣка; воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его* (Исал. LXXVII. 2.)! Прельщаетъ ли тебя ложный вкусъ душевный, и побуждаетъ искать пищи желаніямъ въ тлѣнныхъ и суетныхъ вещахъ міра? Исправь оный причастіемъ силы воскресенія: *аще воскресусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя* (Кол. III. 1.). Или уже и *возжадала душа твоя къ Богу крѣпкому, живому*, и томится желаніемъ, *когда пріиду и явлюся лицу Его* (Исал. XLI. 3.)? Живое упованіе воскресенія утолитъ томленіе сея жажды, и сохранитъ самую жажду, яко здравую и спасительную, представляя уму, что *егда Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Кол. III. 4.)

Видишь, Христіанинъ, какое обиліе, какое разнообразіе духовной пищи представляетъ намъ Пасха наша, воскресшій Христосъ. Питается ли теперь сею душа твоя? Дѣйствительно ли *вкушаешь* ты, *яко благъ Господь*? Ощущаешь ли въ себѣ внутренно силу воскресенія Христова, разрѣшающую отъ грѣховъ, и отъ проклятія за нихъ, низлагающую страсти и похоти ветхаго человѣка, созидающую въ тебѣ сердце чистое, и духъ правый обновляющую во утробѣ твоей, подкрѣпляющую тебя въ вѣрѣ и надеждѣ, воспламеняющую любовію къ Жизнодавцу? Или при самой трапезѣ Господней ты гладенъ и жаждущъ, и душа твоя не услаждена и пуста?—Впрочемъ, не хотимъ чрезъ сіе испытаніе привести тебя въ смущеніе и уныніе. Нѣтъ! Хотя печаль, яже по Бозѣ, спасительна: но теперь не время печали, а радости, которая также можетъ имѣть свое спасительное дѣйствіе: *ибо радость Господня, сія есть сила наша* (Неем. VIII. 10.). И такъ, вкусилъ ли ты благости Воскреснаго? *Да возрадуется душа твоя о Господѣ* (Псал. XXXIV. 9.), и сія радость да подвигнетъ тебя къ тѣснѣйшему съ Нимъ соединенію. Не вкусилъ ли еще ты благости Его? Все однако возрадуйся, что Онъ не отлучаетъ тебя отъ сего вкушенія, но и призываетъ къ сему, дая тебѣ слышать благовѣстіе Своего воскресенія, и быть между собравшимися во имя Воскреснаго, гдѣ, по обѣтованію Своему, и *Онъ посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20.). Если чувствуешь себя и недостойнымъ радости: возрадуйся о той дивной благости, которая и недостойнаго не отчуждаетъ отъ участія въ радости. Радость же о воскресеніи Господа нашего да введетъ во всѣхъ насъ и силу воскресенія Его живоносную и спасительную. *Ибо радость Господня, сія есть сила наша.* Аминь.

11. СЛОВО

Въ день Святыя Пасхи.

Христосъ воскресе!

Тогда отверзе имъ умъ. Лук. XXIV. 45

Сколько храминъ отверто, сколько дверей отворено нынѣ однимъ *ключемъ Давидовымъ*, и однимъ его движеніемъ!

Въ домѣ укрѣляютъ и запираютъ двери, чтобы не допустить татя, или чтобы удержать буйнаго домочадца. Такъ и въ домѣ Божіемъ. Когда воздѣлыватель и стражъ рая Божія похитилъ плодъ съ древа познанія: тогда онъ изгнанъ, рай отъ него запертъ, и у входа поставленъ сильнѣйшій его стражъ съ пламеннымъ оружіемъ. А поелику, сверхъ того преступника надлежало наказать, притомъ и послѣ его изгнанія продолжалъ господствовать въ родѣ его духъ преступническій и мятежный: то какъ онъ, такъ и его потомки, одинъ по другомъ, чрезъ дверь смерти, препровождаемы были въ темницу, гдѣ заключались не на дни, но на вѣки. Отсюда само-собою видно и то, какъ загражденъ и заключенъ былъ отъ недостойнаго домочадца самый домъ Господень, то есть, небо, къ которому надлежало итти чрезъ садъ Едемскій.

Наконецъ Единородный Сынъ Домувладыки небеснаго, по Его милосердію и по Своему человѣколюбію, приходитъ освободить заключенныхъ, и возвратить изгнанныхъ. *Ключь Давидовъ*, отпирающій всѣ двери, есть Богочеловѣчество І. Христа, Которымъ какъ Божество проникаетъ во всѣ состоянія человѣчества, такъ и человѣчество входитъ во внутренняя Божества. Всеотверзающее движеніе сего ключа есть воскресеніе Христово. Имъ отверзается темница, и отдаетъ заключенныхъ; отверзается рай, и пріемлетъ изгнанныхъ; отверзается небо, и ожидаетъ избранныхъ. Что сказалъ я теперь во уши ваши, то говоритъ церковь и глазамъ вашимъ, представляя вамъ здѣсь, во все продолженіе настоящаго праздника, отверстыя двери, къ престолу Божественныхъ таинствъ.

Примѣтимъ и еще дверь, которую тотъже ключъ Давидовъ, и въ то же время, отверзаетъ, дверь, можетъ быть, не больную, но которая ведетъ въ великую сокровищницу Божію. *Тогда отверзе имъ умъ*, пишетъ святый Евангелистъ. Тогда отверзъ Господь умъ Апостоламъ. Когда? Тогда, какъ воскресъ, явился имъ, показалъ имъ раны Свои, яде предъ ними, когда совершенно утвердилъ вѣру ихъ во Свое воскресеніе. *Тогда отверзе имъ умъ, разумѣти писанія; и рече имъ: яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, начеше отъ Іерусалима.* Да отверзется умъ каждаго слышащаго сіе, дабы принять открывающуюся важную истину, что воскресеніе Христово, и вѣра въ сіе воскресеніе отверзаетъ заключенный умъ человѣческій къ истинному разумѣнію высокихъ и спасительныхъ предметовъ знанія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ давно уже *начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное* (Матѳ. IV. 17.)! И ранѣе всѣхъ прочихъ начали слушать сію проповѣдь Апостолы. Какъ давно и сами они посланы съ такою же проповѣдію: *ходяще, проповѣдуйте глаголюще: яко приближися царствіе Божіе* (Матѳ. X. 7.)! Итакъ они долго и слушали проповѣдь о покаяніи и о царствіи Божіемъ, и сами о семъ проповѣдывали: но еще умъ ихъ былъ заключенъ? Почти не вѣроятно, и однако, по слову Господню, справедливо. Не прежде, какъ по воскресеніи своемъ,—*тогда отверзе имъ умъ, разумѣти писанія*, и уже какъ разумѣвающимъ, *рече имъ: яко тако подобаше проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ.* До сего времени они знали покаяніе, какъ подвигъ: теперь глубже познаютъ *покаяніе во имя Іисуса*, какъ духъ и силу подвига. Они знали покаяніе болѣе, какъ нужду и должность: теперь совершеннѣе познаютъ его плодъ и награду, *отпущеніе грѣховъ.* Они могли проповѣдывать *приближеніе* царствія небеснаго: теперь могутъ свидѣтельствовать о дѣйствительномъ его явленіи предъ ними и въ нихъ самихъ.

Какъ рано также, какъ многократно и

какъ подробно предсказалъ Господь Апостоламъ и страданіе Свое и воскресеніе! Иногда облекалъ Онъ сіе предсказаніе притчею, какъ на примѣръ, когда сказалъ Іудеямъ: *разорите церковь сію, и трими денми воздвигну ю* (Іоан. II. 19.). Они при сихъ словахъ думали о храмѣ: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла своего* (21.). Впрочемъ и притча о семъ была у него иногда почти столько же понятна, какъ простое слово, какъ на примѣръ: *якоже бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Матѳ. XII. 40.). Но сего не довольно. Такъ говорилъ Онъ при Апостолахъ посторонпимъ, а самимъ Апостоламъ неоднократно говорилъ о семъ безъ притчи, ясно, точно, подробно, на примѣръ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и скончаются вся писанная Пророки о Сынѣ человѣчестѣ; предадятъ бо Его языкомъ, и поругаются Ему, и укорятъ Его, и оплюютъ Его, и бивше убіютъ Его, и въ третій день воскреснетъ* (Лук. XVIII.31—33.). Можно ли говорить яснѣе? Можно ли, кажется, не понять сего? И не ужели, скажете вѣроятно, не ужели сего не поняли? Святый Евангелистъ предвидѣлъ сіе сомнѣніе; и потому съ особеннымъ напряженіемъ слова удостовѣряетъ, что подлинно не поняли. *И тіи*, говоритъ онъ, то есть, Апостолы, *ничесоже отъ сихъ разумѣша, и бѣ глаголъ сей сокровенъ отъ нихъ, и не разумѣваху глаголемыхъ.* Другой Евангелистъ повѣствуетъ, что нѣкогда, услышавъ отъ Господа о воскресеніи Его, Апостолы такъ затруднились въ разумѣніи словъ Его, что, какъ будто на неразрѣшимой притчѣ, остановились на нихъ, и состязались между собою о ихъ знаменованіи. *И слово удержаша въ себѣ отязающеся, что есть, еже изъ мертвыхъ воскреснути* (Марк. IX. 10.). Итакъ, точно не прежде, какъ по воскресеніи Господа,—*тогда отверзе имъ умъ разумѣти писанія, яко тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день.*

Опасаюсь, что, не смотря на столь ясныя свидѣтельства Евангельскія, столь закрытое состояніе ума въ Апостолахъ прежде воскресенія Христова, и столь внезапное озареніе цѣлой области разумѣнія ихъ однимъ лицезрѣніемъ воскресшаго Христа, будетъ для нѣкоторыхъ глаголомъ сокровеннымъ. О, если бы Господь и намъ отверзъ умъ, — сказать нѣчто вразумительное, и услышать нѣчто наставительное о томъ, какъ отверзается умъ свѣтомъ воскресшаго Христа и вѣрою въ Него!

Слово Божіе умъ называетъ окомъ, разумѣніе видѣніемъ, невѣдѣніе слѣпотою, какъ на примѣръ въ семъ изреченіи Господа: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. IX. 39.). Извѣстно, что пришествіе Христово въ міръ никого не сдѣлало слѣпымъ глазами, но многіе оказались во время онаго слѣпы умомъ. Послѣдуемъ же указанію слова Божія на состояніе и дѣйствія ума чрезъ состояніе и дѣйствія ока. Око видитъ вещи, частію по свойству самыхъ вещей, какъ на примѣръ: свѣтъ видитъ свѣтлымъ; частію по образу своему устроенія, и по своему особенному состоянію, какъ на примѣръ: око слѣпаго, постепенно отверзаемое, *сперва видитъ человѣки, яко древіе ходящa*, по совершенномъ же исцѣленіи, *зритъ ясно все;* частію по дѣйствію общаго посредствующаго между зрителемъ и зримыми вещами свѣта, какъ на примѣръ: иное видѣть вещи при свѣтѣ луннымъ или звѣзднымъ, а иное—при солнечномъ. Подобно сему духовное око видитъ духовные предметы, или, иначе сказать, умъ разумѣваетъ ихъ, частію по свойству самыхъ предметовъ,—такъ *невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* умомъ; частію по образу своего внутренняго устроенія и по своему особенному состоянію: такъ младенчествующій умъ видитъ предметы болѣе чувственно, поверхностно, большею частію безъ союза и порядка въ понятіяхъ, а умъ образованный видитъ менѣе чувственно, болѣе углубляется въ предметы, и открываетъ между ими союзъ и порядокъ; частію по дѣйствію посредствующаго между умомъ и предметами свѣта, который можетъ быть или естественный, или сверхъестественный, или свойственный міру, въ которомъ мы живемъ, смѣшенный изъ чувственнаго и духовнаго, или чисто духовный и даже Божественный, по реченному:

во свѣтѣ Твоемъ, Господи, *узримъ свѣтъ*. Устроеніе ока тѣлеснаго не ко многимъ родамъ и степенямъ свѣта приспособлено, такъ что нѣкоторое уменьшеніе свѣта лишаетъ оное силы видѣнія, и нѣкоторое увеличеніе свѣта ослѣпляетъ оное. Устроеніе ума, какъ орудія духовнаго, несравненно пространнѣе и разнообразнѣе. Одинъ и тотъ же умъ человѣческій можетъ сдѣлаться или своего рода нощною птицею, которой только темнота даетъ зрѣніе, и у которой свѣтъ отъемлетъ оное, или звѣремъ, который при лунномъ и звѣздномъ свѣтѣ ходитъ восхитить пищу себѣ, или, какъ свойственно человѣческому естеству, при свѣтѣ дня дѣлать дѣло свое и разсматривать многообразныя красоты міра. Онъ нисходитъ, и заключается въ области чувственной; восходитъ, и становится способнымъ къ свѣту духовному, очищается и отверзается для принятія свѣта Божественнаго.

Кто желаетъ видѣть духовные предметы, для того, безъ сомнѣнія, не довольно открыть глаза тѣлесные и зажечь свѣтильникъ тѣлеснаго свѣта. Чѣмъ возвышеннѣе предметы видѣнія, тѣмъ возвышеннѣе должно быть состояніе ока и свѣтъ, который ему посредствуетъ въ видѣніи. Слѣдственно для созерцанія предметовъ Божественныхъ потребенъ и свѣтъ Божественный, и устроеніе ума съ тѣмъ сообразное. *Во свѣтѣ Твоемъ*, Господи, *узримъ свѣтъ*.

Слово Божіе, тайны царствія Божія, спасительное ученіе и спасительныя дѣла Христовы, безъ сомнѣнія, суть предметы Божественные: слѣдственно, чтобы созерцать оные ясно и чисто, потребенъ человѣку свѣтъ Божественный, свѣтъ Христовъ, свѣтъ Духа Святаго и отверзтіе ума силою сего свѣта. Доколѣ сіе не совершилось въ человѣкѣ, дотолѣ онъ, хотя и слышитъ слово Божіе, и даже видитъ его дѣйствующимъ, не постигаетъ его пространства, высоты и глубины, поелику духовное око его стоитъ въ низшемъ свѣтѣ естественномъ, и къ сему только свѣту приспособлено. Вотъ почему Апостолы послѣ того, какъ уже видѣли тѣлесными очами воскресеніе сына вдовы Наинской, не могли еще возвыситься созерцающимъ умомъ до разрѣшенія вопроса: *что есть, еже изъ мертвыхъ воскреснути*. Вотъ почему и Господь сказалъ Апостоламъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ*. Когда же, Господи, могутъ они носити слово Твое и разумѣти дѣла Твоя? Онъ отвѣтствуетъ: *егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. XVI. 12. 13.). Но что препятствуетъ скорѣе пріити Духу истины? Онъ отвѣтствуетъ Евангеліе: *не у бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ*. Наконецъ Онъ воскресаетъ. Вмѣсто того, что до сего времени Божественное въ Немъ погружалось въ человѣческое, съ сего времени человѣческое въ Немъ восходитъ въ Божественное. Такимъ образомъ отверзается Его человѣчество и преисполняется уже не сокровеннымъ, но являемымъ свѣтомъ Божества, и разливаетъ оный окрестъ себя; Богочеловѣкъ является солнцемъ всего человѣчества, и начинаетъ раздѣлять облака и мракъ, облежащій оное; Божественный свѣтъ Его ударяетъ въ очи, которыя вѣра въ Его воскресеніе отверзла и устремила къ созерцанію, и еще отверзаетъ оныя, или возвышаетъ къ новому, небесному, Божественному зрѣнію или разумѣнію слова Божія и дѣлъ Божіихъ. *Тогда отверзе имъ умъ разумѣти*.

Если сіе отверзтіе ума, или духовное озареніе, представляется скорымъ и внезапнымъ, сіе не только не должно казаться страшнымъ, но и весьма свойственно свѣту, особенно духовному. Солнце, когда восходитъ, отверзаетъ цѣлый міръ разнообразныхъ красотъ: удивительно ли, что и свѣтъ благодатный, свѣтъ Духа Святаго, котораго дѣйствіе *въ сердцахъ* Апостолъ уподобляетъ *дню озаряющему и денницѣ возсіявающей*, скоро и внезапно отверзаетъ безпредѣльную область духовнаго разумѣнія. Впрочемъ какъ естественный свѣтъ, такъ и свѣтъ Божественный,—имѣютъ въ отношеніи къ освѣщаемымъ свою зарю и свой полный день: для Апостоловъ ясная заря взошла тогда, когда Господь *дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ святъ* (Іоан. XX. 22.); полный же день открылся въ сошествіи Святаго Духа въ огненныхъ языкахъ.

Но, если око наше еще слабо, чтобы въ полнотѣ наслаждаться свѣтомъ, которымъ воскресшій Господь отверзаетъ умы: обра-

тимъ на минуту взоры на противоположную оному тьму, чтобы тѣмъ паче возлюбить *чудный* поистинѣ *свѣтъ*, въ который мы призываемся. Посмотрите, какъ въ то самое время, когда вѣра въ воскресшаго отверзаетъ умъ Апостоловъ, невѣріе въ воскресшаго заключаетъ умъ Іудеевъ во тьму осязаемую, до невѣроятности грубую. Что думаютъ, что говорятъ они о воскресеніи Господа? *Промчеся слово сіе въ Іудеехъ даже до сего дне.* Какое слово?— слово, которому ихъ Архіереи со старцами научили воиновъ, стражей гроба Господня: *ученицы Его нощію пришедше украдоша Его, намъ спящимъ* (Матѳ. XXVIII. 13.). Итакъ сіе-то слово промчалось между Іудеями, и они ему повѣрили? Возможно ли? Какъ можно было украсть Его, когда вы окружили гробъ Его воинами? Они спали, говорятъ Іудеи. Воинные стражи спали? Такъ, по мнѣнію Іудеевъ. Не ужели всѣ до одного? Такъ. Не ужели ни одинъ не проснулся, когда для взятія тѣла необходимо было отвалить камень *велій зѣло*, для чего потребно было нѣсколько человѣкъ, и что не могло быть безъ шума? Ни одинъ не проснулся. Но кто же свидѣтельствуетъ о томъ, что тѣло украдено? Тѣ же стражи. Какъ? тѣ же стражи, которые спали и не проснулись, свидѣтельствуютъ о томъ, что произошло во время сна ихъ, и чего они не слыхали? Кто можетъ имѣть дерзость разглашать такую басню? Невѣрующіе Іудеи. Кто можетъ имѣть безуміе вѣрить ей? Невѣрующіе. Спросимъ еще, какъ могло статься, чтобы ученики Іисуса, которые, при первомъ видѣ предстоящей Ему опасности, обратились въ бѣгство,—какъ могло статься, чтобы они рѣшились на дерзкое и безполезное предпріятіе, — украсть тѣло умершаго Учителя своего изъ гроба запечатаннаго и окруженнаго стражею, по повелѣнію правительства? Невѣріе не разсуждаетъ; оно мчитъ по всему свѣту слова, которыя ему нравятся потому только, что дышатъ невѣріемъ. Но если сдѣлалось извѣстно, что сдѣлано похищеніе изъ-за стражи, изъ-подъ печати правительства, и похитители извѣстны; то преданы ли суду стражи и похитители? Отнюдь нѣтъ. Воинный начальникъ стражей не заботится, стражи безпечальны, мнимые похитители не менѣе осьми дней остаются въ Іерусалимѣ, и никто изъ строгихъ до сего времени начальниковъ Іудейскихъ не требуетъ ихъ къ суду за столь важное похищеніе. Возможно ли, чтобъ и послѣ сего басня о похищеніи тѣла Іисусова еще носилась между Іудеями, какъ нѣчто достойное выслушанія? Возможно, потому что закоснѣлый въ невѣріи умъ, какъ нощная птица, видитъ только во тьмѣ невѣрія, любитъ только свои грезы, и убѣгаетъ отъ свѣта истины, который жжетъ ему глаза. *Промчеся слово сіе во Іудеехъ даже до сего дне.*

Христіане! Воскресшій Христосъ отверзъ умъ Апостоламъ, и чрезъ вѣру просвѣтилъ ихъ свѣтомъ Божественнымъ, не для нихъ только самихъ, но и для того, чтобы они отверзли намъ умъ, и чтобъ мы чрезъ вѣру сдѣлались сынами свѣта. Онъ допустилъ, чтобъ и до насъ донеслось нелѣпое слово, обличающее крайнюю слѣпоту невѣрующихъ Іудеевъ, дабы мы страшились невѣрія. Не говорите съ Ѳомою: *аще не вижу, не иму вѣры.* Помните слова Господа: *вѣруеши, больша сихъ узриши; блажени не видѣвши и вѣровавше. Вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете* (Іоан. XII. 36.). Вѣра и любовь да привлекутъ къ вамъ возсіявшій отъ гроба свѣтъ животный; сей свѣтъ да отверзетъ умъ вашъ, къ разумѣнію тайнъ вашего спасенія, и сердце—къ ощущенію царствія Божія, которое внутрь васъ есть; въ отверстомъ царствію Божію сердцѣ да отверзется вамъ и рай и небо. Да не затворимъ сами отъ себя грѣхомъ и невѣріемъ того, что для насъ отверзаетъ ключъ Давидовъ. Аминь.

---

12. СЛОВО

Въ день Святыя Пасхи.

Христосъ Воскресе!

Еще Богъ привелъ насъ узрѣть сего царя дней, сію главу праздниковъ. Благословенъ, положивый времена и лѣта во своей власти!

Воистину, день воскресенія Христова есть царь дней: ибо какъ отъ благотворной

власти царя пріемлютъ подданные безопасность, миръ, достоинство; такъ отъ благотворной силы дня воскресенія Христова пріемлютъ всѣ прочіе дни безопасность и миръ: ибо иначе мы были бы *страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни работать*;—пріемлютъ достоинство: ибо каждый день рожденія, жизни, смерти каждаго изъ насъ, былъ бы достоинъ проклятія, если бы не благословились всѣ они днемъ воскресенія Христова. Можетъ быть для сего-то между прочимъ свѣтъ неблагословенныхъ дней погасъ во мгновеніе смерти Іисусъ-Христовой, чтобы изъ Его смерти и воскресенія возсіялъ новый свѣтъ дней благословенныхъ, чудеснымъ образомъ освѣщающій какъ всѣ грядущіе, такъ и всѣ прошедшіе вѣки. И прошедшіе, говорю: ибо Авраамъ, за столь многіе вѣки до дня воскресенія Христова, наслаждался свѣтомъ не тѣхъ дней, которые тогда видѣлъ, но сего дня, котораго по вѣрѣ ожидалъ, какъ сказуетъ самъ Іисусъ Христосъ Іудеямъ: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой; и видѣ, и возрадовася* (Іоан. VIII. 56.); видѣлъ же онъ сей вожделѣнный день особенно тогда, когда Исаака, въ теченіе трехъ дней приносимаго въ жертву въ сердцѣ намѣреніемъ, наконецъ дѣйствительно на жертвенникѣ, на дровахъ всесожженія, подъ жертвеннымъ ножемъ, подъ смертоносною рукою лежащаго, по выраженію Апостола, *въ притчи пріятъ* (Евр. XI. 19.), то есть, вновь получилъ живаго, въ предзнаменованіе будущаго изъ мертвыхъ воскресенія Христова, тридневнаго, послѣ видимаго на крестѣ закланія и внутренняго всесожженія. А дабы день воскресенія Христова освѣщалъ грядущіе по немъ дни и вѣки, смотрите, какъ даетъ ему неоскудѣвающій свѣтъ само Солнце правды—Іисусъ Христосъ, когда говоритъ сынамъ свѣта, Апостоламъ: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. XVI. 22.). Если никто не похититъ сея радости: то очевидно, что она сіять будетъ во всѣ грядущіе дни и вѣки.

Христіане, сыны свѣта, хотя, можетъ быть, меньшіе! О, если бы сей день, который Авраамъ радъ былъ видѣть, и который Апостоламъ принесъ радость неотъемлемую, съ каждымъ возвращеніемъ своимъ приносилъ намъ новое приращеніе свѣта духовнаго, новое утвержденіе въ радости спасенія!

Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется, что *я ожесточаю просити*,—слишкомъ многаго желаю и требую, чтобы свѣтъ и радость воскресенія Христова всегда возрастали въ насъ, между тѣмъ какъ начало ихъ всегда есть одно и тоже, а потому и дѣйствуетъ одинаково, даже, по видимому, дѣйствуетъ на насъ не всею полнотою силы, какою дѣйствовало на Апостоловъ; поелику они сами слышали обѣтованіе радости, и сами видѣли Воскресшаго, сообразно съ обѣтованіемъ. На сей случай выслушайте мое оправданіе; надѣюсь оправдаться скоро.

Вникните въ обѣтованіе радости, данное Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше*. По нашему понятію, надлежало бы сказать: вы Меня увидите, и возрадуется сердце ваше; ибо мы радуемся тогда, когда мы видимъ, кого любимъ: а то, что видитъ насъ онъ, можетъ для насъ оставаться безъ всякаго дѣйствія; ибо когда не видимъ его мы, тогда не отъ чего возрадоваться сердцу нашему. Вопреки сему Господь сказалъ: Я увижу васъ, и возрадуется сердце ваше; —такъ какъ бы все дѣло зависѣло отъ того, что Онъ увидитъ учениковъ Своихъ, и какъ бы не было никакой примѣчательной разности въ томъ, увидятъ ли они Его, или нѣтъ. Что же хочетъ сказать чрезъ сіе Премудрость Божія? — То, что какъ свѣтъ сего видимаго міра исходитъ отъ солнца, которое есть око сего міра: такъ свѣтъ душъ и радость сердецъ исходитъ изъ очей Сына Божія Іисуса Христа, Который есть Солнце міра невидимаго; что, какъ солнце, когда восходитъ и зритъ на землю, симъ самымъ даетъ благотворный свѣтъ земнымъ существамъ, поколику каждое изъ нихъ способно принимать оный: такъ Богочеловѣкъ Іисусъ, когда призираетъ на души и сердца,—особенно послѣ того, какъ Онъ въ истинную весну и новое утро міра воспелъ отъ земли въ прославленномъ уже Своемъ человѣчествѣ, которое, бывъ возвышено чрезъ страданія, сдѣлалось, такъ сказать, прозрачнымъ для живущаго въ немъ исполненія Божества, и котораго язвы суть отверстыя двери Бо-

жественнаго свѣта,—таковымъ Своимъ присутствіемъ даруетъ благодатный свѣтъ душамъ, и радость сердцамъ, но мѣрѣ ихъ духовной способности принимать оный, то есть, по мѣрѣ вѣры и любви; что, какъ наслажденіе свѣтомъ солнца не зависитъ опредѣлительно отъ того, видитъ ли кто надъ собою кругъ солнца, или нѣтъ, но и тотъ, кто для сего не возводитъ и не напрягаетъ ока, пользуется свѣтомъ, и даже тотъ, кто сидитъ въ тѣни, или стоитъ подъ облакомъ: такъ наслажденіе свѣтомъ Христовымъ и радостію о Господѣ не привязано къ тому необходимо, зритъ ли кто Христа, образно являющагося, тѣлеснымъ даже очамъ, но и тотъ, кто не дерзаетъ возвести взора на высоту славы Его, по смиренію, и тотъ, кто стоитъ подъ облакомъ вѣры, и тотъ, кто покоится въ тѣни надежды, также могутъ наслаждаться духовнымъ свѣтомъ и небесною радостію, и еще иногда безопаснѣе, нежели зритель необыкновенныхъ явленій, для которыхъ надобно имѣть орлиное око, чтобы не быть омрачену избыткомъ свѣта. И такъ подлинно, въ отношеніи къ радости о Господѣ, все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узрѣлъ насъ воскресшій Господь; и нѣтъ никакой примѣчательной разности въ томъ, узрѣли ль Его мы очами тѣлесными, или нѣтъ: величайшая же важность заключается въ томъ, чтобы Господь узрѣлъ насъ не только неомрачаемымъ окомъ Своего вездѣсущія и всевѣдѣнія, которымъ Онъ проницаетъ все, и отъ котораго въ самой мрачной глубинѣ ада самая черная мысль утаиться не можетъ, но чтобы узрѣлъ Онъ насъ свѣтлымъ и свѣтодательнымъ окомъ благодати, пламеннымъ и воспламеняющимъ окомъ любви, которымъ Онъ взираетъ не на всѣхъ безъ различія, но по выбору, какъ узрѣлъ по воскресеніи своемъ Мѵроносицъ и Апостоловъ. Впрочемъ изъ самаго сего выбора, по милосердію Своему, не исключаетъ Онъ никого, если кто самъ себя не исключитъ изъ онаго. Не ожидаетъ, чтобы мы искали взора благодати Его, но, предваряя насъ, ищетъ между нами Самъ, на кого бы могъ воззрѣть взоромъ благодати, и Самъ указуетъ намъ то положеніе, въ какое намъ должно стать, чтобы взоръ Его могъ на насъ успокоиться. *На кого воззрю?* взываетъ Онъ чрезъ Пророка, *токмо на кроткаго и молчаливаго*, или сокрушеннаго духомъ, *и трепещущаго словесъ Моихъ* (Иса. LXVI. 2.). Если не можешь болѣе, имѣй только кротость, сокрушеніе духа, страхъ Божій: и Господь воззритъ на тебя, по закону избранія, который Онъ самъ Себѣ положилъ, и объявилъ всѣмъ намъ; а за симъ и на тебѣ, также какъ на Апостоловъ, исполнитъ Онъ данное и тебѣ въ лицѣ ихъ обѣтованіе: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше.*

Чтобы повѣрить сіе размышленіе несомнѣннымъ опытомъ, воззримъ на первыхъ и ближайшихъ причастниковъ радости воскресенія Христова, которыхъ разнообразные опыты даютъ намъ сколько твердыхъ доказательствъ для удостовѣренія въ семъ вожделѣнномъ событіи, столько же вѣрныхъ наставленій для спасительнаго и блаженнаго участія къ ономъ. Радость ихъ о воскресеніи была ли необходимо привязана къ видѣнію Воскресшаго, тѣлеснымъ образомъ? Лишеніемъ сего видѣнія оправдывалось ли у нихъ уменьшеніе радости? Не противное ли сему показываютъ ихъ приключенія? Вы напомните мнѣ при семъ слово Іоанна: *возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа.* Такъ: но, еще прежде ихъ, Мѵроносицы не радовались ли уже великою радостію, не видавъ Его? *Изшедше*, пишетъ святый Матѳей, *скоро отъ гроба со страхомъ и радостію велію, текостѣ возвѣстити ученикомъ Его* (XXVIII. 8.). Ѳома думалъ, что онъ въ правѣ домогаться видѣнія, и успѣлъ въ своемъ домогательствѣ; правда, что сіе привело его не только въ радость, но и въ восторгъ; одного подлинно ли сіе особенное видѣніе сдѣлало его особенно счастливымъ? Совсѣмъ иначе судилъ самъ Даталь видѣнія; Онъ упрекнулъ Ѳому видѣніемъ, и ублажилъ не видѣвшихъ. *Видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи, и вѣровавшіе* (Іоан. XX. 29.). А быть блаженну, безъ сомнѣнія, есть нѣчто выше мгновенныхъ восторговъ, и совершеннѣе радости. И Апостолъ Петръ, какъ самовидѣцъ Воскресшаго, зная цѣну его видѣнія, приписываетъ однако самый высокій степень радости вѣрующимъ безъ видѣнія. *Егоже*, говоритъ, *не видѣвше любите, и на Негоже нынѣ не зрящіе, вѣрующе же, радуетеся радостію не-*

изглаголанною и прославленною: пріемлюще кончину вѣры вашей, списеніе душамъ (I Петр. I. 8.).

Такимъ образомъ, надѣюсь, доказано, что начало внутренняго свѣта и духовной радости, заключенное въ воскресеніи Христовомъ, и на насъ, не видѣвшихъ Господа, можетъ дѣйствовать всею полнотою силы своея, какою дѣйствовало на самовидцевъ и слугъ бывшихъ *Словесе*. Если же ихъ опыты покажутъ намъ и то, что сія радость не только сохранялась въ нихъ сообразно съ обѣтованіемъ, что *никтоже возметъ* ея, но, для сего самаго качества неотъемлемости, должна была въ нихъ возрастать и совершенствоваться: то чрезъ сіе докажется, что не есть излишняя взыскательность желать и требовать, чтобы радость сія и въ насъ не только не оскудѣвала, но еще всегда возрастала, какъ свѣтъ утра, даже до полнаго дня внутренняго просвѣщенія отъ Духа Святаго, даже до невечерняго дня царствія Христова. И такъ — еще взоръ на опыты очевидныхъ свидѣтелей воскресенія Христова.

Когда, по сказанію Евангелиста, *возрадовашася ученицы, видѣвше Господа*, сіе не было еще высокимъ степенемъ и совершенствомъ радости: послику, какъ дополняетъ другой Евангелистъ, она смѣшана была въ началѣ съ невѣрованіемъ, и для своего утвержденія требовала еще болѣе чувственнаго доказательства воскресенія. *Еще же не вѣрующимъ имъ отъ радости и чудящымся, рече имъ: имате ли что снѣдно здѣ? — И влемъ предъ ними яде* (Лук. XXIV. 41. 43.). Но когда они, разставшись съ Господомъ, возносящимся на небо, *поклонишася Ему, и возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою:* не видите ли, что радость въ нихъ сдѣлалась гораздо возвышеннѣе и сильнѣе прежней; ибо и разлученіе съ Виновникомъ радости не уменьшаетъ ея, но представляетъ *великою* паче прежняго? Наконецъ посмотрите далѣе, какъ тѣже Апостолы *идяху радующеся отъ лица собора Іудейскаго, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти:* вотъ радость еще болѣе возвышенная и сильная, и подлинно неотъемлемая, когда ни вражда, ни гоненіе, ни безчестіе, ни раны, не могли нарушить ея.

И такъ, возвращаюсь къ моему желанію: о, если бы радость настоящаго дня содѣлалась для насъ радостію жизни, всегда возрастающею, какъ жизнь юности, и никогда не старѣющеюся, какъ жизнь небесная!

Но какъ сіе сдѣлать? — спросятъ, вѣроятно. Какъ сіе сдѣлать! Какъ сдѣлать то, чтобы радость, по началу своему вѣчная, не была кратковременною! Какъ сдѣлать, чтобы радость, по своимъ послѣдствіямъ безконечная и безпредѣльная, возрастала и увеличивалась на пути къ своей безконечности и безпредѣльности! Мнѣ кажется, не то трудно, какъ сіе сдѣлать; но труднѣе понять то, какъ дѣлается иначе. Только не препятствуйте Божественной радости, только не изгоняйте, или не подавляйте ея: она будетъ сама-собою продолжаться, возрастать, совершенствоваться, доколѣ наконецъ превратится въ блаженство.

Въ книгѣ Пророка Іоиля есть примѣчательное пареченіе о томъ, какъ люди теряютъ радость, и подвергаются скорбямъ и бѣдствіямъ. *Виноградъ изсше, и смоквы умалишася: шипки и финикъ, и яблонь, и вся древа польская изсхоша, яко посрамиша радость сынове человѣчи* (I. 12.). Чистая радость есть благородная и цѣломудренная дѣва, которая имѣетъ неразлучною спутницею чистую совѣсть, которая можетъ быть въ обществѣ только съ тѣми, которыхъ и поступки непорочны, и слова скромны, и намѣренія чисты и возвышенны. Какъ скоро вы позволите себѣ дѣла порочныя, слова праздныя и легкомысленныя, намѣренія нечистыя и низкія; она тонко примѣчаетъ сіе, и ея благородство посрамляется, ея цѣломудріе стыдится, и она убѣгаетъ и скрывается отъ васъ. Если грубое и безумное веселіе міра заступаетъ ея мѣсто: тѣмъ хуже. Мщеніе небесное, за оскорбленіе небесной радости, посылаетъ проклятіе на всѣ источники радости земной. *Виноградъ изсше, и смоквы умалишася: шипки и финикъ и яблонь и вся древа польская изсхоша, яко посрамиша радость сынове человѣчи.*

Сынове человѣчи! или, лучше, сынове Божіи во Христѣ! Не посрамимъ радости небесной и Божественной житіемъ нечистымъ и дѣлами грубой чувственности, *да дастъ* Богъ *веселіе въ сердца наши* лучшее, не-

жели у тѣхъ, у которыхъ *плоды пшеницы, вина и елея умножишася*, и да *никтоже возметъ радости* нашея о воскресшемъ и вѣчно живущемъ Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ. Аминь.

13. СЛОВО

Въ день Святыя Пасхи.

Христосъ воскресе!—Сказавъ сіе, что могу сказать вамъ болѣе? Все сказано.

Надобно ли основать вѣру, сотворить надежду, воспламенить любовь, просвѣтить мудрость, воскрилить молитву, низвести благодать, уничтожить бѣдствіе, смерть, злo, дать жизненность жизни, сдѣлать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава—не призракъ, но вѣчная молнія вѣчнаго свѣта, все озаряющая, и никого не поражающая?—На все сіе найдется довольно силы въ одномъ чудодѣйственномъ словѣ: *Христосъ воскресе.*

Аще Христосъ не воста, суетна вѣра ваша (1 Кор. XV. 17.), признается одинъ изъ несуетныхъ Проповѣдниковъ вѣры. Какое разрушительное предположеніе! Но тѣмъ болѣе оно разрушительно; тѣмъ болѣе созидательна противоположная оному истина: поистинѣ Христосъ воста, то вѣра наша и непоколебима, и спасительна. Вѣруетъ и язычникъ, но мертвымъ божествамъ, или тварямъ, также, какъ самъ онъ, смертнымъ и тлѣннымъ: какъ же можетъ быть прочна вѣра, когда божество ея тлѣнно, или живоносна, когда оно мертво? Вѣруетъ Іудей, и вѣруетъ Богу живому, но по *тѣмени* закона, которое грѣшника *убиваетъ*, а воскресить не можетъ: чего ждать отъ сея вѣры, кромѣ того, что мы отъ нея видимъ? Онъ убила христоубійственный народъ Іудейскій, разсыпала кости его по вселенной, и съ нимъ вмѣстѣ сама себя разрушила такъ, что Іудей и вѣра его не имѣютъ никакой надежды, развѣ въ Христіанствѣ. Нѣкоторые мудрецы древности, уразумѣвшіе нелѣпость язычества, но не проникшіе во Святилище истины Божественной, изобрѣли было еще вѣру невѣдомому Богу, и воздвигли сему имени олтарь, можетъ быть, нѣкоторымъ и новѣйшихъ временъ мудрователямъ не неугодный, потому что онъ не назначаетъ для себя великихъ жертвъ: но если невѣдомъ Богъ, то невѣдомо и то, какъ должно служить Ему, и въ семъ случаѣ можетъ ли наше служеніе быть Ему пріятно, а намъ спасительно? Такъ—невѣдѣніемъ основанная вѣра тѣмъ же невѣдѣніемъ и разрушается. Мы, Христіане, вѣруемъ въ Бога живаго, но *закону духа жизни о Христѣ Іисусѣ, свобождающему насъ отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. VIII. 2.). Мы *вѣмы*, дерзаемъ сказать со Апостоломъ, *Емуже вѣровахомъ, и извѣстихомся, яко силенъ есть преданіе наше сохранити* (2 Тим. 1. 12.). Какъ *извѣстихомся?*—Всего вѣрнѣе воскресеніемъ Того, *Емуже вѣровахомъ.* Если Онъ вѣру Свою, въ самомъ Лицѣ Его, врагами Его низринутую во гробъ, и низведенную во адъ, воскресилъ, возвелъ, воцарилъ: то *извѣстихомся, яко силенъ есть*, и нашу вѣру и утвердить и сохранить, и оправдать.

Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, говоритъ еще твердый Проповѣдникъ вѣры, *окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. XV. 19.). Невѣрующіе находятъ для себя въ невѣріи ту выгоду, что могутъ безпечно наслаждаться пріятностями жизни настоящей и пользоваться пріязнію міра: незавидная, по правдѣ, выгода, и не больше, какъ *окаянство*; ибо когда сказано: *окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы*, чрезъ сіе сказано и то, что всѣ человѣки, то есть, невѣрующіе, больше или меньше *окаянны*. Но если бы у насъ, вѣрующихъ во Христа, отнять увѣреніе о воскресеніи: то подлинно мы были бы окаяннѣе всѣхъ окаянныхъ человѣковъ. *Міръ*, по слову Господню, *свое любитъ:* а *не сущихъ отъ міра*, слѣдственно и Христіанъ, если не всегда открыто гонитъ, то вѣрно всегда внутренно *ненавидитъ*. Міролюбцы наслаждаются: Христіане, или, отрекаясь отъ наслажденій, страждутъ лишеніемъ, или, попуская себѣ наслажденія, должны страдать раскаяніемъ. Но, да не льстится міръ злымъ удовольствіемъ, сдѣлать насъ отчаянными, подобно ему. Если и все, по чему цѣнится настоящее,

потерянно; еще не все погибло для насъ, или лучше сказать, еще ничего не погибло. Надежда наша основана глубже настоящаго міра, и выше его воздвигнута. *Хрістосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV. 20.). *Аще ли же Духъ Воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, Воздвигій Хріста отъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Его въ васъ* (Рим. VIII. 11.). Потребуете ли больше для совершенной надежды? — Если угодно: мы уже имѣемъ то, что намъ обѣщается въ будущемъ въ замѣну настоящаго. *Богъ, богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, ювже возлюби насъ, и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеніи, уже сооживи Хрістомъ, и съ Нимъ спосади на небесныхъ, да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати Своея благостынею на насъ о Хрістѣ Іисусѣ* (Ефес. II. 4—7.).

Когда же *премногая любовь Божія*, чрезъ воскресеніе Хрістово, и въ вѣрѣ насъ непоколебимо утверждаетъ и совершенною надеждою утѣшаетъ: что должно при семъ чувствовать сердце наше, если грубая чувственность не сдѣлала его неспособнымъ чувствовать вліянія духовныя? Что, какъ не туже любовь Божію, которою Богъ, какъ вѣчное Солнце, сіяетъ для насъ, воспламеняющую насъ для Бога? *Любы Божія обдержитъ насъ*, изъясняется Апостолъ, *суждшихъ сіе, яко аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша* (2 Кор. V. 14.). И въ другомъ случаѣ, какъ скоро наименовалъ онъ *Хріста Іисуса умершаго, паче же и воскресшаго, Иже и есть одесную Бога, Иже и ходатайствуетъ о насъ,*— тотчасъ, въ неудержимомъ восторгѣ, восклицаетъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія* (Рим. VIII. 34. 35.)? Подлинно, если, по изреченію самой Любви, *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV. 13.); но безъ мѣры великая любовь, еще и врагами ей бывшихъ, насъ возлюбила даже до смерти за насъ, и смерти крестныя: можемъ ли мы быть столько неблагодарны и безчувственны, чтобы ради насъ воскресная любовь не воскресила нашей любви ради Себя?

Не стану далѣе изъяснять различныя чудеса, какія производитъ одно чудодѣйственное слово: *Хрістосъ воскресе*. Если оно воскреситъ въ насъ святую любовь Божію, непрестанно убиваемую грѣховною любовію міра и плоти: довольно сего чуда для совершенства настоянія радости, и для того, чтобы всѣ прочія чудеса открылись намъ сами собою. Въ комъ воскресшій Хрістосъ, на семъ праздничномъ поприщѣ, какъ въ ученикахъ на пути въ Эммаусъ, вожжетъ сердце сладкимъ желаніемъ, и нѣкимъ сокровеннымъ ощущеніемъ Его Божественнаго присутствія: того не праздными словомъ, и болѣе нежели по одному обычаю, можемъ привѣтствовать, какъ Эммаусскихъ путешественниковъ привѣтствовали Апостолы: *воистинну воста Господь! воистинну воскресе!* Аминь.

14. СЛОВО

Въ день Святыя Пасхи.

Хрістосъ Воскресе!

Хрістова Церковь торжественнѣйшимъ образомъ огласила нынѣ слухъ нашъ высочайшимъ изъ благовѣстій: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*, и такъ далѣе. И какъ мы знаемъ ея обычай—Евангельскимъ чтеніемъ ознаменовывать таинство дня, и подавать намъ предметъ благоговѣйнаго размышленія и духовнаго поученія: то что теперь долженъ я дѣлать?

Стараться ли мнѣ восторгнуть ваши души отъ земли, вознести превыше солнца и звѣздъ, вести на небеса небесъ, мимо низшихъ и высшихъ чиновъ Ангельскихъ, до крайнихъ высотъ сотвореннаго, туда, гдѣ нѣтъ времени, потому что тамъ открыта не преходящая и не дѣлящаяся вѣчность, гдѣ пространство исчезаетъ въ безпредѣльности, откуда обратнымъ взоромъ удостовѣриться можно, какъ не преувеличено, какъ даже слабо выраженіе Премудраго, что *якоже стражникъ въ превѣсахъ, тако весь міръ* предъ Богомъ, *и яко капля росы утренняя, сходящія на землю* (Прем. XI. 23.)? Требовать ли, чтобы вы *стали на стражъ* созерцанія со святымъ Еван-

гелистомъ Іоанномъ, выше, нежели стоялъ на своей стражѣ Пророкъ Аввакумъ: поелику Пророкъ созерцалъ Сына Божія въ явленіи Его воплощенія, а Евангелистъ созерцаетъ Его въ таинствѣ Его предвѣчнаго рожденія? Бесѣдовать ли къ вамъ о *началѣ*, въ возвышеннѣйшемъ значеніи сего слова, *о началѣ всякаго начала*, какъ изъяснился Царь Пророкъ (1 Пар. XXIX. 12.), о началѣ, которое далеко предшествуетъ началу времени и всего, что во времени,— о началѣ, отъ котораго все начинается въ самой вѣчности, но которое никакимъ дальнѣйшимъ началомъ, равно какъ и концемъ, не ограничивается? Искать ли мнѣ словъ, дабы, сколь можно ближе къ вашему разумѣнію, и изреци вамъ *Слово*, которое не только человѣческій, но и Ангельскій умъ постигнуть, и языкъ изъяснить, не достаточенъ,—*Слово*, которое изрекъ единственно, и вѣчно изрекаетъ, или раждаетъ Единъ вѣчный Отецъ Слова, и которое Само изрекъ всѣ прочія существа, не именовательно къ слышанію и познанію, но существенно къ бытію и благобытію? Пересказывать ли, какъ-нибудь простѣе, выспреннее сказаніе верховнаго Богослова, что *въ началѣ бѣ Слово*, то есть, Оно не началось, такъ чтобы вы могли представлять Его нѣкогда не бывшимъ, но въ довременномъ и вѣчномъ началѣ всегда *было*, равно какъ всегда есть и будетъ, поелику есть присносущно: что *Слово бѣ у Бога*, то есть, *Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи*, рожденіемъ Своимъ не отдѣлился и не отлучился отъ Бога Отца, но есть единосущенъ Отцу и Святому Духу; что *Богъ бѣ Слово*, то есть, имя Бога въ томъ же истинномъ смыслѣ, въ какомъ принадлежитъ Богу Отцу, равномѣрно принадлежитъ и Сыну Божію, подобно какъ и Духу Святому, впрочемъ такъ, что въ трехъ Божескихъ Ѵпостасяхъ единъ токмо есть Богъ по существу; что симъ ѵпостаснымъ Словомъ Божіимъ сотворено все безъ изъятія, земное и небесное, видимое и невидимое; что въ Немъ заключается *жизнь*, или источникъ жизни всего живущаго, и наипаче живущаго духовною и безсмертною жизнію; что сія источная жизнь всегда была и есть *свѣтомъ* для человѣковъ, который сіялъ для нихъ въ раю, не совсѣмъ скрылся отъ нихъ на земли, не угашенъ язычествомъ, хотя имъ не усмотрѣнъ и не принятъ, знаменовалъ себя тѣнью—въ законѣ Моисеевомъ, зарею—въ Пророкахъ; доколѣ наконецъ, какъ солнце и день, явился воплощенное Слово, съ полнымъ свѣтомъ истины, съ животворящею и чудодѣйствующею силою, и въ Его жизни, проповѣди, дѣяніяхъ, даже въ вольномъ страданіи и смерти, наипаче же въ воскресеніи—*видѣхомъ славу Его, славу, яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины*?

Видите, что я едва только покушаюсь богословствовать подъ руководствомъ Святаго Іоанна Богослова: и, можетъ быть, въ немногомъ, что я сказалъ, уже много дерзновенія для немощи моего слова, и, не прогнѣвайтесь, можетъ быть, и для немощи вашего слуха. И между богодухновенными Евангелистами не одному ли сыну громову дано такъ торжественно возгремѣть благовѣстіемъ пренебесной славы Бога Слова?

Впрочемъ, какъ слыша звуки грома, хотя мы не разумѣемъ ихъ такъ ясно и раздѣльно, какъ нѣкогда тотъ же сынъ громовъ разумѣлъ таинственные гласы седми громовъ, однако чувствуемъ, что они намъ возвѣщаютъ величіе Божіе: такъ, слыша высокіе глаголы Святаго Іоанна о Богѣ Словѣ, хотя мы не достигаемъ совершеннаго ихъ разумѣнія, и по недостатку чистоты ума, и по недостижимой высотѣ самаго предмета, тѣмъ не менѣе можемъ чувствовать, что ими намъ возвѣщается, Божественное само въ себѣ, спасительное для насъ, величіе Господа нашего Іисуса Христа. И сего довольно.

Можно удивляться и недоумѣвать, какъ это случилось, что Богомудрая Наставница наша, Святая Церковь, на сей день веселія назначила намъ изъ Евангелія столь трудный урокъ. Въ день воскресенія не ближе ли было бы бесѣдовать изъ Евангелія собственно о воскресеніи, въ день радости всѣми способами возбуждать и питать радость? Радость не была ли первымъ порожденіемъ воскресенія, хотя въ то же время дѣйствовалъ и страхъ отъ внезапнаго явленія чудесъ?—Пришедшія *видѣти гробъ*, но получившія вѣсть о воскресеніи Господа, *со страхомъ и радостію великою текосте возвѣстити ученикомъ*

Его (Матѳ. XXVIII. 8.) Не повелѣлъ ли Самъ Воскресшій радоваться въ день воскресенія?—*Се Іисусъ срѣте я, глаголя: радуйтеся* (9)! Что́ было съ Апостолами, когда они увидѣли Воскресшаго, и удостовѣрились въ Немъ Его крестными ранами? —*Возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа* (Іоан. XX. 20.). Да и Церковь не признаетъ ли нынѣ, болѣе нежели когда-либо, владычество радости, наполняя почти все Богослуженіе торжественнымъ пѣснопѣніемъ, преимущественно предъ чтеніемъ и ученіемъ?

Говорю сіе не съ тѣмъ, чтобы входить съ Матерію-Церковію въ состязаніе о ея уставѣ, но чтобы дать вамъ способъ лучше уразумѣть ея уставъ, и тѣмъ лучше исполнить его.

Какая же была мысль Матери—Церкви, по которой она среди радости призываетъ чадъ своихъ къ трудному размышленію о высокой истинѣ, или къ высокому созерцанію таинства истины? — Безъ сомнѣнія, неумѣстнымъ сіе признала бы она, если бы предполагала въ насъ радость, ниспадающую въ чувственность, смѣшанную съ суетою, разсѣянную, шумную: а если признала сіе умѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, въ томъ предположеніи, что праздничная радость наша должна быть духовная, чистая, мирная, возвышенная; ибо такая радость не только не препятствуетъ основательному и глубокому размышленію, но и дѣлаетъ человѣка болѣе обыкновеннаго способнымъ къ высокому созерцанію. Евангельская исторія представляетъ убѣдительные сего примѣры. Когда будущая матерь Предтечева и будущая матерь Господня, узрѣвъ другъ друга, возрадовались чистою радостію, и радость праведной Елисаветы сообщилась и младенцу во чревѣ ея: какое было послѣдствіе сихъ трехъ радостей?—То, что обѣ матери пришли въ божественный восторгъ, и обѣ пророчествовали. Когда Ѳома, долѣе другихъ Апостоловъ невѣріемъ лишенный радости воскресенія, вдругъ обильно почерпнулъ ее изъ ранъ Воскресшаго: какъ дѣйствовала въ немъ сія радость? Она разрѣшилась Богословіемъ. *Отвѣща Ѳома, и рече Ему: Господь мой и Богъ мой* (Іоан. XX. 28.)! И это весьма естественно: ибо ничто такъ прямо не ведетъ къ мысли, къ вѣрѣ и къ удостовѣренію о Божествѣ Іисуса Христа, какъ Его воскресеніе.

Итакъ мы нѣсколько дознали теперь, какова должна быть настоящая радость наша, дабы она соотвѣтствовала и достоинству своего предмета, и намѣренію Матери-Церкви. *О чада свѣтообразная Церковная!* Умѣйте пользоваться свѣтомъ, который такъ обильно изливаетъ на васъ Воскресшій Господь! Если не такъ легко умѣть хорошо богословствовать: кажется, не трудно, по крайней мѣрѣ, умѣть хорошо радоваться. Внимайте себѣ, и тщательно наблюдайте, чтобы праздничная радость ваша была духовная, чистая, мирная, возвышающая души ваши.

Когда, отъ мудрыхъ, можетъ быть, дѣвъ навѣдавшись о минутѣ, благоугодной Небесному Жениху, въ полунощи, со свѣтильниками, вы окружили Его чертогъ, наполнили Его храмъ; похищенные у сна часы и начатки дня посвятили и посвящаете славословію, Евангелію, Таинству, слову истины: симъ являете вы знаменія радости духовной и чистой. Когда подаете другъ другу цѣлованіе мира, не устраняя никого, къ вамъ приближающагося: вотъ признакъ радости мирной. Когда всякія уста, всякое ухо исполнены именами Христа и воскресенія: охотно признаю сіе выраженіемъ радости, возвышающей души ваши туда, гдѣ царствуетъ Воскресшій. До сихъ поръ, кажется, все хорошо. Святое утро озарено свѣтомъ радости святой.

Но сей ночи и сего утра будетъ ли достоинъ день, и вечеръ, и седмица, которую Церковь опредѣлила для радости Воскресенія? Радость духовную не поглотитъ ли вскорѣ веселіе чувственное? То, что для души вашей собрали вы во храмѣ, внѣ храма не разсѣетъ ли суета безъ остатка? Послѣ зрѣлища священнаго, небеснаго, Божественнаго, не понадобятся ли вамъ низкія зрѣлища мірскія, на которыхъ игрушка-вещь, и, что еще хуже, игрушка-человѣкъ, будутъ играть вниманіемъ вашего ума, и движеніями вашего сердца, на которыхъ разновидно олицетворенныя, — страсть, безуміе, порокъ, оспоривать будутъ другъ у друга ваше время, ваши похвалы, ваши деньги,—можетъ быть, тѣ

деньги, въ которыхъ отказано бѣдному? Не сіе ли Пророкъ называетъ посрамленіемъ радости? *Посрамиша*, говоритъ, *радость сынове человѣчи* (Іоил. I. 12).

Совѣтую и молю, благоговѣйно чтимую въ началѣ радость не посрамлять въ послѣдствіи. Прилично ли обращать въ игру и забаву такую радость, которая намъ пріобрѣтена жертвою и страданіемъ? *Пасха наша за ны пожрена бысть Хрістосъ. Тѣмже*, заключаетъ Апостолъ, *да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (I Кор. V. 7. 8.). *Яко во дни, благообразно да ходимъ: не козлогласованіи и піанствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не раніемъ и завистію, но облецытеся Господемъ нашимъ Іисусъ Хрістомъ* (Рим. XIII. 13. 14.). Довольно у Него свѣта и нетлѣнной радости для всѣхъ и каждаго, чтобы никто не имѣлъ нужды, мимо Его, преслѣдовать призрачный блескъ, и безсмертной душѣ искать пищи въ тлѣніи. Ищите же радости всегда въ истинномъ ея источникѣ. *Радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся* (Фил. IV. 4.). Аминь.

15. СЛОВО

На вечернѣ дня Святыя Пасхи.

Марта 26. 1844.

Возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа. Іоан. XX. 20.

Видѣть Господа, безъ сомнѣнія, есть радость, ни съ чѣмъ несравнимая. Ангелы на небесахъ не знаютъ высшаго блаженства, какъ видѣть Господа.

Радость видѣть Господа воскреснаго въ ученикахъ Господнихъ имѣла еще особенную силу потому, что они предъ тѣмъ съ высоты радости внезапно низринуты были въ бездну печали, а теперь изъ бездны печали также внезапно вознесены на степень радости, высшій прежняго. Чѣмъ болѣе радовались они прежде, когда въ Божественныхъ словахъ и чудесныхъ дѣяніяхъ Господа Іисуса начинали *видѣть славу Его, яко Единороднаго отъ Отца* (Іоан. I. 14.), когда *и вси людіе радовахуся о всѣхъ славныхъ, бывающихъ отъ Него* (Лук. XIII. 17.): тѣмъ болѣе должны были печалиться, когда Онъ былъ преданъ въ руки враговъ, осужденъ, поруганъ, умученъ, умеръ, только отъ неожиданнаго сострадания получилъ честное погребеніе, и даже во гробѣ преслѣдованъ врагами. Но чѣмъ глубже и мрачнѣе сія печаль: тѣмъ торжественнѣе вновь возсіявшая надъ нею радость, когда въ тайное, по причинѣ страха, собраніе учениковъ, сквозь затворенныя двери, *пріиде Іисусъ*, побѣдоносный надъ смертію, и слѣдственно надъ всѣмъ, что враждебно Ему и Его послѣдователямъ, пріявшій всякую власть на небеси и на земли, подающій Духа Святаго, дѣйствительно начинающій царство небесное на земли, котораго близость возвѣщалъ дотолѣ.

И мы нынѣ продолжаемъ сію радость первыхъ учениковъ Хрістовыхъ: потому что и мы ученики Хрістовы, хотя, можетъ быть, послѣдніе, и, можетъ быть, еще болѣе послѣдніе по достоинству, нежели по времени.

Не льзя ли же и намъ увидѣть Господа воскреснаго, чтобы возрадоваться о Немъ полною радостію? Или, если не льзя: то можемъ ли мы радоваться о Немъ полною радостію?

На сей послѣдній вопросъ имѣемъ утѣшительный отвѣтъ изъ устъ Самого Воскреснаго. Когда Ѳома, не смотря на достаточныя свидѣтельства о совершившемся воскресеніи, никакъ не хотѣлъ обойтись безъ видѣнія Господа воскреснаго: тогда Господь, хотя снизшелъ къ дерзновенному требованію, однако не одобрилъ сего требованія. Онъ позволилъ Ѳомѣ и видѣть Себя, и осязать язвы крестныя: но въ тоже время похвалилъ тѣхъ, которые не требуютъ видѣнія: *блажени не видѣвши и вѣровавше* (Іоан. XX. 29.). Вотъ прекрасный жребій, который ничто не препятствуетъ намъ взять! Мы можемъ вѣровать въ Господа воскреснаго, не видя Его, и быть блаженными, а слѣдственно и полную радость имѣть. Въ блаженствѣ заключается полная радость. Апостолъ Петръ въ своемъ посланіи говоритъ именно о радости не видящихъ и вѣрующихъ, и при томъ не

только какъ о возможной, но какъ о дѣйствительно принадлежащей Христіанамъ: *Егоже*, то есть, Хріста, *не видѣвше любите, и на Негоже нынѣ не зрящe, вѣрующе же, радуетеся радостію неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. I. 8.).

Какой, братія, краткій путь къ благополучію! Какой легкій способъ сдѣлаться блаженнымъ! Не видя Хріста, вѣруй въ Него, люби Его, и радуйся, и будь блаженъ!

Но какъ не льзя не признать, что достиженіе видѣнія вѣруемаго должно возвысить радость вѣрующихъ; то не вдругъ отказаться можно и отъ другаго вопроса: не льзя ли и намъ, въ день воскресенія, достигнуть видѣнія Воскресшаго, подобно какъ сего достигли Апостолы, хотя не довольно скоро, — *сущу поздѣ въ день той?* Не дерзнемъ требовать сего упорно, какъ Ѳома, ни угрожать невѣріемъ за отказъ въ видѣніи; потому что сія угроза не угрожала бы никому, кромѣ самого угрожающаго. Но нѣтъ ли кого нибудь, къ кому бы, какъ нѣкогда благочестивые Еллины къ Филиппу, могли мы обратиться съ смиренною мольбою: *господи, хощемъ Іисуса видѣти* (Іоан. XII. 21.)? Къ кому лучше, если не къ Матери-Церкви? И слышите ли? Она уже отвѣтствуетъ на желаніе наше, и не только намъ обѣщаетъ видѣніе Воскресшаго, какъ возможное, но и возвѣщаетъ, какъ уже дѣйствительное. Она поетъ: *воскресеніе Хрістово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу*. Если мы видѣли воскресеніе; то видѣли и Воскресшаго: потому что воскресеніе видимо только въ Самомъ Воскресшемъ. Если положимъ, что Матерь-Церковь имѣетъ въ виду преимущественно достойныхъ и совершенныхъ чадъ своихъ, и въ ихъ-то лицѣ говоритъ такъ увѣрительно: *мы видѣли воскресеніе*: то намъ, несовершеннымъ и недостойнымъ, остается по крайней мѣрѣ надежда, что и мы того же можемъ сподобиться, если поревнуемъ и потрудимся сдѣлаться достойными и совершенными.

Дабы слово Церкви о видѣніи воскресенія не казалось противорѣчащимъ приведенному нами Апостольскому слову о вѣрованіи безъ видѣнія, изъяснимся.

Иное дѣло, при достаточныхъ основаніяхъ къ вѣрованію, требовать видѣнія, какъбы въ задатокъ, чтобы потомъ вѣровать. Это не сообразно съ самымъ существомъ и съ достоинствомъ вѣры, подобно какъ и между людьми, худо вѣрятъ, когда требуютъ задатка. Это дерзость. Это почти невѣріе, хотя, можетъ быть, не совсѣмъ чуждое желанія вѣровать. Сіе не одобрено въ Ѳомѣ. Иное дѣло вѣровать безъ видѣнія, и въ слѣдствіе послушанія вѣры, какъ даръ, какъ награду, какъ подкрѣпленіе, какъ живительное врачевство, получить видѣніе. Такъ Первомученикъ Стефанъ вѣровалъ, исповѣдалъ вѣру предъ гонителями, предалъ себя смертной опасности за вѣру, и тогда *видѣ славу Божію, и Іисуса стояща одесную Бога* (Дѣян. VII.. 55). Есть же и такія видѣнія, которыхъ не искало желаніе, не призывала вѣра, но посредствомъ которыхъ Божіе предвѣдѣніе и милосердіе ищетъ будущаго сына вѣры. Такъ Господь явился въ отверстыхъ небесахъ, чтобы свѣтомъ видѣнія ослѣпить Савла—гонителя и переродить его въ Павла — Апостола.

Иное дѣло видѣть окомъ тѣлеснымъ, иное духовнымъ. О чувственномъ видѣніи Хріста говоритъ Апостолъ: *не зрящe, вѣрующе же, радуетеся*. О духовномъ, конечно, видѣніи говоритъ Церковь: *воскресеніе Хрістово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу*.

Есть, по выраженію Апостола, *духъ откровенія*, который дается не однимъ Пророкамъ и Апостоламъ. Есть *просвѣщенныя очеса сердца*, которыми внутренній человѣкъ, въ состояніи своего здравія и совершенства, смотритъ въ невидимое царство благодати, подобно какъ внѣшній человѣкъ, тѣлесными очами, въ видимое царство природы. Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Ефесеямъ, простирая рѣчь вообще къ *вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ*, сказуетъ, что приноситъ о нихъ слѣдующую молитву: *да Богъ Господа нашего Іисуса Хріста, Отецъ славы, дастъ вамъ духа премудрости и откровенія, въ познаніе Его, просвѣщенна очеса сердца вашего* (Ефес. I. 17. 18.). Изъ сего видно, вопервыхъ, что дара созерцанія духовнаго можетъ сподобиться каждый истинно вѣрующій, во-вторыхъ, что одно изъ средствъ къ достиженію сего дара, есть молитва.

Когда воплощенный Сынъ Божій оставлялъ земную жизнь, и Апостоламъ надлежало лишиться сладкаго видѣнія Его: тогда, въ предварительномъ поученіи о вознагражденіи сего лишенія, Онъ предложилъ и обѣщалъ имъ замѣнъ естественнаго видѣнія въ созерцаніи благодатномъ; и по сему случаю изрекъ общій для всѣхъ законъ и чинъ созерцанія: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю Его, и явлюся Ему Самъ* (Іоан. XIV. 21.). Опыты любящихъ Господа показываютъ, что Онъ является имъ, смотря по ихъ потребности и способности, иногда образно и лицезрительно, въ Своемъ обоженномъ человѣчествѣ, а иногда неизобразительно, однако тѣмъ не менѣе существенно и дѣйствительно, подавая имъ Свой миръ, превосходящій всякъ умъ, Свою радость, неизглаголанную и прославленную, Свой внутренній благодатный свѣтъ, зарю дня невечерняго, отсвѣтъ славы вѣчной.

Теперь видите ли путь къ видѣнію Христа воскреснаго?—Имѣйте заповѣди Его, соблюдайте ихъ, любите Его живою и дѣятельною любовію: и Отецъ Его возлюбитъ васъ, и Онъ возлюбитъ васъ, и *явится вамъ Самъ*. Это такъ вѣрно, какъ вѣрно слово Христово.

Не симъ ли путемъ, то есть, не путемъ ли живой любви достигли видѣнія воскреснаго Христа всѣ тѣ, которыхъ въ Евангеліи видимъ достигшими сего въ самый день воскресенія?

Что влекло Мироносицъ съ ароматами ко Христу, когда у нихъ еще не доставало вѣры въ воскресеніе; потому что муро и ароматы для мертваго, а не для воскреснаго тѣла? Что иное, какъ не любовь ко Христу, которая не умерла въ нихъ съ Его смертію? Она влекла ихъ ко гробу Его, и въ тоже время привлекала къ себѣ любовь Его, и Онъ *явился имъ Самъ*.

Что собрало Апостоловъ, и заключило въ одну храмину, въ день воскресенія, которому вѣра и въ нихъ уже позже сего пробудилась? Страхъ ли Іудейскій? — Правда, что страхъ заставилъ ихъ запереть двери храмины: но если бы главный дѣйствователь былъ страхъ отъ враговъ, то онъ не допустилъ бы ихъ составить собраніе, въ которомъ они удобнѣе могли быть примѣчены врагами, нежели порознь; онъ разсыпалъ бы ихъ врознь, по разнымъ трошинкамъ къ личной безопасности. Нѣтъ! Любовь къ Распятому, пробудившаяся ранѣе вѣры, собрала во едино расточенныхъ овецъ пораженнаго Пастыря, и боязливыя воздыханія сей любви услышала Его любовь, и Онъ *явился имъ Самъ*.

Не та же ли любовь къ Распятому являлась и въ печальныхъ взорахъ путешественниковъ въ Еммаусъ, и въ ихъ неудержимомъ собесѣдованіи о приключеніяхъ, о которыхъ и воспоминать было тяжко, и говорить не безопасно? Любовь, мимо познанія, обрѣла Возлюбленнаго близъ себя, и ощутила близость Его въ пламенѣющихъ сердцахъ, прежде нежели *оньма отверзостеся очи, и познася има въ преломленіи хлѣба* (Лук. XXIV. 31. 35.).

Братія! Пріимите сіи Евангельскія указанія. Ищите Господа воскреснаго живою вѣрою и дѣятельною любовію. По подобію собранія Апостольскаго, съ любовію ищите Его въ собраніи Церковномъ. По подобію путешественниковъ Еммаускихъ, съ любовію ищите Его въ собесѣдованіи о Немъ, въ домѣ, или на пути, съ благочестивымъ другомъ, или хотя только съ своею душею. По подобію Мироносицъ, съ любовію ищите Его въ дѣлахъ состраданія и благотворенія. И да возлюбитъ и Онъ васъ, да просвѣтитъ очеса сердца вашего, и во святомъ созерцаніи, въ чистой радости, въ блаженствѣ мирной совѣсти да *явится вамъ Самъ*. Аминь.

---

16. СЛОВО

Въ день Пасхи.

1845 года.

Христосъ воскресе!

Уже провели мы нѣсколько торжественныхъ и знаменательныхъ часовъ величайшаго изъ праздниковъ. Приходитъ на

мысль спросить: довольно ли поняты нами самыя первыя минуты сего торжества? — Возвратимся отъ сего свѣтлаго дня къ прошедшей, сперва темной, а потомъ не менѣе дня свѣтлой ночи, и размыслимъ о томъ, что происходило.

Въ полночь поспѣшила собрать насъ Церковь для начатія торжества. Почему такъ? — Потому, что желательно было, сколько можно, сблизить начинательное время празднованія съ временемъ празднуемаго, то есть, воскресенія Христова. Время сіе не совершенно намъ открыто. Когда Мироносицы, при восхожденіи солнца, пришли ко гробу Господню: онъ уже былъ открытъ, и Ангелы возвѣщали воскресеніе Христово, уже совершившееся. Гораздо ранѣе потряслась около гроба Господня земля, Ангелъ отвалилъ отъ гроба камень, и свѣтомъ своего явленія привелъ въ ужасъ, и тѣмъ удалилъ стражей, чтобы открыть Мироносицамъ и Апостоламъ свободный доступъ ко гробу. Еще ранѣе совершилось воскресеніе: поелику оно совершилось еще при запечатанномъ гробѣ, какъ свидѣтельствуетъ хранительница Христовыхъ таинъ святая Церковь; но только не прежде полуночи, поелику оно, по предреченію Господню, долженствовало быть тридневное, и потому войдти хотя въ первые послѣполуночные часы дня послѣ-субботнаго. Въ сихъ-то часахъ сокрытую, безпримѣрно высокую и чудесную минуту воскресенія желали мы уловить началомъ нашего торжества, чтобы праздникъ, по возможности, составлялъ едино съ празднуемымъ событіемъ, такъ какъ и празднующіе призываются быть едино съ Творцемъ праздника.

Непосредственно предъ вступленіемъ въ торжество Христова воскресенія мы воспѣли пѣснь тридневнаго погребенія Христова. Для чего сіе? — Во-первыхъ, и здѣсь порядокъ воспоминаній слѣдовалъ порядку воспоминаемыхъ событій: поелику воскресеніе Христово явилось изъ состоянія тридневнаго погребенія Христова. Во-вторыхъ, предъ самою радостію возбужденная благочестивая печаль должна была приготовить къ болѣе правильному и ясному сознанію и живому ощущенію слѣдующей за нею Божественной радости.

Къ торжеству приступили мы пѣснію, въ которой исповѣдали, что воскресеніе Христово Ангелы поютъ на небесахъ; потомъ и себѣ просили благодати славить оное чистымъ сердцемъ; и сія пѣснь вначалѣ возглашена въ затворенномъ олтарѣ, когда церковь еще молчала. Что значитъ сей чинъ? — И здѣсь видно послѣдованіе событію. Ангелы узнали и прославили воскресеніе Христово прежде человѣковъ: ибо человѣки узнали оное вначалѣ отъ Ангеловъ. Небо не отверзлось видимо для земли, когда Христосъ отверзъ оное невидимо, силою креста Своего, и, вмѣстѣ съ воскресеніемъ Своимъ, ввелъ въ оное Патріарховъ, Пророковъ и Святыхъ ветхозавѣтныхъ, при славословіи Ангеловъ. Вѣрою, а не видѣніемъ знаемъ мы сей торжественный крестный ходъ Церкви небесной: и, чтобы наше знаніе о немъ было не слишкомъ темно, и образовательное подражаніе оному въ Церкви земной не слишкомъ мертво, для сего имѣемъ нужду просить отъ Христа Бога благодати и чистаго сердца; потому что *чистые сердцемъ Бога узрятъ* (Матѳ. V. 8.).

Испросивъ отъ Самого воскресшаго Христа помощь, чтобы достойно славить Его, мы начали славить Его весьма необыкновеннымъ чиномъ. Оставивъ олтарь и храмъ, мы остановились въ ночи, на западѣ, предъ затворенными вратами храма; и тамъ возгласили первое славословіе Пресвятой Троицѣ и Христу воскресшему. Кадило и крестъ отверзли намъ врата храма; и тогда изъ тмы внѣшней вошли мы въ его внутренній свѣтъ, и неудержимо предались восторгамъ праздника. Здѣсь видны такія необычайности, что ихъ надлежало бы признать несообразностями, если бы не предположить въ нихъ сокровеннаго и глубокаго знаменованія. Какое жъ это знаменованіе? — То самое, которое мы отчасти уже указали. Въ видимыхъ дѣйствіяхъ Церкви земной по возможности начертанъ образъ невидимаго торжества Церкви небесной.

Это есть древній и высокій законъ церковнаго Богослуженія, чтобы въ немъ представлялись образы небеснаго. Такъ святый Апостолъ Павелъ о ветхозавѣтныхъ священникахъ пишетъ, что они *образу и стѣни служатъ небеснымъ* (Евр. VIII.

5.). Христіанская Церковь ближе къ небесному, нежели ветхозавѣтная. Ветхозавѣтная представляла большею частію образы нисхожденія небеснаго на землю, — воплощенія Сына Божія: Христіанская, послѣ сошествія Его на землю, наипаче должна представлять то, какъ онъ, по выраженію Пророка, *восшелъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ* (Пс. LXVII. 19.), или, яснѣе сказать, плѣнниковъ и рабовъ ада уловилъ и извелъ въ свободу и блаженство, *пріялъ даянія въ человѣцѣхъ*, то есть, Своею крестною заслугою пріобрѣлъ человѣкамъ право на благодатные дары Духа Святаго.

Воскресеніе и восхожденіе Христово началось не отъ гроба только, но и отъ ада: ибо, по крестной смерти Своей, Онъ былъ, какъ исповѣдуетъ Церковь, *во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ. Даже до ада нисшелъ* Онъ, *и тамо сущую тму разрушилъ*. До сего, хотя Патріархи, Пророки и Праведники ветхаго Завѣта не были погружены въ глубокой тмѣ, въ которой погрязаютъ невѣрующіе и нечестивые: однако и не выходили изъ сѣни смертной, и не наслаждались полнымъ свѣтомъ. Они имѣли сѣмя свѣта, то есть, вѣру во Христа грядущаго: но только Его дѣйствительное къ нимъ пришествіе и прикосновеніе Божественнаго свѣта Его могло засвѣтить ихъ свѣтильники свѣтомъ истинной небесной жизни. Ихъ души, какъ мудрыя дѣвы, были близъ дверей небеснаго чертога: но только ключъ Давидовъ могъ отпереть сіи двери; только Женихъ небесный, Который изъ сихъ дверей вышелъ, могъ войдти въ нихъ обратно, и ввести за Собою сыновъ брачныхъ. Итакъ Спаситель міра, послѣ того, какъ въ видимомъ мірѣ распялся и умеръ, въ мірѣ невидимомъ даже до ада нисшелъ, и души вѣрныхъ озарилъ, и отъ сѣни смертной извелъ ихъ, и двери рая и неба имъ отверзъ; и, паки въ видимомъ мірѣ, *свѣтъ воскресенія показалъ*.

Не примѣчаете ли теперь, какимъ образомъ сіе невидимое Церковь соединила съ симъ видимымъ, и одно въ другомъ изобразила? Какбы вмѣстѣ съ обитателями невидимаго міра, на западѣ, во мракѣ ночи, какбы въ сѣни смертной, стояли мы предъ затворенными вратами храма, какбы предъ затворенными вратами рая. Чрезъ сіе Церковь хотѣла сказать намъ: такъ было до воскресенія Христова, и такъ было бы вѣчно безъ воскресенія Христова. Потомъ славословіе Пресвятыя Троицы и Христа воскресшаго, крестъ и кадило намъ отворили врата храма, какбы врата рая и неба. Чрезъ сіи знаменія Церковь сказала намъ: такъ благодать Пресвятыя Троицы и имя и сила Христа воскресшаго, вѣра и молитва отверзаютъ врата рая и неба. Горящія свѣщи въ рукахъ нашихъ не только знаменовали свѣтъ воскресенія, но въ то же время напоминали намъ о мудрыхъ дѣвахъ, и возбуждали къ готовности, со свѣтомъ вѣры, съ слезмъ мира, любви и милосердія, срѣтить второе, славное пришествіе небеснаго Жениха въ полунощи временъ, и найдти для себя отверстыми Его царскія двери.

Вотъ нѣкоторыя черты нынѣшняго церковнаго таинводства! Будемъ внимательны, братія, да будемъ и вѣрны таинственному руководству Матери-Церкви?

Торжествуя Христу, для насъ воскресшему, да взираемъ въ тоже время умиленнымъ сердцемъ на Христа, за насъ распятаго, страдавшаго, умершаго и погребшаго, чтобы радость не забылась, и не сдѣлалась неумысленною. Только тотъ имѣетъ полную и неотъемлемую радость воскресенія Христова, кто со Христомъ и самъ воскресъ внутренно, и имѣетъ надежду воскреснуть торжественно: а сію надежду имѣетъ только тотъ, кто пріемлетъ участіе въ крестѣ, страданіяхъ и смерти Христовой, какъ учитъ Апостолъ: *аще сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ* (Римл. VI. 5.). *Съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Рим. VIII. 17.). Праздничная радость, которая забываетъ крестъ и смерть Христову, призывающія насъ къ распинанію плоти со страстьми и похотьми, находится въ опасности—начатое духомъ скончать плотію, и празднующихъ воскресеніе Христа превратить въ распинающихъ Его вторично.

Въ слѣдъ за Ангелами вступили мы въ торжество Христова воскресенія; съ Патріархами, Пророками и Праведниками образно въ немъ соединились; какъ въ рай и въ небо, введены въ церковь для праз-

дованія. Подумайте же, каково посему должно быть празднованіе наше! Оно должно быть близко къ Ангельскому; должно быть достойно общенія съ небесною Церковію Патріарховъ, Пророковъ и прочихъ Святыхъ; должно быть достойно рая и неба. Не думайте, что сіе требованіе слишкомъ велико и неисполнимо для нашей немощи. Кто празднуетъ чистымъ сердцемъ, тотъ празднуетъ съ Ангелами. Кто празднуетъ съ любовію къ Богу и воскресшему Христу, и въ духѣ братолюбія къ ближнимъ, тотъ празднуетъ въ общеніи съ небесною Церковію; поелику небо есть не иное что, какъ царство любви Божественной; и если, какъ увѣряетъ тайновидѣцъ, *пребываяй въ любви въ Бозѣ пребываетъ* (1 Іоан. IV. 16.), то пребываетъ онъ, конечно, не ниже рая и неба. Но если не очень трудно возвыситься, чтобы праздновать въ общеніи съ Ангелами и Церковію небесною: то, къ прискорбію, очень не трудно и отпасть, и удалиться отъ ихъ общенія. Кто радость духовную погружаетъ и погребаетъ въ веселіи плотскомъ, тотъ уже не съ безплотными Ангелами празднуетъ. Кто занимается земнымъ такъ, что забываетъ небесное, тотъ не близокъ уже къ Церкви небесной. Кто не старается охранить свое празднованіе отъ дѣлъ грѣховныхъ, тотъ не въ общеніи со Святыми празднуетъ. Кто не хранитъ и не питаетъ своего внутренняго свѣта, и небреженіемъ попускаетъ ему гаснуть, тому не много надежды увидѣть отверстыя царскія двери небеснаго чертога, хотя и видитъ на земли отверстыя царскія двери святилища.

Христе Спасе, славимый на небеси Ангелами и блаженными духами святыхъ человѣковъ! *И насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити!* Аминь.

---

17. СЛОВО

Въ день Вознесенія Господня.

И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се мужа два стаста предъ ними во одежди бѣлѣ, иже и рекоста: мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо? Дѣян. I. 10. 11.

А мнѣ удивительнымъ кажется то, что вы, свѣтоносные мужи, вопрошаете сихъ мужей Галилейскихъ, для чего смотрятъ они на небо. Какъ имъ не смотрѣть на небо, куда вознесся Іисусъ, куда перенесено ихъ сокровище, куда взята ихъ надежда и радость, гдѣ жизнь ихъ сокрылась? Если бы теперь смотрѣли они на землю: тогда надлежало бы спросить ихъ, — и надлежитъ спросить всѣхъ послѣдователей Іисуса Христа, которые пристрастнымъ окомъ смотрятъ на землю: что смотрите на землю? Чего вамъ искать на ней послѣ того, какъ единственное ваше, и ея, Сокровище, найденное въ Виѳлеемѣ, разсыпанное по всей Іудеи и Самаріи, прошедшее чрезъ руки разбойниковъ въ Геѳсиманіи, въ Іерусалимѣ, на Голгоѳѣ, скрытое подъ камнемъ въ саду Іосифа Аримаѳейскаго, взято и отнесено въ сокровищницу небесную? Вамъ сказано, и такъ должно быть, да *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. VI. 21.): и такъ, если сокровище ваше на небесахъ, тамъ должно быть и сердце ваше; туда должны быть устремлены взоры ваши, помышленія ваши, желанія ваши.

Два мужа во одежди бѣлѣ, которые тотчасъ, по вознесеніи Господнемъ, явились Апостоламъ, и вопрошали ихъ, для чего смотрятъ они на небо, безъ сомнѣнія, сами были небесные жители: потому не льзя думать, чтобы сіе было имъ непріятно, и чтобы они куда нибудь инуды хотѣли обратить взоры мужей Галилейскихъ. Нѣтъ! Они хотятъ только прекратить бездѣйственное изумленіе Апостоловъ: *что стоите зряще на небо?* Пробудивъ ихъ отъ сего изумленія, они вводятъ въ размышленіе, и наставляютъ Апостоловъ,—и насъ, съ какими мыслями должно взирать на небо во слѣдъ Господа Іисуса, Который туда вознесся. *Сей Іисусъ*, продолжаютъ они, *вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо.*

Хотя многократно Господь нашъ, по воскресеніи Своемъ, являлся Апостоламъ, и становился невидимъ; и потому они могли нѣкоторымъ образомъ привыкнуть къ симъ

чудеснымъ нечаянностямъ: но когда, разлучаясь съ ними на горѣ Елеонской, не просто удалился Онъ, или сдѣлался невидимъ, а восходя видимо превыше облаковъ, только по причинѣ безмѣрной высоты, престалъ быть видимъ ими; нѣтъ сомнѣнія, что сей новый образъ отшествія Его показался имъ, и послѣ привычки къ чудесному, необычайнымъ, и особенно знаменательнымъ. Имъ представилось тогда ясное исполненіе словъ Его, которыя имъ пересказала Марія Магдалина: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. XX. 17.). Должно было заключить, что сіи радостныя посѣщенія Его, сіи поучительныя собесѣдованія съ Нимъ, сіи ощутительныя общенія съ Его Богочеловѣчествомъ, продолжавшіяся четыредесять дней, прекращаетъ настоящая минута. Когда руки и голосъ не могли уже достигнуть Возносящагося: Его преслѣдовали взорами, желающими удержать Его. *Взирающе бяху на небо, идущу Ему*. Можно вообразить, какое безмѣрное лишеніе должны были ощутить Апостолы, по удаленіи на небо Іисуса, Который Единъ былъ для нихъ все въ мірѣ. И сіе-то безмѣрное лишеніе поспѣшаютъ восполнить небесныя силы. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, пріидетъ.*

Христіанинъ! Если ты сколько нибудь позналъ Господа Іисуса, и *вкусилъ, яко благъ Господь* (Псал. XXXIII. 9.): то конечно болѣе или менѣе примѣчаешь, какая безъ Него пустота въ мірѣ, чувствуешь, какая безъ Него пустота въ сердцѣ. Такъ и должно быть: потому что все, что есть въ мірѣ, *суета суетствій*; а суета не можетъ наполнить сердца, сотвореннаго Истиною для истины: *все, еже въ мірѣ*, есть *похоть*, или предметъ, приманка похоти въ разныхъ видахъ; и какъ *міръ преходитъ и похоть его* (1 Іоан. II. 16. 17.), или иначе сказать, предметы, возбуждающіе похоть, вскорѣ исчезаютъ, то сколь ни великъ міръ, сколь ни разнообразны блага его, сколь ни обильны потоки удовольствій его, все сіе не можетъ наполнить малаго сосуда сердца человѣческаго, которое, будучи безсмертно, только вѣчною жизнію наполнено быть можетъ. Если, при таковомъ ощущеніи пустоты въ тваряхъ, тебѣ кажется, что Господь, Который есть твоя истина, твоя жизнь, твое желаніе и полнота всѣхъ желаній, удаляется отъ тебя, скрывается, оставляетъ тебя не только безъ утѣшенія, но и въ скорби, не только одинокимъ, но и среди враговъ твоего спасенія; если утомленный взоръ твой не проницаетъ небесъ, закрытыхъ облакомъ, и недомыслимыя судьбы Всевышняго представляютъ тебѣ одну неизвѣстность: пріими отъ небесныхъ Силъ исполненное силы слово, которое можетъ наполнить твою пустоту, облегчить скорбь, прекратить одиночество, прояснить мракъ, разрѣшить неизвѣстность, оживить духъ твой надеждою необманчивою и нетлѣнною. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо,—пріидетъ.*

Къ утѣшительному и спасительному свидѣтельству о будущемъ пришествіи Вознесшагося Господа, небесные вѣстники Его присовокупляютъ нѣкоторое изъясненіе того, какимъ образомъ послѣдуетъ сіе пришествіе. Они сказываютъ, что пришествіе Господа подобно будетъ отшествію Его, или вознесенію. *Такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо.* Небесные проповѣдники вѣрно не празднословятъ, какъ иногда мы земные; но и малымъ словомъ подаютъ великое наставленіе внимательнымъ. Будемъ внимательны!

Такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо. По сему указанію, обращаясь къ обстоятельствамъ отшествія Іисуса Христа на небо, во-первыхъ, можемъ примѣтить благословеніе, въ то время Имъ преподанное Апостоламъ. *Бысть*, повѣствуетъ Евангелистъ Лука, *егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо* (Лук. XXIV. 51.). Сіе обстоятельство восшествія Своего на небо, и разлученія съ избранными Своими, Господь Самъ приведетъ имъ на память, *егда пріидетъ во славѣ Своей*, и вновь срѣтясь съ ними, будетъ призывать ихъ къ дѣйствительному обладанію царствіемъ Его: *ибо тогда речетъ Царь сущимъ одесную Его: пріидите благословенніи Отца Моего* (Матѳ. XXV. 34.).

Какой безконечной токъ благословенія Христова открывается предъ нами, Христіане! Онъ начинаетъ благословеніе, и, не окончивъ онаго, возносится. *Бысть, егда*

благословляше ихъ,— возношашеся. Такимъ образомъ и вознесшись, Онъ еще продолжаетъ невидимо преподавать благословеніе. Оно течетъ и нисходитъ непрестанно на Апостоловъ; чрезъ нихъ преливается на тѣхъ, которыхъ они благословляютъ во имя Іисуса Христа; получившіе Христово благословеніе чрезъ Апостоловъ, распространяютъ оное на другихъ; такимъ образомъ всѣ принадлежащіе ко святой, соборной, Апостольской Церкви, дѣлаются причастными единаго благословенія Іисуса Христа и Отца Его, *благословляющаго насъ всящымъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ* (Ефес. I. 3); какъ роса *Аермонская, сходящая на горы Сіонскія* (Псал. CXXXII. 3.), сходитъ сіе благословеніе мира на всякую душу, восходящую выше страстей и похотей, выше суетъ и попеченій міра; какъ неизгладимая печать, знаменуетъ тѣхъ, кои Христовы суть, такъ что въ кончину вѣка по сему знаменію вызоветъ Онъ ихъ изъ среды всего рода человѣческаго: *пріидите благословенніи!*

Помыслимъ, братія, какъ нужно намъ попещись нынѣ, чтобы пріобрѣсть и сохранить блогословеніе Вознесшагося Господа, нисходящее и на насъ чрезъ Апостоловъ и Церковь Апостольскую. Если мы получили и сохранимъ оное: то и мы со Апостолами и со всѣми Святыми въ будущее пришествіе Іисуса Христа призваны будемъ къ участію во царствіи Его: *пріидите благословенніи!* А если тогда, какъ Онъ призывать будетъ *благословенныхъ Отца Своего,* или не обрящется на насъ благословенія, или мы будемъ имѣть только ложное благословеніе людей, которые сами не наслѣдовали благодатно и таинственно благословенія Отца небеснаго: то что будетъ съ нами! Ей, глаголю вамъ, помыслимъ и попечемся о семъ благовременно!

Другое обстоятельство вознесенія Господня, примѣчаемое въ соображеніи съ ожидаемымъ пришествіемъ Господнимъ, есть то, что Господь вознесся предъ очами учениковъ Своихъ явно и торжественно. *Зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ.* Что за облакъ? — Облакъ свѣта и славы, какой осѣнялъ и наполнялъ нѣкогда скинію Моусееву и храмъ Соломоновъ. Тамъ видѣли славу, но не видѣли Господа славы; послѣ и Его видѣли, но не въ славѣ, и потому не узнали Его; и не прославили: здѣсь и слава не скрываетъ Славимаго, и Славимый не скрываетъ славы. Апостолы зрѣли славу Вознесшагося Господа: Пророкъ также видѣлъ и слышалъ се, когда и самъ торжественно воскликнулъ: *взыде Богъ въ восклицаніи, Господь во гласъ трубнѣ* (Псал. XLVI. 6.). И такъ, когда свѣтоносные проповѣдники возвѣстили намъ, что Онъ такъ же пріидетъ, какъ видѣли Его идущимъ на небо: чрезъ сіе они дали намъ разумѣть, что Онъ пріидетъ явно и торжественно. Такъ точно предрекъ и Господь о Себѣ, что *пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѳ. XXV. 31). Такъ и Апостолъ изъясняетъ, что *Господь въ повелѣніи,* или по предвозвѣщеніи, *во гласъ Архангеловъ, и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе* (I Сол. IV. 16.).

Но для чего, подумаетъ иной, замѣчаются сіи подробности, по видимому, болѣе возбуждающія любопытство, нежели подающія наставленіе: ибо предсказываютъ для того, чтобы можно было узнать, и принять съ вѣрою, посылаемое отъ Бога событіе; а славнаго пришествія Христова кто не узнаетъ, хотя бы и не былъ предваренъ о его подробностяхъ? — Не спѣши, возлюбленный, заключать о излишествѣ сихъ подробностей. Нѣтъ! Апостолы, Ангелы, Самъ Господь не говорятъ ничего для любопытства, но все для наставленія. Что пришествіе Христово будетъ явное и торжественное, сіе предсказано для того, что будутъ провозвѣстники противнаго сему, когда на недостойныхъ, невѣрныхъ и развращенныхъ Христіанъ посланъ будетъ духъ обольщенія. *Грядетъ часъ,* или время искушенія (можетъ быть *и нынѣ есть*) когда скажутъ *се здѣ Христосъ, или онде! Се въ пустыни есть! Се въ сокровищахъ* (Матѳ. XXIV. 23. 26.)! Вотъ Онъ у насъ, говорятъ отщепенцы, которые, оставя градъ Божій, духовный Іерусалимъ, Апостольскую Церковь, убѣгаютъ не въ истинную пустыню мира и тишины, но въ запустѣніе духовное и чувственное, гдѣ нѣтъ ни здраваго ученія, ни святости таинствъ, ни добрыхъ правилъ жизни частной и общественной. Вотъ Онъ

у насъ, говорятъ скрытно еретичествующіе, указуя на свои тайныя сборища, какъ будто солнцу должно свѣтить только подъ землею; какъ будто не Онъ сказалъ и повелѣлъ: *еже глаголю вамъ во тмѣ, рцыте во свѣтѣ; и еже во уши слышите, проповѣдите на кровлѣхъ* (Матѳ. X. 27.).

Слыша таковые вопли или шептанія, вспомните, Христіане, Ангельскій гласъ и проповѣдь о Вознесшемся Господѣ: *такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо*, также явно, также торжественно. И потому, *аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ: не имите вѣры.* Ни грубые вопли, ни хитрыя шептанія, не походятъ на провозвѣщеніе Архангела и на трубу Божію. *Не исходите* въ слѣдъ зовущихъ васъ изъ града Господня; оставайтесь на мѣстѣ своемъ, и берегите вѣру вашу для истиннаго пришествія Христова, славнаго и торжественнаго.

Третіе обстоятельство Вознесенія Господня, примѣчательное для будущаго, есть то, что оное было для учениковъ Его нечаянно и непредвидѣнно. Сіе произошло, сколько можно узнать изъ краткихъ повѣствованій Евангельскихъ, такимъ образомъ, что Онъ, явясь имъ въ Іерусалимѣ, какъ бывало многократно, и отходя, велъ ихъ за Собою, какъ сопровождающихъ, бесѣдуя съ ними, какъ обыкновенно, о царствіи Божіемъ, и наипаче о приближающемся сошествіи Святаго Духа; *изведѣ же ихъ вонъ* изъ Іерусалима *до Виѳаніи, и воздвигъ руцѣ Свои, и благословилъ ихъ; и бысть егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо.* Не только по собственному изволенію не предварилъ Онъ ихъ о семъ великомъ событіи; но даже на вопросъ ихъ о временахъ великихъ событій царствія Его, рѣшительно имъ отказалъ въ семъ познаніи. *Рече же къ нимъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. I. 7.). Сей отказъ въ разумѣніи временъ, очевидно, простирается и на время будущаго пришествія Христова, и преимущественно къ сему относится. Еще и прежде Онъ внушалъ ученикамъ Своимъ внезапность сего событія, уподобляя оное молніи, которая есть разительнѣйшій въ природѣ образъ совершенной внезапности. *Якоже молнія исходитъ отъ востокъ, и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV. 27.). Подобно сему и Апостолъ изъясняетъ: *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи* (1 Сол. V. 2.).

Изъ сей внезапности будущаго Своего пришествія Господь Самъ извлекаетъ для насъ, Христіане, спасительное предостереженіе. *Бдите убо*, глаголетъ, *яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ* (Матѳ. XXIV. 42.). Не увлекайтесь любопытствомъ, или легковѣріемъ, когда Христіане, думающіе знать болѣе, нежели сколько дано отъ Христа, будутъ исчислять вамъ времена царствія Его, и опредѣлять лѣта чаемаго явленія Его: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта;* старайтесь лучше познавать грѣхи свои, исчислять паденія, и находить имъ предѣлы въ покаяніи. Наипаче же берегитесь, если услышите, что скажутъ предсказанные Апостоломъ ругатели: *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? Отнелѣ же бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. III. 4.). Берегитесь, чтобы мрачныя грезы сыновъ вѣка сего, смѣжающихъ очи отъ свѣта грядущаго вѣка, не омрачили вашего сердца, не ослѣпили ума, не усыпили духа къ тому вожделѣнному и страшному часу, когда *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи.*

Возлюбленіи! сихъ чающе, попѣщитеся нескверни и непорочни Тому обрѣстися въ мирѣ (1 Петр. III. 14.). Аминь.

---

18. СЛОВО

Въ день Вознесенія Господня.

Зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ. Дѣян. I. 9.

Зрящимъ одиннадцати Апостоламъ вознесся Господь. Безъ свидѣтелей воскресъ: при свидѣтеляхъ возносится. Каменный, запечатанный гробъ скрывалъ славу воскресенія во мгновеніе воскресенія: свѣтлый,

прозрачный облакъ являетъ славу вознесенія, когда оно совершается. Отъ чего сія разность?—Отъ того, можетъ быть, что, какъ воскресеніе Господа, послѣ сошествія Его во адъ, было шествіе изъ ада въ Рай, то негдѣ было поставить свидѣтелей, а надлежало свидѣтелями онаго быть отшедшимъ отъ земной жизни Патріархамъ и Пророкамъ: вознесеніе же Господа, какъ шествіе отъ земли на небо, естественно могло имѣть свидѣтелями Апостоловъ, стоящихъ на землѣ, и взирающихъ на небо. Притомъ, довольно было видѣть Воскресшаго послѣ воскресенія, чтобы свидѣтельствовать о самомъ воскресеніи: а вознесеніе съ земнородною плотію на небо, надобно было видѣть въ самомъ дѣйствіи, чтобы послѣ о томъ свидѣтельствовать. Возможно ли, скажетъ плотскій разумъ, чтобы земнородная плоть вознеслась на небо?—Мы отвѣтствуемъ: нѣтъ нужды умствовать о возможности дѣла, когда самое дѣло видѣли и засвидѣтельствовали люди, которые за истину сего свидѣтельства умереть не отрекались. *Зрящимъ имъ взятся.* Но только ли для увѣренія невѣрующихъ показалъ Господь Свое вознесеніе?— Безъ сомнѣнія, и для поощренія вѣрующихъ. *Аще убо воскреспусте со Хрістомъ*, говоритъ Апостолъ; если,—скажемъ еще,—вы видѣли Его возносящагося на небо, и въ семъ новомъ торжествѣ Его также участвовать желаете: *вышнихъ ищите, идѣже, есть Хрістосъ одесную Бога сѣди; горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III. 1. 2.).

Что значитъ *горняя мудрствовать?* Не правда ли, что сіе не довольно понятно? А если ты сего не понимаешь: то, хочешь или не хочешь, ты долженъ признаться и въ томъ, что сего не дѣлаешь, то есть, не мудрствуешь горняя: ибо кто дѣлаетъ, тотъ уже знаетъ дѣло, которое онъ дѣлаетъ. Если же не мудрствуешь горняя, то и не взойдешь въ горняя, туда, *идѣже есть Хрістосъ одесную Бога сѣди.* Но если ты не взойдешь туда, гдѣ Хрістосъ одесную Бога: то, подумай, земнородный, что съ тобою будетъ, когда сдвинутся небо и земля прейдутъ, и внѣ горняго царствія Хрістова ничего не останется, кромѣ ада? Смотри, какъ земля подъ тобою рушится, и адъ разверзается: нѣтъ инаго средства спасенія, какъ всею силою держаться за горнее. Надобно учиться *горняя мудрствовать, а не земная.*

Учиться *мудрствовать!*—Не утрапился бы кто сего требованія. Не подумалъ бы, что его хотятъ подвергнуть многоразличнымъ трудностямъ, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе того, что на земли называютъ мудростію; и къ которымъ должно причислить самыя средства мірской мудрости,—множество учителей, одинъ другому противорѣчущихъ, множество книгъ нерѣдко дѣйствующихъ какъ на глазъ, такъ и на умъ, только вредною пылью. Не опасайтесь. Учиться мудрствовать по Евангелію не то, что учиться мірской мудрости. Мудрствованіе горнее не столь зависимо отъ внѣшнихъ средствъ, не требуетъ столь многихъ пособій, не такъ ограждено трудностями, какъ мудрость мірская, хотя и оное пользуется внѣшними средствами, не отвергаетъ пособій, не изъято и отъ трудностей своего рода. Апостолъ, который написалъ намъ заповѣдь, *горняя мудрствовать*, пользовался средствами и пособіями земной мудрости, бывъ *воспитанъ при ногахъ ученаго Гамаліила:* но потомъ все сіе, равно какъ и другія преимущества, отвергъ, какъ *тщету* и *уметы*, *за превосходящее разумѣніе Хрістa Іисуса, и да Хрістa пріобрящетъ* (Фил. III. 7. 8.); слѣдственно возвышался въ мудрствованіи горнемъ, не смотря на то, что въ то же время отвергалъ средства и пособія земной мудрости. Другіе Апостолы только рыбарскія сѣти вязать, а не книжныя мудрованія распутывать учились: но сіе не препятствовало имъ, не только успѣвать въ мудрствованіи горнемъ для себя, но и содѣлаться наставниками онаго для самыхъ мудрецовъ. Такъ и послѣ Апостоловъ, Василій Великій пріобрѣлъ мудрость Аѳинскую, и отдалъ ее въ рабыню мудрованію Евангельскому. Арсеній, также Великій, обладая ученостію Еллинскою и Римскою, находилъ себя довольно несвѣдущимъ, а старца, необразованнаго Египтянина, довольно свѣдущимъ, чтобъ учиться у него начаткамъ духовной мудрости. И такъ мудрствованіе горняго, хотя и для мудрецовъ, еще высоко, но вмѣстѣ и для младенцевъ довольно просто. *Яко,* Ты, *Отче Господи небесе и земли,*

утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ (Матѳ. XI. 25.).

Что же значитъ *горняя мудрствовать?* —Повторяю: если ты сего не понимаешь; то видно, что ты сего не дѣлаешь. А если ты не мудрствуешь *горняя:* то нѣтъ сомнѣнія, что мудрствуешь *земная*, и слѣдственно это ты уже знаешь. И такъ, что ты дѣлаешь, когда мудрствуешь земное, на примѣръ, когда умудряешься, какъ бы сдѣлаться богатымъ?—Ты желаешь богатства; часто думаешь о немъ; вымышляешь средства для пріобрѣтенія и умноженія онаго; самымъ дѣломъ употребляешь сіи средства; что ни дѣлаешь, дѣлаешь съ намѣреніемъ пріобрѣсть и умножить богатство; въ обладаніи богатствомъ полагаешь свое благополучіе. По сему примѣру, можно сказать вообще, что *мудрствовать земная*, значитъ земнаго желать, о земномъ думать, земное дѣлать, земное имѣть въ намѣреніи, въ земномъ полагать благополучіе. Перемѣни предметъ, и окажется, что значитъ *мудрствовать горняя.* Сіе значитъ горняго, то есть, небеснаго, или иначе духовнаго и Божественнаго, желать, о небесномъ думать, небесное дѣлать, или, по изреченію Евангельскому, *дѣлать дѣла Божія*, небесное имѣть въ намѣреніи, въ небесномъ полагать блаженство.

Какъ трудно! — подумаютъ нѣкоторые. Чтобы небесное имѣть и въ мысляхъ, и въ желаніяхъ, и въ дѣлахъ, для сего надобно земному человѣку перемѣнить и дѣла, и желанія, и самыя мысли. Не спорю, что это нужно, и что это не совсѣмъ легко. Но чтоже дѣлать? Взойти на высоту труднѣе, нежели упасть въ бездну. И такъ лучше ли упасть въ бездну?

Трудно мудрствовать горняя: но не трудно ли мудрствовать и земное? Легко ли, на примѣръ, для человѣка любостяжательнаго принятое имъ мудрованіе? Онъ трудится день и ночь; лишаетъ себя пищи и покоя; иногда оставляетъ домъ; удаляется отъ близкихъ сердцу; проходитъ сушу; пускается въ море; нисходитъ въ глубину земли; мучится со алчбою пріобрѣтенія, то заботою сбереженія, то страхомъ возможной, или отчаяніемъ дѣйствительной потери. Если такія трудности заставляетъ переносить мысль, обогатиться на земли сокровищемъ тлѣннымъ, на краткое время: не ужели не стоитъ подвига мысль, пріобрѣсть горнее сокровище, нетлѣнное, на вѣки?

Трудно земному человѣку мудрствовать горняя: однако жъ и зерно пшеницы, погребенное въ землѣ у ногъ твоихъ, не мудрствуетъ ли горняя своимъ образомъ? Оно разверзается; пробивается росткомъ сквозь землю вверхъ, борясь съ ея и своею тяжестію; растетъ выше и выше; и, стремясь непрестанно горѣ, процвѣтаетъ и приноситъ плодъ. Не ужели ты думаешь, что земному человѣку, меньше, нежели пшеничному зерну, дано силы возникнуть въ горнюю область по роду своему?

Трудно земному человѣку мудрствовать горняя: но полно земной ли ты, человѣче? То ли собственно человѣкъ, что изъ земли берется, и въ землю возвращается? Не есть ли сіе только одежда твоя, или, если угодно, темница твоя? А ты самъ, истинный человѣкъ, — ты дыханіе жизни, происшедшее изъ устъ Самого Бога, по реченному: *вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу* (Быт. II 7.). И такъ если, какъ земному, трудно, то, какъ горнему, не легко ли тебѣ мудрствовать горняя? Трудно ли огню итти горѣ, гдѣ его естественная область? Трудно ли камню падать на землю, гдѣ онъ родился? Трудно ли духу человѣческому стремиться къ горнему, приближаться ко Всевышнему? Если паденіе ветхаго Адама превратило стремленіе человѣка отъ горняго къ дольнему и преисподнему; то воскресеніе и вознесеніе новаго Адама, Богочеловѣка Іисуса Христа, не съ сугубою ли силою обратило сіе стремленіе въ первоначальное направленіе, не поставило ли лѣствицу къ небесамъ? Сошествіе Святаго Духа не возжгло ли въ человѣчествѣ духовно горящій огнь, естественно горѣ идущій, и горѣ влекущій то, въ чемъ онъ обитаетъ?

Еще ли трудно и послѣ сего мудрствовать горняя, хотя бы для сего надлежало и дѣла, и желанія, и мысли перемѣнить?

Но какъ оставить земныя дѣла, желанія и мысли, когда земное насъ окружаетъ, когда земное намъ необходимо для земной жизни? Примѣчай за собою, какъ оставляешь ты горнее, для земнаго мудрованія, и най-

дешь очень простой способъ оставлять земное для горняго. Ты сокращаешь для себя время дѣлъ благочестія, чтобы имѣть болѣе времени для дѣлъ мірскихъ; иногда идешь во храмъ Божій, а между тѣмъ еще думаешь о томъ, что занимаетъ тебя въ домѣ твоемъ, даже иногда въ то время, какъ стоишь тѣломъ во храмѣ молитвы, мысль твоя уходитъ туда, куда влечетъ ее земное мудрованіе, или страсть въ тебѣ господствующая; самыя духовныя упражненія твои повреждаются приходящими среди ихъ земными воспоминаніями. Поступай противнымъ сему образомъ. Дѣлай дѣла, необходимыя для земной жизни: но старайся не простирать ихъ далѣе необходимости, и по мѣрѣ возможности освобождать себя отъ сей работы, въ свободу дѣлъ благочестія. Не только предстоя Богу во храмѣ, удерживай мысль отъ уклоненія къ земнымъ вещамъ, но и внѣ онаго, когда по необходимости занимаешься вещами земными, отвлекай отъ нихъ мысль и желаніе, и возводи къ небесамъ и къ Богу. Когда идешь на дѣло мірское: воспоминай Бога, и проси Его благословенія и помощи; когда входишь въ покой отъ сего дѣла, воспоминай Бога, и благодари Его за помощь въ трудѣ и за даръ покоя. Такъ можно со всякимъ земнымъ, закону Божію не противнымъ, упражненіемъ соединять духовное мудрствованіе, и, такъ сказать, все земное и видимое превращать въ горнее и духовное. *Егда воззриши на солнце*, учитъ Святый Макарій, *ищи истиннаго Солнца, яко слѣпъ еси. Когда простреши взоръ на свѣтъ, обратися оттуда очами къ душѣ твоей, и вижды, имѣеши ли въ ней истинный и благій свѣтъ, сирѣчь Господа* (Бесѣд. 33.).

Свѣтъ Господа нашего Іисуса Христа да просвѣщаетъ, духъ Его да укрѣпляетъ, послѣдованіе слову и житію Его да возводитъ каждаго изъ насъ къ мудрствованію горнему на земли, а чрезъ то и къ блаженному лицезрѣнію Его на небесахъ, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. Аминь.

---

19. СЛОВО

Въ день Пятидесятницы.

Исполнишася вси Духа Свята. Дѣян. II. 4.

Послѣ того, какъ погрузившійся въ твари, не могши сносить несозданнаго свѣта, человѣкъ *скрылся* (Быт. III. 8.) отъ Бога, и Богъ скрылся отъ человѣка, дабы не истребить преступника святымъ Своимъ присутствіемъ, Единый Тріпостасный, по неизреченной благости, вновь приблизился къ отчужденному въ постепенныхъ откровеніяхъ, да *Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и общеніе Святаго Духа* (2 Кор. XIII. 13.) возставитъ и паки превознесетъ падшаго. Явился Отецъ въ обѣтованіяхъ любви и милосердія, и устрашеннаго всемогущимъ правосудіемъ грѣшника провождалъ къ ходатайству Сына: явился Сынъ подъ покровомъ человѣчества, и, въ Себѣ Самомъ побѣдивъ грѣхъ, и умертвивъ смерть, отверзъ Благодати Святаго Духа дверь къ сынамъ гнѣва: явился наконецъ Духъ Святый въ знаменіи огненныхъ языковъ, и проникнулъ въ Апостолахъ естество человѣческое, дабы усвоить ему благоволеніе Отца и заслуги Сына, и содѣлать, *да будемъ причастницы Божественнаго естества* (2 Петр. I. 4.).

Въ тотъ самый день, въ который данъ нѣкогда на Синаѣ законъ *духа работы въ боязнь* смерти: въ тотъ самый день исшелъ нынѣ отъ Сіона *законъ Духа жизни, свободы, сыноположенія* (Рим. VIII. 15. 2.): да разумѣемъ, что *не постигнутое* плотскимъ Израилемъ *оправданіе закона исполняется* въ чадахъ вѣры, *ходящихъ по духу* (Рим. IX. 31. VIII. 3.), и общество спасаемыхъ предъизмѣреннымъ шествіемъ приближается къ совершенію.

И такъ мы должны взирать на сошествіе Святаго Духа не токмо, какъ на чудо, прославившее Апостольскую церковь, но и какъ на событіе, существенно сопряжен-

ное съ дѣломъ нашего спасенія. Настоящее торжество не есть простое воспоминаніе прошедшаго, но продолженіе Апостольскаго приготовленія къ пріятію онаго *Духа*, непрестанно *дышущаго, идѣже хощетъ*. Апостолы, какъ повѣствуетъ книга ихъ дѣяній, послѣ постоянныхъ и единодушныхъ молитвъ, *исполнишася Духа Свята;* и не только Апостолы, но, по изъясненію святаго Златоуста, и пребывавшіе съ ними ученики, *имѣнъ народа вкупѣ яко сто и двадесять* (Дѣян. I. 15.), *исполнишася всѣ*. И насъ нынѣ церковь, какъ въ Іерусалимской *горницѣ* (Дѣян. I. 13.), во храмѣ семъ совокупляетъ, дабы призвать Утѣшителя Духа истины, да пріидетъ и вселится въ насъ.

Чтобы столь важное прошеніе не срѣтилось съ древнимъ упрекомъ: *невѣста, чего просита*, — вникнемъ, слушатели, предварительно, что такое *исполниться Духа Свята*, и колико даръ сей необходимъ для всѣхъ и каждаго.

Не осмѣлимся говорить здѣсь о Духѣ Святомъ, какъ о третіемъ лицѣ покланяемыя Троицы, исходящемъ отъ Отца и почивающемъ въ Сынѣ; самъ только *Божій Духъ испытуетъ глубины Божія* (1 Кор. II. 10. 11.). Духъ, *посылаемый Сыномъ отъ Отца* (Іоан. XV. 26.) въ спасительныхъ дарахъ, Духъ, исполняющій человѣка, человѣкъ, исполненный Духа: вотъ предметы, которые постигаетъ человѣкъ, но и то человѣкъ, Духомъ же обитаемый; мы, едва ли *начатокъ Духа имуще* (Рим. VIII. 23.), только издалека, чрезъ зерцало слова Божія, приникать можемъ въ явленія сего великаго таинства.

Что такое Духъ Святый въ первоначальныхъ дарахъ Своихъ, сіе изъясняетъ Самъ Онъ Своими *огненными языками*. Онъ есть невещественный *огнь*, который дѣйствуетъ двумя силами: свѣтомъ и теплотою, — свѣтомъ вѣры, теплотою любви. Сей небесный свѣтъ, по выраженію Соломона, *предходитъ и просвѣщаетъ, дондеже исправится день* (Прит. IV. 18.). Разгоняетъ мглу невѣдѣнія и сомнѣній; открываетъ обманъ призраковъ, которые погрязшій въ чувственности разумъ принимаетъ не рѣдко за истины; даетъ человѣку видѣть себя самого въ наготѣ растлѣнной природы, познать міръ въ отношеніи къ душѣ, и ощутить присутствіе Бога, яко источника свѣта; сообщаетъ *уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI. 1.). По той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ Солнца правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце. Любовь Божественная изгоняетъ изъ него самолюбіе; попаляетъ въ немъ терніе плотскихъ пожеланій; очищаетъ, упраздняетъ его, и взаимно привлекаетъ въ душу новый свѣтъ. Сліяніе сихъ источныхъ даровъ Духовныхъ образуетъ *огненный языкъ*, изрекающій *законъ Бога* Слова *въ сердцѣ* (Псал. XXXVI. 31.) человѣка, *воображающій въ немъ Христа* (Гал. IV. 19.), совершающій возрожденіе въ жизнь духовную.

Способъ, каковымъ человѣкъ исполняется благодатныхъ даровъ, есть единое нераздѣльное дѣйствіе Св. Духа, которое однако въ человѣкѣ начинается и прекращается, уменьшается и возрастаетъ, длится и ускоряется, пріемлетъ различныя направленія и виды; всегда соотвѣтствуетъ готовности пріемлющаго, но никогда не зависитъ отъ его произвола; сопровождается ощутительными слѣдствіями, но убѣгаетъ отъ разсудка, желающаго взойти къ его началу. Простираясь изъ внутренняго во внѣшнее, оно уподобляется влагѣ, сходящей на руно Гедеоново (Суд. VI. 38.), которая изъ воздуха открывается въ капляхъ воды, и наполняетъ окрипъ; или вѣтру, примѣчаемому въ тѣхъ движеніяхъ, которыя онъ производитъ, но не въ тѣхъ, которыя его составляютъ. *Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа* (Іоан. III. 8.). Какія же суть примѣчательнѣйшія перемѣны, которыя могутъ означить путь Духа Божія въ душѣ человѣческой? — Бываютъ минуты, въ которыя и преданный міру и плоти человѣкъ пробуждается отъ очарованія, въ каковомъ они держатъ его; видитъ ясно, что прошедшая жизнь его есть цѣпь заблужденій, слабостей, преступленій, измѣнъ Богу, что дѣла его естественно суть сѣмя будущихъ казней, и что самыя добродѣтели его не постоятъ предъ взоромъ вѣчнаго Судіи;

осуждаетъ самъ себя; трепещетъ всѣмъ существомъ своимъ, и будучи отчаянъ въ самомъ себѣ, чрезъ сіе отчаяніе влечется къ упованію на Бога: — сіе расположеніе къ покаянію что есть иное, какъ не тотъ *Духъ великъ и крѣпокъ, разоряя горы и сокрушая каменіе* (то есть, низлагающій гордость, и умягчающій жестокосердіе), который посылаетъ предъ собою *мимоходящій Господь* (3 Цар. XIX. 11.)? Что, какъ не то *дыханіе бурно*, которое предвѣщаетъ сошествіе Святаго Духа (Дѣян. II. 2.)? Что, какъ не тотъ *страхъ Твой, Господи*, среди коего мы *во чревѣ пріемлемъ Духъ спасенія Твоего* (Исаіи XXVI. 18.)? Блаженъ, кто съ покорностію даетъ влещи себя сему стремленію Духа Божія! Оно поведетъ его *тѣснымъ путемъ* (Мат. VII. 14.) самоотверженія; заставитъ его самого исторгать то, что прежде посѣялъ, и разрушать то, что созидалъ; научитъ его страдать, и *радоваться во страданіяхъ* (Кол. I. 24.); *распять плоть со страстьми и похотьми* (Гал. V. 24.), дабы совершенно предать духъ въ руцѣ Божіи. Мало по малу бурное дыханіе превратится въ тѣ кроткія, *неизглаголанныя воздыханія*, коими *Самъ Духъ о насъ ходатайствуетъ* (Рим. VIII. 26.); въ тотъ живый гласъ, коимъ *вопіетъ Онъ въ сердцахъ нашихъ: Авва Отче* (Гал. IV. 6.): и тогда человѣкъ исполняетъ Христову заповѣдь о *непрестанной молитвѣ* (Лук. XVIII. 1.), что, при однѣхъ собственныхъ силахъ, было бы для него не возможно, и по его склонности къ разсѣянію, и по невѣдѣнію предметовъ и образа истинной молитвы: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*. Съ упражненіемъ въ непрестанной молитвѣ неразлучно соединяется Духовное уединеніе, въ которомъ Христіанинъ, *вошедъ въ клѣть свою, и затворивъ двери* (Матѳ. VI. 6.), пребываетъ, подобно какъ Апостолы, въ *ожиданіи обѣтованія Отча* (Дѣян. I. 4.). Онъ не вдается въ развлеченіе, въ коемъ міролюбцы, связанные суетными благоприличіями, преслѣдуя утѣхи, преслѣдуемы заботами, рѣдко возвращаются къ себѣ: но *пѣняетъ разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. X. 5.), и всѣ свои желанія или воскриляетъ горѣ, гдѣ *животъ* его *сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. III. 3.), или упокоиваетъ *внутрь* себя, гдѣ Благодать наконецъ должна открыть *царствіе Божіе* (Лук. XVII. 21.). Исполняетъ обязанности своего состоянія, не привязываясь къ соединеннымъ съ ними выгодамъ; пользуется наружными благами, но не прилѣпляется къ нимъ; пріобрѣтаетъ такъ, какъ бы не имѣлъ нужды; теряетъ такъ, какъ бы отдавалъ излишнее. Если человѣкъ твердо рѣшится, по возможности, удерживать себя въ семъ состояніи самоотчужденія: то скоро его *пустыня жаждущая процвѣтетъ, яко кринъ* (Иса. XXXV. 1.); *зерно горушно, вверженное въ вертоградъ* души *его, возрастетъ въ древо веліе* (Лук. XIII. 19.); сквозь *тлѣющій* покровъ *ветхаго человѣка*, отчасу болѣе *совлекаемый*, будетъ просіявать *новый человѣкъ, созданный по Богу въ правдѣ, и преподобіи истины* (Кол. III. 9. Еф. IV. 24); и духъ святыни дышать будетъ во всѣхъ его способностяхъ и дѣйствіяхъ.

Такъ, исполненный Духа Свята человѣкъ не потемненному предразсудками оку представляетъ такой образъ совершенства, предъ которымъ, какъ тѣнь, исчезаетъ все, что міръ называетъ прекраснымъ и высокимъ. Его, слушатели, оцѣнилъ Апостолъ, когда о нѣкоторыхъ подвижникахъ вѣры сказалъ, что ихъ *не бѣ достоинъ весь міръ* (Евр. XI. 38.). Благодать превращаетъ въ безцѣнное сокровище все, къ чему ни коснется въ человѣкѣ, ей преданномъ. Въ его умѣ сіяетъ духъ премудрости: не той, которою сыны вѣка сего преимуществуютъ, по словамъ Спасителя, *въ родѣ своемъ* (Лук. XVI. 8.), то есть, которая научаетъ ихъ быть изобрѣтательными въ способахъ, и ловкими въ случаяхъ къ снисканію временныхъ выгодъ, и умножать свое достоинство не столько въ себѣ, сколько во мнѣніи другихъ; но премудрости, *духовно востлужающей вся* (1 Кор. II. 15.), дабы все обратить въ средства къ единому вѣчному благу души. Его волю движетъ духъ свободы: ибо *законъ Духа жизни о Христѣ Іисусѣ* его *свободилъ отъ закона грѣховнаго*

и смерти, который даетъ своимъ рабамъ столько тяжкихъ владыкъ, сколько есть нуждъ и прихотей, страстей и привычекъ. Во глубинѣ сердца его почиваетъ духъ утѣшенія и *мира, всякъ умъ превосходящаго* (Фил. IV. 7.), который *Іисусъ Христосъ даетъ* ученикамъ своимъ, *не якоже міръ даетъ* (Іоан. XIV. 27.): ибо миръ міра есть краткая дремота подъ шумомъ опасной бури, безопасность, основанная на невѣдѣніи, такъ что радостныя восклицанія: *миръ и утвержденіе!* иногда прерываетъ *внезапу нападающее всегубительство* (Сол. V. 3.); напротивъ того миръ, даруемый Христомъ, утверждается на непоколебимой увѣренности въ примиреніи съ Богомъ, такъ что Христіанинъ въ самыхъ искушеніяхъ, скорбяхъ и опасностяхъ *не стужаетъ си*, но и *въ смерть предается* мирно, въ увѣреніи, что *еже нынѣ легкое печали по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣлываетъ* (2 Кор. IV. 8—17.). Въ немъ обитаетъ духъ величія, которое не есть ни слѣпая отважность, ни гордость, покрытая пышностію, ни блескъ естественныхъ добродѣтелей, нечистыхъ въ своемъ источникѣ: но истинная возвышенность мыслей, запятыхъ Богомъ, обширность видовъ, ограничивающихся одною вѣчностію, благородство чувствованій, рожденныхъ и воспитанныхъ словомъ Божіимъ:—духъ смиренія, которое среди богатства благости Божіей усматриваетъ въ себѣ одну бѣдность и недостоинство, дабы тѣмъ болѣе *величить Господа*; между тѣмъ какъ не возрожденные Духомъ Божіимъ въ самыхъ недостаткахъ своихъ стараются находить нѣчто великое, самымъ униженіемъ просятъ себѣ почтенія, пресмыкаются, чтобы подавлять другихъ: — духъ силы, съ которымъ Христіанинъ не есть болѣе оный человѣкъ безсильный, плѣнникъ собственныхъ чувствъ, со всѣхъ сторонъ открытый нападеніямъ врага, побѣжденный прежде сраженія, и, дабы усмирить одну страсть, покаряющійся другой; но добрый воинъ, *облеченный во вся оружія Божія* (Еф. VI. 11.), *могущій вся о укрѣпляющемъ его Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV. 13.), *силою восхищающій царствіе Божіе* (Матѳ. XI. 12.). Что сказать о тѣхъ чрезвычайныхъ *дарованіяхъ*, о тѣхъ *явленіяхъ Духа*, которыя избраннымъ Божіимъ даются *на пользу* (1 Кор. VII. 4. 7.) другихъ, въ созиданіе всея церкви? —

О несравненное счастіе, быть сосудомъ, жилищемъ, орудіемъ Духа Божія! О блаженство на земли небесное! О таинство, въ которомъ сокрывается все, чего ищетъ духъ человѣческій, и о чемъ *вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ* (Рим. VIII. 22.)! Но, *Господи! кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся* (Иса. LIII. 1.)? *Плоть и кровь не являютъ* (Матѳ. XVI. 17.) сего таинства: міръ думаетъ, что и на небесахъ дышатъ духомъ міра; и, столь многократно слыша глаголющихъ языкомъ Духа Твоего, доселѣ, такъ же, какъ прежде, ругается: *виномъ исполнени суть*.

Такъ. Есть и между Христіанами люди, которымъ дары Святаго Духа кажутся столь странными, что если не смѣютъ совсѣмъ отвергнуть ихъ, но крайней мѣрѣ относятъ къ другимъ лицамъ и временамъ; а сами не помышляя о возрожденіи, довольствуются или праздною надеждою на заслуги Ходатая, или даже собственною честностію.

Не будемъ обманываться привлекательнымъ видомъ, который имѣетъ обыкновенная мірская честность. Не быть врагомъ вѣры, не дѣлать вопіющихъ несправедливостей, оказывать иногда благодѣянія, убѣгать вредныхъ излишествъ, кратко, исполнять только необходимыя и наружныя обязанности человѣка и члена общества, значитъ только *повавливать* свой *гробъ* (Матѳ. XXIII. 27.), который между тѣмъ остается *внутрь — уду полнъ костей мертвыхъ*; значитъ срывать *листвіе древа животнаго*, данное во *исцѣленіе языкомъ*, но не вкушать *плодовъ* (Апок. XXII. 2.) его, долженствующихъ питать Христіанина; значитъ имѣть *правду книжниковъ и Фарисеевъ*, которая не вводитъ *въ царствіе небесное* (Матѳ. V. 20.). А проникнуть въ изгибы своего сердца, отколѣ *исходятъ помышленія злая* (Матѳ. XV. 19.), и тамъ водворить чистоту и святость, а *соблюсти весь законъ*, и не согрѣшить ни *во единомъ*, дабы *всѣмъ*

не быть *повинну* (Iак. II. 10.): — какой своему токмо разуму и силамъ оставленный человѣкъ похвалится, что исполнитъ сіе? Единъ *Богъ зиждетъ* въ человѣкѣ *сердце чисто, и духъ правъ обновляетъ во утробѣ* его (Псал. L. 12.). Должно *родиться свыше*, чтобы *видѣть царствіе Божіе* (Іоан. III. 3.).

Съ другой стороны, когда *неистлѣнное сѣмя* (1 Петр. I. 23.) сего вышняго рожденія низведено на землю смертію Богочеловѣка: мы не можемъ и остальное предоставить, безконечной впрочемъ, силѣ заслугъ Его. Какъ? Развѣ Богъ предалъ Сына Своего въ жертву не только своему Правосудію, но и нашей неблагодарности? Развѣ мы для того познали дѣйствительность крестной жертвы, чтобы тѣмъ съ большею безпечностію оставаться въ бездѣйствіи? Такъ мыслить не есть возвышать цѣну заслугъ Христовыхъ, но паче унижать ихъ, и почивать на нихъ съ такою же пагубною безопасностію, какъ нѣкогда Іудеи *почивали на законѣ*. Если мы во Христа крестились: то, согласно сему исповѣданію, да явимъ въ себѣ плоды крещенія не только водою, но и духомъ; ибо Христосъ *креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. III. 11.).

Наконецъ, когда Божественный даръ Духа кажется намъ рѣдкимъ явленіемъ: не заключимъ изъ сего, что онъ не для всѣхъ. Онъ для всѣхъ, какъ скоро всѣ для него. Если не примѣчаютъ болѣе слѣдовъ Его: то или имѣютъ очи, и не видятъ; или въ самомъ дѣлѣ вопросъ: *егда пріидетъ Сынъ человѣческій, обрящетъ ли вѣру на землѣ* (Лук. XVIII. 8.)? приближается къ разрѣшенію, и самый міръ находится при послѣднемъ издыханіи. Вселенная знаетъ, что случилось съ нею тогда, когда рекъ раздраженный Богъ: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. VI. 3.). Тогда не только беззаконный родъ человѣческій, но и тварь, *повинувшаяся суетѣ неволею*, потребились мстительными волнами. Еще подобное прещеніе, — и наступитъ огненный потопъ суда послѣдняго!

Но доколѣ Богъ сохраняетъ бытіе наше, Христіане, и благоденствіе Церкви Своей: дотолѣ мы не можемъ сомнѣваться, что Духъ Божій въ ней *пребываетъ*. Такъ же, какъ при созданіи міра Онъ *ношашеся верху воды*, носится Онъ и нынѣ, при продолжающемся возсозданіи человѣка, надъ бездною разстроеннаго естества нашего, и животворящимъ осѣненіемъ оплодотворяетъ его къ благодатному возрожденію. Предадимъ себя Его всесильному дѣйствію; преведемъ къ нему наши мысли и желанія отъ смѣшенія плоти и міра: воззовемъ изъ глубины отпаденія нашего, да снидетъ на насъ, и Своею благодатію, ходатайствомъ Искупителя намъ пріобрѣтенною, очиститъ, просвѣтитъ, обновитъ, освятитъ и спасетъ, Благій, души наша. Аминь.

---

20. СЛОВО

Въ день сошествія Святаго Духа.

Исполняйтеся Духомъ. Ефес. V. 18.

Душа всякаго праздника есть присутствіе того, кому празднуютъ. И для празднующихъ день Святаго Духа что можетъ быть вожделѣннѣе, какъ если бы сей небесный Утѣшитель благодатнымъ наитіемъ посѣтилъ Свое празднество? Если бы Онъ, хотя уже не огненными языками, осѣлъ главы наши, по крайней мѣрѣ тайною искрою огня своего коснулся нашихъ сердецъ, и воспламенилъ ихъ ощущеніемъ присутствія Божія; подобно какъ нѣкогда и *косныя, еже вѣровати, сердца* двухъ учениковъ возжигалъ Онъ такъ, что сіи самыя сердца могли указать имъ по крайней мѣрѣ слѣдъ присутствія Господня: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути* (Лук. XXIV. 32.). Благо сіе такъ велико, что, не знаю, можно ли его и просить отъ *Сокровища благихъ* безъ внутренняго содрогація, и нѣкоего удивленія собственному дерзновенію; хотя впрочемъ Церковь, и каждый день, и въ началѣ каждаго молитвословія, приглашаетъ насъ молить Святаго Духа, не токмо да *пріидетъ*, но и да *вселится въ насъ*.

Но чего единое желаніе толико съ нашей стороны трудно, слушатели: то самое, какъ просто, и какъ щедро, предлагаетъ намъ нынѣ Духъ Святый устами Апостола; и не только предлагаетъ, но заповѣдуетъ, внушаетъ, поставляетъ закономъ: *исполняйтеся Духомъ!*

Коль блаженную, Божественный Павле, по вмѣстѣ коль чудную и неподвижную ты даешь намъ заповѣдь! *Исполняйтеся Духомъ:* развѣ въ нашей состоитъ волѣ исполняться Духомъ? Если сіе сокровище столь близко и столь приступно: то почему оно столь рѣдко и неизвѣстно?

Христіане! конечно между Ефесскими соучениками нашими, которымъ учитель языковъ первоначально далъ наставленіе, нами разсматриваемое, не было человѣка, который бы его не разумѣлъ въ семъ случаѣ, и могъ бы противуположить ему наши недоумѣнія. Иначе Богодухновенный наставникъ, безъ сомнѣнія, предъупредилъ бы совопрошенія вразумленіемъ. Такъ, знали въ то время *жаждущіе* указанный нѣкогда Пророкомъ путь, да *идутъ на воду, и елицы не имутъ сребра, да шедше купятъ и ядятъ, да шедше купятъ безъ сребра и цѣны вино и млеко.* Нынѣ, по видимому, и *сребро иждивается не въ хлѣбы, и трудъ нашъ не въ сытость* (Иса. LV. 1. 2.). Намъ кажется, будто Господь слишкомъ дорого цѣнитъ свои блага; и будто не наши мышцы ослабѣли для принятія, но Его рука сократилась для подаянія даровъ духовныхъ.

Нѣтъ! Господь независтно *изливаетъ отъ Духа своего на всяку плоть* (Іоп. II. 28.). Если мы не *исполняемся Духомъ;* то не даровъ Его не достаетъ для насъ, а насъ не достаетъ для даровъ Его. Да утѣшатся нищіе духомъ! Да воздвигнутся немоществующіе плотію! Да оправдится Господь во словесѣхъ Своихъ!

Было время, когда Апостолы, премудщественно святые храмы Святаго Духа, не ощущали Живущаго въ нихъ. Они уже обладали даромъ чудесъ: а еще не понимали начала, и не примѣчали направленія силы, въ нихъ дѣйствующей. Духъ любви являлся въ нихъ духомъ гнѣва; и призванные въ служеніе спасенія готовы были низвести съ небесе огнь потребленія. Сама Истина обличила ихъ въ столь страшномъ невѣдѣніи самихъ себя: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Лук. IX. 55.).

Послѣ, когда тотъ же Духъ, который въ началѣ дѣйствовалъ въ Апостолахъ сокровенною силою, посѣтилъ ихъ торжественнымъ сошествіемъ Своимъ, исполнилъ вѣдѣніемъ и премудростію, они узнали Его столь ясно, и столь близко, что рѣшительно различали Его, какъ отъ собственнаго, такъ и общаго нѣкоего духа, дѣйствующаго въ естественныхъ, не возрожденныхъ Духомъ Божіимъ, человѣкахъ, и, можетъ быть, въ нихъ самихъ нѣкогда дѣйствовавшаго. *Мы же,* говоритъ одинъ изъ нихъ, *не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ* (1 Кор. II. 12.).

Замѣтимъ, слушатели, что Апостолъ не говоритъ: *дадеся намъ духъ,* но: *мы пріяхомъ духа.* Какъ бы такъ сказалъ: «извѣстно, что Богъ *даетъ* Своего Духа «каждому, кто расположенъ *принять* Его. «Только люди по большой части порабо«щаются и омрачаются *духомъ міра. Мы* «*же* отвергли владычество сего мрачнаго «духа, но приняли духомъ нашимъ свѣто«носныя вліянія *Духа, отъ Бога* исходя«щаго; и такимъ образомъ открылось въ «насъ дѣятельное познаніе и ощущеніе да«ровъ, отъ Бога намъ предуставленныхъ. «*Мы же не духа міра сего пріяхомъ, но* «*Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже* «*отъ Бога дарованная намъ*».

И такъ повѣрьте не намъ, немощнымъ служителямъ слова,—повѣрьте избраннымъ орудіямъ, посланникамъ и благовѣстникамъ Духа Божія, что, не смотря на нѣкое самостоятельное бытіе и свободу человѣка, онъ не только можетъ находиться, но и находится обыкновенно подъ правленіемъ одного изъ двухъ началъ, или *духа міра сего,* или *Духа иже отъ Бога,* смотря по тому, котораго изъ нихъ дѣйствіе на себя свободно *пріемлетъ.* Если вы сего, по видимому, на себѣ не испытываете: сіе токмо то значитъ, что *не вѣсть, коего духа есте вы.*

Дабы, по возможности, приблизить къ общему разумѣнію сіи тайныя отношенія

духа человѣческаго къ Духу Божію, да будетъ позволено употребить притчу и гаданіе, въ которыя сама Божественная истина облекалась не рѣдко, дабы явиться взорамъ человѣковъ, болѣе или менѣе чувственныхъ. — Младенецъ во чревѣ имѣетъ собственную душу и жизнь; но жизнь его погружена въ жизни матерней, ею проникнута, ею питаема, такъ, что, въ сравненіи съ полною жизнію человѣка, едва можетъ почитаться жизнію: вотъ образъ того состоянія, въ которомъ естественный человѣкъ находится въ мірѣ! Духъ его имѣетъ собственную жизнь и свободу, но тѣмъ не менѣе, будучи во плоти, объятъ, и нечувствительно правимъ силою міра: онъ мыслитъ, но по стихіямъ міра; желаетъ, но такъ, какъ побуждаетъ всеобладающая въ мірѣ похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская; дѣйствуетъ, но въ тѣсномъ и низкомъ кругѣ чувственнаго; живетъ, но по духу міра, *въ отчужденіи отъ жизни Божія* (Ефес. IV. 18.). Впрочемъ заключеніе младенца во чревѣ не есть рѣшительное намѣреніе природы, но токмо средство и путь, которымъ онъ ведется къ полному бытію; и онъ долженъ изыти на свѣтъ, узрѣть красоту міра, вкусить отъ благъ его, познать его Творца: таково и высшее назначеніе человѣческаго духа, объятаго плотію и заключеннаго въ мірѣ. *Подобаетъ вамъ родитися свыше* (Іоан. III. 7.): *подобаетъ*, ибо сіе, по намѣренію Божію, не случайный токмо жребій нѣкоторыхъ, но утвержденный законъ и предопредѣленіе всего человѣчества, къ которому вся естественная жизнь служитъ токмо приготовленіемъ и переходомъ. Узникъ міра долженъ быть *изведенъ изъ темницы* своей—*исповѣдатися имени Господню* (Псал. CXLI. 8.), *просвѣтиться* свѣтомъ Христовымъ, *вкусить дара небеснаго и силы грядущаго вѣка* (Евр. VI. 4. 5.) въ теченіи еще настоящаго вѣка, *пріять* въ самомъ мірѣ *Духа, иже отъ Бога*, начать на земли дышать небеснымъ воздухомъ. И, какъ раждающійся младенецъ, отрѣшаясь отъ жизни матерней, не имѣетъ труда искать новой жизни своей, но въ себѣ самомъ носитъ источникъ дѣятельности, непрестанно развивающейся и усовершающейся, вкругъ же себя всюду находитъ воздухъ, нужный для своего дыханія: такъ влекомый благодатію отъ міра, и призываемый къ вышнему рожденію, человѣкъ ближе находится къ области новой жизни, нежели думаетъ; ибо мы только можемъ быть далеки отъ Духа Божія, а Духъ Божій не можетъ быть далекъ отъ насъ. Сей Духъ, по словамъ Премудраго, *сквозь вся проходитъ духи* (Прем. VII. 23.), будучи неприкосновенъ во святыни своей, и вездѣприсущь своею благостію: Онъ изливается на всякую силу и способность, предающуюся Его дѣйствованію; и въ самомъ сердцѣ ветхаго человѣка отверзаетъ источникъ новой жизни. *Вѣруяй въ Мя*, рекъ Податель Духа, *рѣки отъ чрева его изтекутъ воды живы. Сіе же*, присовокупляетъ возлюбленный ученикъ, изъясняя слова небеснаго Учителя, *сіе же рече о Дусѣ, Егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его* (Іоан. VII. 38. 39.). Наконецъ, вотъ важная разность между рожденіемъ естественнымъ и духовнымъ: первое достигается и совершается необходимымъ шествіемъ природы, а послѣднее свободнымъ стремленіемъ къ Богу вѣры во Христа. *Вѣруяй въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы.* И для чего цѣлыя *рѣки* отъ единаго *чрева*, когда единыя капли отъ исполненія благодати довольно, чтобы оживотворить сонмы духовъ?— Для того, какъ рекло Писаніе, чтобы явить презѣльное богатство благости, по которой Духъ Святый не токмо наполняетъ, но и преисполняетъ мѣру нашей готовности къ принятію Его, и, такъ сказать, болѣе намъ дарствуетъ, нежели мы пріемлемъ.

Намъ ли убо, чада вѣры, не познавать присутствія посреди насъ Духа Святаго, и вопрошать о Его владычествѣ: гдѣ оно? А еще до торжественнаго сошествія Его на Царство вѣры, чада закона ощущали вездѣсущую и вседѣйствующую силу Его столь живо, что нигдѣ не могли скрыться и почить отъ благоговѣйнаго ужаса! *Камо пойду отъ Духа Твоего* (Псал. CXXXVIII. 7.)? восклицалъ Давидъ. Намъ ли недоумѣвать, какъ самодѣятельный духъ человѣческій можетъ стоять подъ непрестаннымъ дѣйствіемъ Духа всемогущаго? А еще во времена Іова разумѣли, что *духъ есть въ человѣцѣхъ, дыханіе же Вседержите-*

лево есть научающее (Іов. XXXII. 8.)! Нужно ли припоминать и собственное наше исповѣданіе, столь часто по гласу церкви возобновляемое, которымъ, вводя себя въ молитвенное приближеніе къ Богу, возвѣщаемъ вездѣсущую и всеисполняющую силу Духа Его?—*Вездѣ сый и вся исполняяй! Вся исполняяй!* Но почто же не всѣ Имъ *исполняемся?* — Видно, что самихъ себя должно вопрошать о семъ.

Можно ли намъ *исполняться Духомъ*, если плоть, непрестанно враждующая на духа, не находитъ въ насъ никакой преграды своему владычеству? Если въ ея пресыщеніи, упоеніи, наслѣденіи мы угашаемъ даже свойственный духу нашему гладъ слышанія слова Божія и жажду правды? Если мы токмо и живемъ въ сію плоть, въ которой, какъ по собственному опыту насъ увѣряетъ человѣкъ Божій, совсѣмъ *не живетъ доброе* (Рим. VII. 18.)? Въ такомъ случаѣ мы сами течемъ подъ тяжкій судъ Божій, изреченный на первый міръ: *не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. VI. 3.). *Еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ: яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI. 7. 8.).

Можно ли намъ *исполняться Духомъ Божіимъ*, если мы сами одушевляемъ себя токмо духомъ сего міра? Если только его стихійною мудростію исполняемъ нашъ умъ; только его прелестями оживляемъ наше воображеніе; только его страстями возбуждаемъ наше сердце; только его законами правимъ нашу волю; только ему стараемся угодить нашимъ дѣйствованіемъ? Если лучшія наши чувствованія и самыя добродѣтели заражены тлетворнымъ дыханіемъ духа міра: любовь пристрастіемъ, снисходительность ласкательствомъ, благородство гордостію, трудолюбіе корыстолюбіемъ, благотвореніе тщеславіемъ, достоинство презрѣніемъ другихъ, подвигъ честолюбіемъ?— Токмо тѣ могутъ пріяти *Духа, иже отъ Бога*, которые *не пріяли духа міра сего*, ни вкусили его, *не любя міра, ни яже въ мірѣ* (I Іоан. II. 15.).

Можно ли намъ *исполняться Духомъ Святымъ*, если мы еще преисполнены сами собою такъ, что нѣтъ въ насъ ниже столько упраздненнаго и очищеннаго мѣста, куда бы хотя капля всенаполняющія воды, по всей долготѣ и широтѣ временъ и мѣстъ *текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. IV. 14.), могла укапуть, и не превратиться въ бреніе нашимъ самолюбіемъ и грѣховными останками?—Наша нечистота есть оплотъ, которымъ заграждаемъ мы отъ себя токи *Духа* Господня, подобно устремленіямъ весеннихъ водъ, *посланнаго* всюду *созидать* новую тварь и *обновлять лице земли* (Псал. CIII. 30.): но то не есть еще и гнѣвъ, а паче милосердіе Божіе, что сіи токи не проторгаются въ души недостойныя; ибо святая и освящающая вода жизни, упадши на нечистое, воспылала бы огнемъ всеоядающимъ.

И посему, да не сѣтуютъ на Духа Господня и тѣ, которые, хотя всѣми силами отвергаются плоти, міра и самихъ себя, и съ духовною *жаждою* приходятъ ко Христу, однако *не піютъ* еще отъ источника благословеній, не ощущаютъ въ себѣ утѣшительнаго присутствія благодати освящающей и обновляющей, или ощутивъ, мгновенно теряютъ оное. Въ Евангеліи написано что нѣкогда, между тѣмъ, какъ Самъ Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ *о Дусѣ, Его же хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его, не у бѣ Духъ святый* пріемлемый, *яко Іисусъ не у бѣ прославленъ*. Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ ученикамъ Своимъ, что и послѣ неизмѣннаго Ему послѣдованія, надобно прежде искушеннымъ быть лишеніемъ видимаго присутствія Его, и потомъ уже взыти къ таинственному общенію Духа Святаго: *уне есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, послю Его къ вамъ* (Іоан. XVI. 7.). Даже по воскресеніи Его, когда Ему *дадеся всяка власть на небеси и на земли*, потребны были Апостоламъ пятдесятъ дней *терпѣнія, единодушныхъ молитвъ и моленій* (Дѣян. I. 14.), дабы они могли, упраздняясь отъ всего, единаго наконецъ *исполнитися Духа свята*, и начать жить въ семъ исполненіи. Токмо *упраздняясь* отъ всего, удостоились они *праздновать* великій праздникъ Божій. Можетъ быть, и для васъ, ревнующіе о Апостолькомъ послѣдо-

ваніи Христу, но не ощущающіе на себѣ *помазанія отъ Святаго*,—можетъ быть, и для васъ потому *не у есть Духъ святый, яко Іисусъ не у прославленъ* въ васъ; можетъ быть, вы пріяли Его еще токмо, яко *Пророка*, посящаго слово Божіе во устахъ своихъ; но еще не посвятили себя Ему, яко *Священнику*, да въ общеніи всемірныя жертвы своея всецѣло вознесетъ и васъ въ благопріятное приношеніе Отцу Своему; еще не превознесли Его, яко *Царя*, да никакое желаніе и мысль не воздвигнется безъ Его мановенія. Можетъ быть *уне есть* и *вамъ*—если *разумѣете* и взыскуете *Христа* болѣе *по плоти* (2 Кор. V. 16.), нежели по духу,—да *отъимется* на время отъ душъ вашихъ вожделѣнный *Женихъ*, и лишеніе духовныхъ утѣшеній очиститъ вашу вѣру, возвыситъ любовь, утвердитъ терпѣніе, изощритъ молитву, изгонитъ опасное самоуслажденіе, приготовитъ сугубое блаженство.

Но тѣ, въ которыхъ если не ощущается, но крайней мѣрѣ уже начинается сокровенною рукою *помазаніе, не требуютъ, да кто учитъ ихъ: яко то самое помазаніе учитъ ихъ о всемъ* (1 Іоан. II. 27.). Что мы сотворимъ, живущіе токмо плоти и крови, которыя *царствія Божія наслѣдити не могутъ?* Что будемъ мы, по духу мертвые, хладные и сухіе, подобно разсѣяннымъ среди поля *костямъ* въ Іезекіилевомъ видѣніи? *Оживутъ ли кости сія* (Іез. XXXVII. 3.)? вопрошалъ Богъ Пророка, желая ниспослать на нихъ животворящаго Духа Своего. *Не хотяй смерти грѣшниковъ, но еже обратитися и живымъ быти имъ*, безъ сомнѣнія, и на сіи духовныя остовы съ толикимъ же взираетъ милосердіемъ и желаніемъ ихъ оживленія Духомъ Святымъ. *Оживутъ ли кости сія?—Господи Боже, Ты вѣси сія.*—И нынѣ рцы Самъ, еже рекалъ еси древле Пророкомъ Твоимъ; яко нѣсть въ насъ, иже пророчетъ,—Самъ рцы костемъ симъ: *се Азъ введу въ васъ духъ животенъ,—и дамъ Духъ Мой въ васъ, и оживете и увѣсте, яко Азъ есмь Господь.* Аминь.

---

21. СЛОВО

На Преображеніе Господне.

Взыде на гору помолитися. И бысть, егда молятеся, видѣніе лица Его ино; и одѣяніе Его было блистаяся. И се мужа два съ Нимъ глаголюща, яже бѣста Моисей и Илія. Лук. IX. 28. 29. 30.

Высокое зрѣлище на горѣ Ѳаворской. Зрѣлище, подлинно, достойное того, чтобы и видѣтъ оное съ восхищеніемъ, какъ видѣли Апостолы, и воспоминать съ торжествомъ, какъ мы нынѣ воспоминаетъ. Не напрасно и тѣ, которые были свидѣтелями великихъ явленій на Синаѣ и Хоривѣ, не напрасно Моисей и Илія являются на Ѳаворѣ. Они увидятъ здѣсь болѣе, нежели тамъ. На Синаѣ и Хоривѣ сила и слава Божія открылась человѣкамъ сквозь силы видимаго естества: на Ѳаворѣ не только Божество является человѣкамъ, но и человѣчество является въ Божественной славѣ. Моисей трепеталъ на Синаѣ (Евр. XII. 21.); Илія жаловался на Хоривѣ (3 Цар. XIX. 14.): въ Апостолахъ на Ѳаворѣ сквозь ужасъ сіяетъ радость: *добро есть намъ здѣ быти.*

Христіане! вѣроятно, сердце ваше готово сказать о зрителяхъ Ѳаворской славы: воистину добро есть имъ тамо быти? Счастливы они, что могли тамъ быть! Что жъ, если скажемъ вамъ, что путь къ созерцанію Ѳаворской славы не поглощенъ бездною, не прегражденъ стѣною, не заросъ терніемъ, не забытъ, не потерянъ, но еще и нынѣ указуется знающими желающимъ. (Не трудно понять, что сіе говорится о пути духовномъ; ибо тѣлеснымъ шествіемъ, конечно, не льзя взойти къ видѣніямъ духовнымъ, и откровеніямъ Божественнымъ). Въ самомъ дѣлѣ, для чего Евангелистъ, приступая къ изображенію славнаго Преображенія Господня, прежде всего свое и наше вниманіе обращаетъ на молитву: *взыде на гору помолитися?* Для чего еще, какъ будто не полагаясь на проницаніе нѣкоторыхъ читателей и слушателей Евангелія, и опасаясь, что не довольно поймутъ важность замѣчаннаго обстоятельства, онъ тутъ же повторяетъ, что Преображеніе Господне

случилось во время молитвы: *бысть егда, моляшеся*? Для чего иначе, если не для того, чтобы указать намъ въ молитвѣ путь къ свѣту Ѳаворскому, ключъ тайнъ духовныхъ, силу откровеній Божественныхъ?

Если Богомудрый Евангелистъ нашелъ столь нужнымъ съ изображеніемъ славы Ѳаворской соединить мысль о молитвѣ: то конечно не излишне будетъ и намъ, Христіане, съ воспоминаніемъ славнаго Преображенія Господня, соединить хотя нѣкое малое размышленіе *о силѣ и дѣйствіи молитвы*.

Хотя должно уповать, что въ семъ домѣ молитвы нѣтъ никого, кто бы не имѣлъ болѣе или менѣе познанія о силѣ и дѣйствіи молитвы: однако, для основательнаго знанія, да будетъ позволено войти о семъ предметѣ въ изслѣдованіе, какъ бы о неизвѣстномъ. И такъ — имѣетъ ли какая нибудь молитва какое нибудь дѣйствіе? — Сей вопросъ не долго можетъ остаться неразрѣшеннымъ. Онъ разрѣшается общимъ смысломъ человѣческаго рода: ибо всѣ, отъ просвѣщеннаго чистымъ свѣтомъ вѣры Христіанина, до язычника, омраченнаго грубымъ суевѣріемъ, всѣ люди признаютъ обязанность молиться, а большая и лучшая часть людей и самымъ дѣломъ исполняютъ сію обязанность, хотя не одинаковымъ образомъ, и не съ одинаковымъ успѣхомъ; но для чего бы и установлять и совершать молитву, если бы не признавали въ ней никакой силы, и не ожидали отъ нея никакого дѣйствія? Если кто спроситъ, какъ могутъ и язычники быть свидѣтелями о силѣ молитвы, когда они, не имѣя истиннаго Богопочтенія, не имѣютъ потому и истинной молитвы: того мы опять спросимъ, какъ же у нихъ и есть какая нибудь молитва? Какъ ни старайся изъяснить, какое бы то ни было, несовершенное, явленіе молитвы: въ основаніе происхожденія его всегда должно будетъ положить силу молитвы. Молятся и язычники, конечно или потому, что оставляемый тварію, но не оставляющій ея, Богъ и въ ихъ омраченныхъ сердцахъ оставляетъ нѣкоторыя искры Своего свѣта, который *просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*, и котораго *тма не объемлетъ* (Іоан. 1. 9. 5.), который и во плоти возбуждаетъ нѣкое чувство потребности духовной, даетъ нѣкое предчувствіе о возможности ея удовлетворенія, и такимъ образомъ побуждаетъ взывать къ невѣдомому Богу о невѣдомой помощи; — или потому, что изъ самаго блата чувственности, въ которомъ погрязло язычество, иногда возникали нѣкоторыя окрепленныя души, которыя, при сознаніи низости и нечистоты сего состоянія, искреннимъ желаніемъ и усиліемъ познать силы духовнаго міра, достигали нѣкотораго причастія ихъ, и потомъ научали другихъ достигать того же искреннимъ и крѣпкимъ желаніемъ, то есть, молитвою; — или наконецъ потому, что еще съ тѣхъ временъ, когда во всемъ родѣ человѣческомъ было истинное Богопознаніе, и слѣдственно во всемъ родѣ человѣческомъ извѣстна была сила и дѣйствительность истинной молитвы, не смотря на послѣдовавшее поврежденіе Богопочитанія, осталось неизгладимое всеобщее увѣреніе, какъ о необходимости самаго Богопочитанія, такъ и о пользѣ молитвы, то есть, о ея силѣ и дѣйствительности.

Къ несчастію есть Философія, (того рода, который Апостолъ Павелъ называетъ Философіею *по стихіямъ міра, и тщетною лестію*) (Кол. II. 3.), которая, пренебрегая всеобщее свидѣтельство человѣческаго рода, думаетъ надежнѣйшее свидѣтельство истины дать сама себѣ. Она учитъ, что какъ весь міръ связанъ узами причинъ и послѣдствій, въ которыхъ и свободныя существа болѣе или менѣе запутаны; то, когда человѣкъ молится, — на примѣръ, о изобиліи плодовъ земныхъ, а сіе изобиліе зависитъ отъ благорастворенія воздуха, благораствореніе воздуха отъ дѣйствія и воздѣйствія солнца, земли и воды, дѣйствіе же ихъ отъ законовъ міра, однакожъ Творцемъ его постановленныхъ, и всегда постоянно и необходимо дѣйствующихъ; — онъ молится или безполезно, или развѣ только для своего смиренія и покорности предъ властію и величествомъ Творца. Замѣтимъ, что и сей родъ мудрованія не можетъ отнять у молитвы хотя того дѣйствія, что она образуетъ въ человѣкѣ качество смиренія предъ Богомъ: а это уже не маловажное и спасительное дѣйствіе. Но сего не довольно. Спросите, если встрѣтите, учениковъ сего мудрованія, что лучше, искусная машина, или существо живое, разумное, свободное, и благоустроенное общество таковыхъ су-

ществъ? Что возвышеннѣе, художникъ, который устроилъ машину, и наблюдаетъ за ея движеніями, или отецъ, который родилъ дѣтей, и воспитаніемъ образуетъ ихъ въ свое подобіе, и царь, который основалъ царство свободныхъ, и управляетъ ими такъ, какъ они хотятъ быть управляемы, только безъ нарушенія его премудрыхъ и благихъ намѣреній? Выборъ здѣсь не труденъ, и отвѣта ожидать не нужно. Спросите же ихъ еще: для чего въ твореніи Всесовершеннаго Творца лучше хотятъ они видѣть совершенное произведеніе художества, нежели благоустроенное царство премудраго Царя и великій домъ Отца Всеблагаго? Почему охотнѣе представляютъ себѣ Бога Художникомъ міра, нежели Царемъ неба и земли, и Отцемъ духовъ? Отвѣта на сіе предоставимъ имъ искать въ своей совѣсти: а для нашего настоящаго разсужденія довольно, что если Богъ есть не только Создатель нашъ, но и Царь и Отецъ, то нѣтъ сомнѣнія, что дѣти не вотще будутъ призывать Отца, и Царь не заградитъ слуха отъ сыновъ Царствія. А удивительно ли, если чадолюбивый Отецъ въ удовлетвореніе добраго, или, по крайней мѣрѣ, невиннаго желанія сына, остановитъ, или перемѣнитъ движеніе машины, которую онъ устроилъ? Такъ не удивительно, если Всеблагій Отецъ Небесный, по молитвѣ земнородныхъ чадъ своихъ, дастъ новое, необыкновенное направленіе природѣ, управляемой закономъ необходимости. Симъ уподобленіемъ изъясняетъ дѣйствіе молитвы сама Истина и само Слово: *аще вы лукави суще умѣете даянія блага дати чадомъ вашимъ: кольми паче Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Матѳ. VII. 11.).

Нѣкоторые Христіане, знающіе и творящіе дѣло молитвы болѣе наружно, по обряду, нежели внутренно по духу, не сомнѣваясь въ неопредѣленной мысли, что молитва можетъ быть сильна и дѣйствительна, недоумѣваютъ, или совсѣмъ ошибаются въ приложеніи сея мысли къ самимъ себѣ и своей молитвѣ. Молясь многократно, и не видя ощутительныхъ послѣдствій своея молитвы ни въ себѣ, ни окрестъ себя, вмѣсто того, чтобы усомниться въ истинѣ и достоинствѣ своихъ молитвъ, они получаютъ духомъ лѣности и самопрельщенія вдыхаемую мысль, что молитва сильная и дѣйствительная есть, можетъ быть, особенный даръ благодати, предоставленный только для нѣкоторыхъ избранныхъ Божіихъ, и для нѣкоторыхъ только чрезвычайныхъ случаевъ. Для таковыхъ скажемъ не обинуясь, что нѣтъ человѣка, котораго молитва не могла бы содѣлаться сильною, если онъ того твердо и чистосердечно, съ вѣрою и упованіемъ на Бога, возжелаетъ; и нѣтъ вещи, въ которой бы молитва не могла содѣлаться дѣйствительною, если только предметъ молитвы не противенъ премудрости и благости Божіей, и благу молящагося. Много сказано: надѣемся однако, что не обманемъ истинныхъ любителей молитвы.

Представьте себѣ человѣка, который силою молитвы затворяетъ и отверзаетъ небо для прекращенія и низведенія дождя; велитъ, чтобы горсть муки и не много елея достаточны были для пропитанія нѣсколькихъ человѣкъ, на нѣсколько мѣсяцовъ, и даже, можетъ быть, не на одинъ годъ,— и сіе исполняется; дуетъ на мертваго,—и онъ воскресаетъ; — низводитъ съ небесъ огнь, дабы онъ попалилъ жертву и жертвенникъ, погруженный въ воду.—Что можетъ показаться необыкновеннѣе сея силы молитвенныя? Но такъ кажется только для человѣка, не знающаго силы духовной, а для знающаго сіе есть дѣло подобнаго намъ человѣка. Это не мое мнѣніе, но ученіе Апостольское. Апостолъ Іаковъ поучая насъ *молиться другъ за друга*, въ убѣжденіе къ сему говоритъ, что *много можетъ молитва праведнаго*, и сіе общее для всѣхъ наставленіе, и убѣждающую мысль, подтверждаетъ именно примѣромъ необыкновеннаго человѣка, котораго мы теперь изобразили, и котораго онъ называетъ подобнымъ намъ человѣкомъ: *Иліа человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ, и молитвою помолися, да не будетъ дождь; и не одожди по земли лѣта три и мѣсяцъ шесть: и паки помолися; и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой* (Іак. V. 16. 17. 18.). Для чего сказано здѣсь, что сей чудодѣйствующій Илія былъ *подобострастенъ намъ*?—Точно для того, чтобы, почитая его необыкновеннымъ человѣкомъ, не облѣнились мы подражать ему, и достигать силы въ молитвѣ.

Если не смотря на сіе, подражать въ

молитвѣ Пророку—кажется вамъ жребіемъ, превышающимъ вашу посредственность, и высотою недосязаемою; то представьте себя, чѣмъ вамъ угодно, меньшимъ пророка, представьте себя хотя меньше, нежели Христіанами, хотя только язычниками: и въ семъ случаѣ, я утверждаю, что молитва ваша можетъ быть сильна и дѣйствительна. Она можетъ—чего больше?—можетъ и изъ язычниковъ содѣлать васъ истинными Христіанами; можетъ ввести васъ въ истинное Богопознаніе и Богопочтеніе, хотя бы оно и неизвѣстно вамъ было; и если не будетъ близко человѣка, который бы могъ руководствовать васъ къ тому, она отверзетъ небо, и низведетъ вамъ оттолѣ Ангела, который наставитъ васъ. Но не мечтаю ли я, увлекаемый желаніемъ возбудить васъ къ молитвѣ сильной и дѣйствительной? Нѣтъ, братія и немолитвенники, я все говорю о томъ, что дѣйствительно уже было, а потому и опять быть можетъ, и о чемъ свидѣтельствуютъ наши священныя книги. Извѣстный изъ книги Дѣяній Апостольскихъ (X.) Корнилій, сотникъ Римскаго войска, былъ язычникъ; не извѣстно, зналъ ли онъ *единаго Бога*, а то вѣрно, что не зналъ, *Его же послалъ есть* Богъ, *Іисуса Хріста*: но онъ творилъ столько добра, сколько разумѣлъ, боялся и непрестанно призывалъ Бога, хотя и невѣдомаго: *благоговѣйнъ и боящся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творяй милостыни многи людемъ, и молящся Богу всегда* (2.). И что же сдѣлала постоянная молитва язычника? Она точно преклонила къ нему Небеса, и низвела въ помощь ему вышнія, даже Божественныя, силы. Среди самой молитвы является ему Ангелъ. *Корниліе*, говоритъ онъ, *услышана бысть молитва твоя* (31.): и потомъ научаетъ его призвать Апостола Петра. Когда же призванный Апостолъ проповѣдалъ ему Іисуса Хріста: Духъ Святый, еще прежде совершенія крещенія изліялся на Корнилія.

Изыскивайте, если хотите, изобрѣтайте въ мысляхъ вашихъ вещь, которая казалась бы недоступною силѣ молитвы: не отчаяваемся при свѣтѣ слова Божія показать вамъ, что она доступна и достижима, хотя бы даже казалась невозможною. Вообразите, на примѣръ, цѣлый народъ, тяжкимъ преступленіемъ раздражившій Бога; присовокупите, что Богъ уже изъявляетъ праведную волю Свою погубить сей народъ, и что въ сіи ужасныя минуты остается одинъ только человѣкъ на свѣтѣ, который можетъ принести молитву за сей, почти уже поглощаемый адомъ, народъ. Не кажется ли вамъ, что уже не возможно спасти народъ сей? Опытъ Моисея показалъ, что и сіе возможно. Народъ Израильскій, непосредственно послѣ славнаго Богоявленія и законоположенія Синайскаго, вдругъ впадаетъ въ идолопоклонство. Моисей предстоитъ Богу на горѣ. Выслушайте, и уразумѣйте, какія дивныя слова въ сіе время изглаголалъ Господь Моисею: *и нынѣ остави Мя, и возлярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ* (Исх. XXXII. 10.). О, Господи Боже духовъ и всякія плоти! не ужели сей рабъ Твой, который только Твоею силою силенъ, можетъ воспрепятствовать исполненію воли Твоей? Оставь Меня, глаголетъ, Я хощу явить праведный гнѣвъ Мой, хощу погубить сей народъ; но ты меня удерживаешь. *Остави Мя, и возлярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ.* Что же еще? Молитвенникъ и тогда не оставляетъ Бога, но усугубляетъ молитву: и гнѣвъ непобѣдимаго Всемогущаго уступаетъ силѣ молитвы бреннаго человѣка? *И умилостивися Господь о злѣ, еже рече сотворити людемъ своимъ* (14.). Измѣряйте здѣсь, если можете, чудесную силу молитвы, и найдите послѣ сего, чего бы не могла она совершить во спасеніе!

Дабы усмотрѣть еще, съ какою удобностію ключъ молитвы отверзаетъ духовныя и Божественныя сокровища, воззримъ паки къ Ѳавору, къ которому и старались мы приближиться настоящими размышленіями. Всмотримся еще разъ прилѣжно въ изображеніе Преображенія Господня у Евангелиста: *взыде на гору помолитися. И бысть, егда молящеся, видѣніе лица Его ино*; и проч. Если смѣемъ мы по симъ чертамъ угадывать сердечную тайну Божественнаго Іисуса: кажется, на пути къ Ѳавору въ прямомъ и непосредственномъ намѣреніи Его было не преображеніе, но просто молитва: *взыде на гору помолитися.* Кажется, и на самой горѣ,

въ самыя минуты преображенія, собственною цѣлію дѣйствія Его была только молитва: *бысть, егда молящеся.* Размышляющему не покажется невѣроятною и та догадка, что предметомъ сея молитвы Спасителевой долженствовало быть приготовленіе Себя и учениковъ къ приближающемуся Своему страданію и крестной смерти, о чемъ Онъ не задолго предъ симъ открылся ученикамъ (Лук. IX. 22.), и о чемъ въ самое время Преображенія бесѣдовали съ Нимъ Моисей и Илія (31.). Какъ же среди молитвы о страданіи открылась слава? — Какъ самородный, такъ сказать, цвѣтъ и плодъ обильной живою силою молитвы. Духъ молитвы, сливаясь съ Духомъ Божіимъ, исполнилъ свѣтомъ душу Іисусову; преизбытокъ сего свѣта, не удерживаясь въ душѣ, проліялся на тѣло, и просіялъ въ лицѣ; не вмѣщаясь и здѣсь, осіялъ и преобразилъ самую одежду; расширяясь еще далѣе, объялъ души Апостоловъ, и отразился въ восклицаніи Петровомъ: *добро есть намъ здѣ быти;* прошелъ въ область внутренняго міра, и привлекъ оттолѣ Моисея и Илію; достигъ самыхъ нѣдръ Отца Небеснаго, и подвигнулъ любовь Его къ торжественному свидѣтельству о возлюбленномъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* О чудо молитвы, единымъ дѣйствіемъ объемлющей небо, и землю, и самое Божество? — Да не скажетъ кто, что сей примѣръ молитвы до насъ не относится, какъ дѣло Богочеловѣка. Онъ относится и до насъ, Христіане; ибо въ насъ то же, хотя не въ томъ же степени, должно совершаться, что и во Христѣ. *Сіе да мудрствуется въ васъ,* учитъ Апостолъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ* (Фил. II. 5.).

Время наконецъ спроситъ: отъ чего же столь многія молитвы остаются безъ дѣйствія, если всякая молитва можетъ быть столь сильна и дѣйствительна? Ибо для сего иначе вопроса сказано все, что доселѣ сказано. Отличимъ здѣсь одинъ случай, когда молитва кажется не исполненною, между тѣмъ какъ она исполняется неожиданнымъ и вышнимъ образомъ. Такъ, Павелъ *трикраты молилъ Господа,* да отступитъ отъ него *пакостникъ плоти:* но Богъ ему отвѣтствовалъ: *довлѣетъ ти благодать Моя; сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII. 8. 9.). Не прекращено искушеніе: но еще болѣе дивная дарована побѣда надъ продолжающимся искушеніемъ. Если исключить подобные сему случаи: то всѣ безуспѣшныя молитвы объясняются краткимъ изреченіемъ Апостольскимъ: *желаете, и не имате, яко не просите; просите и не пріемлете, яко злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ пождете* (Іак. IV. 3. 4.). Наши молитвы безплодны или потому, что это не суть прошенія прилѣжныя и неотступныя, которыя бы исходили изъ глубины души, и въ которыхъ бы вся душа изливалась, но только желанія слабыя, которыя мы изрекаемъ безъ возбужденія духа, и думаемъ, что онѣ сами собою должны исполниться; или потому, что прошенія наши не чисты и злы, что мы просимъ вредного, а не полезнаго для души нашей, или просимъ не во славу Божію, но для удовлетворенія нашихъ хотѣній плотскихъ и самолюбивыхъ.

Молись, Христіанинъ, молитвою крѣпкою, отъ всея силы души твоея, молитвою прилѣжною и неотступною, молитвою благою и чистою: а если сего не обрѣтаешь въ себѣ, молись о самой молитвѣ: и ты молитвою сперва пріобрѣтешь молитву истинную и дѣйствительную, потомъ сія все побѣдитъ съ тобою, и все тебѣ пріобрящетъ: возведетъ тебя на Ѳаворъ, или въ тебѣ откроетъ Ѳаворъ; низведетъ небо въ душу твою, и душу твою вознесетъ на Небо. Аминь.

22. СЛОВО

Въ день Преображенія Господня.

Пріидите любящіе ученіе истины: любовь ваша нынѣ награждается и удовлетворяется совершеннѣйшимъ ученіемъ высочайшей Истины. Пріидите и маловнимательные къ ученію, или недовольные несовершенствомъ и недостоинствомъ преподающихъ оное; возбудите ваше вниманіе: нынѣ можете слышать Учителя, Котораго

достоинство безпримѣрно, и, конечно, такъ же превосходно должно быть и ученіе. Отъ Ѳавора слышна проповѣдь не учителя церковнаго, не Апостола, не Пророка, даже не Ангела, но самого Бога Отца. *Се гласъ изъ облака, глаголя: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того послушайте* (Матѳ. XVII. 5.).

Учители церковные различаютъ два вида спасительнаго ученія: догматы и заповѣди. Догматъ есть Богомъ открытая истина, которой мы должны вѣровать для нашего спасенія. Заповѣдь есть Богомъ данное новѣлѣніе или правило, которое мы должны исполнять для нашего спасенія.

Сей самый составъ ученія представляетъ и небесная Ѳаворская проповѣдь. *Сей есть Сынъ мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*: вотъ догматъ! *Того послушайте*: вотъ заповѣдь!

О догматѣ была проповѣдь Божественная еще прежде, на Іорданѣ. И тамъ былъ гласъ съ небесе глаголя: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Матѳ. III. 17). То была проповѣдь къ первому проповѣднику Новаго Завѣта, Іоанну Крестителю; и едва ли не одинъ онъ въ то время достаточно ее выразумѣлъ. Начиналъ онъ и самъ проповѣдывать слышанное съ неба, когда говорилъ о Іисусѣ: *Грядый свыше надъ всѣми есть* (Іоан. III. 21), и еще: *Отецъ любитъ Сына, и вся даде въ руцѣ Его* (36): но проповѣдь Іоанна вскорѣ прекратилась, съ его свободою и жизнію. Посему благопотребно то было для утвержденія вѣры и благотворно для нашего невѣдѣнія и маловѣрія, что догматъ о Единородномъ Сынѣ Божіемъ вновь проповѣданъ съ неба на Ѳаворѣ тремъ первѣйшимъ изъ Апостоловъ, какъ тремъ, по закону, достаточнымъ свидѣтелямъ, уготовляемымъ во вселенскіе проповѣдники вѣры. Ибо, хотя имъ въ тоже время и было заповѣдано *никомуже повѣдати видѣнія* Ѳаворскаго, *дондеже Сынъ человѣческій изъ мертвыхъ воскреснетъ* (Матѳ. XVII. 9.): но, по минованіи предѣла сего запрещенія, они имѣли сіе видѣніе одною изъ непоколебимыхъ опоръ своего свидѣтельствованія о Божествѣ, силѣ и славѣ Іисуса Христа, какъ о семъ пишетъ Апостолъ Петръ въ своемъ предсмертномъ посланіи: *сказахомъ вамъ силу и пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, самовидцы бывше величествія онаго. Пріемъ бо отъ Бога Отца честь и славу, гласу пришедшу къ Нему такову отъ велѣльныя славы: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже Азъ благоизволихъ! И сей гласъ мы слышахомъ съ небесе сшедшъ, съ Нимъ суще на горѣ святѣй* (2 Петр. I. 16—18.).

Съ благоговѣніемъ и радостію да помышляемъ, братія, о святости и твердости вѣры во Іисуса Христа Сына Божія, и съ непрестающею благодарностію къ открывшему ее и утвердившему Богу. *Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имѣетъ животъ вѣчный* (Іоан. III. 16). И дабы приготовить міръ къ принятію Его, предварительно *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголалъ отцемъ во пророцѣхъ* (Евр. I. 1.), предвозвѣщая Его явленіе, и образы будущаго явленія Его представлялъ въ праотцахъ и въ *Законѣ, имѣвшемъ сѣнь грядущихъ благъ* (Евр. X. 1). Когда же Онъ дѣйствительно явился въ мірѣ, но явился въ естествѣ человѣческомъ: тогда къ открытію того, что скрывалось подъ симъ покровомъ, употреблены были чудеса, являющія Божественную силу. Но какъ и чудеса, являя присутствіе Божественной силы, не проявляютъ рѣшительно Божескаго существа въ лицѣ чудотворца, потому что могутъ быть и человѣками совершаемы, по волѣ и силѣ Божіей: то что еще надлежало дѣлать, чтобы явить истиннаго Сына Божія въ лицѣ Іисуса? Провозгласить ли Ему Самого Себя? Не обнулся Онъ сдѣлать сіе, когда, напримѣръ, сказалъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X. 30); и Его слово твердо было само собою, какъ слово самой Истины, и подтверждаемо было Его чудесами. Но поелику Онъ призналъ также, что для человѣческаго удостовѣренія недостаточно собственное о Себѣ свидѣтельство: *аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно* (Іоан. V. 31): то видите ли, какою преизбыточествующею мѣрою воспол-

нается сей недостатокъ? Богъ Отецъ, Который, по изъясненію Апостола, *во свѣтѣ живетъ неприступнѣмъ, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI. 16), подвигся отъ Своей недовѣдомой высоты, преклонилъ небеса, облекъ Свой неприступный свѣтъ въ доступный созерцанію свѣтлый облакъ, сократилъ Свое безконечное вѣдѣніе и откровеніе безконечнаго въ подобіе человѣческаго гласа, и Самъ проповѣдалъ единосущное съ Собою Божество рабій зракъ носящаго Іисуса, нарекше Его Своимъ *Сыномъ возлюбленнымъ*: ибо сынъ *возлюбленный* въ священномъ языкѣ означаетъ сына *единороднаго* (а); а Сынъ Единородный не иный быть можетъ, какъ *Единосущный* Отцу Своему.

Обратимся отъ догмата къ заповѣди.

Въ богоявленіи на Іорданѣ провозглашенъ только догматъ о Единосущномъ со Отцемъ Сынѣ Божіемъ: въ видѣніи на Ѳаворѣ къ сему догмату присовокупленъ заповѣдь: *Того послушайте!* То есть: вы должны какъ слушать ученіе воплощеннаго Сына Божія, такъ и вступить въ дѣятельное къ Нему послушаніе, и постоянно пребывать въ семъ послушаніи.

На Іорданѣ провозглашать заповѣдь послушанія для Іоанна было уже не нужно, а для другихъ еще рано. Для Іоанна уже не нужно: поелику онъ уже исполнялъ сію заповѣдь, когда изъ послушанія крестилъ Іисуса, препобѣждая собственное убѣжденіе, по которому желалъ самъ отъ Него креститься, а не крестить Его. Для другихъ еще рано: потому что на Іорданѣ Христосъ явился еще только Своимъ лицемъ, къ которому нужно было возбудить вниманіе и вѣру, а не открылъ еще Своего ученія, которое требовало повиновенія.

На Ѳаворѣ заповѣдь послушанія провозглашена, частію, можетъ быть, соотвѣтственно съ особенною потребностію свидѣтелей Ѳаворскаго видѣнія. Ибо предъ симъ и первоверховный въ вѣрѣ Петръ, хотя первый изъ Апостоловъ исповѣдалъ Іисуса *Христомъ Сыномъ Бога живаго* (Матѳ. XVI. 16.), не оказалъ однако готовности препобѣждать собственныя убѣжденія покорностію слову Христову. Когда *начатъ Іисусъ сказовати ученикомъ Своимъ, яко подобаетъ Емуити въ Іерусалимъ, и много пострадати отъ старецъ и архіерей и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день востати*: тогда *Петръ начатъ прерѣцати Ему, глаголя: милосердъ Ты, Господи: не имать быти Тебѣ сіе* (Матѳ. XVI. 21. 22.). Хотя же сіе открытое прекословіе таинству вѣры немедленно пресѣчено было строгимъ упрекомъ Господа: однако, можетъ быть, внутреннее расположеніе Петра требовало дальнѣйшаго врачеванія. Вѣроятно, сіе врачеваніе продолжали Моисей и Илія, когда, бесѣдуя съ Іисусомъ на Ѳаворѣ, *глаголаста исходѣ Его, егоже хотяше скончати въ Іерусалимѣ* (Лук. IX. 31.), то есть, бесѣдовали съ Нимъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ и крестной смерти. Для нихъ это была бесѣда созерцанія и молитвы, а для Петра продолженіе того ученія о крестѣ, которому онъ дерзнулъ было противоборствовать. Вѣроятно, сіе врачеваніе довершалъ и самъ Пренебесный Врачъ силою Своего слова. *Того послушайте*: то есть, покаряйтесь ученію воплощеннаго Сына Божія, хотя бы оно и казалось прекословнымъ для вашего естественнаго мудрованія, хотя бы оно васъ оглашало страданіемъ и крестомъ, среди вашего стремленія къ блаженству и славѣ.

Но какъ бы то ни было съ Апостоломъ Петромъ и съ двумя его соучастниками въ Ѳаворскомъ видѣніи: но вѣрно, что какъ догматъ, такъ равно и заповѣдь, проповѣданные на Ѳаворѣ, проповѣданы не для нихъ однихъ, но и для всѣхъ насъ. Не для трехъ человѣкъ гласитъ съ небесъ на землю Божественная Истина, но для спасенія всего рода человѣческаго. *Гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣпіи* (Псал. XXVI. 11.). Онъ не ограничивается мѣстомъ, не пресѣкается временемъ. Съ какою властію и силою возгремѣлъ онъ на Ѳаворѣ для трехъ учениковъ Христовыхъ: съ тою же самою властію и силою исходитъ онъ и нынѣ изъ Евангелія для всѣхъ учениковъ Христовыхъ. И тогда, какъ властію всепокаряющею повелѣваетъ, силою вседѣйствующею

а) Быт. XXII. 2. 12. 16. Суд. XI. 34. Іер. VI. 26. Амос. VIII. 10. Зах. XII. 10.

даетъ способность исполнять повелѣнное. Помыслимъ же, братія, что сею самою властію и силою самъ Богъ Отецъ вводитъ и насъ въ послушаніе возлюбленному Сыну Своему Іисусу Христу. Дерзнетъ ли кто не покориться сей Божественной власти? Кто не возжелаетъ отъ сея спасительныя силы принять даръ послушанія? *Того послушайте!* Какъ не послушать всегда и во всемъ? Неужели кто нибудь не послушаетъ?

Глаголетъ воплощенный Сынъ Божій: *вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте* (Іоан. XIV. 1). *Послушайте* Его; и содѣлайте сію вѣру начальною движущею силою вашей жизни!

Начатъ Іисусъ, и еще не престаетъ, *проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное* (Матѳ. IV. 17.). *Послушайте* Его; и поспѣшайте путемъ покаянія достигать царства небеснаго близкаго, доколѣ правосудіе, также близкое, не затворило дверей милосердія!

Съ горы, не такъ высокой, какъ Ѳаворъ, но тѣмъ удобнѣе всѣмъ доступной, учитъ Господь Іисусъ народы, и для разнообразнаго множества учениковъ указуетъ различныя стези къ блаженству, впрочемъ соединяющіяся въ единый общій путь спасенія: *блажени*, говоритъ, *нищіи духомъ; блажени плачущіи; блажени кротцыи; блажени алчущіи и жаждущіи правды; блажени милостивіи, чистіи сердцемъ, миротворцы;* наконецъ *блажени изгнани правды ради* и *Мене ради* (Матѳ. V. 3—11), то есть, вѣрные до страданія и смерти. *Послушайте* Божественнаго Наставника; и, если съ перваго взгляда труднымъ кажется пройдти столь многія степени восхожденія къ блаженству, вступите хотя въ нѣкоторыя изъ указанныхъ стезей, болѣе близкія, или соотвѣтственныя вашему настоящему положенію, только непремѣнно вступите и нелѣностно продолжайте идти. Поколику чувствуете себя въ состояніи грѣха: держитесь стези плача, можетъ быть, жесткой и неудобопроходной въ началѣ, но въ продолженіи, безъ сомнѣнія, пріятной, и простирайтесь далѣе по стезѣ непрестаннаго алканія правды, не человѣческой, но Божіей, даруемой Іисусомъ Христомъ, *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же, и освященіе, и избавленіе* (1 Кор. I. 30). Мнящіе себя быть въ чемъ нибудь не малыми, поспѣшайте на стезю нищеты духовной и познанія своего ничтожества. Искушаемые своею или другихъ склонностію ко гнѣву и несогласію, съ особеннымъ усиліемъ устремляйтесь на стези кротости и миролюбія. Подвизайтесь для чистоты сердца, не менѣе чистоты внѣшнихъ дѣлъ: ибо на сердце зритъ всечистое око Божіе. Не чуждайтесь и крестнаго пути, слыша Господа глаголющаго: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. XVI. 24). Не прекословьте слову креста вашего, какъ Петръ напрасно прекословилъ слову креста Христова. Не находимъ ли мы высокаго удовольствія, если можемъ перенести трудный подвигъ для человѣка, котораго чтимъ и любимъ? Изъ сего, по возхожденію отъ малаго къ великому, самое вѣрное заключеніе есть то, что, если охотно понесемъ крестъ для Христа, найдемъ блаженство въ самомъ подвигѣ, прежде блаженства за подвигъ. Не отрекемся же взять крестъ свой, да распнемся плоти, умерщвляя похоти ея; да распнемся міру, не прельщаясь его блескомъ и славою; да распнемся нашему самолюбію, подвизаясь всегда дѣйствовать, говорить, мыслить и жить для Христа, да живетъ въ насъ Христосъ!

Христіане! Всякимъ и всегдашнимъ послушаніемъ *послушайте* Христа Господа, Который *бысть* и будетъ *послушающимъ Его виновенъ спасенія вѣчнаго* (Евр. V. 9). Слава Ему со Отцемъ и Святымъ духомъ во вѣки! Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

СЛОВА

НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

СЛОВА

НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

1. СЛОВО

Въ недѣлю о Ѳомѣ.

Глагола ему Іисусъ: яко видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи, и вѣровавше. Іоан. XX. 29.

Когда, по слову Пророческому, *поражень былъ Пастырь, и расточены овцы стада*, то есть, когда Іисусъ Христосъ преданъ былъ на крестъ и смерть, и Апостолы Его подверглись различнымъ искушеніямъ: Ѳома былъ единою отъ овецъ Его, въ общемъ разсѣяніи, долѣе прочихъ заблуждавшею.

Тогда какъ прочіе Апостолы, хотя *страха ради Іудейска*, впрочемъ хорошо поступили, что изъ первоначальнаго разсѣянія, кому куда случилось, вскорѣ обратились искать другъ друга, сошлись въ извѣстномъ мѣстѣ,—*бяху собрани*, и, безъ сомнѣнія, общую скорбь превращали въ единодушную молитву; Ѳомы, неизвѣстно, по какому препятствію, или по его собственной неосмотрительности, тамъ не было,—*не бѣ ту съ ними*. Первое послѣдствіе сего было то, что первое явленіе Господа воскресшаго собраннымъ Апостоламъ, для Ѳомы было потеряно: *не бѣ ту съ ними, егда пріиде Іисусъ*. Другое послѣдствіе, что, когда прочіе Апостолы явленіемъ Господнимъ вновь утверждены были въ вѣрѣ, въ которой поколебались-было во время Его страданія и смерти, Ѳома, не смотря на свидѣтельство сихъ вѣрныхъ очевидцевъ, съ нѣкимъ упорствомъ утверждалъ себя въ невѣріи: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не иму вѣры*.

На сей случай, хотя мимоходомъ, обратить вниманіе просилъ бы я особенно тѣхъ, которые въ особенные дни, скорбей ли, радостей ли Христіанскихъ, когда мы *бываемъ собрани*, и призываемъ Господа

въ молитвѣ, и пріемлемъ Его въ таинствѣ, *не бываютъ съ нами* въ собраніи церковномъ, по препятствіямъ ли со стороны дѣлъ мірскихъ, впрочемъ большею частію не непреодолимымъ, или только по своему небреженію. Не лишиться бы имъ благодатнаго посѣщенія Того, Который обѣщалъ быть посреди собранныхъ во имя Его, и Котораго присутствіе приноситъ съ собою блаженный миръ и радость неотъемлемую! Произвольнымъ ослабленіемъ союза съ прочими вѣрующими, который долженъ былъ укрѣплять ихъ вѣру, не дойдти бы имъ отъ слабой вѣры до упорнаго невѣрія!

Возвратимся къ Ѳомѣ. Отъ погибели, которую готовило ему закоснѣвающее въ немъ невѣріе, спасла его, вѣроятно, еще не разрушенная невѣріемъ любовь къ Господу, по которой недавно, и самъ онъ рѣшительно возжелалъ, и предлагалъ прочимъ Апостоламъ, съ готовностію къ смерти, не отставать отъ возлюбленнаго Учителя и Господа, на явную опасность жизни недавнаго въ Іудеѣ: *идемъ и мы*, говорилъ Ѳома, *да умремъ съ Нимъ*. Поелику симъ образомъ любовь Ѳомы уже пріобщилась смерти Христовой: то слѣдовало ей пріобщиться и воскресенія Христова. Привлеченный сію, воскресшій Господь вторично явился собраннымъ Апостоламъ, собственно ради Ѳомы; далъ ему, какъ онъ хотѣлъ, осязать язвы Своихъ рукъ и ногъ и ребръ, — и симъ, не простымъ, только внѣшнимъ осязательнымъ свидѣтельствомъ, но живымъ прикосновеніемъ къ открытымъ, такъ сказать, устіямъ внутренняго источника жизни, полуумерщвленнаго невѣріемъ Апостола воскресилъ въ жизнь вѣры.

Совершивъ сіе дѣло милосердія, Господь присовокупилъ слово правды: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси; блажени не видѣвшіи, и вѣровавше*. Счастливое невѣріе, — такъ могъ бы думать Ѳома, которымъ пріобрѣтено посѣщеніе Господа! Нѣтъ, глаголетъ Господь, ты преимущественно помилованъ, но не преимущественно блаженъ. *Видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блажени* — совсѣмъ другіе. А изъ насъ иные, взирая на примѣръ Ѳомы, могли бы подумать: почто мы такъ несчастливы, что не можемъ имѣть непосредственнаго явленія и утвержденія въ вѣрѣ отъ Господа? Нѣтъ, глаголетъ Господь и намъ, не видѣть — не есть несчастіе, когда и безъ того есть достаточныя основанія вѣровать; напротивъ, не видѣть и вѣровать есть — особенное достоинство вѣры, и потому особенное блаженство. *Блажени не видѣвшіи, и вѣровавше*.

Мнѣ кажется, что сіе изреченіе Господне требуетъ нѣсколько болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Должно вспомнить, что всѣ Апостолы, и одни Апостолы, были предъ лицемъ Господа, когда Онъ именно Ѳомѣ, съ нѣкоторымъ видомъ упрека, сказалъ: *яко видѣвъ Мя, вѣровалъ еси*, и къ сему присовокупилъ неопредѣленное изреченіе: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше*. При первомъ взглядѣ, неожиданнымъ и необычайнымъ представляется то, что укоряетъ Ѳому, который подлинно и заслужилъ укоризну тѣмъ, что угрожалъ не вѣрить, если не увидитъ; но такъ укоряетъ, что та же укоризна поражаетъ, кажется, и прочихъ Апостоловъ, ибо и они, хотя ранѣе Ѳомы, *видѣвъ Господа, вѣровали*. Видѣ необычайности увеличивается ублаженіемъ не видѣвшихъ и вѣровавшихъ, если вообразить, что всѣ Апостолы принадлежатъ къ числу видѣвшихъ, и слѣдственно лишаются ублаженія. А не имъ ли прежде сказано: *ваша же блаженна очеса, яко видятъ?*

Надлежало примѣтить сіи необычайности, чтобы уклоненіемъ отъ нихъ приблизиться къ истинному разумѣнію изреченія Господня.

Если и всѣ Апостолы, видѣвъ Господа, вѣровали: но великая въ семъ разность между Ѳомою и прочими. Они не имѣли прежде своего видѣнія, толико, и по числу свидѣтелей и по способамъ удостовѣренія, сильнаго свидѣтельства о воскресеніи Господнемъ, какое имѣлъ онъ отъ нихъ. Имъ видѣніе даровано было по волѣ Господней, а не по ихъ требованію. И такъ Ѳома исключительно заслужилъ личный упрекъ, потому что дерзновенно требовалъ видѣнія, послѣ свидѣтельствъ, совершенно достаточныхъ основать вѣру.

Всѣ Апостолы видѣли Господа: но до невѣроятности уничижительно было бы то для ихъ освященнаго собора, если бы не

было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвѣщаемое Господомъ преимущественное блаженство, не видѣть и вѣровать. Не желаемъ видѣть, и не дерзаемъ воображать васъ, Богоблаженные Апостолы, лишенными какого-либо блаженства вѣрующихъ. Явите же намъ, Вы сами, кто изъ васъ *блаженный не видѣвшій, и вѣровавшій?*—Смотрите, братія, не сіе ли самое открываетъ намъ Евангелистъ Іоаннъ, когда, повѣствуя о посѣщеніи гроба Господня, въ утро воскресенія, двумя учениками, пишетъ: *вниде и другій ученикъ, пришедый прежде ко гробу, и видѣ, и вѣрова.* Что видѣлъ онъ по входѣ во гробъ? Безъ сомнѣнія тоже, что видѣлъ первый ученикъ, именно Петръ; *видѣ ризы едины лежащя.* А чему повѣрилъ? Тому ли, что предъ тѣмъ возвѣстила Магдалина: *взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его?* Но чему тутъ было вѣрить? Тутъ нѣтъ никакой сокровенной истины, и одно явное невѣдѣніе. Чему же повѣрилъ *ученикъ, егоже любляше Іисусъ?* Догадываюсь, и, думаю, по необходимости должно догадываться, что въ ту минуту, какъ онъ, вступивъ во гробъ, *видѣ ризы едины лежащя;* необыкновенно живая любовь необыкновеннымъ образомъ возбудила въ немъ вѣру; легкая мысль, что не льзя было представить случая, по которому бы ризы, обвивавшія тѣло Господне съ мастію, могли отдѣлиться отъ мертваго тѣла, подала ему великую мысль о воскресеніи; онъ не видалъ ничего болѣе, какъ отсутствіе погребеннаго Іисуса изъ гроба, но во глубинѣ любящаго сердца ощутилъ, что живетъ Возлюбленный, не смотря на то, что къ вѣрованію въ воскресеніе Его даже познаніемъ Писанія не былъ приготовленъ: *видѣ и вѣрова: не убо вѣдяху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути.*

Какъ же скоро такимъ образомъ найденъ между Апостолами образецъ преимущественнаго блаженства не видящихъ и вѣрующихъ: бесѣда Господня съ Ѳомою получаетъ отъ сего совершенную ясность и точное знаменованіе. Кажется, можно видѣть, какъ Господь взоромъ укоренія взираетъ на Ѳому и глаголетъ: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси;* потомъ обращаетъ взоръ одобренія на Іоанна, и хотя не открыто къ его имени, но тѣмъ не менѣе внятно къ его сердцу, продолжаетъ: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавшіе.* Прочіе Апостолы остаются между одобреніемъ и упрекомъ.

Но поелику блаженство не видѣть и вѣровать, Господь возвѣщаетъ, какъ общее блаженство многихъ; поелику, послѣ другихъ, и намъ дарована благодать вѣровать въ Господа съ Апостолами, тогда какъ мы не видали Его съ ними: то что подумаемъ мы о себѣ самихъ? Не ужели подлинно мы блаженны паче Ѳомы, и даже паче прочихъ Апостоловъ, кромѣ, можетъ быть, одного возлюбленнаго? Не смѣю съ симъ васъ поздравить; боюсь и въ семъ случаѣ, чтобы не оскорбить первыхъ послѣдователей Господа, и всеобщихъ руководителей въ послѣдованіи Ему, если впереди ихъ поставлю насъ послѣднихъ, и у нихъ себѣ похищу преимущественное блаженство. *Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его* (Матѳ. X. 25): довольно и для насъ, если и мы послѣдніе можемъ быть участниками въ блаженствѣ съ первыми руководителями къ блаженству. Довольно, если найдутся между нами нѣкоторые, къ которымъ отнести можно ублажающее изреченіе Господне: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавшіе.*

Нѣкоторые?—А другіе изъ насъ не ужели видятъ и вѣруютъ?—Какъ ни странными сіе покажется нѣкоторымъ, но такъ должно быть, чтобы степени блаженства соотвѣтствовали степенямъ вѣры.

И нынѣ есть *видящіе и вѣрующіе,* — тѣ, которые, какъ Ѳома, требуютъ отъ вѣры удостовѣреній ясныхъ, дѣйствій ощутительныхъ, знаменій чудесныхъ. Есть напротивъ, *не видящіе и вѣрующіе,* — тѣ, которые и тогда, какъ противъ удостовѣреній возстаютъ сомнѣнія, ощутительныя дѣйствія вѣры скрываются, знаменія чудесныя не являются, тѣмъ не менѣе твердо и непоколебимо стоятъ въ вѣрѣ.

Не однимъ Апостоламъ, по всякому любящему обѣщалъ Господь Свое явленіе, слѣдственно и видѣніе. *Любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. XIV. 21.). Не берусь изъяснить образовъ сего явленія. Кто видитъ солнце, тотъ сіе явленіе понимаетъ безъ всякаго изъясненія; но слѣпому

изъяснять видѣніе солнца было бы тщетное усиліе! Скажемъ нѣчто, единственно по требованію настоящаго разсужденія. Въ сердцѣ твоемъ возгарается необыкновенно живая, неизъяснимо сладостная любовь Божія, которая всякое дѣло благочестія дѣлаетъ тебѣ легкимъ и пріятнымъ, такъ, что ты не можешь сего приписать себѣ, но принимаешь то за даръ Божій: тогда легко тебѣ вѣровать; ты испытываешь то, чему вѣруешь; ты ходишь во свѣтѣ вѣры. Въ семъ случаѣ Господь можетъ сказать тебѣ: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси*. Знай же, что если и тогда, когда огнь въ сердцѣ твоемъ покажется угасающимъ, духовная сладость престанетъ быть ощущаема, вновь восчувствуется трудъ подвиговъ, и недостаточество силъ, если и тогда ты подвиговъ не оставишь, о благодати Божіей не усумнишься, сердца унынію не предашь: вотъ особенное достоинство вѣры! И потому вотъ особенное блаженство, хотя бы оно покрыто было страданіемъ: *Блажени не видѣвшіи и вѣровавше*!

Господь является человѣку не только во внутренней, но и во внѣшней жизни, видимыми благодѣяніями Своего промысла, въ которыхъ, по слову Апостола, *поне осязаніи Его* (Дѣян. XVII. 27.) можно. Если Онъ *оградилъ вѣшняя твоя*, и *внутренняя дому твоего, дѣла же руку благословилъ*: легко тебѣ вѣровать. Но такой вѣрѣ и діяволъ не вѣритъ, какъ не вѣрилъ ей въ Іовѣ; и потому можетъ случиться, что она подвергнется опасному испытанію. Если же и тогда, какъ благодѣющая десница Божія скрывается, и тебя постигаетъ нищета, или болѣзнь, или иное бѣдствіе, ты, какъ Іовъ, *во всѣхъ сихъ приключающихся не даешь безумія Богу*: то Господь благословитъ *послѣдняя* вѣры твоея паче, *неже прежняя. Блажени невидѣвшіи, и вѣровавше*.

Можетъ еще вѣра наша встрѣтить Господа на путяхъ жизни общественной, въ лицѣ меньшихъ братій Его, по слову Его: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40.). И здѣсь иногда болѣе Онъ видимъ бываетъ, а иногда менѣе. Авдію, который сто Пророковъ Господнихъ кормилъ хлѣбомъ и водою, не трудно было вообразить, что въ нихъ Самъ Господь *вселился*, и самому Господу *далъ онъ ясни*. Напротивъ того, какъ часто искушаетъ насъ то, что, видя нищихъ, не видимъ въ нихъ Христа, то есть Христовыхъ и христіанскихъ свойствъ и добродѣтелей! Точно ли они бѣдны, думаемъ мы? достойны ли они человѣколюбиваго участія, по образу жизни своей? Будутъ ли они молиться за насъ, получивъ благотвореніе? Не возмущайся напрасно, благодѣтельная душа! Не охлаждай самъ своея любви подозрѣніями; не омрачай самъ своея вѣры сомнѣніями. Не довольно ли тебѣ слышать отъ Господа: *Мнѣ сотвористе*? На что, какъ Ѳома, хочешь видѣть и осязать Его въ томъ, кому благотворить желаешь? Благотвори видимому—требующему, и вѣрь Невидимому — Пріемлющему. *Блажени не видѣвшіи, и вѣровавше*. Аминь.

2. СЛОВО

Въ день Воскресный и Святителя Алексія.

Тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежащя. Лук. XXIV. 12.

Евангеліе, повѣствуя о воскресеніи Господа Іисуса, излагаетъ между прочимъ сіи обстоятельства, что камень отъ гроба Его былъ отваленъ Ангеломъ, котораго сошествіе для сего съ неба сопровождаемо было землетрясеніемъ; что жены Мѵроносицы нашли сей гробъ открытымъ; что Петръ, и послѣ него Іоаннъ, посмотрѣвъ во гробъ, увидѣли лежащія ризы Господа, то есть, плащаницу, которою при погребеніи обвито было тѣло Его, сударь, или платъ, который былъ на головѣ Его, и, вѣроятно, препоясаніе, которое было на Немъ во время Его распятія. *Петръ же воставъ тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежащя*.

Что значитъ, что Евангельское повѣствованіе такъ занимается ризами Господа, которыя уже не нужны Воскресшему? Что значитъ, что и Воскресшій оставилъ и со-

хранилъ ризы Свои во гробѣ, чтобы ихъ видѣли? — Сіе значитъ то, что и ризы Господа долженствовали быть въ числѣ свидѣтелей Его воскресенія. Если скажутъ Іудеи, что тѣло Господа украдено учениками; если бы самые ученики подумали, какъ на время думала Магдалина, что тѣло Господа перенесено кѣмъ-то: ризы Его вопіютъ противъ клеветниковъ, и вразумляютъ погрѣшающихъ. Время ли похищающему тѣло развивать съ него плащаницу и сударь, и опять свивать ихъ, и укладывать порознь въ порядкѣ? Какая нужда переносящему тѣло погребенное, обнажать оное, когда напротивъ и обнаженное одѣть надлежало, какъ для удобнѣйшаго перенесенія, такъ и сообразно съ мнѣніемъ Іудеевъ о прикосновеніи къ мертвымъ? Такимъ образомъ и безжизненныя ризы Господа проповѣдывали Его воскресеніе.

И мы, собравшіеся здѣсь нынѣ, притекли ко гробу Христова служителя и подражателя. И сей гробъ открытъ въ слѣдствіе потрясенія, которое трудно вообразить сбывшимся безъ содѣйствія руки Ангельской: ибо древяный храмъ, подъ которымъ нѣсколько десятилѣтій скрытъ былъ гробъ сей, внезапно палъ во время священнослуженія, но симъ паденіемъ никто не пораженъ, а только поданъ случай къ открытію гроба сего. И что видимъ мы въ открытомъ гробѣ семъ? — Не погрѣшимъ, если скажемъ, что *видимъ ризы лежащія*, не ризы тѣла, но самое тѣло видимъ, какъ ризы только, какъ облаченіе безсмертнаго духа, которое онъ оставилъ здѣсь, восходя въ жизнь небесную; видимъ ризы лежащія благочинно, не поверженныя и не раздранныя, то есть, видимъ тѣло, не подверженное тлѣнію и разрушенію, но невредимо и мирно почивающее.

Что же значитъ, что подражатель Христу въ жизни, подражаетъ Ему и по смерти въ томъ, что и гробъ свой открытый, и нетлѣнную ризу плоти своея видимую, намъ представляетъ? — Какъ безмолвныя ризы Господа возвѣщали Его воскресеніе: такъ безмолвные нетлѣнные останки сего подражателя Христова, не какъ неизвѣстное возвѣщаютъ, но какъ въ суетѣ настоящей жизни не рѣдко забываемое, приводятъ намъ на память будущее наше воскресеніе.

О безсмертіи души человѣческой, и о будущемъ воскресеніи самаго тѣла человѣческаго, если бы надлежало говорить къ незнающимъ: то, для составленія понятія о безсмертіи, можно было бы обратить вниманіе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ, и что умираетъ. То, что̀ видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло: а то, что̀ живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъясняетъ свою смертность; поелику очевидно на части дѣлится, и разрушается: душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и неслiянномъ единствѣ, никакъ несовмѣстномъ съ свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіи жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую: между тѣмъ душа, во все продолженіе жизни, чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни, какъ бы по неволѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души, и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію: душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, не зависимую отъ тѣла, жизнь и дѣятельность.

Свидѣтелями безсмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую, и наибольшую часть рода человѣческаго, и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ, до наименѣе образованныхъ, такъ что въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать о истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у послѣдователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у которыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на сожженіе для умершаго; но и въ семъ

превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла истина, — та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если древніе, или новые, Саддукеи силятся отвергать сію истину: то потому только, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть, безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями; поелику мысль о безсмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безсмертною.

Можно бы, для удостовѣренія о будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловесную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ не льзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ, и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни: человѣкъ ли, вѣнецъ земли, и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка во глубину сердца его, и тамъ дать услышать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на земли, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни; кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ на примѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснуть бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ, даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для, такъ называемаго, безмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія,—отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня? — Также, всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что, въ настоящей жизни, добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же происходитъ сіе глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба?

Но, можетъ быть, погрѣшаю я и въ томъ, что мимоходомъ говорю сіе предъ Христіанами, для которыхъ будущее воскресеніе не требуетъ никакихъ изслѣдованій и удостовѣреній, какъ дѣло вѣрнаго, засвидѣтельствованнаго и признаннаго опыта. *Аще бо вѣруемъ*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV. 14.). *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV. 20.). Если кто, имѣя сей опытъ воскресенія, вздумаетъ самъ себя затруднять сомнѣніемъ, какъ можетъ оно совершиться, когда образъ разрушенія многихъ умершихъ тѣлъ, по видимому, не оставляетъ мѣста для мысли о ихъ возобновленіи: тотъ же Апостолъ уполномочиваетъ меня не только разрѣшить сіе затрудненіе разсужденіемъ, основаннымъ на естествѣ извѣстныхъ вещей, но притомъ изъявить негодованіе за сомнѣніе, которое и вѣру оскорбляетъ, и разуму, его изобрѣтнему, чести не приносить. *Безумне, ты еже*

сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло (1 Кор. XV. 36.).

Думаю, что не изъяснять, или доказывать нужно намъ безсмертіе, воскресеніе и жизнь будущаго вѣка: но напоминать о сихъ важныхъ предметахъ, которые, какъ можно примѣчать, многихъ, въ продолженіе многаго времени, меньше занимаютъ, нежели самыя мелочи.

Апостолы называютъ себя *свидѣтелями воскресенія* (Дѣян. II. 32.) Христова, хотя должность ихъ была свидѣтельствовать не о воскресеніи только, но и о всемъ ученіи Его. Такъ важною почитаютъ они истину воскресенія. И подлинно, какъ скоро утверждена сія истина, то симъ самымъ утверждена истина всего, что творилъ, и чему поучалъ Господь нашъ. Но какъ важна истина воскресенія Христова для вѣры: такъ истина воскресенія нашего важна для жизни. Какъ скоро утверждена сія истина: то симъ самымъ непоколебимо утверждены всѣ правила жизни святой и Богоугодной.

Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ (1 Кор. XV. 32.).—Сіе правило, которое Апостолъ, отъ лица не знающихъ, или не хотящихъ знать воскресенія мертвыхъ, произнесъ въ поруганіе имъ, которое очень годилось бы для нравственной философіи безсловесныхъ, если бы они имѣли преимущество философствовать, въ самомъ дѣлѣ составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, всѣ законы, если бы удалить отъ нихъ мысль о будущей жизни. Тогда, не прогнѣвайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, которые любятъ ясти и пити: ибо если не стоитъ труда благоучреждать собственную жизнь, потому что *утрѣ умремъ*; то также не стоитъ труда щадить и жизнь другаго, которую завтра безъ остатка поглотитъ могила. Такъ забвеніе о будущей жизни ведетъ къ забвенію всѣхъ добродѣтелей и обязанностей, и превращаетъ человѣка въ скота, или звѣря.

О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе, не убило тебя на вѣки, если оно тебѣ, не ожидающему его, и не готовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: *утрѣ умремъ*, чтобы тѣмъ необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни: говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ умремъ на земли, и родимся или на небесахъ, или во адѣ; и такъ надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому, рожденію.

Что есть начало къ небесному рожденію?—Слово, и духъ, и сила воскресшаго Христа, Который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе Божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомысліемъ; питай или напаяй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели.

Чтобъ истребить въ себѣ плевельныя сѣмена жизни адской, и жить наконецъ чистою и полною жизнію Воскресшаго: умирай всему, кромѣ Его жизни, то есть, не дѣйствуй ни въ какомъ качествѣ, Ему противномъ; не живи міру и плоти, страстямъ и похотямъ; не прилагай сердца къ богатству; не возносись гордостію житейскою. Съ Павломъ *вмѣняй вся уметы быти, да Христа пріобрящешь*, то есть, *яже вѣрою Іисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду*, или праведность, *въ вѣрѣ, еже разумѣти Его, и силу воскресенія Его, и сообщеніе страстей Его, сообразуяся смерти Его*, дабы *достигнуть въ воскресеніе мертвыхъ* (Филип. III. 8 — 11.). Если такъ поживешь и умрешь: то и ты, оставивъ во гробѣ обветшавшія ризы земныя, получишь на небесахъ новыя, убѣленныя въ крови Агнца, и въ день брака Его *облечешься въ виссонъ чистъ и свѣтелъ: виссонъ бо оправданія святыхъ есть* (Апок. XIX. 8.). Аминь.

3. СЛОВО

Въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, при посвященіи города Коломны, говоренное въ тамошнемъ Успенскомъ Соборѣ.

Маія 28 дня, 1822 года.

Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ. Матѳ. X. 37.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, видя себя вновь посреди сего града, въ которомъ суждено было мнѣ въ первый разъ увидѣть свѣтъ, и отъ котораго теченіемъ происшествій увлеченъ я былъ такъ, что никогда уже видѣть его не чаялъ,—сверхъ чаянія, вновь находясь посреди братій и ближнихъ, въ сообществѣ которыхъ получилъ первыя пріятныя ощущенія жизни, — желалъ бы я совершенно предаться сильному влеченію любви къ отчизнѣ, — любви, по которой, какъ изъясняется нѣкто изъ Іерусалимлянъ, дѣти Іерусалима *благоволиша каменіе его, и персть его ущедрятъ* (Псал. CI. 15.), то есть, самые камни отечественнаго града имъ любезны, милъ даже прахъ путей его. Сердце мое готово теперь воспѣвать сему граду пѣснь, которую они воспѣвали своему Іерусалиму: *вопросите, яже о мирѣ Іерусалима: и обиліе любящимъ тя! Буди же миръ въ силѣ твоей, и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ. Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ, глаголахъ убо миръ о тебѣ* (Псал. CXXI. 6—8.). Но что слышу? Сію сладкую пѣснь пресѣкаетъ грозный гласъ заповѣди Христовой, которая, какъ будто по особенному намѣренію, нынѣ оглашаетъ меня среди сего храма. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.* Что же буду дѣлать? Воспріиму иную пѣснь пѣснопѣвца Израилева: *не Богу ли повинется душа моя* (Псал. LXI. 2.)? Покорю любовь къ ближнимъ и братіямъ, — покорю любви къ Богу и Христу; *забуду люди моя, и домъ отца моего*, и потщуся помнить токмо людей Господнихъ и домъ Отца небеснаго. Въ семъ расположеніи духа и прерванную Іерусалимскую пѣснь продолжать мнѣ позволено: *дому ради Бога нашего взыскахъ благая тебѣ* (Псал. CXXI. 9.), Боголюбезный граде! Ради святыя Церкви, которая есть домъ Божій, ради православныхъ чадъ ея, которые суть присные Богу, желаю я тебѣ благъ; и поелику желаю для Бога, то и благъ желаю Божественныхъ, *мира Божія, превосходящаго всякъ умъ, вѣры Божіей*, которая есть *Божій даръ, любви Божіей, изливающейся въ сердца наши Духомъ Святымъ.*

Но не оскорбляю ли братій и ближнихъ столь скорымъ отреченіемъ отъ любви отечественной?—Тотчасъ увидите, братія, что нѣтъ въ семъ несправедливости. Ибо и отъ васъ не иного требую расположенія, какъ того же, въ которое себя поставить желаю. Если желаете быть достойны любви Бога и Христа: возлюбите Бога и Христа паче отца и матери, паче братій и сестръ, паче всего, что вамъ любезно. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*

Когда, послѣдуя Евангелію, возвѣщаю вамъ священную обязанность любить Бога и Христа превыше всего: сіе не значитъ того, чтобы я опасался найти въ комъ либо изъ слышащихъ сіе прямую вражду противъ Бога и Христа. Есть и сего расположенія люди, о которыхъ *плача говорить* (Фил. III. 18.) Апостолъ, о которыхъ и я воспоминаю съ ужасомъ, *враги креста Христова*, которые не хотятъ покорить ни разума своего вѣрѣ Его, ни сердца закону Его, и говорятъ съ изображенными въ притчѣ мятежниками: *не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. XIX. 14.)! Но не сомнѣваюсь, что противъ таковыхъ каждый изъ правовѣрующихъ воспріиметъ ревность Апостола, и не поколеблется, вмѣстѣ съ нимъ, отвергнуть ихъ всею силою духа. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа: да будетъ проклятъ, маран-ава* (1 Кор. XVI. 22.).

Есть иной родъ людей, между самыми

вѣрующими во Хріста, и признающими надъ собою власть закона Божія, которые ужасаются мысли поставить себя врагами противъ Бога и Хріста, но которые не довольно ясно познаютъ, не довольно глубоко чувствуютъ, свою обязанность любить Бога и Хріста, и потому не достигаютъ всего блаженства, въ сей любви заключеннаго. Они знаютъ обязанность вѣровать,—съ покорностію собственнаго разума принимать тайны, которыя открываетъ Слово Божіе, потому что разумъ человѣческій, ограниченный и поврежденный, не можетъ уразумѣть ума Божія, всесовершеннаго и безконечнаго; пріемлютъ обязанность жить по закону Божію,—служить истинному Богу извѣстнымъ образомъ Богопочтенія, не обижать ближнихъ хищеніемъ, татьбою и подобными несправедливостями; чувствуютъ обязанность приносить покаяніе, — обличить себя предъ Богомъ во грѣхахъ, въ надеждѣ прощенія ради Того, Котораго Богъ *не вѣдѣвшаго грѣха, по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. V. 21.); признаютъ обязанность молиться, — призывать имя Божіе, дабы низвести на себя благословеніе и спасительную силу Божію; поражаются страхомъ суда Божія, когда видятъ себя нарушившими которую нибудь изъ сихъ обязанностей; а когда думаютъ, что исполняютъ оныя, тогда успокоиваютъ себя надеждою царствія небеснаго, какъ заслуженнаго воздаянія. Не правда ли, что у нѣкоторыхъ, и, можетъ быть, у многихъ Христіанъ, въ семъ заключается весь образъ ихъ благочестія, такъ что имъ и на мысль не приходитъ, что бы еще за симъ оставалось. Нѣтъ, это не все еще, братія; много еще за симъ остается,—такъ много, что безъ остающагося, все прочее не приведетъ васъ къ истинной цѣли вашей, то есть, къ вѣчному спасенію вашему. Сколь бы ни высоко восходила лѣствица вашихъ добродѣтелей, она не возведетъ васъ на небо, и, сверхъ спасенія, бѣдственно можетъ обрушиться съ вами, если вверху ея нѣтъ послѣдней степени, которая одна крѣпко и непоколебимо прикасается къ небу. Спросите ваше сердце, любитъ ли оно Того, Котораго вѣру и законъ пріемлетъ, Которому приноситъ покаяніе и молитву; чувствуете ли вы точно, что сія *любовь изліялась въ сердце ваше Духомъ Святымъ* (Римл. V. 5.), подобно какъ вы точно чувствуете ліющуюся въ сердце любовь дѣтскую, родительскую, братскую, при видѣ родителей, дѣтей и братьевъ? Если совѣсть и духъ не свидѣтельствуютъ вамъ, что вы точно и живо чувствуете внутренно сіе Божественное изліяніе Божественной любви: то нужно вамъ прилѣжно учиться сей любви у единаго Божественнаго Учителя Іисуса Хріста. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*

Ты вѣруешь, и надѣешься спастися вѣрою. Не оспориваю сей надежды. Вѣрѣ спасеніе предоставляетъ въ удѣлъ Самъ Спаситель. *Вѣра твоя спасе тя* (Матѳ. IX. 22.), часто говорилъ Онъ тѣмъ, надъ которыми совершалъ чудесныя исцѣленія. И всѣмъ безъ исключенія обѣщалъ: *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ* (Марк. XVI. 16.). Но всякая ли вѣра одинакова? Нѣтъ ли различія между вѣрою и вѣрою? Какова, на примѣръ, та вѣра, которую столь ужасною похвалою хвалитъ Апостолъ, когда говоритъ: *ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть; добрѣ твориши; и бѣси вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. II. 19.). Кто можетъ быть доволенъ такою вѣрою? Какая же та вѣра, которая могла бы спасти человѣка?—*Вѣра, любовію поспѣшествуема* (Гал. V. 6.), опредѣляетъ Апостолъ. Если нѣтъ любви: то вѣра не имѣетъ силы и успѣха, и не достигаетъ спасенія. Вѣра безъ любви есть образъ безъ жизни: любовь, какъ дыханіе Святаго Духа, одушевляетъ вѣру и творитъ ее дѣятельною и спасительною. Если желаешь спасенъ быть вѣрою: возлюби Того, въ Кого вѣруешь.

Ты живешь по закону. Въ семъ, кажется, есть уже и любовь: ибо Самъ великій Наставникъ въ любви Божественной сказалъ: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. XIV. 21.). Но вникай, и разумѣй поистинѣ то, что говоритъ Истина. Какъ любовь собственно есть чувствованіе сердца

и какъ испытующій сердце Наставникъ провидитъ, что нѣкоторые слабые ученики помыслятъ, будто чувство сіе можетъ быть сохранено и безъ помощи дѣятельности, съ симъ чувствомъ сообразной: то, предупреждая сіе превращеніе истинной любви во мнимую, и поучая *любить дѣломъ и истиною* (1 Іоан. III. 18.), Онъ говоритъ, что *любящій Его есть тотъ, кто имѣетъ заповѣди Его, и соблюдаетъ ихъ*. А того совсѣмъ не могъ сказать исполненный любви Наставникъ, будто для учениковъ Его довольно только внѣшно исполнять дѣла Его заповѣдей, и будто сіе вмѣнится имъ вмѣсто любви къ Нему, хотя бы они ея и не чувствовали: подобно какъ любящему дѣтей родителю не свойственно сказать къ своимъ дѣтямъ, что онъ позволяетъ и не любить себя, только бы они дѣлали, что онъ прикажетъ. И что значитъ безъ любви соблюденіе заповѣдей? Кто столь не свѣдущъ о самомъ себѣ, или столь не искренеиъ, чтобы не признаться, что онъ иногда, въ чемъ нибудь, погрѣшаетъ противъ заповѣдей? Если же такимъ образомъ зданіе собственной правды, созидаемое на основаніи заповѣдей, имѣетъ слабыя мѣста: то найдетъ громъ проклятія законнаго, и однимъ ударомъ разрушитъ все зданіе: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законнѣй, яко творити я* (Гал. III. 10.). И еще сильнѣе: *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ: бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. II. 10.). Гдѣ же теперь спасеніе въ исполненіи заповѣдей? Оно есть; но для тѣхъ, которые исполняютъ заповѣди не по писмени, а по духу; духъ же закона есть любовь. Хочешь ли избѣжать проклятія законнаго? Желаешь ли имѣть краткій и вѣрный способъ исполнить весь законъ? Сей краткій и вѣрный способъ есть любовь. *Любяй*, говоритъ Апостолъ, *законъ исполни; исполненіе закона любы есть* (Римл. XIII. 8--10.). Не въ томъ разумѣ сіе сказано, будто любовь позволяетъ оставить законъ безъ исполненія; нѣтъ! Она есть исполненіе закона потому, что она есть душа закона; а душа и все тѣло оживляетъ и движетъ: такъ любовь исполняющему законъ дастъ силу, и заповѣди творитъ легкими къ исполненію. Сынъ, который бѣжитъ увидѣть возлюбленнаго родителя, чувствуетъ ли усталость отъ пути? Такъ сынове Божіи, любящіе Бога человѣки, не утомляются никакими подвигами на пути жизни, поспѣшая къ вѣчнымъ обителямъ, гдѣ надѣются узрѣть Отца, отъ Котораго рожденіе дало имъ столь высокую область, — *чадами Божіими быти* (Іоан. I. 12.), и Котораго въ нихъ любовь сильнѣе всякой любви, земной и небесной.

Ты каешься. И въ семъ случаѣ ты на добромъ пути; и сія стезя проложена ко спасенію, по реченному: *покаяніе нераскаянно во спасеніе* (2 Кор. VII. 10.). Но примѣчай и здѣсь глубокій разумъ слова Павлова: *покаяніе нераскаянно*, говоритъ онъ, то есть, покаяніе, послѣ котораго человѣкъ не перемѣняетъ воспріятыхъ имъ лучшихъ мыслей опять на худшія, не возвращается на прежніе грѣхи, не ослабѣваетъ въ ревности жить по волѣ Божіей,—такое покаяніе, бываетъ *во спасеніе*. Здѣсь паки, братія, требую я для васъ свидѣтельства отъ васъ самихъ. Не примѣчаемъ ли мы за собою, что благія намѣренія, воспріемлемыя нами въ покаяніи, во времени колеблются, иногда и падаютъ, и мы, частію отъ безпечности, а частію и при нѣкоторой заботѣ о своемъ исправленіи, впадаемъ во грѣхи, въ которыхъ многократно каялись? Какая же въ семъ случаѣ надежда спасенія въ покаяніи, если *нераскаянное* только *покаяніе* бываетъ *во спасеніе*? И что дѣлать намъ съ нашими духовными болѣзнями, когда самое врачевство, при частомъ ихъ возобновленіи часто употребляемое, какъ бы притупляется въ своемъ дѣйствіи? — И въ помощь врачеству, и противъ возобновленія болѣзни,— и въ помощь покаянію, и противъ возобновленія грѣховъ, дѣйствительнѣйшее средство есть истинная любовь къ Тому, *Который не хощетъ смерти грѣшника*, и Который даже умеръ за спасеніе грѣшника; истинная, говорю; ибо то не любовь, когда непотребный сынъ расточаетъ имѣніе родителя, въ надеждѣ на его снисхожденіе; но то любовь, когда нѣжный сынъ, и тѣмъ, что позволено ему, осмотрительно пользуется, сохраняя благоволе-

ніе возлюбленнаго родителя. Евангельская Исторія представляетъ намъ разительный примѣръ спасительной силы, которую истинная любовь даетъ покаянію. Жена, въ цѣломъ городѣ извѣстная, какъ грѣшница, приступаетъ къ Іисусу Христу, помазуетъ мѣромъ ноги Его, омываетъ ихъ слезами, отираетъ власами своими, словомъ, являетъ знаменія покаянія, хотя не слышно изъ устъ ея словъ покаянія; и Тотъ, Котораго Іудеи называли укорительно, а Христіане радостно называть должны *другомъ грѣшниковъ* (Матѳ. XI. 19.), разрѣшаетъ ее, не смотря на множество ея грѣховъ: *отпущаются грѣси ея многи*. Но какимъ образомъ столь совершенно воздѣйствовало покаяніе, которое даже не разрѣшилось еще открытымъ исповѣданіемъ грѣховъ? Оно воздѣйствовало посредствомъ совершенной любви къ Рѣшителю грѣховъ: *отпускаются*, говоритъ Онъ, *грѣси ея многи, яко возлюби много* (Лук. VII. 47.).

Ты молишься. Кто не похвалитъ и сего духовнаго упражненія? Но и о семъ вопрошаю: какою молитвою ты молишься? Ибо есть и суетная молитва, о которой сказано: *приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтутъ Мя* (Матѳ. XV. 8. 9.). Что значитъ *приближаться* къ Богу *устнами*, а *сердцемъ* далеко *отстоять* отъ Него?—Произносить устами, или принимать слухомъ изъ устъ другихъ —молитвенныя къ Богу слова, но не соединять съ ними сердечнаго вниманія и духовной теплоты, короче, молиться безъ любви. Не трудно суетность такой молитвы обнаружить даже простымъ, естественнымъ разсужденіемъ и побужденіемъ природы. Что дѣлаетъ дитя, только начинающее мыслить, дабы получить желаемую вещь отъ отца или матери? Не соединяетъ ли оно для сего съ своими прошеніями всѣхъ, какія знаетъ, выраженій дѣтской любви и нѣжности? И такъ не должны ли мы признать себя несмысленными болѣе самыхъ дѣтей, когда думаемъ нашими хладными, безъ вниманія, безъ любви, безъ сердца произносимыми прошеніями что-либо получить отъ Отца небеснаго, Который именно *зритъ на сердце*, вмѣсто того, что *человѣкъ зритъ на лице* (1 Цар. XVI. 7.)? Скажемъ ли, что небесный Отецъ благъ паче земныхъ родителей, и потому *даетъ блага просящимъ у Него?* Правда; но Онъ и праведенъ паче ихъ, и потому не можетъ дать недостойнымъ; и даже, по самой благости, не можетъ дать блага злѣ просящимъ, дабы они не осквернили самаго блага; но злѣ конечно просимъ мы, когда безъ любви просимъ у Всеблагаго и Вселюбящаго. Но что еще говоритъ законъ духовный? —Онъ показываетъ, что не только исполненіе молитвы, но и самая молитва, истинная и чистая, безъ истинной и чистой любви не возможна. *О чесомъ бо помолимся*, учитъ Апостолъ, *якоже подобаетъ, не вѣмы, но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ, воздыханіи неизглаголанными: испытаяй же сердца, вѣсть, что есть мудрованіе Духа, яко по Богу ходатайствуетъ о святыхъ*. И дабы кто, слыша сіе, не остался въ недоумѣніи о томъ, какъ можно пріобрѣсти сіе высокое ходатайство, Апостолъ немедленно присовокупляетъ: *вѣмы же, яко любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое* (Рим. VIII. 26—28.). Любовь къ Богу все обращаетъ въ средства къ нашему спасенію и блаженству; безъ нея всѣ средства не достигаютъ сей цѣли. Не будетъ свѣтить свѣтильникъ безъ елея: и молитва не озаритъ духа безъ любви. Не взыдетъ безъ огня куреніе кадила: и молитва безъ любви не взыдетъ къ Богу.

Что сказать о побужденіяхъ къ добродѣтели, которыми замѣняютъ любовь не познавшіе силы ея,—о страхѣ суда и надеждѣ воздаянія?—Подпоры необходимыя для созидающихъ домъ душевный: но не на нихъ лежитъ высота и красота зданія духовнаго. Работающій изъ страха есть рабъ; трудящійся за воздаяніе есть наемникъ. Рабъ, говоритъ Іисусъ Христосъ, *не пребываетъ въ дому во вѣкъ*, - ибо присовокупитъ: и наемникъ; — ибо только *сынъ пребываетъ во вѣкъ* (Іоан. VIII. 35.). *Страхъ муку имать*, говоритъ возлюбленный ученикъ; *боящися не совершился въ любви: за то совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ* (Іоан. IV.

18.). Другой Апостолъ Христіанамъ, въ противоположеніи съ Іудеями, говоритъ: *не пріясте духа рабства паки въ боязнь, но Духа сыноположенія, о Немже вопіемъ: Авва Отче* (Рим. VIII. 15.). И такъ духъ рабства,—но также и наемничества духовнаго,—есть удѣлъ Іудеевъ: а жребій истинныхъ Христіанъ есть духъ сыновней любви къ Богу и Спасителю. Можно даже, безъ прекословія Апостолу, сказать, что истинный духъ и Ветхаго Завѣта былъ духъ любви, если бы не облекла его рабствомъ жестоковыйность Іудеевъ. Свидѣтельствуюсь въ семъ самыми заповѣдями закона Моисеева. *Возлюбиши Господа Бога твоего,* пишетъ онъ. Дивлюсь особенно сей заповѣди, когда сравниваю ее съ заповѣдію о родителяхъ: *чти отца твоего и матерь твою.* Какъ? Отца *почитать,* а Бога *любить?* Мы обыкновенно любимъ то, что къ намъ ближе и намъ подобнѣе; а что выше насъ, то почитаемъ. Почему, кажется, свойственнѣе было бы требовать *любви къ отцу,* и *почтенія къ Богу.* Нѣтъ, говоритъ Божественный законъ: *чти отца; возлюбиши Бога.* Какъ бы такъ сказано: отца любить тебѣ ствойственно и безъ заповѣди, также и чтить Великаго Бога; заповѣдь учитъ тебя тому, что трудно было бы тебѣ уразумѣть безъ нея; и такъ отца не только люби по естеству, но и чти по волѣ Отца небеснаго; Бога не только чти по внушенію естества и совѣсти; но дерзай приступить къ Нему ближе, чего не дерзнулъ бы ты сдѣлать безъ благодатной заповѣди; возлюби Бога, яко Отца; нареки Его *твоимъ Богомъ, Богомъ сердца твоего, и частію твоею во вѣкъ* (Псал. LXXII. 26.). О возлюбленная заповѣдь любви! Какъ достойно сожалѣнія, что такъ долго не разумѣли силы твоей, сокрушали зубы о жесткую кору писмени, и не умѣли вкусить сладкаго зерна, въ ней заключеннаго! — Такъ долго, что когда сама Любовь явилась на земли, Она обрѣла заповѣдь любви совсѣмъ забытою, и проповѣдала ее, какъ новую: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите* (Іоан. XIII. 34.); — *Якоже возлюби Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ, будите въ любви Моей* (Іоан. XV. 9.).

Христіане! Богъ влечетъ насъ въ любовь Свою болѣе, нежели одною заповѣдію, однимъ повелительнымъ изъявленіемъ Своея воли: Онъ лучше насъ вѣдаетъ, что любовь не пріобрѣтается однѣми повелѣніями. Онъ ищетъ любви насъ грѣшныхъ и недостойныхъ Своею святою и высочайшею любовію. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16.). Надобно ли повелѣвать, или учить, чтобы мы любили Того, Кто умеръ для пріобрѣтенія намъ вѣчной жизни? Если чувствуемъ, что мы обидѣли бы отца, если бы больше, нежели его, возлюбили рабовъ его: какъ не чувствовать, что мы оскорбляемъ Отца Небеснаго, когда къ человѣкамъ, которые всѣ едва достойны нарещися рабами Его, наше сердце удобнѣе отверзается, и прилѣпляется тѣснѣе, нежели къ Нему? Возревнуемъ быть достойными Его. Скажемъ сердцу нашему: мы не отнимаемъ тебя у родителей, присныхъ и ближнихъ; но и тебя и ихъ вмѣстѣ, отдаемъ Богу сердца на вѣки. Аминь.

---

4. СЛОВО

Въ недѣлю вторую по Пятьдесятницѣ

Она же абіе, оставльша корабль и отца своего, по Немъ идоста. Матѳ. IV. 22.

Въ Евангеліи встрѣчаются намъ нынѣ вдругъ четыре человѣка, которые все, что имѣли, на чемъ утверждали свое благосостояніе, что любили въ мірѣ, оставили для того, чтобы слѣдовать за Іисусомъ Христомъ, не имѣющимъ, гдѣ главы подклонили.

Удивительный примѣръ силы, дѣйствующей въ словѣ Христовомъ! Ибо единое слово Христово: *грядита по Мнѣ,* увлекло за Нимъ Петра, Андрея, Іакова, Іоанна, невидимою, но непреодолимою си-

лою, подобно какъ магнитъ нѣкою сокровенною силою привлекаетъ къ себѣ желѣзо.

Удивительный примѣръ и вѣры, съ какою Апостолы приняли слово Христово, которое, по изъясненію другаго Апостола, не пользовало бы, если бы осталось только *словомъ слуха*, и не было *растворено вѣрою слышащихъ* (Евр. IV. 2.)! Ибо хотя Господь и подкрѣпилъ требованіе послѣдованія за Нимъ величественнымъ обѣщаніемъ, содѣлать рыбарей *ловцами человѣковъ*: но сіе великое обѣщаніе такъ же трудно было имъ понять и принять, какъ и оставить малое достояніе, по видимому, необходимое, и утѣшеніе, по видимому, неразлучное съ самою природою человѣческою.

Впрочемъ, для удивленія ли только представлено намъ въ Евангеліи сіе необыкновенное зрѣлище? Довольно ли намъ оставаться благоговѣйными зрителями столь рѣшительныхъ послѣдователей Христовыхъ, или надлежитъ и намъ по тѣмъ же самымъ слѣдамъ итти за Христомъ, Который есть единый ихъ и нашъ Наставникъ и Путеводитель? Не должно ли и намъ что-нибудь *оставить*, чтобы сдѣлаться истинными послѣдователями Христовыми?—Подумаемъ о семъ хотя не много.

Надлежитъ разсудить, какая была существенная причина того, что святые Апостолы такъ рѣшительно все оставили, чтобы слѣдовать за Христомъ. Скажемъ ли, что то было безпредѣльное могущество слова Христова? Правда, слово Христово, яко Божіе, дѣйствуетъ безпредѣльно могущественно; впрочемъ оно никогда не дѣйствуетъ излишно: итакъ симъ предложенный вопросъ не разрѣшается, а только превращается въ другой вопросъ: для чего слово Христово дѣйствовало на Апостоловъ такъ сильно, чтобы отторгнуть ихъ отъ всего, къ чему они могли быть привязаны по нѣкоторой нуждѣ, и даже по самой природѣ и закону? Скажемъ ли опять, что сіе особенно нужно было для Апостоловъ, посылаемыхъ проповѣдывать Евангеліе всей твари, чтобы никакая тварь въ особенности не привязывала ихъ къ себѣ, не удерживало, не развлекала ихъ вниманія, объемлющаго спасеніе всего міра? И то правда: однако-жъ будетъ ли справедливо, если сихъ людей, которые своимъ служеніемъ должны пріобрѣсти Богу весь міръ, — ихъ-то именно, и однихъ ихъ, приговоримъ потерять весь міръ, а себѣ самимъ тѣмъ болѣе дадимъ права пользоваться міромъ, чѣмъ менѣе полезны мы Царствію Божію? Не возстанетъ ли противъ сего разсужденія наша совѣсть? А сіе не обращаетъ ли насъ къ такому заключенію, что если избранные, святые, ближніе, други, братія, сопрестольники Христовы должны были все въ мірѣ оставить, потерять, отвергнуть, презрѣть, возненавидѣть, забыть, чтобы Единаго Христа пріобрѣсть, и Ему Единому принадлежать, кольми паче мы, рабы Его недостойные, едва только не отверженные, обязаны принести нѣкую подобную, хотя менѣе полную, и совершенную жертву вѣрѣ въ Него, любви къ Нему, слову Его и заповѣдямъ Его?

Если можетъ быть сомнѣніе о томъ, правильно ли сіе заключеніе: оставимъ, поколику то возможно, и самое умствованіе вмѣстѣ со всемъ прочимъ, что надлежитъ оставить для Христа, и послушаемъ самаго слова Христова, котораго конечно ни въ какомъ случаѣ оставлять не должно. Тако глаголетъ оно: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. XIV. 26.). Дабы вы не подумали, что сіе строгое изреченіе относится ко однимъ избраннымъ ученикамъ, или Апостоламъ, святый Евангелистъ не оставилъ съ точностію предварить, къ кому оное произнесено. *Идяху*, говоритъ, *съ Нимъ народи мнози; и обращся рече къ нимъ*. И такъ не на нѣкоторыхъ только избранныхъ, но на всѣхъ безъ изъятія простирается сей приговоръ, что тотъ не можетъ быть ученикомъ Христовымъ, кто не *оставитъ*, или не *возненавидитъ* всего, по естеству любезнаго, то есть, кто крѣпкою любовію къ Богу не превозможетъ и не преобѣдитъ любви ко всему, что любятъ внѣ Бога.

На что,—спросятъ, можетъ быть,—сіи жертвы лишенія для Бога, Который ничего не пріобрѣтаетъ чрезъ нихъ? Подлинно Богу, какъ вседовольному и всеблагому,

не для-чего лишать, потому что нечего требовать; Онъ Самъ даетъ все, и всѣмъ дарствуетъ. Но Онъ и не требуетъ для себя никакихъ лишеній: а человѣкъ самъ не можетъ обойтись безъ нихъ для пріобрѣтенія лучшаго. Сіе ясно показываетъ образъ, представленный въ Евангеліи. Господь не говоритъ Апостоламъ: оставьте мрежи, оставьте корабль и отца своего: Онъ только возываетъ ихъ: Онъ говоритъ только: *грядита по Мнѣ*. Но когда они хотятъ исполнить сіе слово, послѣдовать сему воззванію: тогда оказывается, что сіе надлежитъ начать оставленіемъ своихъ мрежъ, своего корабля и отца своего. Если бы они не оставили мрежъ, корабля, отца: то и не послѣдовали бы за Іисусомъ. Кто хочетъ плыть: тому прежде надлежитъ отвязать, или, для поспѣшности, отсѣчь веревку, которою лодка его прикрѣплена къ берегу. Кто желаетъ дѣйствительно быть на пути къ небу: тому необходимо нужно, или постепенно, — со вниманіемъ и усиліемъ разрѣшить, или, если боится закоснѣть, и если чувствуетъ въ себѣ довольно силы, — рѣшительнымъ ударомъ отсѣчь всѣ страстныя, земныя привязанности. Надобно освободиться отъ похотей плоти, чтобы предаться влеченію духа. Надобно попрать ногами земное, чтобы мудрствовать горняя. Надобно извергнуть изъ сердца міръ, чтобы наплось въ ономъ довольно пространства для безпредѣльной любви къ безконечному Богу.

Вотъ, Христіане, одно изъ начальныхъ Евангельскихъ ученій, такъ какъ оно и предложено намъ почти въ началѣ Евангельской жизни Апостоловъ. Посему не многаго потребуемъ отъ васъ, если предложимъ, чтобы вы предъ собственною совѣстію испытали себя, сколько успѣховъ оказали вы въ семъ ученіи.

Не отваживаюсь спрашивать, многіе ли изъ насъ, въ строгомъ и полномъ смыслѣ, *оставили все*, ради послѣдованія Іисусу Христу. Признавая свое несовершенство и недостоинство, не признаю себя въ правѣ испытывать о томъ, чего Самъ Господь требуетъ токмо отъ нѣкоторыхъ, подъ условіемъ совершенства: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX. 21.).

Если мы не оставили всего для Христа самымъ дѣломъ: исполняемъ ли сіе хотя отчасти намѣреніемъ и желаніемъ? Говоритъ ли въ тебѣ иногда сердце твое: какъ много еще я имѣю въ мірѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что необходимо потребно для жизни временной! Какъ обременяюсь отъ того заботами! Какъ развлекаюсь удовольствіями! Господи, обнищавый мене ради! Даруй мнѣ причаститися святыя и спасительныя нищеты Твоея, оставить мыслями попеченія, оставить чувствами удовольствія! Какъ многое, и какъ живо еще люблю я въ семъ преходящемъ мірѣ, и какъ связуюсь иногда, то желѣзными узами любви огорченной, то златыми узами любви удовлетворяемой взаимностію и благополучіемъ, и какъ тѣ и другія воспящаютъ меня въ пути любви Божественной! Господи, возлюбивый насъ такъ, яко душу Твою положилъ еси за насъ! Помоги мнѣ, ради любви къ Тебѣ, умѣрить любовь естественную, умертвить любовь пристрастную, возненавидѣть не довольно любящую Тебя душу мою, да чистая любовь Духа Твоего Святаго *дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ, и полецу, и почію* (Псал. LIV. 7.) у Тебя, и въ Тебѣ Единомъ!

Но дабы самыя сіи чувствованія не прельстили тебя однимъ призракомъ, или не рѣшительнымъ порывомъ отрѣшенія отъ тварей: осмотрись, и примѣть, оставилъ ли ты самымъ дѣломъ для Бога хотя что нибудь, и особенно то, чѣмъ наиболѣе искушается господствующая склонность твоя. *Авраамъ бяше богатъ зѣло* (Быт. XIII. 2.); и онъ не отвергъ и не расточилъ богатства своего: но когда, ради любви къ Богу, не пощадилъ сына своего возлюбленнаго, тогда не осталось никакого сомнѣнія, что онъ готовъ былъ для Бога пожертвовать всѣмъ, что имѣлъ, безъ малѣйшаго остатка. Если ты, напротивъ, при восторгахъ желанія служить Богу, при изъявленіи готовности пожертвовать для Него всѣмъ, не пожертвовалъ еще для Него дѣйствительно ничѣмъ, за что держится твоя любовь къ собственности: то готовность твоя, и желаніе твое очень сомнительны. Если ты ничего еще не оставилъ

въ мірѣ: то не сдѣлалъ еще ни одного шага въ слѣдъ за Христомъ, ни одного шага по пути къ небу.

Призови насъ, Господи, вседѣйствующимъ словомъ Твоимъ, во слѣдъ Тебѣ, и вдохни въ насъ непритворное чувство оставленія всего, ради Тебе единаго, да все въ Тебѣ обрящемъ, и сами въ любви Твоей обрящемся. Аминь.

5. СЛОВО

Въ недѣлю вторую по Пятьдесятницѣ.

Она же абіе оставльше корабль и отца своего, по Немъ идоста. Матѳ. IV. 22.

Евангеліе показываетъ намъ нынѣ, съ какою властію Господь нашъ Іисусъ Христосъ призывалъ избранныхъ къ послѣдованію за Нимъ, и въ служеніе Апостольское; и, соотвѣтственно тому, съ какимъ послушаніемъ, и съ какими пожертвованіями, они послѣдовали Его призванію. Власть призывающаго являетъ въ Немъ силу Божественную: послушаніе призываемыхъ вразумляетъ насъ о долгѣ Христіанскомъ.

На берегу моря Галилейскаго четверо рыбаковъ занимались своимъ дѣломъ. Двое закидывали сѣти, начиная ловъ; другіе двое въ другомъ мѣстѣ, поправляли сѣти, видно, поврежденныя во время лова. Идетъ нѣкто по берегу, и говоритъ двумъ первымъ: идите за Мною; и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ. Петръ и Андрей могли узнать въ призывающемъ Того, Котораго Іоаннъ Креститель указалъ имъ на Іорданѣ, и назвалъ *Агнцемъ Божіимъ*; и Который, при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ Симономъ, не только назвалъ его по имени, но и преднарекъ ему новое имя Петра, тогда не понятное и загадочное. Сіи воспоминанія должны были возбудить въ Петрѣ и Андреѣ почтительное вниманіе къ словамъ призывающаго Іисуса. Но при семъ не льзя было имъ не примѣтить и того, что призывающій былъ странникъ, безпомощный, не имѣющій ни собственнаго дома, ни богатства, ни званія въ обществѣ, почетнаго или начальственнаго. Какъ же вдругъ пойти за Нимъ? Куда итти за человѣкомъ, который не имѣетъ, гдѣ преклонить голову? Петръ и Андрей имѣли какую-нибудь хижину, имѣли лодку, сѣти, рыболовный промыслъ, и отъ того пропитаніе: какъ бросить сіе, чтобъ итти за тѣмъ, который и сего не имѣетъ?— Но Онъ сдѣлаетъ *ловцами человѣковъ*?— Что это значитъ? Какъ это возможно? Люди ловятъ людей въ свою власть, подчиненность, зависимость, въ свою волю, посредствомъ предварительной власти надъ нѣкоторыми людьми, посредствомъ богатства, посредствомъ разнообразнаго свѣтскаго искусства, посредствомъ сильныхъ, богатыхъ, образованныхъ сообщниковъ и единомышленниковъ: ничего такого не имѣютъ ни призывающій, ни призываемые быть ловцами человѣковъ. Посему чего бы естественно долженъ былъ ожидать призывающій Іисусъ отъ Петра и Андрея?—если не рѣшительнаго отказа, то нерѣшимости, раздумья, колебанія и борьбы между порывами на зовъ необыкновенный и привязанностію къ быту обыкновенному, между желаніемъ и надеждою неизвѣстнаго великаго, и между опасеніемъ потерять извѣстное малое, и не пріобрѣсти ничего. И что же напротивъ оказалось? — Рѣшимость быстрая, готовность полная, послѣдованіе зову неотсроченное ни на минуту. Петръ и Андрей не остановились даже, чтобы передать свои рыболовныя сѣти, дабы онѣ безъ пользы не пропали, или не сдѣлались добычею хищника. Они просто ихъ бросили. *Она же абіе оставльша мрежи, по Немъ идоста.*

Іисусъ идетъ далѣе по берегу, и подобнымъ образомъ зоветъ другихъ двухъ рыбарей, Іакова и Іоанна. Дѣйствіе зова оказывается подобное прежнему и, можетъ быть, еще болѣе удивительное. Изъ Евангельской исторіи не видно, чтобы Іаковъ и Іоаннъ такъ рано, и такъ благопріятно предвѣщены были о Іисусѣ, какъ Андрей и Петръ: тѣмъ болѣе удивительно, что и тѣ приняли зовъ Его также безпрекословно, какъ сіи. Іаковъ и Іоаннъ, чтобъ итти за Іисусомъ, должны были оставить то, что гораздо дороже рыболовныхъ сѣтей,— оставить отца своего: но и сила сыновей любви, вмѣстѣ съ прочими противоборными чувствованіями и помышленіями естественными,

не могли стоять противъ силы слова Іисусова: *она же абіе оставльша корабль и отца своего, по Немъ идоста.*

Что же это за сила, которая въ немногихъ звукахъ слова Іисусова дѣйствуетъ такъ внезапно, такъ неестественно, такъ побѣдоносно надъ сильнѣйшими естественными привязанностями, чувствованіями, умопредставленіями? — По самому дѣйствію необходимо должно признать, что это сила вышеестественная, слѣдственно Божественная,—сила слова Божія *живаго и дѣйственнаго* (Евр. IV. 12.),—глагола, который *не возвращается тощь* (Ис. LV. 11.) къ изрекшему его, Слова,—которымъ *вся быша* (Іоан. I. 3.). То же Слово, сприсносущное Богу Отцу, Которое въ началѣ міра непостижимымъ, Божественнымъ образомъ *рече: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. I. 3.), и вообще: *рече, и быша: повелѣ и создашася* (Пс. XXXII. 9.), теперь облекшись въ одежду человѣческаго естества, съ тою же Божественною властію глаголетъ человѣческимъ гласомъ, и глаголемое творится; тварь неудержимо никакими препятствіями устроется и движется по гласу Творца; человѣкъ идетъ за Богочеловѣкомъ; рыбарь дѣлается Апостоломъ.

Изъ сказаннаго доселѣ усмотримъ, братія, къ нашему назиданію и утѣшенію, сколь благодѣтельно для нашея вѣры Господь Іисусъ повсюду являетъ Божество Свое и спасительную силу Свою; сколь дивная сила обитаетъ въ Словѣ Его, исшедшемъ изъ устъ Его; и сколь богатое сокровище Божественной и спасительной силы предано намъ въ наслѣдіе въ словесахъ Господнихъ, сложенныхъ, какъ въ нѣкоей сокровищницѣ, въ Святомъ Евангеліи.

Но при сихъ размышленіяхъ о Божественномъ могуществѣ Слова Христова, надлежитъ принять въ разсужденіе и то, что сіе Слово, всегда одинаково могущественное само въ себѣ, неодинаково простираетъ Свое могущество на твари. Когда Оно глаголетъ твари, какъ твари: тогда она покорствуетъ Ему необходимо. Такъ Іисусъ *запрети вѣтру, и рече морю: молчи, престани; и уклеже вѣтръ, и бысть тишина велія* (Марк. IV. 39.). Но когда Слово Божіе глаголетъ твари, какъ существу разумному и свободному: тогда предоставляетъ ей свободно внять глаголемому, и принять спасительную силу и дѣйствіе глагола. Такъ глаголалъ Господь Петру и Андрею: *грядите по Мнѣ;* и самъ не только побуждалъ ихъ слѣдовать за Нимъ, но и давалъ имъ силу исполнить сіе, и преодолѣть всѣ препятствія: однако не принуждалъ ихъ, а предоставлялъ имъ свободно принять слово, и силу слова, повелѣніе, и благодать исполненія. И потому, прославляя Божественную силу слова Христова, мы не должны оставить безъ замѣчанія и человѣческую въ Апостолахъ добродѣтель послушанія слову Христову.

Какъ быстро подвиглась ихъ свободная воля во слѣдъ призывающаго слова Христова: *абіе*, тотчасъ! Какъ вѣрно за намѣреніемъ послѣдовало самое дѣло: *по Немъ идоста!* Какъ безусловно всемъ для сего пожертвовано: *оставльша мрежи, — оставльша корабль и отца своего!*

И вотъ, братія, и для насъ примѣръ, и указаніе общаго Христіанскаго долга—послушанія слову Христову,—послушанія скораго, неуклоннаго, дѣятельнаго, никакими препятствіями не побѣждаемаго, на всѣ пожертвованія готоваго. Ибо не однимъ Апостоламъ такъ могущественно глаголалъ Христосъ: но съ тою же Божественною силою глаголетъ и всѣмъ Христіанамъ, или желающимъ быть Христіанами: покайтеся и вѣруйте;—бдите и молитеся; — будите милосерди; — да любите другъ друга; — глаголетъ, и вмѣстѣ подаетъ благодать исполненія. Самое повелѣніе итти за Іисусомъ, хотя не въ томъ смыслѣ, чтобы всѣмъ быть ловцами человѣковъ, но чтобы самимъ быть уловленными во спасеніе, относится ко всѣмъ Христіанамъ, какъ не трудно усмотрѣть изъ другаго изреченія Его: *аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ* (Іоан. XII. 26.). Служитъ Христу, безъ сомнѣнія, обязанъ каждый Христіанинъ; слѣдственно и послѣдовать Ему долженъ каждый. Долгъ, котораго нарушеніе тѣмъ неизвинительнѣе, что дающій повелѣніе, даетъ вмѣстѣ и силу исполнять оное, только-что не принуждаетъ.

Испытаемъ себя, Христіане, и возбудимъ. Господь призываетъ насъ, чтобы Ему служить, и Ему послѣдовать, и куда послѣдовать?—*Идѣже есмь Азъ*, говоритъ Онъ,

ту и слуга Мой будетъ (Іоан. XII, 26.). Какую высокую цѣль Онъ указуетъ намъ! И Онъ же даетъ силу достигать оной. Что же мы? Можетъ ли каждый изъ насъ, не запинаемый совѣстію, сказать: *готово сердце мое, Боже, готово* (Пс. LVI. 8.)? Если и кажется въ лучшія минуты наши, что душа наша *исходитъ въ слово Его* (Пѣсн. пѣсн. V. 6.): идутъ ли также и дѣла наши во слѣдъ Его повелѣній и заповѣдей? Мрежи земныхъ заботъ, привязанностей, пристрастій, не опутываютъ ли нашихъ ногъ, направляемыхъ во слѣдъ Господа? Видя истинный путь Господень, и слыша призываніе на оный, не говорятъ ли нѣкоторые: что же намъ дѣлать съ нашими родителями, съ нашими знакомыми, съ нашими общественными связями, съ нашими выгодами, которыхъ не льзя взять съ собою на сей путь? Да! *Узкій путь:* не льзя увлечь по нему за собою многаго. Но надобно вспомнить, что нѣтъ иного пути за Христомъ, ко спасенію, кромѣ узкаго, и что не льзя притти ко спасенію, если не вступишь самымъ дѣломъ на истинный путь спасенія. Если, не обманывая себя, желаешь спастися: то будь вѣрнымъ послѣдователемъ Христа, по пути истинной вѣры Его и заповѣдей Его, и какъ можно, оставляй позади себя все, что не можетъ, или не хочетъ проходить съ тобою путемъ тѣснымъ, но единымъ спасительнымъ.

Господи, въ силѣ Слова Твоего посли намъ благодать послѣдованія Тебѣ! *Влецы насъ въ слѣдъ Тебе, въ воню мира Твоего течемъ* (Пѣсн. пѣсн. I. 3.). Аминь.

6. СЛОВО

Въ недѣлю третію по Пятьдесятницѣ.

И о одежди что печетеся? Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ. Матѳ. VI. 28. 29.

Можно предугадывать, что говорено будетъ противъ излишнихъ попеченій объ одеждѣ и убранствѣ; и, можетъ быть, при сей догадкѣ, нѣкоторые уже помышляютъ, что сей предметъ слишкомъ малъ для того, чтобы занять вниманіе Христіанскаго собранія, въ часъ, назначенный для спасительнаго ученія. Но излишества и въ малыхъ вещахъ не суть малости. Излишество въ пищѣ и питіи въ самомъ началѣ своемъ есть источникъ немощей и болѣзней; а въ своемъ продолженіи можетъ превратиться въ медленное самоубійство. Такъ и вредъ суетныхъ попеченій объ одеждѣ простирается отъ тѣла до души: это уже не малость! Есть люди, у которыхъ сіи попеченія составляютъ не малую долю ежедневныхъ упражненій, и похищаютъ великую часть времени, которое, все безъ остатка, нужно для пріобрѣтенія вѣчности: это ни какъ не малость! Кому, не смотря на сіе, поученіе объ одеждѣ и уборахъ кажется малостію: тотъ пусть помыслитъ, могъ ли величайшій подъ солнцемъ Учитель учить малостямъ? Не слушайте, если не угодно, малыхъ людей, разсуждающихъ о малостяхъ: но вы не должны оставить безъ вниманія того, чему Небесный Учитель насъ поучаетъ.

О одежди что печетеся? Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ.

Что такое одежда? Въ порядкѣ естественномъ—средство для защищенія человѣческаго тѣла отъ разрушительнаго дѣйствія стихій; въ порядкѣ нравственномъ—защита стыдливости; въ порядкѣ гражданскомъ—искусственное прикрытіе членовъ тѣла, приспособленное къ отправленію того или другаго званія общественнаго, и вмѣстѣ отличительный знакъ званій, и степеней въ нихъ постановленныхъ. Хотя изъ сихъ понятій тотчасъ можно усмотрѣть, что попеченіями объ одеждѣ должны управлять необходимость, скромность, постоянство: впрочемъ не остановимся на сихъ понятіяхъ, которыя болѣе показываютъ правильное употребленіе одежды человѣками и обществами, нежели ея происхожденіе и первоначальное назначеніе отъ Творца человѣковъ и обществъ человѣческихъ. Съ сего священнаго мѣста можно и должно видѣть да-

лѣе, нежели обыкновенно видитъ міръ, и его стихійная мудрость.

Возведите мысли ваши къ первымъ днямъ вселенныя, въ которые человѣческій родъ заключался въ одной четѣ, только вышедшей изъ рукъ Создателя въ совершенной чистотѣ и святости: вы не найдете тамъ никакого слѣда одежды. *Бѣсти*, говоритъ книга Бытія, *оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдѣстася* (Быт. II. 25.). Можно даже сказать безъ противорѣчія свидѣтельству Слова Божія, что они не были и наги, потому что не имѣли и не ощущали того недостатка, который мы называемъ наготою: подобно какъ тотъ не есть еще гладенъ, кто не принимаетъ пищи, но и не чувствуетъ въ ней нужды. Но вкусивши прельщенные лукавымъ зміемъ отъ запрещеннаго плода,—и *разумѣша, яко нази бѣша* (Быт. III. 7.). Вотъ начало наготы! Ядъ грѣха, принятый въ душу и сердце, быстро разлился по всему существу ихъ: страсти возбудились, и произвели безпорядочныя движенія въ тѣлѣ; и, похоть ли, которая *зачевши раждаетъ грѣхъ* (Iак. I. 15.), сама тотчасъ родилась отъ перваго грѣха, или несчастные родоначальники устыдились будущаго племени, которое посѣли въ чреслахъ своихъ, и котораго сдѣлались теперь убійцами,—только они прежде всего поспѣшили закрыть сіи чресла. *И сшиста листвіе смоковное, и сотвориста себѣ препоясанія* (Быт. III. 7.). Вотъ происхожденіе одежды!

И такъ, что есть одежда наша? — Она есть произведеніе беззаконія; она есть обязаніе грѣховной раны, и при томъ пустое, безъ цѣлебнаго елея; она есть слабое средство для кратковременнаго сохраненія осужденнаго тѣла отъ дѣйствія стихій, совершающихъ его казнь; она есть прикрытіе нравственнаго безобразія, содѣлавшагося естественнымъ; она есть защита отъ стыда тѣлесной наготы, изобрѣтенная обнаженнымъ въ совѣсти человѣкомъ; она есть видимый знакъ человѣка—преступника; она есть всеобщій и всегдашній трауръ, наложенный раскаяніемъ, по смерти первобытной непорочности; она есть знамя побѣды, которое нашъ врагъ выставилъ наружу, овладѣвъ нашею внутренностію. Что же дѣлаютъ тѣ, которые съ такою заботливостію наперерывъ стараются блистать красотою и вмѣстѣ необходимѣйшаго одеждъ? — Едва ли что нибудь болѣе, какъ только возобновляютъ и украшаютъ торжество древняго врага человѣческаго рода. Что значитъ сія гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора покрытую вретищемъ или полураздѣтую нищету, — сія непрестанность, съ какою нѣкоторые со дня на день умножаютъ,—сіе непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы?—Не есть ли сіе нѣчто подобное тому, какъ если бы больной вздумалъ тщеславиться множествомъ своихъ струповъ и красотою обязаній; или, если бы рабъ, принужденный носить оковы, желалъ имѣть ихъ въ великомъ числѣ, и выработанныя съ разнообразнымъ искусствомъ?

Правда, Богъ нѣкоторымъ образомъ освятилъ то, что есть въ одеждѣ простѣйшаго и вмѣстѣ необходимѣйшаго. И *сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны: и облече ихъ* (Быт. III. 21.). Но чрезъ сіе самое вновь осуждается безразсудная заботливость о украшеніи тѣла. Если вещество, по наставленію Самого Бога, употребленное для составленія одѣянія, было кожа: то для чего нѣкоторые или несчастными, или презрѣнными представляютъ себѣ тѣхъ, которые носятъ простой ленъ и грубую волну? Для чего намъ не пріятно, если не на насъ прядетъ шелковой червь; не для насъ земля раждаетъ злато, и море перла? Къ чему столь дѣтскія прихоти? Чего вамъ лучше и благолѣпнѣе той одежды, которую для васъ готовитъ Самъ Богъ! Ибо можно сказать, что Онъ и для каждаго изъ насъ, какъ для Адама и его жены, творитъ потребныя ризы. Въ какой странѣ міра Онъ предопредѣляетъ намъ произойти на свѣтъ, въ той же и производитъ все, что, по качеству сея страны, потребно для тѣла нашего; и для снисканія того, что необходимо потребно, почти всегда довольно средствъ влагаетъ въ руки наши Его премудрый Промыслъ. Для чего же еще мы не рѣдко желаемъ, чтобы одежда наша превышала не только требованіе необходимости, но и приличіе нашего состоянія? Для чего иногда мы не довольны своими украшеніями потому только, что оныя не похищены у отдаленнѣйшихъ братій на-

шихъ? Посмотрите—такъ премудрость Божія постыждаетъ не только суетныя попеченія о излишнемъ, но и о потребномъ излишнія;—посмотрите на полевые цвѣты, какъ они растутъ; не прядутъ и не трудятся: а вы, маловѣры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашемъ одѣяніи: какъ будто Провидѣніе меньше занимается вами, нежели быліемъ, нынѣ цвѣтущимъ, а завтра увядающимъ; и будто Оно забыло близъ васъ произвести для васъ потребное!

И какой же предметъ столь нетерпѣливыхъ заботъ? Нѣжная ткань, драгоцѣнные камни, чистое золото—пусть приложатъ къ сему исчисленію, что еще угодно — какъ все сіе мало и недостойно озаботить того, кто хотя мало размышляетъ! Не знаю, что можетъ давать золоту на вѣсахъ разумнаго человѣка такую же тяжесть, какъ и на вѣсахъ торжника, если это не есть тяжесть бѣдъ, которыми обременяетъ оно родъ человѣческій. То, что называютъ лучшею водою въ камняхъ, не суть ли слезы несчастныхъ жертвъ, которыя живвѣ, глубже мертвыхъ, погребаются во мрачномъ чревѣ горъ, для извлеченія оттуда сихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ? Лучшія произведенія искусныхъ рукъ могутъ ли составить чью нибудь славу, кромѣ своего художника? И далеко ли простирается сія слава? Художникъ міра положилъ предѣлъ для тщеславія смертнаго искусства въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ природы. Посмотрите еще разъ на полевые цвѣты: Соломонъ, во всей славѣ своей, не облачался такъ, какъ послѣдній изъ нихъ, говоритъ Истина.

Если вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелъ, дабы собрать съ оныхъ тонкій, духовный медъ: если зрѣлище природы не приноситъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ въ силу и жизнь: изберите себѣ другое, высшее зрѣлище; возвысьте духъ вашъ, и воззрите не на образъ и тѣнь истины, но на самое лице ея, на красоту не созданную, на цвѣтъ совершенства — воззрите, члены тѣла Христова, на Главу свою,—и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя вами украшенія. Какая несообразность! Глава во ясляхъ, на соломѣ: а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ, и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ нищетѣ; а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава оросается кровавымъ потомъ; а члены умащаются и обливаются благовоніями! Со Главы падаютъ слезы; а члены жемчугъ осѣяетъ! Глава въ терніи; а члены въ розахъ! Глава багрѣетъ отъ истекшей крови, и смертною объемлется блѣдностію; а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости; и, думая сами себѣ дать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живый образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ пагоѣ, то въ одеждѣ поруганія; а члены любятъ покоиться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или, вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности, вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала! Но —*да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. XVI. 4.)! Должно опасаться, чтобы не поетено было неблагопристойностію обличеніе обычаевъ, которымъ однакожъ послѣдовать неблагопристойностію не почитается.

Чтожъ?—спросятъ, вѣроятно, люди, болѣе желающіе избавиться отъ обличенія, нежели исправить обличаемое,— не ужели всѣ должны отвергнуть всякое благолѣпіе, и облечься въ рубища!— Нѣтъ, совопросники, *мудрые, еже творити злая, благо же творити не познавшіе* (Іер. IV. 22.)! Никто сего не требуетъ. Божественный Учитель нашъ обличаетъ, а потому и насъ обязываетъ обличать, только попеченія объ одеждѣ, и особенно излишнія, суетныя, пристрастныя. *О одеждѣ что печетеся?* Впрочемъ извѣстно, что и Самъ Онъ (безъ сомнѣнія, дабы не лишить утѣшенія и награды людей, служившихъ Его тѣлеснымъ потребностямъ) носилъ драгоцѣнный не шенный Хитонъ, который пожалѣли раздрать раздѣлявшіе ризы Его. Есть родъ и степень благолѣпія, и даже великолѣпія въ одѣяніи, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность. Но попеченія безъ конца, пышность безъ мѣры, расточеніе безъ цѣли, ежедневныя перемѣны уборовъ потому

только, что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать симъ дѣтскимъ изобрѣтеніямъ—невѣроятная безразсудность! Безразсудность тѣмъ болѣе странная и нелѣпая, что, безъ сомнѣнія, многіе, виновные въ ней признаютъ ее, и однакожъ не престаютъ вновь дѣлаться виновными въ ней! И пусть бы оставалась она безразсудностію: бѣдственно то, что ею пораждаются и питаются беззаконія. Спросите, на примѣръ, нѣкоторыхъ, пришедшихъ въ сіе Священное мѣсто не прежде начала, но уже въ продолженіи общественныхъ молитвъ и Священнодѣйствія, спросите и сами себя, вы, съ которыми сіе случилось: какъ похищено сіе время у Бога и у души?—Окажется, что у нѣкоторыхъ оно посвящено было тѣлу, изъ котораго творили тогда кумиръ. Не видите ли, какъ явно мнимыя малости вашн обращаются въ оскорбленіе Великаго Бога?—Или, посмотрите, какъ иногда на торжищѣ безъ вниманія проходятъ мимо нищаго, просящаго мелкой монеты на хлѣбъ насущный, и тысячи отдаютъ за ненужное украшеніе. Кто дерзнетъ сказать, что тутъ не нарушена любовь къ ближнему? Кто же не видитъ изъ сихъ не многихъ примѣровъ, какъ легко извиняемая міромъ суетность можетъ сдѣлать человѣка повиннымъ предъ обѣими скрижалями закона Божія?

Христіане! Какъ наслѣдники и будущіе возобновители рая, не облѣняйтесь исторгать изъ сердецъ вашихъ и малое быліе нечистыхъ страстей, дабы не умножились плевелы, и не возрасло терніе, и не было подавлено сѣмя Божественное. Лучше лишиться тысячи украшеній тѣла, нежели представить Всевидцу малѣйшее пятно въ душѣ и совѣсти. Ахъ! Хотя бы подъ рубищемъ, только бы сохранить то царственное облаченіе, о которомъ писано: *Елицы во Хріста креститеся, во Хріста облекостеся* (Гал. III. 27.). Аминь.

---

7. СЛОВО

Въ недѣлю четвертую по Пятьдесятницѣ.

Оброцы грѣха, смерть: дарованіе же Божіе, животъ вѣчный, о Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Рим. VI. 23.

Нѣкогда имя *грѣха* было для Христіанъ такъ ужасно, какъ проклятія и казни. Апостолъ Іаковъ, желая однимъ ударомъ сокрушить гордость хвалящагося вѣдѣніемъ истины, но живущаго по плоти человѣка, сказалъ только, что ему грѣхъ! *Вѣдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть* (Іак. IV. 17). Нынѣ многіе содрогаются при имени безчестія, урона, смерти: мысль о грѣхѣ, подобно привидѣнію, не тревожитъ болѣе просвѣщеннаго вѣка. Такъ ли совершается въ насъ предсказанное пророками о царствѣ Мессіи: *яко да обетшаетъ согрѣшеніе* (Дан. IX. 24.)? Ахъ! Согрѣшеніе обетшаваетъ въ насъ не такъ, какъ старая одежда, которую повергаютъ къ ногамъ, когда облекаются въ новую; но такъ, какъ застарѣлая болѣзнь, въ которой чувствованіе боли притупляется временемъ, и которую мало наконецъ отличаютъ отъ здравія.

Столь опасная привычка подкрѣпляется столь же бѣдственною недальновидностію, съ каковою мы смотримъ только на прелестную личину, подъ коею грѣхъ намъ является; но не проникаемъ въ истинное свойство его, и не соединяемъ съ нимъ его послѣдствій. Что такое наши недостатки, бѣдствія, смерть!—Говорятъ: несовершенства природы, дѣйствія случаевъ, удары судьбы!—Такъ-то самолюбіе удобнѣе позволяетъ намъ хулить Бога, нежели находить источникъ зла въ себѣ самихъ.

Правда Божія, слушатели, не имѣетъ нужды въ нашемъ оправданіи. Но неправда наша должна быть обнажаема для нашего же отъ Бога оправданія. На сей конецъ, сообразно настоящему чтенію изъ Апостола, откроемъ, по возможности, необходимый союзъ грѣха со смертію: *оброцы грѣха смерть;* и пагубному обольщенію грѣховнаго состоянія противоположимъ преиму-

щества состоянія благодатнаго: *дарованіе Божіе, животъ вѣчный*, о *Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ*.

Богъ, какъ говоритъ Премудрый, *смерти не сотворъ* (Прем. I. 13.). Отъ источника жизни могло ли что проистечь, кромѣ жизни? Давъ бытіе ничтожеству, онъ далъ бытію законъ, по которому бы оно дѣйствовало ко благу: дѣйствованіе по сему закону есть *жизнь*. Благороднѣйшія твари получили свободу, которая есть способность исполнять законъ, по сознанію его совершенства, изъ любви къ Законодателю; и которая посему не исключаетъ возможности отступить отъ онаго: а такое произвольное отступленіе отъ закона есть *грѣхъ*. Но поелику тварь, выходя изъ предѣловъ, премудростію и благостію Творца ей поставленныхъ, не можетъ взойти къ вышнему совершенству, котораго, будучи сама въ себѣ ничтожество, не только дать, но ниже возвратить себѣ не можетъ: то ея уклоненіе отъ закона по необходимости есть паденіе въ низшій кругъ дѣйствованія, разстройство, разрушеніе, *смерть*. Вотъ путь, по которому *единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть*. Онъ входитъ, какъ тать; и потомъ неистовствуетъ, какъ разбойникъ: обнажаетъ, порабощаетъ, убиваетъ. Человѣкъ, по троякому отношенію своего дѣйствованія къ самому себѣ, ближнему и Богу, можетъ наслаждаться троякою жизнію: естественною, какъ существо видимаго міра, — гражданскою, какъ членъ общества, и духовною, какъ умаленный малымъ чимъ отъ Ангелъ: преобладающій грѣхъ и на жизнь естественную, и на цѣлыя общества, и на безсмертный духъ человѣческій налагаетъ дань смерти. *Оброцы грѣха, смерть*.

Въ первобытной невинности человѣкъ былъ безсмертенъ по тѣлу, равно какъ и по душѣ. Покорныя ему твари подвержены были естественнымъ измѣненіямъ; однако такъ, что ни владыка ихъ, ни онѣ сами отъ того не страдали. Едва грѣхъ овладѣлъ симъ владыкою, какъ и въ его владѣніяхъ, и въ немъ самомъ, по непостижимому дѣйствію правосудія Божія, возсталъ мятежъ: и скоро бы, можетъ быть, *опустошило всю землю единое беззаконіе*, если бы милосердый Богъ не положилъ между имъ, и его пагубными послѣдствіями нѣкотораго разстоянія, дабы оставить мѣсто покаянію и благодати. Между тѣмъ дивный Промыслъ заповѣдалъ смерти въ различныхъ видахъ преслѣдовать и поражать грѣхъ въ такой соразмѣрности съ его шествіемъ и силою, чтобы его же порожденіе было препятствіемъ его могуществу, и чтобы ослѣпленный впрочемъ грѣшникъ безъ труда узнавалъ въ немъ своего врага и убійцу. Дабы показать вамъ дѣйствіе сего Божія суда, я не укажу на первый міръ, вдругъ погребенный въ волнахъ за умноженіе неправды; или на древніе грады, которые воплемъ своего разврата низвели на себя небесный огнь; или на гробы похотѣнія, которые въ безплодной пустынѣ создала себѣ роскошь Евреевъ, и проч. Кто имѣетъ очи: тотъ, не обходя вѣковъ и странъ, всегда и вездѣ видитъ мечъ Божій на преступленіе, сокрытый въ самой природѣ и въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ человѣческихъ. Не видите ли вы, какъ смерть, по выраженію пророка, *восходитъ сквозѣ окна ваша* (Іер. IX. 21), — проникаетъ во всѣ чувства и силы, поколику открываемъ ихъ для грѣха? Какъ чаша земныхъ удовольствій изливаетъ, если не всегда скоропостижный, то, безъ сомнѣнія, медленный ядъ въ уста неумѣренности; корысть не столько наполняетъ сокровищницы златомъ, сколько душу мученемъ; обида вызываетъ противъ себя если не правосудіе, то другую обиду; коварство упадаетъ въ яму, которую изрыло ближнему, и *мужіе кровей и льсти не преполовляютъ дней своихъ* (Псал. LIV. 24)? Какъ самое тонкое злоупотребленіе способностей естественныхъ изощряетъ на себя столь же тонкое оружіе: гордость убиваетъ разсудокъ; мудрость, *неискусившая имѣти Бога въ разумѣ, предается въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. I. 28); и въ самый корень грѣха — самолюбіе, отъ времени до времени ударяетъ громъ злополучія? И когда Богъ, *не хотящій смерти грѣшника*, говоритъ о Себѣ, что Онъ *наводитъ грѣхи отцевъ на чада и на чада чадъ, до третіяго и четвертаго рода* (Исх. XXXIV. 7.): не то ли сіе значитъ, что самый грѣхъ, неограниченно возобладавшій человѣкомъ, внѣдривается въ существо его; распространяетъ

власть свою вмѣстѣ съ жизнію, которую онъ даетъ другимъ, и если не свергнуть сего наслѣдственнаго ига, собирается свои *оброки* съ сыновъ, внуковъ и правнуковъ?

Но ежели симъ или другимъ образомъ грѣховная болѣзнь одного можетъ сдѣлаться заразою многихъ: то удивительно ли, что и послѣдующая за нею смерть также постигать можетъ племена и народы, какъ и человѣковъ? Жизнь общественная получила начало тогда, какъ Богъ рекъ первой человѣческой четѣ: *наполните землю и господствуйте ею*: здѣсь нѣтъ ни раздѣленія, ни разрушенія. Отъ чего же смертныя, а иногда и чрезмѣрно кратко-жизненны сіи тѣла гражданственныя, если не отъ того же, какъ и естественныя? Оскудѣніе любви къ отечеству и взаимной искренности между членами общества сопровождается слабостію и безпорядкомъ въ его дѣйствіяхъ; роскошь, поглощая его истинное довольство, изнуриваетъ его вымышленными нуждами; стремленіе къ преобладанію и неправосудіе возбуждаютъ противъ него внѣшнихъ и домашнихъ непріятелей; въ вѣрѣ и благочестіи оно хранитъ или теряетъ основаніе своихъ законовъ, побужденіе дѣятельности, страхъ злодѣйства, награду подвиговъ, залогъ безопасности, словомъ, жизнь и душу. Если ты, правовѣрное Отечество, не старѣясь, переживаешь твоихъ сосѣдовъ и враговъ: то благослови правду и вѣру, которыя Господь Саваоѳъ оставилъ тебѣ, какъ сѣмя долгоживотное! Безъ нихъ никакой народъ не можетъ ожидать себѣ лучшей участи, нежели возлюбленный, но невѣрный Богу Израиль. *Всякую умираете доме Израилевъ?* вопіетъ къ нему Іезекіиль (XVIII. 31.). Вотще, совратясь отъ пути правды, мечтаешь ты, что не *управится путь Господень*; напрасно думаешь ускользнуть отъ Его правосудія; ты самъ себя умерщвляешь твоимъ нечестіемъ. *Всякую умираете доме Израилевъ?*—Если и бываютъ случаи, когда *путь нечестивыхъ спѣется*, и рука ихъ господствуетъ: то сіе есть или послѣдняя мзда, которую воспріемлютъ они за нѣкій останокъ добродѣтелей, или послѣднее напряженіе, которое лишитъ ихъ останка крѣпости. Развратное общество въ силѣ, подобно человѣку въ горячкѣ; его сильныя и быстрыя дѣйствія суть дѣйствіе болѣзни, а часто и предвѣстіе смерти. Державный Пророкъ видѣлъ и описалъ судьбу торжествующаго нечестія: *видѣхъ нечестиваго превозносящаяся и высящаяся, яко кедры Ливанскія.*—Но долго ли продолжалось сіе явленіе?—*Мимо идохъ, и се не бѣ* (Пс. XXXVI. 35.).

Впрочемъ всѣ казни, преслѣдующія беззаконіе въ естественной и общественной жизни, суть токмо припоминательный образъ и, такъ сказать, слѣдъ истинной смерти, совершенно неразлучной отъ грѣха. *Въ онь же аще день снѣсте отъ древа, смертію умрете* (Быт. II. 17.). Вамъ извѣстно, что Адамъ девять вѣковъ жилъ на земли по снѣденіи отъ древа запрещеннаго: или не сбылось сіе слово, коего ни единая черта не можетъ прейти, хотя бы небо и земля поколебались? Нѣтъ! Адамъ точно *умеръ* въ день грѣхопаденія: умеръ въ своемъ умѣ, который, бывъ причастенъ Божественнаго свѣта, облекся во мракъ чувственности; умеръ въ своей волѣ, которая утратила силу стремиться ко благу духовному; умеръ въ своемъ сердцѣ, которое упало съ высоты небесной любви и блаженства, и раздробилось по числу земныхъ прелестей; умеръ въ своей дѣятельности, которая съ сего времени могла производить только *мертвыя дѣла* (Евр. IX. 14.). Что убо и мы, рожденные во грѣхахъ, и слишкомъ богатящіеся симъ наслѣдіемъ Адамовымъ,—что мы въ *тѣлѣ смерти сея* (Рим. VII. 24.), какъ не живые мертвецы во гробахъ своихъ? Смерть тѣмъ болѣе убійственная, чѣмъ менѣе ощущаемая; и ужаснѣйшая всѣхъ смертей, которыя мы видимъ и знаемъ! Ибо тѣ убиваютъ временное, а сія вѣчное: тѣ сами смертны, а сія можетъ быть безсмертною. Гробъ, по словамъ одного Христіанскаго учителя (Тертул.), есть убѣжище отъ смерти: но это не для умирающаго во грѣхѣ; ибо его и за гробомъ ожидаетъ *смерть вторая* (Апокал. XXI. 8.) или раскрытіе первой смерти во всѣхъ ея ужасахъ.

Познаемъ, слушатели, чего мы должны страшиться. Если страшенъ мечъ, то еще страшнѣе убійца: если ужасна смерть, которая поражаетъ не столько человѣка, сколько грѣхъ; то колико ужаснѣе грѣхъ, который раждаетъ смерть? Но поелику страхъ

есть безполезный мучитель, доколѣ онъ не есть пѣступъ любви: не умедлимъ обольщаемому грѣхомъ сердцу нашему дать достойнѣйшій его прилѣпленія предметъ, и къ нему единому, по возможности, соберемъ всѣ расточенныя силы наши, какъ печальныя обломки кораблекрушенія къ безопасному берегу.—Какой животный свѣтъ посылаетъ небо въ нашъ внутренній адъ! И какъ скоро убѣгаетъ отъ него сѣнь смертная! Богъ правды и мздовоздаянія для праведника, становится Богомъ милосердія и благодати для грѣшника! *Дарованіе Божіе, животъ вѣчный, о Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Нашедши насъ мертвыми, благодать не требуетъ, чтобы мы заслужили жизнь: ибо сіе не возможно. Она обрѣтается не ищущимъ; является не вопрошающимъ; дарствуетъ, а не воздаетъ. *Дарованіе Божіе.*

Примѣтимъ же грѣховную слѣпоту нашу. Чего мы не дѣлаемъ для удовлетворенія суетнымъ желаніямъ и страстямъ законопреступнымъ! Богатству жертвуемъ спокойствіемъ, чести богатствомъ, и опять спокойству честію; бросаемся въ опасности, дабы извлечь изъ нихъ славу, или повергнуть въ нихъ соперника; проводимъ вѣкъ въ непрестанныхъ заботахъ, дабы достигнуть лучшаго состоянія, которое всегда удаляется отъ насъ; и, видя свое здравіе ослабѣвающимъ, продолжаемъ убивать себя чрезмѣрными усиліями, чтобы дожить желаемаго. А свергнуть тяжкое бремя грѣха, и взять легкое иго Іисуса, исцѣлить слабое сердце отъ міра, и положить его въ силу Божію, совершающуюся въ немощахъ, упразднить и дать Богу творить въ насъ свое дѣло,—это трудно; это превышаетъ наши силы! — Увы! Мы бываемъ дѣятельнѣе и сильнѣе для нашей погибели, нежели сколько нужно бы для нашего спасенія.

Благодать возобновляетъ и возвращаетъ человѣку все, что грѣхъ ни разрушаетъ. Она паки почерпаетъ ему духовную жизнь изъ Бога, ея источника; вводитъ его въ сочлененіе безсмертнаго тѣла церкви; и, когда земная наша храмина тѣла разорится, уготовляетъ храмину нерукотворенную на небесахъ. *Животъ вѣчный.*

Напротивъ, за какую награду мы работаемъ грѣху?—Поставимъ себя между имъ и смертію: и, озрѣвшись сюду и сюду, мы невольно повторимъ вопль Сына Саулова: *вкусихъ мало меду, и се азъ умираю.* Я вкусилъ нѣсколько капель удовольствія, и вижу предъ собою море золъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ наслажденія, предстоитъ вѣчность мученій. Я не насытилъ и плоти; а погубилъ душу. *Вкусихъ мало меду, и се азъ умираю* (1 Цар. XIV. 43.).

Наконецъ, благодать представляетъ намъ всемогущаго Подателя и вѣрнѣйшаго Споручителя своихъ даровъ, Іисуса Хріста Богочеловѣка. Онъ есть Богъ; ибо наше возсозданіе можетъ совершиться силою единаго Создателя; но вкупѣ и человѣкъ, дабы мы безопасно и дерзновенно приближались къ Нему. Онъ содѣлался по насъ *грѣхомъ и клятвою* (2 Кор. V. 21. Гал. III. 13.), чтобъ искупить насъ отъ грѣха и клятвы, и, стяжавъ насъ кровію Своею, ожидаетъ, чтобы мы все пріяли чрезъ Него въ Немъ: *О Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

На чемъ, напротивъ, утвеждаемъ мы наши надежды, когда покаряемся грѣху? — Лукавый врагъ, каждый разъ, когда подаетъ намъ запрещенный плодъ, обѣщаетъ слишкомъ много: *будете яко боги;* но, исполнивъ его волю, мы обыкновенно или ничего не получаемъ, или получаемъ несравненно менѣе, нежели надѣялись. И почто же еще опираемся на сей тростяный жезлъ, который толикократно уже сокрушался подъ нашею рукою, и прободалъ ее; а не поспѣшаемъ ко Врачу, исцѣляющему язвы душъ и тѣлесъ? Почто держимся земли, которая коловращаетъ насъ вмѣстѣ съ собою; и не имемся всѣми силами за крестъ Ходатая, который есть лѣствица къ небесамъ? Почто, когда такъ быстро *преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. VII. 31.), *внегда смущается земля, прелагаются горы въ сердца морская* (Псал. XLV. 3.), мы, отъ угрожающихъ и намъ ударовъ, не сокрываемся въ язвы нашего Спасителя?

О Боже, не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему! Возьми грѣхъ нашъ, да не возметъ онъ съ насъ оброка смерти вѣчныя; и подаждь намъ Твое дарованіе, животъ вѣчный, о Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Аминь.

8. СЛОВО

Въ недѣлю шестую по Пятдесятницѣ.

Видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному: дерзай чадо, отпущаются ти грѣси твои. Матѳ. IX. 2.

Вѣрующаго поучать вѣрѣ, не значитъ ли учить ученаго, и не излишній ли это трудъ? Такъ можетъ показаться при поверхностномъ сличеніи словъ: но не такъ при основательномъ разсмотрѣніи дѣла. И ученому нужно возобновлять пріобрѣтенныя познанія, и пріобрѣтать новыя, однимъ словомъ, учиться: ибо иначе надлежитъ опасаться, что и познанное потемнѣно будетъ забвеніемъ, и, остановясь, онъ отстанетъ отъ науки, которая непрестанно идетъ впередъ. Подобнымъ образомъ, или, еще и болѣе, нужно вѣрующему непрестанно поучаться вѣрѣ, и умозрительно, и дѣятельно: ибо иначе надлежитъ опасаться, чтобы и засвѣтившійся въ сердцѣ свѣтъ вѣры, безъ благоразумнаго наблюденія и поддержанія, не погасъ, подобно свѣтильникамъ извѣстныхъ въ притчѣ дѣвъ юродивыхъ. *Правда Божія* въ благовѣствованіи Христовомъ *является отъ вѣры въ вѣру*, какъ изъясняется Апостолъ (Римл. I. 17.). То есть: въ ученіи Христіанскомъ открывается путь къ праведности и святости, даруемой отъ Бога, посредствомъ вѣры, восходящей со степени на степень, отъ совершенства къ совершенству, всегда полагающей себѣ новыя восхожденія, всегда простирающейся въ предняя; потому что она стремится къ безконечному.

Посему прилично намъ, Христіане, каждый разъ, когда слышимъ какое слово писанія о вѣрѣ, *испытывать*, по повелѣнію Господню, сіе *писаніе* (Іоан. V. 39.), и изыскивать, какое преподается въ немъ ученіе и руководство собственно для нашей вѣры.

Нынѣ въ Евангеліи мы слышали во многихъ отношеніяхъ поучительное повѣствованіе, какъ разслабленный принесенъ былъ къ Господу Іисусу на одрѣ, и получилъ отъ Него прощеніе грѣховъ, и исцѣленіе отъ болѣзни. При семъ нѣкоторые книжники, люди мнимо ученые, но въ самомъ дѣлѣ ослѣпленные гордостію книжнаго званія, услышавъ возвѣщаемое Іисусомъ отпущеніе грѣховъ, мысленно приняли сіе за Богохуленіе; и такимъ сужденіемъ сами впали въ преступленіе, которое хотѣли осудить, порицая Богохуленіемъ Того, Который Самъ есть Богъ: поразительный примѣръ, до чего можетъ довести склонность къ пересудамъ! Но сіе оскорбленіе Божескаго достоинства Спасителя нашего подаю Ему причину явить Свое Божественное всевѣдѣніе: потому что на сокровенныя, сердечныя помышленія книжниковъ Онъ тотчасъ далъ отвѣтъ. Мнѣніемъ книжниковъ, что грѣхи можетъ прощать одинъ Богъ, Онъ воспользовался для преподанія глубокаго ученія, что такъ называемое, физическое зло, то есть, страданіе, болѣзнь, тлѣніе, зависитъ отъ нравственнаго зла, то есть грѣха, какъ послѣдствіе, съ нимъ родившееся, и съ нимъ уничтожающееся; почему то же Божественное дѣйствіе, которое, простираясь на душу, выражается словами: *отпущаются ти грѣси*, простираясь и на тѣло разслабленнаго, здѣсь выражается словами: *востани и ходи*, то есть, будь исцѣленъ. Дѣйствительнымъ исцѣленіемъ разслабленнаго Іисусъ оправдалъ сіе ученіе, доказалъ Свою Божескую власть прощать грѣхи, и показалъ въ Себѣ истиннаго Сына Божія. Происшествіе кончилось тѣмъ, что простой народъ, слѣдуя здравому смыслу и не предубѣжденной совѣсти, принялъ чудо съ лучшими чувствованіями, нежели книжники, и прославилъ Бога. Какъ бы мимоходомъ, среди сего повѣствованія, встрѣчается имя вѣры: *и видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному, дерзай чадо, отпущаются ти грѣси твои.* Но при внимательномъ разсмотрѣніи, открываются здѣсь относительно вѣры важныя и назидательныя истины.

Первая истина: вѣра благотворно дѣйствуетъ на человѣка грѣшника, для полученія прощенія во грѣхахъ. Ибо Евангелистъ не напрасно замѣчаетъ, что Господь произнесъ отпущеніе грѣховъ, *видѣвъ вѣру*. Видно, Господь дѣйствовалъ не просто по Своему изволенію, не потому только, что имѣлъ болящаго предъ глазами, даже не потому, что сострадалъ бѣдствующему,

хотя и сіе свойственно Источнику милосердія, но потому, что увидѣть вѣру. Видно, что если бы не была усмотрѣна вѣра, не послѣдовало бы и отпущенія грѣховъ. Одинъ Богъ дѣйствительно дастъ прощеніе грѣховъ: одна вѣра пріемлетъ оное.

Другая истина: вѣра благотворно дѣйствуетъ на человѣка бѣдствующаго, къ его избавленію отъ бѣдствія. Возвѣщая разслабленному отпущеніе грѣховъ, Господь не сіе одно имѣлъ въ намѣреніи, но вмѣстѣ съ симъ, его исцѣленіе отъ болѣзни. Въ Божественномъ опредѣленіи: *отпущаются ти грѣси*, уже заключалось и другое: *востани и ходи*. Только лукавыя помышленія книжниковъ потребовали, чтобы послѣднее произнесено было вновь, выразительно и отдѣльно. Слѣдственно и къ исцѣленію приступилъ Господь, *видѣвъ вѣру*. Если бы не было вѣры: то не послѣдовало бы чудеснаго исцѣленія, какъ сіе ясно замѣтилъ Евангелистъ въ другомъ случаѣ: *и не сотвори ту силъ многихъ, за невѣрство ихъ* (Матѳ. XIII. 58.). Господь, по милосердію Своему, даруетъ благодатныя и чудесныя исцѣленія, и другія творитъ избавленія отъ бѣдъ; и безъ сомнѣнія за Его милосердіемъ дѣло не станетъ: надобно при томъ, чтобы не стало дѣла за нашею вѣрою.

Третія истина: вѣра одного человѣка можетъ благотворно дѣйствовать въ пользу другаго. Евангельское повѣствованіе говоритъ: *видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному*. Изъ сего видно, что не вѣра самого разслабленнаго, или по крайней мѣрѣ, не одна его вѣра привлекла ему прощеніе грѣховъ и исцѣленіе; но помогла ему вѣра нѣкоторыхъ другихъ людей: *видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ*. Кто были сіи необыкновенные помощники, узнаемъ отъ Евангелиста Марка, который, повѣствуя о исцѣленіи разслабленнаго, согласно съ Матѳеемъ въ существѣ дѣла, присовокупляетъ нѣкоторыя подробности. Онъ сказываетъ, что разслабленнаго несли на одрѣ четыре человѣка; что, по тѣснотѣ отъ множества народа, они не могли внести его въ домъ, въ которомъ Господь находился; что, не уступая сему препятствію, они разобрали кровлю или потолокъ дома, и опустили одръ съ больнымъ въ храмину, на пространство, которое между Господомъ и собравшимся къ Нему народомъ оставлено было благоговѣніемъ сего народа. Ихъ-то вѣру Господь увидѣлъ, и по ихъ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, при содѣйствіи вѣры ихъ вѣрѣ разслабленнаго, и грѣхи разслабленному простилъ, и отъ недуга исцѣлилъ его.

Здѣсь, братія, не не любопытно было бы мнѣ, если бы то возможно было, *видѣть помышленія* ваши. *Чудитесь* ли вы простодушно, подобно лучшимъ изъ древнихъ Іудеевъ, *и прославляете ли Бога, давшаго власть таковую человѣкомъ*, что они вѣрою своею могутъ привлекать благодатную и чудодѣйственную силу Божію не только самимъ себѣ, но и другимъ, у которыхъ не достаетъ собственной подобной вѣры, или, подобно древнимъ книжникамъ, и между вами, нѣкоторые *помышляютъ въ сердцахъ своихъ, что сей тако глаголетъ?* Одинъ вѣруетъ, и другой исцѣляется: какая тутъ сообразность? Одинъ вѣруетъ, и другой разрѣшается отъ грѣховъ: какая тутъ правда? Не знаю, входятъ ли въ сердца ваши подобныя помышленія: но поелику они ходятъ между людьми, и возмущаютъ иногда и тѣхъ, которые не желали бы *мыслити лукавая въ сердцахъ своихъ*: то что скажемъ мы въ отвѣтъ духу сомнѣній и совопрошеній?—Не будетъ ни грубо, ни обидно, если мы скажемъ ему то, что сказалъ Господь Апостолу Петру, когда онъ возсталъ съ возраженіемъ противъ одной изъ тайнъ вѣры: *иди за мною сатано: яко не мыслиши, яже суть Божія, но яже человѣческа* (Марк. VIII. 33.). Ты мыслишь о правдѣ человѣческой, и не понимаешь правды Божіей; думаешь о сообразностяхъ естественныхъ, вещественныхъ, но и сихъ часто не понимаешь, и удивляешься, встрѣчая ихъ тамъ, гдѣ не ожидалъ, и не находя тамъ, гдѣ предполагалъ; и удивительно ли, что сообразностей духовныхъ, общеній благодатныхъ, не постигаешь безъ благодатнаго опыта? Духъ выше плоти; благодать выше природы; вѣра выше разума: посему не удивительно, что для плоти не понятно, какъ дѣйствуетъ духъ; для природы не понят-

но, какъ дѣйствуетъ благодать; для разума не понятно, какъ дѣйствуетъ вѣра.

Впрочемъ изъ самаго прещенія Господня на *не мыслящихъ, яже суть Божія*, можно примѣтить, что есть нѣкоторая возможность мыслить, яже суть Божія: потому что не справедливо было бы осуждать за то, что не сдѣлано невозможнаго. И если можно, по Апостолу, *вѣрою разумѣвать* (Евр. XI. 3.): то можно нѣсколько разумѣвать и самую вѣру и ея спасительныя дѣйствія, и удостовѣриться, что въ нихъ нѣтъ ни неправды, ни несообразностей. Одна строгая правда не позволила бы ни въ какомъ случаѣ простить грѣхи; для сего нужна помощь милосердія; а милосердіе не требуетъ заслуги, которой бы воздано было по правдѣ, но только готовности принять подаваемую благодать. Душа безъ вѣры есть сосудъ, запертый для благодати, а душа вѣрующая — открытый. Вѣра открываетъ душу для принятія благодати. Чтобы увѣриться въ семъ дѣйствіи вѣры Божіей, посмотримъ на дѣйствіе вѣры человѣческой. Въ сношеніи съ человѣкомъ, къ которому не имѣемъ ни довѣренности, ни преданности, не примѣчаемъ ли, что душа наша заперта для него; что его на насъ дѣйствіе скользитъ, такъ сказать, по поверхности нашего сердца, не проникая внутрь его; что разсужденія его насъ не убѣждаютъ, и чувствованія не трогаютъ, хотя онѣ и не безъ силы? Напротивъ, кому мы довѣряемъ и преданы: того и легкая мысль, и простое слово, преклоняетъ нашъ умъ, проникаетъ сердце, движетъ душу; и такое общеніе душъ бываетъ иногда столь тѣснымъ, что мы находимъ для него приличнымъ наименованіе единства. Примѣните сіе дольнее къ горнему, сіе земное къ небесному, сіе человѣческое къ Божественному, и вы отчасти возможете уразумѣть, какъ вѣра отверзаетъ душу для принятія благодати, а также и то, какъ одна душа, привлекшая благодать вѣрою чрезъ искреннее общеніе съ другою душею, можетъ и ей впечатлѣвать дѣйствіе вѣры, и облегчать пріятіе благодати. Такъ души посителей Евангельскаго разслабленнаго съ одной стороны вѣрою стремились ко Христу, съ другой человѣколюбіемъ и состраданіемъ прилѣплялись къ душѣ разслабленнаго: *и видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ*, и токъ благодати пролился отъ Него чрезъ ихъ души на душу и тѣло разслабленнаго.

О если бы, братія, сіи размышленія о благотворномъ и могущественномъ дѣйствіи вѣры, сколько нибудь помогли намъ, чтобы наша вѣра не была ни безсильнѣе, ни бездѣйственнѣе вѣры сихъ неизвѣстныхъ жителей не славившагося вѣрою Капернаума, которые, принесши ко Господу разслабленнаго, изъ сокровищъ благодати Его вдругъ извлекли нѣсколько чудесъ, и весь народъ подвигли къ прославленію Бога! Благо было бы сіе для насъ во всякое время, во всякой скорби отъ належащаго, во всякомъ страхѣ отъ угрожающаго зла, при всякомъ непорочномъ желаніи потребнаго и истиннаго блага. Ко Господу взывающая скорбь, и къ Нему взирающее желаніе, само собою обращалось бы въ молитву вѣры; и вѣра приводила бы исполненіе молитвы. Ибо вѣрно Господне обѣщаніе: *вся, елика аще воспросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимете* (Матѳ. XXI. 22.). Аминь.

---

9. СЛОВО

Въ недѣлю шестую по Пятдесятницѣ.

Видѣвше же народи, чудишася, и прославиша Бога, давшаго власть таковую человѣкомъ. Матѳ. IX. 8.

Евангеліе, въ повѣствованіи о исцѣленіи разслабленнаго, предлагаетъ нашему вниманію и размышленію Божественныя дѣйствія Христа Спасителя, и различныя о нихъ сужденія людей, которые были свидѣтелями оныхъ. Разсматриваніе Божественныхъ дѣйствій должно подать нѣтлѣнную пищу духу, а разсмотрѣніе различныхъ сужденій о сихъ дѣйствіяхъ можетъ составить предохранительное врачевство противъ сужденій дерзновенныхъ и ложныхъ, и потому вредныхъ.

Первое въ разсматриваемомъ теперь повѣствованіи Божественное дѣйствіе Христа Спасителя есть явленіе Божественной власти Его въ прощеніи грѣховъ. *Рече*

разслабленному: дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои. Не словомъ только явилъ Онъ власть сію, но и доказалъ ее словомъ и дѣломъ. Въ основаніе доказательства положилъ Онъ слѣдующій вопросъ: *что есть удобѣе, рещи: отпущаются ти грѣси, или рещи: востани и ходи?* Отвѣтъ на сіе не былъ произнесенъ: онъ остался въ совѣсти слышавшихъ вопросъ. Не могли они не признать, что власть и сила человѣческая не достаточна для того, чтобы сказать разслабленному: *востани и ходи*, и тѣмъ произвесть исцѣленіе; должны были признать, что для сего потребна власть и сила Божественная, равно какъ и для того, чтобы сказать грѣшнику: *отпущаются ти грѣси*, и тѣмъ дѣйствительно очистить душу. Власть Божественная въ обоихъ случаяхъ одна, съ тою разностію, что не такъ очевидна въ дѣйствіи прощенія грѣховъ, которое простирается на душу, какъ въ исцѣленіи тѣла, которое подлежитъ чувствамъ. Итакъ Христосъ Спаситель исцѣлилъ словомъ разслабленнаго, и тѣмъ явилъ и доказалъ Свою Божественную власть прощать грѣхи.

Можно спросить: что было радостнѣе для разслабленнаго, услышать: *отпущаются ти грѣси*, или услышать: *востани и ходи?*—Я думаю, что слово прощенія было для него столько радостнѣе, сколько душа и ея здравіе важнѣе тѣла и его здравія. И сію-то высшую радость предлагаю, братія, и вамъ. Ибо Господь для того такъ торжественно явилъ надъ разслабленнымъ Свою Божественную власть прощать грѣхи, чтобы сю не одинъ онъ воспользовался, но и всѣ мы.

Кто бы ты ни былъ, слушающій сіе, безгрѣшенъ ли ты? Полагаю, что ты сего не скажешь о себѣ. И если бы кто сказалъ сіе о себѣ: общее удивленіе не замедлило бы опровергнуть нелѣпость. А если ты не безгрѣшенъ, то конечно грѣшенъ; если грѣшенъ, то виновенъ; если виновенъ, то достоинъ наказанія, во всякомъ случаѣ не малаго и не краткаго, потому что безмѣрно высоко и вѣчно величество Божіе, которое оскорблено грѣхомъ. Что же тебѣ дѣлать? Перестать грѣшить?—Если и можешь, и рѣшишься, однако тѣмъ себя не избавишь. И передъ человѣческимъ судомъ тать или убійца, который перестаетъ похищать и убивать, не перестаетъ быть достойнымъ наказанія. Что же тебѣ дѣлать? Дѣлать добро?—Хорошо. Только добро, которое ты дѣлаешь сегодня, ты и обязанъ сегодня дѣлать, и слѣдственно симъ не заглаждаешь зла, сдѣланнаго вчера, хотя, можетъ-быть, частію исправляешь оное. Усугубить усилія дѣлать добро? Прекрасно. Только и симъ не заплатишь вполнѣ за зло, сдѣланное прежде: потому что каждый день ты обязанъ дѣлать добро полною мѣрою данныхъ тебѣ силъ, и слѣдственно не можешь сдѣлать ничего излишняго противъ даннаго тебѣ урока, что могъ бы обратить себѣ въ заслугу сверхъ обязанности, и въ искупленіе своихъ прежнихъ грѣховъ. Притомъ люди, болѣе насъ опытные въ борьбѣ противъ грѣха и въ подвигѣ для добродѣтели, сказываютъ, что человѣкъ, отъ прародителей поврежденный грѣхомъ, и усилившій поврежденіе грѣхами произвольными, не имѣетъ довольно собственныхъ силъ, чтобы освободиться отъ грѣха, и въ совершенствѣ дѣлать добро. *Азъ*, признается Апостолъ Павелъ, *плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ. — Еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю* (Рим. VII. 14. 18.). И какъ тотъ же Апостолъ сказуетъ, что *оброцы грѣха смерть* (Рим. VI. 23.); что *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду* (Рим. 1. 18.): то не печально ли, не страшно ли, даже не отчаянно ли положеніе грѣшника само въ себѣ? Подлинно, и печально, и страшно, и отчаянно было бы оно, если бы не явился Богъ-Слово, съ словомъ прощенія: *отпущаются ти грѣси*. Сіе сказано грѣшнику, и притомъ разслабленному, и онъ исцѣленъ: дабы уразумѣлъ грѣшникъ, что Христосъ не только даруетъ прощеніе прежнихъ грѣховъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и силу, чтобы противоборствовать грѣху и дѣлать добро впредь. Какое утѣшеніе! Какая радость! Да утѣшатся уязвленные печалію грѣха! Да воздвигнутъ главы свои пораженные страхомъ суда Божія! Да воспріимутъ отчаянные надежду! Да радуются вѣрующіе! Да при-

лѣпятся неотторгаемо сердца наши ко Христу Спасителю благодарною любовію!

Другое Божественное дѣйствіе Христа Спасителя въ разсматриваемомъ нами Евангельскомъ повѣствованіи есть проявленіе всевѣдѣнія. Когда нѣкоторые, не познавшіе Божества Его, услышали Его слова: *отпущаются ти грѣси*; тогда они подумали, что Онъ приписываетъ Себѣ власть, Ему не принадлежащую, и, что̀ еще хуже, сію невѣжественную мысль усилили въ себѣ до укоризны: *сей хулитъ*. Открыто сіе сказать, вѣроятно, не осмѣлились они предъ множествомъ народа, который благоговѣлъ къ ученію и чудесамъ Іисуса. Но Господь не попустилъ, чтобы ихъ несправедливость и дерзость укрылась за оградою хитрости. *Вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ?* сказалъ Онъ, и самымъ симъ обличеніемъ опровергъ ихъ несправедливое мнѣніе, и сообщилъ имъ познаніе, котораго имъ не доставало, именно, что Онъ есть Сердцевѣдецъ Богъ.

Подумайте, каково было сіе проявленіе всевѣдѣнія для тѣхъ, надъ которыми оно себя ознаменовало. Имъ казалось не безопаснымъ обнаружить предъ народомъ свои неблаговидные помыслы. Какъ же они должны быть смущены и поражены, когда то, что̀ хотѣли скрыть, внезапно сдѣлалось явнымъ; когда обнаружились не только ихъ помыслы, но и то унизительное для нихъ обстоятельство, что они были непокрещи и малодушны; когда, наконецъ, чудесными словами и дѣйствіями Господа Іисуса доказано, что ихъ помыслы были не только неосновательны, но и преступны!

Братія! Христосъ и Евангеліе имѣютъ нынѣ дѣло не съ книжниками и народомъ іудейскимъ, но съ нами. Помыслимъ о дѣйствіи всевѣдѣнія для насъ самихъ. Не входятъ ли иногда и въ наши сердца такіе помыслы, которыхъ обнаруженіе унизило бы насъ предъ очами благомыслящихъ, — помыслы неправеднаго или пристрастнаго сужденія, ненависти, зависти, гордости, незаконнаго вожделѣнія, и не обезпечиваемъ ли мы себя тѣмъ, что это не обнаружено? Какъ обманываемъ мы въ семъ случаѣ сами себя! Если мы допустили въ сердце лукавый помыслъ, и не отвергли его, или еще питаемъ его: то мы уже унижены сами въ себѣ, предъ внутреннимъ въ совѣсти зерцаломъ человѣческаго и христіанскаго достоинства. Но сего не довольно: есть свидѣтель сокровеннаго, несравненно болѣе важный и грозный. При самыхъ тайныхъ помыслахъ нашихъ присутствуетъ всевѣдѣніе Божіе. Очами, тьмами темъ свѣтлѣйшими солнца, проницаетъ оно насъ, и говоритъ тогда: *вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ?* Если мы не слышимъ обличенія сего: тѣмъ не менѣе оно истинно, и тѣмъ хуже для насъ, оглушенныхъ шумомъ лукаваго помысла. Придетъ время, когда обличающее всевѣдѣніе явится всѣмъ и предъ всѣми, когда, то есть, пріидетъ Господь, *Иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя* (1 Кор. IV. 5.). Тогда поздно будетъ укрываться отъ стыда вѣчнаго, и тщетно *тогда* постыжденные и устрашенные *начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны* (Лук. XXIII. 30.). Начнемъ же лучше нынѣ рѣшительнѣе изгонять изъ сердецъ нашихъ помыслы, которые, наконецъ, постыдили бы насъ предъ лицемъ неба и земли. *Господи, не закосни*, взоромъ Твоего всевѣдѣнія не только обличать въ насъ, но и удалять отъ насъ помыслы, Твоего зрѣнія недостойные!

Третіе въ разсматриваемомъ нами повѣствованіи Божественное дѣйствіе Христа Спасителя есть чудо исцѣленія. Въ разсужденіи сего достойно примѣчанія, что слово Господне исцѣляющее явилось и воздѣйствовало не прежде, какъ въ слѣдъ за словомъ Господнимъ прощающимъ грѣхи. Видно, есть связь между болѣзнію души и болѣзнію тѣла; видно, исцѣленію тѣла воспрепятствовалъ бы грѣхъ въ душѣ, если бы человѣкъ не былъ очищенъ отъ него. Надлежало отнять болѣзнь души, чтобы она перестала заражать и тѣло. Надлежало удалить нечистую тьму души, чтобы всечистый свѣтъ Божественный приблизился и исцѣлилъ тѣло.

Не приходитъ ли вамъ иногда на мысль жалѣть, что въ наше время благодатныя исцѣленія и подобныя особенныя благодѣянія Божіи не такъ часты, или не такъ

явственны, какъ видимъ въ Евангеліи? — Теперь имѣемъ мы случай указать, куда надлежитъ обратить сіе сожалѣніе. Оно должно быть обращено на насъ самихъ, на недостатокъ въ насъ вѣры и очищенія отъ грѣховъ. *Грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Иса. LIX. 2.), сказуетъ Пророкъ. Всемилосердый Богъ хощетъ приближиться къ вамъ, и благотворить вамъ: но грѣхи ваши, какъ мгла, облежатъ васъ и не пріемлютъ благотворнаго свѣта Божія. Подвизайся ревностно въ очищеніи души твоей отъ грѣха; достигай того, чтобы во глубинѣ души твоей возглаголало животворящее слово: *отпущаются ти грѣси*: тогда не преминутъ являться тебѣ и другія особенныя благодѣянія Божіи, часто, явственно, чудно.

Мнѣ остается еще обратить вниманіе ваше на различныя сужденія людей о дѣйствіяхъ Христа Спасителя, теперь нами разсмотрѣнныхъ.

Вотъ одно сужденіе: *видѣвше народи, чудишася, и прославиша Бога, давшаго власть таковую человѣкомъ*. Вотъ другое сужденіе: *сей хулитъ*. И чье же это сужденіе?—*Книжниковъ*, людей, которыхъ, по нынѣшнему, надлежало бы назвать образованными, просвѣщенными, учеными! Какая нечаянность! Простой народъ, хотя еще не познаетъ Бога въ лицѣ Іисуса, однако въ Его чудесныхъ дѣйствіяхъ признаетъ силу Божію, и прославляетъ Бога: а люди образованные, при видѣ тѣхъ же самыхъ дѣйствій, обвиняютъ Іисуса въ богохуленіи. Отъ чего это? Отъ того, что народъ, хотя не просвѣщенный, искренно слѣдовалъ внушенію здраваго смысла и доброй совѣсти; а просвѣщенныхъ ослѣпила гордость. Они не старались изъ существа дѣлъ Божіихъ почерпнуть истинное познаніе, но хотѣли своему мнимому знанію подчинить дѣла Божіи; они мечтали, будто Богъ не долженъ и не можетъ дѣйствовать иначе, какъ по законамъ, какіе заблагоразсудитъ Ему предписать мудрость іудейскихъ книжниковъ.

Думаете ли, братія, что сей несчастный примѣръ долженъ просто пройти мимо насъ, и намъ не нужно изъ него взять никакого урока? — Я не такъ думаю.

Кто не любитъ свѣта? Кто позавидуетъ мраку? — Но что̀ говоритъ Истина?—*Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ*. Слѣдственно есть и ложный свѣтъ, который блещетъ поверхностно, а не просвѣщаетъ внутренно. Итакъ не можетъ ли случиться и между нами, какъ случилось нѣкогда въ Іуден, что прельщенные свѣтомъ, блещущимъ поверхностно, не узнаютъ и не примутъ свѣта, просвѣщающаго внутренно? Не могутъ ли встрѣтиться и нынѣ люди, которые не называются, правда, и, вѣроятно, не пожелали бы назваться книжниками, но которые, надъ какою-нибудь темною книгою, въ туманѣ воображенія, увидѣвъ призракъ истины, въ слѣдствіе того почитаютъ себя способными произносить судъ надъ таинствами Вѣры, надъ мудростію Церкви, надъ дѣлами Провидѣнія Божія въ родѣ человѣческомъ? — Что подобныя опасенія не излишни, и внушаемая ими осторожность благопотребна, въ томъ увѣряетъ меня Апостольское слово. Не къ іудейскимъ книжникамъ, но къ христіанскимъ уже мудрствователямъ, слѣдственно и ко мнѣ и къ вамъ, простираетъ Апостолъ увѣщаніе: *глаголю благодатію давшеюся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи*, то есть, съ благоразумною осторожностію, не выходя изъ предѣловъ смиренномудрія, *коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры* (Рим. XII. 3.).

Христе, Свѣте истинный! Просвѣщай насъ Твоимъ свѣтомъ, вразумляй Твоимъ словомъ, руководи Твоею премудростію. Духъ смиренномудрія даруй намъ, *да низлагаетъ онъ въ насъ всякое возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. X. 4. 5.). Да познаемъ, какъ недостаточна и ненадежна мудрость міра, которая заботится украсить умъ, но не улучшаетъ сердца, которая богата мыслями и словами, но скудна дѣлами, которая легко все судитъ и осуждаетъ, но никого спасти не можетъ. Тебе да исповѣдуемъ, Тебѣ да послѣдуемъ, Твоимъ спасительнымъ дѣламъ да чудимся, Тебе да прославляемъ, Христе, Божія Сила и Божія Премудрость! Аминь.

10. СЛОВО

Въ недѣлю первоюнадесять по Пятдесятницѣ, и въ день коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное Августа 22 дня 1837 года.

Не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ? Матѳ. XVIII. 33.

Евангельское чтеніе настоящаго воскреснаго дня назначаетъ предметомъ настоящаго слова ученіе о прощеніи согрѣшающихъ. Сіе не будетъ неблаговременно и для особеннаго настоящаго торжества о Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Нашемъ, Богомъ вѣнчанномъ и священнопомазанномъ. Святое ученіе кстати встрѣчается съ достойнымъ себя примѣромъ, и назидательныя размышленія облегчаются пріятными воспоминаніями вѣрноподданнической любви.

Сколько въ обширной державѣ Благочестивѣйшаго Императора Нашего людей, которые предъ Его правосудіемъ были въ долгу, иногда и очень тяжкомъ, но которыхъ судьба можетъ быть изображена сею Евангельскою чертою: *милосердовавъ же господь раба того, прости его, и долгъ отпусти ему!* Сколько, слѣдственно, такихъ, которыхъ Онъ сильнымъ примѣромъ собственнаго милосердія можетъ учить милосердію къ согрѣшающимъ: *не подобаетъ ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ?*

Можно ли не воспомянуть теперь, что и Первородный Сынъ Благочестивѣйшаго Государя нашего, вступая съ возрастомъ въ неотсрочное наслѣдіе Родительскихъ добродѣтелей, одно изъ раннихъ движеній наслѣдственной благости явилъ въ сострадательномъ вниманіи къ судьбѣ должниковъ правосудія, и въ ходатайствѣ предъ Августѣйшимъ Родителемъ о ея облегченіи, какое только возможно милосердію безъ оскорбленія правосудія; и что милосердіе Царя съ радостію отозвалось милосердію Сына Царева?

И такъ возвратимся къ Евангелію, и возмемъ оттуда побужденіе и способъ перенести и въ наши домы и въ наши сердца—добродѣтель, столь свѣтло сіяющую предъ нами на престолѣ.

Чтобы ученіе о прощеніи согрѣшающимъ соединить съ побужденіемъ къ исполненію онаго, Божественный Учитель нашъ предлагаетъ оное въ поразительной притчѣ.

Царь требуетъ отчета отъ подданныхъ, у которыхъ было въ рукахъ множество богатства, ему принадлежащаго. Приводятъ одного, который долженъ ему десятью тысячами талантовъ, то есть, долгомъ, для подданнаго неоплатнымъ, и который за то, по законамъ царства, долженъ быть проданъ съ женою и дѣтьми. Несчастный, не зная, что дѣлать, проситъ отсроченія уплаты. Но Царь сжаливается, и совсѣмъ прощаетъ долгъ.

Величественное зрѣлище милосердія! Должникъ не имѣетъ средствъ къ оправданію; законъ осуждаетъ его; царь имѣетъ всю власть исполнить осужденіе; повинный не почитаетъ возможнымъ просить, чтобы долгъ былъ прощенъ, а развѣ только отсроченъ: и внезапно—долгъ прощенъ. Это такъ прекрасно, что, если бы Господь, не продолжая рѣчи, сказалъ, какъ нѣкогда въ другой притчѣ: *иди, и ты твори такожде* (Лук. X. 37.), сердцу неокаменѣлому надлежало бы тотчасъ отвѣчать: пойдемъ, исполнимъ.

Но Господь не благоизволилъ остановиться; показавъ, какъ прекрасна добродѣтель, Онъ провидѣлъ, что не всѣ плѣнятся ея красотою; и признавъ нужнымъ показать безобразную противоположность. Притча продолжается.

Прощенный должникъ встрѣчаетъ своего должника, одного изъ своихъ клевретовъ, подданныхъ того же царя. Долгъ маловаженъ: только сто пѣнязей. Однако прощенный заимодавецъ взыскиваетъ съ своего должника строже, нежели Царь заимодавецъ: *емъ его давляше.* Слышитъ ту же мольбу, которую самъ приносилъ царю: *потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти:* но не воспоминаетъ прошедшаго, не трогается настоящимъ, и бросаетъ своего должника въ темницу.

Какая неумѣстная жестокость! Самъ прощенъ: а простить не хочетъ. Самъ просилъ отсроченія уплаты невозможной: а не хочетъ отсрочить возможной. Если

предъидущая часть притчи сильно побуждаетъ къ тому, чтобы простить; то сія вторая часть еще сильнѣе отражаетъ самую мысль о томъ, чтобы не простить.

Третья часть притчи показываетъ послѣдствіе жестокости, которую оказалъ прощенный непрощающій. Царь узнаетъ объ его поступкахъ; беретъ назадъ свое великодушное прощеніе; и предаетъ его истязателямъ, *дондеже воздастъ весь долгъ свой* — неоплатный.

Не льзя не чувствовать силы сей притчи. Надобно только узнать ея вѣрное приложеніе.

Что значитъ иносказательное лице Царя заимодавца, Господь Самъ истолковалъ въ заключеніи притчи: *тако и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ.* И такъ Царь заимодавецъ есть Отецъ небесный. Чрезъ сіе опредѣляется значеніе всѣхъ частей притчи.

Что же далъ намъ въ долгъ Отецъ небесный?—О, какъ много! Больше, нежели тысячи талантовъ! Далъ Онъ намъ бытіе и жизнь, тѣло и душу, разумъ, сердце и чувства; далъ землю подъ ноги наши, прекрасный шатеръ неба надъ главы наши: далъ солнце нашему зрѣнію и жизни, воздухъ нашему дыханію; далъ животныхъ во власть нашу, и многоразличныя произведенія земли для нашихъ нуждъ и удовольствій, для пищи, для одежды, для жилища, для упражненія нашей дѣятельности къ произведенію полезнаго и пріятнаго. Скажетъ ли кто при семъ, что слишкомъ гордо думать, будто для насъ и земля, и солнце, и небо; таковому отвѣтствую: если ты думаешь о семъ гордо, совѣтую тебѣ отложить свою гордость, и думать о семъ смиренно и благородно предъ благодѣтелемъ Богомъ, а не думать, будто мысль, злоупотребленная гордостію, потому самому перестаетъ быть истинною. Скажешь ли еще, что землею, солнцемъ и небомъ пользуешься не ты одинъ, и не только всѣ человѣки, но и безчисленное множество другихъ тварей Божіихъ; отвѣтствую: что до того? Тѣмъ болѣе чудно, тѣмъ болѣе необъятно богатство Божіе, что, хотя имъ пользуются безчисленныя существа, но и ты пользуешься имъ такъ, что оно совершенно для тебя приготовлено, и къ твоимъ потребностямъ приспособлено. Найди способъ обойтись безъ земли, солнца и неба, — и тогда не почитай себя за нихъ должникомъ предъ Богомъ: а если сего не можешь сдѣлать, то признай, что каждый лучь солнца, который тебя освѣщаетъ или согрѣваетъ, каждая капля воздуха, которую ты бережешь себѣ дыханіемъ, есть твой новый заемъ изъ сокровищъ Божіихъ, — заемъ, всегда продолжаемый, ежемгновенно возобновляемый, и слѣдственно, всегда неоплатный. Но изъ однихъ ли сокровищъ творенія занимаемъ мы у Творца? Какъ щедро даруетъ намъ еще Всеблагій Промыслитель изъ сокровищъ Своего провидѣнія, — ежемгновенное храненіе нашихъ силъ и способностей, помощь и содѣйствіе во всемъ благомъ, средства и пособія къ жизни благоустроенной и благополучной, добрыхъ и любящихъ родителей, благоразумныхъ воспитателей, праведнаго и благодѣтельнаго Царя, безопасность общественную, успѣхи въ начинаніяхъ, невидимо устрояемое избавленіе отъ бѣдъ, когда очевидно *суетно спасеніе человѣческо* (Псал. LIX. 14.)! Что сказать о важнѣйшемъ еще, и еще болѣе неоцѣнимомъ заимодательствѣ Божіемъ изъ сокровищъ благодати? Намъ грѣшникамъ, омраченнымъ, погибшимъ, даровалъ Господь свѣтъ вѣры, надежду спасенія, смертію Сына Своего Единороднаго заплатилъ за искупленіе насъ отъ вѣчной смерти, которой мы предали себя грѣхомъ; какъ залогъ, какъ начатокъ, какъ напутствіе жизни вѣчной и блаженной, далъ намъ Духа Своего Святаго, крещеніе возрожденія, нетлѣнную пищу тѣла и крови Христовой. О, если бы мы были вѣчными должниками Божіими потому только, что благодѣянія Божіи къ намъ безчисленны и вѣчны!

Но это еще не все. Есть новые долги наши предъ Богомъ, которые болѣзненно насъ тяготятъ, и глубоко унижаютъ,— долги, происходящіе и возрастающіе отъ того, что мы и заимоданное намъ во зло употребляемъ, и возможнаго съ нашей стороны Великому Заимодателю, или, по Его порученію, клевретамъ нашимъ, не воздаемъ. Всегда ли вѣрно воздаемъ мы Богу славу, благодарность, молитву, ближнему

любовь, бѣдствующему состраданіе, бѣдному возможную помощь? Тщательно ли употребляемъ мы въ оборотъ заимоданные намъ таланты,—время всегда ли на занятія полезныя, или, по крайней мѣрѣ, невинныя, разумъ всегда ли для истины, сердце всегда ли на движенія къ добру, чувства всегда ли на подвиги умѣренности, воздержанія и чистоты? Можемъ ли похвалиться, что удовлетворяемъ въ сихъ отношеніяхъ своему долгу? *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица* (Дан. IX. 7.)!

Послѣ сего, братія, усмиренный, какъ думаю, взоръ нашъ обратимъ на то, что притча Господня оцѣниваетъ маловажною цѣною *ста пенязей*,—на долги ближнихъ нашихъ предъ нами, на ихъ согрѣшенія противъ насъ, на несправедливости, или оскорбленія, нами отъ нихъ претерпѣваемыя. Какъ малыми, какъ ничтожными являются всѣ долги сего рода, когда имѣемъ въ виду наши собственные долги предъ Вседержителемъ! Небережно коснулся кто нибудь нашей чести: можно вовсе не замѣтить сего, если мы заняты справедливо заботливою мыслію о томъ, какъ часто мы не воздаемъ должной чести и славы великому и всеблагому Богу. Кто нибудь несправедливъ противъ насъ: не трудно стерпѣть и простить, если разсуждаемъ, что попустилъ сіе Богъ, предъ Которымъ мы такъ часто, такъ тяжко неправы. Тому, кто не забываетъ, что по безконечному только милосердію не низверженъ онъ въ вѣчную темницу, трудно забыться до того, чтобы до узъ и темницы преслѣдовать ближняго безъ необходимости, за оскорбленное своекорыстіе или самолюбіе.

Но если, къ стыду нашему, Христіане, мы забываемся, и помилованные не милуемъ, и прощаемые не прощаемъ: то поспѣшимъ напомнить себѣ, что Царь небесный видитъ; что ближайшій къ намъ клеветръ, отъ котораго не льзя утаиться, наша совѣсть, противъ насъ предъ Нимъ свидѣтельствуетъ и будетъ свидѣтельствовать; что придетъ наконецъ день, когда и Долготерпѣливый *путесотворитъ стези гнѣву Своему* (Псал. XXVII. 50.), то есть, правосудію; что упрекъ небеснаго Судіи, который слышимъ заранѣе, и который еще можемъ обратить себѣ въ орудіе исправленія и спасенія, тогда уже неисцѣльно пройдетъ душу нашу, какъ оружіе суда и наказанія: *не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ?*

Для заключенія сего слова надобно вполнѣ выслушать заключеніе притчи Господней: *тако и Отецъ Мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ согрѣшенія ихъ. Отъ сердецъ вашихъ:* въ семъ заключается духъ ученія о прощеніи согрѣшающимъ, и разрѣшеніе могущихъ встрѣтиться недоразумѣній. Прости отъ сердца: не наружно только, и не лицемѣрно. Прости отъ сердца: и все сдѣлано, хотя бы потомъ потребовались отъ тебя внѣшнія дѣйствія, выражающія, по видимому, не прощеніе, а взысканіе. Должника не бѣднаго, а лукаваго, можно и въ темницу всадить въ духѣ помилованія, какъ будто въ больницу для излеченія его отъ язвы лукавства. Царь или судія также не нарушаетъ заповѣди о прощеніи согрѣшающимъ, когда опредѣляютъ наказаніе виновному, не мстя ему, но исправляя его, и предохраняя невинныхъ отъ его преступленій. Такъ добрая мать плачетъ, и беретъ розгу на упрямое дитя: безъ сомнѣнія, въ сіе время она не мститъ, а разумно любитъ. Прощай согрѣшающему отъ сердца, съ любовію: а между тѣмъ, если можешь и долженъ, исправляй его съ благоразуміемъ и также съ любовію. Аминь.

---

11. СЛОВО

Въ недѣлю вторую по двадцать по Пятдесятницѣ.

И се единъ нѣкій приступль, рече Ему: учителю благій, что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный. Матѳ. XIX. 16.

Имѣть животъ вѣчный, наслѣдовать безсмертную и блаженную жизнь на небесахъ, конечно лучше, нежели получить, какое бы то ни было, сокровище или преимущество на земли. По сему никто не

долженъ быть равнодушенъ къ вопросу: какимъ бы образомъ вѣрнѣе и удобнѣе достигнуть вѣчнаго живота; особенно, когда видимъ, что къ сей цѣли многіе идутъ разными путями, а кто лучше достигаетъ ея, не легко усмотрѣть, потому что сіе открывается совершенно, только за предѣлами видимаго.

И такъ не напрасно приходитъ на помощь сей заботѣ Евангеліе. Въ немъ слышали мы нынѣ и этотъ занимательный вопросъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* и отвѣтъ на него, сколько достойный вниманія по предмету, столько же достойный довѣрія, по лицу Отвѣтствователя, Который не съ удовольствіемъ принялъ наименованіе *Учителя благаго*, произнесенное въ смыслѣ обыкновенной ласки, но Которому подобаетъ сіе наименованіе въ высокомъ смыслѣ Его собственнаго изреченія: *никто же благъ, токмо единъ Богъ.*

Какой же это отвѣтъ?—*Аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди.*

Опасаюсь, что сей краткій и простый отвѣтъ не успокоитъ многихъ испытателей, какъ онъ не успокоилъ *единаго нѣкоего*, вопрошателя Евангельскаго.

Соблюди заповѣди! — Только?—скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые. Для вопроса, столь не объятно великаго, и для любомудрыхъ труднаго, какое малое, и даже для дѣтей не новое, разрѣшеніе! Можетъ быть, въ слѣдъ за Евангельскимъ вопрошателемъ, предложатъ и сіе возраженіе: *вся сія сохранихъ отъ юности моея*, но притомъ чувствую, что *еще не докончалъ*, не довольно приготовилъ себя къ вѣчной жизни.

Такія помышленія располагаютъ къ особенному размышленію о важности, значеніи и употребленіи правила: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди.*

Если царь издалъ законъ: не должны ли всѣ подданные исполнять оный въ точности? Поелику въ неисполненіи царскаго закона заключается противленіе царской власти, оскорбленіе царскому величеству, вредъ обществу, для блага котораго законъ постановленъ, и самому нарушителю закона, полезнаго для всѣхъ и каждаго. Притомъ власть, которая нашла нужнымъ постановить законъ, находится въ необходимости поддерживать его въ исполненіи, а слѣдственно и наказывать нарушителей онаго. Что сказать о *заповѣдяхъ* Божіихъ, о сихъ законахъ Царя царствующихъ? Колико еще выше и сильнѣе здѣсь долгъ, и благоговѣнія къ Законодателю, и повиновенія закону! Колико еще большій предстоитъ страхъ вреда отъ нарушенія закона, и праведнаго за то наказанія!

Добрый подданный, которому сказалъ бы кто нибудь: исполняй царскіе законы, позволилъ ли бы себѣ дать на сіе такой отзывъ, что это совѣтъ не очень важный? Кольми паче ты, сынъ царствія Божія, или желающій быть таковымъ, когда слышишь наставленіе: *соблюди заповѣди* Божіи, дерзнешь ли помыслить, что это наставленіе не высокой важности?

Если *Учитель благій*, или точнѣе, самоблагій, Который есть самая премудрость Божія, даетъ тебѣ наставленіе: *соблюди заповѣди*: что можетъ быть вѣрнѣе сего наставленія? Если Онъ сіе наставленіе соединяетъ съ условіемъ: *аще хощеши внити въ животъ*; и слѣдовательно въ соблюденіи заповѣдей указуетъ тебѣ путь къ вѣчной, блаженной жизни: что можетъ быть важнѣе сего наставленія?

Если сіе наставленіе кажется тебѣ малымъ: вспомни, что сказалъ Господъ о малыхъ заповѣдяхъ: *иже аще разорить едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. V. 19.). А что значитъ: *мній во царствіи небеснѣмъ?* изъяснитъ намъ сіе святый Златоустъ. *Егда*, говоритъ, *слышиши меньшаго во царствіи небеснѣмъ, ничто же ино разумѣй, развѣ геенну и муку: царство бо Онъ не наслажденіе вѣсть нарицати токмо, но и время воскресенія, и пришествіе оно страшное.— Во оно время мній будетъ, сіе-есть, отверженный, послѣдній. Послѣдній же всячески въ геенну впадетъ тогда* (Бесѣд. 16 на Матѳ.). Если такимъ образомъ нарушеніе малой заповѣди низводитъ до геенны: то, напротивъ, соблюденіе малой заповѣди и малаго наставленія предохраняетъ отъ геенны. И малаго ли вни-

манія достойно то, что предохраняетъ отъ безмѣрныхъ и безконечныхъ золъ?

Просты заповѣди, которыя Господь предложилъ, какъ средство для достиженія вѣчной жизни: *не убіеши, не прелюбы сотворши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, чти отца и матерь, и возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе.* Подлинно, и дѣтямъ, по устроенію Отца свѣтовъ, не неизвѣстно сіе ученіе. Чтожъ? Менѣе ли потому оно важно? Не тѣмъ ли паче и премудро, и сильно? Сколько мудрецы міра мучили и мучатъ себя и другихъ, изслѣдованіями о блаженной жизни! Кого научили они жить? Кого сдѣлали блаженнымъ? Ихъ ученіе конечно не для дѣтскаго разумѣнія и дѣятельности: потому что ихъ собственное разумѣніе никогда не выходитъ окончательно изъ борьбы съ недоразумѣніями; ихъ собственная дѣятельность не помнитъ ихъ ученія. Вотъ ничтожность важности человѣческой! Напротивъ того, вотъ величіе простоты Божіей: Богъ изрекъ не многія, простыя заповѣди, и въ нихъ преподалъ ученіе жизни, которое и для мудрыхъ глубокознаменательно, и для дѣтей доступно, и невѣдущихъ просвѣщаетъ, и просвѣщенныхъ руководствуетъ, и души человѣческія очищаетъ, и общества человѣческія охраняетъ, и временную жизнь благоустрояетъ, и для вѣчной образуетъ.

Менѣе ли величественно солнце отъ того, что свѣтитъ и долинамъ, какъ горамъ, и хижинамъ, какъ чертогамъ, и насѣкомымъ, какъ планетамъ? Такъ, менѣе ли *заповѣдь Господня свѣтла* отъ того, что *просвѣщаетъ очи* душевныя и дѣтей, какъ отцевъ, *умудряетъ и младенцевъ* (Псал. XVIII. 8. 9.), какъ старцевъ?

Но какое дѣйствительно значеніе въ отношеніи къ жизни вѣчной имѣетъ правило: *соблюди заповѣди*? Евангельскій юноша не обинуясь говорилъ о нихъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Но между тѣмъ конечно не далеко прошелъ онъ по пути къ жизни вѣчной, когда еще и не зналъ его; ибо только незнающему свойственно спрашивать, какъ онъ спрашивалъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Гдѣ же плодъ храненія заповѣдей?—

Въ разсужденіи сего необходимо замѣтить, во-первыхъ, что этотъ человѣкъ напрасно хвалился; онъ не испыталъ глубины своего сердца, и сказалъ неправду, когда сказалъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Уличить его не трудно. Если бы онъ подлинно сохранилъ заповѣдь: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе:* то ближнему своему желалъ бы довольства и обилія столько же, сколько самому себѣ, и тогда не трудно было бы ему раздѣлить свои стяжанія съ нищими. Но онъ не могъ принудить себя къ тому, и отъ Учителя вѣчной жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ пути вѣчной жизни, *отъиде скорбя: бѣ бо имѣя стяженія многа.* Итакъ, если онъ не далеко прошелъ по пути къ вѣчной жизни: то потому, что не далеко прошелъ по пути заповѣдей. Не заповѣди были для него безплодны; но онъ не довольно трудился, чтобы воздѣлать и собрать плодъ.

Во-вторыхъ, истинный разумъ Господня изреченія: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди,* надлежитъ опредѣлить строгою точностію его выраженій. Не сказалъ Онъ: исполни заповѣди; поелику видѣлъ, что для сего не достало бы силъ человѣческой природы, которая отъ прародителей повреждена грѣхомъ и которой *прилѣжитъ помышленіе прилѣжно на злая отъ юности* (Быт. VIII. 21.). Но сказалъ: *соблюди заповѣди,* то есть, не теряй ихъ изъ вида, не оставляй безъ вниманія, имѣй всегда предъ очами, сообразуй съ ними свои дѣйствія, сколько разумѣешь, и сколько можешь. Не сказалъ также: соблюди заповѣди, и внидешь въ животъ; ибо вѣдалъ, что человѣкъ не достигнетъ жизни вѣчной однимъ соблюденіемъ заповѣдей, которыхъ не можетъ исполнить въ совершенствѣ. Но сказалъ: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди;* то есть, желающему достигнуть вѣчной жизни нужно начать и продолжать сіе дѣло соблюденіемъ заповѣдей, хотя впрочемъ не одно сіе нужно, и не симъ однимъ совершится сіе дѣло.

Въ чемъ же долженъ состоять плодъ соблюденія заповѣдей?—Въ томъ, что поколику соблюдаешь ихъ, и, по возможности, дѣйствительно исполняешь; потолику

очищаешь себя отъ всякія скверны плоти и духа, и уготовляешь себя къ принятію Божіей благодати: а поколику на пути заповѣдей изнемогаешь, претыкаешься, падаешь въ мертвенное состояніе грѣха, потолику испытываешь свою немощь, смиряешь свой помыслъ, ощущаешь потребность искупленія отъ грѣховъ, и вышней помощи къ благодѣланію, побуждаешься прибѣгнуть отъ закона къ благодати: глубоко и внутренно познаешь достоинство и силу заслугъ и благодѣяній Іисуса Христа, Его страданія и смерти, для насъ умилостивительной и очистительной отъ грѣховъ, Его воскресенія, для насъ жизнеподательнаго, прилѣпляешься къ Нему вѣрою, надеждою, любовію, благодарностію, желаніемъ послѣдовать Его ученію и примѣру. Къ сему точно хощетъ вести посредствомъ заповѣдей Господь нашъ, когда послѣ начальнаго наставленія: *соблюди заповѣди*, предлагаетъ другое совершительное: *гряди въ слѣдъ Мене*. Ибо и сіе послѣднее, такъ же какъ первое, относится не къ одному Евангельскому юношѣ, но ко всякому, кто *хощетъ внити въ животъ*. Частно же къ нему относился только совѣтъ, долженствовавшій очистить его сердце отъ усмотрѣнной въ немъ Сердцевѣдцемъ страсти къ богатству: *продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ*.

Изъ сего явствуетъ, что правило: *соблюди заповѣди*, имѣетъ значеніе средства не единственнаго и окончательно достаточнаго, впрочемъ существенно нужнаго и дѣйствительнаго для пріобрѣтенія вѣчнаго спасенія.

Послѣ сего не безъ особенной заботы должно спросить: употребляемъ ли мы сіе средство соотвѣтственно потребности его и достоинству? Знаю, что истинно подвизающимся въ дѣланіи по заповѣдямъ, смиреніе не позволитъ похвалиться: *вся сія сохранихъ отъ юности моея*. Но не много ли и такихъ, которымъ возбранитъ сіе обличающая совѣсть? Не видимъ ли нерѣдко, что заповѣди Божіи нарушаются безмѣстнѣе и дерзновеннѣе, нежели человѣческіе законы? Говоря сіе, не виновность противъ законовъ облегчаю, но тяжесть виновности противъ заповѣдей Божіихъ взвѣшиваю. Помышляютъ ли нерадящіе, что значитъ ихъ нерадѣніе? Если вѣрный во словесѣхъ, и неизмѣнный въ обѣтованіяхъ Своихъ Господь желаніе и надежду вѣчнаго живота связалъ съ соблюденіемъ заповѣдей: то не хотѣть соблюдать заповѣди не значитъ ли не хотѣть внити въ животъ?

Если ты не думаешь обманывать себя безплоднымъ желаніемъ и неосновательною надеждою, а искренно *хощеши внити въ животъ*: то также искренно и дѣятельно *соблюди заповѣди*. О всякомъ дѣлѣ, предпріемлемомъ, не спрашивай прежде, будетъ ли оно пріятно, выгодно, безопасно, похвально предъ людьми; но прежде и паче всего испытывай, будетъ ли оно угодно Богу, не будетъ ли противно Его заповѣдямъ. По всякомъ дѣлѣ, сдѣланномъ, не хвали себя въ похотѣхъ души твоея, но испытывай вновь, не нарушена ли въ немъ какая заповѣдь Божія, и усѣхъ восписуй содѣйствующей и покрывающей благодати, а въ претыканіяхъ и паденіяхъ съ покаяніемъ и вѣрою взывай къ благодати милующей и возставляющей, и съ новою бдительностію поставляй твою совѣсть на стражу храненія заповѣдей, да возможешь наконецъ со дерзновеніемъ вѣры рещи Господу: *се возжелахъ заповѣди Твои; въ правдѣ Твоей живи мя* (Псал. CXVIII. 40.); и будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей, и по вѣрности твоей. Аминь.

12. СЛОВО

Въ недѣлю вторую по Пятдесятницѣ.

Слышавъ же юноша слово, отъиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа. Матѳ. XIX. 22.

Какой это несчастный человѣкъ! Только приблизился ко Христу Спасителю; и уже удаляется отъ Него. Услышалъ Его Божественное слово; и отходитъ съ печалію. Съ печалію отходитъ отъ Того, Который есть *утѣха Израилева* (Лук. II. 25.), и радость неба и земли. Если отъ Христа отходитъ онъ съ печалію: то гдѣ же най-

детъ онъ утѣшеніе? Что за несчастіе? Что за странность? Отъ чего это?

Причина сей несчастной странности многимъ не показалась бы дѣломъ важнымъ, если бы не открывались ея послѣдствія, которыхъ не льзя почесть маловажными. Это—пристрастіе къ земнымъ вещамъ. *Бѣ бо имѣя стяжанія многа.*

И такъ Евангеліе хочетъ вразумить насъ о вредныхъ и опасныхъ послѣдствіяхъ пристрастія къ земнымъ вещамъ. Примемъ сіе вразумленіе со вниманіемъ, и вразумимъ, по возможности, сами себя размышленіемъ.

Пристрастіе къ земнымъ вещамъ бываетъ въ человѣкахъ не одного рода, и не одной степени. Особенно различить должно пристрастіе къ вещамъ земнымъ грубое, явно безпорядочное и беззаконное, отъ пристрастія тонкаго, не всегда примѣтнаго, иногда благовиднаго.

Пристрастенъ кто нибудь къ богатству, и для удовлетворенія сему пристрастію употребляетъ обманъ или хищеніе; пристрастенъ кто нибудь къ удовольствіямъ тѣлесныхъ чувствъ, и для удовлетворенія своему пристрастію предается объяденію, или піянству, или еще болѣе низкимъ порокамъ; истощаетъ стяжаніе свое, чтобы наполнить чрево свое; простираетъ свою жадность и невоздержаніе до неприличія, до безобразія, до болѣзней, и самыми болѣзнями не вразумляется обратиться къ воздержанію:—такія пристрастія, и дѣйствія ихъ, столь очевидно безпорядочны и беззаконы, и послѣдствія сихъ пристрастій столь очевидно вредны въ отношеніи ко временной и вѣчной жизни, что сего почти не нужно доказывать и указывать человѣку, котораго умъ не омраченъ таковыми пристрастіями, котораго сердце не погрязло въ тинѣ скотскихъ наслажденій. Пожелалъ ли бы добрый и благородно мыслящій хозяинъ, чтобы хищникъ поселился у него въ домѣ, чтобы ненасытимый и нечистый ядца сидѣлъ за его столомъ, чтобы неистовый отъ вина входилъ въ его бесѣду? Что же сказать о Всевышнемъ Домовладыкѣ, и чистыхъ обитателяхъ небесныхъ обителей? Возможно ли, чтобы въ ихъ обители допущены были души съ такими склонностями и привычками, по которымъ, во время пребыванія ихъ въ тѣлахъ, для другихъ, еще не совсѣмъ очищенныхъ, только менѣе нечистыхъ человѣковъ, онѣ были отвратительны и нестерпимы? *Внѣ псы и чародѣи, и любодѣи и убійцы, и идолослужители, и всякъ любяй и творяй лжу* (Апок. XXII. 15.). *Ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI. 10.).

Есть земныя пристрастія, не столь грубыя, однако вредныя для ищущихъ Царствія небеснаго; и тѣмъ болѣе опасныя, чѣмъ менѣе ихъ опасаются. Сіе долженъ объяснить показанный намъ въ Евангеліи примѣръ человѣка, пристрастнаго къ имѣнію.

Онъ приступилъ къ Іисусу Христу съ важнымъ вопросомъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Посему можно примѣтить, что это былъ человѣкъ не легкомысленный, и не суетою только занимающійся. Сего юношу не стыдно поставить предъ лицемъ старцевъ; на сего Израильтянина можно съ уваженіемъ указать Христіанамъ. Всѣхъ ли насъ паче всего, и чаще всего занимаетъ сей важный вопросъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Не проводитъ ли иной дня въ заботѣ, и ночи въ безсонницѣ, надъ пустыми вопросами: какъ бы сдѣлаться богатѣе? Или, какъ бы выше и виднѣе другихъ занять мѣсто въ обществѣ? Между тѣмъ какъ едва ли кто нибудь изъ насъ не знаетъ, что Евангеліе возвѣщаетъ горе богатымъ, и первымъ угрожаетъ жребіемъ послѣднихъ. Если въ такомъ состояніи душа твоя, христіанинъ: то сказываю тебѣ, что она, кромѣ благодати святаго крещенія, еще въ низшемъ духовномъ состояніи находится, нежели душа сего Израильтянина, коей жалкое состояніе обнаружилось внезапнымъ удаленіемъ отъ Христа.

Когда Іисусъ Христосъ вопрошающему о средствахъ достигнуть вѣчной жизни, отвѣтствовалъ, что для сего надлежитъ соблюдать заповѣди, не убивать, не прелюбодѣйствовать, не красть, не лжесвидѣтельствовать, почитать отца и мать, любить ближняго, какъ самого себя: тогда не обинуясь *глагола Ему юноша: вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Въ то время, когда человѣкъ ищетъ себѣ наставленія для вѣчной жизни, трудно подозрѣвать его въ

вознамѣренномъ лицемѣрномъ самохвальствѣ предъ своимъ наставникомъ: ибо въ семъ случаѣ онъ обманывалъ бы только самого себя, и, скрывая отъ наставника истинное состояніе своей души, тѣмъ самымъ лишалъ бы себя наставленія, сему состоянію приличнаго. И такъ должно думать, что Евангельскій юноша не противъ совѣсти объявилъ себя сохранившимъ заповѣди отъ юности своей: хотя впрочемъ можно, и должно примѣтить, что зеркало совѣсти его, неочищенное и непросвѣтленное благодатію Христовою, не довольно чисто и вѣрно представляло ему духовный видъ и достоинство его дѣяній. Если отъ Израильтянина не требовать болѣе, нежели чего надлежитъ отъ него требовать, по состоянію Израильтянина: то сей Израильтянинъ опять является довольно хорошимъ; и я опять опасаюсь, что не каждый изъ насъ, Христіане, выдержитъ съ нимъ сравненіе въ добродѣтели.

Сохранилъ ли ты, Христіанинъ, тѣ заповѣди, которыя сохранилъ сей Израильтянинъ? А тебѣ легче было, нежели ему, сохранить оныя, и не сравненно болѣе можно и должно было сдѣлать добра, при помощи благодати Христовой, данной тебѣ во святомъ крещеніи, щедро умножаемой, и удобно возобновляемой, другими Христіанскими таинствами.

Послушаемъ еще Израильтянина.—*Вся сія сохранихъ отъ юности моея; что есмь еще не докончалъ?* — Какой опять благоразумный вопросъ! Какъ обыкновенный ученикъ писмени закона, смотря на дѣла свои со внѣшней ихъ стороны, онъ почитаетъ себя исполнившимъ заповѣди: однако потому еще не почитаетъ себя заслужившимъ жизнь вѣчную; не думаетъ, чтобы удаленіе отъ грубыхъ грѣховъ и преступленій можно было поставить въ столь высокую цѣну предъ Богомъ, но предполагаетъ, что для приближенія къ Богу, для достиженія Царствія Его, нуженъ какой нибудь подвигъ, болѣе возвышенный, болѣе достойный величія Божія. Не видите ли, что тутъ есть нѣкоторое смиреніе, и нѣкоторое предчувствіе духовнаго закона? Сіи добрыя расположенія душевныя привели сего Израильтянина ко Христу; поставили его во дверяхъ благодати; открыли предъ нимъ путь не только спасенія отъ вѣчной смерти, но и путь совершенства, ведущій къ вѣчной жизни, и къ высшимъ степенямъ блаженства: ибо Господь точно нашелъ его способнымъ къ тому, чтобы преподать ему ученіе совершенства: *аще хощеши совершенъ быти.*

Что жъ подлинно *не докончалъ* онъ?— Спрошу и я вмѣстѣ съ нимъ. Желаніе и дѣятельное исканіе вѣчной жизни, исполненіе заповѣдей, смиреніе, стремленіе къ усовершенію въ добрѣ: — какъ уже тутъ много добраго! Чего еще не достаетъ? И если подлинно чего нибудь не достаетъ: то, кажется, сіе остальное, или не очень нужно; или удобно можетъ само собою произрасти отъ столь обильныхъ сѣменъ добра. Такъ могли бы мы подумать: и много бы погрѣшили. Могутъ и многія сѣмена добра остаться безъ плода, отъ одного только недостатка; могутъ многіе подвиги не достигнуть цѣли, отъ одного только препятствія. Бѣдный Израильтянинъ умѣлъ почувствовать, что *не докончалъ:* но докончить не умѣлъ.

Иди,—сказалъ ему обрѣтенный имъ благій Учитель,— *продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ.* Отъ сего ученія о совершенствѣ вдругъ все измѣнилось въ непостоянномъ ученикѣ. Гдѣ прежняя довѣренность къ Учителю благому? Гдѣ желаніе живота вѣчнаго? Гдѣ отъ юности пріобрѣтенный навыкъ исполнять познанныя заповѣди? Гдѣ ревность о докончаніи подвиговъ, потребныхъ для вѣчной жизни? Все скрылось; все исчезло: я вижу только внезапное бѣгство; *отъиде.* Тщетно благій, воистину, Учитель, словомъ истины нанесши страсти богатолюбца врачебную и спасительную рану, поспѣшаетъ утолить боль ея словомъ утѣшенія: *и имѣти имаши сокровище на небеси;* то есть, я не отнимаю у тебя имѣнія, а только переношу оное въ самое безопасное мѣсто, на небеса; не разоряю тебя, но предохраняю отъ разоренія, перемѣняю сокровище тлѣнное на нетлѣнное, проживаемое на истощаемое: крадомое и отъемлемое на некрадомое и неотъемлемое. Пристрастная къ земному душа не пріемлетъ утѣшенія небеснаго: *отъиде скорбя.* Тщетно провидѣвшій сіе Господь привлекаетъ его непосредственно къ Себѣ: *и гряди въ*

слѣдѣ Мене; то есть, предлагаю тебѣ тотъ самый жребій, который я избралъ для самого Себя; можетъ ли это быть худой жребій? Если ты, привыкши почитать себя счастливымъ съ имѣніемъ, не знаешь, какъ быть довольнымъ безъ имѣнія, ты удобно сему научишься изъ примѣра, слова и опыта, слѣдуя за Мною. Сила слова и любви Христовой, примѣтно, проникала въ сердце юноши; ему тяжко было разстаться съ такимъ Учителемъ, не послѣдовать такому наставленію: однако жъ онъ не имѣлъ довольно рѣшительности побѣдить свою страсть, и потому она увлекла его. *Отиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжаніямногa.* Отшелъ онъ отъ Христа, можетъ быть, для того, чтобы никогда уже не возвратиться къ Нему: ибо если, находясь у самаго Источника благодати, онъ не вкусилъ ея; то кто знаетъ, взыщетъ ли его въ удаленіи благодать, имъ оскорбленная и пренебреженная?

Смотрите, братія, и со вниманіемъ примѣчайте, съ заботою и опасеніемъ о вашемъ собственномъ спасеніи примѣчайте, какъ одна страсть въ человѣкѣ можетъ повредить многимъ добродѣтелямъ; какъ пристрастіе къ земнымъ вещамъ отягчаетъ душу, омрачаетъ умъ, связуетъ волю, угашаетъ уже разгорѣвшееся желаніе благъ небесныхъ, удаляетъ отъ благодати, уже обрѣтенной, разрушаетъ надежду вѣчной жизни, но видимому, не безъ труда и благоразумія основанную. Ибо въ Евангеліи дѣло идетъ не просто о какомъ-то князѣ Іудейскомъ, котораго судьба не теперь, и не нами должна рѣшиться; нѣтъ, Евангеліе не разсказываетъ праздныхъ и безполезныхъ повѣстей; дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, пристрастнаго къ имѣнію; и если ты таковъ, то, хотя безъ твоего имѣни, однако и о тебѣ говоритъ Евангельская повѣсть, и тебѣ угрожаетъ, не какою либо маловажною опасностію, но тѣмъ, что твоя страсть можетъ довести тебя до измѣны ученію Христову, и удалить отъ Христа.

Что же дѣлать, скажетъ кто-либо, не ужели всѣмъ бросать имѣніе, и сдѣлаться нищими?—Нѣтъ, опять не о томъ дѣло. Ибо и Христосъ не отъ всякаго требовалъ добровольной нищеты. На примѣръ, сего, видно, не требовано Имъ отъ Іосифа Аримаѳейскаго, *иже и самъ учися у Іисуса,* и безъ сомнѣнія былъ вѣренъ Его ученію, когда рѣшился послужить Его погребенію, не смотря на опасность отъ враговъ Его, и который впрочемъ въ сіе время еще оставался *человѣкомъ богатымъ* (Матѳ. XXVII. 57.).

Итакъ что же дѣлать?

Кто чувствуетъ внутреннее призваніе къ добровольной нищетѣ, а иначе кто, по испытанію и убѣжденію въ семъ призваніи, посвятилъ оной себя обѣтомъ: тотъ да держится нищеты сея, какъ можно, вѣрнѣе, какъ можно, искреннѣе, какъ можно, совершеннѣе. Имѣй то, что имѣть заставляетъ необходимость, и правило твоего званія позволяетъ. Но берегись присвоивать и удерживать что нибудь сверхъ сего; и не позволяй себѣ жаждать большаго. Не прельщай себя мнимымъ снисхожденіемъ сужденія о томъ или другомъ, говоря: это не слишкомъ непозволительно: по сему обольстительному сужденію поступалъ Іуда, когда *ковчежецъ имѣяше, и вмѣстаемая ношаше* (Іоан. XII. 6.). Онъ думалъ, что не слишкомъ непозволительно съ нѣкоторою жаждою желать умноженія денегъ, чтобы отъ избытка удобнѣе было подавать нищимъ; и не примѣтилъ, какъ совсѣмъ забылъ правило Апостольскаго нестяжанія: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ* (Матѳ. X. 9.); и подъ покровомъ нищелюбія восцвиталъ своекорыстіе и злокорыстіе: *тать бѣ.* Не обезпечивай себя и тѣмъ, что ты не какое нибудь большое накопилъ сокровище: не пуды золота надобны, чтобы погрузить твою ладію въ бездну адскую; тридцать сребренниковъ были для сего слишкомъ тяжелы въ рукахъ человѣка, измѣнившаго правилу нестяжанія.

Кто же не обязанъ правиломъ совершеннаго нестяжанія: тотъ, пользуясь богатствомъ, законно пріобрѣтеннымъ, не забывай правила, еще Псалмопѣвцемъ провозглашеннаго всѣмъ богатымъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. LXI. 11). Напоминай себѣ часто, что скорѣе, или медленнѣе, но во всякомъ случаѣ чрезъ не долгое время, или богатство тебя оставитъ, или ты оставишь богатство: и потому обходись съ нимъ, какъ

съ гостемъ, котораго надобно честно принять и честно проводить. *И купующіи, яко не содержащіе, и требующіи міра сего, яко не требующіе* (1 Кор. VII. 30. 31.), учитъ Апостолъ.

Наконецъ, если, не смотря на желаніе поставить себя въ сіе Христіанское равнодушіе къ земнымъ вещамъ, ты не достигаешь сего безпристрастія, сей свободы, сей возвышенности духа; если земныя желанія противъ твоей воли, какъ сѣти, опутываютъ твою душу, и не допускаютъ ее возноситься къ небесному; если заботы любоимѣнія отвлекаютъ тебя отъ дѣлъ благочестія, развлекаютъ мысли и охлаждаютъ чувствованія сердца твоего въ самыхъ упражненіяхъ благочестія, если скупость стѣсняетъ твое сердце, и скорчиваетъ твою руку, когда тебѣ надлежало бы простерть ее для благотворенія: то вновь особеннымъ образомъ указываю тебѣ на Евангельскаго богатолюбца. Это его болѣзнь; и тебѣ показано теперь, какъ она опасна. Итакъ подумай о врачевствахъ, которыя подалъ противъ нея Врачъ душъ и тѣлесъ: *продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ; —гряди въ слѣдъ Мене.* Если ты не умѣешь съ сохраненіемъ имѣнія, сохранить твою душу: то подлинно, не лучше ли уже погубить богатство, нежели, чтобы оно тебя погубило? Если не можешь вдругъ, по крайней мѣрѣ по немногу выпутывай душу твою изъ сѣти пристрастій, дѣйствуя вопреки пристрастіямъ, ее связующимъ. Заставь себя благотворить бѣдному, хотя бы сердце твое не преклонялось къ нему состраданіемъ. Отторгни себя отъ дѣлъ житейскихъ, и хотя съ нѣкоторымъ принужденіемъ, поставь себя на дѣло благочестія, когда того требуетъ долгъ и порядокъ жизни. Богъ узритъ сіи, хотя не совершенныя, однако благопамѣренныя жертвы: и низпослетъ тебѣ мудрость и силу на то, чтобы приносить оныя въ большей чистотѣ и совершенствѣ. Напаче же, если по немощи твоей не достигаешь еще, чтобы непосредственно слѣдовать за Христомъ, по крайней мѣрѣ внимательно и неуклонно взирай во слѣдъ Его; вразумляй себя ученіемъ Его; возбуждай себя примѣромъ Его; молитвою привлекай силу Его; и за симъ путеводительнымъ Свѣтомъ, какъ Израиль за столпомъ огненнымъ, хотя по малу, простирайся дальше и дальше отъ Египта, ближе и ближе къ землѣ обѣтованія,—дальше и дальше отъ порабощенія страстямъ и похотямъ, ближе и ближе къ свободѣ чадъ Божіихъ, и къ житію на земли небесному, къ которому и да приведетъ всѣхъ насъ путями провидѣнія и благодати Своея, насъ ради Обнищавшій, да мы нищетою Его обогатимся, богатый въ милости Христосъ Богъ нашъ, сый благословенъ во вѣки. Аминь.

13. СЛОВО

Въ недѣлю по Воздвиженіи.

Иже бо аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми. Марк. VIII. 38.

Отецъ небесный не судитъ никому, но весь судъ отдалъ Сыну Своему. Смотрите, какъ дивенъ судъ Его. Какъ онъ точенъ и строгъ! Ибо наказаніе съ преступленіемъ измѣряется одною и тою же мѣрою. Если человѣкъ постыдится Христа; — вотъ преступленіе: — и Христосъ постыдится человѣка; — вотъ наказаніе. Но какъ вмѣстѣ и снисходителенъ судъ сей! Сколько дерзновенный рабъ захочетъ унизить предъ очами своими Господа Славы: столько, а не болѣе, Господь Славы хочетъ унизить предъ Собою раба дерзновеннаго. *Иже аще постыдится Мене: — и Сынъ человѣческій постыдится его.*

Но какимъ бы въ семъ случаѣ ни являлся намъ Верховный Судія, строгимъ ли, дабы устрашить насъ, и страхомъ спасти отъ преступленія и осужденія, снисходительнымъ ли, дабы устыдить насъ, и стыдомъ спасительнымъ предупредить стыдъ законопреступный, самое преступленіе, на которое произносится судъ, кажется, можетъ возбудить въ насъ весь ужасъ отвращенія, и все вниманіе осторожности. Какъ? Будутъ люди, которые подумаютъ, что

Сынъ человѣческій и словеса Его, то есть, Хрістосъ и Христіанство, дѣлаютъ имъ стыдъ?—Къ сожалѣнію не возможно въ семъ сомнѣваться. Будетъ то, что предсказываетъ Истина. Всевѣдущій Судія не провозглашалъ бы наказанія, если бы не предвидѣлъ преступленія.

Чтобы нѣкогда Господь нашъ не постыдился насъ, Христіане, нужно намъ, въ предосторожность нашу, внимательно размыслить, что значитъ *постыдиться Сына человѣческаго и словесъ Его*, и какъ можно впасть въ сіе преступленіе.

Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми.

Стыдятся обыкновенно нечистаго, низкаго, презрѣннаго. Какъ же можно постыдиться Іисуса Хріста всечистаго, превознесеннаго, препрославленнаго? Что значитъ въ семъ случаѣ *постыдиться?*

Дабы опредѣлить разумъ сего слова въ устахъ Іисуса Хріста, надлежитъ вспомнить, что предъ тѣмъ говорилъ Онъ о крестѣ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Но что былъ крестъ въ очахъ людей, прежде нежели крестная смерть и воскресеніе Спасителя нашего представили оный и по внутреннему знаменованію, величественнымъ, и чрезъ то купно и по внѣшнему знаменованію священнымъ? Онъ былъ орудіе смерти для осужденныхъ, и между осужденными для рабовъ, или для людей, признаваемыхъ достойными вмѣстѣ и наказанія и поруганія. Посему вѣроятно, что люди, привыкшіе цѣнить вещи цѣною народнаго мнѣнія, услышавъ ученіе о крестѣ, тотчасъ подумали, какъ трудно послѣдовать Учителю, Который готовится и готовитъ ученниковъ своихъ къ такому необыкновенному позору; вѣроятно, что люди отличной образованности и изящнаго вкуса по своему времени, стыдились даже стоять между слушателями такого Учителя, Который преподаетъ столь странное ученіе. На сіи помышленія и чувствованія испытующій сердца Учитель отвѣтствуетъ: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми.* Изъ сего можно заключить, что *стыдиться Сына человѣческаго* опредѣлительно значитъ стыдиться Іисуса Хріста, яко распятаго; и что стыдиться *словесъ* Его значитъ стыдиться ученія о крестѣ. Предостереженіе противъ сего стыда очевидно нужно было для временъ, въ которыя господствовало Іудейство и язычество, и въ которыя для опроверженія Христіанской вѣры, и для осмѣянія Христіанъ, какъ безумныхъ, довольнымъ почитали сказать, что они вѣруютъ въ Распятаго;—какъ безумныхъ, говорю я; ибо точно сіе говоритъ Апостолъ: *слово крестное погибающимъ юродство есть;—мы проповѣдуемъ Хріста распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе* (I Кор. I. 18. 23.); и посему тотъ же Апостолъ, вмѣсто того, чтобы объявить себя пріемлющимъ ученіе Хрістово, вѣрующимъ ему, благоговѣющимъ предъ нимъ, почелъ довольнымъ сказать, что не стыдится онаго: *не стыжуся благовѣствованіемъ Хрістовымъ; сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. I. 16.).

Должно замѣтить, что то же преступленіе, которое Іисусъ Хрістосъ называетъ стыдомъ имени Его и ученія, иначе называетъ Онъ *отверженіемъ Его*, или отреченіемъ отъ Него: *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ.* Стыдиться Хріста есть начало, а отречься отъ Него есть совершеніе одного и того же преступленія. Какъ *сердцемъ вѣруется въ правду; усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. X. 10.): такъ сердцемъ стыдятся Хріста въ осужденіе, чувствуютъ тягость и затрудненіе отъ Его ученія, какъ не сообразнаго съ понятіями гордаго разума, съ похотями плоти, съ обычаями вѣка сего; и въ слѣдствіе таковыхъ внутреннихъ расположеній, устами, дѣлами и всею жизнію отрекаются отъ Него къ погибели.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый благомыслящій христіанинъ чувствуетъ важность сего преступленія, разсматриваемаго во всемъ его пространствѣ: и можетъ быть, нѣкоторые думаютъ, что самая тяжесть онаго из-

бавляетъ ихъ отъ опасенія, чтобы не впасть въ оное. Не удивляюсь, если благонамѣренные, но не опытные въ христіанствѣ, такъ думаютъ. Такъ думалъ Апостолъ Петръ, когда на предсказаніе Іисуса Христа, что всѣ Апостолы соблазнятся о Немъ въ слѣдующую ночь, сказалъ Господу: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогдаже соблазнюся* (Матѳ. XXVI. 33.). И еще на предсказаніе о его троекратномъ отреченіи отъ Христа: *аще ми есть и умрети съ Тобою, не отвергуся Тебе.* Такъ и всѣ Апостолы думали: *такожде и вси ученицы рѣша* (35.). Но извѣстно, что было въ слѣдующую ночь: *тогда ученицы вси оставльше Его, бѣжаша* (56). И Петръ, который менѣе всѣхъ опасался паденія, палъ бѣдственнѣе всѣхъ прочихъ. Отъ чего же сіе случилось? Отъ того наиболѣе, что Петръ не опасался пасть такъ глубоко; а того еще не извѣдалъ, какъ древній человѣкоубійца тростіемъ и изгребіемъ закрываетъ пропасти, чтобы навести на нихъ и низринуть неосторожнаго. Если бы кто изъ явныхъ и сильныхъ враговъ Христовыхъ напалъ на Петра: онъ увидѣлъ бы опасность, и вооружился бы мужественно. Если бы прямо сказали ему: отрекись отъ Христа: онъ ужаснулся бы сего преступленія, и, можетъ быть, подлинно рѣшился бы въ ту же минуту, до смерти стоять въ исповѣданіи осуждаемаго на смерть Іисуса. Вмѣсто того, *приступи къ нему едина рабыня:* чего тутъ опасаться? Она ничего не говоритъ, и вѣроятно, ничего не понимаетъ, ни о вѣрѣ во Христа, ни о исповѣданіи Его; а только любопытствуетъ о томъ, кого видали съ Нимъ вмѣстѣ: *и ты былъ еси со Іисусомъ Галилейскимъ.* Петръ подумалъ, можетъ быть, что не стоитъ труда входить въ разговоръ о Христѣ съ людьми, которые такъ далеки отъ Его таинъ, и что сіе значило бы метать бисеръ предъ свиніями. По видимому, онъ старался только прекратить рѣчь. *Не вѣмъ, что глаголеши*, сказалъ онъ; я тебя не понимаю: и не свѣдалъ, какъ постыдный для Апостола стыдъ Сына человѣческаго прокрался въ сердце Апостола. Нападеніе повторено сильнѣе прежняго: ибо другая рабыня указала его *сущимъ тамо.* Надлежало усилить отпоръ: и Петръ сказалъ *съ клятвою, яко не знаю человѣка.* Такимъ образомъ уклоненіе отъ разговора о Іисусѣ непримѣтно превратилось въ отреченіе отъ Его лица. Еще нападеніе и улика,—и Петръ *начатъ ропотитися и клятися, яко не знаю человѣка,* то есть, всѣми силами отрицаться отъ Него. Сіе нечаянное и глубокое паденіе Петра, горько имъ оплаканное, попущено Провидѣніемъ Божіимъ не для его только испытанія, но и въ наставленіе всѣмъ намъ, Христіане. Онъ преткнулся, дабы мы научились осторожно ступать по пути спасенія. *Мнѣйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X. 12.). Если мы думаемъ, что рѣшились бы пожертвовать жизнію за Христа, когда бы то нужно было: то дабы симъ пріятнымъ увѣреніемъ, подобно Петру, не обмануть самихъ себя, мы должны тщательно смотрѣть за собою, какъ поступаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для непзмѣннаго исповѣданія Христа нужно пожертвовать чѣмъ либо гораздо менѣе важнымъ, нежели жизнь.

Подходитъ рабыня суетныхъ прилчій, и ни на чемъ добромъ не основанныхъ обычаевъ, называемая въ мірѣ образованностію или людкостію (какъ будто безъ нея люди и людьми бы не были, и образа не имѣли), и говоритъ человѣку, желающему быть послѣдователемъ распятаго Іисуса: не ужели подлинно ты хочешь оставить путь столь многихъ людей разумныхъ, разборчивыхъ, сильныхъ, богатыхъ, почитаемыхъ, любезныхъ, которыхъ образъ жизни столько же пріятенъ для нихъ самихъ, столько и всѣми одобряемъ? Не ужели откажешь себѣ въ удовольствіяхъ и нѣкоторыхъ вольностяхъ, которыя почти у всѣхъ почитаются невинными? Не ужели рѣшишься быть страннымъ въ очахъ свѣта и притчею общества? Не ужели будешь мучить себя подвигами, убивать постомъ, изнурять строгостями, которыя въ самыхъ отшельникахъ суть дѣйствіе излишней, можетъ быть, и не разсудительной ревности? До кого изъ желающихъ итти путемъ Христовымъ не доходятъ такія рѣчи? Къ кому не приходятъ иногда такіе помыслы? Что же скажемъ на сіе, Христіане? Кажется, здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы отречься отъ Христа; насъ хотятъ только пристыдить подозрѣніемъ,

не были ль мы со Іисусомъ Галилейскимъ, или не хотимъ ли вмѣсто свѣтскаго вечера, быть съ Нимъ на всенощномъ бдѣніи Его въ саду Геѳсиманскомъ, гдѣ и Самъ Онъ былъ съ тугою и скорбію, съ болѣзненнымъ, хотя притомъ совершенно свободнымъ и охотнымъ пожертвованіемъ Своея воли. Нѣтъ, — говорятъ иные въ тайныхъ помыслахъ, я совсѣмъ не понимаю, что значитъ быть въ саду Геѳсиманскомъ; я знаю, и хочу знать только такое христіанство, которое утѣшаетъ, а не такое, которое учитъ линаться, страдать, и какимъ-то непонятнымъ образомъ умирать самому себѣ: *не вѣмъ, что глаголеши.* Ахъ! Поберегись, желающій спасти душу свою! Если такъ говоришь ты: то уже ты послѣдователь не Іисуса, возставляющаго падшихъ, но Петра падающаго. Если ты сказалъ теперь объ отреченіи отъ міра и отъ самого себя, о участіи въ страданіяхъ Христовыхъ и о крестномъ словѣ: *не вѣмъ, что глаголеши:* можно ли быть увѣрену, что не скажешь вскорѣ о Самомъ Христѣ: *не знаю человѣка?*

Войдемъ въ какое нибудь изъ обыкновенныхъ собраній, въ домѣ или *на преддворіи;* пощемъ христіанъ между сынами вѣка сего; вслушаемся въ разговоры. Тотчасъ услышимъ ласкательство, злорѣчіе, голосъ тщеславія, корысти, смѣхъ легкомыслія, вопли нетерпѣливости, сужденія о всемъ, что знаютъ, и чего не разумѣютъ. Но скоро ли найдемъ бесѣду, и въ бесѣдѣ человѣка, которой бы свободно произносилъ слово, солію мудрости Евангельской растворенное, разсуждалъ съ чадами плоти о душѣ, и сынамъ вѣка сего напоминалъ о вѣчности? Отъ чего же такъ рѣдко говорятъ Христіане языкомъ христіанскимъ?—Они боятся, чтобы ихъ не узнали, какъ христіанъ, и за то не поругались имъ сыны вѣка сего; чтобы имъ не сказали: *бесѣда твоя явѣ тя творитъ.* Итакъ они таятся и молчатъ;—и не примѣчаютъ, что стыдятся Сына человѣческаго, и что ихъ молчаніе иногда довольно внятно говоритъ міру о Іисусѣ: *не знаю человѣка!*

По симъ примѣрамъ каждый можетъ указать самъ себѣ многіе случаи въ жизни, въ которыхъ мы болѣе или менѣе приближаемся къ опасности постыдиться Сына человѣческаго, или совсѣмъ отречься отъ Него. Будь осмотрителенъ, Христіанинъ, старайся благовременно примѣчать, гдѣ врагъ спасенія твоего ставитъ тебѣ ковы на пути послѣдованія Іисусу Христу, дабы или осторожно миновать оные, или мужественно разрушать. Или пусть бы не входилъ Петръ во дворъ Архіереевъ на столь близкую опасность; или вошедши, уже не отступалъ бы такъ далеко назадъ отъ Того, Которому хотѣлъ такъ близко послѣдовать. И ты, Христіанинъ, или не приближайся, если можно, къ людямъ, которые имѣютъ безстыдство стыдить тебя тѣмъ, что составляетъ твою славу: или, если необходимо приблизиться къ нимъ, *глаголи о свидѣніяхъ* Христовыхъ предъ кѣмъ бы то ни было, *и не стыдися.* Не являй своего дѣла благочестія, не провозглашай своего слова о спасеніи, когда не призываетъ тебя къ сему никакая обязанность, и не вызываетъ на то слава твоего Спасителя, чтобы тебѣ не впасть въ лицемѣріе или тщеславіе: но не оставляй Богоугоднаго дѣла потому, что міру кажется оно страннымъ; и когда захотятъ отлучить тебя отъ участія въ скорбяхъ, страданіяхъ и поношеніяхъ распятаго Іисуса, скажи съ благородною твердостію: *знаю человѣка,* и желаю съ Нимъ жить и умереть, чтобъ и по смерти жить съ Нимъ, какъ съ моимъ Спасителемъ и Богомъ. Не постыдись, когда крестомъ Христовымъ хочетъ стыдить тебя *родъ прелюбодѣйный и грѣшный,* да не будешь постыжденъ *предъ Ангелами Святыми, предъ Сыномъ человѣческимъ во славѣ Его, и предъ Отцемъ Его небеснымъ,* но вошедешь во славу Того, Которому подобаетъ слава во вѣки. Аминь.

---

14. СЛОВО

Въ недѣлю двадесять четвертую.

И рече Іисусъ: кто есть коснувыйся Мнѣ? Лук. VIII. 45.

Евангеліе повѣствуетъ, что нѣкогда Іисусъ Христосъ, идя посреди множества на-

рода, получилъ нѣкое *прикосновеніе*, которое заставило Его спросить, кто прикоснулся къ Нему? И когда шедшіе съ Нимъ ученики отвѣтствовали, что сіе прикосновеніе могло быть нечаянное, происходящее отъ тѣсноты, и потому не требующее дальняго изслѣдованія: тогда Онъ присовокупилъ, что то было не простое и обыкновенное прикосновеніе, но такое, при которомъ Онъ ощутилъ силу изъ Него нешедшую: *прикоснуся Мнѣ нѣкто: азъ бо чухъ силу изшедшую изъ Мене.*

Когда при семъ повѣствованіи представляемъ себѣ, что сіе изысканіе дѣлаетъ Іисусъ Хрістосъ, Божія сила и Божія премудрость: отъ удивленія приходитъ желаніе взаимно вопросить Его: не ужели Ты, Господи, сый Божія Премудрость, не вѣдаешь, кто прикоснулся къ Тебѣ? И еще: не ужели Ты, сый Божія Сила, такъ преданъ во власть человѣковъ, что могутъ они почерпать, и, такъ сказать, похищать изъ Тебя сію Божественную силу безъ Твоего свѣдѣнія и соизволенія?

Первый изъ сихъ вопросовъ разрѣшить поможетъ намъ Апостолъ Павелъ, который говоритъ, что *Хрістосъ Іисусъ, иже во образѣ Божій сый не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу,* для Котораго, то есть, быть и почитаться равнымъ Богу не было похищеніе чуждаго достоинства, поелику Онъ есть существенный образъ Божій, что сей Хрістосъ Іисусъ *себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ и образомъ обрѣтеся, яко же человѣкъ* (Филип. II. 6. 7.), то есть, столько же истинно и совершенно воспріялъ на Себя малый и рабскій образъ человѣка, сколько непреложно и неизмѣнно былъ и есть въ Немъ великій и славный образъ Господа и Бога. Въ семъ *умаленіи* Своемъ, или по точнѣйшему преложенію Павлова изреченія, *въ истощаніи* Своемъ, Іисусъ Хрістосъ, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ, *искушенъ бывъ по всяческимъ, по подобію* человѣческихъ недостатковъ и немощей, *разѣ грѣха* (Евр. IV. 15.), который собственно не принадлежитъ къ образу человѣка, но къ образу діавола. И такъ если воспротивившійся Сынъ Божій истощилъ всего Себя; если Онъ искушенъ былъ по всяческимъ по подобію человѣковъ: то не удивительно, что благоволилъ искуситися и тѣмъ, что принялъ на Себя подобіе человѣческаго невѣдѣнія, въ которомъ сокрывалъ свѣтъ Божественной Премудрости, и сквозь которое свѣтъ сей просіявалъ токмо, когда было нужно, для озаренія человѣковъ. Изъ сего можно уразумѣть, что не было не пристойно Божественному Іисусу вопрошать окружающихъ Его: *кто есть коснувыйся Мнѣ?* Хотя же само Божество Его видѣло, знало и сокровеннымъ образомъ возвѣщало Его человѣчеству, *кто есть коснувыйся:* но Ему благоугодно было наружно предложить сей вопросъ для того, чтобы обратить общее вниманіе на необыкновенное прикосновеніе, и слѣдствіе сего прикосновенія.

По сему можно сказать, что Самъ Іисусъ Хрістосъ обратно предлагаетъ нашему вниманію и размышленію вторый, сдѣланный нами вопросъ: подлинно ли Тотъ, Который есть Божія Сила, такъ преданъ во власть человѣковъ, что единымъ нѣкакимъ прикосновеніемъ они могутъ извлекать изъ Него для себя сію Божественную силу?—Потщимся же, колико можемъ, изслѣдовать и сей вопросъ, уже не столько слѣдуя собственному желанію знать, сколько соотвѣтствуя намѣренію Самого Спасителя, желающаго наставить насъ, и привести въ благодатное къ Нему приближеніе.

Прежде всего въ настоящемъ изслѣдованіи должны мы утвердить для себя, какое только возможно, истинное и вѣрное понятіе о той неостижимой силѣ, которою Іисусъ Хрістосъ исполненъ такъ, что при одномъ прикосновеніи, да и то не къ самому Его тѣлу, а токмо въ краю одежды, оная уже проливается, и производитъ чудесное дѣйствіе. Таковое понятіе дастъ намъ Апостолъ, когда говоритъ о Іисусѣ Хрістѣ, что въ Немъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесно* (Кол. II. 9.). Вникнемъ тщательнѣе въ сіе краткое, но весьма знаменательное изображеніе Богочеловѣка. Божество представляетъ Апостолъ исполненіемъ, или полнотою всякаго совершенства, блага и блаженства. Но поелику Божество безконечно: то никакое конечное существо не можетъ принять и вмѣстить сего исполненія. Поелику Божество и все Его исполненіе духовно: то

никакая бренная тварь естественно не можетъ причаститься отъ сего исполненія. Поелику Божество свято и праведно: то какъ можетъ особенно человѣкъ грѣшникъ приступить къ Его исполненію безъ того, чтобы не быть пожерту испепяющимъ огнемъ строгаго суда Божія? Что же творитъ *не хотяй смерти грѣшника*? Онъ *благоизволилъ*, говоритъ Апостолъ, *всему* Божественному *исполненію* Своему *вселитися* во Христѣ Богочеловѣкѣ, *и тѣмъ примирити всяческая къ Себѣ, умиротворивъ кровію креста Его чрезъ Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол. I. 19. 20.). Такимъ образомъ безконечность Божія вселяется во Христа, и дѣлается прикосновенною для конечныхъ существъ; высочайшая духовность Божія вселяется во Христа, и не только сближается съ низшею духовностію души человѣческой, но проникаетъ, объемлетъ, и наполняетъ Божественными силами самую тѣлесность Его человѣчества,—*живетъ въ Немъ тѣлесно*; оный *Свѣтъ неприступный*, оный *огнь поядаяй*, какимъ представляетъ намъ нѣгдѣ Бога самое слово Его (1 Тим. VI. 16. Евр. XII. 29.), вселяется во Христа, и, умѣряемый Божественнымъ Его человѣчествомъ, является въ Немъ отверзтымъ источникомъ свѣта и воды живыя для омраченнаго и умерщвленнаго грѣхомъ естества. Человѣчество Іисуса Христа есть полный сосудъ Божественныхъ даровъ, которые при единомъ прикосновеніи преливаются изъ него; есть устіе Божественнаго источника, въ которомъ вся внутренняя и сокровенная полнота животворящей силы Божіей становится приступною и удобопріемлемою; есть оный, Пророкомъ Исаіею въ таинственномъ отпровеніи видѣнный, *горящій уголь* (Иса. VI. 6.), который чрезъ одно прикосновеніе къ устамъ Пророка, все существо его кроникнулъ своею огненною силою, и очистилъ, и освятилъ его. Приложимъ сіи понятія къ описаннымъ въ Евангеліи дѣйствіямъ Іисуса Христа: и мы точно найдемъ въ сихъ дѣйствіяхъ возвѣщаемое Апостоломъ исполненіе Божественныхъ силъ, наполняющихъ самую тѣлесность Богочеловѣка, и на все отъ нея презливающихся. Онъ пріемлетъ въ руки хлѣбы: и Его неоскудѣвающее исполненіе творитъ пять хлѣбовъ достаточными для пяти тысячъ народа. Онъ беретъ бреніе: и Его вседѣйствующее исполненіе сообщаетъ сему бренію силу отверзти очи слѣпому. Онъ прикасается мертвому: и Его животворящее исполненіе возбуждаетъ жизнь угасшую. Онъ получаетъ отъ жены кровоточивой прикосновеніе только къ краю ризы Его: и Его безпредѣльное исполненіе достигаетъ ея чудотворною своею силою, *и абіе ста токъ крови ея*,—она исцѣлѣла.

Видите изъ сего, Христіане, что Богъ во Христѣ не держитъ, такъ сказать, заключенною, а *отверзаетъ щедрую руку Свою*, для всякаго требующаго; что всякое исполненіе благодати Божіей чрезъ Христа непрестанно готово наполнить всякій недостатокъ, исцѣлить всякую немощь, очистить всякій грѣхъ человѣковъ.

Впрочемъ Евангельская Исторія показываетъ, что не всѣ, наружно приближавшіеся къ Христу, принимали отъ Его исполненія. Она представляетъ намъ въ одно время множество народа, Его сопровождающее, окружающее, стѣсняющее; и одну только жену, Ему прикасающуюся такъ, что сіе прикосновеніе ощутилъ Онъ не тѣломъ, а Божественною Своею силою. *Наставшіе*, говоритъ Петръ и суціе съ нимъ, *народи одержатъ Тя и гнѣтутъ*. Іисусъ отвѣтствуетъ: *прикоснуся мнѣ нѣкто*. — Должна быть нѣкая тайна въ семъ прикосновеніи.

Для сей-то тайны, Христіане, Господь и предложилъ вопросъ свой: *кто есть коснувыйся Мнѣ*? Онъ благоволилъ, чтобы всѣ мы знали тайну сію, и умѣли бы прикасаться къ Нему для нашего спасенія. Простремъ вниманіе наше до конца сего Евангельскаго приключенія; и не отринемъ наставленія, которое самъ небесный Учитель подаетъ всѣмъ намъ въ лицѣ жены кровоточивой. Сія жена прикоснулась ко Христу тайно, стыдясь всенародно изъяснять Ему свою болѣзнь: но когда двукратный вопросъ Его: *кто есть коснувыйся?* показалъ ей, что поступокъ ея утаенъ быть не можетъ; тогда она, хотя не безъ смущенія, открыла и намѣреніе и слѣдствіе своего прикосновенія. *Трепещуци пріиде, и падши предъ*

Нимъ, ея же ради вины прикоснуся Ему, повѣда Ему предъ всѣми людьми, и яко исцѣлѣ абіе. Тогда Господь, поучая ее не стыдиться прежняго недуга, но утѣшаться полученнымъ исцѣленіемъ, въ то же время открываетъ въ наставленіе всѣмъ тайну ея чудодѣйственнаго прикосновенія: *дерзай дщи, вѣра твоя спасе тя.* Вѣра, Христіане, есть соотвѣтственное орудіе спасительнаго ко Христу прикосновенія; ею прикасающійся и къ ризамъ Его достигаетъ даже до внутренности Его Божественнаго исполненія; она есть духовный магнитъ, привлекающій небесныя силы.

Тайна сія извѣстна, говорятъ, можетъ быть, нѣкоторые, слыша сіе. О, если бы намъ извѣстна была вѣра, какую имѣютъ истинные послѣдователи Христовы! О, если бы намъ извѣстна была оная, истинно *вселенская*, вѣра, которая въ Авелѣ множайшую жертву принесла паче Каина; которая въ Ноѣ угодила Богу, и спасла родъ человѣческій отъ конечнаго истребленія потопомъ; которая въ Авраамѣ принесла въ жертву Богу единороднаго сына, и, сквозь отдаленія многихъ вѣковъ, видѣла день Христовъ; которая въ Моисеѣ жезломъ пресѣкла море, и чрезъ бездну провела народъ Божій; которая отверзала очи Пророковъ, и дѣлала ихъ современниками потомственныхъ событій; которая въ ученикахъ и свидѣтеляхъ Іисуса Христа оставила все, чтобъ идти въ слѣдъ Его, и потомъ Его силою исцѣляла всякій недугъ и всякую язву; съ Нимъ ходила по водамъ, не умерла въ ужасные дни смерти Его, пріяла обѣтованіе Святаго Духа по вознесеніи Его, повелѣвала именемъ Его всей природѣ, побѣдила своимъ терпѣніемъ цѣлый міръ ея гонителей!— Что я говорю? — Если бы намъ дѣятельно извѣстна была вѣра хотя столь малая, какъ зерно горчичное, что̀ бы мы тогда были? —Мы могли бы преставлять горы. *Аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничто же не возможно будетъ вамъ* (Матѳ. XVII. 20.). Если же въ той вѣрѣ, которую нѣкоторые изъ насъ толь тщеславно себѣ приписываютъ, не находимъ мы не только возможности дѣйствовать чудесными и Божественными силами, но ниже довольной помощи, для возстановленія разсыпанныхъ и подавленныхъ силъ собственной нашей духовной природы; если сія мнимая вѣра не исцѣляетъ насъ ни отъ духовныя слѣпоты ума, ни отъ текущаго непостоянства сердечныхъ вожделѣній, ни отъ двоедушнаго хромонія въ путяхъ закона и правды, и не спасаетъ отъ мертвыхъ дѣлъ: то не должно ли признаться намъ, вѣрные, что истинная вѣра, которую небесный Учитель называетъ *вѣрою Божіею*, и для насъ есть еще тайна, которой предлежитъ намъ поучаться, дабы она открылась въ насъ? И поелику сія тайна, хотя и въ насъ самихъ сокрывается, но никѣмъ не можетъ быть открыта, развѣ Начальникомъ и Совершителемъ вѣры Іисусомъ: то не должно ли намъ непрестанно взывать къ Нему съ первыми Его учениками: Господи, *приложи намъ вѣру* (Лук. XVII. 5.)?

Или можетъ быть, вѣра наша не достигаетъ сообщенія съ явленною во Христѣ силою Божіею, потому болѣе, что уже Онъ оставилъ землю, и вознесся на небо? —Если какая душа, жаждущая Господа, возмущается сею мыслію: то да воспомянетъ она послѣднее обѣщаніе Іисуса Христа, данное Апостоламъ предъ отшествіемъ Его на небо: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII. 20.). Апостолы не пребыли на земли *до скончанія вѣка*: кто же не видитъ, что данное имъ обѣтованіе простирается и на тѣхъ, которые по нихъ преемственно вступаютъ въ тѣ же права вѣры, и составляютъ единую Церковь *до скончанія вѣка?* Живущее во Христѣ исполненіе Божества не заключается небомъ; и вознесеніе плоти Его не отъемлетъ у насъ Его Духа и силы. Дерзнемъ сказать болѣе: оно не столько раздѣляетъ, сколько еще болѣе соединяетъ Его съ своею Церковію. Ибо для чего *восшелъ* Онъ *превыше всѣхъ небесъ?* — Для того, учитъ Апостолъ, *да исполнитъ всяческая* (Еф. IV. 10.). И потому исполненіе Божества живетъ нынѣ уже не въ единомъ личномъ тѣлеси Его, но и во всемъ таинственномъ тѣлѣ Церкви, *яже есть* вся—единое *тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Еф. I. 23.).

О, коль близъ есть насъ Христосъ повсюду, и наипаче въ Церкви своей! Только твари, окружая насъ отвсюду, и подобно какъ въ ономъ приключеніи Евангельскомъ, тѣсняся между Имъ и нами, не допускаютъ насъ прикоснуться къ Нему. Но дерзай, ищущая своего спасенія душа! Не уступай сей смятенной толпѣ, которая сама не знаетъ, куда влечетъ тебя. Употребляй всѣ усилія проложить себѣ прямый путь къ вожделѣнному твоему Спасителю; простирай къ Нему то крѣпкіе вопли покаянія, то тихія воздыханія молитвы, то пламенныя желанія любви. Подвизайся, елико можешь, досягнуть хотя края Его ризъ: Онъ не умедлитъ и въ нихъ открыть для тебя токъ живоносной силы Своей. Приближайся къ Нему преимущественно въ семъ домѣ молитвы и таинствъ, гдѣ хотя Онъ также закрываетъ Свое присутствіе нѣкоторыми наружными видами, но вмѣстѣ и являетъ оное торжественнѣйшимъ образомъ. Здѣсь ежедневно слышатся глаголы Его, которые хотя для чувственныхъ человѣковъ суть чувственные звуки и письмена, но для вѣрующихъ *духъ суть и животъ суть* (Іоан. VI. 63.). Здѣсь тайнодѣйствуется Тѣло Его, коего святое пріобщеніе не токмо приближаетъ къ Нему вѣрующихъ, но и совершенно съ Нимъ соединяетъ, по слову Его: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI. 56.). Погружайся, вѣрующая душа, всею мыслію и сердцемъ во глубину сихъ таинствъ вѣры; и въ нихъ наипаче обрѣтай твоего Спасителя, приступай къ Нему, прикасайся Ему, соединяйся съ Нимъ! *Дерзай, вѣра твоя спасетъ тя.* Аминь.

15. СЛОВО

Въ недѣлю двадцать шестую по Пятдесятницѣ.

Тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя. Лук. XII. 21.

Евангеліе въ притчѣ представляетъ намъ человѣка богатаго и корыстолюбиваго, который, получивъ обильный урожай хлѣба, не подумалъ ни о благодареніи къ Богу, ни о человѣколюбіи къ ближнимъ, нуждающимся въ пропитаніи, но составилъ себѣ планъ, куда положить множество хлѣба, и какъ сберечь его на многіе годы, предполагая далѣе изъ корыстолюбиваго сдѣлаться роскошнымъ и лѣнивымъ. Провидѣніе не имѣло причины беречь того, кто рѣшился жить безъ пользы для другихъ, и во вредъ собственной душѣ: и потому на лѣта многа составленный планъ въ самый день его составленія рушился опредѣленіемъ судьбы Божіей: *въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе.* Господь заключилъ сію притчу слѣдующимъ возглашеніемъ: *тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя.* Такъ обманывается въ своихъ предположеніяхъ, такъ не успѣваетъ въ своихъ намѣреніяхъ, такъ сверхъ опасенія теряетъ свои сокровища, и себя человѣкъ, который собираетъ богатство себѣ только, по своей жадности, чтобы сдѣлать оное пищею своего корыстолюбія, роскоши, лѣности; который не въ Бога богатѣетъ.

Ученіе притчи о нелѣпости жаднаго, своекорыстнаго и самонадѣяннаго богатолюбія, надѣюсь, каждому изъ васъ, братія, и вразумительно, и убѣдительно, безъ дальнѣйшихъ объясненій и доказательствъ. Кто захочетъ богатѣть такъ безумно, и такъ несчастно, какъ изображенный въ притчѣ? Надѣюсь посему, что мысль ваша ищетъ болѣе правильнаго и болѣе благонадежнаго отношенія, какое было бы возможно между человѣкомъ и богатствомъ. Примѣтьте же сіе отношеніе въ заключительныхъ словахъ притчи: оно состоитъ въ томъ, чтобы *богатѣть въ Бога.*

Но что̀ значитъ: *богатѣть въ Бога?* Правило сіе, по первому виду, не такъ ясно, какъ противоположная ему неправильность — *собирать себѣ.* Собираютъ себѣ, въ житницу, въ кладовую, въ пазуху: но какъ богатѣть въ Бога, Который не беретъ земнаго, вещественнаго богатства къ Себѣ на небо, и не имѣетъ въ ономъ нужды?

Для кратчайшаго изъясненія правила: *богатѣть въ Бога*, скорѣе всего можно указать на близкій здѣсь примѣръ. Богу во храмъ, на его созиданіе или на обно-

вленіе, или на содержаніе его въ потребномъ благоустройствѣ и въ приличномъ благолѣпіи, иной приносятъ часть богатства своего, а иной посвящаетъ безкорыстный трудъ, который есть также собственность, не рѣдко высоко цѣнимая между людьми, и первоначальное богатство, посредствомъ котораго дѣлаются богатыми небогатые. Что-жъ? Отдающіе такимъ образомъ свое богатство и свой трудъ Богу, бѣднѣютъ ли, или богатѣютъ? Словомъ Господнимъ говорю: *богатѣютъ*, какъ потому, что симъ образомъ благословляется прочее ихъ богатство, честно пріобрѣтенное, и благонамѣренный трудъ, такъ и потому, что принесенное ими, не перестаетъ быть ихъ достояніемъ, поелику Богу присвоять оное не нужно, не терпится, поелику похитить у Бога не можно, а сохраняется въ невредимой предъ очами Божіими цѣлости, для ихъ будущаго воздаянія. Вотъ одинъ изъ способовъ *богатѣть въ Бога!*

Другой способъ *богатѣть въ Бога*, Самъ Іисусъ Христосъ излагаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища неветшающа, сокровище неоскудѣемо на небесѣхъ* (Лук. XII. 33.). Если мысль твоя не успокоивается на одномъ простомъ довѣріи къ вѣрному и непогрѣшительному слову Христову, и желаетъ еще объясненія, какъ можетъ поданное тобою нищему очутиться въ сокровищницѣ небесной: и сіе изъясняетъ тебѣ Господь другимъ Своимъ изреченіемъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40.). На сіи слова, написанныя въ Евангеліи, ты можешь смотрѣть, какъ на заемное письмо, которымъ Господь призналъ Себя должнымъ тебѣ во всемъ, что ты подалъ, или что благотворительно сдѣлалъ нуждающемуся ближнему. Обладатель міра, безъ сомнѣнія, не имѣлъ нужды въ семъ ничтожномъ займѣ, не только для Себя, но и для тѣхъ, для которыхъ дѣлаетъ оный: но такова дивная благость Его, что Онъ унижаетъ Себя до образа должника твоего, чтобы привлечь тебя къ благотворенію и чрезъ благотвореніе къ блаженству; Онъ занимаетъ у тебя бездѣлицы, прахъ, тлѣнъ, которые ты называешь земными благами, чтобъ имѣть случай, безъ оскорбленія Своего правосудія, платить тебѣ истиннымъ благомъ, нетлѣніемъ, блаженствомъ, съ такой лихвою, которой ты никогда исчислить не возможешь.

Противъ сего способа: *богатѣть въ Бога*, нѣкоторые могутъ возразить, что имъ не льзя продать имѣніе и обратить оное въ милостыню: поелику оно нужно имъ для пропитанія себя и семейства. Уважимъ сію отговорку столько, сколько она заслуживаетъ быть уважена. Признаемъ, что о совершенной, произвольной нищетѣ можно сказать то же, что сказалъ Господь о совершенномъ дѣвствѣ: *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть* (Матѳ. XIX. 11.). Осудимъ нерадѣніе о домашнихъ, и безчувственную холодность къ роднымъ, которая конечно уже не обѣщаетъ человѣколюбія и къ чужимъ;—осудимъ строгостію Апостольскаго слова: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (I Тим. V. 8.). Если тебѣ не дано свыше стремленія къ совершенной, добровольной нищетѣ: оставайся, доколѣ будетъ угодно Богу, богатымъ, смиряя между тѣмъ себя мыслію о своемъ несовершенствѣ по духу, а не возносясь по мудрствованію плотскому. Пекись о родныхъ, о семействѣ, по обязанности, по любви естественной: но не забывай, что сія степень любви положена, дабы восходить на высшую степень духовной любви къ человѣчеству, и на высочайшую степень любви къ Богу. *Богатѣй въ Бога*, хотя частію твоего богатства, посвящаемою на дѣла Богоугодныя и человѣколюбивыя: остальное же,—берегись, по крайней мѣрѣ, чтобы не *собирать себѣ* только, изъ любостяжанія, чтобы не умножать неправдою, чтобы не надивать на роскошь и тщеславіе. Освящай твое стяжаніе, не присвояя онаго себѣ, но признавая оное даромъ Провидѣнія Божія, благодаря за оное Всещедрому Дателю Богу, не прилѣпляя своего сердца къ даянію, но непрестанно вознося оное къ Дателю, съ готовностію возвратить Ему оное, когда премудрая судьба Его потребуетъ.

Послѣ сего, можно еще ожидать по настоящему предмету вопроса отъ тѣхъ, которые не пожертвовали богатствомъ Богу, потому что не имѣли онаго. А намъ, скажутъ, необидливый Богъ не ужели не далъ способа богатѣть Ему, хотя бы въ нѣкоторый замѣнъ бѣдности, претерпѣваемой нами для себя?—Не сѣтуйте. Покажу и вамъ ваше богатство, которымъ если умѣть будете владѣть, не позавидуете никому изъ тѣхъ, которые почитаются богатыми. Посмотрите; вотъ открываетъ вашу неокрадомую сокровищницу Святый Апостолъ Іаковъ: *слышите*, говоритъ, *братія моя возлюбленная, не Богъ ли избра нищія міра сего богаты въ вѣрѣ, и наслѣдники царствія, еже обѣща любящимъ Его* (Іак. II. 5.)? Видите ли? — Богатство вѣры, наслѣдіе царствія Божія,—чего вамъ больше? Безъ сего богатства никакое другое не принесетъ пользы; при семъ богатствѣ никакой уронъ, никакое лишеніе, не важны, потому что и кратковременны, безмѣрно малы въ сравненіи съ сокровищами вѣры, съ наслѣдіемъ царствія небеснаго.

О богатствѣ вѣры всего паче попечемся, братія, и богатые, и бѣдные, чтобы и пріобрѣсть, и умножить оное, и не утраченнымъ сохранить въ непорочномъ житіи: тогда безъ скудости, безъ зависти другъ къ другу, безъ изнурительныхъ заботъ, въ мирномъ упованіи, ожидать будемъ *наслѣдія царствія, еже уготова Богъ любящимъ Его*. Аминь.

16. СЛОВО

Въ недѣлю Крестопоклонную.

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ. Марк. VIII. 34.

Нѣкогда Іисусъ Христосъ наименовалъ Себя *Путемъ, Истиною и Жизнію* (Іоан. XIV. 6.). Теперь, соотвѣтственно съ первымъ изъ сихъ наименованій, указуетъ Онъ намъ путь. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.*

Евангелистъ замѣчаетъ при сихъ словахъ, что Іисусъ Христосъ произнесъ ихъ, *призвавъ народы со ученики Своими.* Сіе показываетъ, что Его воззваніе относится не къ однимъ особенно избраннымъ, но ко всѣмъ безъ исключенія.

Кто бы ты ни былъ, слушающій сіе, надобно и тебѣ подумать о пути. Въ видимомъ и временномъ мірѣ, въ которомъ ты живешь, нѣтъ ничего неподвижнаго, но все идетъ, и проходитъ. И твоя жизнь идетъ, и проходитъ; ты покоишься иногда, по видимому, тѣломъ, но твои сокровенныя помышленія, твои тайныя желанія непрестанно въ движеніи: а потому если ты не идешь путемъ спасенія, то вѣрно идешь путемъ погибели, или, если не идешь, то падаешь, — падаешь изъ жизни духовной въ плотскую, изъ жизни человѣческой въ скотскую, и не примѣтишь, какъ обрушишься въ жизнь адскую, въ смерть сугубую,—невозвратно! Подумай же о своемъ пути!

Какъ вождь и царь свободныхъ, Іисусъ Христосъ не приневоливаетъ никого къ пути, который Онъ указуетъ, но приглашаетъ желающихъ вступить въ оный: *иже хощетъ во Мнѣ ити.* Спроси себя, Христіанинъ, спроси такъ, чтобы отвѣтствовать рѣшительно, хочешь ли ты идти за Іисусомъ Христомъ?

Христіанину не хотѣть идти за Христомъ? Какая нелѣпая мысль! Какъ она противорѣчитъ сама себѣ! Однако есть люди, которые понимаютъ, какъ нелѣпа сія мысль, но не чувствуютъ, какъ преступно сіе дѣло. Почему же мы и Христіане, когда не послѣдуемъ Христу? Мы потому Христіане, — скажутъ нѣкоторые, прислушавшись къ словамъ первоначальнаго ученія Христіанскаго, но не уразумѣвъ силы ихъ, — мы потому Христіане, что вѣруемъ во Христа. — Хорошо. Но если ты вѣруешь во Христа; то конечно вѣруешь и въ слово Христово: ибо то и другое есть одно. Если ты вѣруешь въ слово Христово; то долженъ и поступать по сему слову: ибо вѣровать въ слово, и не поступать по нему, есть пагубная дер-

зость и безуміе. Изъяснимъ сіе примѣромъ: если бы тебѣ, блуждающему въ неизвѣстныхъ и опасныхъ мѣстахъ, сказалъ нѣкто: вотъ тропинка, по которой ты можешь придти въ безопасное мѣсто; и если бы ты, не имѣя причины сомнѣваться въ семъ указаніи, сталъ медлить, или пошелъ въ противную сторону, можетъ быть, на встрѣчу звѣрю или разбойнику: не была ли бы то пагубная дерзость и безуміе?— Но что говоритъ тебѣ слово Іисуса Христа, въ Котораго, и въ которое ты вѣруешь?—*Аще хощеши совершенъ быти, гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX. 21.). Послѣ сего чѣмъ отзовешься отъ послѣдованія Іисусу Христу? Развѣ тѣмъ, что ты не домогаешься совершенства? Но сего именно требуетъ отъ тебя Тотъ, въ Котораго ты вѣруешь: *будите вы совершени*, говоритъ Онъ; и притомъ какъ? *якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. V. 48.). Если ты отрекаешься отъ стремленія къ совершенству: то Онъ отъемлетъ у тебя надежду царствія небеснаго: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V. 20.). Если ты не хочешь быть съ Нимъ: — а какъ быть съ Нимъ, если не поступать по слову Его, и не послѣдовать Ему во всемъ? — то Онъ признаетъ тебя врагомъ Своимъ, и отрекается тебя предъ лицемъ неба и земли: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть* (Матѳ. XII. 30.); *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. VIII. 38.). И такъ одно изъ двухъ: или ты долженъ идти за Христомъ, послѣдовать Его слову и Его примѣру; или ты напрасно называешься Христіаниномъ.

Не трудно было бы признать и принять обязанность идти за Христомъ, если бы не останавливала мысль: куда идти за Нимъ? Куда же?—Посмотримъ, куда Онъ идетъ. *Се восходимъ*, возвѣщаетъ Онъ идущимъ въ слѣдъ Его (Марк. X. 33. 34.), *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ Архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ, и поругаются Ему, и уязвятъ Его, и оплюютъ Его, и убіютъ Его*. Страшный подлинно путь Христовъ! Самые Апостолы, которые, будучи непосредственно Имъ руководимы, за Нимъ слѣдовали, не могли спокойно проходить путемъ симъ. *Бяху*, повѣствуетъ Евангелистъ, *на пути восходяще во Іерусалимъ; и бѣ варяя ихъ Іисусъ, и ужасахуся, и въ слѣдѣ идуще, бояхуся* (Марк. X. 32.). И что еще? Есть на семъ пути поприще, которое Самъ Іисусъ Христосъ проходилъ не безъ ужаса: *начатъ ужасатися и тужити* (Марк. XIV. 33.).

Но не напрасно ли открываю я весь ужасъ пути Христова, котораго и безъ того страшатся многіе?—Нѣтъ, Христіане, *утѣшеніе наше*, скажемъ со Апостоломъ, *не отъ прелести, ни отъ нечистоты, ни лестію* (1 Сол. II. 3.). Не хотимъ скрывать отъ васъ трудности, которая неизбѣжна: но изъ самой трудности вы можете усмотрѣть, что не трудно преодолѣть ее. Отъ чего ужасался Іисусъ Христосъ, Егоже вся боятся и трепещутъ, Которому некого бояться, потому что нѣтъ силы, которая бы могла быть страшна для Всемогущаго? Отъ чего тужилъ Тотъ, Который есть источникъ радости и блаженства для всего, что можетъ быть причастно радости и блаженства? Очевидно, что не Его собственно былъ сей ужасъ, и сія туга: но подвергся Онъ имъ потому, что *Онъ недуги наша пріятъ, и болѣзни понесе* (Матѳ. VIII. 17.). Но для чего пріялъ Онъ и понесъ наши недуги и болѣзни, если не для того, чтобы уврачевать ихъ, или по крайней мѣрѣ, до совершеннаго уврачеванія, облегчить такъ, чтобы не оставить насъ *искуситися паче, еже мощи* (1 Кор. X. 13.)? Слѣдственно ужасъ и скорбь, если не совсѣмъ отъяты отъ пути Христова, то много уменьшены тѣмъ самымъ, что Онъ уже совершилъ путь сей, и проложилъ его для насъ. Посему и Апостолы не всегда, какъ въ началѣ, боялись идти за Христомъ; но пришло послѣ время, когда они тѣмъ же страшнымъ и скорбнымъ путемъ проходили съ радостію. Они, пишетъ повѣствователь ихъ дѣяній, *идяху радующеся,*

яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти (Дѣян. V. 41.). Какъ могло статься, что тѣ же люди, на томъ же пути, сперва боялись, а потомъ радовались? Боялись, когда Іисусъ Христосъ еще не совершилъ сего пути, и не привелъ его въ безопасность; радовались, когда Онъ прошелъ путемъ симъ, и на Себѣ унесъ трудности его. Боялись, когда взирали только на сіи трудности, не проникая далѣе; но возрадовались, когда ясно усмотрѣли конецъ пути Христова. Ибо куда наконецъ приводитъ путь сей? Онъ приводитъ на небеса, къ Самому Богу Отцу, какъ Самъ Іисусъ Христосъ, изображая весь путь Свой, отъ начала до конца, сказуетъ: *изыдохъ отъ Отца, и пріидохъ въ міръ, и паки оставляю міръ, и иду ко Отцу* (Іоан. XVI. 28.). Сей путь вводитъ въ славу Божественную: *подобаше пострадати Христу, и внити въ славу Свою* (Лук. XXIV. 26.). Не ужели и мы, скажетъ не разумѣющій таинъ Христовыхъ, не ужели и мы возведены будемъ къ Самому Богу Отцу, и внидемъ въ славу Единороднаго Сына Божія? Такъ, братія! Ибо вѣренъ Тотъ, Который сказалъ: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. XII. 26.). И такъ, если Господь нашъ идетъ къ Богу Отцу Своему: то приведетъ къ Нему съ Собою и насъ. Если Христосъ входитъ въ Свою Божественную славу: то введетъ съ Собою и Христіанъ, и содѣлаетъ, какъ изъясняется Апостолъ, *причастниками Божественнаго естества* (2 Петр. I. 4.). Не говорите, что толикая высота недосязаема для земнородныхъ: намъ должно только съ твердою рѣшимостію вступить въ ту часть пути Христова, которую прошелъ Онъ, и проложилъ для насъ на земли; когда надобно будетъ вознестись превыше земнаго, и восходить къ небесному и Божественному, тогда Онъ Самъ подъиметъ насъ, яко *на крилѣхъ орлихъ* (Исх. XIX. 4.), по Своему великому обѣщанію: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII. 32.).

При сихъ размышленіяхъ, надѣемся о васъ, братія, что сердце ваше говоритъ Вождю и Спасителю своему: *Господи! иду по Тебѣ, вможе аще идеши* (Матѳ. VIII. 19.); только Ты, Сердцевѣдце, не отрини сего желанія, какъ нѣкогда отвергнулъ оное въ устахъ нѣкоего, безъ сомнѣнія, потому, что не отъ полноты сердца оно изливалось.

Если же вы желаете идти за Христомъ: то время сказать вамъ, какъ должно вамъ идти за Нимъ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.*

Во-первыхъ, желающій послѣдовать Христу долженъ *отречься самого себя*, то есть, отвергнуть свое самолюбіе, не быть привязанъ къ собственной чести, собственной выгодѣ и собственному удовольствію, но все сіе, по образу путешественника, встрѣчать мимоходомъ, и вскорѣ оставлять позади себя; во всемъ поступать по сему наставленію Апостола: *да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ: и плачущіися, якоже не плачущіи: и радующіися, якоже не радующеся: и купующіи, якоже не содержаще: и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. VII. 29 — 31.). Какъ можно, скажутъ, дойти до такого самоотверженія? Можно такъ же, какъ воинъ отрекается отъ пріятностей домашней жизни, когда выходитъ на поле брани; какъ онъ отрекается и отъ самой жизни, когда вступаетъ въ сраженіе, безъ каковаго отреченія не могъ бы онъ быть ни мужественнымъ, ни побѣдоноснымъ. Если сіе можно дѣлать для тлѣннаго вѣнца и временной славы: чего не можно и не должно сдѣлать для вѣнца нетлѣннаго и славы вѣчной?

Во-вторыхъ, для послѣдованія Христу должно *взять крестъ свой*. Крестъ Христовъ составляютъ *Его страданія, искушенія и убіеніе* (Марк. VIII. 31.). Претерпѣвъ единъ все сіе для насъ, Онъ имѣетъ совершенное право требовать, чтобы каждый изъ насъ претерпѣлъ все сіе для Него. Но дабы не сокрушить насъ тяжестію сего бремени, подъ которымъ Онъ Самъ являлся изнемогающимъ, Онъ не возлагаетъ на насъ Своего великаго креста, но заповѣдуетъ только взять каждому свой собственный, то есть, быть готовымъ перенести столько страданій, искушеній, внѣшнихъ, внутреннихъ, сколько

на каждаго въ особенности наведетъ наказующая, очищающая, и вмѣстѣ милующая судьба всѣмъ управляющаго Провидѣнія. Не ужели сіе неизбѣжно? вопіютъ изнѣженныя души. — Успокойтесь и разсуждайте. Если *подобаше пострадати Христу*, безгрѣшному и всемогущему, дабы *внити въ славу Свою*: какъ можемъ мы, оскверненные и разслабленные грѣхомъ, дойти до сея славы, не бывъ очищены искушеніями и укрѣплены страданіями? Ибо что живетъ въ насъ нынѣ? Если самолюбіе препятствуетъ признанію: обличимъ себя признаніемъ Апостола: *не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей, доброе* (Рим. VII. 18.). Въ насъ живетъ, со времени перваго грѣха, ветхій Адамъ, съ его страстями и похотями: какъ же можно совлещись его, и облещись въ новаго человѣка, — что есть цѣль нашего стремленія, — не говорю, безъ страданія, но даже безъ смерти? Должно взять крестъ не для того только, чтобы подвизаться въ ношеніи онаго, но чтобы наконецъ совсѣмъ *распять плоть со страстьми и похотьми* (Гал. V. 24), *умертвить уды наша, сущія на земли* (Кол. III. 5.), *умереть* таинственно, чтобы *животъ* нашъ *былъ сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. III. 3.).

Таково, Христіане, ученіе креста, ученіе столь нужное и существенное въ Христіанствѣ, что Церковь, не довольствуясь часто возвѣщать оное гласомъ, еще чаще представляетъ оное въ изображеніяхъ и знаменіяхъ. При самомъ крещеніи она возлагаетъ на насъ изображеніе креста; при каждой молитвѣ повелѣваетъ намъ полагать на себя знаменіе креста; и отъ времени до времени, какъ и въ настоящій день, торжественно предлагаетъ намъ для поклоненія и цѣлованія знаменіе креста. Будемъ внимательны; пріимемъ, не яко отъ устъ человѣческихъ, но яко отъ устъ Самого распятаго Спасителя нашего сію заповѣдь, да *отвержемся себе, и возмемъ крестъ свой, и послѣдуемъ Ему*. Аминь.

17. СЛОВО

Въ недѣлю Крестопоклонную.

И призвавъ народы со ученики своими, рече имъ: иже хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ. Марк. VIII. 34.

Хочу показать вамъ знаменованіе настоящаго дня въ Церкви, и съ тѣмъ вмѣстѣ предложить часть Христіанскаго ученія, которой исполненіе всякой день нужно и спасительно. Почтивъ день сей поклоненіемъ кресту, почтите оный вниманіемъ къ размышленію о Господней заповѣди самоотверженія и крестоношенія.

Посмотримъ въ Евангеліи, при какихъ обстоятельствахъ изречена сія заповѣдь.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, проходя поприще земнаго житія и проповѣдыванія истины, приближался къ страданію и крестной смерти, предуставленнымъ для Него, во спасеніе наше. По Своему Божественному всевѣдѣнію, Онъ, видѣлъ сію близость; и нашелъ нужнымъ предупредить своихъ учениковъ о предстоящихъ грозныхъ событіяхъ, которыя, при совершенной внезапности, могли бы не только поколебать вѣру ихъ, но и совсѣмъ разрушить. Посему двѣнадцати Апостоламъ, какъ болѣе достойнымъ, и способнымъ принимать тайны Его, сказалъ Онъ ясно: *яко подобаетъ Сыну человѣческому много пострадати, и искушену быти отъ старецъ и Архіерей и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день воскреснути.* Но поелику и Апостольская вѣра въ сіе время еще не созрѣла для сей великой тайны; и первый изъ Апостоловъ Петръ осмѣлился противорѣчить сему предсказанію, такъ что нужно было заградить уста его строгимъ упрекомъ: то, безъ сомнѣнія, не время было такъ же ясно говорить о семъ народу; а между тѣмъ для утвержденія вѣры нужно было, чтобы и народъ имѣлъ заранѣе свидѣтельство, что Господь предвидѣлъ свои страданія и шелъ на вольную смерть. Посему-то ученикамъ при народѣ, и народу, сказалъ Онъ какъ бы загадочно: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ*

свой, и по Мнѣ грядетъ. Не говоритъ: Я понесу крестъ, и пострадаю на немъ: но когда велитъ своему послѣдователю нести крестъ; а послѣдовать значитъ подражать, дѣлать то же, что дѣлаетъ предшествующій; то даетъ разумѣть, что понесетъ крестъ и Самъ; а слѣдственно и распятъ будетъ; ибо не для чего было нести крестъ, если не для распятія. Итакъ загадка загадана всенародно: и хотя народъ не могъ отгадать ее въ то же время; но, по событіи распятія Господня, долженъ былъ и понять слышанное предсказаніе, и удостовѣриться въ Божественности Предсказателя, и повѣрить спасительному таинству нашего искупленія страданіемъ и крестною смертію Богочеловѣка.

Мы теперь, братія, проходимъ поприще поста, и приближаемся къ торжественному воспоминанію спасительныхъ страданій, смерти и воскресенія Христова. Матерь-Церковь заботится, чтобы мы не предстали сему высокому и святѣйшему зрѣлищу неготовые, недостойные. Но сему она останавливаетъ насъ на срединѣ постнаго поприща: и тѣмъ самымъ словомъ, которымъ Господь заранѣе приготовлялъ учениковъ и народъ къ событію Своего распятія, она приготовляетъ насъ къ благоговѣйному воспоминанію Его распятія; и намъ въ Евангеліи возглашаетъ она отъ лица Христова: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ;* и чѣмъ оглашаетъ нашъ слухъ, то самое предлагаетъ и нашему оку, то есть, крестъ Христовъ, дабы чрезъ око непрестанно внушать то, чего не льзя довольно часто повторять слуху. Мнѣ кажется, что я слышу сіе безмолвное, но довольно внятное внушеніе. Ты приближаешься къ высокому и таинственному воспоминанію крестной смерти Христовой, чтобы потомъ войти въ радость Воскресенія Христова. Остановись и подумай, достоишь ли ты сего приближенія, готовъ ли къ сему созерцанію, довольно ли у тебя для сего вѣры, благоговѣнія, любви, разумѣнія. Посмотри какъ-бы еще нѣсколько издалеча, какъ-бы приготовительно, на великое зрѣлище Христа Крестоносца, Христа распинаемаго, Христа умирающаго и погребаемаго; и поучись, какъ бы приступить ближе и не быть отринуту, какъ бы прикоснуться къ жизнеточащимъ язвамъ Господнимъ и не быть осуждену. Многіе приближались, но не многіе такъ спасительно, какъ благоразумный разбойникъ; многіе прикасались, и по любопытству тѣснящіеся, и ругающіеся, и біющіе, и распинающіе, но не многіе такъ свято, какъ Іосифъ и Никодимъ. Только послѣдователи Христовы неосужденно и спасительно приближаются и прикасаются ко Христу; а послѣдователь Его долженъ отвергнуться себя, взять крестъ свой, и по Немъ идти. Вотъ что, братія, внушаетъ вамъ нынѣ Матерь-Церковь. Вотъ что и безъ меня, какъ чрезъ меня, проповѣдуетъ вамъ нынѣшній день.

Дабы сему внушенію послѣдовать, надобно вразумиться, что такое отвергнуться себя и взять крестъ свой.

Отвергнуться себя не значитъ ли бросить свою душу и тѣло, какъ бросаютъ ничего нестоющую вещь, безъ вниманія, безъ попеченія? — Не льзя такъ думать. Душа есть вещь очень дорого стоющая. Вѣрную оцѣнку ея вы слышали нынѣ же въ сихъ словахъ Евангелія: *кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою?* То есть: потеря души есть потеря столь великая, что цѣлымъ міромъ замѣнена быть не можетъ. Слѣдственно душа для человѣка дороже цѣлаго міра. Какъ ее бросить безъ вниманія? Не льзя думать и того, чтобы Господь повелѣвалъ намъ бросить безъ всякаго попеченія тѣло наше, если вспомнимъ, что Апостолъ Его представляетъ, какъ дѣло закона естественнаго, и даже, какъ образъ высшаго закона духовнаго, то попеченіе, по которому *никтоже когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* (Еф. V. 29.); что тѣло наше создалъ Богъ, и далъ намъ, какъ орудіе, для дѣйствованія въ тѣлесномъ мірѣ, съ тѣмъ, чтобы въ употребленіи онаго въ свое время потребовать отъ насъ отчета, *да пріиметъ кійждо предъ судищемъ Христовымъ, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. V. 10.);—что наконецъ тѣло не только должно беречь и образовать для дѣлъ нужныхъ, полезныхъ и добрыхъ въ мірѣ, но

еще можно употребить къ славѣ Божіей, по совѣту Апостола: *прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. VI. 20.). Можно ли пренебрегать, какъ маловажное, то, чрезъ что можно прославлять Бога?

И такъ, что же значитъ отвергнуться себя?—Изъ сказаннаго, по необходимости, надлежитъ заключить, что сіе не значитъ бросить душу и тѣло безъ вниманія, безъ попеченія, но развѣ отвергнуть пристрастіе къ тѣлу и его удовольствіямъ, къ жизни временной и ея благополучію, и даже къ наслажденіямъ душевнымъ, почерпаемымъ изъ неочищенной природы, къ желаніямъ собственной воли, къ любимымъ понятіямъ собственнаго мудрованія. Что такое разумѣніе заповѣди самоотверженія есть правильное, сіе усмотрѣть можно изъ намѣренія, съ которымъ она произнесена. Какого намѣренія?—того, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ идти за Христомъ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе.* Для чего бы желающему идти по Христѣ не стать на сей путь по самому сему желанію, безъ другаго предварительнаго требованія? Для чего предварительно требуется отъ него самоотверженіе? — Видно, для того, что безъ сего желаніе идти по Христѣ осталось бы несбыточнымъ. И подлинно, привязанному къ любимымъ понятіямъ собственнаго мудрованія сія привязанность препятствуетъ восходить выше, и вѣровать истинѣ Божественной: онъ не способенъ идти за Христомъ безъ отверженія сей привязанности, потому что безъ сего не вступитъ на путь чистой вѣры. Не оставляющій желаній собственной воли также не можетъ быть послѣдователемъ Христовымъ: ибо послѣдованіе въ томъ и состоитъ, чтобъ избирать путь не по собственной волѣ, а по волѣ предшествующаго. И не хотящій послушанію и преданности въ волю Божію пожертвовать наслажденіями душевными не есть надежный послѣдователь Христовъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ стремится къ наслажденіямъ духовнымъ; поелику онъ, напрягая всѣ усилія къ мерцанію свѣта на крутизнахъ Ѳавора, по тому самому еще не сопровождаетъ Господа къ спасительной Голгоѳѣ: что же сказать, если онъ почерпаетъ свои душевныя наслажденія изъ неочищеннаго источника падшаго естества, и упорствуетъ, когда Провидѣніе и благость приближаются преградить потоки его, для очищенія души?—Сказалъ о семъ судъ Свой Самъ Господь, когда одному изъ людей сего рода, изъявившему желаніе идти по Немъ, и въ то же время, привлекаемому наслажденіями родственной любви, отвѣтствовалъ: *никжоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи* (Лук. IX. 62.). Что пристрастный къ жизни временной не можетъ успѣшно совершить послѣдованія Христу, сіе видно въ Апостолахъ, которые, и послѣ довольно долгаго у Него ученія, и послѣ столь многихъ чудесъ, не только Имъ, но и ими, по дару Его, содѣланныхъ обратились отъ послѣдованія Ему въ бѣгство, когда на пути Его встрѣтились съ опасностію жизни. Что пристрастный къ благамъ жизни временной не способенъ послѣдовать Христу, сего печальный опытъ представляетъ Евангельскій юноша, который хотя и самъ желалъ вступить на путь къ животу вѣчному, и Самимъ Христомъ призываемъ былъ послѣдовать Ему, не послѣдовалъ, по *отъиде скорбл, бѣ бо имѣя стяжанія многа* (Лук. XIX. 22.), и не хотѣлъ съ ними разстаться. Наконецъ, пристрастный къ тѣлу и его удовольствіямъ, очевидно, есть худой послѣдователь Христу: ибо изнѣженному, обременяемому, разслабляемому оными, ему трудно подниматься на гору Господню; онъ охотнѣе обратится подъ гору, или воздремлетъ въ цвѣтахъ, и не далекъ отъ того, чтобы погрязнуть въ блатѣ нечистыхъ страстей и похотей. Кратко сказать, поелику все, что есть въ сынѣ Адамовомъ, доколѣ не очищено, или лучше, не новосоздано Христомъ, обыкновенно подвержено употребленію пристрастному: то желающій быть истиннымъ и вѣрнымъ послѣдователемъ Христовымъ все, что въ себѣ усвояетъ и любитъ, долженъ оставить, не въ отношеніи къ употребленію, но въ отношеніи къ пристрастію. И сіе-то сокращая еще болѣе, Господь сказалъ: *да отвержется себе.*

Другое, чего требуетъ Господь отъ своего послѣдователя, есть взять крестъ

свой. Что такое *крестъ свой?* — Я уже сказалъ, что изреченіе о крестѣ послѣдователя Хрістова предполагаетъ крестъ Самого Хріста, и указуетъ на оный. И такъ крестъ нашъ есть нѣчто подобное тому, что называется крестомъ Хрістовымъ. И какъ подъ именемъ креста Хрістова мы разумѣемъ, во-первыхъ, орудіе страданія и смерти Его, во-вторыхъ самое страданіе и смерть Его на крестѣ, въ-третьихъ, въ болѣе обширномъ смыслѣ, все послѣдованіе и разнообразіе страданій, уничиженія и постеченнаго умерщвленія Его, и внутренній крестъ скорби, въ глубокомъ ощущеніи, и еще ранѣе, въ предчувствіи видимаго креста и страданія: то и подъ именемъ креста нашего должно разумѣть всякую, по судьбамъ Божіимъ, насъ постигающую скорбь, лишеніе, уничиженіе, страданіе и многострадальную или бѣдственную смерть. Не ужели, скажутъ, на все сіе долженъ обречь себя каждый Христіанинъ?—Заповѣдь Господня не изъясняется такъ строго. Не наше дѣло предназначать себѣ жребій: нашъ долгъ умѣть принимать тотъ, который Господь нашъ назначаетъ. И Хрістосъ не избиралъ, и не умножалъ себѣ страданій, а принялъ тѣ, и въ той полнотѣ, какія, и въ какой, предуставила Ему премудрость, правда и судьба Отца Его, а исполнили сыны человѣческіе, не вѣдавшіе, что творили. Кольми паче нескромная и потомъ непадежная была бы дерзость, обрекать себя на многое трудное для нашей немощи, не могущей и малое, и легкое понести безъ вышней помощи. Посему-то Господь не говоритъ въ заповѣди Своему послѣдователю, да умножитъ себѣ страданія, да расшетъ самъ себя, но меньше, снисходительнѣе: *да возметъ крестъ свой.* Что такое *взять крестъ!*— Не убѣгать скорбнаго посѣщенія; не упорствовать противъ онаго; быть въ готовности принять оное, когда еще не постигло, послушно и безропотно принять оное, когда дѣйствительно постигаетъ; кротко дать себя вести, какъ овча на заколеніе, по образу Агнца и Пастыря Хріста, если нужно пострадать за правду; безпрекословно нести дрова для собственнаго всесожженія, какъ Исаакъ, если такова воля Отца Небеснаго, для нашего очищенія и для преведенія насъ въ обѣтованное пакибытіе.

Таковы суть условія, при исполненіи которыхъ человѣкъ можетъ незаблужденно слѣдовать за Хрістомъ, приближаться къ Нему не внѣшно, а внутренно, не мѣстомъ, а духомъ, содѣлываться въ вѣрѣ и любви общникомъ спасительныхъ Его страданій и смерти, и въ упованіи общникомъ Его воскресенія и славы.

Да испытуемъ себя, Христіане, и да отвергаемся всего, что насъ привязываетъ узами пристрастія къ себѣ самимъ, къ плоти, къ міру, да будемъ свободны и легки, чтобы идти за Хрістомъ. Да пріемлемъ безропотно и послушно крестъ свой, то есть, мѣру скорби и страданій, безъ сомнѣнія, непогрѣшительно измѣренную для насъ Провидѣніемъ, соотвѣтственно потребности нашего исправленія, очищенія и усовершенія. Вѣрно да ходимъ за Хрістомъ путемъ самоотверженія и креста; и вѣрно внидемъ въ радость Господа своего. Аминь.

18. СЛОВО

Въ недѣлю четвертую великаго поста, и въ день Алексія, человѣка Божія, говореннoе въ Алексіевскомъ монастырѣ, Марта 17 дня 1835 года.

И тако долготерпѣвъ, получи обѣтованіе. Евр. VI. 15.

Недостатокъ терпѣнія и постоянства въ дѣлахъ, предпріемлемыхъ для вѣчнаго спасенія, нѣкоторымъ кажется недостаткомъ, по немощи человѣческой, обыкновеннымъ, и потому не очень важнымъ.

Къ сожалѣнію, едва ли не правда то, что сей недостатокъ обыкновененъ: но никакъ не правда, чтобы онъ былъ не очень важенъ. Множество душъ по сему недостатку не достигаютъ спасенія: не ужели это маловажно?

Кто не согласился бы войти въ рай, если бы всякой могъ войти въ него нѣсколькими шагами, въ нѣсколько минутъ или часовъ? И тать, и разбойникъ охотнѣе пошли бы на сію легкую и вѣрную добычу, нежели на опасную и невѣрную

добычу татьбы и разбоя. Но когда видятъ, что къ вѣчному спасенію надобно долго идти узкимъ путемъ, съ трудомъ проходить тѣсныя врата,—надобно постоянство, терпѣніе, долготерпѣніе: тогда многіе совращаются на широкій путь искать временнаго удовольствія; и, какъ путь удовольствія законнаго и позволеннаго также не довольно широкъ, и средства онаго самою законностію нѣкоторымъ образомъ ограничиваются и стѣсняются; то, по тому же недостатку терпѣнія, переходятъ къ удовольствіямъ непозволеннымъ, порочнымъ, беззаконнымъ, и непримѣтно приближаются къ вѣчной погибели.

Посему благодѣтельно святый Апостолъ учитъ насъ постоянству и терпѣнію для достиженія вѣчнаго спасенія, и для сего указываетъ на примѣръ Авраама, который *долготерпѣвъ, получи обѣтованіе.* Послѣдуемъ окомъ ума за его указаніемъ. Вникнемъ въ его ученіе.

Богъ повелѣлъ Аврааму оставить отечество, и идти въ неизвѣстную землю: и въ награду за вѣру и послушаніе сему повелѣнію изрекъ обѣтованіе: *сотворю тя въ языкъ велій, и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословенъ. И благословлю благословящія тя, и кленущія тя проклену, и благословятся о тебѣ вся племена земная* (Быт. XII. 2. 3.). Авраамъ повѣрилъ и повиновался. Вышелъ изъ Ура; пришелъ въ Харранъ. Здѣсь лишился отца, можетъ быть, не отъ старости только, но и отъ трудностей путешествія. Но обѣтованіе не исполнилось. Авраамъ пришелъ въ землю Ханаанскую и узналъ, что это земля, обѣтованная ему и его потомству. Но голодъ изгналъ его изъ сей земли въ Египетъ, еще болѣе для него неизвѣстный, еще болѣе опасный. Обѣтованіе становилось почти несбыточнымъ: однако Авраамъ продолжалъ вѣрить, и терпѣлъ. По возвращеніи въ землю обѣтованную, ссора между пастухами Авраама, и племянника его Лота, заставила ихъ раздѣлиться: слѣдственно Авраамъ сдѣлался слабѣе, и тѣмъ большей опасности подвергался отъ сосѣднихъ иноплеменныхъ народовъ; и въ слѣдъ за тѣмъ, по случаю взятія въ плѣнъ Лота въ Содомѣ, вмѣшанъ былъ въ войну противъ четырехъ царей. Мелхиседекъ благословилъ его, какъ побѣдителя, словомъ: но благословеніе Божіе, которое должно было сотворить его въ языкъ великъ, не явилось. Еще Авраамъ не имѣлъ обѣтованнаго сына, какъ уже предречено ему было порабощеніе потомства его въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ. Надобно было долготерпѣніе, чтобы взирать на столь продолжительныя бѣдствія, тогда какъ не видно еще было и начала благословенія. Авраамъ поспѣшилъ имѣть сына отъ Агари: но то была ошибка; Измаилъ не былъ сынъ обѣтованія. Сыну обѣтованія надлежало родиться отъ Сарры: но Сарра была неплодна; Авраамъ и Сарра были оба стары: какое долготерпѣніе нужно было, чтобы еще вѣровать, еще надѣяться исполненія обѣтованія! Наконецъ обѣтованный Исаакъ родился, выросъ; событіе обѣтованія Божія началось; надежда благословеннаго потомства просіяла. Конецъ ли долготерпѣнію Авраама?—Еще нѣтъ. Внезапно Богъ требуетъ Исаака во всесожженіе: отецъ долженъ заклать сына, и въ немъ все свое потомство, и уничтожить Божіе обѣтованіе! Не льзя довольно дивиться, какъ и въ семъ случаѣ достало у отца вѣрующихъ вѣры и долготерпѣнія: но достало. Исаакъ принесенъ въ жертву въ послушномъ Богу сердцѣ отца своего: и тѣмъ самымъ упрочено на жизнь и благословеніе всемірное и вѣчное. Въ сіе время сквозь отдаленіе вѣковъ Авраамъ увидалъ день Христа, приносимаго въ жертву живую и спасительную на крестѣ, *и видѣ, и возрадовася* (Іоан. VIII. 25.), не только о своемъ обѣтованномъ потомствѣ, но и о своемъ обѣтованномъ вѣчномъ спасеніи. *Такъ долготерпѣвъ, получи обѣтованіе.*

Можетъ быть, нѣкоторые подумаютъ: что намъ до Патріарха? Кто можетъ быть другимъ Авраамомъ? — Не льзя одобрить сихъ мыслей. Это уклоненія и отговорки отъ добрыхъ подвиговъ долготерпѣнія въ вѣрѣ, свойственныя тому самому нетерпѣнію, непостоянству, малодушію, лѣности, противъ которыхъ Апостолъ хочетъ вооружить насъ силою примѣра Авраамова. Правда, что Авраамъ человѣкъ единственный, Патріархъ, отецъ вѣрующихъ. Но вы, дѣти вѣры, развѣ не дѣти сего самаго

отца вѣрующихъ? А дѣтямъ прилично ли не подражать доброму отцу? Прилично ли сказать: что намъ до отца? Для чего-жъ и Писаніе говоритъ намъ о Авраамѣ, и о другихъ древнихъ Святыхъ, если сіе до насъ не касается?—Нѣтъ, сказуетъ о путяхъ и судьбахъ ихъ то же Писаніе: *сія вся образы прилучахуся онымъ; писана же быша въ наученіе наше, въ нихъ же концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. X. 11.). Нѣтъ нужды, что мы живемъ почти на другомъ концѣ вѣковъ отъ ветхозавѣтныхъ Патріарховъ; ихъ примѣры не такъ далеки отъ насъ, какъ ихъ времена; ихъ приключенія такъ ведены были Провидѣніемъ, что между тѣмъ, какъ они шли къ исполненію данныхъ имъ обѣтованій временныхъ и вѣчныхъ, они показывали намъ стези къ нашему вѣчному спасенію; и для сего самаго ихъ приключенія описаны въ священныхъ книгахъ. Дѣло не въ томъ, чтобы буквально и чувственно повторять то, что въ нихъ видимъ: Богъ *удоволи насъ служители быти нову Завѣту, не писмене, но духу* (2 Кор. III. 6.). Надобно примѣчать въ Ветхозавѣтныхъ Святыхъ духъ вѣры, который издалеча приближалъ ихъ къ грядущему Христу, и перенимать оный, какъ наслѣдіе, законно слѣдующее намъ, вѣрующимъ во Христа пришедшаго. Итакъ должно смотрѣть на долготерпѣніе Авраама въ вѣрѣ, и побуждать себя постоянно и терпѣливо упражняться въ дѣлахъ вѣры и спасенія, поколику немощь наша позволитъ, паче же, поколику благодать даруетъ.

Разумѣется, что не одинъ Авраамъ подастъ въ семъ примѣръ, но и многіе, если только не всѣ, угодившіе Богу. Непосредственный сынъ и наслѣдникъ обѣтованія Авраамова, Исаакъ, не такъ же ли, какъ отецъ, *долготерпѣвъ, получи обѣтованіе* благословеннаго потомства? Онъ долженъ былъ, не колеблясь въ вѣрѣ, претерпѣть двадцатилѣтнее неплодство Ревекки, опасности и обиды отъ Герарцевъ, наконецъ слѣпоту, которая воспрепятствовала ему дать, какъ онъ хотѣлъ, благословеніе первенцу природы, Исаву, но въ то же время, при его долготерпѣніи вѣры, способствовала дать неотъемлемое благословеніе избранному первенцу благодати, Іакову. И благословенный Іаковъ, котораго Самъ Богъ обѣщалъ *не оставить* (Быт. XXVIII. 15.), не долженъ ли былъ долго терпѣть смертную вражду старшаго брата, двадцатилѣтнюю работу въ домѣ неблагодарнаго Лавана, опасности нападеній, разнообразныя огорченія семейственныя, лишеніе сына любви и надеждъ, Іосифа, наконецъ тягость глада и трудное въ старости переселеніе въ необѣтованную землю Египетскую, въ которой надлежало страдать его потомству, о чемъ предсказаніе, дѣду его бывшее, не могло быть и ему не извѣстно? Кто не знаетъ, сколько долженъ былъ претерпѣть Іосифъ, чтобы достигнуть спасенія своего, и своего племени? Онъ претерпѣлъ вражду братьевъ, рабство, клевету, узы, темницу. Моисей, чтобы содѣлать временное спасеніе своего народа, во образъ нашего вѣчнаго спасенія, также долженъ былъ всю жизнь терпѣть, то сороколѣтнее добровольное изгнанничество, то трудную борьбу съ ожесточеніемъ Фараона, то, почти непрерывную борьбу съ препятствіями природы, и съ непостоянствомъ и невѣрностію своего народа.

Но поспѣшимъ отъ дальнихъ образовъ къ примѣрамъ болѣе близкимъ. Апостолы, мученики, преподобные, сколько долготерпѣли, въ проповѣдываніи Евангелія, въ страданіяхъ за вѣру, въ подвигахъ духовной жизни! Послушаемъ хотя одного святаго Павла, о себѣ разсказывающаго: *отъ Іудей пять краты четыредесять развѣ единыя пріяхъ*, то есть, въ пяти разныхъ случаяхъ получилъ по тридцати девяти ударовъ; *трищи палицами біенъ быхъ, единою каменьми наметанъ быхъ; трикраты корабль опровержеся со мною; нощь и день во глубинѣ сотворихъ; въ путныхъ шествіихъ множицею: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи, въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ* (2 Кор. XI. 24—27). Вспомнимъ наконецъ и долготерпѣніе собравшаго насъ нынѣ во храмъ сей Человѣка Божія. Домъ, богатство,

родителей, невѣсту оставилъ чудный Алексій, избирая тѣсный путь спасенія, семнадцать лѣтъ провелъ безъ жилища, между нищими въ притворѣ церковномъ; и, что еще труднѣе, *пробыть*, какъ сказуетъ повѣсть житія его, *приснопамятный въ отчемъ дому невѣдомъ, еще худый и изнуряемъ, отъ врага побораемъ, отъ любве сродниковъ разжигаемъ, и отъ рабовъ своихъ поругаемъ, не десять дней или сто, но лѣтъ семнадесять всецѣлыхъ* (Пролог.). Какая рѣшительность въ намѣреніи спасенія, какое постоянство въ исполненіи, какое терпѣніе въ искушеніяхъ!

Наша лѣность неохотно смотритъ на таковые примѣры долготерпѣнія въ вѣрѣ. Она охотнѣе ищетъ примѣровъ тому, какъ бы спастись легче и скорѣе. Правда, безконечно-милосердый Богъ сдѣлалъ возможнымъ и сіе, дабы никакой грѣшникъ, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ причины отчаяваться. Въ Евангеліи видимъ, какъ нѣсколько словъ покаянія и вѣры отверзли разбойнику рай. Но при семъ не оставимъ безъ вниманія и того, что сей примѣръ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ безпримѣренъ, именно въ томъ, въ какую неожиданную близость судьба поставила погибающаго со Спасителемъ, безъ возможности удалиться отъ Него пригвожденному ко кресту, и въ какія чудесныя минуты благодати. Примѣтимъ также и то, что покаяніе, не поздное для разбойника на крестѣ, поздно было для другаго, въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ тѣ же самыя благодатныя минуты; что спасенный разбойникъ обратился ко Христу одинъ, въ противоположность нераскаянію Архіереевъ, Князей, Фарисеевъ, Книжниковъ, Старѣйшинъ, цѣлаго Іерусалима. Кто дерзнетъ сказать, что легче и надежнѣе къ исполненію сіе быстрое, ничѣмъ неудержимое возникновеніе изъ погибели во спасеніе, нежели достиженіе спасенія постепеннымъ шествіемъ по пути покаянія и самоисправленія, съ терпѣніемъ и долготерпѣніемъ?

Для успокоенія нашей лѣности и непостоянства, мы говоримъ, что Богъ пріемлетъ и тѣхъ, которые часто падаютъ. Такъ, Онъ пріемлетъ и сихъ: но прежде усматриваетъ, по немощи ли они падаютъ, по невѣдѣнію ли, по соблазнамъ ли и претыканіямъ невольнымъ, или напротивъ, по нерадѣнію, по пристрастію къ порокамъ, въ которые падаютъ, не смотря на свидѣтельство совѣсти противъ беззаконій, въ которыя падаютъ. Есть падающіе, которымъ посылаетъ помощь благодати: и есть падающіе, къ которымъ пренебреженная ими премудрость Божія посылаетъ достойное ихъ слово: *убо и Азъ погибели вашей посмѣюся;—будетъ бо, егда призовете Мя, Азъ же не послушаю васъ; взыщутъ Мене зліи, и не обрящутъ* (Прит. I. 26. 28.).

Если бы ты испытывалъ человѣка, котораго намѣренъ принять въ свой домъ; и если бы онъ, нѣсколько минутъ занимался тѣмъ, что ты ему поручаешь, а потомъ на цѣлый день, или болѣе, обращался къ тому, что ему нравится, что тебѣ противно, что несообразно съ порядкомъ твоего дома: не ужели ты бы его принялъ? Какъ же думать, что всесвятый Богъ менѣе насъ печется о Своемъ вѣчномъ домѣ, о небесномъ градѣ Своего Царствія, да *не имать въ него внити всяко скверно* (Апок. XXI. 27.)? Какъ же думать, что Онъ доволенъ будетъ человѣкомъ, который на минуту вспоминаетъ Его, и на цѣлый день, или еще на многіе дни забываетъ; который нѣсколько дней какъ нибудь постится, и потомъ на годъ предается невоздержанію; который однимъ и тѣмъ же языкомъ теперь *благословляетъ Бога и Отца, и* потомъ *кленетъ человѣки, бывшія по подобію Божію* (Іак. III. 9.); который послѣ покаянія безпечно возвращается ко грѣху, и послѣ грѣха такъ же безпечно не спѣшитъ къ покаянію; въ которомъ не только нѣтъ готовности, ни желанія, ради вѣры и любви къ Богу и Христу, претерпѣть всякую скорбь, всякое лишеніе, всякое бѣдствіе и самую смерть, но который не имѣетъ твердости, для благоугожденія Богу, побѣдить страсть, исправить неправильную склонность, отвергнуть худую привычку, предпочесть дѣло благочестія дѣлу собственной корысти или честолюбія; который, даже послѣ посвященія себя Богу особеннымъ обѣтомъ,

такъ же, какъ безъ обѣта, живетъ міру и работаетъ суетѣ его?

Да уповаемъ, Христіане, на благодать Божію, обѣщавшую и подающую намъ спасеніе: но при томъ *да не лѣниви будете, но подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія вѣрою и долготерпѣніемъ* (Евр. VI. 12.). Аминь.

19. СЛОВО

Въ пятую недѣлю великаго поста.

Она же рѣста Ему: даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, сядева во славѣ Твоей. Іисусъ же рече има: не вѣста, чесо проситa. Марк. X. 37. 38.

Случай, какого не надлежало, по видимому, ожидать, представляется намъ въ сихъ словахъ Евангелія. Лучшіе ученики наилучшаго изъ Учителей, предъ самымъ окончаніемъ обученія, оказываются незнающими! Извѣстно, что двѣнадцать учениковъ, иначе называемые Апостолами, избраны Божественнымъ Учителемъ, Іисусомъ Христомъ, преимущественно предъ тысящами другихъ явныхъ и тайныхъ учениковъ Его. Можно примѣчать, что Іаковъ и Іоаннъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, между самыми двѣнадцатью Апостолами были особенно избранные: ибо имъ, и кромѣ ихъ одному Петру, оказалъ Онъ ту высокую довѣренность, что допустилъ ихъ быть свидѣтелями Своего славнаго Преображенія на Ѳаворѣ, и Своего тяжкаго подвига въ саду Геѳсиманскомъ. Около трехъ лѣтъ сіи счастливые ученики почти неразлучно пребывали съ единственнымъ своимъ Учителемъ, слушая отъ Него глаголы жизни вѣчной. Приближалась минута, когда Онъ скажетъ имъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (Іоан. XV. 15.). И такіе ученики, и въ такое время, не знаютъ, что говорятъ! *Не вѣста, чесо проситa.*

Что же при такомъ просвѣщеніи повергло ихъ въ такое невѣдѣніе? — Желаніе быть выше другихъ, и быть почти равными Тому, Который превыше всего. *Даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, и единъ одесную Тебе, сядева во славѣ Твоей.*

Не уничижимъ, братія, сихъ ближайшихъ послѣдователей Христовыхъ за то, что и они претыкались на пути своемъ, когда еще сошествіе Святаго Духа не озарило ихъ свѣтомъ незаходимымъ, и не укрѣпило силою непобѣдимою. Но видя, какъ иногда самый *свѣтъ міра* (Матѳ. V. 14.) подверженъ былъ затмѣнію, самые *столпы* (Гал. II. 9.) Церкви колебались, помыслимъ, какъ нужно намъ бодрствовать надъ собою, и непрестанно взывать о свѣтѣ и силѣ къ Отцу свѣтовъ и Господу силъ. *Мнѣйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X. 12.).

Апостолъ Павелъ, говоря о грѣхопаденіяхъ и наказаніяхъ Евреевъ, при образованіи изъ нихъ народа Божія подъ руководствомъ Моисея, замѣчаетъ, что *сія вся образи прилучахуся онѣмъ; писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. X. 11.). Подобно сему и объ искушеніяхъ первыхъ послѣдователей Христовыхъ, въ которыя влекла ихъ поврежденная въ Адамѣ природа, и въ которыя неисповѣдимый, но всегда премудрый и благій Промыслъ попускалъ имъ впадать въ то самое время, когда надлежало изъ нихъ образоваться новому народу Божію, можно сказать, что все сіе случилось съ ними, какъ образъ или примѣръ для послѣдующихъ за ними, и описано въ Евангеліи, для наставленія нашего. Такъ, приключеніе Іакова и Іоанна, которые домогались первыхъ мѣстъ предъ Апостолами, научаетъ насъ познавать и отвращать искушеніе, которое заключается *въ желаніи быть выше другихъ.*

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ слышимъ притчу: худой тотъ воинъ, который не желаетъ быть военачальникомъ. Не Соломонова это притча; не мудрость это, но мудрованіе плотское и суетное. Истинная притча говоритъ: *иже высокъ творитъ свой домъ, ищетъ сокрушенія* (Прит. XVII. 16.). И еще: *не чистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Прит. XVI. 5.). Съ симъ согласна притча и Того, Который болѣе Соломона: *всякъ возносяйся, смирится* (Лук. XVIII. 14.).

Трудно понять, какъ не понимаютъ сихъ ясныхъ свидѣтельствъ истины мудрователи вѣка сего, которые, не преставая называться послѣдователями Христовыми, вопреки слову Христову, желаніе возвести себя выше другихъ, однимъ словомъ, честолюбіе полагаютъ правильною чертою благороднаго духа. Они думаютъ даже Апостола Павла поставить проповѣдникомъ честолюбія, поймавъ его изреченіе: *добрѣе мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. IX. 15.). Но вслушайтесь внимательнѣе въ проповѣдь Апостола, вы, проповѣдники честолюбія, и узнайте разность между ревностію къ похвалѣ, которая одушевляетъ его, и между алчностію къ чести, которая васъ слѣдуетъ. Вы думаете исполненіемъ должности заслужить честь: онъ говоритъ, что исполненіе священнѣйшей должности, благовѣствовать небесную истину, не приноситъ ему никакой похвалы, какъ дѣло необходимой обязанности: *аще благовѣствую, чьсть ми похвалы; нужда бо ми належитъ* (1 Кор. IX. 16.). Вы за каждый подвигъ желаете награды: онъ полагаетъ свою награду въ томъ, чтобы оставался безъ награды, на которую имѣетъ право: *какая убо ми есть мзда? да благовѣстяй безъ мзды положу благовѣствованіе Христово, во еже не творити ми области моей въ благовѣствованіи* (8.). Вы усиливаетесь исторгнуться изъ подчиненія, и получить свободу и власть надъ другими: а онъ, имѣя полную свободу, отрекается отъ нея, и порабощаетъ себѣ всѣмъ: *свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ* (19.). Да умрете вы, или по крайней мѣрѣ, да откажется гордымъ презрѣніемъ тотъ, кто чтитъ наиболѣе чести предъ человѣками, Апостолъ говоритъ: пусть умру я, если уничижитъ похвалу мою предъ Богомъ: лучше мнѣ умереть, нежели потерять повелѣніе Божіе: *добрѣе мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ*. Возможно ли сію святую ревность о безкорыстномъ служеніи Богу унижимъ, смѣшивать съ страстію честолюбія! Спросите ваше честолюбивое сердце: каково было бы ему, если бы заставили его почувствовать, что вы худшіе изъ людей одинакаго съ вами состоянія, что вы первые изъ всѣхъ достойны презрѣнія и осужденія? Но Апостолъ Павелъ сіе самое чувствованіе сердца непринужденно исповѣдуетъ предъ цѣлою Церковію: *азъ есмь мнѣй Апостоловъ, и недостоинъ нарещися Апостолъ, первый отъ грѣшныхъ есмь азъ* (1 Кор. XV. 9.). Если вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобы столь уничижительное признаніе столь великаго изъ Святыхъ могло произойти отъ внутренняго убѣжденія: то знайте, что не иная какая причина, какъ честолюбіе же препятствуетъ вамъ вѣрить тому, что чувствуетъ духовный человѣкъ во глубинѣ своего смиренія. *Какo можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, иже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. V. 44.)?

Но возвратимся къ Іакову и Іоанну, и снимемъ нѣкоторыя черты, которыми ознаменовалось въ нихъ желаніе превознести себя надъ другими.

Во-первыхъ, сіе желаніе побудило ихъ къ домогательству странному и немало несообразному съ обстоятельствами, въ которыхъ они находились. *Даждь намъ*, говорили они Іисусу Христу, *даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, сѣдева во славѣ Твоей*. Но время ли было говорить сіе? Предъ симъ самымъ говорилъ имъ Іисусъ Христосъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ Архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ и поругаются Ему* (Марк. X. 33.). И вскорѣ надлежало исполниться сему предсказанію. Какая же несообразность! Онъ идетъ на мѣсто поруганія и смерти: а они хотятъ дѣлить между собою первыя мѣста во славѣ Его. Настаетъ время подвига: а они просятъ вѣнца. Надлежало бы просить вѣры, чтобы не быть ни первыми, ни послѣдними въ оставленіи Господа своего, когда Онъ преданъ будетъ: а они предлагаютъ странное требованіе, быть ближе всѣхъ къ Тому, Котораго вскорѣ оставятъ! Не такія же ли запутанности, въ разныхъ видахъ, представляетъ и нынѣ желаніе превознести себя надъ другими? Домогаются высокаго

мѣста: но не примѣчаютъ пропастей, то есть, опасностей, которыя находятся на пути къ нему, или окружаютъ оное. Иной, на примѣръ, говоритъ: дайте мнѣ сѣсть на мѣсто правосудія: но не помышляетъ, что, можетъ быть, мѣсто сіе обложено сѣтями клеветы, подкопано мздоимествомъ, что оно ждетъ не того, кто бы на немъ, какъ на престолѣ, являлъ себя въ блескѣ славы, но того, кто бы на немъ, какъ на жертвенникѣ, принесъ въ жертву справедливости свое спокойствіе, свои выгоды, а иногда благоволеніе многихъ сильныхъ, чтобы спасти одного безсильнаго. Не многіе ли стараются достигнуть сего престола, тогда какъ готовы бѣжать отъ сего жертвенника? Что сказать о томъ родѣ честолюбія, котораго нелѣпость чувствуютъ нѣкоторые изъ самыхъ честолюбцевъ,— о честолюбіи тѣхъ, которые стараются дойти до священнаго сѣдалища правды путемъ неправды и святокупства, достигнуть высшей степени въ обществѣ низкими средствами человѣкоугодія, лести и раболѣпства? — Не сдѣлаемъ несправедливости никому изъ честолюбивыхъ, если скажемъ имъ безъ исключенія то же, что сказалъ Первый и Послѣдній Своимъ искателямъ первенства: *не знаете вы, чего ищете.*

Во-вторыхъ, желаніе превозношенія обнаружило въ Іаковѣ и Іоаннѣ тотъ недостатокъ, что они не довольно вникали въ самихъ себя, въ свои способности и въ свое внутреннее состояніе. Ибо въ семъ сокровенно ихъ обличаетъ Господь, когда вопрошаетъ притчею: *можета ли пити чашу, юже Азъ пію, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, креститися* (Марк. X. 38.)? Сія чаша Христова есть та самая, о которой Онъ молился въ саду Геѳсиманскомъ: *Отче мой! аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI. 39.); то есть, чаша страданія и смерти. Сіе крещеніе Христово есть крещеніе кровію, пролянною на крестѣ. Слѣдственно вопросъ, предложенный Іакову и Іоанну, вводитъ ихъ въ испытаніе самихъ себя, способны ли они участвовать въ страданіяхъ и крестѣ Христовомъ. И хотя они, совершенно или несовершенно выразумѣвъ сіе, провозгласили себя способными, что, по видимому, призналъ и Господь, когда сказалъ имъ: *чашу убо, юже Азъ пію, испіета; и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, креститася* (Марк. X. 39.): но послѣдующія событія показываютъ, что Господь обѣщалъ только имъ на будущее время даръ участія въ Его страданіяхъ, что и совершилось наконецъ усѣченіемъ Іакова, и заточеніемъ Іоанна; въ самое же то время, когда они такъ рѣшительно утверждали, что могутъ пить чашу Христову, они весьма далеки были отъ сей возможности; ибо когда Іисусъ Христосъ предъ сею чашею стоялъ въ молитвѣ, они и могли и единаго часа пребыть съ нимъ во бдѣніи; а когда Іудеи возложили на Его руки; тогда они вмѣстѣ съ прочими *оставльше Его, бѣжаша* (Марк. XIV. 50.). Таковое незнаніе себя и мѣры своихъ силъ и способностей, есть обыкновенный недостатокъ людей, коими обладаетъ желаніе превозношенія. Они готовы занять всякое мѣсто, которое обѣщаетъ удовлетвореніе сему желанію: а того и знаютъ, что, можетъ быть, первый тѣмъ, котораго потребуетъ сіе мѣсто, приведетъ ихъ въ изнеможеніе, первая ясность обратитъ въ бѣгство. Спроси себя, ищущій того, что выше тебя, можешь ли ты пить чашу, къ которой простираешь руку? Если ты думаешь, что тебѣ надлежитъ возсѣсть у самаго кормила правленія обществомъ: то можешь ли правильно обращать сіе великое орудіе, и твердо удержать во время бурь? Если желаешь быть наименованъ мужемъ совѣта въ собраніи старѣйшинъ: то имѣешь ли въ себѣ потребную для сего званія мудрость и духъ совѣта? Если порываешься изъ круга простыхъ гражданъ, и вступить въ сословіе благородныхъ мужей: то подлинно ли благородствомъ духа надѣешься ты поддержать себя на ряду сторугими, принадлежащими къ сему сословію, или одною суетною пышностію, наружнымъ блескомъ, который только обнаружитъ то, чего тебѣ недостаетъ, и вѣроятно, истощитъ то, что имѣешь? Чѣмъ болѣе кто имѣетъ истиннаго познанія о себѣ: тѣмъ менѣе почитаетъ себя способнымъ устоять въ таковомъ испытаніи, потому и пріемлетъ въ законъ

своего поведенія правило Мудраго: *высшихъ себе не ищи* (Сир. III. 21.). Напротивъ того, чѣмъ усильнѣе и дерзновеннѣе кто ищетъ того, что выше его: тѣмъ несомнительнѣе можно заключать, что онъ или не испыталъ себя, или обманулся въ семъ испытаніи, и обманетъ надежду тѣхъ, которые будутъ благопріятствовать исполненію его желанія.

Въ-третьихъ, желаніе превозношенія, воздѣйствовавъ въ Іаковѣ и Іоаннѣ, сопровождалось нарушеніемъ мира между Апостолами. *И слышавше десять, начаша негодовати о Іаковѣ и Іоаннѣ* (Марк. X. 41.). Евангельская Исторія не изъясняетъ, какого рода было сіе негодованіе: огорчились ли Апостолы неблаговременнымъ стуженіемъ Учителю своему о преимуществахъ во славѣ, когда Онъ приготовлялся и приготовлялъ ихъ ко вступленію въ трудное поприще креста; оскорблялись ли несправедливостію, которая обнаруживалась въ томъ, что изъ двѣнадцати, которые равнымъ образомъ оставили все для Іисуса, и пребыли съ Нимъ въ напастяхъ Его, и которымъ потому всѣмъ равно обѣщаны дванадесять престоловъ въ царствіи Его, двое хотятъ восхитить нѣкій особенный степень славы; или наконецъ и въ прочихъ десяти дѣйствовалъ тотъ же духъ превозношенія, такъ какъ нѣкоторые, по видимому, могли представить свои особенныя права на предпочтеніе прочимъ, какъ на примѣръ, другой Іаковъ то, что онъ былъ сродникъ Господень по плоти, Андрей то, что онъ первый рѣшился послѣдовать Іисусу (ибо и въ одномъ и томъ же подвигѣ важнѣе подать первый примѣръ, нежели послѣдовать примѣру другихъ),—Петръ то, что онъ первый исповѣдалъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ. Но какъ бы то ни было: довольно ясно въ наставленіе наше написано въ сей исторіи то, что между Апостолами никогда не видно было взаимнаго негодованія, доколѣ не являлось между ними желаніе первенства; но какъ скоро возникло сіе желаніе, въ слѣдъ за нимъ открылось и взаимное негодованіе. Сіе значитъ, что ближайшее порожденіе духа превозношенія и честолюбія есть духъ несогласія и раздора. Апостолъ, предрекая о послѣднихъ временахъ, между прочимъ сказуетъ, что тогда *за преумноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. XXIV. 12.). Не много нужно проницанія, чтобы усмотрѣть между нами сіе печальное знаменіе: а съ симъ вмѣстѣ можно примѣчать и то, что изъ всѣхъ беззаконій, едва ли не болѣе всѣхъ изсушается любовь гордостію и честолюбіемъ. Роскошный легко дружится съ роскошнымъ; корыстолюбивый, если не въ сообществѣ съ корыстолюбивымъ, то убѣгаетъ его: но честолюбивый честолюбиваго старается низринуть и истребить, и не оставляетъ въ мирѣ и покоѣ никого, потому что послѣдняя цѣль его есть видѣть всѣхъ подъ ногами своими.

Познаемъ, Христіане, въ страстномъ желаніи быть выше другихъ, тяжкую и опасную болѣзнь человѣческаго духа и язву общества. Познавъ же сіе, пріимемъ или къ исцѣленію, или къ предохраненію нашему, и тѣ врачевства, которыми врачевалъ оную Врачъ душъ и тѣлесъ въ ученикахъ Своихъ.

Іисусъ, призвавъ ихъ, глагола имъ: вѣсте, яко мнящіися владѣти языки соодолѣваютъ имъ, и велицыи ихъ обладаютъ ими, не такоже будетъ въ васъ (Марк. X. 42.). Первымъ врачевствомъ противъ духа превозношенія и преобладанія должна быть мысль, что это есть духъ, свойственный язычникамъ. Это ихъ несчастіе, что они плѣняются славою человѣческою, потому что не знаютъ славы Божіей; усиливаются превознести себя на земли; потому что не имѣютъ упованія взыти на небо. Мы ли, Христіане, познавъ истинную славу, будемъ гоняться за ложною? Нѣтъ, братія! *Не тако да будетъ въ васъ.*

Но какъ же должны поступать Христіане? Божественный Наставникъ нашъ продолжаетъ: *иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга* (43.). Желаешь ли превосходства и совершенства? старайся преимущественно и совершенно служить благу ближнихъ. Если ты уже выше другихъ по твоему званію; тѣмъ болѣе старайся служить благу ихъ, чтобы ты не былъ ниже своего званія: но если ты и ниже другихъ; также ревностно старайся служить благу ихъ, и тогда никто здравомыслящій не скажетъ, что ты въ низкомъ состояніи; поелику и высочайшая земная власть, по понятію Христіанскому,

не иное что есть, какъ *Божій слуга во благое* (Рим. XIII. 4.).

Наконецъ, если, не смотря на сіе, ветхій Адамъ, нѣкогда восхотѣвшій быть яко Богъ, еще тоскуетъ въ тебѣ, когда ты умаленъ предъ человѣками, или, когда ты возвышенъ предъ нѣкоторыми изъ нихъ, вновь льститъ тебѣ мечтою, что ты можешь быть Божествомъ надъ ними: то войди во врачебницу новаго Адама, и пріими противу сей древней болѣзни вѣчноживотное врачевство. Іисусъ Христосъ предлагаетъ тебѣ во врачевство Самого Себя: *ибо Сынъ человѣчь не пріиде, да послужатъ Ему, но да послужитъ, и дастъ душу Свою избавленіе за многи* (Матѳ. XX. 28.). Христіанинъ! Не ужели ты думаешь вознестись выше Христа твоего? *Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его* (Матѳ. X. 25.). Но Божественный Учитель нашъ, будучи Господь всѣхъ, смиряетъ Себя и служитъ рабамъ Своимъ: кольми паче да смиримъ себя мы, и послужимъ другъ другу любовію, *честію другъ друга больша себе творяще* (Филип. II. 3.). Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

СЛОВА

НА БОГОРОДИЧНЫЕ ДНИ.

СЛОВА

НА БОГОРОДИЧНЫЕ ДНИ.

1. СЛОВО

Въ день Рождества Пресвятыя Богородицы.

И отвѣща имъ глаголя: кто есть мати Моя или братія Моя? Марк. III. 33.

Отъ чего праведная Елисавета, какъ скоро увидѣла пришедшую къ ней Дѣву Марію, и услышала изъ устъ Ея обыкновенное привѣтствіе посѣщающихъ, тотчасъ исполнилась такою радостію, что радость сія сообщилась и младенцу во чревѣ ея, и онъ взыгрался, и матерь воскликнула и начала благословлять Дѣву! Отъ того, какъ объясняетъ сама Елисавета, что въ Маріи узнала она Матерь Господа. *Откуду*, говоритъ, *мнѣ сіе, да пріидетъ Мати Господа моего ко мнѣ?*

Отъ чего и Церковь о Пресвятой Дѣвѣ Маріи такъ радуется, и съ такимъ восторгомъ ублажаетъ Ее? Почему самому рожденію и младенчеству Ея воздаетъ праздничную честь, безпримѣрную для прочихъ святыхъ и праведныхъ? — Кажется, и на сіе не нужно искать другаго отвѣта, кромѣ того, который нашли мы въ пророческомъ духѣ Елисаветы: Марія есть Мати Господа нашего.

Но посмотрите, какую нечаянность представляетъ намъ Евангеліе. Мати Господа, которую такъ рано нашла и намъ указала Елисавета, внезапно скрывается. Се Господь Самъ вопрошаетъ: *кто есть Мати Моя?*—Не льзя вообразить, чтобы Онъ или не зналъ Своея Матери, или хотѣлъ отречься отъ Нея: однако вопрошаетъ: *кто есть Мати Моя*,—значитъ, или не знать Ея, или отрицаться отъ Нея.

И что же мы дѣлаемъ, когда ублажаемъ благословенную Матерь Господа нашего, думая тѣмъ угодить Ему, и къ Нему чрезъ Нее приближиться, если Онъ нѣкоторымъ образомъ устраняетъ Ее отъ Себя?

Не смущайтесь, Пѣснословцы Богородицы, отъ сего труднаго помышленія. Оно поведетъ насъ къ размышленіямъ, которыя

не поколеблютъ, но утвердятъ насъ въ увѣренности о Ея Божественной славѣ, также какъ и въ разумѣніи святаго ученія Сына Ея и Бога.

Сѣдлше, повѣствуетъ Евангелистъ Марко, *народъ окрестъ Его. Рѣша же Ему: се Мати Твоя и братія Твоя и сестры Твоя вѣнъ ищутъ Тебе. И отвѣща имъ глаголя: кто есть Мати Моя или братія Моя?*

Что не хощетъ Онъ знать братій Своихъ, то понять не трудно. Въ то время они были достойны таковаго отчужденія, потому что, какъ замѣчаетъ Евангелистъ Іоаннъ, *ни братія Его вѣроваху въ Него* (VII. 5.). Но и кромѣ вины невѣрованія ихъ, справедливо сіе потому, что это были мнимые только братія Іисуса; ибо это было родство Іосифа, мнимаго отца Іисусова. Такимъ образомъ отрекаясь отъ братій, по рожденію плотскому такъ называемыхъ, Господь не отрицаетъ никакой истины земной, а утверждаетъ небесную истину Своего Божественнаго рожденія.

Но какимъ образомъ и Матерь Господа подвержена одинакому жребію съ Его братіями? Она не мнимая, а истинная матерь Его по человѣчеству; сего высокаго достоинства никогда не унизила Она невѣрованіемъ въ Него, яко истиннаго Сына Божія. Одна та вѣра, которою Она пріяла Его, прежде Его земнаго рожденія и зачатія, во время благовѣщенія Архангелова, уже превосходитъ вѣру всѣхъ прочихъ вѣрующихъ. Когда Іисусъ, еще младенецъ, во яслахъ, признанъ отъ пастырей Спасомъ, Христомъ, Господомъ: тѣмъ, какъ не вѣрою, побуждаема была *Мати Его соблюдать вся глаголы сія въ сердцы Своемъ* (Лук. II. 19.)? Прежде нежели чудесами *явилъ* Онъ *славу Свою, и вѣроваша въ Него ученицы Его* (Іоан. II. 12.), Матерь Іисусова столько уже вѣровала въ Его чудодѣйственную силу, что сотворить первое чудо въ Канѣ Галилейской, Она именно Его убѣдила. Такъ Она и ранѣе другихъ, и совершеннѣе другихъ, и вѣровала въ Него, и познавала Его: а Онъ то произноситъ вожделѣнное имя Матери, и уклоняется отъ того, чтобы видѣть ее: *кто есть Мати Моя?* то видитъ Ее, и не даетъ Ей имени Матери: *что есть, глаголетъ, мнѣ и тебѣ жено?* И паки: *жено, се сынъ твой.*

Господи! Не дѣянія Твои мы истязуемъ; но премудрости Твоей спасительной научиться желаемъ. Не постави намъ въ вину испытанія писаній, и даруй благодать разумѣнія.

Нужно ли предостерегать васъ, Христіане, дабы вы не подумали, будто Господь не вполнѣ чтитъ Преблагословенную Матерь Свою? Едва ли нужно. Ибо вамъ должно быть извѣстно всеобщее противъ недоразумѣній сего рода предостереженіе, которое Онъ Самъ сдѣлалъ еще Іудеямъ, когда сказалъ: *да не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки; не пріидохъ разорити, но исполнити* (Матѳ. V. 18.). Посему, безъ сомнѣнія, не разорилъ, но исполнилъ Онъ и сію заповѣдь закона: *чти отца твоего и матерь твою.* И подлинно, когда Его, еще въ юныхъ лѣтахъ, проникнутаго чувствомъ Своего назначенія, не разумѣвшіе того родители пришли отторгнуть отъ собесѣдованія съ учителями закона Божія, и увлекъ изъ храма; тогда Онъ, хотя сдѣлалъ возраженіе противъ сего поступка родителей, но тѣмъ не менѣе *бѣ повинуяся има* (Лук. II. 51.). И наконецъ, когда страданія крестныя раздирали Его душу и тѣло; когда произнесными членами такъ тяжко висѣлъ Онъ на гвоздяхъ между жизнію и смертію, а на Немъ цѣлый міръ висѣлъ надъ погибелію въ ожиданіи спасенія, ни муки всего ада, ни попеченія всего міра, всѣхъ временъ и вѣчности, не заглушили въ Немъ чувства законной обязанности къ Матери. Сію обязанность, которой исполненіе пресѣкалось для Него вмѣстѣ съ земною жизнію, Онъ передалъ тогда Іоанну, котораго дѣвство и любовь содѣлали достойнымъ служителемъ Дѣвы-Матери; а чрезъ то и въ сей части закона, подобно какъ во всѣхъ другихъ, показалъ намъ совершенство, состоящее въ томъ, чтобы почтеніе къ родителямъ, и попеченіе о нихъ, простиралось на всѣ обстоятельства жизни, до гроба, и далѣе гроба.

Если же и въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, столь совершенное почтеніе Матери Своей оказалъ Господь нашъ: то безъ сомнѣнія должно заключить, что и въ

другихъ случаяхъ, хотя Онъ, по видимому, чуждался Ея, чуждался отнюдь не въ предосужденіе духовному *величію*, которое *сотворилъ* Онъ Ей Своимъ отъ Нея рожденіемъ, а только по уваженію другихъ высокихъ обязанностей Своего земнаго служенія. Вспомнимъ Его ученіе: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. X. 37.). Такъ поучая, такъ долженъ Онъ былъ и творить, и примѣромъ дать силу поученію, по собственному Его правилу, что *велій въ царствіи небесѣмъ* долженъ *сотворить и научить* (Матѳ. V. 19.). Посему надлежало Господу Іисусу когда нибудь въ земной жизни Своей дѣломъ показать, какъ любитъ Онъ земную Матерь Свою совершенно, только не *паче* Отца Своего небеснаго, и какъ сыновнюю по человѣчеству любовь приноситъ въ жертву дѣлу Божію, Имъ совершаемому.

Теперь смотрите, какъ симъ умозрѣніемъ объясняются дѣла Христовы, казавшіяся съ перваго взгляда непонятными.

Матерь Іисуса требуетъ, чтобы Онъ чудесно произвелъ вино на бракѣ. Но чудеса назначены не для угожденія Матери, а для явленія славы Божіей. Итакъ здѣсь угожденіе Матери надлежало принести въ жертву: и, для совершенства сего жертвоприношенія, пожертвовано и самою мыслію о Матери, и самымъ наименованіемъ Матери: *что есть Мнѣ и тебѣ, жено?* Впрочемъ, часъ явить славу Божію, который не пришелъ прежде сея жертвы, наступилъ въ слѣдъ за оною: и потому чудо, въ которомъ, по видимому, отказано Матери, чрезъ минуту совершается.

Матерь Іисуса и братія Его приходятъ, чтобы взять Его изъ дома, гдѣ Онъ многочисленному народу проповѣдуетъ небесную истину. Они предприняли сіе по доброму побужденію, почитая Его находящимся въ опасности: потому что Его враги огланали Его то неистовымъ, то дѣйствующимъ чрезъ князя бѣсовскаго, и умышляли погубить Его. Но если бы Онъ покорился волѣ Своихъ сродниковъ: то былъ бы нанесенъ вредъ дѣлу Божію, не только потому, что безвременно прервалась бы Его проповѣдь, но и потому, что враги Его, какъ доказательство клеветы, употребили бы взятіе Его сродниками, какъ будто имѣющаго нужду въ ихъ попеченіи. Итакъ должно было и здѣсь угожденіе Матери принести въ жертву: и сія жертва опять была полнымъ всесожженіемъ, то есть, Господь принесъ въ жертву всю Свою любовь къ Возлюбленной Матери, и самую мысль и память о Ней: *кто есть Мати Моя?*

Какъ-бы такъ говоритъ Онъ: «для чего «волею земной Матери хотите вы отвлечь «Меня отъ исполненія воли Отца небеснаго? «Когда сіи двѣ воли влекутъ въ разныя «стороны: Я знаю, и тотчасъ покажу, ко«торой изъ нихъ, и съ какою рѣшитель«ностію, должно послѣдовать. Оставляю зе«мное рожденіе и родство, какъ бы Я за«былъ его, какъ бы его совсѣмъ не было: «совершенно преданъ есмь волѣ Отца небеснаго, и дѣлу Его, и Царствію Его; «здѣсь ищу Себѣ и родства, если его имѣть «надобно; *кто есть мати Моя или бра«тія Моя?* Кто же они? *Чада Божіи, вѣ«рующіе во имя Его, иже не отъ крове, «ни отъ похоти плотскія, ни отъ по«хоти мужескія, но отъ Бога родишася* «(Іоан. I. 12. 13.); или паче: *иже аще «сотворитъ волю Божію, сей братъ «Мой, и сестра Моя, и мати Ми есть».*

Видите, Христіане, что Господь не Матерь Свою, всякаго ублаженія достойную, вниманія лишаетъ, но насъ поучаетъ истинѣ и правдѣ, словомъ и примѣромъ. Внимайте и поучайтесь; примѣчайте и подражайте.

Когда родители, сродники, наставники, начальники требуютъ отъ васъ того, что противно мудрованію вашему, вашей склонности, вашему вкусу, но что нужно, или полезно, или по крайней мѣрѣ, безвредно: пожертвуйте мудрованіемъ вашимъ, вашею склонностію, вашимъ вкусомъ обязанности повиновенія. Вспомните Іисуса, Премудрость Божію, Который *бѣ повинуяся* Іосифу древодѣлю.

Когда ваши родители, сродники, ближніе, требуютъ помощи, утѣшенія, служенія, между тѣмъ какъ вы сами въ нуждѣ, въ скорби, въ немощи: соберите послѣднія силы ваши; забудьте свою скорбь для облегченія ихъ скорби; раздѣлите съ ними

послѣднюю крупицу и послѣднюю каплю. Вспомните Іисуса, среди мученій крестныхъ, пекущагося о спокойствіи Своей Матери.

Но когда несчастный примѣръ и желанія вашихъ родителей, сродниковъ, людей вами почитаемыхъ и любимыхъ, отвлекаютъ васъ отъ исполненія священныхъ обязанностей къ Богу, вовлекаютъ въ дѣла противныя закону, нарушающія миръ совѣсти, противныя истинному благу и спасенію безсмертной души вашей: тогда спросите и вы себя словомъ Іисусовымъ: *кто есть мати моя, или братія моя?* Вспомните, что у васъ есть лучшее и высшее обыкновеннаго родство; что Богъ, Отецъ вашъ; что Церковь, Матерь ваша; что всѣ творящіе волю Божію, всѣ Святые, суть ваши братія, или по крайней мѣрѣ, желаютъ быть вамъ братіями; не унизьте себя предъ симъ высокимъ родствомъ; не разлучите себя отъ сего добраго и прекраснаго семейства; сотворите и вы волю Божію вмѣсто человѣческой; да и на васъ укажетъ Господь, и речетъ: *се мати Моя и братія Моя.* Аминь.

2. СЛОВО

Въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

Явися бо благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ. Тит. II. 11. 12.

Если память жизни и дѣяній Святыхъ естественно приводитъ къ размышленію о добродѣтеляхъ и совершенствахъ, которыми жизнь ихъ была ознаменована: то къ настоящему торжественному воспоминанію посвященія Богу Преблагословенныя и Пречистыя Дѣвы Маріи что можетъ быть ближе, какъ размышленіе о дѣвствѣ и цѣломудріи? Ибо не Она ли положила твердое основаніе дѣвства? Не Она ли возвела оное до безмѣрной высоты?

Міръ ветхозавѣтный ревновалъ о чадородіи, а потому и о бракѣ, домогаясь родить Спасителя міра. Онъ такъ мало понималъ и чтилъ дѣвство, что дѣвство, навсегда чуждое брака, было для него предметомъ оплакиванія. Дщерь Іефѳаева, которая должна была умереть, *не познавъ мужа*, не только *иде сама, и другини ея, и плакася дѣвства своего на горахъ*, но и послѣ смерти ея *отъ дней до дней исхождаху дщери Израилевы плакати о дщери Іефѳая Галаадитина четыре дни въ лѣтѣ* (Суд. XI. 38. 40.). Жизнь Іоанна Крестителя, и, еще прежде, жизнь Пророковъ Иліи и Елисея,— вотъ раннія указанія на достоинство дѣвства: но и сіи указанія въ свое время не поняты; потому что Евреи чаще видали Пророковъ, не чуждающихся жизни супружеской, какъ на примѣръ: Моисея, Самуила и другихъ. Были отъ начала міра человѣки Божіи: но первая Дѣва Божія есть Преблагословенная Марія. Въ непорочности младенческой бывъ посвящена Богу на всегдашнюю чистоту, Она сдѣлалась первымъ, навсегда непоколебимымъ, основаніемъ Ангельской на земли жизни.

И въ какой, больше нежели небесной, высотѣ, Она показала намъ достоинство дѣвства! Отъ Евы до Нея, женскій полъ, такъ какъ и мужескій, служилъ закону брака, въ чаяніи той награды, что рано или поздно произведетъ на свѣтъ благословенное Сѣмя, Которое *сотретъ главу* адскаго *змія* (Быт. III. 17.), и о Которомъ *благословятся вси языцы земніи* (Быт. XXII. 18.): но сія награда не браку была предназначена. Бракъ могъ раждать только человѣковъ. Одно дѣвство достойно было родить Богочеловѣка.

Но прежде нежели скажу что нибудь о дѣвствѣ собственно для васъ, которые меня слушаете, опасаюсь помысла, который, можетъ быть, захочетъ отражать отъ вашего сердца слово о дѣвствѣ —«Дѣвство Пресвятыя Богородицы, избранное быть пріятелищемъ воплощенія Сына Божія, есть единственное въ родѣ человѣческомъ, которое какъ предъ собою не имѣло примѣровъ, такъ и по себѣ не будетъ имѣть

подражателей.» — То правда, что не будетъ другаго воплощенія Бога Слова, ни другой Матери Божіей: однако, братія, изъ сего не должно заключать, будто дѣвство Преблагословенныя Маріи не представляетъ намъ никакого примѣра для подражанія, не подаетъ никакого ученія для жизни.

Если Дѣва Марія удостоена высочайшаго избранія Божія: то разсуждайте, почему сіе сдѣлано? Скажете: по особенной благодати Божіей? — Не спорю. Но разсуждайте далѣе: благодать Божія можетъ ли быть въ противорѣчіи съ правдою Божіею?—Нѣтъ, безъ сомнѣнія. Если въ человѣкѣ несогласіе съ самимъ собою есть нелѣпость: кольми паче въ Богѣ, существѣ всесовершенномъ, должно быть совершенное согласіе свойствъ и дѣйствій, сродное чистѣйшему единству. Итакъ, если Дѣва Марія удостоена высочайшаго избранія по благодати Божіей; то равномѣрно и по правдѣ Божіей. Превыше всѣхъ вознесена Она избраніемъ; потому что превыше всѣхъ явилась достойною избранія, по своимъ душевнымъ качествамъ и расположеніямъ, и, между прочимъ, по чистѣйшему дѣвству, которымъ Она, какъ солнце, взошла, очевидно превыше всего древняго, вѣрно же и превыше всего грядущаго міра. Отсюда надлежитъ заключить, что если Преблагословенная Марія чистѣйшимъ дѣвствомъ достигла высочайшаго и безмѣрнаго избранія Божія: то, хотя и не возможно равное сему избраніе, однако подражающій, по возможности, Ея дѣвству, по правдѣ Божіей, можетъ, подобно Ей, уповать особенной благодати Божіей, особеннаго избранія, особеннаго приближенія къ Богу. Если Ее одну дѣвство содѣлало честнѣйшею Херувимъ, и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ: то Ея подражателей по крайней мѣрѣ оно можетъ содѣлать равными Ангеламъ. Если Ее одну дѣвство содѣлало осѣненною скиніею Духа Святаго, Матерію Сына Божія: то можетъ оно тѣмъ не менѣе и другія души содѣлать дщерями Божіими, ближними Царя небеснаго, невѣстами Христовыми. Сіе именно возвѣщаетъ намъ тайнознаменательный псаломъ: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея* (Пса. XLIV. 15.).

Если умозаключенія кажутся вамъ не довольно надежны; а рѣчи Пророковъ и гаданія не довольно ясны: то хотите ли отъ Самого Господа узнать о равноангельномъ достоинствѣ дѣвства? Слышите собственное слово Его: *въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи на небеси суть* (Матѳ. XXII. 30.); или, какъ пересказываетъ другой Евангелистъ, *равни суть Ангеломъ* (Лук. XX. 36.). Состояніе, въ которомъ ни женятся, ни посягаютъ, слѣдственно, всегдашнее дѣвство, Господь называетъ состояніемъ равноангельнымъ.

Хотите ли узнать изъ слова Божественнаго, что дѣвство не только для многихъ возможно къ соблюденію, но и для всѣхъ вожделѣнно? — Слышите слово Апостола Павла къ Коринѳянамъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже азъ* (1 Кор. VII. 7.). Что значитъ: *якоже азъ?* — Сіе изъясняетъ онъ далѣе въ томъ же Посланіи: *еда не имамы власти сестру жену водити? Но не сотворихомъ по области сей, но вся терпимъ, да не прекращеніе кое дамы благовѣствованію Христову* (IX. 5. 12.). То есть, онъ лишилъ себя помощи и утѣшеній брачнаго состоянія, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе заниматься проповѣданіемъ Евангелія. Слѣдственно и всѣмъ Апостолъ желалъ бы того, чтобы посвятили себя на служеніе Богу и благочестію въ дѣвствѣ.

Хотите ли видѣть высокій жребій, уготованный дѣвству отъ Бога? — Смотрите очами тайновидца Іоанна: *и видѣхъ, и се Агнецъ стояше на горѣ Сіонстѣй, и съ нимъ сто и четыредесять и четыре тысящи, имуще имя Отца Его, написано на чельхъ своихъ.* Онъ слышалъ ихъ *поющихъ пѣснь нову предъ престоломъ Божіимъ, и никтоже можаше навыкнути пѣсни, токмо сіи.* Кто жъ это?—спросите вы.—Онъ отвѣтствуетъ: *сіи суть, иже съ женами не осквернишася: зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ; сіи суть куплени отъ людей, первенцы Богу и Агнцу* (Апок. XIV. 1—4.).

Видите превосходное достоинство дѣвства. Полюбопытствуйте знать, что такое

дѣвство, и какъ сія добродѣтель совершается.

Каждый, по собственному опыту, знаетъ дѣвство, какъ естественное состояніе, предшествующее браку, не испытавшее тайнъ брака, не пробужденное къ познанію ихъ. Но это есть только несовершенный начатокъ того, о чемъ теперь бесѣдуемъ. Это еще только трава лилій, а не цвѣтъ; только лѣторасль яблони, а не яблоко благовонное. Дѣвство младенчества, по тому самому, что есть просто естественное состояніе, не есть дѣло свободы, ни плодъ подвига, слѣдственно не есть еще добродѣтель. Прилично называется оно *невинностію*, потому что въ немъ *нѣтъ вины*, противоположной дѣвству; но и все тутъ: а еще нѣтъ въ немъ превосходнаго достоинства, принадлежащаго дѣвству совершенному.

Дѣвство, какъ подвигъ, какъ добродѣтель, какъ цвѣтъ чистоты, какъ плодъ цѣломудрія, какъ путь совершенства, является тогда, когда человѣкъ, въ возрастѣ, по обыкновенному ходу тѣлесной природы, болѣе или менѣе располагающему къ супружеству, не предаваясь влеченію природы, не увлекаясь обычаемъ, примѣрами, пріятностями и нуждами общежитія, рѣшается не пріобщаться браку, а соблюсти дѣвство навсегда.

Но какъ и подвизающійся не будетъ увѣнчанъ, если незаконно будетъ подвизаться (2 Тим. II. 5.): то рѣшающійся на подвигъ дѣвства долженъ знать, всегда помнить и соблюдать главный законъ сего подвига, состоящій въ томъ, чтобы подвигъ дѣвства предпринимаемъ и проходимъ былъ для Бога. *Царствія ради небеснаго*, говоритъ Самъ Верховный Законоположникъ дѣвства Іисусъ Христосъ (Матѳ. XIX. 12.); и Апостолъ: — *не оженившійся печется о Господнихъ, како угодити Господеви. — Не посягшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII. 32. 34.). Угожденіе Богу, и для сего освященіе духа и тѣла есть цѣль подвизающихся въ дѣвствѣ. Кто бѣжитъ на поприщѣ дѣвственной жизни не къ сей цѣли: тотъ не къ вѣнцу бѣжитъ. Для того дѣвственникъ и устраняется отъ супружества, чтобы особенная склонность къ существу земному не задерживала, или не кривила его стремленія къ Богу. По сему стремленію всею силою ума и любви къ Господу, и по направленію всей дѣятельности къ благоугожденію Ему, дѣвствующая душа и называется невѣстою Небеснаго Жениха.

Изъ сего главнаго закона дѣвства не трудно уразумѣть, что тѣлесное удаленіе отъ всего принадлежащаго браку, не есть совершенное дѣвство, а только низшій степень онаго: ибо стремленіе и приближеніе къ Богу, какъ Существу духовному, можетъ и должно совершаться собственно въ духѣ; дѣвство же тѣла отъемлетъ только препятствія стремленію духовному, и пресѣкаетъ стремленія противоположныя. Отсюда происходятъ разныя подробныя правила дѣвства.

Господь сказалъ: *всякъ, иже возрѣтъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. V. 28.). Посему, какъ есть любодѣяніе сердца: такъ должна быть и противоположная сему пороку добродѣтель — дѣвство сердца. Подвизающійся въ сей добродѣтели долженъ сохранять сердце свое чистымъ отъ всякаго плотскаго вожделѣнія, отъ всякихъ помысловъ, противныхъ цѣломудрію; невольныя прираженія нечистыхъ помысловъ безъ укоснѣнія отражать, для сего бдѣть осторожно надъ движеніями своихъ помышленій и желаній, занимать и ограждать умъ и сердце свое, то упражненіемъ въ Словѣ Божіемъ, то внимательною, внутреннею молитвою.

Какъ Господь показалъ, что любодѣяніе сердца бываетъ служителемъ око: то въ противоположность сему и око надлежитъ обучать, чтобы оно служило дѣвству, то есть, отвращать взоры отъ всякаго соблазнительнаго предмета, а на представляющіеся неизбѣжно взирать безъ страсти, безъ помысла, видя не видѣть, и, какъ можно скорѣе, пресѣкать опасное видѣніе. И сіе-то есть, умерщвлять чувство зрѣнія, по завѣщанію Господнему: *аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе* (Матѳ. V. 29.). Отсюда покрывало на очахъ, пустынножительство, затворничество.

Но если для охраненія дѣвства отъ соблазна и нечистоты нужно умерщвлять чувство зрѣнія: то, по сравненію, можно понять и убѣдиться, что подобнымъ образомъ нужно умерщвлять и прочія чувства, какъ то: слухъ — отъ слышанія нескромныхъ и соблазнительныхъ рѣчей, вкусъ, обоняніе, осязаніе — отъ соотвѣтствующихъ имъ ощущеній, наклоняющихъ къ нѣгѣ и роскоши. Отсюда упражненіе въ молчаніи, постъ, сухояденіе, простота и суровость въ одеждѣ, одрѣ, жилищѣ, порабощеніе и умерщвленіе тѣла трудомъ, молитвенными бдѣніями, колѣнопреклоненіями.

Чтобы сократить изображеніе дѣвства въ одну черту, привожу прекрасное и многознаменательное изреченіе святаго Златоуста: *корень и плодъ дѣвства есть жизнь распятая* (О дѣвст. гл. 79.).

Но не много ли уже бесѣдую я о предметѣ, о которомъ многіе изъ слышащихъ могутъ думать, что сіе не до нихъ касается? Въ самомъ дѣлѣ, Господь Самъ предварилъ насъ, что не всѣ способны дѣвствовать: *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть* (Матѳ. XIX. 11.). Онъ Самъ призывалъ къ подвигу дѣвства не всѣхъ, но только тѣхъ, которые способны, которымъ дано сіе дарованіе: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. XIX. 12.). И поелику дѣвство не для всѣхъ; то вы можете даже спросить: для чего ко всѣмъ объ ономъ бесѣдуемъ?— Пріемлю сей вопросъ. Онъ приведетъ меня къ цѣли и къ концу моего слова.

Ко всѣмъ говоримъ о дѣвствѣ: потому что между всѣми находятся тѣ, *имже дано есть* сіе; и слово ищетъ между всѣми тѣхъ, которыхъ Богъ призываетъ слышать и творить оное, и которыхъ человѣкъ часто не знаетъ.

Ко всѣмъ говоримъ о дѣвствѣ: чтобъ и брачные знали, что есть состояніе выше брака; чтобы смиренно мыслили о бракѣ; и чтобы, уважая дѣвство, хотя въ другихъ, и смиренно мысля о бракѣ, пріобрѣтали браку благословеніе, близкое къ благословенію дѣвства.

Ко всѣмъ говоримъ о истинномъ дѣвствѣ: чтобы, зная оное, остерегались ложныхъ путей буйныхъ дѣвъ, которыя, съ невозженными свѣтильниками ума, безъ сердечнаго елея, скитаются вдали отъ чертога, и, вмѣсто небесной любви къ небесному Женіху, питаютъ въ себѣ только вражду противъ благословеннаго брака. Ибо еще съ Апостольскихъ временъ *духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена, отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внимающе духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющe женитися* (1 Тим. IV. 1—3.).

Наконецъ, ко всѣмъ говоримъ о дѣвствѣ: чтобы и брачные и безбрачные, отъ высокой красоты дѣвства, отъ средняго благообразія честнаго и непорочнаго брака, осторожнымъ и заботливымъ окомъ различали неблагообразіе того состоянія, которое ни златаго таланта дѣвства, ни сребрянаго таланта брака не воздѣлываетъ вѣрно по волѣ Господа всѣхъ талантовъ и даровъ. Дѣвство и бракъ не для всѣхъ: но цѣломудріе для всѣхъ. *Явися бо благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, да отвергшися нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно, праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ.*—Что значитъ *цѣломудренно?*—Или въ чистотѣ дѣвства, или въ честности брака, въ томъ и другомъ случаѣ, съ *отверженіемъ мірскихъ похотей*, и въ особенности *плотскихъ похотей, иже воюютъ на душу* (1 Пет. II. 11.). Только такъ живущіе въ нынѣшнемъ вѣкѣ, могутъ *ожидать блаженнаго упованія* въ будущемъ (Тит. II. 13.). Аминь.

3. СЛОВО

Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

И исповѣдуемо велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти, оправдися въ Дусѣ, показася Ангеломъ, вѣровася въ мірѣ, вознесеся во славѣ. 1 Тим. III. 16.

Благоговѣйно воспоминаемъ и торжествуемъ мы нынѣ тотъ единственный во

временахъ день, то великое мгновеніе, когда велія благочестія тайна: *Богъ во плоти,* не въ словѣ только, но въ силѣ Вышняго, принесена Архангеломъ Гавріиломъ на землю, скрыта въ чистомъ сердцѣ, и въ приснодѣвственной утробѣ Преблагословенныя Маріи запечатлѣна смиреннымъ Ея молчаніемъ. Послѣ сія *тайна, сокровенная отъ вѣкъ и отъ родовъ* (Кол. I. 26.), превратилась во всемірную славу: но тѣмъ не менѣе и теперь еще остается тайною. *Велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти.*

Дивились, безъ сомнѣнія, сей тайнѣ и на небесахъ, когда она тамъ открылась; когда Іисусъ Христосъ, воскресшій, и возносящійся, дабы сѣсти одесную Бога Отца, *показася Ангеломъ,* въ невиданной ими славѣ Богочеловѣка. Небесное удивленіе, какъ и все небесное, прекрасно. Дивились Ангелы тайнѣ и славѣ Богочеловѣка: но не смущались. Вопрошали: *кто есть сей Царь славы?* но не любопытствовали, не сомнѣвались; желали знать, чтобы благоговѣть; и прежде нежели провозглашено имъ разрѣшеніе вопроса ихъ: *кто есть сей Царь славы,* они уже принимали Его, какъ Царя славы; потому что уже взывали: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная: и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII. 7. 8.). Чѣмъ болѣе непостижимою видятъ они тайну: тѣмъ болѣе находятъ ее достойною непостижимаго Бога, тѣмъ болѣе благоговѣютъ, тѣмъ болѣе славятъ Бога, тѣмъ болѣе просвѣщаются Его славою, и блаженствуютъ. Тамъ вѣдѣніе и слава не противорѣчатъ и не завидуютъ тайнѣ: и тайна до безконечности умножаетъ славу и свѣтъ.

Но земля такъ ли пріемлетъ дивную тайну Бога во плоти, — земля, для которой собственно сія тайна и изобрѣтена, и употреблена, и сокрыта, и открыта, и низведена, и вознесена, и предана позору, и прославлена! — Воистинну благословенна въ женахъ единственная Пресвятая Дѣва, которая представила Себя достойнымъ хранилищемъ пришедшей съ небесъ тайнѣ, чтобы она не обратилась вспять, какъ наполненный сокровищами корабль отъ берега, не имѣющаго пристани; — которая, бывъ возводима въ превыспренній санъ Богоматери, не попустила своему помыслу, ниже на одинъ волосъ, подняться изъ глубины смиренія; — которая умѣла обнять безконечное Слово Божіе столь малымъ словомъ человѣческимъ; *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему* (Лук. I. 38.). Послѣ Ея благословимъ и тѣхъ, которыми тайна Бога во плоти *вѣровася въ мірѣ,* которые оную съ вѣрою приняли, вѣрно сохранили, проповѣдали всѣмъ народамъ; — чрезъ которыхъ она, въ неизмѣнной чистотѣ, въ неуменьшенной силѣ, и до насъ достигла. Но это тѣ, которые хотя и *въ мірѣ суть* (Іоан. XVII. 11.), однако *не суть отъ міра* (ст. 14.). А міръ? — Онъ не хотѣлъ было принять спасительной для него тайны Божіей: по слуху о ней, онъ возсталъ было въ тревогѣ, чтобы подавить ее, чтобы затьмить ее лжами, запутать вымыслами, покрыть презрѣніемъ и клеветами, чтобы преградить ей путь мечемъ, залить ее кровію ея свидѣтелей, погребсти въ ихъ могилахъ, сжечь въ огнѣ, потопить въ водѣ, истребить всѣми возможными способами истребленія. Не удалось! Вопреки усиліямъ міра, тайна Бога во плоти превратилась, какъ я уже сказалъ, во всемірную славу. Но и теперь сколько еще людей, которые или не познали сей тайны, или, познавъ, не приняли! И что еще прискорбнѣе, даже между тѣми, которые получили оную по наслѣдству отъ отцевъ и праотцевъ, или остаются, или вновь являются такіе, которые не знаютъ, что дѣлать съ сею непонятною тайною; спрашиваютъ, то съ любопытствомъ, — почему для спасенія человѣческаго рода употреблено столь необычайное средство — воплощеніе Божества; то съ сомнѣніемъ, — не ужели безъ сего не возможно спасеніе человѣка. А гдѣ любопытство, тамъ еще нѣтъ чистаго вѣдѣнія; гдѣ сомнѣніе, тамъ еще нѣтъ полной вѣры.

Тайна гонитъ отъ себя прочь любопытство по тому самому, что есть тайна. Она призываетъ къ себѣ вѣру: впрочемъ не возбраняетъ ей мимоходомъ пользоваться пособіемъ скромнаго размышленія, для снятія съ ея пути претыканій, которыя бросаетъ на него сомнѣніе.

Если посему осмѣлиться размышлять о потребности воплощенія Сына Божія насъ

ради человѣкъ, и нашего ради спасенія: то вѣрующій можетъ положить въ основаніе своего размышленія слѣдующія изреченія Самого Іисуса Христа.

Первое изреченіе: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ; ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Матѳ. XI. 27.). Что безъ познанія Бога не льзя быть спасену и блаженну, въ томъ не усомнится никто здравомыслящій. Но если сокровище Богопознанія лежитъ сокрыто во внутренности самаго Божества, недоступно по недосязаемой высотѣ Его; если взять изъ онаго себѣ на потребу спасенія можетъ *токмо* тотъ, *емуже аще волитъ Сынъ* Божій *открыти*; а между тѣмъ и Самого Сына Божія, Который *волитъ открыти* человѣку Богопознаніе, *никтоже знаетъ, токмо Отецъ*: то какъ же можетъ совершиться спасительное открытіе Богопознанія?—Надобно, чтобы Сынъ Божій, изъ недовѣдомости Божества, которая превыше всѣхъ образовъ познанія, такъ сказать, выступилъ въ нѣкіе познательные образы, какъ Онъ и нарицается *образомъ Бога невидимаго* (Кол. I. 15.). Но въ какіе образы?—Конечно, ближе къ Божеству, въ духовные. Положимъ такъ. Чрезъ сіе начинаетъ быть понятнымъ, какъ совершается откровеніе Богопознанія небесное, въ духовномъ, Ангельскомъ мірѣ. Но земля не то, что небо; и человѣкъ не то, что Ангелъ. Особенно въ настоящемъ состояніи земли и человѣка, небо и Ангелъ закрыты для земли и человѣка: слѣдственно и откровеніе Богопознанія, свойственное небу и Ангеламъ, не было бы еще откровеніемъ для земли и человѣка. И такъ надобно, чтобы Сынъ Божій, когда Онъ *волитъ открыти* спасительное Богопознаніе вынѣшнему человѣку, снизшелъ еще, и вступилъ въ образы познанія, ближайшіе къ человѣку; чтобы Слово Божіе, не переставая быть Словомъ Божіимъ, вступило въ образы человѣческаго слова; чтобы *образъ Бога невидимаго*, не переставая быть тѣмъ, что Онъ есть, вступилъ въ образы видимые для ока земнороднаго ума; чтобы Онъ явился или въ образахъ преходящихъ,—и вотъ откровенія и видѣнія Святыхъ: или въ образѣ пребывающемъ,—и вотъ воплощеніе Сына Божія.

Второе изреченіе: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. XIV. 6.). Что значитъ пріити къ Богу?—Къ Богу, Который *во свѣтѣ живетъ неприступнѣмъ, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI. 16.) въ существѣ Его, — конечно не можетъ человѣкъ притти ни ногами по землѣ, ниже крилами по воздуху. Что же значитъ пріити къ Богу? Приходятъ къ тому, отъ кого бываютъ удалены: но какъ можно и удалену быть отъ Бога вездѣсущаго?—*Духъ есть Богъ* (Іоан. IV. 24.): духовно должно быть и шествіе къ Нему. Духовное удаленіе и приближеніе происходитъ преимущественно въ волѣ. Волею грѣховною, злою, человѣкъ удаляется отъ Бога, какъ и сказано въ Писаніи: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Иса. LIX. 7.). Волею покаянною и благою человѣкъ приходитъ къ Богу. И сего-то не можетъ быть безъ воплощеннаго Сына Божія, какъ Онъ Самъ сказуетъ: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною*. Если ты спросишь: для чего-жъ бы человѣку не пріити къ Богу одною собственною волею, которая свободна? отвѣтствую: въ добрый часъ! Сдѣлай опытъ. Но если будешь внимателенъ: то, безъ сомнѣнія, найдешь и признаешь то, въ чемъ признавались лучшіе насъ съ тобою: *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю; не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю* (Рим. VII. 18. 19.). Какъ ни странно предъ глазами разума сіе противорѣчащее само себѣ явленіе въ человѣческой природѣ; но оно давно замѣчено даже и тѣми, которыхъ сему наблюденію не научило Христіанство: и если вникнуть глубже въ причину онаго, то можно удостовѣриться, что такъ и должно быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Источникъ добра и силы есть единъ Богъ. Если человѣкъ стоитъ въ добрѣ, и чрезъ то въ общеніи съ Богомъ: то онъ непрестанно почерпаетъ изъ Бога силу дѣлать добро; и потому какъ свободенъ желать добра, такъ и силенъ дѣлать оное. Но если онъ

допустилъ себя до грѣха, и чрезъ то вошелъ въ разлученіе съ Богомъ: то, по мѣрѣ удаленія отъ Бога, уменьшается для него удобность почерпать отъ Бога силу; и потому, когда воля его, по природной свободѣ своей, дѣлаетъ обратное движеніе къ добру и къ Богу, сила дѣлать добро не отвѣчаетъ хотѣнію дѣлать оное; и человѣкъ не можетъ прійти къ Богу самъ собою, безъ особеннаго, чрезвычайнаго низведенія къ нему силы Божіей;—безъ такого посредства, которымъ бы разстояніе между Богомъ и человѣкомъ было наполнено, раздѣленіе уничтожено, общеніе, ничѣмъ не пресѣкаемое, возстановлено; — безъ посредства, которое бы съ совершеннымъ единствомъ касалось обѣихъ раздѣленныхъ сторонъ, — Бога и человѣка. И такое посредство есть Богочеловѣкъ.

Третіе изреченіе: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16.). Богъ не можетъ дѣлать ничего излишняго и ненадобнаго: ибо сіе было бы не сообразно съ Его премудростію. Итакъ, если Богъ далъ Единороднаго Сына Своего міру: то видно, сіе было нужно. Для чего?—Для того, какъ сказуетъ Самъ Сынъ Божій, *да всякъ вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*. Не ужели иначе погибъ бы міръ, и не имѣлъ бы живота вѣчнаго? — видно, такъ. Почему? — Чтобы сдѣлать сіе, по возможности, понятнымъ, взойдемъ мыслію къ началу тварей. Въ книгѣ премудрости написано: *Богъ смерти не сотвори* (гл. I. 13.). Сію строчку изъ книги премудрости Божественной безъ затрудненія можетъ переписать въ свою книгу всякая премудрость человѣческая, если она не совсѣмъ лишена понятія о Богѣ Творцѣ всесовершенномъ. Богъ есть чисто жизненное начало. Тварь, какъ тварь, подвержена перемѣнамъ: но ея перемѣны въ твореніи, и подъ управленіемъ всесовершеннаго Творца, могутъ быть устроены въ порядкѣ, къ совершенству, безъ страданія, безъ разрушенія грубаго, нечистаго, мертваго, даже въ случаѣ разрѣшенія оныхъ на составныя начала, которое можетъ происходить легко и пріятно, какъ на примѣръ (поколику можно найти примѣры въ нынѣшнемъ несовершенномъ устроеніи тварей), разрѣшеніе чистаго елея въ свѣтъ, или разрѣшеніе ладана въ благовонное куреніе. Откуда же безпорядокъ, безобразіе, нечистота, страданіе, разрушеніе, тлѣніе, словомъ: смерть?—Мнѣ кажется, что и естественное разсужденіе не найдетъ на сіе сказать ничего другаго, какъ то, что говоритъ откровенное Богомъ ученіе: *грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть* (Рим. V. 12.). Грѣхъ, какъ отлученіе отъ Бога, есть вмѣстѣ *отчужденіе отъ жизни Божія* (Еф. IV. 18.), и слѣдственно, раньше или позже,—смерть для существа тѣлеснаго, разрушимаго, временная, а для духовнаго, неразрушимаго, вѣчная; потому что, кромѣ Бога, нѣтъ и никогда не будетъ другаго источника жизни. Такимъ образомъ грѣхъ и смерть ручаются въ мірѣ другъ за друга, что они тутъ. Видишь ли владычествующій въ мірѣ грѣхъ: ты можешь сказать: міръ находится на пути смерти. Видишь ли въ немъ смерть: ты также можешь сказать: міръ, видно, согрѣшилъ и идетъ къ погибели. Кто не такъ слѣпъ, чтобы не видѣть въ мірѣ владычества ни того, ни другаго, ни грѣха, ни смерти: тотъ можетъ понять, сколь нужно міру избавленіе отъ погибели, дарованіе вновь вѣчной жизни. И для сей-то потребности, Богъ *Сына Своего Единороднаго далъ есть*. Смерть и погибель приходятъ на человѣка, и какъ естественное слѣдствіе удаленія отъ Бога, и вмѣстѣ какъ дѣйствіе правосудія Божія надъ грѣхомъ. Посему для спасенія человѣка нужно, во-первыхъ, удовлетворить правосудію Божію (потому что никакое свойство Божества не можетъ лишено быть свойственнаго ему дѣйствія; и потому что объявленіе безусловнаго прощенія или ненаказанности, стоящаго уже на пути грѣха человѣка всего легче повело бы далѣе по сему пути, и слѣдственно не ко спасенію, а къ погибели);—во-вторыхъ, вновь ввести въ человѣчество жизнь Божію, которая бы вонарившуюся въ немъ смерть побѣдила и уничтожила. Требованія трудныя, и естественно невозможныя! Удо-

влетворитъ правосудію Божію значитъ предать грѣшника вѣчной смерти: за симъ совершенно исчезаетъ для него возможность вѣчной жизни. Какъ и приблизить жизнь всесвятаго Бога къ человѣку грѣшнику? Столь рѣзкая противоположность сближаемыхъ крайностей болѣе угрожаетъ истребленіемъ недостойной твари, какъ сѣна отъ огня, нежели обнадеживаетъ спасеніемъ. Что же творитъ Богъ чудесъ? Онъ вводитъ Свою Ѵпостасную жизнь, Своего Единороднаго Сына, въ малую, избранную долю человѣческаго естества, долгимъ, сокровеннымъ дѣйствіемъ судебъ Его приготовленную, отъ заразительной примѣси грѣха предохраненную, соединяетъ Божество и человѣчество въ единую Ѵпостась Богочеловѣка; низводитъ облеченное человѣчествомъ Божество въ состоянія человѣческія, кромѣ грѣха, даже въ немощи, въ страданія, въ смерть. И что же? — Правосудіе Божіе всесовершенно удовлетворено, потому что въ лицѣ Богочеловѣка человѣчество понесло присужденную себѣ смерть, и понесло вполнѣ, такъ какъ и мгновеніе смерти Богочеловѣка, по сопричастію вѣчнаго Божества, равняется вѣчности; на удовлетвореніи правосудію основано право Искупителя, простить кающагося грѣшника, безъ пагубной надежды ненаказанности для нескающагося; и въ то же время жизнь Божія, низшедшая въ глубину человѣческой смерти, но смертію по своему естеству не одержимая, изъ глубины смерти сіяетъ во все умершее грѣхомъ человѣчество, и вноситъ жизнь во всѣ души, которыя ей открываютъ себя вѣрою, а не отражаютъ ея отъ себя невѣріемъ и ожесточеніемъ. *Тако возлюби Богъ міръ.*

Сіи размышленія даютъ мѣсто вопросамъ: какъ же человѣкъ жилъ, дѣлалъ добро, познавалъ Бога еще прежде, нежели совершилось воплощеніе Божества? Какъ живутъ, дѣлаютъ добро, познаютъ Бога и теперь человѣки, не пользующіеся плодами воплощенія Божества? Вопросы, достойные вниманія. Тѣмъ, которые не довольно проникли во внутренность тайны Бога во плоти, чтобъ изнутри видѣть ея живоносный свѣтъ, испытывать ея спасительную силу, разрѣшеніе предложенныхъ теперь вопросовъ можетъ, по крайней мѣрѣ, отвнѣ показать величіе сей тайны, которая одна зиждетъ изъ человѣческаго рода стройное зданіе съ удивительнымъ единствомъ въ разнообразіи, простирающееся по всѣмъ размѣрамъ пространства и времени, и высотою своею скрывающееся въ небесахъ; и внѣ которой человѣчество представляетъ безпорядочныя развалины, рѣдко гдѣ и когда нѣсколько возвышающіяся, вообще же раздробленныя, разсыпанныя, едва поднимающіяся надъ землею.

Какъ жилъ человѣкъ до Хріста? — Жилъ въ первоначальной чистотѣ своего сотворенія, посредствомъ общенія съ Богомъ Словомъ, въ Которомъ *животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ въ началѣ* также, какъ и всегда послѣ (Іоан. I. 1—4). А съ того времени, какъ грѣхъ разлучилъ человѣка отъ Бога, до Хріста, если человѣкъ уже *мертвый прегрѣшеньми* (Еф. II. 5.) внутренно, жилъ еще внѣшно; и если являлись еще въ немъ и нѣкоторые проблески жизни высшей: то жилъ онъ, во-первыхъ, останками жизни, преподанной ему отъ Бога въ началѣ, подобно какъ живетъ черенокъ, отрѣзанный отъ живаго дерева, до истощенія въ немъ живаго сока, или до привитія его вновь къ живому дереву; во-вторыхъ, жилъ предварительными начатками жизни Хрістовой, которыхъ можно искать далѣе колыбели Виѳлеемской, и ранѣе благовѣщенія Назаретскаго, можно сказать, окончательнаго, а не начинательнаго: ибо въ то самое время, какъ жизнь первоначальная повреждена грѣхомъ, нужно было ввести въ человѣчество врачевство Хрістово; и оно введено словомъ перваго благовѣщенія о воплощеніи Бога Слова: *сѣмя жены сотретъ главу зміи* (Быт. III. 15.); и съ того времени начало и непрерывно продолжало дѣйствовать благодатно, какъ можно примѣчать въ Патріархахъ и Пророкахъ. Что касается до естественной жизни человѣчества, поврежденной грѣхомъ; можно ли не примѣчать, и въ прежнихъ временахъ, и нынѣ, какъ она идетъ не къ совершенству, но къ разрушенію и смерти; какъ она съ теченіемъ вѣковъ сократилась въ лѣтосчисленіи личнаго житія, какъ она растре-

скалась и разсѣлась на несвязныя глыбы, которыя называютъ племенами и народами; какъ она во многихъ, чуждыхъ Христа народахъ, низпала до самыхъ низкихъ степеней жизни скотской и звѣрской.

Какъ человѣкъ познавалъ и познаетъ Бога, дѣлалъ и дѣлаетъ добро до Христіанства и безъ Христіанства?—Мой отвѣтъ одинъ: если познавалъ Бога, то познавалъ останками первоначальнаго свѣта въ разумѣ, при помощи благочестиваго преданія; если дѣлалъ что-нибудь, въ нѣкоторомъ смыслѣ, доброе, то останками первоначальной доброты въ волѣ. Паденіемъ человѣка во грѣхъ, образъ въ немъ Божій сокрушенъ, но не совсѣмъ истребленъ и уничтоженъ; вѣчное Солнце заняло въ душѣ его, но нѣкоторые лучи зари отъ Него еще касаются высотъ ея. И при семъ уменьшившемся свѣтѣ, *невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. I. 20.). *Языцы, закона не имуще, естествомъ законная творятъ;—являютъ дѣло законное, написано въ сердцахъ своихъ* (II. 14. 15.). Но скажутъ, можетъ быть: если естественно есть въ родѣ человѣческомъ хотя нѣкоторое познаніе Бога, и хотя нѣкоторое дѣланіе добра: то не могъ ли бы онъ естественными же средствами, при продолжаемыхъ усиліяхъ и взаимномъ содѣйствіи, быть возвышенъ, усовершенъ и спасенъ? Отвѣтъ на сіе не очень труденъ: ибо опыты готовы, надобно только указать на нихъ. Родъ человѣческій, до Христіанства, въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ имѣлъ довольно простора испытывать естественныя свои усилія. Что же онъ выработалъ? — Послѣ древнѣйшихъ преданій о единомъ Богѣ, о непорочности райской, или, какъ говорилось у язычниковъ, о золотомъ вѣкѣ,—многобожіе, идолопоклонство, пороки и злодѣянія, которыхъ одиѣ названія ужасаютъ противуестественностію, какъ на примѣръ, не только человѣкоубійство, но и дѣтоубійство, и отцеубійство, и человѣкоядѣніе. Міръ языческій, жалкій въ невѣжествѣ, когда переходитъ въ образованность, становится отвратительнымъ по разврату, который обыкновенно идетъ рядомъ съ нею, и обращаетъ ее въ свое орудіе. Что сдѣлала языческая философія? Привела ли она хотя одинъ языческій городъ или деревню въ познаніе единаго Бога? Не она ли напротивъ изобрѣла сомнѣнія о бытіи Бога и добродѣтели? — Во времена Христіанства легко было разуму зажечь многіе фокусы естественнаго знанія, при солнцѣ откровенія Божественнаго: но и въ сіи времена, естественный разумъ, вознамѣрясь дѣйствовать безъ Христа, не лишилъ ли себя самыхъ останковъ духовнаго свѣта, не посрамилъ ли себя неистовствомъ, котораго и въ язычествѣ не видано, именно, государственнымъ закономъ провозгласилъ-было безбожіе? Пусть назовутъ сіе случайнымъ припадкомъ, частнымъ безпорядкомъ, злоупотребленіемъ разума въ немногихъ людяхъ, обладаемыхъ страстями, только наружно представившимся въ обширномъ видѣ: не спорю, если хотите; но если это злоупотребленіе, безпорядокъ, болѣзнь; то гдѣ же благоупотребленіе, порядокъ, здравіе разума естественнаго, безъ высшаго управленія откровеніемъ, безъ врача Христа? Пусть покажутъ, если могутъ, въ болѣе обширномъ, или хотя не въ меньшемъ видѣ, общественное дѣйствованіе такого разума къ совершенству и блаженству рода человѣческаго! И кто можетъ поручиться, что его злоупотребленіе, безпорядокъ, болѣзнь не возвратятся многократно, въ новыхъ, по обстоятельствамъ, видахъ, съ новою жестокостію, если вы оставите его безъ высшаго попечительства, и предоставите ему независимое владычество; если, прежде незбыточной отъ него заслуги, провозгласите его спасителемъ рода человѣческаго? Поистинѣ, довольно печальныхъ опытовъ для удостовѣренія, что самоспасеніе человѣчества, естестественными средствами и усиліями разума, есть не болѣе, какъ мечтаніе и болѣзненный бредъ духовно недугующаго человѣчества. Лучшій и дѣйствительно спасительный подвигъ разума человѣческаго къ совершенству и блаженству человѣчества можетъ состоять только въ томъ, чтобы безпристрастно извѣдать и измѣрить свои силы, средства, недостатки, для сей великой цѣли; понять

возможность, признать потребность откровенія свыше; приближиться *къ веліей благочестія тайнѣ*, положить къ ея стопамъ свое оружіе и свой вѣнецъ; и предать себя въ благородный плѣнъ, въ свободное послушаніе вѣрѣ въ *Бога явльшагося во плоти*.

Христіане, чада Вѣры, наслѣдники Откровенія, хранители тайны Божіей! Благословимъ Бога тайнъ и откровеній. Прославимъ Богочеловѣка, Начальника и Совершителя вѣры. Сохранимъ тайну Божію, толико снисходительно намъ ввѣренную. Помыслимъ также при семъ, что неприлично было бы хранить тайну благочестія въ душѣ и жизни нечистой. Должно хранить святое и Божественное сокровище въ ковчегѣ отъ злата чиста,—*таинство вѣры въ чистой совѣсти* (1 Тим. III. 9.). Аминь.

4. СЛОВО

Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Рече Маріамъ: се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему (Лук. I. 38.). Вотъ слова земныя, но которыя, подобно небеснымъ, чище искупленнаго сребра, вожделѣннѣе злата, цѣннѣе драгоцѣнныхъ камней! Вотъ сокровище, котораго пять тысячъ лѣтъ небеса искали на землѣ, и которое открыть посланъ былъ одинъ изъ ближайшихъ предстоятелей небеснаго Престола!

Подлинно, Архангелъ Гавріилъ не только принесъ Дѣвѣ Маріи слово Божественнаго благовѣщенія, но и взыскалъ услышать отъ Нея слово соотвѣтствія. Когда онъ произнесъ только слово привѣтствія: *радуйся, благодатная: Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ*: благовѣщеніе о Спасителѣ міра почти уже совершилось; потому что симъ ознаменована и указана Матерь Господня. Но какъ Дѣва смутилась и, размышляя, молчала: то Архангелъ продолжилъ и усилилъ слово благовѣщенія: *родиши Сына; —Сей будетъ велій и Сынъ Вышняго наречется;—Царствію Его не будетъ конца*. Теперь благовѣщеніе со стороны Архангела рѣшительно совершилось: но еще онъ не почитаетъ дѣла своего посольства конченнымъ, потому что не то, котораго ждетъ, слышитъ слово: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* — Наконецъ онъ разрѣшаетъ вопросъ: *Духъ Святый найдетъ на тя*, — и получаетъ взыскуемый отвѣтъ: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему*. И вотъ искомое сокровище открыто. Радостнымъ благовѣщеніемъ отъ неба пріобрѣтено благовѣщеніе отъ земли небу, взаимно вожделѣнное. Небесное посольство совершенно достигло своей цѣли. *И отъиде отъ нея Ангелъ*.

Чтожъ это значитъ?—что значитъ, что воплощеніе Сына Божія предваряется небеснымъ благовѣщеніемъ, и что сіе благовѣщеніе не только изрекается вседержавною волею Господа, но и взыскуетъ соизволенія рабы Его? Развѣ Вседержитель не властенъ дѣйствовать, не предваря и не ожидая соизволенія? Для чего такъ нужны небу сіи земныя слова: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему?*—Нужно сіе было и для достоинства Матери Господней, и для самаго дѣла воплощенія Бога Слова.

Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что, для избранія быть Матерію Господнею, требовалось въ избираемой высочайшее, возможное на земли, достоинство. Но въ чемъ состоять можетъ достоинство существа разумнаго и свободнаго, если не въ чистыхъ и возвышенныхъ воззрѣніяхъ ума и движеніяхъ свободной воли? — Надлежало дать имъ мѣсто, чтобы основалось, утвердилось и, къ утѣшенію и назиданію нашему, явилось въ Дѣвѣ Маріи достоинство Матери Господней. Ея смущеніе отъ высокаго Архангелова привѣтствія было движеніе души глубоко смиренной. Удержаніе сего смущенія въ молчаливомъ размышленіи знаменовало мудрость, твердость и спокойное величіе духа. Въ вопросѣ: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* — проявлялась неизмѣнная любовь къ чистотѣ дѣвства. Наконецъ въ

рѣшительномъ изреченіи: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему*, — изрекло себя послушаніе вѣры.

Если, какъ учитъ Апостолъ, *вѣрою вселяется въ сердца Христосъ* (Ефес. III. 17.), уже приближившійся къ человѣчеству, и пріобщившійся онаго воплощеніемъ: то колико превосходнѣйшая и крѣпчайшая вѣра потребна была Дѣвѣ Маріи, дабы первоначально воплощеніемъ вселился въ Нее Сынъ Божій, такъ еще не близкій къ человѣчеству, и по недоступной ни для какой твари высотѣ Своего Божества, и по причинѣ средостѣнія, которое грѣхъ поставилъ между Божествомъ и человѣчествомъ! И обрѣлась въ Ней такая вѣра, и содѣлала для Нея возможнымъ чистое и совершенное послушаніе, — призванію непостижимому, послушаніе безъ сомнѣнія, призванію безмѣрно-высокому, послушаніе безъ превозношенія. И сіе послушаніе преклонило душу Ея подъ освѣщеніе Духа Святаго, соединило волю Ея съ волею Божіею, отверзло сердце Ея для входа силы Вышняго; и Вѣчный Свѣтъ пришелъ и засвѣтилъ въ Ней жизнь, новую не только для земли, но и для неба, небесную въ земной, вѣчную во временной, Божескую въ человѣческой, всеоживляющую въ умирающей. *И Слово плоть бысть, и вселися въ ны.*

Дивна дѣла Твоя, Господи! Дивны твои тайны, Богородице! Кто слышитъ Твой тихій глаголъ въ Твоей затворенной молитвенной храминѣ? Кто провидитъ, какія огромныя дѣла ведетъ за собою Твое малое слово? Міръ ощущаетъ ни сію минуту, въ которую дѣлается переломъ всецѣлой судьбы его, въ которую измѣняются отношенія между землею и небомъ? Знаетъ ли мечтающій о всемірномъ владычествѣ Римъ, что въ одной изъ дальнихъ областей его, нѣкая дщерь царей, называющая себя *рабою Господнею*, изрекла приговоръ, который готовитъ міру новаго, лучшаго, высочайшаго Владыку, а Риму разрушеніе гордаго и своенравнаго владычества? Гадаютъ ли славныя прорицалища языческихъ народовъ, что изъ устъ безвѣстной Дѣвы излѣтѣло прорицаніе, которое заставитъ ихъ умолкнуть, низринетъ кумиры и кумирницы, прекратитъ кровавыя жертвы, уничтожитъ кровожадныхъ жрецовъ? Домышляются ли мудрецы міра, что на гласъ Еврейки сходитъ съ неба невѣдомая дотолѣ Премудрость, Которая обуитъ премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергнетъ, по младенцамъ откроетъ тайны, для мудрецовъ непостижимыя? — Что я говорю? — Іерусалимъ и колѣна Израилевы, которыя отъ дальнихъ предковъ знаютъ и хранятъ обѣтованіе Божіе о великомъ Избавителѣ и Умиротворителѣ, и *безпрестанно день и нощь служаще надѣются доити* (Дѣян. XXVI. 7.) до исполненія, — дослужились ли они до познанія, что, пройда обширную область обѣтованія, въ сей день или въ сію нощь, внезапно приблизились они къ предѣлу исполненія, и что предѣлъ сей поставленъ въ Назаретѣ? Книжники, которые столько разъ читали въ книгѣ Исаіи: *се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*, и едва ли не столько же разъ недоумѣвали о семъ, думаютъ ли они, что провидѣнная Пророкомъ Дѣва, и уразумѣла уже сіе пророчество, и готовится исполнить оное? Знаетъ ли хотя праведный Іосифъ, уже не совсѣмъ чуждый тайнамъ Приснодѣвы, какъ обручившій Ее себѣ съ тѣмъ, чтобы Ей пребыть дѣвою, — знаетъ ли, что въ слѣдъ за симъ Она обручается Духу Святому, чтобы содѣлаться Матерію Господа? Въ цѣломъ мірѣ никому, кромѣ единыя, не вѣдомо благовѣщеніе Архангелово, когда оно совершается: а оно долженствуетъ огласить весь міръ, когда совершится. И услышавъ рано простыя, по видимому, слова благовѣщенія Маріина: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему*, — кто исчерпалъ бы весь ихъ разумъ, ощутилъ бы всю ихъ силу? А ихъ разумъ сливается съ бездною разума Божія, и объемлетъ время и вѣчность; ихъ сила сопрягается съ силою Вышняго, и преобразитъ землю и наполнитъ небо. — Смиритесь, пытливые изслѣдователи! Чудитесь и радуйтесь, смиренные созерцатели! Брось, кичливый разумъ, ломкія оружія своевольнаго мудрованія, и возлюби свободный плѣнъ вѣры!

Ты же, благомысленно ищущая своего

спасенія, душа, вразуми себя словомъ и примѣромъ Преблагословенныя Дѣвы, какъ высоко возводитъ, какъ многое совершаетъ, какъ совершенно благоугождаетъ Богу скромная и неблистательная, но видимому, добродѣтель, —послушаніе вѣры.

Послушаніе, по имени своему, есть *послѣдованіе* тому, что *слышимъ*, какъ наставленіе, или какъ повелѣніе. Но въ высшемъ, существенномъ, духовномъ значеніи, подъ именемъ послушанія разумѣется послѣдованіе воли человѣческой, какъ сотворенной и зависимой, волѣ Божіей, какъ творческой и вседержавной.

Изъ сего понятія тотчасъ открывается обязанность, польза и важность послушанія.

Тварь ли возставать противъ Творца? Рабу ли земному воздвигать мятежъ противъ Небеснаго Владыки? Не совѣмъ омраченный разумъ, не совѣмъ ожесточенное сердце, общими силами, отражаютъ сію нелѣпую несообразность. Разумъ и сердце согласно изрекаютъ обязанность послушанія воли человѣческой волѣ Божіей.

Воля Божія не погрѣшительна. Слѣдственно послушаніе волѣ Божіей должно предохранить или избавить человѣка отъ погрѣшностей и заблужденій.

Воля Божія всеблага. Слѣдственно послушаніе волѣ Божіей должно вести человѣка ко всякому благу.

Тварь безъ Творца есть ничто. Силою только Творца она есть нѣчто. Что же будетъ значить воля человѣка, если она не прилѣпится къ волѣ Божіей послушаніемъ, если отторгнется отъ нея непослушаніемъ?

Нѣкогда первый человѣкъ блаженствовалъ: почему? потому что послѣдовалъ всеблагой волѣ Божіей. Онъ палъ съ высоты своего блаженства: какимъ образомъ?—Его воля отпала отъ воли Божіей, и впала въ чувственныя пожеланія. Преслушаніе, грѣхъ, смерть: это звѣнья одной цѣпи; взошедшій за первое звѣно влечетъ самъ къ себѣ послѣднее,—и, о если бы всегда не болѣе, какъ только самъ къ себѣ! Напротивъ, *ослушаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози* (Рим. V. 19.). *Единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде* (ст. 12.).

Надобно ли врачевать отъ всеобщей смертоносной болѣзни бѣдное человѣчество?—Можно догадаться, что весь нужный врачебный пріемъ должно составлять то качество, утрата котораго была началомъ болѣзни, то есть, послушаніе. Съ симъ точно врачевствомъ и пришелъ на землю Небесный Врачь. Смотрите, какъ Онъ, будучи Самъ безболѣзненъ, въ Самомъ Себѣ приготовляетъ врачевство для больнаго рода человѣческаго, и какъ врачуетъ его,—именно послушаніемъ. *Смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. II. 8.). *Послушаніемъ Единаго праведни будутъ мнози* (Рим. V. 19.). *Аще и Сынъ бяше, обаче навыче отъ сихъ, яже пострада, послушаніе, и совершився бысть всѣмъ послушающимъ Его виновенъ спасенія вѣчнаго* (Евр. V. 8. 9.).

Есть послушаніе любви, послушаніе страха, послушаніе вѣры. Въ началѣ человѣкъ жилъ, какъ сладкою пищею, послушаніемъ любви къ Богу всеблагому и всесовершенному. Но послѣ того, какъ сію блаженную жизнь отравилъ онъ вкушеніемъ запрещеннаго, ему нужно, какъ врачевство, иногда не безъ горечи, употреблять послушаніе страха предъ Богомъ, приведнымъ Судіею, и потомъ послушаніе вѣры въ Бога и Христа, Помилователя, Исцѣлителя и Спасителя, дабы наконецъ, по мѣрѣ исцѣленія, вновь питаться сладкою и безсмертною пищею, — послушаніемъ любви. Такъ отъ послушанія зависитъ духовная жизнь человѣка и Христіанина; почему слово Апостольское и нарицаетъ Христіанъ *чадами послушанія* (I Петр. I. 14.).

Если бы мысль питаться и жить послушаніемъ показалась кому только представленіемъ воображенія, измысканнымъ и преувеличеннымъ, а не представленіемъ ума, почерпнутымъ изъ существа дѣла: таковый пусть вспомнитъ изреченіе непогрѣшительнаго Учителя, въ слонѣ Котораго не льзя предполагать изысканности или преувеличенія. *Азъ есмь лоза, вы же рождіе; и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ, яко безъ*

Мене не можете творити ничесоже (Іоан. XV. 5.). Какъ это сдѣлать, чтобы человѣкъ былъ во Христѣ и Христосъ въ человѣкѣ, чтобы человѣкъ соединился со Христомъ, подобно какъ съ виноградною лозою вѣтвь ея? — Не иначе можно, какъ послушаніемъ вѣры, свободною преданностію сердца и безмолвно покорной воли человѣка вседѣйствующей волѣ Христовой. Такимъ образомъ послушаніе вѣры дѣйствительно вводитъ въ человѣка силу и жизнь Христову, почему и дѣятельность такого человѣка нерѣдко бываетъ далеко возвышеннѣе и могущественнѣе обыкновенной, свойственной человѣку, дѣятельности.

Неразумѣвающій, или ищущій отговорки можетъ сказать: какъ можно даже *жить*, то есть, непрестанно заниматься послушаніемъ волѣ Божіей? Не ужели не оставить мѣста своей волѣ, которая отъ природы есть, и которой уничтожить не можно? И можно ли въ каждую минуту знать волю Божію? Счастливы избранные, къ которымъ для сего Богъ посылалъ Своихъ вѣстниковъ; но и для избранныхъ такіе случаи были рѣдки.—Кто говоритъ такимъ образомъ, тотъ доказываетъ не то, что дѣло совершеннаго послушанія не удобно, а то, что не упражняющійся въ дѣлѣ, не знаетъ, какъ оно дѣлается.

Если искренно желаешь знать волю Божію: есть и для тебя Ангелъ, который близокъ и готовъ. Это твоя совѣсть. Внимай совѣсти твоей; не заглушай тонкаго гласа ея шумомъ страстей твоихъ: и будетъ открываться тебѣ воля Божія; и будешь на пути послушанія.

Есть и болѣе удостовѣрительное и болѣе полное возвѣщеніе воли Божіей, которое можешь читать въ священныхъ книгахъ, слышать въ церкви, видѣть въ примѣрахъ Святыхъ. Внимай сему; и воля Божія болѣе уяснится тебѣ, и послушаніе слѣдается болѣе удобнымъ и вѣрнымъ.

Все въ мірѣ происходитъ подъ управленіемъ Провидѣнія Божія, и слѣдственно все по волѣ Божіей, поколику не по волѣ человѣческой. Итакъ во всемъ, что тебя постигаетъ, можешь познавать волю Божію. Приходитъ благополучіе, и благовѣствуетъ тебѣ волю Божію, чтобы ты благодарилъ Бога. Приходитъ бѣдствіе, и возвѣщаетъ тебѣ волю Божію, чтобы ты терпѣлъ. И послушаніе можетъ являться не только въ томъ, чтобы дѣйствовать по волѣ Божіей, но и въ томъ, если не дѣйствуешь противъ воли Божіей, и наипаче, если безропотно страждешь по волѣ Божіей. Умѣй вѣстнику высшаго жребія сказать смиренно: *буди мнѣ по глаголу твоему*. Но учись также и при видѣ креста сказать великодушно: *не якоже азъ хощу, но якоже Ты*, Отче небесный!

Впрочемъ, хотя истина и добродѣтель доступны всѣмъ, однако никакъ не излишни, а часто необходимы особые учители, по роду знанія, особые руководители, по роду подвиговъ. Такъ и для успѣха въ духовномъ послушаніи, поколику можешь, поколику внутренно чувствуешь особенную нужду, избери себѣ особеннаго наставника, свѣдущаго и опытнаго въ сей наукѣ, благословеннаго на сіе служеніе, котораго слово сильно жизнію, свѣтло милитвою, охранено отъ заблужденія смиреніемъ. Покори ему свою волю ради Бога: и воля Бога небеснаго сойдетъ къ тебѣ на землю, и твое простое земное послушаніе будетъ достигать до неба, по реченному къ истиннымъ и законнымъ наставникамъ отъ Дающаго пастырей и учителей: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ*.

Правда, послушаніе Богу посредствомъ человѣка издревле вынесло свои училища изъ жизни обыкновенной, отдѣлило ихъ отъ общежитія мірскаго, создало себѣ особыя обители, въ которыхъ и приносило, и приноситъ свои плоды для неба и для земли. Но наука, которую преподавать удобнѣйшимъ признано въ тишинѣ загородной, должна ли потому считаться совсѣмъ ненужною и безполезною для города?

Сыны вѣка сего желаютъ все больше и больше простора собственной волѣ. Къ чему сіе ведетъ? — Не къ тому ли, что нѣкогда предсказывалъ Пророкъ: *будутъ людіе, аки жрецъ, и рабъ, аки господинъ, и раба, аки госпожа: будетъ купуяй, яко продаяй, и взаимъ емляй, аки заимодавецъ* (Исх. XXIV. 2.)? Но что будетъ во время сего неограниченнаго простора собственной воли?—Пророкъ сказуетъ: *се Господь разсыплетъ вселенную и опустошитъ ю*. То есть, Онъ

попуститъ своеволію наказать самому себя тѣми безпорядками, которые оно производитъ.

И послѣ всѣхъ временныхъ наказаній, знаете ли, что дастъ пищу адскому огню? Ничто болѣе, какъ собственная воля съ ея порожденіями, то есть, грѣхами. Отложите собственную волю; и адъ не найдетъ въ васъ для себя пищи. Воспріимите волю Божію; и пріимете въ себя небо, доколѣ оно васъ въ себя пріиметъ. Гдѣ воля Божія, тамъ небо.

Но легко ли разстаться съ свободою, которая человѣку естественна?—Кто требуетъ отъ тебя, чтобы ты разстался съ свободою? Богъ даровалъ тебѣ свободу, чтобы ты свободно сдѣлалъ выборъ между зломъ и добромъ, между тварію и Творцемъ, между собою и Богомъ. Если изберешь себя, тварь, зло: пойдешь въ плѣнъ самолюбія, тварей, зла. Если изберешь, и непрестанно будешь избирать добро, Бога, и Его волю: не утратишь, а утвердишь и расширишь свою свободу. *Идѣже бо Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. III. 17.).

Но легко ли иногда преломить собственную волю?—Иногда трудно, иногда и легко, смотря потому, какъ ты самъ себѣ дѣлаешь сіе труднымъ, или легкимъ. Когда ты хочешь исполнить волю возлюбленнаго отца или матери: не легко ли тебѣ забывать свою волю, не пріятно ли даже приносить ее въ жертву? Кто препятствуетъ тебѣ посредствомъ вѣры и любви сдѣлаться сыномъ Божіимъ, и сдѣлать себѣ сладостнымъ послушаніе волѣ Отца Небеснаго?

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Да будетъ воля Твоя во всѣхъ насъ! Аминь.

5. СЛОВО

Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Рече же Маріамъ: се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему. Лук. I. 38.

Не великія, по видимому, слова, но великое дѣло въ нихъ заключается.

И всѣ мы нерѣдко называемъ себя *рабами*, даже рабами человѣковъ, правда не всегда съ готовностію на самомъ дѣлѣ быть тѣмъ, чѣмъ себя называемъ; но иногда и самымъ дѣломъ, даже безъ нужды и обязанности, раболѣпствуемъ человѣкамъ. Трудно ли, по видимому, назвать себя *рабомъ* или *рабынею Господа*, которому мы всѣ, по необходимости, рабы, желаемъ ли, или не желаемъ быть и называться таковыми? *Глаголомъ Его* все сотворено въ началѣ, и донынѣ, когда ни посылаетъ Онъ глаголъ Свой на землю, глаголъ сей не можетъ возвратиться къ Нему тощъ. Посему не трудно, кажется, и то, чтобы на посланный отъ Него глаголъ отвѣтствовать изъявленіемъ согласія, *да будетъ по глаголу Его*, такъ какъ сіе уже должно быть непремѣнно.

Разсуждая такимъ образомъ, безъ вниманія оставили бы многіе, а, можетъ быть, нѣкоторые и оставляютъ безъ вниманія, слова Маріами: но дѣло, которое открывается въ слѣдъ за сіе словами, должно пробудить все вниманіе каждаго мыслящаго. Во дни творенія міра, когда Богъ изрекалъ Свое живое и мощное: *да будетъ*, слово Творца производило въ міръ твари: но въ сей безпримѣрный въ бытіи міра день, когда Божественная Маріамъ изрекла свое кроткое и послушное *буди*, — едва дерзаю выговорить, что тогда содѣлалось, —слово твари низводитъ въ міръ Творца. И здѣсь Богъ изрекаетъ Свое слово: *зачнеши во чревѣ и родиши Сына* (Лук. 1. 31.);—*Сей будетъ великій* (32); *воцарится въ дому Іаковли во вѣки* (33): но, — что опять дивно и непостижимо,— самое слово Божіе медлитъ дѣйствовать, удерживаясь словомъ Маріи: *како будетъ сіе* (34)? Потребно было Ея смиренное: *буди*, чтобы воздѣйствовало Божіе величественное: *да будетъ*. Что жъ за сокровенная сила заключается въ сихъ простыхъ словахъ: *се раба Господня: буди Мнѣ по глаголу Твоему*, и производитъ столь необычайное дѣйствіе? — Сія чудная сила есть чистѣйшая и совершенная *преданность* Маріами Богу, волею, мыслію, душею, всѣмъ существомъ, всякою способностію, всякимъ дѣйствіемъ, всякою надеждою и ожиданіемъ.

Христіане! О если бы каждый изъ насъ,

хотя помалу пріобщился сей Богодѣйственной силы, молитвами Преблагословенныя Дѣвы! Се раби Господни, и раби Твои, Мати Господня! Буди намъ по образу Твоему!

Да будетъ, братія, примѣръ Пресвятыя Дѣвы наставникомъ нашимъ въ *истинной Богу преданности*.

Преданность Богу есть такое расположеніе духа, по которому человѣкъ всего себя, все, что ему принадлежитъ, все, что съ нимъ случиться можетъ, предоставляетъ волѣ и провидѣнію Божію, такъ что самъ остается только стражемъ своей души и тѣла, какъ стяжанія Божія. Къ сему расположенію приготовляетъ человѣка внимательное наблюденіе надъ собственными усиліями сдѣлать себя совершеннымъ и благополучнымъ. Желаетъ онъ сдѣлаться мудрымъ; образуетъ свои способности; напрягаетъ силы ума; подкрѣпляетъ себя силами другихъ избранныхъ умовъ; составляетъ себѣ образъ вѣдѣнія: что же? Между тѣмъ, какъ онъ старается уяснить для себя въ семъ образѣ одну черту, другая въ немъ затмѣвается, пресѣкается, исчезаетъ: по той мѣрѣ, какъ расширяетъ кругъ своихъ познаній, за чертою знаемаго еще обширнѣе открывается область недовѣдомаго; истина, давно признанная за достовѣрную, приводится въ сомнѣніе вновь открытою истиною; конецъ самодѣятельныхъ изысканій, по признанію безпристрастнѣйшаго изъ древнихъ мудрецовъ, есть открытіе того, что человѣкъ самъ собою ничего не знаетъ. Желаетъ онъ сдѣлаться добрымъ; старается познать законъ справедливости; возбуждаетъ сердце свое къ добродѣтельнымъ чувствованіямъ; предпріемлетъ добрыя дѣла: что же и здѣсь? Опытъ доказываетъ, что желаніе быть добрымъ нерѣдко бываетъ слабѣе страсти, влекущей къ пороку, и ею побѣждается; что познанный законъ предлагаетъ добро, но не даетъ силы творить оное; что добродѣтельныя чувствованія, изъ жестокаго сердца, какъ огонь изъ кремня, высѣкаются съ трудомъ, а легко угасаютъ, въ мягкомъ же сердцѣ, хотя и скоро возгараются, какъ огонь во льну, но такъ же тлятся слабо и не долго; что дѣла, внѣшнею своею стороною добрыя, со внутренней стороны своей часто бываютъ осквернены нечистыми побужденіями: своекорыстіемъ, самоуслажденіемъ, тщеславіемъ; что природа человѣческая, какъ принужденъ былъ признать въ новѣйшія времена одинъ изъ самыхъ ревностныхъ почитателей, такъ называемаго, нравственнаго разума, изъ самаго корня своего зло производитъ. Но таковымъ опытамъ, что могутъ обѣщать и усилія сдѣлать себя благополучнымъ?—Гдѣ недостаетъ истиннаго блага: тамъ истинное благополучіе конечно невозможно. Правильное слѣдствіе сихъ опытовъ, тщательно и безпристрастно наблюдаемыхъ, должно быть то, что человѣкъ потеряетъ надежду на самого себя, и если не хочетъ погибнуть,—поелику внѣ дѣйствительнаго благополучія, и внѣ надежды, ничего не льзя найти, кромѣ погибели,—какъ бы по необходимости вознесетъ желаніе и надежду свою къ Богу, и, еще не предвидя, и не предчувствуя, какимъ образомъ она можетъ совершиться, предастъ себя Ему, какъ разстроенную собственность, которою владѣть разполагать не умѣетъ.

Начавъ предаваться Богу, человѣкъ встрѣчаетъ другіе опыты, совсѣмъ противоположные тѣмъ, которые имѣлъ онъ, управляя самъ собою. Прежде собственныя усилія познать истину едва производили въ немъ слабый, кратковременный свѣтъ, оставлявшій по себѣ сугубую тьму: теперь изъ самой тьмы, въ которой онъ повергается предъ Отцемъ свѣтовъ, раждается для него внезапный свѣтъ: а если остается онъ иногда и во тьмѣ, то и въ ней познаетъ непостижимую близость Того, Который есть Свѣтъ превыше свѣта. Прежде усилія дѣлать добро или совсѣмъ подавляемы были въ немъ злыми склонностями, или производили несовершенное дѣйствіе: теперь, когда онъ положилъ сердце свое въ силу Божію, въ самой немощи его начинаетъ совершаться сила Божія, разрушающая зло и созидающая благо. Прежде наилучше обдуманныя предначертанія его къ устроенію своего благополучія или не исполнялись, или въ самомъ исполненіи оказывались неудовлетворительными: теперь онъ не дѣлаетъ никакихъ собственныхъ предначертаній, но со дня на день болѣе усматриваетъ великій чертежъ Провидѣнія,

по которому, не смотря ни на какія препятствія,—кромѣ одного препятствія, которое полагало прежде его упорство и невѣріе,—постепенно устрояется его спасеніе. Прежде успѣхи надмѣвали его, неудачи повергали въ уныніе, прошедшее терзало раскаяніемъ, настоящее озабочивало, будущее устрашало: теперь и благопріятныя событія пріемлетъ онъ съ чистою радостію, потому что видитъ въ нихъ милость и даръ Божій, и неблагопріятныя съ надеждою, потому что усматриваетъ въ нихъ обличеніе своего недостоинства, наставленіе къ смиренію, очищеніе и приготовленіе къ лучшему; раскаяніе не есть уже огнь, пожирающій душу его, но тихій дождь, ее орошающій, потому что онъ погрузилъ грѣхи свои въ кровь и воду, истекшую изъ ребра Спасителя; нѣтъ для таковаго человѣка слишкомъ тяжкой заботы, потому что онъ всю печаль свою возвергъ на Господа; нѣтъ страха, потому что онъ живетъ подъ кровомъ Всемогущаго; прошедшее для него не потеряно, настоящее безопасно, будущее вѣрно, — въ рукахъ Вѣчнаго. Прежде въ самыхъ дѣлахъ благоугожденія Богу, онъ суетился, подобно изображенной въ Евангеліи Мароѣ, и производилъ много молвы, не пріобрѣтая тѣмъ совершеннаго благоволенія Божія: теперь, подобно Маріи, безмолвенъ и недвижимъ, пребываетъ онъ у ногъ своего Спасителя, и, съ минуты на минуту наполняясь жизнію слова Его, во глубинѣ души своей обрѣтаетъ свидѣтельство, что онъ *избралъ благую часть, которая не будетъ отнята у него* (Лук. X. 42.). Такимъ образомъ преданность Богу, зачатая отъ убѣжденія ума, перераждается въ живое чувство сердца; вынужденная, такъ сказать, уступка того, чего не умѣли сберечь, превращается въ свободное даяніе того, что симъ единственно способомъ надѣются сохранить; человѣкъ повергаетъ себя невозвратно, какъ убогую лепту, въ сокровищницу Божества, не мечтая увеличить сю сокровище Божіе, но вѣруя и уповая, что тамъ она не будетъ потеряна, и, сколь ни малоцѣнна, употреблена будетъ, вмѣстѣ съ безчисленными талантами, на созиданіе живаго храма живому Богу.

Говорятъ, что это значитъ сложить навсегда руки, сѣсть, и ожидать своего спасенія. Совсѣмъ нѣтъ! Если кто въ самомъ дѣлѣ такое составилъ себѣ понятіе о преданности Богу, и поступаетъ по сему понятію: тотъ въ заблужденіи; онъ предается не Богу, но лѣности. Человѣкъ, не преданный Богу, не тѣмъ отличается, что онъ дѣйствуетъ, но тѣмъ, что дѣйствуетъ по собственной волѣ, полагаясь на собственный разумъ; подобно и преданный Богу не тѣмъ отличается, что не дѣйствуетъ, но тѣмъ, что не дѣйствуетъ по собственной волѣ и разуму. Какъ не преданный Богу можетъ быть въ бездѣйствіи: такъ напротивъ и преданность Богу не исключаетъ дѣйствованія, — дѣйствованія по волѣ Божіей и по Духу Божію. Положить талантъ свой въ землю, безъ сомнѣнія, не то, что положить его въ руку торжника. Ты отдалъ сокровище свое въ искусныя и вѣрныя руки; ты себя обезпечилъ: но сверхъ того можешь сему самому торжнику предоставить и свои руки, дабы онъ употребилъ ихъ по своему искусству къ совершенію своихъ оборотовъ; и тогда получишь сугубое пріобрѣтеніе. Такъ желающій стяжать душу свою, предаетъ сіе сокровище Искупителю душъ, и успокоевается въ Немъ вѣрою, надеждою и любовію: но въ то же время сему всеобщему Стяжателю всѣ свои способности и силы представляетъ въ дѣятельныя орудія къ совершенію великаго оборота, чрезъ который цѣною земнаго, тлѣннаго, ничтожнаго должно быть пріобрѣтено небесное, нетлѣнное, Божественное.

Если послѣ сего найдетъ еще кто нужнымъ спросить, почему собственно для усовершенія и обліаженствованія человѣка требуется преданность Богу? вотъ отвѣтъ: —по тому, что человѣкъ потерялъ совершенство и блаженство, похитивъ себя у Бога, Который не только, но всеобщему праву Вседержителя, обладалъ имъ, но и особенно усвоилъ его Себѣ, положивъ на немъ Свою печать, — Свой образъ. Собственная воля твари отторгла третію часть неба, и зажгла въ ней адъ; собственная воля заразила природу человѣческую грѣхомъ и смертію, и весь міръ проклятіемъ; и дотолѣ не престанетъ произраждать всѣ виды зла, доколѣ не будетъ всецѣло пре-

дана Богу, который единъ силенъ вновь проникнуть ее благословеніемъ, жизнію, святынею и блаженствомъ небеснымъ.

Посему слово Божіе часто напоминаетъ намъ о сей преданности, въ отношеніи ко внутреннему и внѣшнему, ко временному и вѣчному. *Открый ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворитъ* (Псал. XXXVI. 5.). *Приближи ко Господу дѣла твои, и утвердятся помышленія твоя* (Притч. XVI. 3.). *Смиритеся подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время, всю печаль вашу возвергше нань, яко Той печется о васъ* (1 Петр. V. 6. 7.). *Отче нашъ! Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Матѳ. VI. 9.).

Все великое, что представляетъ намъ слово Божіе, совершилось великою преданностію Богу.

Кто не знаетъ Авраама и его великой жертвы? Какъ возмогъ онъ поднять смертоносную руку на сына, о которомъ получилъ потомственныя обѣтованія? Какъ не усомнился онъ? Какъ не сказалъ Богу: не Ты ли, Господи, обѣщалъ, что *во Исаакѣ наречется мнѣ сѣмя* (Быт. XXI. 12.)? Гдѣ же будетъ сіе сѣмя, когда отрокъ Исаакъ сгоритъ на жертвенникѣ? — Патріархъ не имѣлъ въ сіе время ни помышленія, ни желанія, ни дѣйствія собственнаго; все предалъ онъ Богу, *паче упованія во уповаціе вѣруя* (Рим. IV. 18.); и такимъ образомъ и вожделѣнную жертву принесъ, и вожделѣннаго сына не лишился, и благословеніе надъ собою усугубилъ. *Воистинну*, сказаю ему, *благословляя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое,—и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII. 17. 18.). Такимъ образомъ преданность есть лучшая Богу жертва и вѣрнѣйшій залогъ Его благословеній.

Кто не слыхалъ о Іовѣ, котораго добродѣтель проповѣдывалъ Самъ Богъ предъ собраніемъ небесныхъ силъ? Но въ чемъ состоитъ сила его добродѣтели, если не въ преданности Богу, Котораго непостижимымъ судьбамъ съ благодарностію предалъ онъ себя, и дѣтей, и богатство, и здравіе, и чрезъ то содѣлалъ ничтожными всѣ усилія врага добродѣтели и блаженства человѣческаго? *Господь даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословено* (Іов. I. 21.). Такая преданность Богу есть безопасная ограда отъ всѣхъ искушеній.

Посмотрите и на Моисея въ ужасную минуту, когда предъ нимъ море, а за нимъ войско Египетское. Народъ вопіетъ къ Богу; ропщетъ на вождя: но что вождь? Онъ не приготовляетъ народъ къ брани, не ищетъ пути къ бѣгству, не воздвигаетъ чудодѣйственнаго жезла, не произноситъ даже ни одного молитвеннаго слова къ Богу. Что сіе значитъ?—Онъ предался Богу, и вводитъ народъ въ сію преданность: *Господь поборетъ по васъ, вы же умолкните* (Исх. XIV. 14.). Все умолкло: но молчаніе сіе громко раздалось на небесахъ, и подвигло чудодѣйственную силу Божію. *И рече Господь къ Моисею: что вопіеши ко Мнѣ? рцы сыномъ Израилевымъ, и да путешествуютъ; —и да внидутъ сынове Израилевы посредѣ моря по суху* (Исх. XIV. 15. 16.). Здѣсь видно, что преданность Богу есть самая крѣпкая и дѣйственная молитва.

Но, — чтобы вкратцѣ сказать все для Христіанина, — чѣмъ начинается высочайшее дѣло Христово?—Преданностію Сына Божія волѣ Бога Отца Своего. *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Псал. XXXIX. 9.), глаголетъ Онъ, шествуя къ воплощенію. Чѣмъ оканчивается сіе дѣло? —Тою же преданностію. *Не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXIV. 39.). *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Лук. XXIII. 46.). Итакъ преданность Богу есть и начало, и совершеніе Христіанства и вѣчнаго спасенія.

Заключимъ сіе ученіе увѣщаніемъ, которымъ Церковь заключаетъ большую часть молитвенныхъ провозглашеній, дабы непрестанно питать въ насъ духъ преданности, которымъ дышетъ и живетъ истинное Христіанство: *пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу Богородицу и приснодѣву Марію со всѣми Святыми помянувше, сами себе, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.* Аминь.

6. СЛОВО

Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

И рече Маріамь: величитъ душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы Своея: се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди. Лук. I. 46—48.

Наконецъ безмолвная Маріамь говоритъ; и слово Ея, исполненное духомъ, какъ рѣка, течетъ и играетъ, какъ ѳиміамъ, восходитъ и благоухаетъ, какъ молнія, сіяетъ и озаряетъ. Прочитанное теперь начало торжественнаго слова, произнесеннаго Ею, когда Елисавета въ первый разъ привѣтствовала Ее наименованіемъ *Матери Господа,* какъ много уже въ себѣ заключаетъ! Она славитъ Бога, и возноситъ къ Нему не гласъ, но самую душу Свою: *величитъ душа Моя Господа.* Радуется, и радость Свою превращаетъ въ молитву и жертву духовную: *возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ.* Смиряется, и проповѣдуетъ снисхожденіе Всевышняго: *призрѣ ни смиреніе рабы Своея.* Пророчествуетъ, и пророческій взоръ Ея проницаетъ сквозь всѣ времена до самаго конца ихъ: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* Такъ и надлежало содѣлаться плодовитой словомъ Той, въ Которую отнынѣ вселилось Слово; прежде нежели Оно изыдетъ изъ Нея, какъ плодъ чрева, Оно является въ Ней, какъ плодъ устенъ, исповѣдающихся Господеви: *рече Маріамь.*

Дивно слово Маріамп: но величественно и Ея молчаніе. Предоставимъ благоговѣйнымъ и внимательнымъ, самимъ углубляться въ разумъ слова Ея, которое такъ часто слышится въ Церкви: обратимъ вниманіе на то, что не столь открыто вниманію. Вслушаемся въ молчаніе Маріино, и поучимся отъ Нея бережливо употреблять сокровище слова.

О безмолвіи, въ которомъ Пресвятая Дѣва возрасла и воспитана, говорить не буду: потому что сіе закрыто молчаніемъ Святыхъ Евангелистовъ. Кто слышалъ, что говоритъ о семъ преданіе: тотъ имѣетъ образъ совершеннѣйшаго благочестиваго воспитанія, и можетъ судить, соотвѣтствуетъ ли сему образу, и обѣщаетъ ли благословенные плоды, разсѣянность, столь охотно позволяемая дѣтямъ въ наше время.

День *Благовѣщенія,* то есть, радостнаго возвѣщенія о предстоящемъ воплощеніи Сына Божія, начинаетъ открывать сокровенную въ Богѣ жизнь Богоматери. Слово Ангела обнаруживаетъ въ Ней добродѣтель молчанія. Внезапно входитъ онъ въ Ея уединеніе, и говоритъ Ей: *радуйся, благодатная: Господь съ Тобою; благословенна Ты въ женахъ.* Сколько вопросовъ представлялось при семъ удивленной Маріами! Кто сей неизвѣстный? Какое имѣетъ онъ право, нарушать уединеніе Дѣвы? Что значитъ неслыханное привѣтствіе, которое безвѣстную Дѣву поставляетъ превыше всѣхъ женъ въ мірѣ? Но ничто не выводитъ Ея изъ обычнаго Ей безмолвія. Она чувствуетъ движеніе духа: но уста Ея не движутся. Не спѣшитъ Она отвѣтствовать на привѣтствіе; молчитъ, и размышляетъ. *Смутися о словеси его, и помышляше.*

Ангелъ, успокоивъ духъ Ея однимъ словомъ: *не бойся,* — ибо слова небесныхъ Силъ не бываютъ безъ силы, и потому не остаются безъ дѣйствія,—продолжаетъ начатое благовѣщеніе. Въ изъясненіе наименованія *Благодатной*, присовокупляетъ, что Она *обрѣла благодать у Бога.* Потомъ предсказываетъ Ей зачатіе во чревѣ, рожденіе Сына, Его спасительное имя, Его достоинство Божественное, воцареніе чудесное, царство безконечное. Сколько еще предметовъ для испытанія и разглагольствія! Но Благодатная не желаетъ испытывать таинъ благодати. Благословенная не дерзаетъ разглагольствовать о томъ, что выше слова и разума. И теперь не прервала бы Она своего молчанія, если бы любовь къ дѣвству не исторгла изъ сердца Ея краткаго слова: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* Чтобы правильно разумѣть сіе слово, необходимо должно, вопервыхъ, предположить, какъ и преданіе сказуетъ, что Маріамь еще прежде обязала Себя обѣтомъ, во всю жизнь Свою хранить дѣвство: ибо не обязанная симъ обѣтомъ, и обрученная мужу, какую имѣла бы причину вопрошать о возможности родить сы-

на: *како будетъ сіе?* Во-вторыхъ, надлежитъ взять въ соображеніе законъ Моисеевъ (Числ. XXX.), по которому обѣтъ дѣвы или жены могъ быть уничтоженъ однимъ словомъ отца или супруга, и только тогда становился твердымъ, когда отецъ или супругъ слышалъ о немъ, и не отвергъ онаго. Изъ сего соображенія должно заключить, также согласно съ преданіемъ, что обѣтъ дѣвства, который, на предсказаніе о рожденіи Сына, заставилъ Марію сказать: *како будетъ сіе?* былъ уже тогда извѣстенъ Іосифу, и признанъ имъ; и что онъ обручилъ себѣ Пречистую Дѣву съ тѣмъ, чтобы, подъ именемъ супруга, быть стражемъ Ея дѣвства, которому нужно было таиться подъ наружнымъ покровомъ брачнаго союза въ такомъ народѣ, который, привлекаясь видимымъ благословеніемъ брака, не постигалъ высоты дѣвства. По симъ обстоятельствамъ, сколь ни далека была Маріямъ отъ того, чтобы не вѣровать, или сомнѣваться, или прекословить, или любопытствовать, принуждена однако была вопросить Ангела: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* Хотя имѣю мужа по обряду обрученія, но у меня нѣтъ мужа по обѣту дѣвства; обѣтъ сей произнесенъ, утвержденъ; сколько я не желаю отмѣнить его, столько не позволяетъ законъ, который говоритъ: *человѣкъ, иже аще обѣщаетъ обѣтъ Господу, или заклеиется клятвою, или опредѣлитъ предѣломъ о души своей, не оскверпавитъ словесе своего; вся, елика изыдутъ изъ устъ его, да сотворитъ* (Числ. XXX. 3.). Господь не нарушаетъ Своихъ законовъ: какъ же будетъ то, что и обѣтъ дѣвства сохранится, и законъ исполнится, и сынъ родится? — Видите, что крайняя только необходимость расторгаетъ священныя узы Ея молчанія, или лучше сказать, сама благодать изливается во устахъ Ея; открывается тайна Ея обрученія съ Іосифомъ, дабы подъ сею тайною скрыть другую, глубочайшую тайну обрученія съ Богомъ; отреченіе Маріями отъ земнаго мужа подаетъ Ангелу случай возвѣстить Ей достоинство Богоневѣсты, къ которому Она предопредѣлена: *Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя.*

Благовѣщеніе принято; Ангелъ отшелъ; Слово воплотилось; Дѣва зачала; оказались признаки зачатія: *обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята.* Отъ Духа Свята, пишетъ Евангелистъ Матѳей: но Іосифу долго не была возвѣщена сія тайна, и онъ не зналъ болѣе того, что являло чрево: *обрѣтеся имущи во чревѣ.* Ибо если бы онъ зналъ тайну Богоневѣсты: то могъ ли бы онъ думать о Ея *обличеніи*, могъ ли бы рѣшиться *отпустить* Ее? А онъ думалъ о первомъ, и рѣшился было на послѣднее. *Не хотя Ея обличити, восхотѣ тай пустити Ю.* Здѣсь столько чудесъ молчанія, что не знаю, достанетъ ли у насъ слова, чтобъ изглаголать молчаніе. Іосифъ видитъ въ Маріями, чего не ожидалъ, и чего понять не можетъ: но молчитъ, и не вопрошаетъ Ея. Маріямъ видитъ Себя въ опасности подвергнуться тяжкому подозрѣнію, и даже осужденію: но молчитъ, и не открываетъ Своей тайны. Гдѣ и Ангелъ благовѣстникъ Маріями? Почто молчитъ онъ, и не успокоиваетъ Ея отъ новаго смущенія? Гдѣ и Ангелъ хранитель Іосифа? Почто онъ такъ долго не является, и не предохраняетъ праведника, когда чистая душа его столь удобно можетъ омрачиться мыслію неправеднаго, и даже богохульнаго подозрѣнія? И — если не дерзновенно вопрошать о семъ — почто такъ долго безмолвствуетъ и Самъ, Посылающій Ангеловъ? Почто медлитъ просвѣщать Своего праведника, и спасать Ту, въ Которой спасеніе міра? — *Зри*, восклицаетъ Святый Златоустъ, указуя на Іосифа въ сихъ обстоятельствахъ, зри *мужа кротость: не токмо, яко не мучи, но яко тиже изрече кому, тиже самой зазираемой, но въ себѣ помышляше, и отъ самыя Дѣвы тщася укрыти вину. Тиже бо рече, яко отринути Ю хотяше, но отпустити. Толико бѣ кротокъ и тихъ мужъ.* И еще: *егда бо держати Ю въ дому, законопреступно быти видяшеся; обличити же и на судищи вести, смерти предати нужда бяше: онъ же ничтоже отъ сихъ творитъ, но выше закона уже себе устроеетъ. Подобаше бо, благодати пришедшей, многимъ быти уже высокаго жительства знаменіямъ* (на Матѳ. Бесѣд. 4.). Подлинно, видно, сердце пра-

вѣдника уже предчувствовало Христовы заповѣди, чтобъ имѣть *око простое* (Матѳ. VI. 22.) *и не судить, дабы не быть судимымъ* (Матѳ. VII. 1.). Потому, онъ видитъ признаки матери, и однако не хочетъ предаться помысламъ подозрѣнія о Дѣвѣ; имѣетъ законъ, уполномочивающій супруга, и однако не хочетъ судить обрученную. *Не хотя Ея обличити, восхотѣ тай пустити Ю.* Видите, какія возвышенныя добродѣтели заключаетъ въ себѣ молчаніе Іосифа. Но еще выше молчаніе Маріами. Тотъ молчаніемъ облегчаетъ затрудненіе чужое, и въ то же время находитъ средство прекратить свое затрудненіе; а Сія въ молчаніи носитъ Свою опасность, и съ каждымъ днемъ молчанія увеличиваетъ Свое затрудненіе. Что же значитъ сей непонятный подвигъ молчанія?— То, что Маріамъ есть совершенный сосудъ Благодати. Ибо какъ вещественный сосудъ негоденъ, когда онъ течетъ; такъ и духовный сосудъ не достоинъ, если не хранитъ вліянной въ него Благодати въ ненарушимомъ, смиренномъ молчаніи, но течетъ и выдыхается, безъ нужды и безъ пользы, словомъ празднымъ, или нескромнымъ, или нетерпѣливымъ, или тщеславнымъ: и напротивъ, какъ вещественный сосудъ совершенный былъ бы тотъ, который бы не только влитое въ него, но и самый духъ онаго заключалъ во внутренности своей безъ малѣйшей утраты, и котораго бы ни ударъ не могъ сокрушить, ни воздухъ или огонь разрушить: такъ совершенный сосудъ духовный есть тотъ, кто, *имѣя таинство вѣры въ чистой совѣсти* (1 Тим. III. 9.), въ мирѣ сердца, и въ безмолвіи всего существа своего, хранитъ ввѣренную ему благодать съ такою твердостію, которой никакіе удары бѣдъ сокрушить, никакая страсть, никакое искушеніе разрушить не могутъ. Если Марія говорила о Своей тайнѣ съ Елисаветою: то потому, что Елисаветѣ уже открыта была сія тайна Духомъ Святымъ, и Онъ Самъ говорилъ устами обѣихъ: а если бы Она стала говорить о семъ съ Іосифомъ; то или по человѣческой довѣренности, или по человѣческому страху, и слѣдственно не по Божественному побужденію говорила бы о тайнѣ Божественной. Теперь Она таится отъ того, которому, вѣроятно, болѣе всѣхъ на земли открыто было сердце Ея, поелику Она избрала его стражемъ Своего дѣвства; таится съ явною для Себя опасностію не только *обличенія*, но, какъ изъясняетъ Святый Златоустъ, съ опасностію *суда* и *смерти*: такое молчаніе достовѣрнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Она воспріятое въ нѣдра Свои Слово крѣпко держитъ, хранитъ совершенно, любитъ паче избраннаго и обрученнаго мужа, паче всякаго земнаго утѣшенія, паче самой жизни Своей; въ семъ молчаніи совершается непрестанная, чистая, великая жертва Богу Слову. Неудивительно, что и Божественное откровеніе на время безмолвствовало, чтобы дать созрѣть, и въ наставленіе наше открыться, столь великимъ добродѣтелямъ. Безмолвная жертва Маріами совершилась; мысль Іосифа рѣшительно утвердилась въ безстрастіи; тогда слово небесное приспѣло увѣнчать подвигъ молчанія, прекращеніемъ затрудненія Маріами, и открытіемъ Іосифу велѣй тайны благочестія. *Сія же ему помыслившу, се Ангелъ Господень во сонѣ явися ему, глаголя: не убойся пріяти Маріамъ жены твоея; рождшеебося въ Ней отъ Духа есть свята* (Матѳ. I. 20.).

Кто будетъ имѣть довольно постояннаго вниманія, чтобы слѣдовать за Маріею по всему пути жизни Ея: тотъ можетъ усматривать въ Ней всегда тотъ же характеръ глубокой молчаливости, совершеннаго безмолвія, ничемъ не развлекаемаго сосредоточенія во внутренности своей, словомъ— жизни, сокровенной въ Богѣ. Ни высочайшая радость, ни глубочайшая скорбь не могла измѣнить сей главной черты Ея духа.

Раждается Слово, Ангелы славословятъ; пастыри проповѣдуютъ; Матери ли Слова безмолвствовать и не торжествовать словомъ? Но Она безмолвствуетъ, и не расточаетъ словъ, а только соблюдаетъ слышанное. *Маріамъ же соблюдаше вся глаголы сіи, слагающи въ сердцы Своемъ* (Лук. II. 19.).

Симеонъ ли пронзаетъ душу Ея грознымъ пророчествомъ; Самъ ли Іисусъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, оставляетъ Матерь, и какъ бы отрекается отъ Нея, возвѣщая, что Ему *въ тѣхъ, яже Отца Его, до-*

стоитъ быти: Матерь Слова не прекословитъ, но безмолвствуетъ. *Мати Его соблюдаше вся глаголы сія въ сердцы Своемъ* (Лук. II. 51.).

Наконецъ *стоитъ* Она при *крестѣ* (Іоан. XIX. 25.) возлюбленнаго Сына Своего, и предреченное Симеономъ оружіе дѣйствительно проходитъ душу Ея. Чужіе не могли оставаться равнодушными; и еще тогда, какъ Онъ только несъ крестъ Свой, *идяше во слѣдъ Его народъ многъ людей, и жены, яже и плакахуся и рыдаху Его*; и по распятіи *вси пришедшіи народи на позорѣ сей, видяще бывающая, біюще перси своя возвращахуся* (Лук. XXIII. 27. 48.). Чего надлежитъ ожидать отъ Матери Распятаго, стоящей при крестѣ Его? Рыданій, жалобъ, воплей, терзаній?—Ничего таковаго не видимъ и не слышимъ; самовидецъ не пересказываетъ намъ даже ни одного слова Ея. Она страдала, безъ сомнѣнія, какъ никто никогда не страдалъ на земли, кромѣ Самого Распятаго: но бездна Ея страданій не обуревала и не потопляла Ея, непрестанно упадая въ столь же неизмѣримую бездну Ея терпѣнія, смиренія, вѣры, надежды, безусловной преданности судьбамъ Божіимъ.

Взирай, Христіанская душа, на священный образъ духовнаго молчанія, представленный тебѣ Евангеліемъ, частію и въ лицѣ Іосифа, иначе же въ лицѣ Маріами, и познавай сокровенную, величественную красоту души Ея, о которой написалъ Пророкъ: *вся слава дщере царевы внутрь* (Псал. XLIV. 14.); познавай, и возлюби сію духовную красоту; возлюби, и подвизайся, чтобъ и тебѣ, хотя отчасти, облечься сею красотою дщере царевы, и по слѣдамъ Ея добродѣтели достигнуть ея блаженства; ибо *приведутся царю дѣвы во слѣдъ ея*.

Встрѣчаешь ли непонятное въ вѣрѣ? Не спѣши любопытствовать или прекословить: но въ молчаніи внимай глаголу вѣры, и терпѣливо жди времени, когда глаголющій въ притчахъ удостоитъ тебя изъясненія оныхъ живымъ словомъ и опытомъ.

Примѣчаешь ли въ словахъ или дѣлахъ ближнихъ нѣчто странное, и, какъ тебѣ кажется, неправильное? Не торопись обличать и судить, если не призываетъ тебя къ сему должность отца, или пастыря, или наставника. Не будь праведенъ, какъ Фарисей, который себя одного находилъ такимъ въ цѣломъ свѣтѣ: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы*; но будь праведенъ, какъ Іосифъ, *спрѣчь*,—изъясняетъ Святый Златоустъ, —*благъ и кротокъ* (на Матѳ. Бесѣд. 4.).

Опасаешься ли, что какое нибудь твое дѣло вѣры или любви подвергнется превратнымъ сужденіямъ и нареканію? Не провозглашай для сего твоей добродѣтели, чтобы, охраняя славу ея, не утратить чистоты ея. *Открый* не къ человѣкомъ прекословіемъ, но *ко Господу* молитвою *путь твой и Той сотворитъ: и изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою яко полудне* (Псал. XXXVI. 5. 6.).

Посѣщаетъ ли тебя благополучіе, и радость розширяетъ сердце твое? Не разширяй устъ для тщеславія; но слагай въ благодарномъ сердцѣ глаголы благодѣющаго Провидѣнія.

Постигаетъ ли тебя бѣдствіе, и скорбь наполняетъ душу твою? Не умножай воплей и стоновъ, во множествѣ которыхъ по большой части слышны бываютъ отголоски упорства и непокорности судьбамъ Вышняго; но *потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое* (Псал. XXVI. 14.).

Ни въ какомъ случаѣ не расточай безразсудно слова, словесная тварь Слова Творческаго! Если словомъ Богъ сотворилъ все; а человѣкъ сотворенъ по образу Божію: то какія величественныя дѣйствія надлежало бы производить слову человѣка! Въ самомъ дѣлѣ, оно исцѣляло болящихъ, воскрешало мертвыхъ, низводило съ неба огнь, останавливало солнце и луну, и, что всего важнѣе, содѣлавшись орудіемъ Воплощеннаго Слова Божія, оно претворяло и претворяетъ растлѣнныхъ грѣхомъ человѣковъ въ новую тварь, чистую и святую. Такъ дѣйствуетъ слово человѣческое, когда крѣпко бывъ заключено въ горнилѣ благоговѣйнаго молчанія, и разжигаемо тайною, внутреннею молитвою, получаетъ свойственную ему чистоту и силу, или лучше сказать, становится причастнымъ силы Слова Божія и Духа Святаго. И сіе ли могущественное, зиждительное, священное

орудіе, мы обращаемъ на дѣйствія нечистыя, разрушительныя, святотатственныя, — на злорѣчіе, клевету, хуленія; или легкомысліемъ раздробляемъ оное въ легкій прахъ, и разсыпаемъ по вѣтру въ суетномъ празднословіи?—

Нѣкто сказалъ о себѣ: *девять помышленій улажнихъ въ сердцы моемъ, а десятое изреку языкомъ* (Сир. XXV. 9.). Такъ берегутъ слово знающіе цѣну его. По крайней мѣрѣ, Христіанинъ, *не скоръ буди усты твоими* (Еккл. V. 1.); давай себѣ размыслить, во благо ли тебѣ и другимъ будетъ слово, которое ты раждаешь въ мірѣ, и которое, какъ бы ни казалось малымъ или ничтожнымъ, будетъ жить до послѣдняго суда, и предстанетъ на немъ во свидѣтельство или о тебѣ, или противъ тебя. Прими совѣтъ Апостольскаго слова: *всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точію еже есть благо къ созиданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ; и не оскорбляйте Духа Святаго Божія, Имже знаменастеся въ день избавленія* (Ефес. IV. 29. 30.). Аминь.

7. СЛОВО

Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Она же видѣвши смутися о словеси его. Лук. I. 29.

И слышащіе сіе не смущаются ли уже мыслію, для чего хочу я говорить о смущеніи преблагословенныя Дѣвы Маріи, какъ будто сіе торжество Ея не представляетъ предметовъ для размышленія? Столько добродѣтелей, столько совершенствъ, столько чудесъ, столько тайнъ, при имени преблагословенныя Маріи, при воспоминаніи Ангельскаго Ей благовѣщенія, представляются уму, что едва даютъ примѣтить малое и кратковременное смущеніе мирной и тихой души Ея.

Но меня не смущаетъ опасеніе такихъ прекословій. Чудеса славны безъ слова; тайны не рѣдко лучше чтутся благоговѣйнымъ молчаніемъ, нежели дерзновеннымъ усиліемъ изъяснить оныя; добродѣтели, совершенства,—о если бы для насъ довольно было говорить только о добродѣтеляхъ и совершенствахъ, и не было нужды упоминать о несовершенствахъ, и даже о порокахъ! Если же, какъ полагаю, не отрекутся многіе признаться со мною, что едва ли не каждый день, а иногда и не однажды, то или другое слово, тотъ или другой случай, приводитъ насъ въ смущеніе, малое или великое, кратковременное или продолжительное, не рѣдко простирающееся на наши собственныя слова, дѣйствія и отношенія къ другимъ, и во всякомъ случаѣ неблагопріятное потому, что нарушаетъ спокойствіе, и затмѣваетъ ясность души: то есть немаловажная причина, съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣть на сей, маловажнымъ кажущійся, случай, какъ иногда и благословенная миромъ Божимъ душа, неизбѣжно входитъ въ смущеніе, и какъ выходитъ изъ онаго, дабы примѣромъ, наши, большею частію произвольныя смущенія, обличить, уменьшить, исправить и, по возможности, распространить область истиннаго мира душевнаго.

Она же видѣвши смутися о словеси его. Кто приводитъ въ смущеніе Ту, которая должна быть исполнена мира, какъ призываемая родить *Миръ нашъ* (Еф. II. 14.)? Человѣкъ ли непріязненнаго расположенія духа? Духъ ли непріязни, всегдашній врагъ мира, потому что самъ его не имѣетъ, обыкновенный производитель смущеній и смятеній, потому что живетъ въ мятежѣ непрерывномъ?—Нѣтъ! Къ удивленію, виновникъ смущенія Маріи есть Ангелъ, мирный служитель Бога мира. Но можетъ быть, образъ, какъ онъ явился Ей, имѣлъ въ себѣ нѣчто ужасное?—Нѣтъ, и сего не видно. Ангелъ тихо входитъ, и говоритъ: *вшедъ къ ней Ангелъ, рече.* И такъ отъ чего же Она смущается?—*Смутися о словеси его.* Развѣ слово сіе было грозно?—Напротивъ, оно было слово радости и благословенія: *радуйся благодатная: Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ.*

Углубимся нѣсколько въ разумѣніе сего Ангельскаго слова, чтобы найти сокровенную причину смущенія Маріина. До сихъ

поръ ни одинъ, и особенно ни одна изъ земнородныхъ не слыхали съ небесъ подобнаго привѣтствія. Примѣтно, что небесные вѣстники не расточаютъ привѣтствій: поелику чистой небесной истинѣ также не сродна изысканная ласковость, какъ и не нужная суровость. *Миръ тебѣ* (Суд. VI. 23.), сказалъ Ангелъ Господень Гедеону, по надобности успокоить его: ибо Гедеонъ, по понятіямъ своего времени, думалъ, что видѣніе Ангела будетъ ему смертоносно. Но привѣтствіе: *радуйся*, безпримѣрно въ древнихъ явленіяхъ Ангеловъ. *Господь съ тобою*,—такъ привѣтствовалъ Ангелъ Гедеона же, и также по особенной надобности, вдохнуть ему силу и бодрость для чудесной побѣды на враговъ, и для спасенія народа Израильскаго. Многократно и щедро благословлялъ Богъ Авраама, какъ на примѣръ, *во истину благословя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя, и яко песокъ вскрай моря; и наслѣдитъ сѣмя твое грады супостатовъ; и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII. 17. 18.); и паки: *Авраамъ будетъ въ языкъ великъ и многъ, и благословятся о немъ вси языцы земніи* (Быт. XVIII. 18.). Но не сказано здѣсь, чтобъ Авраамъ былъ благословленъ въ мужахъ, то есть, преимущественно предъ всѣми мужами; а о благословеніи Сарры, хотя и она участвовала въ произведеніи на свѣтъ благословеннаго сѣмени, совсѣмъ умолчано. Правда, сказалъ Господь однажды и о Саррѣ: *благословлю же ю* (Быт. XVII. 16.): но достойно примѣчанія, что и сіе краткое благословеніе изречено не въ лицѣ ей, а въ отсутствіи ея, Аврааму. Видно такъ надлежало по судьбамъ Божіимъ, чтобы отъ жены, въ которой прежде мужа началась утрата благословенія въ блаженномъ раю, долѣе, нежели отъ мужа, таились начатки возвращающагося благословенія на несчастной землѣ. Безъ сомнѣнія, разумѣла сіе Дѣва Марія, какъ изъ писаннаго слова Божія, такъ и посредствомъ собственнаго смиреннаго Богомыслія: и потому, когда слышитъ, что неожиданный посѣтитель привѣтствуетъ ее не только миромъ, но и радостію; приписываетъ ей благодать не какъ даръ, но какъ ея неотъемлемое достояніе; возвѣщаетъ ей благословеніе, преимущественное предъ всѣми женами въ мірѣ: тихая душа ея отъ сильныхъ словъ духа, какъ тихая вода отъ сильнаго дыханія вѣтра, по необходимости приходитъ въ движеніе: *смутися о словеси его*. Нѣтъ въ семъ смущеніи ничего не чистаго: но нѣтъ въ минуту смущенія той душевной тишины, которая ему предшествовала! Когда вѣтръ, ударяя въ поверхность воды, частію подымаетъ ее отъ мѣста ея покоя, тогда и чистая вода трепещетъ, и кажется возмущенною: такъ душа Маріи, хвалебнымъ словомъ Ангела не только подъемлемая изъ самоуничиженія, въ которомъ она обыкла покоиться, но и возносимая превыше всего сотвореннаго, трепетала чистымъ страхомъ, и Ея постоянное стремленіе во глубину смиренія, сдѣлавшееся ощутительнымъ отъ того, что Ее превозносили, обнаружилось въ видѣ смущенія.

Видимъ, какъ и святая и безстрастная душа входитъ въ смущеніе: посмотримъ, остается ли она въ немъ, и какъ выходитъ изъ онаго.

Смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе.

Когда въ какой душѣ происшедшее смущеніе продолжается, усиливается, беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ спокойствіемъ: тогда мы слышимъ нетерпѣливыя слова, примѣчаемъ неправильныя движенія, видимъ безпорядочныя дѣйствія. Ничего такого не оказалось въ Пресвятой Маріи. Смущеніе не подвигло Ея ни къ какому дѣйствію; не исторгло у Нея ни одного слова. Изъ сего видно, что въ смущеніи, въ которое Она вошла по необходимости, ни минуты не оставалась Она по произволу; но какъ скоро почувствовала себя въ ономъ, тотчасъ обратилась, чтобы выйти изъ онаго; и первымъ орудіемъ противъ смущенія употребила молчаніе.

Другое средство, которое премудрая Дѣва употребила противъ смущенія, было размышленіе: *помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе*. Евангелистъ не излагаетъ подробно, въ чемъ состояли сіи помышленія, безъ сомнѣнія чистыя, какъ Ея душа, возвышенныя, какъ Ея духъ, сильныя, какъ данная Ей благодать; онъ

не нашелъ для насъ нужною сію подробность; онъ написалъ о смущеніи Маріи только то, что полезно узнать всѣмъ, подверженнымъ смущенію, то есть, что Она выходила изъ смущенія посредствомъ основательнаго и осторожнаго размышленія. Если, дабы довершить возстановленіе внутренняго мира Ея, нужно было успокоивающее слово Ангела: *не бойся*: то для приготовленія къ новому принятію словъ Ангельскихъ не менѣе нужно было Ея собственное успокоивающее размышленіе, одушевляемое и молитвою, какъ изъ извѣстнаго постояннаго расположенія духа Ея безъ сомнѣнія заключить должно. Небесное вліяніе приноситъ совершенный миръ душѣ: но только твердая противъ внѣшнихъ и внутреннихъ обуреваній душа, восходящая отъ основательнаго размышленія къ Богомыслію, способна принимать высокія и обильныя вліянія небесныя.

Сличимъ теперь съ непорочнымъ смущеніемъ непреногорочныя Дѣвы, наши столь обыкновенныя смущенія.

Смущается Маріамъ отъ слова похвалы, хотя нѣтъ похвалы, которой бы не была Она достойна, и которой бы не превышала своимъ достоинствомъ. Такъ ли мы встрѣчаемъ похвалу, когда она входитъ въ ухо наше? Думаемъ ли, что хотя она кажется словомъ Ангела, но можетъ оказаться словомъ искусителя? Стыдимся ли похвалы незаслуженной, ненавидимъ ли похвалу пристрастную, страшимся ли даже справедливой похвалы, чтобы она не усыпила добродѣтели, или не повредила чистотѣ ея? Не поглощаетъ ли неосторожное сердце похвалу, какъ сладкое яство, и, можетъ быть, какъ сладкую отраву; не доходитъ ли ненасытное самолюбіе до безстыдства просить похвалы, или приписывать ее самому себѣ? Безъ застѣнчивости говорятъ нѣкоторые о самихъ себѣ: я хорошій христіанинъ; я истинный сынъ Церкви: они спокойны при сихъ словахъ: но я, признаюсь, желалъ бы имъ нѣсколько недовѣрчиваго къ самимъ себѣ смущенія, вмѣсто сего слишкомъ безпечнаго и самонадѣяннаго спокойствія, которое можетъ кончиться крайнимъ и позднымъ смущеніемъ.

Смущается Маріамъ отъ слова, неудобопріятнаго для Ея смиренія: мы напротивъ не часто ли смущаемся отъ словъ неудобопріятныхъ для нашей гордости? Не только слова, подлинно укоризненныя, и дѣйствія въ самомъ дѣлѣ оскорбительныя, скоро выводятъ насъ изъ терпѣнія; но и непріятности легкія, слова ненамѣренныя, обличенія справедливыя и умѣренныя возмущаютъ до глубины сердца, до раздраженія и ожесточенія. Не очищенная отъ страстей душа, при самомъ слабомъ дѣйствіи возмущающей силы отвнѣ, какъ нечистая вода, поднимаетъ изъ глубины своей илъ и прахъ, и ко внѣшнему возмущенію присоединяетъ гораздо болѣе тяжкое внутреннее помраченіе.

Смущается Маріамъ, и не медлитъ укрощать смущеніе, удерживая и подавляя оное молчаніемъ. А изъ насъ многихъ едва не каждое воскипѣніе внутренняго неудовольствія превращаетъ въ сосудъ бродящаго вина, или въ огнедышущую гору, которая изливаетъ лаву, и бросаетъ камни на все окружающее. Какъ скоро искра безпокойнаго неудовольствія затлилась внутри тебя: тотчасъ возьми осторожность не дать ей внѣшняго воздуха, чтобы дымъ не превратился въ пламя, и пожаръ не обнялъ всего тебя. Отъ чего бы ни произошло твое внутреннее смущеніе: закрой бережно сосудъ твой — молчаніемъ, и дай ему стоять — въ терпѣніи, доколѣ безпокойное броженіе кончится, и вино твое очистится.

Смущается Маріамъ: но побѣждаетъ смущеніе размышленіемъ. Пріимемъ отъ Нея и мы сіе оружіе, для употребленія въ нашихъ внутреннихъ бряняхъ. Какъ бы ни были разнообразны нападенія; слово разума, и наипаче изощренное поученіемъ въ словѣ Божіемъ, какъ обоюду острый мечь, можетъ дѣйствовать во всѣ стороны, къ низложенію враговъ, и къ нашей безопасности. Кто возстаетъ противъ тебя, и возмущаетъ миръ души твоей? Укоризна? — размысли, справедлива ли она. Если несправедлива: то стрѣла пролетѣла мимо тебя; отъ чего жъ тебѣ быть больну, когда ты не раненъ? Если же справедлива: то не сѣтуй на укорителя, какъ на врага, который наноситъ рану, но благодари его, какъ врача, который открываетъ ее, и

побуждаетъ тебя къ уврачеванію оныя. Обида ли, дѣломъ нанесенная, раздражаетъ тебя?—размысли, что лучше, обидчикомъ ли быть, или обиженнымъ? Безъ сомнѣнія лучше быть невиннымъ, нежели виновнымъ. Размысли и о томъ, лучше ли раздражаться, или терпѣть? Раздраженіе можетъ сдѣлать вдругъ и виновнымъ, и болѣе прежняго несчастнымъ: напротивъ того, терпѣніемъ и непорочность сохраняется, и несчастіе уменьшиться можетъ. Собственные ли недостатки, несовершенные успѣхи въ исправленіи себя, внезапныя паденія, и другія внутреннія неустройства приводятъ тебя въ смущеніе и уныніе? — Помысли, что смущеніе одно не исправляетъ и не усовершаетъ; а уныніе отнимаетъ силу; и потому не должно медлить въ безплодномъ смущеніи, должно воспрянуть отъ уныния; и неослабными подвигами пріобрѣсть побѣду надъ страстями и похотями, а съ нею душевный миръ и радость спасенія.

Благодать Благодатныя Маріами да будетъ со всякою душею Христіанскою въ ея невольныхъ смущеніяхъ, и да вспомоществуетъ, и утишаетъ оныя молчаніемъ, и совершенно прекращать размышленіемъ и молитвою, дабы безпрепятственно могъ возглаголать сердцу нашему Ангелъ мира, и не исторгаемо посѣять въ немъ *плодъ правды*, который *сѣется въ миръ творящимъ миръ* (Іак. III. 18.). Аминь.

8. СЛОВО

Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне. 2 Тим. II. 19.

Мнѣ кажется, что нынѣ вижу я сіе *основаніе Божіе*, которое Апостолъ указуетъ, какъ закрытое печатью, какъ извѣстное одному Господу. Что есть основаніе Божіе, на которомъ твердо стоитъ всякое созданіе Божіе, какъ не Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ? *Яко Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти, всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася, и всяческая въ Немъ состоятся* (Кол. I. 16. 17.). Если нужно и вновь созидать паденія созданія Божіи; *основанія инаго никтоже можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. III. 11.). Сіе основаніе Божіе несетъ нынѣ Духъ Святый отъ высоты небесной, и полагаетъ во глубинѣ земной; несетъ отъ славы Божества, и полагаетъ въ сокровенности человѣчества, закрытое болѣе, нежели одною печатію,—печатію дѣвства, печатію смиренія, печатію молчанія. Подлинно, кто кромѣ Господа зналъ Тебя, Единосущный Божій, въ семъ непостижимо умаленномъ состояніи, въ которомъ однако же сокровенъ былъ *Богъ всяческая во всѣхъ*, когда Ты, какъ основаніе спасенія нашего, положенъ былъ во чревѣ Маріи, даже и послѣ Архангелова благовѣщенія недовѣдомымъ образомъ.

Дивимся славѣ творческихъ дѣлъ Божіихъ: подивимся также ихъ сокровенности. Углубимъ еще мало вниманіе наше въ указуемое Апостоломъ основаніе Божіе: должно надѣяться, что въ немъ найдется скрытое для насъ сокровище.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя.

Хотя то вѣрно, что *начатокъ созданія Божія* (Апок. III. 14.), или всеобщее основаніе онаго есть Сынъ Божій Іисусъ Христосъ: впрочемъ изъ словъ Апостола примѣтить можно, что здѣсь онъ говоритъ *объ основаніи Божіемъ*, не въ отношеніи ко всѣмъ созданіямъ Божіимъ, но въ отношеніи къ нѣкоторымъ только избраннымъ, которыхъ Господь отличительно познаетъ и нарицаетъ Своими. *Позна Господь сущія Своя.*

Что же значитъ въ семъ особенномъ отношеніи основаніе *Божіе?* Безъ сомнѣ-

нія, оно значитъ то, что на Сынѣ Божіемъ, какъ на всеобщемъ основаніи, въ особенности созидается въ родѣ человѣческомъ; то, что на Іисусѣ Христѣ, какъ на глубочайшемъ основаніи, созидается въ каждой душѣ истинно Христіанской. Яснѣе сказать: оно значитъ Церковь, которой основатель есть Сынъ Божій; оно значитъ благодатный и спасительный даръ Божій въ человѣкѣ, вѣру, которой Начальникъ и Совершитель есть Іисусъ Христосъ.

Сіе основаніе Божіе Апостолъ называетъ твердымъ или неразрушимымъ: потому что Самъ Господь сказалъ, какъ о Церкви вообще: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18.), такъ и о душахъ истинно Христіанскихъ въ особенности: *не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея* (Іоан. X. 28.).

Было издревле обыкновеніе полагать на зданіяхъ знаменія, или надписи, которыя бы показывали принадлежность оныхъ, назначеніе, важность, неприкосновенность. По сему образу и на духовномъ зданіи Божіемъ Апостолъ видитъ *печать*, или иначе, знаменіе, или надпись, которая твердое основаніе Божіе отличаетъ отъ неосновательныхъ и удоборазрушимыхъ взгромоздеій человѣческихъ, и охраняетъ въ неприкосновенности отъ покушеній хитрости или дерзости, безразсудности или злобы. *Твердое основаніе Божіе стоитъ, имущее печать.*

Какую же печать?—*Сію*, продолжаетъ Апостолъ: *позна Господь сущія Своя.* Дивная по-истинѣ печать! Вы видите, что это надпись; поелику она состоитъ изъ словъ: но не безъ причины Апостолъ называетъ ее *печатью;* поелику не столько изъявляетъ и открываетъ, сколько сокрываетъ и утаеваетъ; а сіе и есть свойство печати.

Позна Господь сущія Своя. Господь знаетъ Своихъ: и такъ не ужели человѣки не знаютъ тѣхъ, которые суть Божіи?—Такъ. Очень часто, и, можетъ быть, большею частію, ихъ не знаютъ. О Моисеѣ, когда онъ поразилъ Египетъ, избавилъ Израиля, ознаменовалъ чудесами воздухъ, воду, землю, древо, каменіе, можно ли было не знать, что онъ есть Божій? Однако, видно, не довольно сіе знали, когда роптали на него, и воздвигали мятежи противъ него. Іосифъ чрезъ рабство и темницу проведенъ былъ до престола; прославленъ вѣдѣніемъ тайнъ Божіихъ, облеченъ могуществомъ: однако самые братья его нескоро догадались, что онъ есть Божій; онъ принужденъ былъ самъ открыть имъ сіе: *не бойтеся: Божій бо есмь азъ* (Быт. L. 19.). Кому не извѣстно было Ангельское житіе и небесъ достойное ученіе Іоанна Крестителя? Но многіе ли знали, что онъ точно указанъ симъ словомъ Господнимъ: *Азъ посылаю Ангела Моего* (Мал. III. 1.)? На вопросъ: *крещеніе Іоанново съ небесе ли бѣ? Архіереи и книжницы и старцы*, люди болѣе другихъ знающіе, не постыдились объявить свое невѣдѣніе. *И отвѣщавше глаголаша Іисусови: не вѣмы* (Марк. XI. 30. 33.). И Тебя, Приносущій и Единосущный Божій, даже послѣ того, какъ Ты глаголалъ, какъ *николиже глаголалъ человѣкъ*, творилъ *знаменія*, которыхъ *не можетъ человѣкъ творити, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. VII. 46. III. 2.),—знали ль и Тебя, отъ Котораго единаго истинное знаніе, какъ свѣтъ отъ солнца, исходитъ? Если бы знали; то не говорили бы такъ неблагоговѣйно: *не сей ли есть тектоновъ сынъ* (Матѳ. XIII. 55.)? Не отрекались бы такъ равнодушно: *сего не вѣмы, откуду есть* (Іоан. IX. 29.). *Аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II. 8.). Если же свѣтильниковъ міра и Самого Солнца не видали слѣпотствующіе человѣки; если открыто посылаемыхъ человѣковъ Божіихъ, и самой Премудрости явившейся не познали: то уже и неудивительно, если не познаваемы бываютъ въ мірѣ тѣ изъ сущихъ Божіихъ, которыхъ особенное провидѣніе Божіе не являетъ міру, между тѣмъ какъ собственное ихъ смиреніе скрываетъ отъ него.

Позна Господь сущія Своя. Никому кромѣ Господа не приписываетъ Апостолъ сего знанія: и такъ не ужели тѣ, которые суть Божіи, не знаютъ и сами, что суть Божіи?—Подлинно, и сіе должно заключить изъ словъ Апостола. Правда, по изреченію того же Апостола, *сильный Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко*

есмы чада Божія (Римл. VIII. 16.), если мы подлинно таковы; и по другому Апостолу, *вѣрующій въ Сына Божія, имать свидѣтельство въ себѣ* (1 Іоан. V. 18.). Но какое свидѣтельство?—*Сіе есть свидѣтельство, яко животъ вѣчный далъ есть намъ Богъ, и сей животъ въ Сынѣ Его есть* (11.). Поелику же сей *животъ* вѣрующихъ, до дня откровенія сыновъ Божіихъ, *сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ*: то можетъ случиться, что они сами не довольно знаютъ, какое сокровище Божіе имѣютъ въ скудельныхъ сосудахъ своего тлѣннаго человѣчества. И Духъ, который свидѣтельствуетъ духу ихъ, не есть ли тотъ Духъ, Который *идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ* (Іоан. III. 8.)? Когда Онъ, *не вѣси, откуду приходитъ*; тогда исполняетъ тебя Божественнымъ: а когда *не вѣси, камо идетъ*; тогда не найдешь въ себѣ ничего, кромѣ человѣческаго. Не преимущественно ли избралъ, не очевидно ли присвоилъ Себѣ Господь Павла, когда въ откровеніи сказалъ о немъ: *сосудъ избранъ Ми есть сей* (Дѣян. IX. 15.); и, положивъ въ немъ Свое Божественное основаніе, воздвигъ на немъ духовное зданіе не только многихъ, увѣровавшихъ чрезъ него душъ, но и многихъ великихъ Церквей, во многихъ странахъ и народахъ? И что же? Навелъ и послѣ сего не знаетъ, достигъ ли онъ совершеннаго присвоенія Богу. *Братіе*, сказуетъ онъ, *азъ себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, къ напряженному теку, къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Фил. III. 13. 14.).

Воистину только Самъ единъ *познаетъ Господь сущія Своя*. Но почто скрываетъ Онъ ихъ и отъ другихъ человѣковъ, и нѣкоторымъ образомъ отъ самихъ себя скрываетъ? Для чего бы не знать имъ яснѣе, что они суть Божіи,—къ ихъ утѣшенію? Для чего бы не знать сего и другимъ человѣкамъ,—къ ихъ назиданію?—Бываетъ и такъ; поелику печать Божія не можетъ быть совсѣмъ непримѣтна, и не должна быть безполезна. Но и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, болѣе кроется подъ печатью, нежели что представляетъ открытый видъ печати.

Скрывается благодатное основаніе Божіе въ человѣкахъ: потому что полагается въ самой глубинѣ души, такъ чтобы глубже онаго не оставалось ничего человѣческаго, которое могло бы ослабить твердость основанія Божественнаго. Это, по выраженію Апостола, *потаенный сердца человѣкъ* (1 Петр. III. 4.): не льзя встрѣтить его на распутіяхъ, или увидѣть въ зеркалѣ.

Скрывается основаніе Божіе отъ міра, частію не по намѣренію, но по естественному послѣдствію его чувственнаго образованія. Міръ не видитъ святыхъ, подобно тому, какъ слѣпые не видятъ свѣта.

Скрывается благодатное основаніе въ человѣкахъ, частію по намѣренію хранящаго ихъ провидѣнія Божія: дабы тѣмъ менѣе могли приражаться къ оному враждебныя силы, угрожающія оному разрушеніемъ. Такъ и основаніе земнаго, вещественнаго зданія скрывается въ землѣ: потому что бывъ обнажено и подвержено перемѣнному дѣйствію стихій, ослабѣло бы оно, и ослабило бы вмѣстѣ съ собою все зданіе.

Скрывается основаніе Божіе въ человѣкѣ и отъ него самаго человѣка: дабы онъ *не возмнилъ себе быти нѣчто, ничтоже сый* (Гал. VI. 3.), и не прельстилъ себя собственнымъ умомъ; дабы не превознесся, и гордостію не испровергъ въ себѣ основанія благодатнаго, которое лежитъ твердо и безопасно только во глубинѣ смиренія.

Таковыя и подобныя размышленія могутъ руководствовать къ уразумѣнію, почему основаніе или зданіе Божіе, столь видимое въ цѣломъ, такою сокровенностію запечатлѣно въ частяхъ своихъ и своемъ внутреннемъ составѣ, что единъ Господь вѣрно знаетъ сущія Своя.

Возблагоговѣемъ предъ тайными судьбами Божіими. Возбудимся съ глубокимъ вниманіемъ искать человѣковъ Божіихъ, и Божія въ нихъ основанія. Не будемъ дерзновенны въ сужденіяхъ о ближнихъ нашихъ, не зная въ нихъ того, что единъ Господь въ нихъ знаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне. 2 Тим. II. 19.

Разсматривая указанную Апостоломъ на основаніи Божіемъ, или на зданіи Божіемъ въ человѣкѣ *печать* или надпись, до сихъ поръ мы разсмотрѣли первую половину ея. Слѣдуетъ вторая половина: *и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.*

Если бы на зданіи Божіемъ лежала только первая оная печать, читалась только первая надпись: *позна Господь сущія Своя*, то есть, единъ Богъ вѣрно знаетъ тѣхъ, которые, по живой вѣрѣ и никогда не отпадающей любви, неотъемлемо и вѣчно принадлежатъ Ему и Его, не земной только, но и небесной Церкви; сіе могло бы и утѣшать насъ и устрашать. Утѣшать — мыслію о твердости основанія Божія, никому неприкосновеннаго, о непаруши мости печати Божіей, о безопасности тѣхъ, которые сокрыты въ тайнѣ лица Божія. Устрашать—неизвѣстностію, въ которой не льзя оставаться беззаботно. Ибо если единъ Господь знаетъ Своихъ, то кто суть тѣ, съ которыми мы живемъ и обращаемся, которыхъ внушеніями образуемся, которыхъ примѣрамъ слѣдуемъ? Кто есмы и мы сами? Божіи ли они? Божіи ли мы?—Богъ знаетъ! Какъ странно слово сіе въ семъ случаѣ! Если Богъ одинъ знаетъ тѣхъ, съ которыми я въ сообществѣ, и которые меня руководствуютъ; то почему знать, не духи ли лестчіе меня руководствуютъ? Не со врагами ли Божіими я въ сообществѣ? Не въ опасности ли потому и я—быть и остаться чуждымъ истиннаго, благодатнаго усвоенія Богу? Какая страшная неизвѣстность!

Господи, вѣдающій сущихъ Твоихъ! Праведенъ и премудръ еси, сокрывая ихъ отъ міра, который недостоинъ вѣдать ихъ, и который употребилъ бы во зло извѣстность о нихъ: но буди такожде благъ для тѣхъ, которые, хотя можетъ быть еще не суть Твои, но желаютъ сдѣлаться и пребыть Твоими; покажи знаменіе, по которому и мы, не вѣдающіе, могли бы узнавать истинное, благое, благодатное, святое, однимъ словомъ, Твое въ человѣкахъ, дабы паче всего сущее Твое любить, Твоего искать, Твоему поучаться и послѣдовать, къ Твоему прилѣпляться и присоединяться, и чрезъ единство съ сущимъ Твоимъ, слѣдственно и съ Самимъ Тобою, имѣть блаженное упованіе, и намъ быть Твоими неизмѣнно и вѣчно.

Подлинно, какъ царская печать, скрывая подъ собою тайну цареву, въ то же время начертаніемъ своимъ показываетъ, кому она принадлежитъ, и такимъ образомъ предохраняетъ отъ погрѣшности, чтобы не принять за царское то, что не царю принадлежитъ: подобно сему надобно, чтобы таинственная печать, которою Богъ запечатлѣваетъ вѣрныхъ и избранныхъ Своихъ для Себя Самого, какъ извѣстныхъ Ему единому, ознаменована была нѣкоторымъ примѣтнымъ и довольно вѣрнымъ знаменіемъ, по которому бы можно было внимательнымъ отличать сущихъ Божіихъ отъ тѣхъ, которые обманываютъ, или обманываются, представляя себя таковыми. Таково и есть второе начертаніе, или вторая надпись, которую примѣтилъ Апостолъ на духовномъ зданіи Божіемъ въ человѣкахъ: *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.*

Великое для насъ благополучіе на земли, великая надежда блаженства на небеси, что мы можемъ по вѣрѣ *именовать имя Господне.* Божественный Спаситель нашъ почти все дѣло спасительнаго посольства Своего съ неба на землю заключаетъ въ томъ, что сдѣлалъ человѣковъ способными *именовать имя Господне.* Приближаясь къ предѣлу Своего земнаго поприща, Онъ взываетъ въ молитвѣ къ Отцу Своему небесному: *дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю.* Какое Дѣло? — *Азъ прославихъ Тя на земли*; или иначе: *явихъ имя Твое человѣкомъ, ихъ же далъ еси Мнѣ отъ міра* (Іоан. XVII. 4—6.). Изъ сего почти можно заключить, что тѣ, которымъ *явлено имя Отца небеснаго*, которые *именуютъ имя Господне*, по сему самому суть Христовы, суть Божіи. *Никтоже*, свидѣтельствуетъ

боговдохновенный Апостолъ, *можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. XII. 3.). А кто говоритъ Духомъ Святымъ, тотъ долженъ быть Хрістовъ и Божій; поелику Духъ Святый чуждымъ не дается. Свидѣтельствуетъ и другой Апостолъ, что *всякъ вѣрулй, яко Іисусъ есть Хрістосъ, отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. V. 1.). А кто рожденъ отъ Бога, тотъ ближайшимъ образомъ есть Божій.

Чтожъ? Не можемъ ли мы посему разсуждать и заключать такъ: вотъ мы именуемъ имя Господне; мы нарицаемъ Господа Іисуса: такъ вѣрю мы Хрістовы, вѣрно мы Божіи; вѣрно есть въ насъ царствіе Божіе, и мы въ царствіи Божіемъ въ свое время будемъ? По жизни и дѣламъ нѣкоторымъ подлинно можно примѣчать, что таковы у нихъ мысли и чувствованія, на которыхъ, какъ на основаніи, зиждутъ они свою надежду для неба и для вѣчности. Такимъ образомъ ихъ духовное зданіе имѣетъ только сію печать: *именуй имя Господне*.... и не болѣе.

Будемъ осмотрительны. Это печать переломленная. Это надпись прерванная. Это не твердое основаніе. Не *всякъ, именуй имя Господне*, истинно и совершенно утвержденъ во Господѣ и во царствіи Его. Господь Самъ возвѣщаетъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное*. И еще болѣе грозно то, что предрекаетъ Онъ далѣе: *мнози рекутъ Мнѣ въ онъ день*, то есть, въ день, когда царствіе небесное откроется, и въ него призваны будутъ благословенные: *Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда*, продолжаетъ Онъ, *исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ* (Матѳ. VII. 21. 22. 23.). О грозная нечаянность! Они призывали Господа, слѣдственно знали Его и вѣровали въ Него: пророчествовали, бѣсовъ изгоняли, творили чудеса, слѣдственно не малую, болѣе нежели обыкновенную вѣру имѣли: о Господь не пріемлетъ ихъ во царствіе вое, и даже не знаетъ ихъ! О невѣроятное преспѣяніе зла и растлѣнія человѣческаго! Не ужели и дающее животъ вѣчный познаніе Единаго истиннаго Бога, и, Егоже послалъ есть, Іисуса Хріста, можетъ быть безъ духа и жизни?—Надобно признать сіе: потому что есть люди, которые *Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (Тит. I. 16.). Не ужели и вѣра, которой предоставлено спасать человѣковъ, можетъ быть безполезна? Именно, безполезна, какъ говоритъ Апостолъ Іаковъ: *кая польза, братіе моя, аще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не имать? Егда можетъ вѣра спасти его* (Іак. II. 14.)? Не ужели можетъ случиться, что самыя дѣйствія Духа Божія въ человѣкѣ, каковы суть: пророчество, изгнаніе бѣсовъ, чудотвореніе, погрязнутъ въ смѣшеніи свойствъ и дѣлъ растлѣннаго, плотскаго человѣка; что небесный огнь, который, возгорясь въ человѣкѣ, долженъ горѣ возводить человѣка, угаснетъ въ бреніи земномъ, и начавшаго просвѣщаться человѣка оставитъ темною главнею?—Если бы не было сей опасности; то не было бы произнесено и сего предостереженія: *духа не угашайте* (1 Сол. V. 19.)!

Хрісте Господи! Если не всѣ, именующіе имя Твое, внидутъ въ царствіе Твое; кто же изъ нихъ внидетъ въ оное? Господь отвѣтствуетъ: *творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ*. И напротивъ, почему нѣкоторые изъ нихъ не внидутъ въ оное? *Отъидите*, глаголетъ, *отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII. 21. 23.).

Христіанинъ! ты *вѣруешь сердцемъ*; вѣроятно, ты вѣруешь *въ правду*. Но Богъ одинъ сіе знаетъ: *вѣсть Господь сущія Своя*. Меня сіе не назидаетъ, а можетъ быть и тебя не удостовѣряетъ. Доколѣ сѣмя лежитъ въ землѣ; кто знаетъ, будетъ ли древо и добрый плодъ?

Ты *устами исповѣдуешь* имя Господне и твою вѣру: если бы ты исповѣдалъ сіе, какъ святые Исповѣдники и Мученики, среди ужасовъ гоненія, при угрозахъ смертію за вѣру, исповѣданіе твое было бы не однимъ легкимъ словомъ, но вмѣстѣ и сильнымъ дѣломъ, и тогда было бы вѣрно то, что исповѣдуешь *во спасеніе*. Но безъ того, кто знаетъ, отъ истинной ли внутренней силы, отъ живой ли вѣры происходитъ твое устное исповѣданіе. Цвѣ-

тутъ весною и такія древа, которыя не принесутъ плодовъ, и сами, отъ слабости корня и отъ недостатка сока, увянутъ и изсохнутъ. Что, если на древѣ твоемъ видѣнъ плодъ только мелкій и грубый, безобразный и безвкусный? Что, если мнимая вѣра твоя, которая величаетъ себя чудодѣйствующею, что, если она сопровождается жизнію плотскою и чувственною, дѣлами неправедными и беззаконными? Какъ бы ни хвалилось тогда древо, какъ бы ни украшалось цвѣтами; не льзя скрыть, что оно дикое. *Всяко бо древо отъ плода своего познается* (Лук. VI. 43.), говоритъ Великій Вертоградарь. Какъ бы ни превозносилъ ты свою вѣру, какъ бы ни украшалъ ее словами исповѣданія: неправедныя дѣла и нечистая жизнь обнаруживаютъ, что ты такое въ самомъ дѣлѣ; не прельщай и не прельщайся: ты не принадлежишь къ добрымъ древамъ вертограда Христова, но къ *саду, егоже не насади Отецъ небесный*, и который *искоренится* (Матѳ. XV. 13.), если не будетъ воздѣланъ новымъ дѣланіемъ духовнымъ, дѣлами правды и святыни.

Хочешь ли быть добрымъ древомъ вертограда, которое не посѣчется и не искоренится? Приноси плоды добрые! Хочешь ли быть истиннымъ зданіемъ Божіимъ, вѣчно живымъ храмомъ Духа Святаго? Не только *именуй имя Господне* вѣрою, но *и отступи отъ неправды* жизнію.

Одно только твердое основаніе Божественнаго упованія, и одно зданіе вѣчнаго спасенія, одно то, которое *имѣетъ печать сію: да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне*. По сей печати узнавай между именующими имя Господне сущихъ Божіихъ; по сему знаменію испытывай себя, приходишь ли ты во усвоеніе Богу. Святый Василій Великій надежнѣйшимъ признакомъ благодатнаго состоянія полагаетъ возненавидѣніе неправды. *Какъ можетъ*, вопрошаетъ онъ, *извѣститися душа, что простилъ ей Богъ грѣхи?* И отвѣтствуетъ: *если увидитъ себе самую въ такомъ расположеніи, какое имѣлъ глаголавый: неправду возненавидѣхъ и омерзихъ* (Крат. Прав. вон. 12. Пс. CXVIII. 163.).

Божіе зданіе, Божій домъ, душа Христіанская! Внимай себѣ, точно ли твое внутреннее основаніе имѣетъ истинную печать, утверждающую и охраняющую. Какъ отъ пропасти, какъ отъ смерти, какъ отъ двери ада, *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне*. Аминь.

---

9. СЛОВО

Въ недѣлю четвертую Великаго Поста, и въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

И рече имъ: сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ. Марк. IX. 29.

По установленію Церковному, освященному примѣрами, правилами, древностію, мы находимся теперь на поприщѣ поста. Дабы проходить оное благодушно и благонадежно, не нужно ли намъ возбудить и направить себя размышленіемъ, для чего введены мы на сіе поприще, и какое значеніе, достоинство, сила и цѣль подвига, намъ предложеннаго?

Къ размышленію о семъ именно нынѣ располагаетъ насъ одно изъ Евангельскихъ чтеній настоящаго дня.

И нынѣшній праздникъ не будетъ оскорбленъ постнымъ словомъ: поелику и онъ оказываетъ уваженіе посту, разрѣшая оный только частію, а частію сохраняя. И если духовные цвѣты, которыми украшается нынѣшній праздникъ, суть добродѣтели пресвятыя и преблагословенныя Приснодѣвы: то и добродѣтель поста принадлежитъ къ украшеніямъ нынѣшняго праздника. Ибо что значитъ, что во время пребыванія пресвятыя Дѣвы при храмѣ Іерусалимскомъ, какъ сказуетъ благочестивое преданіе, Ангелъ приносилъ Ей пищу?—*Служебніи души, въ служеніе посыляеміи за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I. 14.), не посылаются съ свѣтлаго неба на сію темную землю безъ

нужды. Не постящійся, безъ сомнѣнія, самъ повелѣтся для себя о пищѣ, не только необходимой, но и обильной и пріятной; и потому не требуетъ Ангельскаго попеченія. Но кто, пренебрегая и отвергая требованія плоти, приближается къ жительству безплотныхъ, къ тому и безплотные взаимно приближаются, и, дабы подвигъ поста не преступилъ за предѣлы, полагаемые немощію тѣлесной природы, когда нужно, приходятъ напомнить подвижнику, что время помочь тѣлу, и предлагаютъ готовую сверхъ-естественную пищу, вмѣсто не готовой естественной. Такимъ образомъ питаніе пресвятыя Дѣвы Ангеломъ свидѣтельствуетъ о Ея упражненіи въ постѣ. Преданіе, извѣстное намъ чрезъ блаженнаго Іеронима и Святителя Димитрія, опредѣляетъ даже съ подробностію, какъ располагала Она свой день, и когда прекращался ежедневный Ея постъ. *Отъ утра даже до третіяго часа дне стояше на молитвѣ; отъ третіяго же даже до девятаго въ рукодѣліи или чтеніи книгъ упражняшеся. Отъ десятаго же часа паки начинаше свою молитву, отъ нелже не преставаше, дондеже явлшеся ей Ангелъ, отъ егоже рукъ пищу взимати обыче* (Чет. Мин. Ноемвр. 21.).

Итакъ возвратимся къ вопросу: для чего постъ? Къ разрѣшенію сего могутъ вести обратные вопросы: Для чего постилась пресвятая Дѣва Марія каждый день до вечера? Для чего постился Моисей на Синаѣ три раза по сороку дней? Для чего постился Илія сорокъ дней на пути къ Хориву? Для чего вся жизнь Іоанна Крестителя была не что иное, какъ непрерывный великій постъ? Для чего постился даже Адамъ въ раю? Для чего и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ постился четыредесять дней въ пустынѣ? Для чего правило Апостольское (69) *къ отлученію* отъ общенія церковнаго присуждаетъ того, кто *не постится во святую четыредесятницу предъ пасхою, или въ среду, или въ пятокъ, кромѣ препятствія отъ немощи тѣлесныя?*— Если и не отвѣчать на сіи обратные вопросы: въ нихъ уже содержится сильный отвѣтъ противъ вопроса первоначальнаго. Указанные теперь образцы и законодателей подвига только наименовать — значитъ уже представить достаточное ручательство, что сей подвигъ имѣетъ немаловажное значеніе, немалое достоинство и силу, и употребляется, какъ бы нѣчто необходимое, на пути къ весьма высокимъ цѣлямъ.

Но не откажемся отъ нѣкотораго разсмотрѣнія предложенныхъ вопросовъ, каждаго порознь.

Для чего ежедневно постилась пресвятая Дѣва Марія?—Не льзя сказать, чтобы это было для приготовленія къ высокому званію Матери Господней, но Ея намѣренію, послику, при Ея вступленіи въ подвигъ поста, сія тайна еще не была Ей открыта; но безъ сомнѣнія можно сказать, что это было дѣйствительное приготовленіе къ званію Матери Господней, по устроенію Божію. Сама ли собою вошла Дѣва Марія въ подвигъ поста, пренебрегая тѣлесное, потому что стремилась къ духовному, или введена была въ оный сокровеннымъ или открытымъ внушеніемъ Ангела, Ея хранителя: но конечно не случайно, а по особенному усмотрѣнію и предуготовленію для служенія великой тайнѣ воплощенія Сына Божія избрана Дѣва постящаяся.

Сей примѣръ безпримѣренъ и безподражателенъ. Однако мы можемъ изъ него вывести для себя вѣрное заключеніе, что если совершенный постъ пресвятыя Дѣвы Маріи былъ благопотребенъ и полезенъ на пути къ Ея безпримѣрно высокому избранію, то нашъ, хотя несовершенный, постъ можетъ быть благопотребенъ и полезенъ на пути къ обыкновенному для всѣхъ истинныхъ христіанъ благодатному избранію.

Для чего постился Моисей на Синаѣ?— Священныя книги сказуютъ, что онъ постился сорокъ дней, въ первый разъ, для принятія отъ Бога Закона, во второй разъ, для умилостивленія Бога, прогнѣваннаго идолопоклонствомъ Еврейскаго народа, и угрожавшаго наказать оный совершеннымъ истребленіемъ, въ третій разъ, для высокаго благодатнаго Боговидѣнія и для вторичнаго полученія отъ Бога скрижалей Закона и Завѣта, вмѣсто разбитыхъ.

И сей примѣръ далекъ отъ подражанія.

Однако и онъ можетъ намъ дать поучительные выводы. Если великій четыредесятидневный постъ Моисея былъ ему спасѣнникомъ въ принятіи закона Божія для цѣлаго народа Еврейскаго, и, можно сказать, для всего послѣдующаго рода человѣческаго: то нашъ, хотя не по достоинству называемый великимъ, хотя малый постъ, можетъ намъ быть спасѣнникомъ въ углубленномъ и живомъ познаніи закона Божія, по крайней мѣрѣ каждому для себя; такъ какъ, напротивъ, насыщенное чрево, по признанію даже внѣшнихъ учителей, не благопріятствуетъ ученію и мірскому, кольми паче духовному и божественному. Если соединенный съ молитвою постъ одного Моисея былъ успѣшнымъ ходатаемъ для испрошенія отъ Бога прощенія цѣлому народу въ тягчайшемъ грѣхѣ: то не можетъ ли твой благоговѣйный постъ быть полезнымъ ходатаемъ для испрошенія прощенія грѣховъ, по крайней мѣрѣ одному тебѣ? Если протяженный постъ Моисея былъ путемъ къ чудесному Боговидѣнію, какое только достижимо для живущаго въ тѣлѣ: то нашъ посильный постъ, облегчая сердце отъ отягощенія чувственнаго, утончая отъ одебелѣнія плотскаго, не можетъ ли приготовить насъ хотя къ начаткамъ благодатныхъ ощущеній?

Для чего постился Илія сорокъ дней на пути къ Хориву? — Сей постъ могъ бы показаться ненамѣреннымъ дѣломъ случайной необходимости: потому что Пророкъ путешествовалъ по мѣстамъ пустыннымъ. Но Ангелъ даетъ намъ разумѣть, что это было дѣло не случая, а распоряженія, и притомъ небеснаго распоряженія. Пророкъ, видно, и самъ не много заботился о пищѣ; и, послѣ того, какъ *иде въ пустыню дне путь* (3 Цар. XIX. 4 и сл.), не ужинавъ, *ляже, и успе подъ садомъ. И се Ангелъ Господень коснеся ему, и рече ему: востани, яждь и пій.* Пророкъ вкусилъ ячменнаго опрѣснока и воды, приготовленныхъ ему Ангеломъ, такъ не много, какъ свойственно любителю поста; и почувствовалъ нужду дополнить прерванный сонъ. *Возвратився успе.* И что же? *Обратися Ангелъ Господень вторицею, и коснеся ему, и рече ему: востани, яждь и пій, яко многъ отъ тебе путь.* Что была за надобность будить Пророка, уснувшаго тотчасъ по принятіи пищи, и вновь заставлять его принимать пищу? Если Ангелъ заботится о его пропитаніи; то могъ бы послѣ, благовременнѣе, на пути явиться ему съ своимъ ячменнымъ опрѣснокомъ и корчагомъ воды, если нужно, и не однажды. Видите, что Ангелъ не пиръ даетъ Пророку, а распоряжаетъ постъ. Подкрѣпи, говоритъ, себя пищею сильнѣе, потому что тебѣ долго надлежитъ остаться безъ пищи, тебѣ предлежитъ четыредесятидневный путь, и съ тѣмъ вмѣстѣ четыредесятидневный постъ. Куда же привелъ Илію четыредесятидневный путь и четыредесятидневный постъ?—Къ чудесному Боговидѣнію, подобно какъ и Моисея.

Такимъ образомъ постъ въ лицѣ Иліи представляется не только добровольнымъ подвигомъ Пророка, но и непосредственнымъ послѣдованіемъ небесному руководству. Братія! на небесахъ знаютъ, что дѣлаютъ, и для чего повелѣваютъ. Видно, есть особенная надобность въ постѣ для особеннаго приближенія къ Богу. Можно и намъ нѣсколько понять сію надобность. Если, какъ говоритъ Премудрый, *тѣло тѣлѣнное отягощаетъ душу* (Пр. Сол. IX. 15.), то судите, когда она способнѣе возвышаться къ небесному и сообщаться съ Божественнымъ, тогда ли, когда *тѣлѣнное отягощающее* обильно получаетъ приращеніе тяжести и тлѣнія, или тогда, когда оно, по возможности, облегчается и утончается, посредствомъ благоразумно размѣренныхъ лишеній?

Для чего строго постную жизнь велъ Іоаннъ Креститель?—Не погрѣшимъ, если скажемъ, что это была его свободная склонность: ибо никто не принуждалъ его къ посту. Но надобно также вспомнить, что сія склонность его была предвидѣна, предопредѣлена и предсказана еще до его рожденія, и притомъ въ связи съ его величіемъ. *Будетъ*, говоритъ Ангелъ Захаріи, *велій предъ Господемъ, и вина и сикера не имать пити* (Лук. I. 15.). Ангелъ удаляетъ отъ Іоанна вино и сикеру, какъ бы предполагая, что онѣ унизили бы наибольшаго въ рожденныхъ женами, и призываетъ постъ, чтобъ сей под-

держалъ его величіе. И для чего это? — Безъ сомнѣнія для того, чтобы онъ достойнымъ образомъ приготовленъ былъ къ высокому служенію—быть предтечею Христа, крестителемъ воплощеннаго Сына Божія.

Думаете ли, братія, что сей чрезвычайный примѣръ не представляетъ ничего къ подражанію для нашей обыкновенной жизни? —Да. Чтобы простеръ бренную руку, коснуться главы крещающагося во Іорданѣ Сына Божія, тогда какъ Духъ Святый видимо сходитъ, и осѣняетъ Его, — какъ очищенъ долженствовалъ быть Іоаннъ, дабы не опаленъ былъ неприступнымъ огнемъ Божества! И можетъ ли съ кѣмъ другимъ встрѣтиться что либо, сколько нибудь подобное? Не можетъ? — Осмотримся однако. Не приближаешься ли ты непосредственно ко Христу, или не приближается ли Онъ къ тебѣ, не прикасается ли къ тебѣ, не входитъ ли въ тебя, не исполняетъ ли тебя, въ причащеніи тѣла и крови Его? Подумай же, было ли бы то излишне, или тяжко, если бы тебя, какъ Іоанна, постомъ и молитвою цѣлой жизни приготовляли къ сему Божественному общенію? Итакъ, не говорю, не справедливо ли,—не весьма ли снисходительно Матерь-Церковь требуетъ отъ тебя приготовленія къ сему великому Таинству постомъ не строгимъ, въ теченіе не многихъ дней?

Дохожу до важнѣйшихъ вопросовъ: для чего постился Адамъ въ раю? Для чего постился Христосъ четыредесять дней въ пустынѣ? Соединяю сіи вопросы: потому что между ними есть глубокая связь.

Если бы вамъ сомнительнымъ показалось, подлинно ли Адамъ въ раю постился: то довольно напомнить вамъ, что вы почитаете постомъ, и притомъ не малымъ, когда вамъ велятъ употреблять въ пищу только произрастенія земли, а мясъ и рыбъ не касаться. Сіе самое было постояннымъ закономъ райской жизни. Примѣтьте здѣсь, что много ли, мало ли, только ближе къ райской жизни постъ, нежели мясоѣдъ.

Но кромѣ сего, была въ раю особая заповѣдь поста: *отъ древа, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него* (Быт. II. 17.). Не станемъ пытливо изслѣдывать глубину сей заповѣди: то несомнѣнно по слову Божію, что постоянство въ ея соблюденіи должно было рѣшительно утвердить Адама на пути жизни райской, духовной, небесной; напротивъ того, прельщеніе запрещенною ядію, нарушеніе заповѣди дало въ немъ сильный перевѣсъ чувственному надъ духовнымъ, низвергло его изъ райской жизни въ земную, и низринуло бы во адъ со всѣмъ потомствомъ, невозвратно, если бы сего низверженія не остановилъ и не обратилъ къ возвышенію Сынъ Божій, ставъ сѣменемъ жены, и въ Своемъ лицѣ вновь поставивъ человѣчество въ невыдержанное Адамомъ испытаніе, сдѣлавшееся болѣе труднымъ на землѣ, нежели было въ раю. Такимъ образомъ несоблюденіе первымъ Адамомъ легкаго поста въ раю надлежало второму Адаму исправить выдержаніемъ на земли строгаго поста, и съ тѣмъ вмѣстѣ отразить и низложить нашего превозмогнаго искусителя. И вотъ почему *Іисусъ ведѧшеся Духомъ въ пустыню, дній четыредесѧть искушаемь отъ діавола, и не ѧстъ ничесоже во дни тыѧ* (Лук. IV. 1. 2.).

Христіане! *Христосъ*, какъ на Голгоѳѣ, такъ и въ пустынѣ искушенія, *пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. II. 21.). Послѣ сего можно ли недоумѣвать, для чего постъ?—Онъ для того, что *Христосъ намъ оставилъ образъ* поста, *да послѣдуемъ стопамъ Его*. Если постъ Христовъ былъ звеномъ въ цѣпи Его Богочеловѣческихъ дѣяній, для спасенія всего рода человѣческаго: то надлежитъ и у насъ посту быть звеномъ въ цѣпи христіанскихъ дѣяній, къ нашему собственному спасенію.

Послѣ сего не удивительно и то, что Апостольская Церковь приняла постъ въ число своихъ постоянныхъ учрежденій, и что Апостольскія правила употребленіе поста тѣсно связуютъ съ церковною христіанскою жизнію, и тѣхъ, которые не хотятъ соединяться съ Церковію въ подвигѣ поста, кромѣ случаевъ препятствующей немощи, признаютъ недостойными общенія церковнаго.

Не достанетъ ми повѣствующу времене, если бы я сталъ еще указывать на

подвиги поста въ житіяхъ Преподобныхъ и Святыхъ, которые, не довольствуясь обыкновеннымъ снисходительнымъ правиломъ поста, разнообразно усиливали сей подвигъ до ближайшаго уподобленія посту Илліну или Іоаннову. Ихъ опытная мудрость, ихъ чудесная жизнь, ихъ прославленная святость свидѣтельствуютъ, что ихъ подвигъ былъ какъ правиленъ въ начинаніи, такъ и благотворенъ для послѣдствій.

Важность подвига постнаго въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ открываетъ намъ происшествіе, предложенное благоговѣйному вниманію нашему нынѣ въ Евангеліи. Апостолы, послѣ того, какъ Господь *даде имъ силу и власть на вся бѣсы, и недуги цѣлити* (Лук. IX. 1.); послѣ того, какъ они *прохождаху сквозѣ веси, благовѣствующе и исцѣляюще всюду* (6.), встрѣтили одержимаго мучительнымъ духомъ нѣмымъ, и не могли освободить страждущаго, доколѣ Господь Іисусъ не употребилъ Самъ Своей Божественной силы и власти. Послѣ чудесъ, уже обыкновенныхъ для нихъ, внезапная недѣйствительность данной имъ силы побудила ихъ вопросить Господа, почему не могли они изгнать духа нѣмаго. На сіе Господь отвѣтствовалъ: *сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ.* Какъ важно здѣсь значеніе, какъ велика сила поста, соединеннаго съ молитвою! Не видно, чтобы Господь, дая власть Апостоламъ изгонять нечистыхъ духовъ и исцѣлять недуги, требовалъ отъ нихъ поста. Онъ не возлагалъ на нихъ строгаго поста при Себѣ, а отлагалъ оный до времени Своего страданія. *Еда можете сыны брачныя, дондеже Женихъ съ ними есть, сотворити поститися? Пріидутъ же дніе, егда отъятъ будетъ отъ нихъ Женихъ, и тогда постятся въ тыя дни* (Лук. V. 34.). И видно, Апостолы чудодѣйствовали, не употребляя усиленнаго подвига поста и протяженной молитвы; а просто именемъ Христовымъ и данною имъ властію повелѣвали, и повелѣнное исполнялось. Но видно также, въ страждущемъ отъ духа нѣмаго необыкновенно велика была сила зла; и потому для побѣды надъ нею потребенъ былъ высшій степень силы благодатной и благотворной. Какія же кромѣ вѣры, уже дѣйствовавшей въ Апостолахъ, могутъ быть средства и пособія для достиженія высшаго степени благодатной и благотворной силы? Господь предлагаетъ молитву и постъ. *Сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ.*

Видите ли благопотребность и пользу поста, соединеннаго съ молитвою? Апостоламъ онъ нуженъ: намъ ли не нуженъ? Чудотворцамъ онъ помогаетъ: можемъ ли мы пренебрегать его помощію? Побѣдѣ надъ мучительнымъ и преобладающимъ духомъ зла онъ способствуетъ: не ближе ли способствовать будетъ къ укрощенію плоти, воюющей противъ духа?

Дабы подвизающіеся въ постѣ не погрѣшали въ семъ подвигѣ, и немощные въ семъ подвигѣ, безъ чрезмѣрныхъ усилій, пріобрѣтали плодъ онаго, для сего предлагаю вамъ довольно напитать вашъ умъ постною, но сладкою и питательною церковною пѣснію: *постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви. Истинный постъ есть не одно уменьшеніе пищи и питія, но злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, отлученіе похотей, оглаголанія лжи и клятвопреступленія: сихъ оскудѣніе постъ истинный есть и благопріятный.* Аминь.

---

10. СЛОВО

Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы,

1846 года.

Рече же Маріамь: се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему. Лук. I. 38.

Просты, по видимому, сіи слова Пресвятыя Дѣвы Маріи: но какъ много въ нихъ заключается! какъ многое ими открывается! какая въ нихъ видна глубина смиренія! какая высота вѣры! какая сов-

печная чистота внутренняго чувства! какъ необъятна ихъ сила! какъ необозримо ихъ дѣйствіе!

Дѣло, которое должно совершиться по благовѣствующему глаголу Архангела, и по соотвѣтствующему глаголу Маріамн,—дѣло спасительнаго для насъ воплощенія Сына Божія,—не теперь начинается. По малой мѣрѣ человѣческой, нѣсколько тысячъ лѣтъ ожидало сіе дѣло согласія Дѣвы, чтобы могло совершиться.

Я сказалъ: по малой мѣрѣ человѣческой; потому что по великой мѣрѣ Божіей дѣло сіе идетъ отъ самой вѣчности. Апостолъ свидѣтельствуетъ, что *Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословенный насъ всякимъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ, избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра* (Ефес. I. 3. 4.).

Но не намъ восходить до сей пренебесной высоты созерцанія. Довольно для насъ взойдти къ началу тайны Христовы, открывшемуся въ земномъ раю.

Когда лукавому искусителю удалось прельстить первыхъ человѣковъ, и разрушить ихъ райское блаженство; когда смерть, прежде возвѣщенная предохранительно, а потомъ уполномоченная правосудіемъ, наступала на человѣка, по слѣдамъ грѣха: тогда милосердый въ самомъ правосудіи Богъ, пріостановивъ ее, благоволилъ въ умирающемъ уже и погибающемъ человѣчествѣ посѣять новое сѣмя жизни и спасенія. Чуднымъ образомъ въ словѣ осужденія, частію скрылъ Онъ, частію открылъ, тайну помилованія, когда осуждаемому искусителю рекъ: *вражду положу между тобою, и между женою, и между сѣменемъ твоимъ, и между Сѣменемъ тоя; Той твою сотретъ главу* (Быт. III. 15.).

То есть: ты, духъ злобы, мечтаешь, что, прельстивъ жену, какъ слабѣйшую часть человѣчества, и чрезъ нее увлекши въ преступленіе и Адама, будешь имѣть весь родъ человѣческій твоимъ всегданнимъ рабомъ. Нѣтъ! Отъ побѣжденныхъ тобою человѣковъ возстанетъ противъ тебя вражда, противоборство, брань; она продолжится въ ихъ потомствѣ; наконецъ Тотъ, Который до времени сокрывается подъ таинственнымъ наименованіемъ *Сѣмени жены,—Той твою сотретъ главу*, побѣдитъ тебя рѣшительно, уничтожитъ твою власть, которая есть область грѣха и держава смерти, и слѣдственно возвратитъ человѣчеству похищенную у него святость и жизнь, безопасную отъ смерти.

Къ уразумѣнію таинственнаго наименованія *сѣмени жены* пролагаетъ путь самая необычайность сего наименованія. *Сѣмя*, безъ сомнѣнія, означаетъ потомство, или опредѣленное лице въ потомствѣ. Но что значитъ *сѣмя жены?* Въ обычаѣ всего рода человѣческаго, и особенно въ древнихъ родословіяхъ видимъ, что *сѣмя*, или потомство, всегда относимо бываетъ къ мужу, а не къ женѣ, и родовое наименованіе дѣтей или потомковъ заимствуется отъ отца или праотца, а не отъ матери, или праматери. На что же указывается необычайнымъ наименованіемъ *сѣмени жены?*—Или ни на что, въ порядкѣ природы, или на таинство, которое выше природы,—на рожденіе, о которомъ природа спрашиваетъ: *какъ будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* и о которомъ благодать отвѣтствуетъ: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя*,—на чудесное рожденіе Сына отъ жены безъ мужа, на рожденіе Христа, Богочеловѣка, отъ Дѣвы.

Что Адамъ уразумѣлъ тайну изреченія Господня о Сѣмени жены, сіе можно примѣчать изъ того, что въ слѣдъ за симъ онъ далъ женѣ своей новое имя, которое было бы совсѣмъ неблаговременно и неумѣстно, если бы не относилось къ сей самой тайнѣ. *И нарече Адамъ имя женѣ своей: жизнь, яко та мати всѣхъ живущихъ* (Быт. III. 20.). Жизнь, мати живущихъ, — имена сіи были бы приличны праматери въ состояніи непорочности, поелику тогда она точно раждала бы всѣхъ живущихъ, и никого не раждала бы умирающаго: но тогда не дано ей сихъ именъ, а наречена она просто женою. Къ чему же послѣ грѣхопаденія, когда она будетъ раждать умирающихъ, будучи притомъ сама причиною, что смерть будетъ общимъ наслѣдіемъ ея потомства,—къ чему *нарече Адамъ имя женѣ своей: жизнь?* Развѣ въ поруганіе?—Нѣтъ, ко-

нечно не въ поруганіе, а вѣроятнѣе, въ утѣшеніе себѣ и ей, смотря на нее сквозь Божіе опредѣленіе о *Сѣмени жены*, сокрушающемъ главу змія. Отцемъ, думалъ онъ, буду и я; но не буду отцемъ истинной Жизни; Ея матерью предоставлено быть женѣ безъ мужа: итакъ да наречется ей имя: *Жизнь, яко та мати всѣхъ живущихъ*, не сама по себѣ, но потому, что нѣкогда отъ Евы будетъ Дѣва, и отъ Дѣвы родится Тотъ, Который есть *Истина и Жизнь*, и Который имѣетъ силу всѣхъ умирающихъ перерождать въ приснoживущихъ.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, усмотрите, братія, что благовѣщеніе спасительнаго для насъ воплощенія Сына Божія начато не Архангеломъ въ Назаретѣ, но самимъ Богомъ въ раю: ибо тамъ провозглашено Божіе опредѣленіе о побѣдоносномъ *Сѣмени жены*, то есть, о рожденіи Христа Спасителя отъ Дѣвы.

Но если Божіе опредѣленіе о воплощеніи Сына Божія было уже постановлено и даже провозглашено еще въ первые дни міра: то почему оно не исполнилось въ продолженіе столь многихъ вѣковъ? Не дерзнемъ приписать себѣ способности дать на сіе полный отвѣтъ. *Кто бо разумѣ умъ Господень* (Рим. XI. 34.)? Однако можемъ сказать не обинуясь, что не въ Богѣ причина медленности. *До скорости течетъ слово Его* (Пс. CXLVII. 4.). *Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася* (Пс. XXXII. 9.). У Вѣчнаго всегда все готово. Для Всемогущаго всегда все возможно. Тварь медлитъ по необходимости, потому что движется въ опредѣленныхъ кругахъ времени, которыхъ не можетъ ускорить. Въ твари свободной не достаетъ готовности для принятія дѣйствія Божія, когда въ ея волѣ не достаетъ соотвѣтствія волѣ Божіей. Особенно трудно устроять сію готовность въ твари падшей и разрушенной, которую нужно возставлять и пересозидать. Такимъ образомъ слово Божіе о Спасителѣ міра, какъ молнія, блеснуло надъ человѣчествомъ въ первыя минуты грѣховнаго омраченія, и неоднократно просіявало въ послѣдующихъ откровеніяхъ: но мракъ грѣховный продолжалъ тяготѣть, и вѣки и тысящелѣтія должны были пройдти, прежде нежели дѣйствительно *Слово плоть бысть* (Іоан. I. 14.) и *Богъ явися во плоти* (1 Тим. III. 16.). Въ сіе долгое время, благословеніе, которымъ Богъ Отецъ благословилъ насъ въ небесныхъ о Христѣ прежде сложенія міра, какъ молніеносный облакъ носилось надъ землею, между тѣмъ какъ тайное дѣйствіе Провидѣнія изыскивало въ родѣ человѣческомъ, и уготовляло благословенную въ женахъ, которая бы могла своею чистотою божественную молнію привлечь, принять, вмѣстить, удержать, не бывъ опалена огнемъ Божества, и такимъ образомъ чрезъ себя существенно усвоить всему человѣчеству благословеніе Христово.

Не думаете ли, что весьма просто принять благословеніе Божіе, хотя бы то было весьма высокое?—Не совсѣмъ такъ. Посмотрите на опытъ Сарры. Господь глаголетъ о ней Аврааму: *благословлю же ю, и дамъ тебѣ отъ нея чадо* (Быт. XVII. 16.). Видите, что заочно и заблаговременно предваряетъ ее, чтобы она приготовилась къ дѣйствительному принятію благословенія. Но что же? И послѣ сего предваренія, когда обѣщанное благословеніе рѣшительно дано въ ея присутствіи, она, кажется, не нашлась довольно умѣющею принять оное. *Разсмѣяся же Сарра въ себѣ* (XVIII. 12.). Какъ бы ни былъ невиненъ сей смѣхъ: онъ, кажется, не довольно у мѣста предъ словомъ Божіимъ, и предъ лицемъ Божіимъ. И когда Господь обличилъ ее въ семъ: она впала въ новое замѣшательство, и какъ будто думала утаиться отъ Всевѣдущаго. *Отречеся же Сарра, глаголющи: не разсмѣяхся: убояся бо* (15).

Не станемъ однако уничижать Сарру, которая, въ мѣру своего достоинства, пріяла свою мѣру благословенія, и содѣлалась предварительнымъ образомъ *благословенныя въ женахъ*, какъ родившая единороднаго, какъ родившая въ умерщвленіи плоти, хотя впрочемъ не безъ мужа, какъ родившая образъ Христовъ, Исаака, показавшаго Аврааму въ своемъ жертвоприношеніи день жертвы крестныя.

Но принесемъ справедливую дань благоговѣйнаго и радостнаго удивленія благословенной въ женахъ, Пресвятой Дѣвѣ

Маріи, которая къ высочайшему изъ благословеній Божіихъ, внезапно надъ нею явившемуся, обрѣлась въ совершенствѣ уготованною, и тѣмъ споспѣшествовала совершенію столь долго предуготовляемаго, призываемаго и ожидаемаго спасительнаго для насъ воплощенія Сына Божія.

Если праведная Сарра предвѣстіе о рожденіи отъ нея Исаака, необыкновеннымъ, однако не сверхъестественнымъ, пріяла съ замѣшательствомъ; если, при подобномъ предвѣстіи о рожденіи предтечи Господня, праведный Захарія не вѣрилъ, и требовалъ знаменія: то колико выше самыхъ праведниковъ является Пресвятая Дѣва Марія, когда благовѣщеніе о рожденіи отъ Нея Христа Спасителя сверхъестественнымъ, непостижимымъ, божественнымъ, пріемлетъ безъ замѣшательства, безъ недовѣрія! Прежде благовѣщенія, при началѣ небеснаго явленія, Она *смутилась* на нѣсколько мгновеній, и остановилась въ размышленіи, можетъ быть, потому, что не тотчасъ узнала небеснаго вѣстника, потому, что дала мѣсто духовному правилу, и намъ предписанному, чтобы *искушать духи, аще отъ Бога суть* (1 Іоан. IV. 1.); потому, что затрудиена была необычайнымъ привѣтствіемъ. Впрочемъ смущеніе предъ сильною похвалою не есть недостатокъ достоинства. Но, что весьма дивно, когда Она услышала несравненно болѣе сильное слово благовѣщенія: *Духъ Святый найдетъ на тя;—зачнеши во чревѣ, и родиши Сына;—раждаемое свято, наречется Сынъ Божій;—царствію Его не будетъ конца:* тогда уже нѣтъ смущенія. Велія тайна не возбуждаетъ Ее къ испытанію, и неиспытанность тайны не останавливаетъ въ принятіи таинственнаго благовѣщенія. Безпримѣрно высокое назначеніе не вземлетъ ея изъ глубины смиренія: призванная быть Матерію Господа видитъ себя, какъ и прежде, только рабою Господнею. Съ другой стороны, Ея глубоко смиренное о себѣ мнѣніе не препятствуетъ Ей вѣровать безпримѣрно высокому назначенію. Не видно даже никакой борьбы между сими перекрестными направленіями, никакого колебанія мыслей и чувствованій. Какъ чистая и тихая вода тихо и чисто пріемлетъ свѣтъ солнца, и отвѣчаетъ ему отсвѣтомъ: такъ душа Пресвятыя Дѣвы тихо и чисто пріемлетъ слово Божественнаго откровенія, и отвѣтствуетъ ему словомъ послушанія: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему.*

Довольно для внимательныхъ. Не требуйте многаго, испытующіе и любопытствующіе. *Вертоградъ заключенъ сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ* (Пѣсн. IV. 12.), сказалъ Духъ Святый о Своей невѣстѣ, первенствующей надъ дѣвственными и чистыми душами, богоблагодатной Дѣвѣ Маріи. Довольно, если взоромъ ума, какъ бы сквозь ограду, пришли мы въ Ея таинственный вертоградъ, узрѣли нѣкоторые цвѣты Ея добродѣтелей, ощутили благоуханіе благодати Ея. Надобно позаботиться о томъ, чтобы наши помышленія не были подобны нѣкоторымъ неблагороднымъ насѣкомымъ, которыя безполезно кружатся около цвѣтовъ, или оскорбляютъ ихъ красоту своимъ прикосновеніемъ; но чтобы уподобились пчеламъ, которыя приближаются къ цвѣтамъ съ смиренною пѣснію, и не оскорбляющимъ прикосновеніемъ извлекаютъ изъ нихъ сладкую и здравую пищу.

Благоговѣйно пришкая въ тайну воплощенія Бога Слова, да поетъ всякая душа христіанская съ Церковію Христовою: *чистую славно почтимъ, людіе, Богородицу, огнь Божества пріимшую во чревѣ неопально.* Научимся отъ Нея подобающимъ образомъ встрѣчать Божіи посѣщенія, принимать божественныя тайны.

Если встрѣчаетъ тебя привѣтствіе и похвала, особенно возвышенная и духовная: остерегись неразборчиво принимать и наслаждаться; ибо не всегда легко узнаешь, точно ли приносимъ оную вѣстникъ истины. Позволительно при семъ смутиться: но поспѣши удержать смущеніе, и въ молчаніи призвать въ помощь Бога, чтобы тебѣ не быть прельщену похвалою ложною, или чтобы и неложную похвалу не превратило въ отраву самолюбіе и превозношеніе.

Когда слышишь благовѣстіе божественныхъ догматовъ и благодатныхъ таинствъ: берегись не только невѣрія Ѳомина, но и маловѣрія Захаріина, и замѣшательства Саррина. Вспомни слово Архангела, *якѡ*

не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ; и недопусти, чтобъ изнемогла твоя вѣра.

Если знаменіе Провидѣнія, посылаемое иногда въ одеждѣ нечаяннаго случая, возвѣщаетъ тебѣ жребій пріятный, возвышенный, славный, не трудно тебѣ будетъ сказать: *буди мнѣ по глаголу твоему*. Но не забудь потомъ, чтобы не взирать на себя мечтательно, какъ на господина многихъ вещей и многихъ людей, а чтобы взирать на себя всегда смиренно, какъ на раба единаго всеобщаго Владыки: *се рабъ Господень*.

Поелику же можетъ тебя постигнуть предвѣстіе и не пріятное, но угрожающее скорбію, лишеніемъ, уничиженіемъ: уготовляй себя предусмотрительно, чтобы умѣть и сіе принять. Не пререки ропотно, и не возопій нетерпѣливо. Какая въ томъ дободѣтель, чтобы охотно принимать пріятное? Но скорбное принять благодушно, по благоговѣнію къ волѣ Божіей, — вотъ подвигъ, вотъ добродѣтель, вотъ залогъ награды! Обучай не уста свои, но свое сердце, чтобы оно могло свободно выговаривать слова готовящагося ко кресту Спасителя: *Отче,—не моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. XXII. 42.).

Зрите и разумѣйте, что радостное благовѣщеніе открываетъ начало спасенія; а горькій крестъ приближаетъ къ совершенію онаго и къ вѣчной славѣ воскресенія, которой и да сподобитъ всѣхъ насъ Господь нашъ Іисусъ Хрістосъ, благодатію Бога Отца и Святаго Духа. Аминь.

11. СЛОВО

Говоренное въ день празднованія Пресвятѣй Богородицѣ въ Страстномъ монастырѣ, Іюня 2 дня 1834 года.

И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе. Лук. II. 35.

Бѣдствіе человѣка непорочнаго и добраго есть одна изъ трудныхъ загадокъ, какія предлагаетъ видимая вселенная человѣку размышляющему. Видя добраго страждущаго другой добрый страждетъ и самъ, поелику чувствуетъ сострадание: и такимъ образомъ отъ одной загадки родится другая: за что и сей страждетъ? Видитъ сіе слабый вѣрою, и подвергается искушенію въ вѣрѣ. Видитъ склонный къ пороку, и разрѣшаетъ загадку на свою голову: какая же, говоритъ, польза быть добродѣтельнымъ? Видитъ склонный къ невѣрію, и непонятную загадку разрѣшаетъ другою, несравненно болѣе непонятною; онъ говоритъ: случай господствуетъ въ мірѣ и въ дѣлахъ человѣческихъ.

Благословенная въ женахъ! Непорочнѣйшая изъ дщерей человѣческихъ! И Тебѣ премудрый старецъ Симеонъ не усомнился предложить сію грозную загадку: *и тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе*. День плачевный и ужасный, но вмѣстѣ спасительный разрѣшилъ тебѣ загадку пророчества. Терніе вѣнца Іисусова, гвозди Его распятія, копіе прободенія Его, Его раны, Его болѣзненный вопль, Его умирающій взоръ,—вотъ оружія, которыми Твое матернее сердце пронзено было столь же безпримѣрно глубоко, сколь совершенна Твоя любовь, сколь безпримѣрна Твоя непорочность. Теперь, когда Ты пребываешь въ Божественной славѣ Сына Твоего, для Тебя уже разгадана и загадка необычайнаго событія: теперь Ты видишь во свѣтѣ Божіемъ, для чего надлежало пройти оружію и Твою чистую душу, и какъ сіе согласно и съ безконечною премудростію, правдою и благостію Провидѣнія, и съ Твоимъ безконечнымъ блаженствомъ.

Матерь Свѣта! низведи намъ искру свѣта отъ ума Хрістова, дабы уразумѣть и намъ тайну бѣдъ и скорбей земныхъ, не столько, сколько бы желало наше любопытство, но сколько нужно для нашего мира и спасенія.

Не было бы никакого зла на землѣ, и никакого бѣдствія въ человѣкахъ, если бы не было грѣха. *Единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть* (Рим. V. 12.), въ имени которой заключается сокращеніе всѣхъ бѣдъ и золъ. Зй грѣхъ опредѣленъ человѣку принужденно и изнурительный трудъ вмѣсто свободнаго

и легкаго дѣланія: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III. 19.). За грѣхъ болѣзни: *въ болѣзнехъ родиши чада* (16). За грѣхъ смерть: *въ оньже аще день снѣсте* отъ древа запрещеннаго, *смертію умрете* (Быт. II. 17.).

Человѣкъ, потерявъ опытъ первоначальнаго чистаго бытія своего и вселенной, потерялъ и понятіе объ ономъ. Какъ рыба, движущаяся въ водѣ, не знаетъ лучшей и болѣе совершенной жизни, какою животныя живутъ въ воздухѣ: такъ бѣдная душа человѣческая, погруженная въ грубый и тлѣнный стихійный міръ, и въ немъ живущая, какъ рыба въ водѣ, не знаетъ тонкой и нетлѣнной жизни райской. Отсюда недоумѣнія своемудрствующаго разума о томъ, была ли подлинно такая жизнь, и какъ она могла быть. Я приведу теперь одно только изъ сихъ недоумѣній, для примѣра ихъ ничтожности. Разумъ разсчитываетъ, что если бы люди все раждались, и ни одинъ изъ нихъ не умиралъ; то умноженіе людей сдѣлалось бы наконецъ несообразнымъ съ пространствомъ и способами земли обитаемой; и такимъ образомъ тѣснота вселенной требуетъ смертности человѣковъ, чтобы умирающіе очищали мѣсто преизбыточествующему множеству раждающихся. Таковымъ мелочнымъ счетчикамъ жизней мы можемъ сказать то же, что Господь сказалъ Саддукеямъ, которые изъ законовъ брака вздумали было извлечь опроверженіе ученія о жизни будущей: *прельщаетеся, не вѣдуще писанія, ни силы Божія* (Матѳ. XXII. 29.). Кто вамъ сказалъ, что земля была бы вѣчною темницею для человѣческаго безсмертія? И не ужели вы думаете, что съ земли на небо нѣтъ иной дороги, кромѣ той, которая лежитъ чрезъ гробъ и могилу? Не ужели также вы думаете, что землю, и прежде ея проклятія въ дѣлахъ человѣка, такъ же какъ нынѣ, надлежало размѣрять десятинами на каждаго человѣка, для его обитанія и продовольствія? *Прельщаетеся, не вѣдуще.* Не растлѣнный грѣхомъ человѣкъ несравненно менѣе зависѣлъ въ жизни отъ произведеній земли, нежели нынѣ; а земля, безъ его труда, несравненно щедрѣе была для него въ своихъ произведеніяхъ, нежели нынѣ. Совершивъ на ней опредѣленное поприще, онъ восходилъ бы на небо такъ легко, какъ въ Іаковлевомъ видѣніи лѣствицы, досязающей до небесъ, *Ангели Божіи восхождаху и нисхождаху по ней* (Быт. XXVIII. 12.). Возможность сего перехода въ Енохѣ и въ Иліи отчасти намъ показана. Не опасайтесь! Нетлѣнная жизнь безгрѣшнаго человѣка разсчитана была Провидѣніемъ лучше, нежели вами нынѣ. Поелику же вѣчное Провидѣніе отъ вѣка провидѣло и то, что превосходный и необходимый для блаженства даръ свободы будетъ человѣкомъ употребленъ во зло, и тѣмъ рушится первоначальное устроеніе человѣка и земли: то нѣтъ сомнѣнія, что премудро и благодѣтельно разсчитано имъ и послѣдовавшее за симъ смѣшеніе добра и зла, которое насъ изумляетъ и поражаетъ.

Послѣ общаго вопроса о бѣдствіяхъ человѣчества, зачѣмъ онѣ есть въ царствѣ Провидѣнія, на который отвѣтъ уже заключается въ томъ, что мы доселѣ сказали, испытующій разумъ предлагаетъ два особенные вопроса: во-первыхъ, зачѣмъ бѣдствуютъ и невинные, во-вторыхъ, зачѣмъ и тѣ, которые не безвинны, страждутъ не въ соразмѣрности съ виною своею, а нерѣдко наименѣе виновные страждутъ наитягчае. Дадимъ отвѣтъ на оба сіи вопроса.

Для сего воззримъ на человѣчество не нашимъ взоромъ поверхностнымъ, но глубоко проницательнымъ взоромъ людей просвѣщенныхъ свыше. Въ какомъ видѣ имъ представляется человѣчество? *Вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III. 23.), говоритъ Святый Павелъ. *Кто чистъ будетъ отъ скверны?* вопрошаетъ Іовъ,—и отвѣтствуетъ: *никтоже, аще и единъ день житіе его на земли* (XIV. 4. 5.). *Въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. L. 7.), исповѣдуетъ Давидъ, не опасаясь нарушить симъ отзывомъ заповѣдь почтенія къ родителямъ. Что же сіе значитъ? то, что всѣ человѣки согрѣшили еще во Адамѣ, который, поелику началъ раждать дѣтей уже послѣ грѣха, то не могъ безъ чуда передать имъ того, чего уже не имѣлъ,—безгрѣшности

и нетлѣнія, а естественно передалъ то, что имѣлъ, — грѣхъ и тлѣніе. — Если бы кто изъ насъ дерзнулъ еще спросить: чѣмъ же виновны мы, невольно наслѣдовавшіе отъ Адама грѣхъ и тлѣніе? такому, если онъ сколько нибудь внимателенъ къ себѣ, вмѣсто меня могла бы отвѣтствовать, и заградить ропотливыя уста, его собственная совѣсть, которая можетъ въ жизни каждаго указать случаи, въ коихъ мы не были вѣрны добрымъ побужденіямъ, бывъ для того довольно сильны и при наслѣдованномъ поврежденіи. *Болій есть Богъ сердца нашего, и вѣсть вся* (1 Іоан. III. 20.); и потому видитъ въ насъ и тѣ тонкія нравственныя нечистоты, которыхъ болѣе или менѣе огрубѣвшая совѣсть не примѣчаетъ. Итакъ, *аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ* (Пс. CXXIX. 3.)? Симъ размышленіемъ, вопросъ: почему бѣдствуютъ и невинные? не только разрѣшается, но и уничтожается; потому что, по строгому сужденію, нѣтъ на земли невинныхъ, и слѣдственно всѣ бѣдствующіе бѣдствуютъ, какъ болѣе или менѣе виновные, кромѣ Единаго, *Иже грѣха не сотвори* (1 Пет. II. 22.), и Котораго страданія, высочайше таинственныя, имѣютъ блаженнѣйшее для насъ изъясненіе, ибо *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы изцѣлѣхомъ* (Иса. LIII. 5.); Онъ подъялъ и понесъ тяготы, насъ подавляющія, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ возставить насъ отъ паденія.

Что касается до вопроса: зачѣмъ люди, хотя, можетъ быть, небезгрѣшные, но по всѣмъ открытымъ признакамъ безвинные, бѣдствуютъ иногда чрезмѣрно тяжко: кто можетъ обличить Провидѣніе въ сей чрезмѣрности? Если признаемъ, что бѣдствующій небезгрѣшенъ; и если знаемъ, что всякій грѣхъ есть отступленіе отъ закона, слѣдственно возстаніе противъ воли Бога законоподателя, мятежъ въ Царствѣ Божіемъ, оскорбленіе вѣчнаго величества Божія: то скажите, какой грѣхъ слишкомъ малъ для временнаго бѣдствія, и какое временное бѣдствіе слишкомъ велико для грѣха?

Нѣтъ спора о томъ, что не всѣ грѣхи равно тяжки, и что есть разныя степени виновности въ грѣхѣ одного рода: но кто изъ насъ можетъ довольно вѣрно взвѣсить сію тяжесть, довольно точно опредѣлить сію степень? Для сего должно положить на вѣсы, и поставить въ мѣру, не только видимое дѣло, но и невидимое желаніе, и сокровенное намѣреніе, и тайную мысль, силу и немощь, познаніе и невѣдѣніе, пособія и препятствія, прельщеніе къ злу и поощреніе къ добру, невнимательность къ неизвѣданному и невѣрность дознанному опытомъ, закоснѣніе и раскаяніе, ожесточеніе и сокрушеніе: но кому возможно все сіе, развѣ единому Испытующему сердца и утробы, всеобъемлющему и всевѣдущему? Также и для того, чтобы взвѣсить тягость бѣдствія, надлежитъ принять въ разсужденіе, кромѣ открытаго вида онаго, степень чувствительности бѣдствующаго, скудость и даже отсутствіе, или напротивъ обиліе противодѣйствующихъ утѣшеній, и многое, для чего нѣтъ вѣса и мѣры у внѣшняго зрителя. Какъ же говоримъ мы о чрезмѣрной тяжести бѣдствія, въ сравненіи съ тяжестію грѣха, развѣ на угадъ и на удачу?

Богъ дѣйствуетъ на временную жизнь человѣка, поврежденнаго грѣхомъ, не только въ качествѣ судіи, чему еще будетъ особенное время въ концѣ вѣковъ, но также, и преимущественно, въ качествѣ врача, чему теперь-то и есть время. По сему онъ опредѣляетъ человѣку мѣру бѣдствія и скорби иногда не какъ отщитанное воздаяніе за дѣла, но какъ пріемъ врачевства, способный преподѣлить силу грѣховной болѣзни: а это совсѣмъ другой разсчетъ. Есть болѣзненныя состоянія, которыя кажутся маловажными и не угрожающими, но противъ которыхъ свѣдущій врачь находитъ нужнымъ употреблять жестокія врачебныя средства. Притомъ же Врачь небесный не всегда начинаетъ врачевать болѣзнь душевную по ея уже раскрытіи: взоръ Его проницаетъ въ глубину души, самой сей душѣ невидимую, и открывая тамъ тонкій зародышъ грѣха, страсти, самоволія, самоугодія, тонкую примѣсь зла и нечистоты къ добрымъ склонностямъ и расположеніямъ, орудіемъ искушенія извлекаетъ наружу сіи болѣзнен-

ныя начала для ихъ уврачеванія, и для возведенія души къ высшей чистотѣ. Не случается ли видѣть, что люди благоучрежденные въ жизни, охотно прибѣгающіе къ Богу, лишась того, что сильно любили, на примѣръ дѣтей или супруга, мірской чести и славы, или имущества, такъ предаются скорби, что въ ней одной сосредоточиваютъ свою жизнь, не умѣютъ подкрѣпить себя здравымъ размышленіемъ, въ которомъ прежде не имѣли недостатка; не могутъ довольно собрать себя въ молитву, въ которой прежде находили услажденіе; вѣра, любовь къ Богу, преданность въ волю Божію, суть теперь для нихъ только знакомыя имена и звуки, послѣ того какъ они до своего несчастія ощущали въ себѣ силу и дѣйствіе оныхъ? Что сіе значитъ?—то, что любезное имъ они любили чрезмѣрно, и паче Бога, хотя сами того не различали; что дѣти, супругъ или супруга, честь, слава, имущество были идолы ихъ сердца. Что же было дѣлать Сердцевѣдцу и Душелюбцу, какъ развѣ отнять идолъ, исторгнуть, хотя болѣзненно, неправильную любовь къ твари изъ души, которую Онъ хощетъ наполнить Своею Божественною любовію? Онъ любитъ, милосердуетъ, очищаетъ, врачуетъ, приготовляетъ къ блаженству; а мы смотримъ, и говоримъ: какъ Онъ тяжко посѣщаетъ!

Наконецъ согласимся, что есть бѣдствія, о которыхъ совсѣмъ не льзя спрашивать: за что? но развѣ: къ чему? въ которыхъ не нужно обвинять человѣка, но въ которыхъ надобно только умѣть оправдать и возлюбить Провидѣніе. Таковы бѣдствія Іова, Пророковъ, Апостоловъ, Пресвятыя Дѣвы. Не бывъ на сей высшей степени духовнаго возраста и жизни, когда питаются крѣпкою пищею креста, мы, въ нашемъ младенчествѣ Христіанства, — дай Богъ, чтобы, хотя въ младенчествѣ! — безъ сомнѣнія только слабо и невнятно можемъ лепетать о путяхъ и подвигахъ душъ полнаго возраста Христова. Вопросимъ же лучше ихъ самихъ, что скажутъ они намъ о своихъ бѣдствіяхъ. Что же говоритъ Іовъ? *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. I. 21.). Что говоритъ Апостолъ? *Радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. I. 24.): *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5.). Видите ли, какъ не кстати мы, грѣшные люди, вступаемся за Праведниковъ, и покушаемся возстать противъ Провидѣнія за ихъ бѣдствія? Они не пріемлютъ нашей безразсудной услуги; они не жалуются на горькую участь свою; не хотятъ перемѣны ея; они радуются; они благословляютъ Бога; они счастливы; мы не понимаемъ ихъ счастія, и думаемъ, будто можно роптать за то, за что они благодарятъ.

Если вы хотите хотя догадочно понимать то, до чего еще не достигли: смотрите на земное, и гадайте о небесномъ и Божественномъ. Ты любишь друга; онъ тебя любитъ; и тебѣ благодѣтельствуетъ. Совершенно ли, при сихъ отношеніяхъ, удовлетворена твоя любовь, если она полна и чиста? Думаю, нѣтъ. Ты можешь думать: «увѣренъ ли другъ мой въ искренности любви моей? не подозрѣваетъ ли онъ, что я люблю больше его благодѣянія, нежели его?» Пусть же откроется случай, когда ты могъ бы для своего друга понести трудъ, скорбь, опасность: если ты благородная душа; какъ охотно ты бросишься на сей случай! И перенося для друга твоего трудъ, скорбь, опасность, какъ будешь ты радоваться, что теперь онъ несомнительно узнаетъ искренность и чистоту любви твоей! Приложи сей примѣръ къ любящимъ Бога въ благополучіи. Они увѣрены, что Богъ знаетъ ихъ сердце, къ Нему благодарное: но не довѣряютъ себѣ. Они могутъ, и нѣкоторымъ образомъ должны заботливо помышлять о томъ, совершенна ли ихъ благодарность къ Нему, чиста ли любовь, не прилѣпляется ли сердце ихъ тайнымъ пристрастіемъ къ благодѣяніямъ, мимо Благодѣтеля, и любовь, питаемая временными благодѣяніями, не угаснетъ ли по истощеніи сей пищи. Является искушеніе, и приглашаетъ: принеси въ жертву твоего возлюбленнаго Исаака; претерпи для Бога лишеніе того, что ты болѣе всего любишь послѣ Бога;

понеси гоненіе, безчестіе, страданіе за имя возлюбленнаго Іисуса. Какъ воскрыляется при семъ Боголюбивая душа! Какъ она готова вступить на поприще страдальческаго подвига, предать себя въ огненное испытаніе! Какъ она тверда въ семъ испытаніи! Какъ утѣшаетъ ее мысль, что наконецъ она приноситъ Богу жертву, которая ей не дешева! Какое успокоительное и удостовѣрительное свидѣтельство даетъ ей совѣсть, когда огнь искушенія не измѣняетъ злата ея, когда въ горнилѣ страданій сильнѣе возгарается любовь ея къ Богу, когда сквозь внѣшнее умерщвленіе природы просіваетъ внутренняя благодатная жизнь, и небо въ человѣкѣ утверждаетъ надежду о человѣкѣ въ небѣ! Повѣрьте, неопытные, что не лгутъ сіи люди, когда говорятъ о своей радости въ страданіяхъ, что въ огнѣ бѣдствія они поютъ и славятъ Бога съ такою же безопасностію, свободою и услажденіемъ, какъ три отрока въ пещи Вавилонской.

Христіане! кого изъ насъ на пути жизни временной не встрѣчаетъ чаще или рѣже разнообразное бѣдствіе? Тщетно старались бы мы обойти всѣ такія встрѣчи; но крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ неизбѣжны: слѣдственно надобно благовременно пріобучать себя, чтобы встрѣтиться приличнымъ образомъ. Предложенныя теперь размышленія да побудятъ насъ къ тому, чтобы встрѣчать бѣдствіе не какъ врага и мучителя, но какъ справедливаго наказателя грѣховъ, какъ врача душевныхъ болѣзней, какъ посланника Божія, какъ вѣстника благодати. *Его же бо любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. XII. 6.). Аминь.

12. СЛОВО

Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

Ангелъ рече: радуйся благодатная: Господь съ тобою, благословенна Ты въ женахъ. Она же видѣвши, смутися о словеси его. Лук. I. 28. 29.

Не удивляюсь, что и Ты, Матерь Начальника мира, смутилась о словеси небеснаго вѣстника. Слишкомъ необычайна была вѣсть; очень рановременно привѣтствіе, которое одинъ Ангелъ могъ тогда произнесть, едина Ты могла услышать и принять съ вѣрою.

Бысть *Господь съ тобою* не только благодатнымъ присутствіемъ, но и существеннымъ въ Тебѣ вочеловѣченіемъ. *Благодать* непостижимо высокая! *Радость* безмѣрно свѣтлая! Но какіе мраки облегали Тебя, живая и живоносная Обитель Свѣта! Еще Онъ не возсіялъ отъ утробы Твоей, какъ близъ Тебя возстала буря помышленій сумнительныхъ, и едва, омрачивъ, не низложила стража Свѣта, Іосифа. Тогда, какъ Божественный Свѣтъ, изъ яслей отразился въ небесахъ, и небесная о Немъ слава отозвалась на земли, — тогда какъ Онъ озарялъ и простодушныхъ пастырей и дальновидныхъ волхвовъ,—Продъ и весь Іерусалимъ съ нимъ смутились отъ близости Свѣта, и царь подвигся на смертную брань противъ безоружнаго младенца, и Тебѣ, Матерь Свѣта, надлежало убѣжать во тьму Египта, бояться возвращенія въ отечество Свѣта, Іудею, и еще удалиться *къ людямъ, сѣдящимъ во тмѣ и сѣни смертнѣй, —въ Галилею языковъ* (Матѳ. IV. 16.). Праведный Симеонъ, одинъ изъ не многихъ, рано не только увидѣлъ, но и узналъ, и на свои руки принялъ *Свѣтъ въ откровеніе языковъ* (Лук. II. 32.): но что же? Когда сей Свѣтъ освѣтилъ для него будущее, тогда онъ оруліемъ пророческаго слова предварительно пронзилъ душу Матери Свѣта, которой суждено было быть пронзенной оруліемъ скорбей крестныхъ: *и Тебѣ же самой*, сказалъ онъ, *душу пройдетъ оружіе*. Божественное провозглашеніе Іисуса на Іорданѣ, Его свѣтолитіе на Ѳаворѣ, торжество Его ученія и чудесъ довольно ли озаряло радостію Тебя, Благодатная, мы не довольно знаемъ: а то и въ Писаніи намъ открыто, и по собственному нашему, хотя несовершенному въ любви сердцу, намъ понятно и ощутимо, какъ многи, разнообразны, продолжительны, глубоки долженствовали быть скорби Твои о Твоемъ Божественномъ, но въ человѣческія немощи облекшемся Сынѣ, когда Ты видѣла Его, то въ изнуреніи отъ подвиговъ, то въ пререканіи у народа, то въ опасности

отъ враговъ, то наконецъ въ рукахъ враговъ; когда противъ Него возносимые вопли и хуленія, Ему наносимые удары и раны поражали Твое сердце; когда Онъ вмѣсто Себя далъ Тебѣ чужаго сына; когда Ты видѣла Его послѣдній взоръ, слышала Его послѣдній гласъ, сопровождала Его бездыханное тѣло. Свѣтъ воскресенія Его, безъ сомнѣнія, осіялъ Тебя обильнѣе всѣхъ: но не тѣмъ ли паче, какъ послѣ молніи ночь, темною и безвидною должна была остаться для тебя земная жизнь, когда Онъ сокрылся въ вознесеніи на небо? И сія ли есть судьба *Благословенныя въ женахъ*—сперва быть сиротствующею матерью послѣ умершаго на крестѣ Сына, потомъ отъ воскресшаго и присноживущаго въ небесной славѣ Сына, вновь остаться на земли сиротствующею матерью.

Но вотъ настаетъ новое время. Оказывается, что сѣмя слова небеснаго, если невсегда скорый, за то тѣмъ болѣе обильный и прочный плодъ приноситъ. Теперь не одно небесное созерцаніе видитъ Твою *благодать*, не одинъ Ангелъ тайно благовѣствуетъ Тебѣ *радость:* въ церкви вслицѣй благовѣствуется Твоя благодать и радость; родъ человѣческій благословляетъ Тебя, *Благословенная въ женахъ*. Подобно, какъ слава Твоего Сына и Бога, и твоя слава Боголѣпная изъ гроба возсіяваетъ. Чудеса Твоего Успенія открывали, что Богоносная душа Твоя отходитъ прямо къ Богу: праздный послѣ погребенія гробъ Твой показалъ, что и въ тѣлѣ Твоемъ смерть не нашла себѣ никакой пищи, то есть, ничего, грѣхомъ зараженнаго, и потому ничего тлѣннаго. Жизнь будущаго вѣка, которой мы еще только чаемъ, для Тебя уже есть настоящая вѣчная жизнь, на высочайшей степени славы. Въ чертогѣ небесномъ, какъ *Царица* по благодати, *предстала* Ты *одесную* Царя по естеству, *въ ризахъ позлащенныхъ одѣянна* (Псал. XLIV. 10.), или по другому созерцанію, *облеченна съ солнце* (Апок. XII. 1.),—въ открытый, какъ мнѣ мнится, и совершенный свѣтъ Христовъ; предстала, чтобы не только пребывать во свѣтѣ и наслаждаться имъ, но и царствовать во свѣтѣ, или свѣтоводительствовать, да *приведутся Царю дѣвы*,—души цѣломудренныя или уцѣломудрившіяся, — *въ слѣдъ* Тебѣ. Нынѣ *радуйся благодатная*, и отнынѣ на вѣки ненарушимо *радуйся*,—не только радуйся, но и блаженствуй,—не только *благодатная*, но и препрославленная!

И если высокая степень свѣта и блага, благодати и блаженства, есть состояніе преисполненія, преизливающагося на сродное и удобопріемлющее: то Богоблагодатная, отъ Твоего преисполненія и намъ, Твоей благодати вѣрующимъ и ее славящимъ, ниспосли хотя нѣкую, тайную росу благодати, какъ зарю свѣта, какъ источникъ блага, какъ залогъ блаженства.

Простите мнѣ, братія, если долго при васъ, какъ будто безъ васъ, размышляю. Въ такіе дни, какъ нынѣшній, можно совсѣмъ забыть землю въ бесѣдѣ съ Небомъ; и хорошо было бы, если бы мы охотнѣе и долѣе бесѣдовали съ Небомъ, а менѣе охотно и поспѣшно къ землѣ обращались, и то для того только, чтобы, встрѣтясь здѣсь съ нашими недостатками и нуждами, тѣмъ неотступнѣе прибѣгать къ обилію и щедротамъ Неба.

Да, братія, отъ созерцанія *благодати*, которую Маріамь *обрѣла у Бога*, и которая столь чудными путями возвела Ее къ толь высокой славѣ,—обращаясь къ себѣ, мы должны помыслить о потребности благодати для насъ самихъ. Если едина Маріамь есть *благодатная* по превосходству: то напротивъ безблагодатнымъ оставаться никому не можно безъ того, чтобы не погрязнуть во злѣ и погибели. Надобна хотя наименьшая доля благодати, чтобы достигнуть хотя послѣдняго степени блаженства.

Благодать, — если хотимъ исчерпывать полноту значенія сего имени,—есть даяніе отъ Благаго, даяніе благое, даяніе по единой благости, безъ предварительнаго права, или заслуги и достоинства пріемлющаго. Если принять въ разсужденіе, что, по слову Господню, *никтоже благъ, токмо Единъ Богъ:* и слѣдственно источника всего, что только есть благо въ тваряхъ, нигдѣ не льзя искать, кромѣ Единаго Бога, по чистой благости дарующаго, а не воздающаго (ибо *кто прежде даде Ему и воздастся Ему?* Рим. XI. 35,): то можно было бы заключить, что человѣкъ все, и въ себѣ,

и окрестъ себя, самое бытіе, жизнь, тѣло, душу, способность и употребленіе способности познавать, желать, дѣйствовать,— все имѣетъ по благодати Божіей. Но поелику благо, которое Богъ положилъ въ твари дѣйствіемъ Своего творенія, усвоилось имъ какъ-бы въ собственность: то бывшее въ своемъ началѣ благодатію, въ своемъ продолженіи содѣлалось естествомъ сущихъ и природою раждаемыхъ, и въ отличеніе отъ сего, благодатію именуется то, что Всеблагій Богъ даруетъ человѣку выше естества и природы. Въ семъ разумѣ слово Божіе употребляетъ имя благодати, означая имъ и *даяніе преподающее*, или Божественную силу, источающую благодатныя вліянія, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ изреченіи: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ* (Тит. II. 11.); *и даяніе преподаваемое*, или даръ благодатный, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ засвидѣтельствованіи Апостола: *Единому комуждо насъ дадеся благодать по мѣрѣ дарованія Христова* (Ефес. IV. 7.).

Когда не было въ мірѣ грѣха: тогда, не знаю, все ли было удобопроницаемо и прозрачно для сего стихійнаго свѣта, но, безъ сомнѣнія, все прозрачно и проходно было для свѣта благодати. Онъ безпрепятственно изливался на природу, и непрестанно исполнялъ ее благомъ и блаженствомъ, сохраняя въ ненарушимомъ совершенствѣ и безсмертіи даже и то, въ чемъ скрывалась возможность тлѣнія,—тѣло человѣка. Но когда чрезъ прельщеніе, злоупотребленіе свободы и уклоненіе воли человѣка отъ воли Божіей вошелъ въ міръ грѣхъ: тогда симъ самымъ нарушенъ первоначальный союзъ между природою и благодатію. Хотя свѣтъ благодати, какъ Божественный, и потому ничѣмъ не воспящаемый, не преставая, всегда и на все сіяетъ: но природа, грѣхомъ оскверненная, омраченная, огрубѣлая, зараженная, сдѣлалась и недостойною и неспособною принимать чистыя, свѣтлыя, тонкія, нетлѣнныя вліянія благодати. Такъ вошла въ міръ *грѣхомъ смерть* духовная, и въ слѣдъ за нею тѣлесная, временная, и за нею вѣчная. И если только при спосновѣшествованіи благодати человѣкъ сохранялъ то, что первоначально имѣлъ: то конечно не возможно ему безъ особенной помощи благодати возвратить то, что утратилъ. Здѣсь наипаче открывается и крайняя потребность, и чуднымъ образомъ удовлетворительный, по Апостольскому слововыраженію, *избытокъ благодати* (Рим. V. 17.). Отторгшемуся и отпадшему отъ благодати человѣку естественно уже было ниспадать даже до ада, если бы провидѣвшій сіе отъ вѣка, и вѣчно милосердующій Богъ въ среду паденія не простеръ удерживающей и возставляющей руки. И дающее благодать, и пріемлющее оную, — Божество и чистое человѣчество дивно совокупилъ Онъ въ едину Ѵпостась Христа Господа, и въ Его словѣ и жизни, въ Его тѣлѣ и крови, въ Его крещеніи водою и духомъ, отверзъ новые преизобилующіе токи благодати, простираемые и на отчужденное отъ нея, но не чуждое Вочеловѣчившемуся естество наше, дабы такимъ образомъ оскверненное грѣхомъ очистить, омраченное просвѣтить, плотяное одуховить, растлѣвшее исцѣлить, падшее возставить, осужденное оправдать, умерщвленное оживить, погибшее спасти. Это не мое умозрѣніе, но Евангельское ученіе. *Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа*, говоритъ Апостолъ, *облагодати насъ о Возлюбленнѣмъ*, о *Немже имамы избавленіе кровію Его, и оставленіе прегрѣшеній по богатству благодати Его* (Еф. I. 6. 7.).

Слово Апостольское часто къ мысли о благодати обращается, и все въ Христіанствѣ на ней утверждаетъ. Хочетъ ли оно возвести насъ къ началу нашего спасенія? Оно возводитъ насъ къ благодати: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*. Хочетъ ли указать на спасеніе наше, какъ уже совершившееся? Указаніе опять относится къ благодати: *благодатію есте спасени* (Еф. II. 5.). Хочетъ ли изъяснить цѣль, силу и дѣйствіе воплощенія Сына Божія и пришествія Его на землю? И сіе изъясняетъ мысліо о благодати: *благодать и истина Іисусъ Христомъ бысть* (Іоан. I. 17.). Хочетъ ли показать, какъ произошли въ церкви Апостолы, Пророки, благовѣстники, Пастыри, Учители, и ихъ дѣло служенія спасенію прочихъ человѣковъ? Показуетъ на-

чало сего въ благодати: *Единому комуждо насъ дадеся благодать, по мѣрѣ дарованія Христова.* Хочетъ ли укрѣпить Христіанина въ подвигѣ? Укрѣпляетъ благодатію: *Ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христѣ Іисусѣ* (2 Тим. II. 1.). Хочетъ ли остеречь отъ грѣха?—Остерегаетъ благодатію: *грѣхъ вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію* (Рим. VI. 14.). Хочетъ ли благоустроить нашу внѣшнюю дѣятельность? — Благоустрояетъ благодатію: *Слово ваше да бываетъ всегда во благодати, солію растворено, вѣдѣти, како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣщавати* (Кол. IV. 6.). Хочетъ ли привѣтствовать и благословить? И для сего призываетъ въ помощь благодать: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.*

Видите, Христіане, что въ Христіанствѣ все благодатію, и ничего безъ благодати. Да печется же каждый изъ насъ обрѣсти для себя благодать.

Да не придетъ кому лестный помыслъ, что если въ спасеніи нашемъ все дѣйствуется благодатію, то намъ уже не много нужно попеченія о нашемъ спасеніи. Нѣтъ, соучастники благодати; благодать могущественная и дѣйственная намъ возвѣщена и дарована для того, чтобы укрѣпить нашу немощь, ободрить нашу безнадежность, одушевлять нашу благую дѣятельность, а не для того, чтобы обеззабочивать наше нерадѣніе, и усыплять насъ въ бездѣйствіи. *Молимъ*, пишетъ святый Павелъ къ Коринѳскимъ Христіанамъ, *не вотще благодать Божію пріяти вамъ* (2 Кор. VI. 1.). Какъ? Не ужели благодать, *спасительная всѣмъ человѣкомъ*, можетъ быть принята *вотще*? Видно, можетъ сіе случиться, когда отъ сего такъ заботливо предостерегаетъ Апостолъ: *молимъ не вотще благодать Божію пріяти вамъ.* Спасительна благодать Божія сама въ себѣ: но не спасаетъ насъ безъ насъ. *Не вотще* пріемлется она, когда пріемлется съ вѣрою, когда вѣрно употребляется и сохраняется, когда обращаемъ ее въ нашу жизнь и дѣла: но вотще,—когда вѣра оскудѣваетъ, когда наше житіе и дѣла благодать Божію оскорбляютъ и отрѣваютъ. Благодать есть талантъ Домовладыки, который вѣрнаго и усерднаго раба обогащаетъ, а невѣрнаго и лѣниваго осуждаетъ, и отъемлется у него. Итакъ *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ, — смотряще да не кто лишится благодати Божія* (Евр. XII. 15.).

Остережемся и отъ другаго помысла, неблагопріятнаго благодати. Нѣкоторые думаютъ, что живутъ довольно хорошо, если живутъ по природѣ: и потому не подвизаются возвысить планъ своей жизни, чтобы жить по благодати. Благовидность опасная! Если, какъ мы отчасти показали, неповрежденный грѣхомъ человѣкъ жилъ не одною природою, но паче благодатію блаженствовалъ: то будетъ ли довольно хороша жизнь по природѣ, которая грѣхомъ повреждена и благодатію не исправлена? Не укажетъ ли кто, какъ на одобреніе жизни по природѣ, на сказанное Апостоломъ, что *языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ* (Рим. II. 14.)? Такому скажу: развѣ тебѣ пріятно въ достоинствѣ жизни выравняться только съ язычниками? Не такъ судилъ Господь нашъ, когда въ упрекъ несовершенной жизни глаголалъ: *не и язычницы ли такожде творятъ* (Матѳ. V. 47.)? Чрезъ сіе давалъ Онъ разумѣть, что для Его послѣдователя, для человѣка совершеннаго, слишкомъ мало того, чтобы жить по природѣ, подобно язычникамъ.

Чтобы опредѣлить значеніе и достоинство жизни по природѣ, надобно взглянуть на мѣсто, которое занимаетъ она во владычествѣ Божіемъ и Христовомъ. Хотя владычество сіе безпредѣльно и неизмѣримо для насъ: однако, поелику во всякомъ благоустроенномъ владычествѣ можно замѣчать нѣкоторое распредѣленіе состава его, соотвѣтственно цѣлямъ управленія: то Богословы не безъ основанія замѣтили во всеобщемъ владычествѣ Божіемъ и Христовомъ три сопредѣльныя царства: царство природы, царство благодати, царство славы. Входъ въ царство природы открывается человѣку естественнымъ рожденіемъ, въ царство благодати—крещеніемъ, въ царство славы откроется воскресеніемъ изъ мертвыхъ и послѣднимъ судомъ. Съ царствомъ славы непосредственно сопредѣльно цар-

ство благодати, и только чрезъ сіе лежитъ къ оному путь изъ царства природы. Слѣдственно, кто живетъ только по природѣ, тотъ на цѣлое царство удаленъ отъ блаженнаго царства славы. И потому, когда въ послѣдній день все царство благодати окончательно перейдетъ въ царство славы; *а земля и яже на ней дѣла сгорятъ:* гдѣ тогда останется безблагодатная жизнь по природѣ, если не въ природѣ преисподней?

Братія, общники даровъ и обѣтованій благодатныхъ! Не вознерадимъ о благодати Божіей. Взыщемъ ее познаніемъ, и признаніемъ нашей немощи и грѣховности, молитвою, поученіемъ въ словѣ Божіемъ, общеніемъ таинствъ вѣры, искреннимъ желаніемъ жить по заповѣдямъ Христовымъ; пріимемъ оную вѣрою и готовностію повиноваться ея внушеніямъ; сохранимъ—вѣрностію и постоянствомъ въ послѣдованіи ея руководству. Благодать сама будетъ намъ тайною помощницею въ нашихъ ради ея подвигахъ, и увѣнчаетъ ихъ. По увѣщанію Апостола, *де приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да пріимемъ милость, и благодать обрящемъ, во благовременну помощь* (Евр. IV. 16.). По обѣщанію Пророка, *Господь Богъ благодать и славу дастъ* (Псал. LXXXIII. 12.).

Слава Господу Богу, Дателю благодати, Отцу, и Сыну и Святому Духу, во вѣки. Аминь.

13. СЛОВО

Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

Призрѣ на смиреніе рабы своея: се бо отнынѣ ублажатъ мя вси роди. Лук. I. 48.

Кому изъ внимательныхъ къ Богослуженію не извѣстна часто слышимая Церковная пѣснь въ честь Пресвятыя Дѣвы Маріи: *блажимъ тя вси роди, Богородице Дѣво?* Если размыслимъ, отъ чего произошла сія пѣснь, и на что указуютъ самыя слова ея: то созерцающему духу представится чудное и необъятное зрѣлище. Въ дали прошедшихъ временъ видите вы, что изъ незнатнаго *Назарета* въ другой не славный городъ нагорной страны Іудейской приходитъ бѣдная и безвѣстная въ мірѣ Дѣва; привѣтствуетъ свою престарѣлую родственницу обычнымъ привѣтствіемъ: но внезапно возбуждаетъ въ ней Пророческій восторгъ; привѣтствуется ею, какъ *Матерь Господа,* и, бывъ объята подобнымъ восторгомъ, пророчествуетъ сама о себѣ: *се отнынѣ ублажатъ мя вси роди.* Гласъ Ея слышатъ народы, вѣки, концы вселенныя, и народы, вѣки, концы вселенныя отвѣтствуютъ Ей: се исполняемъ твое слово; *блажимъ тя вси роди, Богородице Дѣво.*

Сей храмъ, сей праздникъ, сіе священное и торжественное собраніе, также принадлежатъ къ исполненію предсказанія пресвятыя Дѣвы, что Ее будутъ ублажать всѣ роды. Въ ней ублажается и то, что до Нея всегда было предметомъ оплакиванія—конецъ земной жизни.

Усмотримъ изъ сего, братія, высокое достоинство изреченія пресвятыя Дѣвы: *се, отнынѣ ублажатъ мя вси роди.* Это не простое слово радости, не гаданіе, случайно получившее видъ предчувствія; но пророчество, въ самомъ точномъ смыслѣ сего слова, глаголъ Духа Святаго въ устахъ Маріи, изъявленіе опредѣленія и изволенія Божія о Ея судьбѣ, и о нашей къ Ней обязанности.

Усмотримъ и высокую важность преданія, по которому Вселенская Церковь во всякомъ Богослуженіи постоянно и ревностно ублажаетъ пресвятую Матерь Господню. Это не простое человѣческое преданіе, не обычай только, введенный произвольнымъ усердіемъ, не подражаніе примѣрамъ частнаго вѣрованія, но мысль Духа Святаго, переданная человѣкамъ, послѣдованіе мановенію перста Божія, исполненіе обязанности столько же священной, сколько справедливой и благотворной для Христіанина.

Законъ, по которому родятся истинныя пророчества, Апостолъ Петръ изобразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша*

святіи Божіи человѣцы (2 Пет. I. 21.). Два признака должны соединиться, чтобы съ достовѣрностію показать и отличить такое пророчество. Во-первыхъ, предсказаніе должно быть такое, котораго не льзя вывесть изъ извѣстныхъ обстоятельствъ посредствомъ заключеній разума, или изъяснить изъ естественнаго состоянія предсказателя. Во-вторыхъ, предсказаніе должно исполниться въ точности. Если предсказаніе выводится посредствомъ заключеній разума, или изъясняется изъ естественнаго состоянія предсказателя: то это догадка человѣческая, а не Богомъ вдохновенное пророчество. Если предсказаніе не сбылось въ точности; то это ложное, а не истинное пророчество, или, по крайней мѣрѣ, не дознанное въ истинѣ. Такъ судить о Пророкахъ учатъ сами Пророки. *Пришедшу слову, познаютъ Пророка, егоже посла имъ Господь въ вѣрѣ* (Іер. XXVIII. 9).

Приложимъ сіи начала къ предсказанію Пресвятыя Дѣвы.

Бѣдная и безвѣстная въ мірѣ Дѣва изъ чего могла бы по разуму вывести столь великолѣпную догадку, на чемъ могла бы естественно утвердить столь огромную надежду, что Ее узнаетъ и будетъ прославлять не только современный міръ, но и всѣ роды всѣхъ послѣдующихъ временъ? На томъ ли, что она была отъ рода царей?—Но слава рода сего давно прешла; сама же она была обручена древодѣлю, а отъ такого жребія конечно слишкомъ далеко до всемірной славы. На томъ ли, что Ей уже предсказано быть Матерію Хріста? —Но если бы и о семъ разсуждала Она по разуму своего времени, какъ даже и при Христѣ разсуждали самые Апостолы; и потому ожидали бы *устроенія царствія Израилева* (Дѣян. I. 6.): какъ мало и сіе могло вести Ее къ надеждѣ всемірной и всеродной славы! Кто изъ царей Израилевыхъ знаменитѣе Давида? Чья память въ родѣ Израилевомъ благословеннѣе памяти родоначальника Авраама? Но матери Авраама и матери Давида, не только не ублажаютъ послѣдовавшіе роды, но даже именъ ихъ не знаютъ. Много ли могла обѣщать Себѣ по симъ примѣрамъ и Матерь Мессіи, разсуждая естественно по разуму и понятіямъ своего народа и времени? Надобно при семъ вспомнить о глубокомъ смиреніи преблагословенныя Маріи. Кто не мало думаетъ о своемъ достоинствѣ, о своихъ добродѣтеляхъ; тотъ можетъ льстить себѣ преувеличенными надеждами: но расположеніе духа Ея совсѣмъ не таково было. Въ то самое время, какъ Она славитъ Бога за свое избраніе къ высокому званію Матери Господа, она видитъ Себя только рабою, говоритъ только о своей ничтожности: *призрѣ на смиреніе рабы своея*. Какъ же вдругъ, отъ столь смиреннаго мудрованія переходитъ Она къ столь высокимъ глаголамъ о самой Себѣ: *отнынѣ ублажатъ мя вси роди?* Очевидно, что не отъ собственныхъ сѣмянъ Ея разума и сердца возникла сія мысль. Духъ Святый, которому предалась Она въ восторгѣ молитвы, просвѣтилъ въ сіе время Ея умъ, подвигнулъ Ея уста, и Она изрекла то, что предопредѣлилъ о Ней Богъ, и что, подъ руководствомъ Его провидѣнія, должна въ отношеніи къ Ней исполнить Вселенская Церковь.

Какъ предреченіе Пресвятыя Дѣвы являетъ признаки глаголющаго въ Ней Слова Божія: такъ событіе сего предреченія ознаменовано признаками дѣла Божія, не только вообще, потому что событіе вполнѣ соотвѣтствуетъ предреченію, но и въ особенности, потому что событіе образовалось и утвердилось не тѣми способами, которые бы показывали обыкновенный путь природы, или дѣло рукъ человѣческихъ. Если славу въ мірѣ находитъ ищущій ея, или охотно пользующійся случаями встрѣтиться съ нею: это путь міра, это дѣло рукъ человѣческихъ. Но если убѣгающій славы входитъ между человѣками въ славу, чистую, возвышенную, даже больше, нежели человѣческую: очевидно, это не путь міра, не дѣло человѣческое; здѣсь есть причина искать пути Божія, усматривать перстъ Божій. *Славы отъ человѣкъ не пріемлю* (Іоан. V. 41.), глаголетъ Сынъ Дѣвы Маріи; но слава Его покрываетъ землю, и очевидно, что это *слава, яже отъ единаго Бога* (44). Такой же путь славы устроилъ Онъ и для своей пречистой Матери. По видимому, Ей менѣе другихъ надлежало чуждаться славы, которую Она сама себѣ предсказала: тѣмъ не менѣе Она

постоянно чуждалась и убѣгала ея. Когда народъ былъ въ восхищеніи отъ Божественныхъ глаголовъ Іисуса; когда славилъ Его за чудодѣйствія; когда торжественно срѣталъ Его, какъ Царя: ни однажды не видимъ въ Евангеліи, чтобы въ такихъ случаяхъ Матерь Его являлась близъ Его, раздѣлить Его славу. Напротивъ, видимъ Ее поспѣшающую къ Нему съ материнскимъ участіемъ, когда Его безславили, будто *неистовъ есть* (Марк. III. 21. 31.); видимъ Ее при крестѣ Его, раздѣляющую Его страданія и поруганіе. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, во дни земной жизни своей, не спѣшилъ открыть славу Матери Своея, чтобы не казалось дѣломъ естественной, человѣческой любви то, что должно быть дѣйствіемъ высокой благодати. А по сему не удивительно, что въ сіе время и Апостолы, какъ многое другое, такъ не довольно понимали то, какая степень чести и служенія подобаетъ Матери Господней, и нужно было со креста преподать начатки сего ученія возлюбленному ученику: *се мати твоя.* Таково было устраненіе Пресвятыя Богородицы отъ славы, Ее ожидающей, сообразное съ Ея смиреніемъ, а также и временемъ, когда *Іисусъ не у бѣ прославленъ.* Но посмотрите, какъ уже въ сіе самое время непроложеннымъ, по видимому, путемъ приходитъ Ея слава. Какъ изъ облака молнія, внезапно просіяваетъ она изъ устъ нѣкоей жены, которая, въ духовномъ восторгѣ отъ Божественныхъ глаголовъ Іисуса, *воздвигши гласъ отъ народа, рече Ему: блаженно чрево носившее Тя!* Неизвѣстная жена конечно не слыхала того, что Матерь Іисуса слишкомъ за тридцать лѣтъ сказала одной только Елисаветѣ: *ублажатъ мя вси роди.* Но какъ вѣренъ ея исполнительный отвѣтъ на сіе пророчество, не только въ мысли, но даже въ словѣ: *блаженно чрево!* Можно ли не примѣчать здѣсь, отъ предсказанія до исполненія, единаго пути Божія, которымъ приходитъ *слава, яже отъ Бога,*—дыханія единаго Духа Божія, начинающаго подвизать *вся роды, да ублажатъ* Матерь Приснодѣву?

Когда распятый Господь прославленъ воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо: тогда слава Божественныя Матери Его является уже не мгновенно блистающею, яко молнія, но, по выраженію Соломона, *восходящею, аки утро,* такъ что *добрая, яко луна,* при Солнцѣ правды,—таже самая, по вознесеніи Его превыше всѣхъ небесъ, осталась для земли *избранною, яко солнце,* посреди единонадесяти или двунадесяти звѣздъ, то есть, Апостоловъ. *Сіи вси,* сказуетъ Книга ихъ дѣяній, *бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ женами и Маріею матерію Іисусовою* (I. 14.). Примѣчайте, что Она, никогда не бывъ видѣна среди Апостоловъ при Іисусѣ, теперь уже неразлучна съ соборомъ ихъ: *бяху терпяще,* постоянно пребывали, *съ Маріею матерію Іисусовою.* Что значитъ сіе новое устроеніе?—Хотя оно можетъ быть изъясняемо и просто желаніемъ общенія въ молитвѣ, при общемъ ожиданіи сошествія Святаго Духа: но, при углубленномъ вниманіи, можно здѣсь открыть нѣчто особенное и болѣе таинственное. Если сосудъ, въ которомъ было благоуханное миро, и послѣ онаго благоухаетъ, и въ нѣкоторомъ степени продолжаетъ дѣйствіе самаго мира: кольми паче содѣлавшаяся сосудомъ Божества во время воплощенія, должна была на вѣки быть умащена Божественнымъ благоуханіемъ благодати отъ Того, Котораго и единое имя есть *миро изліянное* (Пѣсн. I. 2.); и потому Ей свойственно и какъ-бы сродно Своимъ присутствіемъ и молитвою приближать къ человѣкамъ благодатное присутствіе и спасительное дѣйствіе Обитавшаго въ Ней тѣлесно, и всегда Обитающаго въ Ней духовно и Божественно. Сіе-то конечно благотворное дѣйствіе общенія съ Матерію Господнею ощутили Апостолы въ сердцахъ своихъ, тѣмъ полнѣе, чѣмъ сильнѣе жаждали они подобнаго ощущенія, дабы восполнить лишеніе видимаго общенія съ вознесшимся Господомъ; и такимъ образомъ Она сдѣлалась глубокимъ средоточіемъ ихъ единства, не смотря на то, что по Своему смиренію продолжала уклоняться отъ всякаго вида владычествованія въ ихъ сонмѣ. *Бяху терпяще единодушно съ Маріею матерію Іисусовою.* Чудно и торжественно наконецъ благодать *избранныя, яко солнце,* явилась средоточною силою Церкви тогда, когда Она,

по закону земнородныхъ, познавъ западъ свой на земли, восходила въ невечерній день небесный; ибо и разсѣяннымъ по вселенной для проповѣди Евангелія Апостоламъ свѣтъ Духа показалъ сіе время послѣдняго съ Нею въ видимомъ мірѣ общенія, и влеченіе Духа соединило ихъ окрестъ Ея смертнаго одра, Ея живоприемнаго гроба. Съ тѣхъ поръ, по выраженію Церковному, *слава ея Боголѣпная Богоподобными сіяетъ чудесы.* Тщетно мрачныя мудрованія неправомыслящихъ усиливались затьмить Ея славу: онѣ только изощрили ревность правовѣрующихъ къ Ея прославленію. Ни пространства мѣстъ, ни продолженіе и превратности временъ, не ослабляютъ сіянія славы Ея. Сколь наши поздныя времена ни удалены отъ лицезрительнаго съ Нею общенія: сіе не препятствуетъ вѣрѣ созерцать Ее, и молитвѣ приближаться къ Ней, между прочимъ при посредствѣ Ея священныхъ изображеній, и Она сама, чрезъ тайно сообщительные образы и знаменія, исходитъ во срѣтеніе вѣрѣ и молитвѣ, и простираетъ усвоенную Ей благодать и благотворную силу на все исполненіе Церковное, которое, въ соотвѣтствіе тому, всерадно ублажаетъ Ее, сколько по долгу благоговѣнія къ Матери Господа, столько же по чувству вѣры, упованія и благодарности.

Христіане! Чѣмъ совершеннѣе удостовѣряемся мы, что слава пресвятыя Богородицы въ Церкви есть дѣло Божіе; что наша обязанность ублажать Ее есть опредѣленіе Божіе: тѣмъ тщательнѣе, тѣмъ вѣрнѣе должна быть исполнена сія обязанность.

Ублажаемъ Приснодѣву. Искренно ли? Не съ лестію ли? Презрѣнна лесть и между живущими на землѣ, которыхъ впрочемъ она иногда обманываетъ; но живущую на небѣ, и видящую во всевидящемъ Богѣ, и обмануть не возможно. Возможно ли, скажутъ, и льстить тамъ, гдѣ самая высокая похвала остается ниже своего предмета?— Льстимъ, если хвалимъ то, чего внутренно не уважаемъ. И такъ, ублажая Приснодѣву, чтимъ ли дѣвство? Уважаемъ ли цѣломудріе? Хранимъ ли чистоту? Ненавидимъ ли нечистоту? Ревнуемъ ли о своемъ очищеніи?

Ублажаемъ во храмѣ преблагословенную Матерь: но не дѣлаютъ ли противнаго сему нѣкоторые дома? Не оскорбляютъ ли благословенныхъ именъ отца и матери дѣти, неповиновеніемъ или непочтительностію, а и сами родители—пренебреженіемъ родительскихъ обязанностей и добродѣтелей?

Прославляемъ здѣсь высокую въ смиреніи, глубокую въ молчаніи Маріамь: но не здѣсь ли же съ нами наша гордость, наше тщеславіе, наша суетность, наша разсѣянность къ празднословію? И молва страстей не заглушаетъ ли въ нашемъ сердцѣ славословій нашихъ устенъ?

Съ Елисаветою блажимъ *вѣровавшую*, и чрезъ то введшую въ міръ Начальника Вѣры; чудимся Богоблагодатной; величаемъ чудодѣйствующую: но тщательно ли хранимъ безцѣнный залогъ вѣры, которая и насъ можетъ привести къ блаженству? Взыскуемъ ли благодати, не говорю, видимо чудодѣйственной, которая не всѣмъ даруется, такъ какъ и не для всѣхъ нужна,—но благодати внутренно возрождающей, созидающей въ насъ сердце чистое, обновляющей духъ правый, содѣлывающей насъ новою во Христѣ тварію? Не живемъ ли напротивъ небрежно и безпечно въ растлѣніи природы, въ ветхомъ человѣкѣ, въ дѣлахъ плоти, въ заботахъ или забавахъ міра, съ праздным именемъ вѣры, не оплодотворенной любовію и дѣлами благими, и потому не могущей ни родить въ насъ блаженства внутренняго, ни родить насъ въ блаженство небесное?

Не красна похвала въ устахъ грѣшника. Если желаемъ достойно ублажать Пресвятую Матерь Божію; то да возлюбимъ всѣмъ сердцемъ Ея достоинства и добродѣтели; возлюбивъ да поревнуемъ, по возможности, жизнію слѣдовать тому, что мыслію и словомъ ублажаемъ. Въ такомъ расположеніи утвердиться да поможетъ намъ Сама ублажаемая нами, данною Ей благодатію и могущественными молитвами къ Сыну своему и Богу, единосущному и прославляемому со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

14. СЛОВО

Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

Да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ. Матѳ. VI. 18.

У гроба Пресвятыя Дѣвы Маріи, Церковь поставляетъ насъ нынѣ въ благочестивое созерцаніе. Ибо что́ такое церковный праздникъ, если не благочестивое созерцаніе, въ которомъ духъ отдыхаетъ отъ труда плоти, и собираетъ силы для работныхъ дней жизни?

Что́ же видимъ, бывъ поставлены у гроба Пресвятыя Дѣвы? Зрѣлище необыкновенное!—Обыкновенно до гроба—свѣтъ и ясность, далѣе гроба—мракъ и неизвѣстность: но здѣсь совсѣмъ напротивъ. До гроба—какое высокое достоинство и добродѣтель въ какой глубокой тайнѣ и безвѣстности! Далѣе гроба — какой свѣтъ и слава, какое торжественное воздаяніе достоинству и добродѣтели!

Не много нужно труда для изъясненія, что нравственное достоинство Преблагословенныя Дѣвы Маріи должно признавать безпримѣрно высокимъ. Сіе видно само собою изъ достоинства служенія, въ которое Она избрана и возведена. Если бы нашлась добродѣтель выше, нежели Ея: то была бы несообразность въ томъ, что Она преимущественно избрана быть жилищемъ, престоломъ, Матерію Бога Слова. Но въ судьбахъ и дѣлахъ Божіихъ несообразности быть не можетъ. Слѣдственно, какъ вѣрно то, что Маріамъ есть *благословенная въ женахъ*, то есть, благословенная высочайшимъ благословеніемъ предъ всѣми прочими женами: такъ же вѣрно и то, что добродѣтель Ея есть высочайшая, чистѣйшая, совершеннѣйшая, хотя впрочемъ Она чиста и совершенна помощію того же Христа, Который содѣлался наградою Ея чистоты и совершенства.

Но посмотрите, сколько знаютъ, какъ видятъ достоинство Маріами прежде гроба Ея.

Кому лучше было знать Ее, какъ не тому, кто удостоенъ былъ довѣренности хранить сіе сокровище міра, сію запечатлѣнную сокровищницу Неба? Но Іосифъ вначалѣ такъ мало зналъ, сколь высоко должно чтить Ее, что почиталъ даже возможнымъ *обличить* Ее, хотя и не хотѣлъ того. Іосифъ готовъ былъ повергнуть безцѣнное сокровище, если бы оно не было надежнѣе оберегаемо, болѣе просвѣщенными хранителями, Ангелами. *Не хотя ея обличити, восхотѣ тай пустити ю. Сія же ему помыслившу, се Ангелъ Господень во снѣ явися ему* (Матѳ. I. 19. 20.).

О дивно-молчаливая Дѣво! Не ближе ли было Тебѣ самой извѣстить Іосифа о томъ, о чемъ наконецъ извѣстилъ его Ангелъ? Почто ждала Ты дальняго вѣстника съ неба? Почто не спѣшила на помощь праведнику, почти впадшему въ несправедливость? — Безъ сомнѣнія для того, *да не явишися человѣкомъ*, съ Твоею добродѣтелію, съ Твоею благодатію, съ Твоимъ достоинствомъ, *но* единственно *Отцу Твоему* небесному, *Иже въ тайнѣ*.

Тайну высокаго достоинства Дѣвы Богородицы болѣе или менѣе открывали Ангелы, звѣзда, волхвы, пастыри, Симеонъ: но Ангелы возвратились на небо; волхвы на Востокъ; звѣзда скрылась; Симеонъ съ миромъ отпущенъ изъ міра сего; свѣтъ Виѳлеемской славы потушенъ гнѣвнымъ дыханіемъ Ирода и кровію младенцевъ; Марія скрывалась то въ Египтѣ, то въ Назаретѣ, а Ея достоинство и знаменитость—въ Ея сердцѣ. *Маріамъ же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцы своемъ* (Лук. II. 19.).

Пришло время, когда слава премудрости и чудотвореній Сына Маріами просіяла въ Іудеѣ и Галилеѣ. Надлежало бы отблеску славы Сыновней вскорѣ озарить и лице Матери. Однажды нечаянно показалось, что сіе начинается. Другая, можетъ быть мать, или сильно желающая быть матерью, живѣе другихъ вообразила счастіе Матери благословенной, и всенародно предалась восторгу, который побуждалъ ее прославлять Іисуса, и вмѣстѣ съ Нимъ Его Матерь. *Воздвигши нѣкая жена гласъ отъ народа, рече Ему: блаженно чрево, но-*

сившее Тя, и сосца, яже еси ссалъ (Лук. XI. 27.). Но примѣтьте: она говоритъ околичностями; ублажаетъ *чрево* и *сосцы*, а не произноситъ имени Той, Которую прославляетъ. Почему? — Безъ сомнѣнія потому, что не знаетъ Ея ни въ лице, ниже по имени.

Другіе знали Маріамъ и въ лице и по имени: потому что не могли не знать сего: и не смотря на сіе оставались въ самомъ странномъ о Ней невѣдѣніи. Послушайте, что говорятъ сограждане и сосѣди Іисуса и Маріи. *Откуду сему премудрость сія и силы?* (Слѣдственно, они слышатъ премудрость Іисуса, видятъ чудеса Его, признаютъ ихъ, и побуждаются ими узнавать все, что до Него касается). *Не сей ли есть тектоновъ сынъ? Не мати ли Его нарицается Маріамъ* (Матѳ. XIII. 54. 55.)? Видите, они не умѣютъ даже сказать: Іосифъ, сынъ Давидовъ, Марія, дщерь Давидова; они знаютъ только то, что въ глазахъ: — что Іосифъ есть ремесленникъ, что Марія есть—Марія. Какъ же не знаютъ они даже того, что Евреи такъ заботливо старались знать и о себѣ, и о другихъ? Какъ не знаютъ рода и происхожденія Маріи? —Не иначе можно изъяснить сіе, какъ тѣмъ, что Престатая Дѣва, не желая ни въ чемъ *являться человѣкомъ*, не ища никакого человѣческаго утѣшенія, не хотѣла и того, чтобы въ уничиженіи бѣдности Своей утѣшать Себя предъ человѣками достоинствомъ Своего рода, и потому не дѣлала гласнымъ Своего происхожденія такъ же, какъ Своей добродѣтели и благодати.

Но что́ уже дивиться тому, что чужіе, дальніе ли то, или ближніе, долго не даютъ славы Той, Которую должны *ублажать всѣ роды?* Самъ Сынъ Ея,—усомнился бы я сказать, если бы можно было усомниться пересказывать сказанное самою Истиною,—Самъ Сынъ Ея, по видимому, не рѣшается дать Ей предъ человѣками славу, подобающую матери; и Онъ является какъ-бы не знающимъ, или не желающимъ знать Ее. *Кто есть Мати Моя* (Матѳ. XII. 48.)? вопрошаетъ Онъ. Какъ-бы ищетъ, кому даровать имя, честь и славу Своея Матери, умаливая о Той, Которой Его рожденіе дало право на сіи отличія. *Мати Моя и братія Моя сіи суть, слышащіи слово Божіе и творящіи е* (Лук. VIII. 21.). Говоря такимъ образомъ, Господь не отчуждаетъ Матери Своей по плоти: поелику слышитъ слово Божіе паче другихъ Та, Которая услышала оное прежде другихъ; и творитъ оное дѣятельнѣе другихъ Та, которая сотворила Ему достойную обитель во чревѣ Своемъ. Но, во-первыхъ, Господь возвышаетъ Своимъ изреченіемъ слушающихъ и творящихъ слово Божіе, и возбуждаетъ къ сему спасительному дѣланію; во-вторыхъ, и Онъ, въ приведенномъ изреченіи, сообразуется съ собственнымъ правиломъ Своея Матери, чтобы *не явиться человѣкомъ*,—сколько можно уклоняться отъ славы человѣческой, ища славы Божіей; и Онъ медлитъ, отлагаетъ явить человѣкамъ всю честь и славу Той, Которая есть *честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ.*

Иду далѣе поприщемъ земной жизни Іисуса и Маріи: то же повсюду. Гдѣ наиболѣе является слава, тамъ отнюдь не является Марія, какъ напримѣръ, при торжественномъ входѣ Господнемъ во Іерусалимъ. А если гдѣ является Матерь Господня, тамъ не слава Ее встрѣчаетъ, какъ напримѣръ: *стояху при крестѣ Іисусовѣ Мати Его и сестра Матере Его* (Іоан. XIX. 25.).

Послѣдуемъ за Распятымъ, чрезъ дверь гроба, въ область славы Воскресшаго. Уже не первый только, но и послѣдній по вѣрѣ ученикъ Его славитъ Его Божество: *Господь мой и Богъ мой!* Уже за славою Господня воскресенія слѣдуетъ новая Божественная слава вознесенія Его на небо. Ищу человѣка, дѣйствія, слова, въ которомъ бы, хотя теперь, явилась слава *Матери Господа моего,* которую, правда, еще очень рано, только безъ свидѣтелей, и безъ послѣдствій возвѣщала праведная Елисавета: ищу и—не нахожу. *Сіи вси*—написано объ Апостолахъ послѣ вознесенія Господня—*бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ женами и Маріею Матерію Іисусовою* (Дѣян. I. 14.). Какое неожиданное повѣствованіе! Не только послѣ Апостоловъ, но даже послѣ нѣкихъ неизвѣстныхъ женъ, едва наконецъ

вспомнили наименовать *Марію Матерь Іисусову*. Что это такое? Не ужели повѣствователь не довольно чтитъ Матерь Божію?—Сохрани Богъ допустить сію мысль, оскорбительную не только для Пресвятыя Дѣвы, но и для Святаго Евангелиста Луки! Что жъ это значитъ? — То, что Святый Лука такъ пишетъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, какъ вела себя Пресвятая Дѣва между Апостолами; а Она, хотя, по высотѣ благодати, въ духѣ, невидимо предсѣдательствовала въ соборѣ Апостоловъ,— по смиренію сердца, во плоти, видимо, не допускала до Себя никакой славы, не употребляла никакихъ преимуществъ, поставляла Себя въ ряду съ прочими женами, учила ихъ Своимъ примѣромъ тому, чему послѣ училъ ихъ Апостолъ Павелъ словомъ: *жены ваша въ церквахъ да молчатъ* (1 Кор. XIV. 34.). *Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ; женѣ же учити не повелѣваю* (1 Тим. II. 11. 12.). Желалъ бы я—скажу мимоходомъ— чтобы въ сей священный примѣръ пристально всмотрѣлись наши чуждающіеся братія, которые, прежде суда Христова, осудивъ безъ разбора всякое священство, и за то наказавъ сами себя произвольнымъ лишеніемъ священства, къ довершенію безпорядка, поручаютъ начальствовать у себя въ общественномъ Богослуженіи дѣвамъ,— безъ сомнѣнія, не мудрымъ, а юродивымъ! Ибо какая дѣва, кромѣ юродивой, дерзнетъ принять на себя въ Церкви то, къ чему не дерзала приступать Пресвятая Дѣва Богородица?

Теперь посмотримъ на другое, необозримое по пространству, но уже удобозримое по свѣтлости, поприще, которое открылось для Пресвятыя Дѣвы Ея успеніемъ. Какъ скоро сіе совершилось: соборъ Апостоловъ, какъ говоритъ благочестивое преданіе, отвсюду собранъ Духомъ Божіимъ, чтобы не только оплакивать, сколько праздновать Ея погребеніе. Какъ прежде невѣріе Ѳомы обращено въ доказательство достовѣрности воскресенія Христова: такъ теперь умедленіе Ѳомы обращается въ средство къ прославленію вознесенія Богоматери, — еще сокровеннаго, какъ сокровенна была жизнь Ея на земли. Воспріявъ славу Божію на небеси, съ сего времени Она не отвергаетъ и человѣческой славы на земли, прежде неугодной для Ея смиренія, теперь полезной и благотворной для живущихъ на земли.

Слава Ея имѣла и своихъ враговъ, подобно какъ и слава Христова: но въ семъ-то наипаче является Божественная сила благодати, что враги служатъ ей не столько препятствіемъ, сколько средствомъ къ достиженію ея цѣлей. Что произвели еретики, которые такъ и хитро и дерзновенно усиливались похитить у Пресвятыя Дѣвы Маріи высокое наименованіе *Богородицы?*—То, что Православная Церковь, остерегаясь отъ ихъ лукавства и дерзости, стала еще ревностнѣе прежняго прославлять Пресвятую Богородицу, отъ чего нѣтъ теперь въ Церкви ни одного дня, ни одного Богослуженія, которые бы не были *преукрашены Ея Божественною славою.* И это не есть простой перекоръ словъ православныхъ противу еретическихъ, но дѣйствительное сраженіе духовныхъ силъ и совершенная побѣда силы Христовой надъ силою Его противниковъ. Ибо славящія уста утомились бы въ продолженіе вѣковъ, если бы на гласъ молитвъ и славословій, не посѣщала вѣрующихъ Пресвятая Богородица Своею могущественною помощію, принося душамъ Христа съ Его благодатію, подобно какъ Она является посѣщею Его на рукахъ, въ нашихъ священныхъ изображеніяхъ.—*Радуйся благодатная! Слава Твоя Боголѣпная Богоподобными сіяетъ чудесы!*

Вотъ, братія, что видится мнѣ нынѣ, чиномъ церковнымъ и долгомъ служенія поставленному на стражѣ, въ созерцаніи, у гроба Пресвятыя Дѣвы Богородицы. Но къ чему сіе видѣніе?—Ибо созерцаніе благочестивое должно быть не праздно, а дѣятельно.—Къ тому, чтобы примѣръ сокровенной жизни Ея спосѣшествовалъ намъ— и уразумѣть, и принять, и дѣломъ исполнить ученіе Христово: *да не явишися человѣкомъ. . . но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.* Подвизайся, дѣлай добро, служи Богу: но берегись, чтобы твоихъ подвиговъ, твоихъ добродѣтелей, твоего благочестія не обнаруживать предъ людьми безъ нужды, произ-

вольно, самодовольно, тщеславно; имѣй Бога свидѣтелемъ твоей совѣсти, и Онъ будетъ мздовоздаятелемъ твоимъ за все, что ты, не примѣчаемый человѣками, для Него дѣлаешь или терпишь.

Господь заповѣдуетъ тайну, во-первыхъ, для дѣлъ человѣколюбія: *тебѣ творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, чтѣ творитъ дѣсница твоя.* Во-вторыхъ, для дѣлъ благочестія: *егда молишися, вниди въ клѣть твою, и, затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.* Въ-третьихъ, для дѣлъ самоотверженія и умерщвленія плоти: *да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.* Слѣдственно, тайну скромности и смиренія заповѣдуетъ Онъ для всѣхъ обязанностей человѣка къ Богу, ближнему и самому себѣ,—для всякой добродѣтели,—для всѣхъ дѣлъ Закона.

Скажутъ: но какъ же исполнится Христово же слово: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V. 16.)?—Не заботьтесь; слово Христово исполнится само собою, и не потребуетъ вашей помощи. Сказано: *да просвѣтится свѣтъ вашъ,* самъ собою, естественно, какъ свѣтитъ всякій свѣтъ; а не сказано: выставляйте на показъ свѣтъ вашъ. Добрыя дѣла суть дѣла свѣта по естеству: дѣлайте тайно,—свѣтъ просіяетъ, когда, и сколько повелитъ Богъ Свѣтодавецъ. Бѣда въ томъ, если дѣлаете дѣла темныя, злыя: отъ сихъ, конечно, нѣтъ и не будетъ свѣта, и Богъ не будетъ ими прославленъ.

Скажутъ еще: какъ же и молиться, или проповѣдывать въ Церкви, если и дѣла благочестія творить должно въ тайнѣ? — Дабы отвѣтствовать на сіе, напомнимъ, что въ томъ же самомъ поученіи, въ которомъ Спаситель нашъ говоритъ о молитвѣ въ тайнѣ, говоритъ и о дарѣ, приносимомъ къ олтарю: *аще принесеши даръ твой ко олтарю* (Матѳ. V. 23.); а сіе бываетъ въ Богослуженіи открытомъ и торжественномъ. Изъ сего видно, что заповѣдію о тайной молитвѣ не отмѣняется обязанность участвовать въ общественномъ церковномъ Богослуженіи. Но есть и въ семъ случаѣ своего рода осторожность, чтобы не являться человѣкамъ тщеславно, а смиренно предстоять Отцу небесному, Иже въ тайнѣ. Если, стоя въ церкви, ты совершаешь дѣйствія благоговѣнія, общія всѣмъ присутствующимъ, но стараешься удерживать, или дѣлать непримѣтными, особенныя въ тебѣ движенія возбужденнаго благочестія, воздыханія или вопли, готовые исторгнуться, слезы, готовыя пролиться: въ семъ расположеніи ты и среди многочисленнаго собранія сокровенно предстоишь Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.

Помыслимъ, братія, сколь и неблагородно, и тягостно, и безполезно жить только на показъ, какъ поступаютъ многіе и въ нравственной, и въ общественной, и въ домашней жизни. Все показываютъ, все выставляютъ, о всемъ трубятъ, всякое ничтожное дѣло провозглашаютъ, подобно какъ кокошь свое новорожденное яйцо. Но провозглашеніе кокоши основательнѣе; она возвѣщаетъ яйцо, которое подлинно родилось и остается: а тщеславные возвѣщаютъ то, чего нѣтъ, или провозглашеніемъ уничтожаютъ провозглашаемое. Напримѣръ: сдѣлано дѣло благотворенія: хорошо; до сихъ поръ оно существуетъ. Но если сдѣлавшій и хвалится онымъ: то доброе дѣло исчезаетъ. Теперь открылось, что нѣтъ добраго въ его сердцѣ; тамъ тщеславіе. Нѣтъ добраго въ его дѣлѣ; произведеніе тщеславія не есть доброе дѣло. Нѣтъ добраго даже въ глазахъ людей: ибо они проникаютъ тщеславіе, и если славятъ дѣло тщеславнаго, то въ то же время разглашаютъ и укоризны его тщеславію. Кольми паче нѣтъ здѣсь добраго предъ Богомъ. Онъ отказался отъ тщеславныхъ, когда сказалъ: *восприемлютъ мзду свою* (Матѳ. VI. 2. 6. 16.).

Христіанинъ! Будь, а не кажись: вотъ одно изъ важныхъ для тебя правилъ. Познай несравненное достоинство скромной, тихой, сокровенной добродѣтели. Ей свойственно быть тайною для земли: потому что она небесной породы, и для неба существуетъ. Совершай ее въ тайнѣ, и охраняй отъ глазъ человѣческихъ, часто нечистыхъ и вредящихъ ея чистотѣ; а представляй тщательно и непрестанно чи-

стому и очищающему оку Божію. *И Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ. Аминь.*

15. СЛОВО

Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

Помяни, яко смерть не замедлитъ. Сир. XIV. 12.

Это не праздничное слово въ праздникъ, подумаютъ, вѣроятно, нѣкоторые, услышавъ сказанное теперь. Для чего уменьшать свѣтлость праздника мрачною мыслію о смерти, къ намъ поспѣшающей?

Мнѣ, братія, не такъ думается. Можетъ быть и въ свѣтлое время мрачныхъ видовъ, и въ праздники печальныхъ мыслей достойны мы по дѣламъ нашимъ, согласно съ древнимъ прещеніемъ Божіимъ: *зайдетъ солнце въ полудне, и померкнетъ на земли въ день свѣтъ, и превращу праздники ваша въ жалость, и вся пѣсни ваша въ плачь* (Амос. VIII. 9. 10.).

Какъ бы то ни было, Богопросвѣщенный мудрецъ, котораго книгу Апостольская Церковь предала и сохранила намъ, для нашего наставленія, подаетъ намъ сей совѣтъ: *помяни, яко смерть не замедлитъ.* Не благоразумно было бы, совѣтъ мудреца отвергнуть, даже безъ разсмотрѣнія. И если вы не думали бы заняться мыслію о смерти нынѣ, потому что она вамъ представляется мрачною, то есть, страшною или печальною: то я думаю напротивъ, что по сей-то именно причинѣ всего лучше заняться оною нынѣ, когда смерть является намъ не страшною или печальною, но радостною и торжественною, не разрушительницею жизни, но руководительницею къ вѣчному животу, когда она дышитъ на васъ не тяжкимъ воздухомъ тлѣнія, но благоуханіемъ нетлѣнія, когда непосредственно за темною дверію гроба отверзаетъ свѣтлую дверь неба, когда, какъ вы слышите въ церковной пѣсни, *животъ предобручаетъ смерть*, когда она, чтобы не тревожить васъ даже звукомъ своего имени, преобразилась и переименовалась въ *успеніе*, то есть, успокоеніе, мирному сну подобное, и въ *преставленіе*, то есть, какъ-бы легкое перестановленіе отъ мѣста на мѣсто, отъ мѣста въ мірѣ видимомъ въ состояніе міра невидимаго. И что значитъ, что смерть сдѣлалась предметомъ праздника?—Торжественно возвѣщаемъ въ Церкви смерть Господню, какъ спасительную и живоносную для всѣхъ насъ: торжественно воспоминаемъ и смерть Матери Господа, какъ въ высокомъ степени для насъ поучительную и утѣшительную. Показавъ намъ гробъ Христовъ, съ отваленнымъ камнемъ, съ однѣми погребальными пеленами, въ ономъ оставшимися, и возвѣстивъ, что *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV. 20.),—Святая Церковь, какъ-бы заботилась, чтобы наша вѣра и надежда не утомились долгимъ ожиданіемъ послѣдующаго за симъ начаткомъ воскресенія умершихъ: и потому она приводитъ насъ къ другому гробу, также въ третій день послѣ погребенія отверстому, и уже праздному отъ тѣла, въ немъ погребеннаго, и какъ-бы указуя, говоритъ намъ: вотъ и дѣйствительный, скорый, очевидный въ лицѣ Матери Господней опытъ воскресенія, котораго Христосъ былъ начатокъ; благодатію Сына Своего и Бога, Она такъ совершенно созрѣла на земли для неба, что и тѣла Ея не могла удержать земля до времени общаго воскресенія; зрите праздный гробъ Ея, и радуйтесь упованіемъ жизни за гробомъ.

Теперь мысль о смерти, омрачаемая страхомъ и печалію отъ нашего несовершенства и немощи, освѣщена радостію надежды отъ силы и благодати Божіей. Итакъ можно размышлять о смерти не смущенно: а размышлять о ней нужно.

Дабы доказать, что всякому человѣку нужно не позднее помышленіе о смерти, для сего довольно взять въ разсужденіе обыкновенное правило благоразумія. Оно требуетъ, чтобы мы старались по возможности предусматривать будущіе случаи, особенно важные или трудные для насъ, и заблаговременно соображать и употреблять средства и способы, какъ бы встрѣ-

тить оные съ пользою для себя, или по крайней мѣрѣ съ безопасностію. Земледѣлецъ прежде посѣва думаетъ о жатвѣ, и приспособляетъ посѣвъ къ полученію жатвы, сколь можно болѣе обильной. Лѣтомъ помышляетъ онъ о зимѣ, и заботится, какъ бы обиліемъ лѣта наполнить скудость зимы. Не больше ли нужно всякому помыслить и позаботиться о томъ, какъ бы не пропустить лѣта жизни, и приготовить потребное на безплодную и суровую зиму смерти, какъ бы въ сей смертной жизни произвести добрый и благонадежный посѣвъ, дабы въ рѣшительное время воскресенія и суда, *пожать*, какъ изъясняетъ Святый Іоаннъ Дамаскинъ, *класы присно-живопитанія*, или, если угодно, дабы самимъ намъ прозябнуть, возрасти, процвѣсти и созрѣть доброю пшеницею, которую жатели Ангелы соберутъ въ житницы небесныя.

Но мы часто позволяемъ себѣ небрежность въ соблюденіи правилъ благоразумія, думая, что нѣкоторая на время небрежность еще не бѣда. Посему надобно настоятельнѣе доказать вамъ, какъ необходима для насъ мысль о смерти, и какъ опасно пренебречь и потерять ее. Такъ она необходима, что не только земная, смертная, но и райская, безсмертная жизнь не могла стоять безъ мысли о смерти. Богъ сотворилъ человѣка въ совершенствѣ, достойномъ Всесовершеннаго Творца; ввелъ его въ рай сладости; далъ ему плодъ древа жизни, для нетлѣнія; отъ опаснаго древа познанія добра и зла предохранилъ его заповѣдію, не вкушать отъ плода онаго. Но сего было не довольно. Райская жизнь не была бы безопасна. Для ея охраненія нужно было поставить грознаго стража—помыслъ смерти. *Въ оньже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. II. 17.), сказалъ Господь: и райская жизнь была безопасна, доколѣ стоялъ подлѣ ея помыслъ смерти. Но какъ скоро успѣлъ исконный человѣкоубійца лукавствомъ своимъ удалить отъ человѣковъ мысль о смерти: «*не смертію умрете*» (Быт. III. 4.): тотчасъ и убилъ грѣхомъ жизнь райскую. Подивимся, братія, чудесамъ премудрости Божіей, и оплачемъ наше безуміе. Духъ злобы и зависти, погрузивъ себя въ смерть чрезъ отступленіе отъ Бога, умышляетъ смерть человѣку: Богъ провидитъ; и помыслъ смерти, въ намѣреніи врага губительный, въ познаніи человѣка обращаетъ въ орудіе предохранительное и спасительное. А человѣкъ ищетъ миновать приставленный къ нему отъ Бога помыслъ смерти, чтобы доставить минутное чувственное удовольствіе: успѣваетъ избавиться отъ непріятной мысли о смерти, и впадаетъ въ дѣйствительную смерть. *Сія книга бытія человѣча!* Что было съ Адамомъ, тому естественно быть и съ нами: потому что мы естественные наслѣдники Адама, если благодать и вѣра не сдѣлаютъ насъ наслѣдниками Богу и сонаслѣдниками Христу. Человѣкъ, наслѣдственно склонный ко грѣху, будетъ ли тверже противъ искушенія, нежели человѣкъ, еще безгрѣшный, искушаемый ко грѣху, если отвергнетъ помощь, которая и для сего была необходима?—Конечно, нѣтъ! Итакъ если ты подкрѣпишь и оградишь себя благоразумнымъ и благочестивымъ помышленіемъ о смерти, какъ бдительною стражею: то, безъ сомнѣнія, оно поможетъ тебѣ охранить себя, хотя не совсѣмъ, отъ смерти, которая преступленіемъ Адамовымъ уже вошла въ міръ и во всѣхъ человѣковъ, впрочемъ отъ всего, что содѣлываетъ смерть страшною, бѣдственною, въ полномъ смыслѣ смертію. Но если, пренебрегая и отражая отъ себя мысль о смерти, мимо ея будешь устремляться только за удовольствіями чувственными, за пріобрѣтеніями земными, за мечтами твоего воображенія: то наконецъ, вмѣсто страха отъ одной мысли о смерти, котораго ты убѣгалъ, внезапно и неизбѣжно встрѣтишься съ ужасами дѣйствительной смерти, не тѣлесной только, которая есть болѣе призракъ смерти, нежели самая смерть, но и смерти второй, духовной, вѣчной, *идѣже червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. IX. 44.).

Изъ сего размышленія можетъ возникнуть вопросъ: будетъ ли мысль о смерти, которую нѣкогда Самъ Богъ поставилъ оградою противу вторженія въ міръ грѣха и смерти,—будетъ ли она довольно сильна и полезна, когда грѣхъ и смерть уже вошли въ міръ, и въ немъ царствуютъ?—

На сіе рѣшительный отвѣтъ даетъ намъ тотъ же благочестивый мудрецъ, котораго словами призвалъ я васъ къ настоящему размышленію о смерти. *Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ*, говоритъ онъ, *помнѣй послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII. 39.). Много сказано: впрочемъ, если бы кто вздумалъ возразить, что слишкомъ много: таковый скорѣе обнаружилъ бы неопытность своего мудрованія, нежели опровергнулъ бы ученіе мудреца.

Если подлинно во всѣхъ словесѣхъ твоихъ будешь ты поминать послѣдняя твоя, то есть, при всемъ, что думаешь, говоришь, дѣлаешь, будешь воспоминать и принимать въ разсужденіе смерть, и послѣдующія за нею, воскресеніе, судъ, вѣчное осужденіе, вѣчное блаженство; если такимъ образомъ всякую твою мысль, желаніе, намѣреніе, начинаніе, поступокъ, дѣло, предварительно будешь разсматривать и испытывать при свѣтѣ вѣчности: то вѣра и благодать не дадутъ ни своимъ средствамъ болѣе силы и дѣйствія къ предохраненію и спасенію, нежели сколько силы и дѣйствія имѣть могутъ прелести грѣха къ соблазненію и погубленію? Не исчезнетъ ли обаяніе грѣховнаго, чувственнаго удовольствія, если ему противупоставятся послѣдняя его, — безобразіе разрушенія, смрадъ гніенія, червь могильный, тлящій и истлѣвающій, и наконецъ червь адскій, никогда не усыпающій? Превозношеніе гордаго не падетъ ли, руки любостяжательнаго, жадно простирающіяся, чтобы захватывать, на право и на лѣво, правильнымъ пріобрѣтеніемъ и неправильнымъ хищеніемъ, не опустятся ли, если укажутъ ему на немногіе лакти земли, которыми вскорѣ ограничатся его владѣнія, съ тѣмъ, чтобы здѣсь можно было попирать его? Какой огонь страсти или нечистаго желанія не угаснетъ предъ силою неугасающаго огня геенскаго?

И если силенъ смертный помыслъ, вооруженный страхомъ, противу зла: то еще въ высшемъ степени силенъ онъ, озаренный надеждою, въ пользу добра, въ подкрѣпленіе подвиговъ, собственно Христіанскихъ. Спасительная смерть Богочеловѣка даетъ новое значеніе смерти человѣковъ, вѣрующихъ въ Него: ибо теперь смерть проникнута жизнію. Сквозь язвы Распятаго Христа струится свѣтъ безсмертія, и въ смертную жизнь, и въ самую область смерти; и сыны свѣта возбуждаются, и съ легкостію идутъ на трудныя дѣла свѣта, къ которымъ призываетъ ихъ Евангеліе. Вы должны распять плоть, и жить духомъ, заповѣдуетъ оно. — Повинуемся, отвѣтствуютъ они; потому что *сѣяй въ плоть отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а сѣяй въ духъ отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI. 8.). Да умрете міру, и да живете Богу. — Да будетъ; потому что *міръ преходитъ и похоть его, а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки*. Да расшнется со Христомъ. — И сіе вожделѣнно: *аще бо съ Нимъ умрохомъ, съ Нимъ и оживемъ; аще съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся* (2 Тим. II. 11.). Умѣйте быть блаженными въ изгнаніи за правду, въ поношеніи, въ страданіи за Христа. — И сіе возможно: потому что *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII. 18.).

Мнѣ кажется, братія, настоящими размышленіями далъ я вамъ нѣкоторый способъ усмотрѣть надобность и духовную, далеко простирающуюся, пользу, а слѣдственно и обязанность, *поминать послѣдняя*. Итакъ время бы мнѣ умолкнуть. Но поелику мы такъ часто теряемъ или отлагаемъ сіе полезное памятованіе, чтобы беззаботнѣе наслаждаться благами настоящей временной жизни: то надобно еще показать вамъ, какъ вредно дѣйствуетъ забвеніе *послѣднихъ* даже на видимыя блага настоящей временной жизни.

Іерусалимъ палъ. Іеремія сидитъ надъ развалинами его, и въ плачѣ размышляетъ о причинахъ его паденія. Какую же, думаете, Пророкъ открылъ причину бѣдствія Іерусалима? — Можетъ быть и не одну; но, какъ важную, замѣтилъ онъ ту, что Іерусалимъ не помнилъ послѣднихъ своихъ. *Не помяне послѣднихъ своихъ, и низведеся пречудно* (Пл. Іер. I. 9.). Такъ, когда обыкновеннымъ теченіемъ земныхъ тлѣнныхъ вещей не вразумляются человѣки поминать послѣдняя; когда не внемлютъ вразумляющему о семъ кроткому слову

спасенія, и грѣхъ умножается: тогда не хотящій вѣчной смерти грѣшника Богъ, тяжко слышащимъ человѣкамъ возвѣщаетъ послѣдняя ихъ, гласами громовъ,—событіями грозными, потрясающими, разрушительными.

Братія, общники смертности и безсмертія, да не отлагаемъ благомысленно поминати послѣдняя, яко да не согрѣшаемъ, и спасемся, временно и вѣчно. Аминь.

16. СЛОВО

Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

Бысть же ходящимъ имъ, и Самъ вниде въ весь нѣкую: жена же нѣкая именемъ Марѳа пріятъ Его въ домъ свой. Лук. X. 38.

Блаженна ты, не славная и совсѣмъ неизвѣстная по имени весь: ибо Христосъ, Господь славы, посѣщаетъ тебя. Благословенъ ты, не богатый, вѣроятно, домъ: ибо Христосъ, богатый милостію, входитъ подъ кровъ твой. Закхей погибалъ отъ страсти любостяжанія: но какъ скоро посѣтилъ домъ его Христосъ, въ тотъ же самый день *спасеніе дому сему бысть* (Лук. XIX. 9.). Будетъ спасеніе и дому Марѳы, пріявшей Спасителя, будетъ безъ сомнѣнія.

Блаженно и всякое мѣсто или домъ, которыя удостоиваются посѣщенія Божественнаго. Напаче же блаженъ человѣкъ, достойно пріемлющій Божественное посѣщеніе. Ибо если посѣщаетъ мѣсто невмѣстимый Богъ: то для того, чтобы посѣтить человѣка, и въ его душѣ устроить Себѣ обитель.

И что значитъ, что Евангельское повѣствованіе о посѣщеніи Христовомъ, такъ часто провозглашаетъ предъ нами церковь? Не хощетъ ли она возбудить въ насъ жажду Божественныхъ посѣщеній? Не хощетъ ли вразумить насъ, какъ можно привлекать, и какъ достойно принимать оныя? (О Высокая Дверь посѣщеній Божественныхъ, живый градъ живаго Бога, первенствующая обитель Христа! *Марія*, блаженная паче той, которая *избрала благую часть*, ибо Ты избрала, или лучше, Тебя избрало, всецѣлое и всесовершенное благо, Тебя прежде всѣхъ, но и ради всѣхъ, во тьмѣ сѣдящихъ, *посѣтилъ есть Востокъ свыше*, и не только посѣтилъ, но и обиталъ въ Тебѣ, и подъ сѣнію Твоею, Верховный Посѣтитель душъ! Дверію гроба отходя отъ насъ, чтобы взаимно посѣтить Его, и обитать съ Нимъ въ Его славѣ, оставь намъ за Собою отверстыми двери милосердія. Воспомяни Ему о смиренной весп на распутіи міра, которая однако же принадлежитъ къ Его царству, и утлой хижинѣ въ юдоли тлѣнія, которую однако же Онъ Самъ, и для Себя Самого, построилъ. Да не вотще жаждетъ душа благодатнаго посѣщенія Его, да не вотще пріидетъ посѣщающая благодать въ душѣ, не умѣющей срѣтить и принять.)

Мнѣ слышится, что душа говоритъ: о если бы только посѣтилъ меня Богъ Своимъ благодатнымъ посѣщеніемъ! Какъ бы уже не принятъ Его мнѣ съ благоговѣніемъ, съ усердіемъ, такъ, какъ благоугодно Посѣщающему?

Вопреки сему, гораздо справедливѣе можно сказать: о, если бы ты былъ способенъ, расположенъ, готовъ принять достойно благодатное посѣщеніе! Возможно ли, чтобы не посѣтилъ тебя вскорѣ Богъ, Который, по созерцанію Іова, *внимаетъ умомъ* къ человѣку, *посѣщеніе творитъ ему по всяко утро, и во всякое мгновеніе испытуетъ его* (Іов. VII. 17. 18.).

Но что препятствуетъ человѣку съ успѣхомъ искать Бога, и достойно принимать Его благодатныя посѣщенія?—Евангельское повѣствованіе о Марѳѣ, пріявшей Господа въ домъ свой, къ вразумленію нашему показываетъ, что наиболѣе препятствуетъ въ томъ попеченіе житейское, или привязанность къ земному.

Марѳа уже не искала только, или желала посѣщенія Христова, но и получила оное. *Пріятъ Его въ домъ свой.* Она приняла Его съ благоговѣніемъ: ибо и Господомъ нарекла Его, и отъ Него просила повелѣнія сестрѣ своей, будучи властна сама распоряжать въ своемъ домѣ. *Господи, не брежеши ли, яко сестра моя*

едину мя остави?—Рцы убо ей.—Марѳа приняла Господа съ усердіемъ: ибо тщательно готовилась угостить Его, какъ поступилъ и Авраамъ во время бывшаго ему посѣщенія Господня. *Марѳа же молвяше о мнозѣ службѣ.* Не располагаетъ ли сіе думать, что приняла она Христа достойно и благоугодно Ему? — Не спѣшите мнѣніемъ рѣшительнымъ. Подождите суда Христова. Что же глаголетъ Господь? — Не одобряетъ пріема, который дѣлала Ему Марѳа, и даруетъ преимущественное благословеніе Маріи, на которую Марѳа жаловалась. Что сему причиною? Въ чемъ укорить можно Марѳу? Она укорена въ житейскомъ попеченіи. *Марѳо, Марѳо, печешися, и молвиши о мнозѣ.*

Если такимъ образомъ уже принятому благодатному посѣщенію повредило житейское попеченіе, и болѣе или менѣе похитило плодъ онаго: не больше ли еще можетъ оно препятствовать и вредить тѣмъ, которые только еще начинаютъ искать Бога и благодати Его?

При внимательномъ разсмотрѣніи Евангельскаго повѣствованія можно различить нѣкоторыя особенныя дѣйствія, которыми житейское попеченіе препятствуетъ человѣку благоугождать Богу, и пріобрѣтать благодать Его, или сохранить пріобѣтенную. Оно развлекаетъ и смущаетъ. Отуманиваетъ око ума въ усмотрѣніи свѣта истины. Обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго.

Житейское попеченіе развлекаетъ и смущаетъ.—Посмотрите на Марѳу. Христосъ въ ея домѣ, — Тотъ, для Котораго множество народа бѣгало по селеніямъ и по пустынямъ, чтобы увидѣть Его, чтобы услышать слово Его,—Тотъ, Котораго *мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти и не видѣша* (Лук. X. 24.), Тотъ,—Котораго *день*, знакомый уже съ Божественными посѣщеніями *Авраамъ радъ былъ видѣть*, и когда *увидѣлъ* только издалека, *возрадовался* (Іоан. VIII. 56.), искомый, вожделѣнный, для Марѳы близокъ, видимъ, слышимъ. Что же Марѳа? радуется ли о Немъ? Наслаждается ли Его лицезрѣніемъ и слышаніемъ глаголовъ Его?—Сомнительно. У нея иное занятіе, иныя мысли и чувствованія. Она думаетъ и заботится о мукѣ и елеѣ, о хлѣбѣ и рыбахъ. Божественнаго Учителя истины, Подателя благодати, почти нѣтъ для нея: *Марѳа же молвяше о мнозѣ службѣ.* Негодованіе на сестру, не раздѣляющую ей заботы, обращаетъ наконецъ ее къ Господу, но и у Него ищетъ она помощи для того только, чтобы увеличить заботу и развлеченіе, и вовлечь въ то же другихъ. *Ставши же рече: Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? Рцы убо ей, да ми положетъ.*

Помысли, Христіанинъ, что Христосъ Господь, или дѣйствительно посѣщаетъ домъ души твоей, или стоитъ у дверей, и ожидаетъ, чтобы ты *пріялъ Его въ домъ свой.* Если это кажется не довольно вѣроятнымъ: не нашимъ словомъ увѣряемъ тебя. Слыши, какъ Онъ самъ возвѣщаетъ о Себѣ всѣмъ намъ: *се стою при дверехъ, и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечерю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. III. 20.). Скажемъ ли на сіе: не видимъ Тебя, Господи, стоящаго; не слышимъ Твоего толканія?—Неумѣстный споръ! Господь не обманываетъ насъ; *оправдится Онъ во словесѣхъ Своихъ* (Псал. L. 6.). Какъ же случается, что Онъ стоитъ при дверехъ, а мы не видимъ; толкетъ, а мы не слышимъ?—Такъ, какъ случилось подобное сему съ Марѳою. Житейское попеченіе влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ занятія къ занятію, отъ заботы къ заботѣ: и какъ заботы наши большею частію не такъ бываютъ успѣшны, какъ мы желали бы; то неудача смущаетъ насъ, недостатокъ помощи огорчаетъ, препятствіе отъ другихъ раздражаетъ; желанія и страсти шумятъ, какъ вѣтры, какъ волны; мы мятемся всуе; волнуемъ сами себя, къ собственному вреду и опасности; обуреваемая внѣшно и внутренно душа не примѣчаетъ кроткаго присутствія, не слышитъ тихаго гласа вожделѣнной и спасительной благодати.

Житейское попеченіе отуманиваетъ умъ предъ свѣтомъ истины и благодати.—Такое затмѣніе ума Господь обличаетъ въ Марѳѣ, когда сказуетъ ей, что *едино есть на потребу.* Какъ прежде сего вразумленія не уразумѣла она, сама собою, сей

истины, если не глубоко, по крайней мѣрѣ въ простомъ и открытомъ значеніи словъ? Положимъ, что не вдругъ могла она возвыситься къ постиженію того, какимъ образомъ единое на потребу есть Богъ, и Его слово, и Его царствіе, по реченному: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV. 4.); и еще: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI. 33.). Но пріявъ Христа въ домъ свой, и слѣдственно имѣя о Немъ нѣкоторое познаніе предварительно, какъ не поняла она по крайней мѣрѣ того, что для Рекшаго: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Іоан. IV. 34.), для Постившагося четыредесять дней и нощей, для Питающаго многія тысящи народа немногими хлѣбами, не суть на потребу многіе роды пищи и питія? Какъ не догадаться бы ей, что Пришедшій въ міръ, *да свидѣтельствуетъ истину* (Іоан. XVIII. 37.), Нарицающій Себя хлѣбомъ животнымъ, Призывающій къ Себѣ жаждущихъ, не тѣмъ благоугождается, чтобы Ему въ изобиліи предлагали брашно гиблющее, но развѣ тѣмъ, чтобы отъ Него пріимали брашно не гиблющее, воду живую, слово истины и спасенія?—Нѣтъ! Не поняла сего пекущаяся о многѣ:—не поняла но тому самому, что неклась о многѣ; потому что привычка житейскимъ заниматься, о житейскомъ заботиться, какъ свинецъ, отягчала крило ума, и не допускала возвыситься къ разумѣнію духовному.

Не такъ ли нѣкоторые и между нами, Христіане, хотя и бываютъ подъ однимъ кровомъ со Христомъ, какъ то дѣйствительно бываетъ во храмѣ Его, хотя почти видятъ Его въ таинствѣ, хотя слышатъ Его въ Евангеліи, не умѣютъ однако толикими благами пользоваться и наслаждаться? Евангеліе для насъ не довольно понятно; таинство весьма закрыто; молитва утомительна. Не знаемъ, какъ находятъ въ Евангеліи Божественный свѣтъ, въ таинствѣ Божественную силу, въ молитвѣ Божественную радость, блаженство, небо. И почему не дается намъ духовный разумъ и чистое созерцаніе?—Потому, что житейское попеченіе связуетъ нашъ умъ, обременяетъ его тяжкими земными пристрастіями, покрываетъ его мглою помысловъ чувственныхъ, суетныхъ, нечистыхъ; изъ орла, которому надлежало бы въ чистомъ воздухѣ зрѣть на Солнце истины духовной и Божественной, превращаетъ его въ крота, роющагося въ землѣ, въ прахѣ и тлѣніи дѣлъ мірскихъ, плотскихъ, чуждыхъ для духа.

Житейское попеченіе обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго. — *Марія благую часть избра*, глаголетъ Господь. Избрала же она то, чтобы *сѣдши при ногу Іисусову, слышати слово Его*. Какъ не избрала и другая сестра сей благой части? Развѣ не желала она приближаться ко Іисусу? Но сіе желаніе оказалось въ ней еще прежде, нежели въ Маріи, когда *Марѳа пріятъ Его въ домъ свой*. Почему же одно сѣмя желанія не одинаково произрасло и принесло плодъ? — Потому, что въ сердцѣ Маріи оно расло свободно: а въ сердцѣ Марѳы заглушали оное плевелы житейскаго попеченія. *Мольваше о многѣ службѣ*. Волею духа стремилась она ко Господу, и привлекала Его къ себѣ: но склонностію къ житейскому отвлекалась отъ духовнаго Ему благоугожденія къ тѣлесному служенію, и не достигла близости къ Нему благодатной.

И во всякое время, и повсюду можно примѣчать, какъ различно дѣйствуетъ въ душахъ желаніе благодати и спасенія, соотвѣтственно тому, бываетъ ли оно въ нихъ свободное, полное и единичное, или въ дѣйствіи своемъ раздѣляется, воспящается, ослабляется какимъ-либо желаніемъ земной природы и склонностію житейскою. Видимъ людей, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ все только начинаютъ дѣло спасенія своего, а не возводятъ онаго къ совершенству; долго ищутъ Бога, и не находятъ; видятъ нѣкоторую зарю благодати надъ собою, и не могутъ дождаться, *дондеже день озаритъ* сердце. Отъ чего сіе?—Отъ того, что начинаютъ дѣло спасенія, но, по пристрастію къ земному и житейскому, не совсѣмъ оставляютъ дѣла погибели; ищутъ Бога, но не хотятъ потерять тварей, ждутъ утѣшенія благодати, но не хотятъ разстаться съ утѣшеніями растлѣнной природы. Видимъ напротивъ и такихъ, которые позже другихъ присту-

паютъ служить Богу, и болѣе другихъ въ томъ успѣваютъ. Блудный сынъ упреждаетъ старшаго брата въ благодати Отчей. Магдалина изъ глубины грѣховной, и почти адской (поелику часть ада въ ней обитала), восходитъ на степень равноапостольной. Савлъ гонитель внезапно преображается въ Павла Апостола. *Мытари и любодѣйцы варяютъ въ царствіи Божіи* (Матѳ. XXI. 31.) мнящихся быть природными сынами сего царствія. Какимъ образомъ совершаются такія чудеса? — Сильнымъ, рѣшительнымъ, всѣ земныя желанія побѣждающимъ и умерщвляющимъ желаніемъ благодати и спасенія.

Посему слово Божіе сильно возстаетъ противъ смѣшенія житейскихъ попеченій и пристрастій съ желаніями и стремленіями духовными. *Никтоже можетъ*, говоритъ оно, *двѣма господинома работати* (Матѳ. VI. 24.). Итакъ, если ты рабъ житейскаго попеченія: то какъ можешь быть въ то же время рабомъ Божіимъ?—*Идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. VI. 21.). Итакъ, если *твое сокровище*—то, чего ты желаешь, что любишь, о чемъ страстно печешься, находится на земли: то какъ можетъ быть, чтобы *сердце* твое обрѣлось на небеси у Бога?—*Никтоже, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ* (2 Тим. II. 4.). Итакъ, если ты сознаешь внутренно, что твое душевное расположеніе крѣпко еще привязано къ житейскому: то какъ можешь льстить себѣ мыслію, что ты угоденъ Вождю Христу, побѣдителю міра?

Внимательный къ спасительнымъ путямъ Божія Провидѣнія не безъ страха усмотритъ, какъ иногда Самъ Богъ, приготовляя человѣка къ особенному Своему посѣщенію, или дарованію благодатному, рукою крѣпкою и мышцею высокою расторгаетъ узы, привязывающія его къ земному и житейскому. Какихъ дивныхъ посѣщеній сподобилъ Богъ Авраама! Но и какихъ для того потребовалъ отъ него лишеній! *Изыди*, сказано ему, *отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего* (Быт. XII. 1.). Почему бы, кажется, не прійти на Іакова и Божію посѣщенію и благословенію, когда благословлялъ его Исаакъ въ своемъ домѣ? — Но взятъ онъ изъ объятій благочестивыхъ родителей; съ опасностію, безъ помощи, безъ сопутника, приведенъ въ незнаемое мѣсто; преклонилъ утомленную голову на пустынный камень, и—здѣсь нашелъ для себя и домъ Божій, и посѣщеніе Божіе, и могущественное благословеніе Божіе. Какой путь довелъ Іосифа до благодати тайновѣдца, и до славы спасителя?—Путь Египетскій, странничество, рабство, темница. Когда и гдѣ наиболѣе открылся Богъ народу Израильскому? — Тогда, какъ онъ былъ отторженъ отъ Египта, и еще не привязанъ къ землѣ обѣтованной,—тамъ, гдѣ земля не привлекала его ничѣмъ земнымъ, и во всемъ отсылала его къ Небу.

Чего мы ждемъ, когда медлимъ отрѣшаться отъ пристрастій житейскихъ? Того ли, чтобы Богъ привлекъ насъ къ Себѣ *рукою крѣпкою*, особеннымъ сильнымъ влеченіемъ, какъ Авраама?—Но не дерзновенно ли, не мечтательно ли было бы такое ожиданіе? Или того, чтобы Богъ низвелъ на насъ *высокую мышцу*, и невольными лишеніями, бѣдами, скорбями, пораженіями, сокрушилъ блестящія оковы, въ которыхъ содержатъ насъ міръ и плоть? —Но ждать ли сего надобно, или по возможности предупреждать сіе?—Разумнымъ ли и свободнымъ существамъ, подобно тѣмъ, *имже нѣсть разума*, дожидаться, пока *бродами и уздою челюсти ихъ востягнеши не приближающихся къ Тебѣ?*

Перестанемъ, братія, медлить и отлагать; поспѣшимъ облегчать себя отъ бремени, котораго тягость не довольно, можетъ быть, знаемъ, потому что безъ него ходить еще не испытали, — отъ бремени житейскихъ пристрастій. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ жизни отложимъ попеченіе излишнее, многозаботливое, суетное, происходящее отъ неумѣренныхъ желаній, отъ неосновательнаго сужденія о вещахъ, отъ недостатка вѣры въ Бога и упованія на Его Провидѣніе. Поколику же призываемся особенно къ дѣламъ Божіимъ, къ молитвѣ, къ поученію въ словѣ Божіемъ, къ духовнымъ подвигамъ для обрѣтенія благодати Божіей,—*всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе*, да пріимемъ въ душѣ

ныхъ Его словъ, которыми Онъ, предавая Себя въ руки враговъ, устранялъ подобную опасность отъ учениковъ Своихъ: *аще убо Мене ищете, оставите сихъ идти.* Но какъ Онъ могъ истребовать пощаду Своимъ ученикамъ отъ тѣхъ, которые не щадили Его Самого?—Всепокаряющею силою Своего Божественнаго слова, которую, на сей конецъ, непосредственно предъ симъ, чудесно явилъ, низложивъ спиру и скопище на землю, единымъ словомъ: *Азъ есмь.* Евангелистъ, повѣствуя о семъ происшествіи, присовокупляетъ, что Господь ранѣе предсказалъ оное, и оно исполнилось согласно съ предсказаніемъ. *Да сбудется слово, еже рече: яко ихже далъ еси Мнѣ, не погубихъ отъ нихъ никогоже.* Это значитъ, что близкіе къ Господу, во время страданія Его, не только находились въ опасности, но и погибли бы, если бы Онъ сего не отвратилъ особеннымъ провидѣніемъ. Отъ сей опасности, отъ сей близкой погибели, *ученицы вси, оставльше Его, бѣжаша,* — *вси,* не исключая Петра, который потомъ отважился-было вступить за Іисусомъ во дворъ Архіереевъ, но не выдержалъ испытанія,—не исключая Іоанна, которому, впрочемъ, вскорѣ любовь возвратила мужество, и повела его за возлюбленнымъ Учителемъ до креста. Но Матерь Господню не видимъ ни въ страхѣ, ни въ бѣгствѣ, а видимъ *стоящую при крестѣ Іисусовѣ.* Итакъ не видите ли, что Она стоитъ въ духѣ, выше всеобщаго страха, выше Своей личной опасности, выше Апостольскаго мужества?

Кто сказалъ бы, что Пресвятой Дѣвѣ свойственно было паче всѣхъ устремляться въ близость къ Своему страждущему Сыну, по естественной материнской любви, тотъ показалъ бы себя слабымъ истолкователемъ Ея Голгоѳскаго стоянія. Если взять въ разсужденіе одну естественную материнскую любовь: то чего надлежало бы ожидать для Ея сердца, чувства, жизни, отъ страданій Сына Ея, при видѣ которыхъ и чуждые били себя въ перси, и земля трепетала, и камни, вздыхая, разрывались, и солнце было въ обморокѣ?—Нѣтъ, естественная любовь не столько изъясняетъ, сколько дѣлаетъ непонятнымъ то, какимъ образомъ Пресвятая Дѣва могла *стоять* при крестѣ, не поражаясь страхомъ, не предаваясь нетерпѣливой скорби, не повергаясь въ безжизненное изнеможеніе. Чѣмъ же можетъ быть изъяснено сіе высокое мужество и крѣпость духа? — Не инымъ чѣмъ, какъ Ея глубокою преданностію судьбамъ Божіимъ, Ея вѣрою въ Божественную силу Своего Сына, извѣстную Ей болѣе всѣхъ, изъ явныхъ и тайныхъ чудесъ всей земной жизни Его, Ея познаніемъ Христовыхъ таинъ, которыя всѣхъ ранѣе Она постигла, и всѣхъ совершеннѣе соблюдала въ сердцѣ Своемъ. Вѣра, упованіе паче упованія, любовь, не естественная только, но вѣрою возвышенная въ духовную и божественную, питали въ Ней внутренній животворный *свѣтъ,* котораго *не объятъ тма* и смерть, и ужасы Голгоѳскіе, и съ которымъ неколеблющеюся стопою достигла Она въ открытый свѣтъ и радость Христа воскресшаго.

Пріиди, христіанская душа, всмотрись прилежно въ слѣды Царицы Небесной: ибо слѣды Ея суть указаніе пути къ Богу и для тебя, по реченному: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдѣ Ея.*

Не убѣгай отъ мысли о страданіи Христовомъ, ни по невниманію, ни по своеумудрію, ни по малодушію: ибо нѣтъ инаго пути ко спасенію, какъ чрезъ Голгоѳу и крестъ.

Приближайся къ распятому Господу вѣрою, упованіемъ, любовію; и твердо предъ Нимъ поставляй себя благоговѣйнымъ размышленіемъ и молитвою. Въ семъ найдешь свѣтъ для твоего пути, и силу для твоего шествія.

Если опасность, бѣдствіе, скорбь, непосредственно, или въ лицѣ присныхъ, тебя постигающія, колеблютъ твое мужество, истощаютъ твое терпѣніе: помяни Матерь Господа, стоявшую при крестѣ Его, и разсматриваніемъ Ея безмѣрной и безвинной скорби, и непобѣдимаго мужества и терпѣнія, возбуди себя къ мужеству и терпѣнію, въ твоихъ, по сравненію, конечно, малыхъ и, вѣроятно, не безвинныхъ скорбяхъ, прося въ то же время отъ Нея пособія изъ талантовъ благодатной духовной крѣпости, у Нея преизобильно умноженныхъ вѣрнымъ и благословеннымъ дѣланіемъ.

Посмотримъ еще, какъ съ высоты Гол-

гоѳы открывается нѣкоторая низшая, но тѣмъ не менѣе достопослѣдовательная часть пути, которымъ текла Преблагословенная Марія къ вѣчной славѣ.

Евангеліе повѣствуетъ, что Спаситель нашъ, видѣвъ при крестѣ Своемъ Свою Матерь и возлюбленнаго ученика Своего Іоанна, *глагола Матери Своей: Жено, се сынъ Твой. Потомъ же глагола ученику: се мати твоя.* Въ сихъ изреченіяхъ видимъ любовь Божественнаго Сына къ земной Матери, которую Онъ хощетъ не просто утѣшить въ лишеніи Сына, но какъ бы возвратить Ей Себя въ другомъ лицѣ, и, чтобы почтить Ея дѣвство, и вмѣстѣ наградить дѣвство возлюбленнаго ученика, избираетъ Дѣвственника Іоанна въ нареченнаго сына Приснодѣвы. Но мы не догадались бы, что въ особенности заключается въ оныхъ изреченіяхъ Господнихъ, если бы возлюбленный ученикъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ понимающій сердце и мысль своего Учителя, не изъяснилъ оныхъ, исполненіемъ. Какимъ исполненіемъ?— *Отъ того часа поятъ Ю ученикъ во своясн.* Изъ сего открывается, что усыновленіе Іоанна Пресвятой Дѣвѣ, призывало его, между прочимъ, къ тому, чтобы обезпечить Ее жилищемъ и потребностями жизни временной, и что, слѣдственно, собственнаго въ семъ обезпеченія Она не имѣла. Должно думать, что Ея любовь и вѣра къ Божественному Сыну побуждала Ее быть всегда, сколь можно, близко къ Нему въ Его непрерывномъ странствованіи по градамъ, весямъ и пустынямъ: и потому какъ Онъ *чуждѣ* былъ *братіи* Своей, такъ и Она; какъ Онъ *не имѣлъ, гдѣ главы подклонити,* такъ и Она.

Такъ Пресвятая Дѣва, шествуя во внутренней жизни путемъ вѣры и совершенной преданности въ волю Божію, въ жизни внѣшней шла путемъ отрѣшенія отъ земныхъ привязанностей, отъ земныхъ благъ и удовольствій, путемъ простоты, нестяжательности, добровольныхъ лишеній, приносимыхъ въ жертву вѣрѣ и Богу.

Взирай, христіанинъ, на сіи благословенные слѣды, и будь внимателенъ, чтобы путь твоей жизни былъ, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ удаленъ отъ оныхъ.

Поятъ Ю ученикъ во своясн. Видишь ли? Матерь Царя Небеснаго не въ чертогахъ, не въ великолѣпіи, не среди множества служащихъ и ждущихъ мановенія; Она пѣшествуетъ по стогнѣ, въ сопровожденіи одного рыбаря, чтобы обитать въ маломъ, и то чужомъ, домѣ, безъ славы, безъ блеска, въ тишинѣ, въ простотѣ, чтобы пользоваться только такимъ успокоеніемъ и служеніемъ, какое можетъ быть Ей принесено благоговѣйнымъ усердіемъ бѣднаго и одинокаго рыбаря.

Взирай на сіе, и учись не высоко цѣнить богатство, не алкать удовольствій, не гоняться за славою, не прельщаться блескомъ, любить простоту и тихую посредственность, не презирать нищеты, когда встрѣчаешь ее у другихъ, не страшиться ея, если она тебя посѣтить хочетъ, не стыдиться ея, если она уже поселилась съ тобою.

Не отнимаемъ у тебя земныхъ благъ, если Провидѣніе даетъ ихъ тебѣ; пользуйся ими съ благодарностію къ Богу, съ благотворительностію къ ближнимъ, со смиреніемъ: но внимай себѣ и своему сердцу, чтобы оно не прилѣплялось къ нимъ, а всячески отрѣшалось отъ нихъ.

Если ты шествуешься на пути къ небу, какъ и должно быть: то не обременяй себя много добровольно землею, чтобы не пасть въ разслабленіи на неокончанномъ пути.

Прекрасный, но и страшный, и, безъ сомнѣнія, вполнѣ истинный законъ судьбы нашей открылъ намъ Спаситель нашъ, когда сказалъ: *идѣже есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ.* Сокровищемъ назвалъ Онъ то, чѣмъ плѣняется наша мысль, къ чему съ превозмогающею силою стремится господствующая въ насъ склонность. Посему мы сами опредѣляемъ нашу судьбу; мы носимъ ее въ себѣ, въ господствующей въ насъ склонности. Если наше сокровище, предметъ господствующаго въ насъ желанія, находится и остается на земли, въ земныхъ благахъ, стяжаніяхъ, удовольствіяхъ, славѣ: то здѣсь долу останется и наше сердце; а гдѣ наше сердце, тамъ наша жизнь, тамъ нашъ жребій, и потому онъ не найдется на небѣ. Изберемъ же и уготовимъ себѣ лучшій жребій; расположимъ себя такъ, чтобы не на земли было наше сокровище. *Скрывайте себѣ*

сокровище на небеси; туда непрестанно переносите ваши мысли, ваши желанія, вашу любовь; и будетъ тамъ ваше сердце, ваша жизнь, ваша радость, ваше блаженство, благодатію и щедротами Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки. Аминь.

18. СЛОВО

Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы,

1846 года.

Въ изложеніи Православныя Вѣры святаго Іоанна Дамаскина встрѣчается слѣдующее разсужденіе о святыхъ иконахъ: *понеже не вси знаютъ писанія, ниже вси въ чтеніи упражняются: сея ради вины разсудиша святіи Отцы, да сія* (яже въ воплощеніи Сына Божія содѣяшася), *аки преславная нѣкая дѣла, на иконахъ изображаются, скорѣйшаго ради воспоминанія* (Кн. IV. гл.. 16.). По сему разсужденію, взирать со вниманіемъ на святыя иконы значитъ то же, что читать Священныя книги. А изъ сего справедливо будетъ заключить, что изъ иконъ, такъ же какъ изъ книгъ, можно почерпать ученіе. И хотя святый Дамаскинъ относитъ сіе къ не знающимъ писаній: но и мы, сколько нибудь знающіе писанія, не превознесемъ себя надъ не знающими, и не почтемъ для себя излишнимъ того, что для нихъ полезно, *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся,* какъ учитъ смиренная мудрость Апостольская (Рим. XII. 16.).

Ревнующіе поучаться тайнамъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы отъ Священныхъ Писаній знаютъ, какъ не много тамъ о Ней говорится. И нельзя на сіе жаловаться: потому что и о самомъ воплощенномъ Сынѣ Божіемъ въ Священныхъ книгахъ болѣе умолчано, нежели сколько сказано, и это по самой необходимости, какъ замѣтилъ послѣдній, дополнившій другихъ, Евангелистъ: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому, мню, всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ* (Іоан. XXI. 25.).

Итакъ думаемъ быть правы, если, упражнявшись въ другихъ случаяхъ по нашей силѣ, или лучше, по нашей немощи, въ испытаніи писаній, о Пресвятой Дѣвѣ свидѣтельствующихъ, нынѣ хотимъ, вмѣсто книги, прочитать нѣчто въ иконѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, которой древнѣйшій образецъ, по особенному устроенію Провидѣнія, принесенъ былъ изъ Константинополя въ Кіевъ, и которую Святитель Петръ, своею священною и святою десницею, изобразилъ намъ здѣсь, безъ сомнѣнія, не для чувственнаго только зрѣнія, но и для духовнаго созерцанія.

Первая, ближайшая къ зрителю часть Иконы проста. Видимъ пречистое тѣло Пресвятыя Дѣвы, по отшествіи пресвятыя души Ея, почивающее на одрѣ. Соборъ Апостоловъ подъемлетъ, и несетъ оное къ мѣсту погребенія. Святый Петръ воздаетъ ему честь каждеціемъ ѳиміама, хотя оно само несравненно лучшимъ и животворнымъ благоуханіемъ исполняло внутреннія чувства приближающихся къ нему съ вѣрою. Если бы кистію и красками можно было изображать звуки: то мы услышали бы отъ Иконы и Апостольскую погребальную пѣснь, въ которой, какъ сказуетъ святый Діонисій Ареопагитъ, *сошедшіеся для зрѣнія живоначальнаго и богопріемнаго тѣла, Богобратъ Іаковъ, и Петръ, и всѣ священноначальники воспѣвали безконечно сильную благость богоначальственной немощи,* то есть, благость Сына Божія въ воплощеніи воспріявшаго на Себя немощь естества человѣческаго, кромѣ грѣха (о имен. Бож. гл. 3).

О чемъ напоминаетъ намъ сіе изображеніе? Чему насъ поучаетъ?—Напоминаетъ о грозномъ законѣ смерти. Поучаетъ благовременно помыслить о томъ, какъ намъ встрѣтиться съ симъ закономъ.

Земля еси, и въ землю отыдеши, сказалъ небесный Судія въ лицѣ согрѣшившаго праотца роду человѣческому (Быт. III. 19.). А какъ неумолимо исполняется сей приговоръ! Пусть бы *царствовала смерть и надъ не согрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Рим. V. 14.), однако надъ согрѣшившими какимъ

либо инымъ образомъ, и надъ не очистившимися отъ грѣха прародительскаго. Но преблагословенная Марія, еще прежде нежели содѣлалась Богоматерію, по изъясненію церковнаго Богослова (Іоан. стихир. на Благовѣщ.), *предочищена Духомъ*, чтобы Ей быть достойнымъ сосудомъ воплощенія Сына Божія. Со времени же воплощенія, какъ тѣло Ея есть жилище Божіе, такъ, безъ сомнѣнія, и душа Ея есть жилище Божіе, въ столь же высокомъ значеніи, какъ она, по достоинству Матери Господней, превышаетъ Херувимовъ и Серафимовъ. И не смотря на сіе, покоряется и Она закону смерти, хотя впрочемъ только по видимости; отходитъ и Она въ землю, хотя впрочемъ только на краткое время. Какъ могло быть сіе допущено? — Могло быть допущено по Ея смиренію, по которому Она не хотѣла бы пребыть совсѣмъ не причастною смерти, когда Пребожественный Сынъ Ея вкусилъ смерти; и дѣйствительно допущено, по устроенію Провидѣнія, для насъ, чада перстнаго Адама, не подвизающіяся преобразиться въ образъ Адама Небеснаго,—для насъ, чада согрѣшившаго, согрѣшающія и не очищающіяся, чтобы мы, взирая на гробъ Пречистыя Матери Живота, и обращаясь къ тому, что ниже Ея, со страхомъ помыслили, какъ вѣрно сужденіе Апостола, что и *праведникъ едва спасется*, и чтобы глубоко почувствовали силу слѣдующаго за симъ заключенія: *аще праведникъ едва спасется, нечестивый же и грѣшный гдѣ явится* (1 Петр. IV. 18.)?

Если и при благодатномъ обновленіи жизни, при высокой святости и чистотѣ, стрѣла смерти еще находитъ болѣе или менѣе уязвляемое мѣсто въ естествѣ человѣческомъ: то что будетъ съ человѣкомъ, который, не подвизаясь о благодатномъ обновленіи, безпечно живетъ въ растлѣнной природѣ? Что будетъ съ душею, которая грѣховными склонностями и страстями сама въ себя вводитъ стихіи адскія, и плодитъ въ себѣ сѣмена смерти духовной? Что будетъ съ тѣломъ, которое, при своемъ, уже природномъ, расположеніи къ тлѣнію, не только не получаетъ врачеванія отъ высшей силы, обновленной благодатію жизни, но еще пріемлетъ новыя злѣйшія сѣмена тлѣнія и смерти отъ порочной души, отъ ея разрушительныхъ страстей, отъ ея необузданныхъ похотей, отъ разныхъ видовъ невоздержанія и злоупотребленія чувственныхъ способностей?

Внимательно и нелѣностно да подвизаемся, братія, чтобы заповѣдями Божіими и силою вѣры исправлять, очищать и возвышать нашу дѣятельность, и отъ видимой жизни естественной восходить къ сокровенной жизни благодатной, да будетъ временная жизнь наша сроднымъ началомъ жизни вѣчной, да не будетъ временная смерть наша преддверіемъ смерти вѣчной, да будетъ гробъ нашъ дверію въ небо!

Обратимся паки къ разсматриванію Иконы. Вторая часть ея не такъ проста, какъ первая. Надъ смертнымъ одромъ и надъ бездыханнымъ тѣломъ Пресвятыя Дѣвы Икона представляетъ Самого Христа Спасителя, держащаго на рукахъ душу Ея, въ образѣ младенческомъ, знаменующемъ, безъ сомнѣнія, начатіе новое на небесахъ жизни. Писанія не говорятъ, чтобы сіе тѣлесными очами видѣли всѣ, бывшіе свидѣтелями успенія и погребенія Божіей Матери. Посему надлежитъ полагать, что составитель Иконы представилъ здѣсь видимымъ принадлежащее къ міру невидимому, и просто видимое соединилъ съ духовно созерцаемымъ. Изобразивъ тѣло Пресвятыя Дѣвы, оставленное душею Ея, онъ какъ бы предупреждалъ вопросъ: что въ сіе время происходило съ Ея душею? И въ отвѣтъ на сіе, изобразилъ видимо и Ея душу, носимую руками Ея Божественнаго Сына.

Здѣсь раждается новый немаловажный вопросъ: какую силу имѣетъ сіе изображеніе? Не есть ли это простое представленіе воображенія?—Нѣтъ.

Такъ думать было бы не сообразно съ достоинствомъ древней святой Иконы. Дерзость писать иконы по воображенію живописца есть порожденіе своеволія новѣйшихъ временъ. Древніе изображали на иконахъ то, что находили въ достойныхъ вѣры писаніяхъ или въ преданіи. И художникъ нашей Иконы, святый Петръ, безъ сомнѣнія, не былъ расположенъ писать на иконахъ мечты воображенія. Заключимъ не обинуясь, что его Икона представляетъ намъ не про-

извольный плодъ воображенія, но созерцаніе, согласное съ существомъ предмета.

Надобно ли, по церковному правилу осторожности, показать согласіе сего преданія съ Священнымъ Писаніемъ? — Для сего можно указать на слова Христовы: *бысть же умрети нищему, и несену быти Ангелы на лоно Авраамле* (Лук. XVI. 22.). То, что слова сіи принадлежатъ къ притчѣ, не должно быть поводомъ къ сомнѣнію о ихъ значеніи: потому что и приточныя лица изображаются чертами дѣйствительной природы. Какъ смерть и погребеніе богатаго суть черты дѣйствительной природы: такъ несеніе Ангелами умершаго нищаго, въ терпѣніи стяжавшаго душу свою, есть черта дѣйствительнаго созерцанія. Итакъ сличайте. Если Писаніе свидѣтельствуетъ, что души святыхъ человѣковъ, исходя отъ тѣла, чріемлются Ангелами: то не совершенно ли согласно съ симъ, преданіе, между прочимъ посредствомъ Иконы, свидѣтельствуетъ, что пресвятая душа Матери Господней, высшей Ангеловъ, исходя отъ тѣла, пріята была Самимъ Ея Божественнымъ Сыномъ? Ангелъ же, по другому преданію, посланъ былъ къ Ней еще прежде на землю, дабы предварить Ее о приближавшемся преставленіи; а потомъ соборъ Ангеловъ привѣтствовалъ Ее небесными пѣснопѣніями, которыхъ отголосокъ слышали достойные во время Ея погребенія.

Видите, какую многоразличную премудрость заключили въ иконномъ изображеніи богомудрые Отцы наши. Они представили намъ не только назидательное воспоминаніе прошедшаго видимаго, но и таинственное созерцаніе невидимаго въ области грядущаго вѣка.

Какое сладкое, хотя недосязаемо высокое созерцаніе! Какъ свѣтло сіяетъ въ немъ любовь Божественнаго Сына къ Богоблагодатной Матери! Какая точность небеснаго Судіи въ воздаяніи по дѣламъ земной жизни! Поелику Приснодѣва носила на рукахъ своихъ Сына Божія, во время Его земнаго младенчества: то, въ воздаяніе за сіе, Сынъ Божій носитъ Ея душу на рукахъ Своихъ, въ начаткѣ Ея небесной жизни.

Кто бы ты ни былъ, сострадникъ земной жизни, слушающій меня, скоро и твоей и моей душѣ,—не знаю, которой скорѣе, —только вѣрно скоро и твоей и моей душѣ отверзется невидимая область вѣка грядущаго. Подумали ль мы, что̀ тамъ насъ встрѣтитъ? Кто тамъ насъ пріиметъ? Удостоятъ ли Ангелы, подобно какъ душу Евангельскаго нищаго, и нашу бѣдную душу нести въ нѣкую обитель свѣта? Или ты о семъ не заботишься, и думаешь, что можешь обойдтись и безъ сей почести? Не обмани себя. Правда, что это есть почесть достойнымъ: но не есть ли это также и пособіе нуждающимся? Если на пути видимаго міра нужно намъ охраненіе и руководство Ангеловъ: то не паче ли при вступленіи въ безвѣстный и безпредѣльный міръ невидимый? Теперь тѣлесный міръ стоитъ предъ нами, какъ преграда, закрывающая отъ насъ свѣтлое царство небесное, но также отдѣляющая отъ насъ и мрачное царство адское; но и теперь, болѣе или менѣе, проникаютъ до насъ вліянія преисподней тмы, и тѣмъ болѣе благопотребны намъ вспомоществующія вліянія изъ царства свѣта: что̀ же будетъ, когда душа наша, отрѣшаясь отъ тѣла, переступитъ за преграду міра тѣлеснаго, и вступитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ міромъ духовнымъ? Не угрожаетъ ли ей открытое нападеніе темныхъ силъ, тогда какъ она не можетъ сказать о себѣ, какъ могъ сказать единъ Безгрѣшный: *грядетъ сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничесоже* (Іоан. XIV. 30.)? Блаженъ, кто, смотря за гробъ, имѣетъ довольно присутствія духа, чтобы сказать съ Давидомъ: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла; яко Ты со мною еси* (Пс. XXII. 4.),—Ты, свѣтъ міра и побѣдитель ада,—Ты, Который и сѣнь смертную просвѣщаешь сіяніемъ креста Своего, —Ты, Который *за всѣхъ вкусилъ смерти*, чтобы смерть поглощена была жизнію, —Ты, Который заповѣдуешь Ангеламъ Твоимъ живущихъ въ помощи Твоей сохранять во всѣхъ путяхъ видимыхъ и невидимыхъ, во времени и за предѣлами времени! Но чтобъ имѣть такое присутствіе духа, для сего надобно, чтобы точно былъ съ нами Христосъ, въ нашей вѣрѣ, въ нашей люб-

ви, въ нашей дѣятельности по Его волѣ и заповѣдямъ.

У пророка Исаіи, *сія глаголетъ Господь: блаженъ, иже имѣетъ племя въ Сіонѣ, и южики во Іерусалимѣ* (XXXI. 9.). Если сіе изреченіе имѣетъ силу значенія въ отношеніи къ Іерусалиму земному и народу іудейскому: то несравненно большую въ отношеніи къ духовному Израилю и небесному Іерусалиму. Іудей, если не можетъ прійдти въ земномъ Іерусалимѣ въ домъ сродника, можетъ найдти тамъ для себя гостинницу, и за деньги получить то, чего не можетъ имѣть по родственной пріязни. Но въ небесномъ Іерусалимѣ нѣтъ наемныхъ жилищъ, ни денегъ, ни купли, ни продажи. Или прійди туда, какъ единоплеменникъ и сродникъ, или не будешь тамъ принятъ.—Но развѣ можемъ мы сдѣлаться сродниками небеснымъ гражданамъ, которыхъ большею частію даже и не знаемъ? —Можемъ сдѣлаться сродниками не только гражданамъ небеснымъ, но и самому Царю ихъ. Читайте въ Евангеліи давно готовую грамату Его для всѣхъ васъ на сіе высокое родство. *Мати Моя и братія Моя сіи суть, слышащіи слово Божіе, и творящіи е* (Лук. VIII. 21). Итакъ будьте, братія, прилѣжны къ слушанію слова Божія, особенно глаголющаго въ Церкви, будуте дѣятельны и вѣрны въ исполненіи Хрістовыхъ заповѣдей; и вы войдете въ родство небесное, будете *имѣть племя въ* горнемъ *Сіонѣ, и южики въ* нерукотворенномъ *Іерусалимѣ*, будете еще на земли, по слову Апостольскому, *сожителе святымъ и приснім Богу* (Ефес. II. 19), а наконецъ, они пріймутъ васъ и въ вѣчные кровы небесные, въ причастіе блаженства, и въ созерцаніе славы Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

---

19. СЛОВО

Въ день Знаменія Пресвятыя Богородицы.

И воздохнувъ духомъ Своимъ глагола: что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе. Мар. VIII. 12.

Роду Іудейскому, невѣрному и развращенному, Господь угрожаетъ, что не дастся ему знаменіе. А мы, Христіане, родъ избранный, не должны ли уповать напротивъ, что дастся намъ знаменіе во благо и во спасеніе?

Да! Было время, когда Христіане обильно сѣяли не въ землю и въ плоть, но въ духъ и въ небо; и соотвѣтственно съ тѣмъ въ обиліи получали плоды духовные и небесные: сѣяли вѣру, и пожинали знаменія и чудеса, благотворныя и спасительныя, питающія и укрѣпляющія духъ для жизни вѣчной. И взаимно Богъ сѣялъ съ небесъ знаменія и чудеса; и они приносили на земли, между человѣками, плоды покаянія, исправленія, вѣры, надежды, благодаренія Богу, добродѣтелей всякаго рода. Богъ не рѣдко творилъ чудеса, не только чрезъ святыхъ человѣковъ, но и чрезъ святыя знаменія, или чрезъ видимые знаки и воспоминательные образы святыни, какъ то, чрезъ чистыя тѣлеса Святыхъ, чрезъ святыя иконы: и творилъ Онъ чудеса столь очевидно и торжественно, что Церковь торжественному воспоминанію нѣкоторыхъ чудесъ или чудодѣйственныхъ знаменій особенные дни посвятила.

А нынѣ, уже не по воспоминаніямъ ли только извѣстны намъ знаменія? Не ищемъ ли мы оныхъ, какъ рѣдкости? Не тщетно ли оныхъ ищемъ?

Итакъ не опять ли сѣтуетъ Господь на родъ сей? Не опять ли съ грозною рѣшительностію отказываетъ въ знаменіи? *Что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе.*

Замѣчаніе, что мы не видимъ нынѣ чудесъ, такъ обыкновенно, и столь разными, не рѣдко странными, сопровождается сужденіями, что не безполезно размыслить, отъ чего мы нынѣ чудесъ не видимъ.

Нѣкоторые говорятъ рѣшительно, что мы не видимъ чудесъ, поелику ихъ нѣтъ, да и быть имъ въ наше время не должно. Ибо чудеса употреблены Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры: и потому, когда вѣра довольно

распространена, и утверждена безопасно, то и чудеса для нея сдѣлались не нужными.

Соглашаюсь, если угодно, съ сими умствователями, что чудеса употребляются Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры. Но должно ли заключить изъ сего, что чудеса уже не нужны въ наше время, предоставляю разсудить безпристрастнымъ. Если есть невѣрующіе: то не излишни средства для распространенія вѣры. Если есть враждующіе противъ вѣры, силящіеся поколебать ее: то не излишни средства для утвержденія вѣры. Но какъ невѣрующіе и враждующіе противъ вѣры, къ прискорбію и къ опасности вѣрующихъ, дѣйствительно въ наше время есть, и даже въ самомъ нѣдрѣ видимаго Христіанства, какъ змія въ пазухѣ: то должно ли, повторяю, заключить, что чудеса, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры, въ наше время уже не нужны?

Но, чтобы не угождать самонадѣяннымъ умствователямъ съ оскорбленіемъ истины, изслѣдуемъ ихъ мысль, что чудеса употребляются Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры. Есть чудеса, которыя очевидно направлены къ распространенію вѣры. Таково, напримѣръ, *дарованіе языковъ*, или чудесно сопествіемъ Святаго Духа дарованная Апостоламъ способность говорить неизвѣстными имъ дотолѣ языками. Очевидно, что намѣреніе сего чуда было, дать всѣмъ народамъ ближайшую удобность услышать ученіе вѣры. Исторія Христіанства показываетъ, что дарованіе языковъ сильно дѣйствовало въ началѣ Христіанства, что посредствомъ онаго вѣра съ скоростію молніи проникла во всѣ народы міра; но что вскорѣ, когда каждый принявшій вѣру народъ началъ имѣть въ себѣ знающихъ ея ученіе, и могущихъ сообщать оное на природномъ языкѣ, при пособіи обыкновеннаго изученія языковъ, на которыхъ писали человѣки Божіи, чудесное дарованіе языковъ скрылось. Въ семъ случаѣ не безъ основанія утверждать можно, что чудо прекратилось, какъ уже не нужное. Но есть другія чудеса, которыя не столь тѣсно связаны съ распространеніемъ вѣры; которыя и тамъ, гдѣ вѣра уже распространена и утверждена, могутъ быть употреблены во благо и спасеніе человѣковъ. Таково, напримѣръ, дарованіе исцѣленій, или чудесная способность исцѣлять отъ болѣзней молитвою, словомъ, возложеніемъ рукъ, и при посредствѣ нѣкоторыхъ другихъ знаменій. Для чего Царь Езекія поднятъ со смертнаго одра чрезъ Пророка Исаію, и возвращенъ къ жизни на пятнадцать лѣтъ? Для того ли, чтобы слава о семъ знаменіи вѣры дошла до невѣрнаго Вавилона, и привлекла оттуда сколько ласкательное, столько же опасное посольство, которое ввело Царя въ искушеніе тщеславія, и было случаемъ къ предсказанію странныхъ событій? Не о семъ молился и плакалъ Езекія. *Господи*, взывалъ онъ, *помяни, яко истиною ходихъ предъ Тобою, и сердцемъ совершеннымъ, и угодная предъ очима Твоима сотворихъ*. И Богъ ему отвѣтствовалъ чрезъ Пророка: *услышахъ молитву твою, и видѣхъ слезы твоя: се Азъ исцѣлю тя* (4 Цар. XX. 3. 5.). Итакъ сіе знаменіе было со стороны Божіей дѣло неизреченнаго человѣколюбія и крайняго снисхожденія, въ отношеніи къ Езекіи награда вѣры и добродѣтели; для другихъ вѣрующихъ, но немощныхъ въ вѣрѣ, побужденіе къ крѣпкой вѣрѣ и упованію на Бога. Почему и Самъ Іисусъ Христосъ воскресилъ сына вдовицы Наинской? Евангелистъ не показываетъ иной сему причины, кромѣ той, что Господь сжалился надъ вдовицею. *Видѣвъ ю Господь, милосердова о ней* (Лук. VII. 13.). Когда могутъ быть излишними такія чудеса, по такимъ побужденіямъ, для такихъ цѣлей? Когда Апостолъ Іаковъ, предписавъ *болящему призывать пресвитеры церковныя, да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне*, присовокупляетъ обѣщаніе, что *молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь* (Іак. V. 14. 15.): что сіе значитъ, какъ не то, что онъ увѣковѣчиваетъ въ Церкви Христовой дарованіе исцѣленій, данное отъ Господа въ началѣ Апостоламъ? На время ли и Самъ Господь далъ вѣрующимъ сей законъ и сіе право: *вѣрующій въ Мя дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV. 12.)? *Вѣрующій—сотворитъ*: слѣдственно, доко-

лѣ есть на земли вѣрующіе, дотолѣ должны быть творящіе дѣла Христовы, *и больша сихъ*, а въ числѣ сихъ великихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, заключаются и знаменія или чудодѣйствія. Скажемъ еще свободнѣе: какъ всегда есть Богъ, такъ всегда есть и чудеса: ибо какъ всегда Богъ существуетъ, такъ всегда же и дѣйствуетъ; если Онъ дѣйствуетъ, то очевидно есть дѣла Божіи; дѣла собственно Божіи суть чудеса. *Ты еси Богъ творяй чудеса* (Псал. LXXIV. 15.)! Тщетно дерзновенное мудрованіе твари хочетъ похитить у Тебя сіе вѣчное преимущество и выраженіе Творческаго всемогущества. *Ты еси Богъ творяй чудеса!*

Но если посему и нынѣ можно и должно быть чудесамъ, отъ чего же мы ихъ не видимъ? Не станемъ изъяснять сего догадками, которыя обманчивы. Посовѣтуемся съ опытами, которые вѣрны.

Въ то время, которое всѣ называютъ временемъ знаменій и чудесъ, во время земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, видѣли ль знаменія? Были ль чудеса? Вы можете смѣяться надъ сими вопросами. Но спросите Фарисеевъ того времени, спросите вообще людей рода того: видѣли ль они знаменія? Были ль тогда чудеса? — Не видали; не было. Такъ по необходимости должно имъ отвѣтствовать. Ибо, если бы они видѣли знаменія: то на что бы имъ *искать знаменія*, и симъ исканіемъ *искушать Господа*, какъ они сіе дѣлали: *изыдоша Фарисеи, и начаша стязатися съ Нимъ, ищуще отъ Него знаменія съ небеси, искушающе Его* (Марк. VIII. 11.)? Если не удостовѣряетъ васъ притворное исканіе Фарисейское: пусть удостовѣритъ васъ непритворный отказъ Іисусовъ. *Что*, глаголетъ Онъ, *что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе.* Если Онъ сказалъ, что не дастся чуда роду тому: то вѣрно такъ и сдѣлалъ, и потому не было чуда для рода того.

Что глаголеши, Господи? Какъ *не дастся роду сему знаменіе?* Не далъ ли Ты ему безчисленныхъ Божественныхъ знаменій? Не слышими ли, какъ исповѣдуетъ ихъ единъ отъ рода: *никтоже можетъ знаменій сихъ творити, яже Ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. III. 2.)? И что же, какъ не знаменія и чудеса, указуешь Самъ Ты ученикамъ Іоанновымъ: *слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, и глусіи слышатъ: мертвіи востаютъ, и нищіи благовѣствуютъ* (Матѳ. XI. 5.)?

Что же все сіе значитъ? Мы думали разрѣшить вопросъ примѣромъ; но въ семъ примѣрѣ нашли новый мысленный узелъ. Видятъ знаменія и чудеса Христовы, и не видятъ ихъ; онѣ есть, и нѣтъ ихъ. Найдемъ концы сего узла: и все развяжется. Никодимъ видитъ чудеса Христовы. Фарисеи не видятъ ихъ. Немногимъ ученикамъ Іоанновымъ даетъ Господь многія знаменія: но роду тому или ни одного, или одно *знаменіе Іоны Пророка*, то есть, Свою крестную смерть и воскресеніе. Не трудно изъ сего усмотрѣть, что такъ должно быть и во всѣ времена. Для вѣрующихъ есть знаменія и чудеса, и они видятъ ихъ: для невѣрующихъ частію не даются знаменія, частію и совершающихся чудесъ они не видятъ, какъ-бы ихъ не было.

Одна изъ причинъ, по которымъ чудеса бываютъ невидимы, находится въ самихъ Чудотворцахъ. Истинные Чудотворцы не любятъ показывать чудеса свои. Самъ Іисусъ Христосъ, Глава и совершеннѣйшій образъ чудотворцевъ, Который для того и пришелъ на землю, чтобы чрезъ Него человѣки познали спасительно чудодѣйствующую силу Божію, Который, дѣйствуя открыто для славы Божіей, не имѣлъ нужды остерегаться искушенія славы человѣческой, имѣя противъ сего искушенія силу и славу Божественную, — и Онъ однако не столько, по видимому, открывалъ, сколько сокрывалъ Свою чудодѣйственную силу. Кромѣ торжественно-обѣщаннаго и даннаго всему роду тому, или и всѣмъ родамъ и народамъ *знаменія Іоны Пророка*, то есть, чуда смерти и воскресенія Христова, которое необходимо нужно было поставить въ свѣтѣ и славѣ, какъ солнце на тверди чудесъ, и кромѣ немногихъ еще знаменій, каковы на примѣръ, воскрешеніе Лазаря и небесный гласъ надъ Сыномъ Божіимъ, прославляющій въ Немъ имя Божіе, въ которыхъ видна открытая торжествен-

ность чудодѣйствія, — большая часть чудесъ Хрістовыхъ совершена не только безъ усилія огласить оныя, но и съ нѣкоторымъ стараніемъ скрыть оныя. Исцѣливъ прокаженнаго: и тотчасъ *глагола ему Іисусъ: виждь, никому же повѣждь* (Матѳ. VIII. 4.). Воскресивъ дщерь Іаира, и когда родители дивились, и готовы были прославлять Его, — *Онъ же повелѣ има никому же повѣдати бывшаго* (Лук. VIII. 56.). Преобразился на Ѳаворѣ во славѣ, предъ тремя только избранными учениками: но и симъ *сходящимъ съ горы заповѣда Іисусъ глаголя: никому же повѣдите видѣнія, дондеже Сынъ человѣческій изъ мертвыхъ воскреснетъ* (Матѳ. XVII. 9.). Для чего такая скрытность?—Для того, чтобъ, по Его притчѣ, *не метать бисера предъ свиніями* (Матѳ. VII. 6.), чтобы святыя дѣла Божіи не были оскорблены нечистыми и хульными устами грѣшниковъ или попраны презрѣніемъ невѣждъ;—для того, чтобы дѣйствію тайны, глаголанной ко уху, не повредить преждевременнымъ проповѣданіемъ на кровѣхъ;—для того, чтобы намъ оставить образъ, не вдаваться славѣ человѣческой, опасной для добродѣтели. Сей премудрой и святой скрытности чудодѣйствующаго Богочеловѣка, и по долгу, и по страху искушенія, послѣдуютъ всѣ чудодѣйствующіе человѣки, во всѣ времена, во всемъ мірѣ. Укажемъ на домашній примѣръ: пока жилъ Преподобный Сергій, хотя по нѣкоторымъ его дѣйствіямъ не укрылась въ немъ чудодѣйственная сила, но его важнѣйшее чудодѣйствіе, — воскрешеніе отрока, закрыто было строгою заповѣдію отцу воскрешеннаго.

Другая причина, по которой чудеса не только не бываютъ видимы, но и совсѣмъ не совершаются, есть невѣріе, или маловѣріе—или тѣхъ, которымъ надлежало бы совершать оныя, или тѣхъ, для которыхъ бы они совершались, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Сказано, что *вся возможна вѣрующему* (Марк. IX. 23.): чрезъ сіе сказано и то, что маловѣрному мало возможно, а невѣрующему не возможно ничего такого, для чего нужна мощь, высшая человѣческой. Однажды Апостолы не могли изгнать бѣса. *Почто мы не возмогохомъ изгнати его?* вопрошали они Господа. *Іисусъ же рече имъ: за невѣрствіе ваше* (Матѳ. XVII. 19. 20.). Но, что еще удивительнѣе, и Всесильный Господь Іисусъ, пришелъ нѣкогда во отечествіе Свое, *не сотвори ту силъ многихъ, за невѣрство ихъ* (Матѳ. XIII. 58.). Не ужели и всемогущество изнемогаетъ противъ невѣрія? Нѣтъ! Оно всегда остается всемогуществомъ: но или ожесточенное сердце не пріемлетъ благодатной силы, подобно какъ грубый, неблагородный камень не пріемлетъ въ себя свѣта; или святая сила, по милосердой предосторожности, не прикасается къ недостойному, какъ огнь—къ соломѣ, чтобы она въ немъ не исчезла.

Сіи общія разсужденія о чудесахъ обратите, если угодно, въ особенности на наше время, и на себя самихъ.

Отъ чего мы не видимъ чудесъ?—Кто можетъ, пусть отвѣтствуетъ иначе: а мнѣ кажется, что мы по необходимости приведены къ сему отвѣту: не видимъ чудесъ, или рѣдко видимъ ихъ, или потому, что они скрываются отъ насъ, какъ недостойныхъ довѣренности, или потому, что и не совершаются по нашему невѣрію или маловѣрію.

Какъ чудодѣйствовать надъ нами молитвѣ, когда молитва наша и краткая, и хладная, и невнимательна, и не столько по вѣрѣ и сыновней любви къ Богу, сколько по нѣкоторой невольной покорности закону Его приносится?

Какъ чудодѣйствовать надъ нами слову духовному, когда сердце наше, какъ одичавшая нива плевелами, тѣсно засѣяно и зарощено словами суеты, желаніями плоти, помыслами беззаконія?

Какъ чудодѣйствовать надъ нами таинствамъ, если мы приступаемъ къ нимъ только по неизбѣжной необходимости, безъ тщательнаго предварительнаго очищенія, безъ пламеннаго стремленія къ соединенію съ Богомъ? Апостолъ Павелъ, обличая Коринѳянъ въ недостойномъ причащеніи тѣла и крови Хрістовы, заключаетъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпаютъ довольни* (1 Кор. XI. 30.), то есть, многіе поражаются внезапною смертію за оскорбленіе святыни. Мнѣ ка-

жется, для многихъ изъ насъ и то уже есть чудо милосердія Божія, если въ подобныхъ случаяхъ подобныя казни насъ не постигаютъ.

Прибѣгнемъ, братія, къ чудодѣйствующему непрестанно во спасеніе наше Господу, и каждый о всѣхъ, и всѣ о каждомъ, воззовемъ къ Нему со Апостолами: *Господи, приложи намъ вѣру* (Лук. XVII. 5.). И потомъ уже съ Давидомъ: *сотвори со мною знаменіе во благо: и да видятъ ненавидящіи мя, и постыдятся, яко Ты, Господи, помогль ми и утѣшилъ мя еси* (Псал. LXXXV. 17.). Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

СЛОВА

НА ДНИ СВЯТЫХЪ.

СЛОВА

НА ДНИ СВЯТЫХЪ.

1. СЛОВО

Въ день Алексія Митрополита, и въ недѣлю сыропустную, говоренное въ Каѳедральномъ Чудовъ монастырѣ, Февраля 12 дня, 1822 года.

Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ: и по Мнѣ грядутъ, и Азъ животъ вѣчный даму имъ. Іоан. X. 27. 28.

Въ сихъ словахъ Іисусъ Христосъ, истинный Пастырь и Посѣтитель душъ, и Образъ всѣхъ духовныхъ пастырей, изображая Себя и Своихъ овецъ, даетъ наставленіе всѣмъ намъ, каковъ долженъ быть Пастырь для своихъ овецъ, и въ какомъ союзѣ должны быть овцы съ своимъ Пастыремъ. *Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ: и по Мнѣ грядутъ, и Азъ животъ вѣчный даму имъ.*

Какъ радостно видѣть теперь, — и Пастыря по сему образу, и овецъ въ семъ союзѣ съ Пастыремъ! Христоподобный Пастырь, Святитель Алексій, конечно, зналъ и знаетъ овецъ сего словеснаго стада, и его духовную потребность, и вѣрность его послушанія, когда предоставилъ и предоставляетъ ему донынѣ сей безцѣнный залогъ, — свои священные останки; конечно желалъ и желаетъ намъ жизни вѣчной, когда въ самомъ гробѣ своемъ открылъ и не престаетъ открывать источникъ благодатныхъ исцѣленій и надежду вѣчной жизни. Се, и новыя овцы древняго стада его, сколь ни давно уже онъ безмолвствуетъ, еще слушаютъ гласа его; хотя онъ здѣсь—покоится на ложѣ своемъ, а тамъ далеко шествуетъ въ небесахъ, еще приходятъ лобызать слѣды его. О, если бы всѣ овцы сего великаго стада таковы были къ Пастырю своему, каковы предстоящія теперь въ сей священной оградѣ! О, если бы предстоящіе здѣсь, каковы въ сей торжественный часъ, таковы были во всю жизнь свою, во-первыхъ къ Пастыреначальнику Іисусу Христу, а по

Немъ и ко всякому отъ Него поставленному Пастырю!

Можетъ быть на сіе скажутъ: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. IV. 23.)! Пріемлю совѣтъ; признаю немощь; желаю уврачеванія; пищу врачевства во врачебномъ хранилищѣ слова Хрістова, и, какъ извѣстно, что и поставленные врачевать другихъ не могутъ врачевать сами себя, избираю врачемъ Богоносного Алексія, дабы его рукою, то есть, посредствомъ его предстательства и его примѣра, почерпнуть изъ слова Хрістова духъ и силу Пастыря.

Азъ знаю ихъ, говоритъ Іисусъ Хрістосъ объ овцахъ Своихъ. И такъ свойство истиннаго Пастыря есть знать своихъ овецъ; или, если совершенное знаніе принадлежитъ токмо испытующему сердца Іисусу, (Который потому и есть *единый Пастырь* (Іоан. X. 16.), кого пастырства отчасти причащаются всѣ пастыри), по крайней мѣрѣ истинный Пастырь, по образу Хрістову, долженъ употреблять всѣ возможныя усилія, чтобы знать своихъ овецъ и внутреннее ихъ состояніе. Подлинно, сіе необходимо. Если Пастырь не знаетъ своихъ овецъ: онъ, можетъ быть, вздумаетъ преслѣдовать чужихъ—суетный трудъ, и оставитъ своихъ—погибель! Если онъ не знаетъ особеннаго состоянія нѣкоторыхъ изъ нихъ: статься можетъ, что новорожденнымъ, вмѣсто *словеснаго нелестнаго млека, отъ котораго бы онъ расли во спасеніе* (1 Пет. II. 2.), онъ предложитъ *твердую пищу* (Евр. V. 14.), а крѣпкихъ захочетъ питать млекомъ; удалитъ отъ воды жаждущихъ; простретъ жезлъ на немощныхъ; не дастъ покоя имѣющимъ во чревѣ. Кажется, притча ясна, истина очевидна; не нужно изъясняться о семъ болѣе, для тѣхъ, которымъ должно разумѣть всѣ притчи.

Пастырю Алексіе! Какъ ты зналъ овецъ дарованныхъ, и даже издалеча проразумѣвалъ даруемыхъ тебѣ отъ Пастыреначальника, особенно дивнымъ образомъ открылось въ совершившемся тобою исцѣленіи Агарянскія царицы. Предпріемля для сего путь въ страну, омраченную зловѣріемъ, воистинну ты былъ Евангельскій Пастырь, оставившій девятьдесять и девять овецъ, и шедшій искать заблужденія. Кто могъ думать, что исканіе сіе будетъ не тщетно? Кто, кромѣ живущаго въ тебѣ Духа Божія, могъ предвозвѣстить тебѣ, что сія новая Сирофиникіянка, по вѣрѣ, отъ нея неожиданной, способна получить отъ Хріста, еже хощетъ? Онъ вѣрно предвозвѣстилъ тебѣ сіе; и мы можемъ думать, что, отверзши ей чудеснымъ образомъ очи тѣлесныя, ты бросилъ ей въ сердце и нѣкія искры свѣта духовнаго, и превратилъ козлище въ агницу.

Но мы, пасущіе тамъ, гдѣ ты послѣ пастырскаго подвига почиваешь, какъ мало ревнуемъ о духовномъ дарованіи прозорливости! Такъ мало, что нѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, и не почитаютъ ее потребностію своего званія. Нѣкоторые изъ насъ, къ сожалѣнію, не имѣютъ, и, къ осужденію своему, не стараются имѣть даже обыкновеннаго познанія о внутреннемъ состояніи овецъ, имъ ввѣренныхъ. По слабому понятію о своемъ званіи, нѣкоторые почти все дѣло пастыря ограничиваютъ свирѣніемъ на свирѣли, предками настроенной; другіе превозносятъ искусство гласа и слова; иные полагаются на крѣпость жезла: или, сказать безъ притчи, одни думаютъ, что все дѣло священника состоитъ въ священнослуженіи по древнему чиноположенію; другіе выше всего поставляютъ искусственную проповѣдь; иные надѣются спасти духовное стадо свое одною властію вязать и рѣшить, какъ бы ни была она употребляема. Необходимо и спасительно все, и священнослуженіе, и проповѣдь, и власть вязать и рѣшить: но все сіе требуетъ мудрыхъ рукъ и разсудительнаго употребленія, и не то или другое по случаю, но все совокупно и въ порядкѣ приводитъ ко спасенію. Что, если мы только свираемъ, а овцы требуютъ пищи; если мы хотимъ дать имъ пищу въ словѣ нашемъ, но съ трапезы нашей сыплются только сухія плевы, или цвѣты, увеселяющіе, но не питающіе; если мы угрожаемъ жезломъ, гдѣ надлежало бы утѣшать, или разрѣшаемъ, гдѣ надлежало бы устрашить вѣчными узами? — Пастырю истинный! пріими сіе исповѣданіе недостатковъ нашихъ; научи насъ примѣромъ Твоимъ *разумнѣ разумѣвать души стада нашего* (Прит. XXVII. 23.), и ходатай-

ствуй о насъ предъ Пастыреначальникомъ, да даруетъ намъ и ревность и искусство, знать овецъ, отъ Него намъ ввѣренныхъ, дабы мы узѣли и *изнемогшее подъять, и болящее уврачевать, и сокрушенное обязать, и заблуждающее обратить, и погибшее взыскать* (Іезек. XXXIV. 4.), Его спасительною благодатію.

Азъ животъ вѣчный даму имъ, говоритъ еще Пастыреначальникъ объ овцахъ Своихъ. Очевидно, что сего не можетъ сказать никто, кромѣ Его: ибо единъ Онъ *имѣетъ ключи ада и смерти* (Апок. I. 18.). Но какъ Онъ во всякомъ дѣлѣ, которое совершилъ, и во всякомъ словѣ, которое произнесъ на земли, *даетъ намъ образъ, да якоже Онъ творилъ, и мы творимъ* (Іоан. XII. 15.), по мѣрѣ даруемой отъ Него благодати и ввѣряемаго намъ служенія: то и въ семъ случаѣ, когда Онъ открываетъ въ Себѣ свойство добраго Пастыря, дающаго вѣчную жизнь овцамъ Своимъ, чрезъ сіе самое Онъ поучаетъ насъ, и заповѣдуетъ намъ, для ввѣренныхъ отъ Него словесныхъ овецъ не имѣть инаго намѣренія, какъ пріобрѣтеніе имъ вѣчной жизни. Сія мысль должна воспламенять наши молитвы, одушевлять слова, управлять поступками. Сію цѣль должно намъ имѣть въ виду, во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ къ словеснымъ овцамъ, учимъ ли во храмѣ, бесѣдуемъ ли въ домѣ, утѣшаемъ ли въ скорби, разрѣшаемъ ли отъ грѣховъ, даже связуемъ ли, — и въ семъ послѣднемъ случаѣ, угрожая вѣчною смертію, мы должны имѣть въ намѣреніи вѣчную жизнь, дабы и стоящихъ на краю погибели *страхомъ спасти отъ огня восхищающе* (Іуд. I. 23.).

Такъ ли ходимъ мы въ служеніи пастырскомъ? Сюда ли точно устремлены всѣ наши мысли и желанія? *Приставили ль* мы, по изреченію Соломона, *сердце наше ко стаду нашему* (Прит. XXVII. 23.)? Стараемся ли непрестанно умножать силу духа, дабы отъ себя и другихъ отрѣвать прахъ суеты, возметаемый вихремъ легкомыслія, и разгонять облако житейскихъ попеченій, коими закрывается отъ очей міра свѣтъ жизни духовной и вѣчной? Не случается ли напротивъ, что нѣкоторые изъ насъ, занимаясь менѣе важными дѣлами пастырскаго служенія, и то не съ довольнымъ вниманіемъ, теряютъ изъ вида великую послѣднюю цѣль онаго? Обезпечивая себя мыслію, что Даталь жизни вѣчной есть единый Пастыреначальникъ, равнодушно смотрятъ на то, живутъ ли ввѣренныя имъ овцы жизнію благодати, заражены ли болѣзнію грѣха, или совсѣмъ духовно умираютъ. Были нѣкогда и такіе пастыри, которыхъ въ исканіи одной собственной корысти, вмѣсто спасенія овецъ, обличилъ Самъ Пастыреначальникъ: *се млеко ядите, и волною одѣвается, и тучное закалаете, а овецъ Моихъ не пасете. Пасоша пастыри самихъ себе, а овецъ Моихъ не пасоша. Се Азъ на пастыри* (Іез. XXXIV. 3. 8. 10.)! О, если бы мы могли быть увѣрены, что не встрѣтимъ болѣе столь невѣрныхъ пастырей, *непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе* (1 Тим. VI. 5.), осужденныхъ Пастыреначальникомъ!

Добрый и вѣрный Пастырю Алексіе! Сохрани насъ молитвами твоими отъ опаснаго небреженія и пагубной невѣрности предъ Пастыреначальникомъ. *Да подвизаемся*, по Апостолу, *добрымъ подвигомъ вѣры, да емлемся за вѣчную жизнь, въ нюже и званы есмы* (1 Тим. VI. 12.). *Никтоже*, и наипаче никто изъ пастырей, *своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. X. 24.). *Да сокровиществуемъ себѣ*, и другимъ, *основаніе добро въ будущее, да вси пріимемъ вѣчную жизнь* (1 Тим. VI. 19.).

Но тогда, какъ я врачую себя, когда у ногъ Богоноснаго Пастыря поучаюсь обязанности Пастыря,—въ сей самый часъ я останусь виновнымъ противъ сей обязанности, если и для сего словеснаго стада не пощу слова исцѣленія и жизни. Благослови, Пастырю нашъ, и для овецъ твоихъ воспріятъ слово Пастыреначальника; чрезъ тебя же да изыдетъ въ нихъ сила благовѣстія.

Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, говоритъ Іисусъ Христосъ. И такъ свойство истинныхъ овецъ есть слушать своего Пастыря. Подлинно, если овцы не будутъ слушать Пастыря, сіе будетъ то же, какъ бы совсѣмъ не было надъ ними Пастыря. Оглашаетъ ли онъ звукомъ сви-

рѣли, взываетъ ли гласомъ устъ, возноситъ ли жезлъ, все сіе не принесетъ пользы и спасенія овцамъ, если онѣ, удалясь, не видятъ и не слышатъ, или упорствуя, не слушаютъ, или не бывъ пріучены, не внимаютъ. Овца, не слушающая пастыря, есть вѣрная добыча хищнаго звѣря. Разрѣшимъ притчу. Христіане суть овцы пажити Христовой; Пастырь, котораго должны они слушать, первоначально и существенно есть Самъ Іисусъ Христосъ, а по Немъ и тѣ, кто бы ни были они, которые видимо представляютъ Его невидимое пастырство, и дѣйствуютъ ввѣренною отъ Него властію; ибо *Онъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *далъ есть* Церкви *пастыри и учители, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія* (Ефес. IV. 11. 12.); и чтобы узнавали данныхъ отъ Него, Онъ поставилъ признакъ: *входяй дверьми, пастырь есть овцамъ* (Іоан. X. 2.), то есть, вступающій въ сіе служеніе посредствомъ благодатнаго избранія; и чтобы сихъ служебныхъ пастырей слушали, какъ-бы Самого верховнаго, Онъ провозгласилъ, что слушать ихъ и Его есть едино: *слушаяй васъ Мене слушаетъ* (Лук. X. 16.). Дворъ овчій и духовная пажить, гдѣ слышимъ гласъ Пастыря, гдѣ пища и спасеніе овецъ, есть Церковь. Гласъ Пастыря есть молитва, ученіе, тайнодѣйствіе, управленіе, совѣтъ душенолезный. Если люди, называющіе себя Христіанами, оставивъ Церковь, блуждаютъ по дебрямъ расколовъ, *влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Ефес. IV. 14.); если вмѣсто истиннаго Пастыря, входящаго дверьми, слушаютъ *прелазящихъ инудѣ* (Іоан. X. 1.), которые по суду Пастыреначальника, *татіе суть и разбойницы*; или если, и не отлучаясь отъ Церкви явно, не прилѣпляются однако же къ ней искреннимъ, послушнымъ сердцемъ; не радятъ слушать Пастыря молящагося, учащаго, тайнодѣйствующаго; не ищутъ духовнаго совѣта; мечтаютъ, по невѣжеству и гордости, что они сами себя могутъ пасти и спасти: таковые, и подобные имъ, поелику не слушаютъ истиннаго Пастыря, то и не суть истинныя овцы; уклоняясь отъ послушанія спасительному гласу Пастыреначальника, они непримѣтно идутъ на встрѣчу льву, который *рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V. 8.).

Сего ради, вы, предстоящіе здѣсь, въ священной оградѣ Пастыреначальника Христа, и избраннаго Пастыря Его Алексія! если, какъ самое присутствіе ваше свидѣтельствуетъ, сохраняете себя отъ болѣзни невниманія и непослушанія; какъ предохранительное врачебное средство, пріимите слово Пастыреначальника: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ*, дабы воспоминаніемъ о семъ словѣ всегда возобновлялось и усиливалось ваше къ Нему сердечное вниманіе и послушаніе, и дабы шумъ и соблазны міра не увлекли иноуды вашего сердца и помышленій. А тѣмъ, которыхъ душевное вниманіе отвлечено отъ Христа соблазнами, заглушено шумомъ суетъ, удалено заблужденіями, разсѣяно по прелестямъ міра и плоти, понесите отсюда, какъ врачевство противъ сей болѣзни духа, сіе слово Христово: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ*. Да познаютъ они гласъ истиннаго Пастыря своего, и да возвратятся къ Нему раскаяніемъ и твердымъ намѣреніемъ слушать Его неуклонно.

Слушать неуклонно! Ибо, глаголетъ Пастыреначальникъ, *овцы Моя* не только *слушаютъ гласа Моего*, но и по *Мнѣ грядутъ*. Для чего иначе и слушать овцамъ пастыря, если не для того, чтобы неуклонно послѣдовать его водительству? Слушать пастыря есть начало послушанія, но и то не всегда; ибо иногда слышатъ пастыря и хищные звѣри, но сіе не дѣлаетъ ихъ овцами: совершенное же послушаніе есть вѣрно послѣдовать слышанному. Спасительный гласъ указуетъ спасеніе; услышавъ его, мы еще не спасены: только тогда, когда твердыми стопами пойдемъ на сей гласъ, мы достигаемъ спасенія. И потому, слышишь ли пастыря молящагося: не слушай только, но молись и ты; изъ дома молитвы приноси духъ молитвы и въ твой домъ, и освящай имъ тайную храмину твою. Слышишь ли пастыря учащаго: не слушай только, но и слагай глаголы его въ сердцѣ твоемъ; и какъ овцы, послѣ того, какъ примутъ ши-

щу свою, отрыгаютъ ее изнутри, и повтореннымъ жваніемъ совершеннѣе приготовляютъ ее, дабы она превратилась въ ихъ плоть и кровь; такъ и ты, послѣ того, какъ пріемлешь пищу слышимаго слова, отрыгни ее паки отъ сердца твоего, и прилѣжнымъ размышленіемъ о слышанномъ преврати оное себѣ въ плоть и кровь, или лучше сказать, въ духъ и жизнь, и, въ крѣпости духовной яди сей, твори дѣла не мертвыя и плотскія, но живыя и духовныя. Сіе заповѣдывалъ и древній строгій законъ, которымъ пасомъ былъ Израиль, когда провозглашалъ о заповѣдяхъ: *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Левит. XVIII. 5.). Къ сему призываетъ и свободный законъ Евангельскій: *приникій въ законъ совершенъ свободы, и пребывъ, сей не слышатель забытливъ бывъ, но творецъ дѣла, сей блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ* (Іак. I. 25.).

И въ семъ-то, слушатели, нужно и намъ, которые мнимся быть послушными, прилѣжно себя испытывать, не забытливые ли мы слушатели, по выраженію Апостола, *прельщающіе себя самихъ* (Іак. I. 22.). Чего въ семъ случаѣ не можемъ опасаться мы, недостойные служители слова, когда, непосредственно Богомъ руководимый въ словѣ, Пророкъ испыталъ сіе непостоянство слушателей? Израильтяне говорили о Іезекіилѣ у забралъ и во вратахъ домовъ: *соберемся, и услышимъ исходящая изъ устъ Господнихъ* (Іез. XXXIII. 30.). Но въ сіе самое время Сердцевѣдецъ открылъ Пророку, что его слушать будутъ, какъ слушаютъ искуснаго пѣвца, изъ любопытства, безъ пользы: *и будеши имъ, яко гласъ пѣснивца сладкогласнаго благосличнаго, и услышатъ глаголы твоя, и не сотворятъ ихъ* (32). Подумайте и вы, не для того ли только собираетесь слушать исходящая изъ устъ Господнихъ, чтобъ слышать и судить, какъ мы говоримъ, не заботясь о исполненіи того, что мы предлагаемъ?— Увы намъ, Слове Божій! то, чѣмъ Ты Себя именуешь, что Ты еси, чѣмъ сотворилъ Ты вселенную, чѣмъ возвеличилъ человѣка, чѣмъ является мудрость, чѣмъ подается жизнь, — слово, священное, Божественное слово, мы сдѣлали зрѣлищнымъ игралищемъ!

Повторяю: прилѣжно испытывать должно намъ, не любопытные ли только, не забытливые ли мы слушатели слова, прельщающіе себя самихъ. И чтобы дать вамъ краткій способъ сего испытанія на сей самый день, присовокуплю краткое слово: въ сей день, священный самъ по себѣ, и достойный особеннаго вниманія, по пріуготовленію ко днямъ воздержанія и покаянія, внимайте Христу, а не суетѣ міра, послѣдуйте Христу, а не обуявшимъ рабамъ плоти. Кто нынѣ сохранитъ себя вѣрнымъ сему слову: о томъ и надѣемся, и съ надеждою молимъ, да и впредь будетъ *не слышатель забытливъ*, но творецъ дѣла, и наконецъ совершенно *блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ*. Аминь.

2. СЛОВО

Въ день Святителя Алексія, говоренное во вторникъ сырныя недѣли, Февраля 12 дня 1835 года, въ Каѳедральной церкви Чудова монастыря.

Яко ни въ чесомъ отъ полезныхъ обинухся, еже сказати вамъ, и научити васъ предъ людьми и по домомъ, засвидѣтельствуя Іудеемъ же и Еллиномъ, еже къ Богу покаяніе, и вѣру, яже въ Господа нашего Іисуса Христа. Дѣян. XX. 20. 21.

Въ сей день Церковь собрала насъ для благочестивой радости. Но въ сію недѣлю она приготовляетъ насъ къ благочестивой печали. Которому изъ сихъ противоположныхъ направленій теперь намъ преимущественно слѣдовать, или какъ согласить оныя между собою?

Праведна благочестивая радость о праведникѣ, совершившемся, прославленномъ, который былъ свѣтильникомъ сея церкви во время жизни на землѣ, и по смерти продолжаетъ быть для нея свѣтиломъ небеснымъ. Нужна благочестивая печаль, для нашихъ неправдъ и грѣховъ, омрачающихъ жизнь, закрывающихъ свѣтъ благодати,

преграждающихъ путь къ совершенству и блаженству. *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10.).

Святый Апостолъ Павелъ собственнымъ примѣромъ показываетъ намъ возможность согласить и соединить противоположныя, по видимому, чувствованія духовной радости и духовной печали. *Нынѣ радуюся*, пишетъ онъ къ Коринѳскимъ Христіанамъ, *не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе: оскорбѣсте бо по Бозѣ* (ст. 9.).

Мудрствованіе человѣковъ Божіихъ одинаково. Посему, думаю, что и Святый Алексій, не только не почтетъ радость дня своего нарушенною, но и возрадуется нынѣ о насъ, если усмотритъ насъ входящими въ спасительную печаль покаянія.

Итакъ побесѣдуемъ о покаяніи, и вопервыхъ, о потребности онаго, а потомъ, по требованію настоящихъ дней, о приготовленіи къ оному.

Бесѣдуя къ православнымъ Христіанамъ, я могу принять за основаніе разсужденія, что потребность какого либо дѣла будетъ доказана, какъ скоро показано будетъ, что сіе дѣло требуется истиннымъ Христіанствомъ, и существенно соединено съ онымъ. Посему надобно посмотрѣть, въ какомъ отношеніи находится покаяніе къ Христіанству.

Взойдемъ къ началу Христіанства. Іоаннъ Креститель былъ утреннею звѣздою предъ восхожденіемъ Солнца Христа. Ученіе Іоанново было зарею ученія Христова. Чему же училъ Іоаннъ?—Покаянію. *Бысть Іоаннъ крестяй въ пустыни, и проповѣдуя крещеніе покаянія во отпущеніе грѣховъ* (Марк. I. 4.). *Крещеніе покаянія*, какъ бы вы ни толковали сіе выраженіе, даетъ разумѣть, что покаяніе въ ученіи Іоанна составляло главную черту, необходимую потребность, какъ и объясняетъ Евангеліе само себя, когда всю проповѣдь Іоанна заключаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Матѳ. III. 2.).

Взошло Солнце правды. Насталъ день пришествія Христова. Просвѣтивъ Собою крещеніе во Іорданѣ, освятивъ Своимъ примѣромъ великую четыредесятницу поста въ пустынѣ, Іисусъ является въ Галилеѣ, дабы, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, исполнить пророчество: *людіе сѣдящіи во тмѣ видѣша свѣтъ велій, и сѣдящимъ въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ* (Матѳ. IV. 16.). Что это за свѣтъ?—Слѣдующія за приведеннымъ пророчествомъ слова Евангелиста показываютъ, что онъ указуетъ на свѣтъ Божественной проповѣди Христовой: *оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати*. О чемъ бы сія Божественная и Свѣтоносная проповѣдь?—О покаяніи: *оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати, и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное* (ст. 17.).

Свѣтъ Христовъ долженъ распространяться. Лучами его содѣлались двѣнадцать Апостоловъ. Они посланы распространять свѣтъ: *посла ихъ проповѣдати царствіе Божіе* (Лук. IX. 2.). Какой же приносятъ они людямъ свѣтъ? Въ чемъ состоитъ проповѣдь царствія Божія? — Это все тотъ же свѣтъ; все та же проповѣдь:—покаяніе. *Изшедше*, сказуетъ Святый Маркъ, *проповѣдаху, да покаются* (Марк. VI. 12.).

Послѣдуемъ за движеніемъ Солнца правды, чрезъ грозный часъ, когда силы тьмы думали на вѣки затьмить оное крестною смертію; но злоба, обманутая Провидѣніемъ, сдѣлалась слѣпымъ орудіемъ къ открытію новаго, могущественнѣйшаго свѣта воскресенія Христова, къ которому, безъ сомнѣнія, относится сіе видѣніе и предреченіе Пророка: *свѣтъ солнечный будетъ седмерицею въ той день* (Иса. XXX. 26.). Послѣ того, какъ вновь просвѣтила Апостоловъ новая четыредесятница, когда воскресшій Христосъ *деньми четыредесятьми являлся имъ, и глаголалъ, яже о царствіи Божіи* (Дѣян. I. 3.), тогда, какъ озарили ихъ огненные языки Святаго Духа, Который, по обѣщанію Христову, долженъ былъ *научить ихъ всему* (Іоан. XIV. 26.), *наставить ихъ на всякую истину* (XVI. 13.);—тогда какъ множество народа, пораженное чудомъ сошествія Святаго Духа, Петровымъ обличеніемъ въ Христоубійствѣ и свидѣтельствомъ о воскресеніи Христовомъ, готовое къ принятію Христіанства, вопросило Петра и

прочихъ Апостоловъ: *что сотворимъ, мужіе братіе?*— Какой, думаете, новый свѣтъ возблистаетъ изъ устъ Петра? Какое пролѣется ученіе? Какая возгремитъ проповѣдь?—всегда тотъ же свѣтъ, то же всегда спасительное ученіе, та же всегда необходимая проповѣдь—покаянія. *Петръ же рече къ нимъ: покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ* (Дѣян. II. 37. 38.).

Если бы кому пришло на мысль, что Петръ имѣлъ въ сіе время особенную причину проповѣдывать покаяніе; поелику проповѣдывалъ тѣмъ, которыхъ въ то же время обличалъ въ убіеніи Христа руками беззаконныхъ: для исправленія сего односторонняго взгляда на сей случай надлежитъ замѣтить, что слушателями Петра были, безъ сомнѣнія, всѣ удивленные свидѣтели сошествія Святаго Духа, и открывшагося въ Апостолахъ дарованія языковъ, а въ числѣ ихъ были многіе разнонародные пришельцы, — Пареяне, Мидяне, Египтяне, Римляне, и прочіе, которымъ не было повода участвовать ни въ злоумышленіи Фарисеевъ, ни въ мятежныхъ воляхъ Іерусалимлянъ, обманутыхъ ложною заботою о безопасности города и земли своей; но и тѣмъ Апостолъ не предложилъ иной проповѣди, кромѣ общей для всѣхъ проповѣди покаянія. Подобно и Апостолъ Павелъ представляетъ проповѣдь покаянія всеобщею потребностію и главнымъ дѣломъ Апостольскимъ, какъ говоритъ о себѣ: *не быхъ противенъ небесному видѣнію* (то есть, призвавшему въ Апостольство), *но сущимъ въ Дамасцѣ прежде и во Іерусалимѣ, и во всякой странѣ Іудейстѣй, и языкомъ проповѣдую покаятися, и обратитися къ Богу, достойна покаянію дѣла творяще* (Дѣян. XXVI. 19. 20.).

Можетъ еще кто либо сказать, что Іоаннъ Креститель, Самъ Христосъ, Апостолы проповѣдывали покаяніе людямъ приготовляемымъ и призываемымъ къ Христіанству; а мы, по благодати Божіей, отъ самаго младенчества уже Христіане; и потому это особенный вопросъ, какимъ образомъ и на насъ простирается обязанность покаянія. И подлинно. Апостолъ Павелъ относитъ *покаяніе отъ мертвыхъ дѣлъ* не къ *совершенію* Христіанства, но къ *основанію*, или начальному руководству и ученію онаго (Евр. VI. 1.). Впрочемъ онъ же показываетъ намъ и то, что сіе руководство и ученіе имѣетъ мѣсто и употребленіе не только въ преддверіи Христіанства, но и по вступленіи въ оное. Ибо кому изъявлялъ онъ свое удовольствіе о усмотрѣнномъ покаяніи, когда писалъ въ посланіи: *нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбнетеся въ покаяніе?* Кому?—*Церкви Божіей, сущей въ Коринѳѣ*, какъ означено въ началѣ посланія (2 Кор. I. 1. 7. 9.). Итакъ видите не только нѣкоторыхъ Христіанъ, но цѣлую Церковь Христіанскую, входящую въ покаяніе, и Апостола, радующагося о ея вступленіи въ покаяніе. Не дѣйствительнымъ ли уже Христіанамъ писалъ и Апостолъ Іаковъ: *исповѣдайте убо другъ другу согрѣшенія, и молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (Іак. V. 16.)? Не получившимъ ли отпущеніе грѣховъ своихъ въ крещеніи, новое въ покаяніи отпущеніе грѣховъ возвѣщаетъ и Апостолъ Іоаннъ, когда говоритъ: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. I. 9.)? И если у тѣхъ, которые, въ первыя времена Христіанства, въ полномъ возрастѣ, при свободномъ употребленіи разсудка, по внутреннему убѣжденію, первымъ и рѣшительнымъ покаяніемъ отрекшись отъ всякія скверны плоти и духа, прошли сквозь всеочистительную баню крещенія, — если у нихъ послѣ, по времени, оказывались на ризѣ души болѣе или менѣе мрачныя пятна, требовавшія новой очистительной силы покаянія: то что сказать о насъ, которыхъ благодать крещенія посѣтила, безъ нашего вѣдома, не встрѣченная покаяніемъ, не сопровожденная благодарностію? Важное преимущество—быть ограждену святынею крещенія прежде, нежели прирожденное сѣмя грѣха развилось и разрослось въ грѣхахъ произвольныхъ: но довольно ли вѣрно воспользовались для насъ симъ преимуществомъ наши родители, воспріемники, воспитатели, наконецъ мы сами для себя? Не жили ль мы долго, совсѣмъ не думая о

важности того, что носимъ въ себѣ святыню крещенія? Не тѣмъ ли болѣе имѣемъ мы нужду въ покаяніи по крещеніи, чѣмъ менѣе совершилось въ насъ покаяніе предъ крещеніемъ?

Но чтобы рѣшить дѣло короче, довольно сдѣлать одинъ вопросъ: имѣемъ ли мы на себѣ грѣхъ?—Если, наче чаянія, кто скажетъ: нѣтъ; таковому не обинуясь говорю: нѣтъ, ты обманываешь самъ себя, въ тебѣ нѣтъ истины; или лучше сказать, это не я, святый Іоаннъ Богословъ говоритъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. I. 8.). Но если, хочешь, или не хочешь, а надобно признаться, что грѣхъ на насъ есть: то чего ты хочешь далѣе? Умереть ли во грѣхѣ? Ибо *грѣхъ содѣлянъ раждаетъ смерть* (Іак. I. 15.). Если сего не хочешь: то избери покаяніе; ибо нѣтъ инаго пути изъ области грѣха и смерти.

Довольно о потребности покаянія. Скажемъ нѣчто, по требованію настоящихъ дней, о порядкѣ приготовленія къ оному.

Аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ (Псал. CXXIX. 3.)?—Если сіе изреченіе Псалмопѣвца, со времени перваго грѣха перваго человѣка, справедливо для всѣхъ и всегда: то какъ нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ нужды въ покаяніи, такъ и нѣтъ времени, въ которое было бы оно излишно. Такъ мыслитъ Церковь, которая ежедневно проситъ намъ у Господа *прочее время житія нашего въ мирѣ и покаяніи скончати*. Но хотя посему все житіе Христіанина должно быть провождаемо въ духѣ покаянія: однако исповѣданіе грѣховъ предъ служителемъ таинства, и принятіе благодатнаго разрѣшенія въ оныхъ, и духовнаго наставленія къ охраненію себя отъ оныхъ, можетъ быть только по временамъ. Если бы предоставить употребленіе таинства покаянія только частному ощущенію потребности и произволу каждаго, то не только нерадивый не имѣлъ бы поощренія, но и внимательный не имѣлъ бы довольной помощи. Посему надобно было установить нѣкоторый порядокъ, и опредѣлить времена.

Попеченіе, которое употребляетъ Церковь о чистотѣ одѣянія души твоей, можно уподобить попеченію, которое ты употребляешь о чистотѣ одежды твоего тѣла. Если бы тебѣ случилось упасть въ грязь: то не поспѣшилъ ли бы ты омыть твою одежду? Такъ если бы впалъ ты въ тяжкій грѣхъ: то чѣмъ скорѣе очистилъ бы совѣсть твою покаяніемъ, тѣмъ лучше; Церковь готова принять тебя во всякое время. Но если бѣлизна твоей срачицы только не много измѣняется отъ пота и пыли: ты продолжаешь носить ее нѣсколько времени, и уже предъ какимъ либо срочнымъ днемъ, на примѣръ, праздничнымъ, замѣняешь ее совершенно чистою. Въ семъ случаѣ примѣръ порядка и неопрятнаго побуждаетъ подражать опрятному. Подобно сему Церковь, по временамъ, предъ праздниками, напаче же предъ великимъ воспоминаніемъ спасительныхъ страданій, крестной смерти и воскресенія Христова, чтобы въ большей чистотѣ праздновать, какъ-бы срочнымъ образомъ приглашаетъ васъ убѣлять одѣяніе душъ вашихъ покаяніемъ и таинственною кровію Агнца, вземлющаго грѣхи міра, побуждая такимъ образомъ внимательнаго и малый прахъ грѣховъ невѣдѣнія, забвенія, разсѣянности, внезапности, отъ души отрясать, — а невнимательныхъ, привлекая къ очищенію примѣромъ внимательныхъ. На помощь покаянію призываетъ она постъ; приспособляетъ Богослуженіе къ возбужденію покаянныхъ чувствованій; и до того простираетъ матернюю о насъ заботливость, что, дабы легче ввести насъ въ подвиги поста, сдѣлала настоящую недѣлю предвѣреміемъ онаго, предписавъ для нея нѣчто среднее между постомъ и мясоястіемъ, и первые, не частые опыты постныхъ колѣнопреклоненій.

При видѣ столь снисходительнаго материнскаго попеченія святыя Церкви о чадахъ своихъ, какъ болѣзненно, братія, видѣть въ то же время столь далеко простираемую невнимательность къ намѣренію чадолюбивыя матери, и даже превращеніе мудрыхъ и благодѣтельныхъ ея распоряженій! Церковь хочетъ приготовлять насъ къ воздержанію: а у насъ въ сіе самое время больше обыкновеннаго владычествуетъ невоздержаніе въ пищѣ и питіи. Церковь думаетъ пріучать насъ къ труду колѣнопре-

клоненій: а у насъ многіе бросаютъ свой обыкновенный трудъ, не принимаясь за трудъ церковный, или больше, нежели работою, обременяютъ и утомляютъ себя безвременнымъ яденіемъ и питіемъ, непрерывными забавами и увеселеніями. Церковь помышляетъ, какъ бы вѣрнѣе, по очищеніи чувствъ воздержаніемъ, возвести насъ къ духовному высокими умы созерцанію странствія Владычня, безсмертныя трапезы, спасительныхъ извъ Господнихъ, животнаго гроба, свѣтозарнаго воскресенія: а мы усиленно разсѣваемъ себя и отягчаемъ чувства изысканнымъ разнообразіемъ излишествъ, какъ будто намъ нужно заградить, а не открыть себѣ входъ въ область чистаго духовнаго созерцанія предметовъ спасительныхъ и Божественныхъ. Чѣмъ болѣе приближается постъ; тѣмъ болѣе умножаются сіи безпорядки: и дни, которые должны быть особенно тихи, какъ ближайшіе къ безмолвію поста и покаянія, едва ли не бываютъ самыми шумными въ году, и наименѣе охраняемыми отъ грѣха и суеты. Это ли повиновеніе Церкви? Это ли преддверіе поста? Это ли приготовленіе къ покаянію? Какой больной сталъ бы нарочно усиливать свою болѣзнь сего дня, потому что намѣренъ лечиться завтра?

Чада Церкви! Вспомните, что истинныя чада ея суть, по Апостолу, *чада послушанія* (1 Петр. I. 14.). Послушайтесь же искренно ея матерняго приглашенія къ покаянію. Послѣдуйте ея направленію въ приготовленіи къ покаянію. Если не вдругъ укрѣпитесь исполнить все, чего она отъ васъ требуетъ: по крайней мѣрѣ не покарайтесь съ такимъ раболѣпствомъ суетѣ, излишествамъ и безпорядкамъ. Да охраняютъ васъ, да подкрѣпляютъ, да руководствуютъ на пути очищенія Силы небесныя, и молитвы Святителя Алексія, васъ нынѣ собравшаго, и при семъ смиренномъ словѣ предсѣдательствующаго. Аминь.

---

3. СЛОВО

На память Святителя Алексія, въ субботу первыя недѣли великаго поста.

И рече къ нимъ: желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами. Лук. XXII. 15.

Одною изъ принадлежностей праздника обычай полагаетъ праздничную трапезу. Празднику духовному духовная и трапеза, безъ сомнѣнія, преимущественно приличествуетъ. Но и тѣлесной праздничной трапезы не отвергаетъ праздникъ, даже духовный: потому что мы не безтѣлесны; потому что насъ учатъ *прославлять Бога,* не только *въ душахъ,* но *и въ тѣлесѣхъ* нашихъ, и, *аще ямы, аще піемъ,* и сіе *въ славу Божію творити* (1 Кор. VI. 20. X. 31.). Была нѣкогда, и нынѣ есть, торжественная трапеза, тѣлесная, только не просто тѣлесная, которой желалъ вкусить, и не стыдился изъявить сіе желаніе даже Неимѣющій нужды ни въ какой трапезѣ, потому что Самъ *даетъ пищу всякой плоти* (Псал. CXXXV. 25.). *Желаніемъ,* говоритъ, *возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами.*

Нынѣ мы празднуемъ блаженную память Святителя и Чудотворца Алексія. Какою же трапезою почтимъ сей праздникъ? Попеченію о трапезѣ тѣлесной не противорѣчитъ ли постное время? Трапезѣ духовной не воспрепятствуетъ ли наша духовная скудость?—Затрудненіе прекращаетъ сей же самый чинъ церковныхъ временъ, который нынѣ преимущественно вамъ открываетъ торжественную, не только духовную, но и Божественную трапезу, и конечно нѣтъ другаго дня въ году, въ который бы столь многіе, присные Богу, наслаждались Божественною трапезою, какъ въ нынѣшній.

По увѣщанію Евангельскому не станемъ *пещися и молвити о многѣ* (Лук. X. 41.): но, какъ добродушно угощенные весело бесѣдуютъ, обращаясь наипаче къ угостителю; такъ и мы со всѣми пріобщившимися нынѣ трапезы Господней, и радостною мыслію, и благодарнымъ сердцемъ, и прославляющимъ словомъ, да обращаемся къ Великому Угостителю, Который во-

истинну *сотвори вечерю велію, и зва многи* (Лук. XIV. 16.). И тѣ, которые не послѣдовали еще сему зову, да слышатъ наше радостное исповѣданіе, и да поревнуютъ нашему благополучію: да пріидутъ, и *вкусятъ*, и *видятъ, яко благъ Господь* (Псал. XXXIII. 9.).

Если бы человѣкъ, высшій тебя званіемъ, тобою и всѣми чтимый по достоинству и добродѣтели, къ которому войти въ близость и знакомство ты и самъ себя не удостоилъ бы, сверхъ чаянія, взыскалъ тебя, принялъ дружелюбно, и пригласилъ къ своему столу: какъ охотно ты поспѣшилъ бы на сей зовъ, съ какою радостію возвратился бы, съ какимъ удовольствіемъ говорилъ бы въ кругу искреннихъ твоихъ о угостителѣ и угощеніи. Что сказать, если бы такъ поступилъ Царь, и притомъ не съ какимъ нибудь избраннымъ служителемъ своего царствія, но съ рабомъ, и еще съ виновнымъ, и достойнымъ осужденія смертнаго? Но какъ еще малы сіи примѣры для уподобленія тому, что происходитъ между Христомъ и Христіаниномъ! Царь небесный, Сынъ Божій и Богъ, не только посылаетъ Своихъ рабовъ и служителей, но и Самъ сходитъ на землю, для тебя и для меня,—ибо какъ для всѣхъ человѣковъ безъ изъятія, то конечно и для тебя и для меня, и все равно, какъ если бы именно и единственно для тебя и для меня,—для насъ, рабовъ низшей и малой области безмѣрнаго царствія Его, и притомъ для рабовъ грѣха, для потомковъ преступника Адама, которые въ беззаконіяхъ зачинаемся, во грѣхахъ раждаемся, живемъ естественно не лучше своего рожденія, потому что жизнь наша еще въ прародителяхъ, не хотѣвшихъ довольствоваться благословенною райскою пищею, отравлена хищнымъ вкушеніемъ запрещеннаго плода, —для насъ приходитъ Небесный Угоститель, и не только питающую и услаждающую, но и врачующую и животворящую трапезу Самъ учреждаетъ, Самъ призываетъ къ ней, и Самъ преподаетъ намъ то, что уготовалъ намъ въ пищу и питіе. *Пріимите*, глаголетъ, *ядите. Пійте отъ нея вси.* Глаголетъ, и пьетъ, и для насъ, то, что нѣкогда изрекъ Апостоламъ: потому что слово его безсмертно; и всегда дѣйственно. Здѣсь можно спросить, что достойнѣе удивленія, счастіе ли тѣхъ, которые внемли сему гласу Его, или невнимаціе тѣхъ, которые сами себя лишаютъ сего счастія?

И что предлагаетъ намъ на Своей трапезѣ Небесный Угоститель! — Все, что нашли бы вы на самой великолѣпной трапезѣ царя земнаго, избранныя произведенія земной природы, многодѣльнымъ искусствомъ устроенныя въ пищу и питіе, которыя однако изящны только до употребленія, а послѣ употребленія идутъ въ тлѣніе, наравнѣ съ черствымъ хлѣбомъ нищаго,—все сіе было бы недостойно *Царя вѣковъ нетлѣннаго* (1 Тим. I. 17.), Который и трапезою Своею нетлѣніе распространять желаетъ. Что жъ? Не соберетъ ли Онъ всего, что, еще прежде тлѣнія грѣховнаго, Самъ, какъ Творецъ, положилъ въ природѣ вещей, способнѣйшаго къ питанію и услажденію? Не извлечетъ ли изъ глубины ея всѣхъ сокровищъ благотворной и врачебной силы, которыхъ такъ малые виды, вѣками, съ трудомъ, на угадъ, отыскиваютъ врачи земные?—И сіе было бы недостаточно, и для щедрости Учредителя таинственной трапезы, и для потребности причастниковъ ея: потому что Божественная только пища можетъ истинно питать, и только Божественное врачевство врачевать болящую душу человѣка, которая по началу своему есть дыханіе жизни отъ устъ Божіихъ. Но какъ Божественное, по существу своему, не можетъ не быть сокровеннымъ для человѣка: то надлежало еще изобрѣсти средство содѣлать Божественную пищу и врачевство удобообрѣтаемыми и удобопріемлемыми для человѣка въ простотѣ вѣры. И такимъ образомъ Сынъ Божій предлагаетъ намъ въ таинственную пищу и питіе, и во всецѣлебное врачевство, подъ видами хлѣба и вина, Свое Божественное тѣло и Свою Божественную кровь. *Ядите*, глаголетъ, *сіе есть тѣло Мое. Пійте отъ нея вси, сіе есть кровь Моя.*

Можетъ быть, вамъ представится нѣчто подобное сей трапезѣ въ томъ, когда мать питаетъ младенца млекомъ своимъ, которое только на время сего питанія отдѣляется изъ ея тѣла и крови. Но какъ мало и сіе подобіе предъ великимъ таинствомъ! Мать

преподаетъ младенцу только избытокъ своего тѣла, приготовленный для сего природою,—преподаетъ безъ труда, и даже къ облегченію своему отъ избытка, который могъ бы обременить ее. Нашъ Божественный Питатель преподаетъ намъ самое тѣло Свое,—всецѣлое тѣло Свое,—преподаетъ со сладостію любви, безъ сравненія превышающей материнскую, но притомъ преподаетъ намъ тѣло Свое, горькимъ и смертнымъ страданіемъ уготованное намъ въ пищу. *Сіе есть*, глаголетъ, *тѣло Мое, еже за вы ломимое. Сія есть кровь Моя, яже за вы и за многія изливаемая.* Какъ пшеница страждетъ въ жерновахъ, и подъ рукою хлѣбодѣлателя, и въ разжженной печи, да будетъ хлѣбъ, укрѣпляющій сердце человѣка; какъ кровь гроздова страждетъ въ утѣсненіи точила, да будетъ вино, веселящее сердце человѣка: такъ благоволилъ воплощенный Сынъ Божій предать тѣло Свое на разнообразныя страданія Елеонскія, Іерусалимскія и Голгоѳскія, допустилъ многострадально источить кровь свою въ предкрестныхъ и крестныхъ мученіяхъ, дабы въ нихъ уготовать намъ пищу и питіе жизни и врачеванія, безсмертія и блаженства.

Таинство тѣла и крови Христовы такъ дивно и непостижимо, что Богомудрые отцы наши, какъ бы опасаясь за простоту и твердость нашей вѣры, желаютъ, какъ-бы нѣкими подпорами, подкрѣпить ее своими Богомудрыми разсужденіями. *Понеже*, разсуждаетъ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, *Адамъ сей*, то есть, вторый Адамъ Іисусъ Христосъ, *духовенъ есть; подобаше и рожденію быти духовному, и пищи таковой же: обаче, поелику сугуби и сложни есмы, то подобаетъ и рожденію быти сугубому, и пищи сложной. Сего ради рожденіе убо намъ водою и духомъ, си есть святымъ крещеніемъ, дадеся; пища же есть самый хлѣбъ животный, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ небесе сшедый.* И далѣе: *како будетъ Мнѣ сіе, глаголетъ Святая Дѣва, понеже мужа не знаю? И отвѣща Ей Гавріилъ Архангелъ: Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя. И ты такожде вопрошаеши нынѣ: како хлѣбъ бываетъ тѣло Христово, и вино и вода кровь Христова? И азъ же тебѣ глаголю: Духъ Святый снисходитъ, и сія творитъ паче слова и разума.* Подобно и Святый Іоаннъ Златоустъ увѣщаваетъ: *да повинуемся во всемъ Богу, и ничимже вопреки да глаголемъ, аще и сопротивно быти видится нашимъ помысломъ и зрѣніямъ глаголемое; но да будетъ и помысла и зрѣнія нашего нетинѣйшее Его слово. Тако и въ таинствахъ да творимъ, не на предлежащая токмо взирающе, но глаголы Его содержаще: слово бо Его непогрѣшительно, чувство же наше удобь прельщаемо есть; слово Его никогда же измѣняется, чувство же наше часть соблазняется. Егда убо слово рече: сіе есть тѣло Мое; и да повинуемся, и да вѣруемъ, и мысленными то да зримъ очима. Ничимже бо чувственно предаде намъ Христосъ, но чувственными убо вещми, вся же мысленныя.*

Поелику назначеніе настоящей жизни нашей таково, что мы должны, какъ изъяснился Апостолъ, *вѣрою ходить, а не видѣніемъ* (2 Кор. V. 7.): то и благодатные дары, подаваемые намъ въ пріобщеніи трапезы Господней, благодатное питаніе, врачеваніе, укрѣпленіе, просвѣщеніе, отраженіе зла, исцѣленіе, также наиболѣе вѣрою постигаются и упованіемъ объемлются, превыше видѣнія и ощущенія, хотя впрочемъ, по мѣрѣ вѣры, по мѣрѣ потребности, по мѣрѣ вниманія, достоинства, чистоты, и въ ощущеніи опытномъ и въ явственномъ дѣйствіи познаются многими многообразно. По многоразличной силѣ Божественной пищи и питія, по многоразличной премудрости и благости Божественнаго Питателя, ощутительный плодъ вкушенія трапезы Господней является вѣрующимъ — то неизреченною радостію въ сердцѣ, то сладкою тишиною въ душѣ, то свѣтлостію въ умѣ, то глубокимъ миромъ въ совѣсти, то утишеніемъ обуревавшихъ искушеній, то прекращеніемъ страданій душевныхъ и тѣлесныхъ, а иногда и совершеннымъ исцѣленіемъ, то живѣйшимъ ощущеніемъ любви къ Господу, или умноженіемъ ревности и силы къ духовнымъ

подвигамъ и добродѣтелямъ. Но каковы бы ни были наши собственные въ сей тайнѣ опыты: скажу паки со Святымъ Златоустомъ: *да будетъ и помысла и зрѣнія нашего истиннѣйшее слово Господа нашего.* Послѣ того, какъ Онъ рекъ: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ; ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный* (Іоан. VI. 56. 54.): — какъ дерзнемъ мы, хотя и недостойные причастники Его плоти и крови, — какъ дерзнемъ отрицать то, что Онъ въ насъ, и мы въ Немъ, и что мы въ Немъ имѣемъ животъ вѣчный, если только сами не удалимся отъ Него, если только сами не повергнемъ себя паки въ смерть грѣховную?

Одно изъ пріятнѣйшихъ удостовѣреній, какъ о необходимости для насъ, такъ и о спасительной благотворности трапезы Господней, имѣемъ мы въ томъ, какъ сильно желалъ ея Самъ Господь нашъ. Ибо, что значатъ слова Его къ Апостоламъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами?* Ветхозавѣтной ли пасхи такъ сильно желаетъ Онъ? Но она до сихъ поръ была обыкновенна, какъ совершаемая ежегодно; а отнынѣ должна совершенно прекратиться, когда прообразованіе должно уступить мѣсто принедшей истинѣ. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что Онъ пламенно желаетъ пасхи новозавѣтной, — той пасхи, въ которой Самъ Себя приноситъ въ жертву, Самъ Себя предлагаетъ въ пищу. *Желаніемъ*, говоритъ, *возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ*, — послѣ прообразовательной истинную, не только осязаемую, но и созерцаемую, не только вещественную но и духовную, и Божественную, не только закланную, но и живую, и животворящую, начинаемую прежде мукъ, дабы она была всегдашнею свидѣтельницею предъувѣдѣнія и свободнаго пріятія мукъ, но уже заключающую въ себѣ спасительное дѣйствіе креста для всѣхъ временъ, какъ свойственно дѣйствовать вѣчному началу. *Желаніемъ* любви и милосердія *возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами:* потому что въ ней запечатлѣвается вся Моя къ вамъ любовь, и вся наша истинная жизнь и блаженство.

Братія, сопричастники трапезы Господней! Если Господь, по Своей неизреченной любви, такъ пламенно желалъ ея ради Себя, но ради насъ: какъ пламенно должны желать ея мы, по любви и благодарности къ Нему, и для нашего собственнаго блага и блаженства! Да согрѣваемъ нашу хладность пламенемъ любви Христовой. *Да не разлѣнимся*, возбуждаетъ Святый Златоустъ, *толикія сподобленіи бывше любве и чести. Не зрите ли отрочатъ, съ коликимъ усердіемъ емлются сосцу, съ коликимъ устремленіемъ водружаютъ тамо уста? Съ толикимъ и мы да приступаемъ къ трапезѣ сей, и къ сосцу чаши духовныя, паче же и со множайшимъ желаніемъ, да привлечемъ, яко ссущіе младенцы, Духи благодать.* Аминь.

---

4. СЛОВО

Въ день Святителя Алексія, Февраля 12 дня, 1845 года.

Не мнози учители бывайте, братіе моя, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси. Іак. III. 1.

Къ единому отъ богопросвѣщенныхъ Учителей Церкви Россійскія, уже нѣсколько вѣковъ безмолвствующему и покоящемуся, собралось нынѣ здѣсь множество учениковъ. Или онъ, и безмолвствуя, еще учитъ, и покоясь, еще дѣйствуетъ? По истинѣ, и теперь учитъ онъ, вѣрѣ и жизни, сильнѣе слова, примѣромъ вѣры, Богомъ оправданной, и жизни, Богомъ прославленной. И теперь дѣйствуетъ онъ для насъ, предъ Богомъ, своими о насъ молитвами, а предъ нами, благодатнымъ дарованіемъ, по которому въ самомъ тѣлѣ его, какъ въ чистомъ сосудѣ духа, вмѣсто обыкновенныхъ человѣческихъ немощей, имѣемъ мы открытыя *святыя мощи*, — возвышенныя силы, которыя, подобно вещественному благоуханію, простираютъ сокровенное дѣйствіе на чувство вѣры, возвышаютъ

наши собственныя силы, и производятъ благотворныя перемѣны.

Итакъ, не напрасно, братія и соученики, собрались мы почтить Учителя. Но если праведно чтить избраннаго Евангельскаго учителя: то праведно и то, чтобы чтить вообще достоинство Евангельскаго учителя. Чтить учителя, и не чтить учительства, была бы несообразность. Такимъ образомъ, чрезъ самое настоящее собраніе наше, мы для себя изрекаемъ обязанность чтить достоинство Евангельскаго учителя.

Одинъ изъ способовъ сего почтенія указуетъ намъ Святый Апостолъ Іаковъ, когда говоритъ: *не мнози учители бывайте.*

Если ты уважаешь власть: то не дерзнешь произвольно принять ее на себя, или вмѣшиваться въ дѣла ея; напротивъ того со всякою готовностію исполнять будешь обязанности подчиненнаго. Подобно сему, если ты чтишь достоинство учителя, установленное въ Церкви Христовой: то не долженъ ты произвольно вступать на мѣсто учительское, или прибѣгать къ учителямъ, которыхъ никто не поставилъ, и къ пророкамъ, которыхъ Богъ не посылалъ; но долженъ въ кротости и послушаніи проходить званіе ученика Евангельскаго, подъ руководствомъ постановленныхъ отъ Бога и Церкви учителей. Страшись быть учителемъ и самъ для себя, а тѣмъ болѣе, безъ высшаго призванія, учить другихъ, или переучивать учителей, отъ Бога и Церкви поставленныхъ. *Не мнози учители бывайте.* Наставленіе, можетъ быть, болѣе нужное для многихъ, нежели какъ съ перваго взгляда кажется.

Страсть быть и слыть учителями была господствующая въ Іудейскихъ книжникахъ и фарисеяхъ. Они, какъ обличаетъ Господь нашъ, *любятъ зватися отъ человѣкъ: учителю, учителю* (Матѳ. XXIII. 7.). Противъ сей страсти *Іисусъ глагола къ народомъ и ученикомъ Своимъ*, то есть ко всѣмъ Своимъ послѣдователямъ: *вы же не нарицайтеся учители: единъ бо есть вашъ Учитель, Христосъ: вси же вы братія есте* (ст. 8). Заповѣдь строгая, сколь высоко возносящая званіе учителя въ лицѣ Христа, столь же неудобосообщимымъ дѣлающая оное для христіанъ.

Однако видимъ, что и въ Христіанской Церкви нѣкоторые называются учителями. Ап. Павелъ и самъ себя называетъ учителемъ языковъ, и вообще сказуетъ, что *положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. XII. 28.). Какъ же согласить сіе съ заповѣдію Господнею? Не трудно, если точнѣе придержимся силы словъ Апостольскихъ и Христовыхъ.

Богодухновенный Апостолъ, безъ сомнѣнія, не погрѣшаетъ, когда свидѣтельствуетъ, что *Богъ положилъ въ Церкви учителей.* Онъ свидѣтельствуетъ о истинѣ, когда говоритъ: *поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ и Апостолъ, истину глаголю о Христѣ, не лгу, учитель языковъ въ вѣрѣ и истинѣ* (1 Тим. II. 7.). Но и Господь не служеніе учительское отвергаетъ; ибо не говоритъ: да не будетъ учителей. Это даже не возможно; потому что, когда есть ученики, то по необходимости должны быть и учители; и какъ всѣ христіане суть ученики, и вначалѣ не иначе назывались, какъ *учениками*, то по необходимости должны быть и учители христіанскіе, и особенно послѣ того, какъ *Единый Учитель* вознесся на небо.

Не нарицайтеся, глаголетъ, *учители: единъ бо есть вашъ Учитель, Христосъ.* Для себя ли ревнуетъ Онъ о имени учителей? Конечно, нѣтъ. Ибо Онъ превыше всякаго имени. Но наше мудрованіе смиряетъ, превозношеніе низлагаетъ, дерзость обуздываетъ, своеволіе отсѣкаетъ, осуждаетъ и запрещаетъ самопоставленное и самоназванное учительство. *Не нарицайтеся учители:* не восхищайте сего званія сами себѣ; не вызывайтесь учить, когда вы не призываетесь къ сему. А если и будете къ сему призваны; если Богъ поставитъ, если священный законъ нареченъ васъ учителями: и тогда не возноситесь званіемъ, которое только по дару и по причастію вамъ принадлежитъ, поелику первоначально и существенно *единъ есть вашъ Учитель, Христосъ.* Почитайте себя не болѣе, какъ *братіями* тѣхъ, которые называютъ васъ учителями; будьте слуги, а не властители ученія и учениковъ: *болій въ васъ да будетъ вамъ слуга* (Матѳ. XXIII. 11.).

Видно, что, не смотря на сіе благовременное предостереженіе, фарисейская страсть къ учительству, чрезъ принятыхъ въ Христіанство изъ Іудейства, вскорѣ прокралась и въ Христіанскую Церковь, когда Апостолъ Іаковъ возобновляетъ противъ нея увѣщаніе къ христіанамъ своего времени: *не мнози учители бывайте, братіе моя.*

Увѣщаніе сіе не того требуетъ, чтобы не было большаго числа учителей. Ибо и во всякомъ обществѣ, и наипаче въ Церкви, которая есть училище *премудрости Божіей въ тайнѣ сокровенной,* множество людей просвѣщенныхъ и способныхъ преподавать другимъ спасительныя наставленія, не можетъ составить обременительнаго излишества. Нѣтъ сомнѣнія, что Апостолъ, увидя множество таковыхъ, не запретилъ бы имъ учить, подобно какъ Моисей не запретилъ Елдаду и Модаду пророчествовать; и даже сказалъ бы вмѣстѣ съ нимъ: *кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ быти пророки,* или учители,—*егда дастъ Господь Духа Своего на нихъ* (Числ. XI. 29.)? Но должно взять въ разсужденіе то, что истинно духовные люди и достойные учители почти не могутъ являться въ видѣ избыточествующаго множества: ибо какъ первый степень ихъ достоинства есть познаніе своего недостоинства, и высшій степень ихъ мудрости есть смиреніе, то, доколѣ можно, скрываются они въ числѣ учениковъ, и никогда по своей волѣ не умножаютъ собою числа учителей. Такъ Моисей и Іеремія, даже тогда, какъ самъ Богъ посылаетъ ихъ проповѣдывать, еще уклоняются отъ сего. *Избери могуща иного, егоже послеши,* говоритъ Моисей (Исх. IV. 13.). *Не вѣмъ глаголати,* говоритъ Іеремія (Іер. I. 6.). Въ Апостолахъ видимъ готовность быть ловцами человѣковъ, и проповѣдывать царствіе небесное: но ни въ одномъ изъ нихъ не видимъ того, чтобы онъ самъ себя представилъ къ званію Апостола, не говорю, поставилъ себя въ оное. Такимъ образомъ, если не искать учительства духовнаго, и даже уклоняться отъ него, есть черта не разъ ознаменовавшая самыхъ достойныхъ онаго: то усильно искать и домогаться онаго, конечно, есть признакъ весьма неблагопріятный. Слѣдственно, увидѣвъ многихъ, торопливо занимающихъ, или произвольно себѣ поставляющихъ сѣдалища учительства духовнаго, мы могли бы не безъ основанія сказать всѣмъ имъ: остерегитесь; ваше смѣшанное множество, ваше своевольное исканіе достоинства учительскаго показываетъ, что вы идете не по пути Пророковъ, не по слѣдамъ Апостоловъ, не по стопамъ истинныхъ учителей церковныхъ. Сіе обличеніе заключилъ Апостолъ въ своемъ увѣщаніи: *не мнози учители бывайте.*

Люди, которые предпріемлютъ учить, не бывъ призваны къ тому, думаютъ оправдаться тѣмъ, что, хотя дерзновенно ихъ предпріятіе, но дѣло ихъ спасительно. Апостолъ разрушаетъ сію мечту самонадѣянія, вводя ихъ въ познаніе самихъ себя, и представляя имъ послѣдствія ихъ самоуправной дѣятельности. *Вѣдяще*, говоритъ, *яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси.*

Примѣчайте здѣсь кротость и смиреніе истиннаго учителя. Тогда, какъ онъ творитъ дѣло учителя, онъ поставляетъ себя рядомъ съ учениками. Тогда, какъ имѣетъ нужду обличить грѣхи другихъ, и произнесть на нихъ осужденіе, сіи чужіе грѣхи, чужое осужденіе онъ пріемлетъ на себя самого: *осужденіе пріимемъ; — согрѣшаемъ вси.* Но между тѣмъ, какъ онъ смягчаетъ обличеніе, оно тѣмъ большую силу получаетъ для разумѣвающихъ. Если Апостолъ, по дѣлу учительства, поставляетъ себя подъ страхомъ осужденія, въ ряду съ людьми много согрѣшающими: то какъ должно быть страшно дѣло сіе для всякаго другаго!

Что сотворю, о Единый Учителю? Если учу, и согрѣшаю: страшусь, что большее осужденіе пріиму. И напротивъ, *горе мнѣ есть, аще не благовѣствую:* ибо *строеніе ми есть предано* (1 Кор. IX. 16. 17.). О Судіе, праведно строгій къ учителямъ, болѣе нежели къ ученикамъ! Егда хощеши осудити недостоинство: пощади повиновеніе Твоему устроенію, закону и преданію!

А тѣ, которыхъ владычественная судьба Божія не послала учить, которыхъ власть церковная не поставила наставниками, какъ

дерзаютъ учить и представлять себя наставниками? Чѣмъ могутъ извинить сію дерзость предъ верховнымъ Учителемъ и Судіею? Какъ не подумаютъ, что *много согрѣшаемъ всѣ?* Могутъ ли они надѣяться, что не повредятъ дѣлу учительства своими грѣхами, отъ которыхъ не очищены въ семъ дѣлѣ избирающею благодатію, не ограждены послушаніемъ закону избранія? Дѣйствуя по своемудрію и своеволію, могутъ ли они быть въ мирѣ съ мудрствующими о Господѣ и правимыми волею Божіею? А потому, не станутъ ли раздѣлять, вмѣсто того, чтобы приводить въ соединеніе вѣры, распространять соблазны, вмѣсто назиданія, возмущать миръ Церкви? И какому за сіе осужденію подвергнутъ себя, какому другихъ совращаемыхъ, или соблазняемыхъ, и опять какому себя за нихъ!

Сколь не напрасны сіи опасенія, Церковь дознала многими печальными опытами. Для краткости приведу одинъ примѣръ, который много скажетъ внимательному. Въ посланіи Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна читаемъ слѣдующее: *писахъ Церкви; но первенстволюбецъ ихъ Діотрефъ не пріемлетъ насъ. Сего ради аще пріиду, воспомяну его дѣла, яже творитъ, словесы лукавыми укоряя насъ; и не доволенъ бывая о сихъ, ни самъ пріемлетъ братію, и хотящимъ возбраняетъ, и отъ Церкве изгонитъ* (3 Іоан. I. 9. 10.). Слышите ли? Діотрефъ не пріемлетъ Іоанна! Діотрефъ, о которомъ неизвѣстно, была ли въ немъ какая искра здраваго понятія о вѣрѣ и Церкви, и котораго имя дошло до насъ только по милости человѣка, имъ пренебреженнаго,—Діотрефъ не пріемлетъ Іоанна, избраннаго между Апостолами, Богослова по превосходству, тайновидца и главу пророковъ Новаго Завѣта, не уважаетъ его посланія, порицаетъ его, не пріемлетъ пріемлемыхъ Апостоломъ, запрещаетъ другимъ принимать ихъ, и изъ Церкви изгоняетъ ихъ! Кто бы сему повѣрилъ, если бы не самъ Апостолъ повѣствовалъ о семъ? Видите, какія богопротивныя дѣла, какіе разрушительные безпорядки производитъ въ Церкви желаніе быть первымъ по собственному счету, и похищаемая независимость отъ поставленныхъ учителей, мнящаяся быть довольною для себя и другихъ! Судите по сему, какъ нужно и какъ важно предостереженіе Апостольское: *не многи учители бывайте.*

Но здѣсь нѣтъ ни какого Діотрефа, думаютъ, вѣроятно, нѣкоторые изъ слушающихъ, и мы не ищемъ быть учителями другихъ. Къ кому же относится обличеніе и предостереженіе?—Ко многимъ, братія, и къ вамъ самимъ, которые такъ думаете.

Ученику свойственно принимать для себя всякое слово ученія, какъ земля принимаетъ всякую каплю дождя и всякое зерно сѣмени. Если вы не стараетесь прилагать ученія къ себѣ, а простираетесь въ нытливое изысканіе, кстати ли оно преподается, и къ кому мимо васъ относится: то вы слушаете ученіе не просто, какъ ученики, а болѣе какъ учители или судіи. Въ семъ случаѣ не излишне для васъ предостереженіе: *не многи учители бывайте.* Не учите учащаго, какъ ему лучше учить; не судите другихъ судомъ слышимаго ученія; слушайте ученіе съ ученическою простотою и смиреніемъ, для вашего внутренняго назиданія.

Вы не домогаетесь сдѣлаться самопоставленными учителями на какомъ нибудь учительскомъ мѣстѣ: осмотритесь, однако же, не сдѣлались ли уже вы такими въ вашихъ мнѣніяхъ и въ вашихъ нравилахъ, или, что не лучше, не избрали ль такихъ учителей въ руководство жизни вашей. Чьи вы ученики послѣ того, какъ не принадлежите къ училищамъ дѣтскимъ или юношескимъ? Преданные ли ученики Отцевъ нашихъ? Или сіе кажется уже не благовременнымъ, потому что новый вѣкъ провозглашаетъ себя мудрѣйшимъ прежняго? Прилѣжные ли вы ученики слова Божія? Или сіе училище представляется довольно постороннимъ для занятыхъ много человѣческою мудростію, либо человѣческою суетою? Послушные ли вы ученики Церкви? Или находите нужнымъ сокращать ея уроки, потому что съ ними не согласуется ученіе, которое преподаетъ духъ міра? Но какъ духъ міра и духъ вѣка чужды единства, которое свойственно только духу Божію, и даютъ столько ученій и учителей, сколько головъ, болѣе или менѣе, мыслящихъ: то даже не избѣжно, чтобы,

по духу міра и вѣка, каждый былъ учителемъ самъ себѣ, и въ то же время имѣлъ несчетное множество учителей, противорѣчащихъ другъ другу. Что можетъ быть сего несчастнѣе? Помыслите же, какъ вѣрно обличеніе, и какъ нужно увѣщаніе Апостольское: *не мнози учители бывайте, братіе моя, много бо согрѣшаемъ вси.* Изберите себѣ лучше не многихъ надежныхъ и между собою согласныхъ учителей: спасительное слово Христово, святыя правила Церкви, опытную мудрость благочестивыхъ и богопросвѣщенныхъ Отцевъ нашихъ!

Здѣсь нѣтъ Діотрефа: но, къ прискорбію Церкви и священноначалія, вы можете не далеко отсюда встрѣтить болѣе, нежели одного Діотрефа, и притомъ имѣющаго послѣдователей, не смотря на то, что онъ давно обличенъ словомъ Апостольскимъ. *Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ,* обличаетъ Апостолъ Іоаннъ отступившихъ отъ единства вѣрованія и отъ послушанія Церкви. Не видимъ ли и нынѣ людей сего рода? Отъ насъ получили они начало вѣры и таинствъ,—*отъ насъ изыдоша*, но уже не хотятъ быть нашими. Безъ призванія, безъ благословенія, какъ кому вздумалось, поставляютъ себя учителями, и, чтобы прикрыть неблагообразіе самочинія, отвергаютъ Церковь, отъ которой получили все, что имѣютъ, или мнятся имѣть. *Первенстволюбецъ Діотрефъ не пріемлетъ насъ.—Духъ явственно глаголетъ*, и предрекаетъ чрезъ Апостола Павла, о *внемлющихъ духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію,* между прочими ложными ученіями и заповѣдями, *возбраняющихъ женитися* (1 Тим. IV. 1—3.). И, не смотря на сіе предварительное обличеніе, *духи лестчіе* являются, *лжесловесники* не стыдятся проповѣдывать, будто въ нынѣшнее время совсѣмъ уже нѣтъ благословеннаго брака, будто теперь уже не Богъ печется о продолженіи рода человѣческаго; возстаютъ противъ брака усильнѣе, нежели противъ того, что осуждается закономъ брака, а иные противъ истинныхъ законовъ и брака и дѣвства вооружаются не только лжеученіемъ, но и желѣзомъ. Сколь ни ясны здѣсь черты *духовъ лестчихъ и ученій бѣсовскихъ*: однако находятся *внемлющіе* имъ. Многіе самоноставленные учители умножаютъ толки лжеученій; а неразсудительные послѣдователи умножаютъ лжеучителей. Встрѣчаясь съ тѣми и другими, припоминайте, братія, для себя и для нихъ, предостереженіе Апостольское, столь бѣдственно ими пренебреженное: *не мнози учители бывайте, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ.*

Помните, что *положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей. И никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званый отъ Бога, якоже и Ааронъ* (Евр. V. 4.), по богопреданному чину. Только званные Богомъ учители вѣрно приводятъ къ Богу. Аминь.

5. СЛОВО

Въ день Святителя Алексія, на третій день недѣли воспоминанія страшнаго суда, говоренное Февраля 12 дня, 1846 года.

И соберутся предъ Нимъ вси языцы, и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ, и поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Матѳ. XXV. 32. 33.

Нынѣ собралось многочисленное словесное стадо къ пастырю, который не разлучаетъ оное видимо на десныхъ и шуйихъ. Пріемлетъ онъ приходящихъ отъ десныя страны,—отъ добродѣтели, со смиреніемъ; не отвергаетъ и приходящихъ и отъ шуйей,—отъ порока, съ покаяніемъ. Никому не говоритъ съ прещеніемъ: *отъидите.* Впрочемъ знаю, что для достойныхъ десныя страны есть у него привѣтствія, ими довольно внятно слышимыя. Иному подаетъ онъ просто миръ въ сердцѣ, иному особенное утѣшеніе въ особенной скорби, одному исцѣленіе отъ немощи, другому подкрѣпленіе въ борьбѣ съ искушеніемъ, инымъ иное, каждому по его

потребности, вѣрѣ и молитвѣ. Приближайтесь, пользуйтесь, пока пастырь собираетъ, питаетъ, охраняетъ, исцѣляетъ, пока есть время и отъ заблужденія возвращаться, и отъ страны шуіей переходить на десную. Не всегда такъ будетъ.

Настанетъ, дѣйствительно, день, котораго предвѣщательный образъ недавно намъ показанъ Церковію въ Евангеліи, когда сей пастырь, безмолвно среди насъ покоящійся, и въ покоѣ благодѣтельствующій, оставитъ насъ, и пойдетъ искать назначеннаго ему мѣста на десной странѣ Великаго Пастыря, Который называетъ Себя *Единымъ Пастыремъ*, потому что всѣ прочіе пастыри суть только Его пастырскія орудія, и Который *тогда сядетъ на престолѣ славы Своея*, поелику Онъ есть не только Пастырь, но и Царь царствующихъ и Судія живыхъ и мертвыхъ. Тогда и каждый изъ насъ долженъ будетъ предстать сему Великому Пастырю, Царю и Судіи: но уже не въ нашей власти будетъ избрать себѣ мѣсто, для насъ пріятное. *Соберутся предъ нимъ вси языцы, и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ, и поставитъ овцы одесную, а козлища ошую.*

О ближній мой! Гдѣ мы тогда будемъ? Что; если не будемъ призваны на десную страну Царя, и потомъ въ царство, уготованное отъ сложенія міра? Что, если очутимся на шуіей странѣ, между козлищами? Какъ это постыдно! И только ли постыдно? Нѣтъ, и ужасно, и гибельно. Ибо находящимся на шуіей странѣ Судія скажетъ: *идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его.—И идутъ сіи въ муку вѣчную.*

Пока есть еще время, пока еще не поставленъ престолъ суда, еще не явился Судія, еще мы не предстали судилищу, еще не изречено слово суда, еще не разверзъ челюсти адъ, подумаемъ, куда мы идемъ: ибо идемъ уже мы либо на десную, либо на шуюю страну страшнаго суда. Не произвольно или случайно скажетъ Судія, одному: стань одесную, другому: стань ошую; но сообразно съ тѣмъ, кто на которую сторону самъ себя направилъ. Не тогда овцы сдѣлаются овцами, когда поставлены будутъ одесную, и козлища козлищами, когда поставлены будутъ ошую: но тѣ и другія займутъ мѣсто по качеству, въ которомъ ранѣе образовались, и которое принесли съ собою.

Итакъ, если ты благоразуменъ; и если желаешь, чтобы на послѣднемъ судѣ досталось тебѣ мѣсто на десной странѣ Судіи: то подвизайся на пути жизни образовать въ себѣ такія качества, которыя бы привели тебя на сію страну.

Какія это качества?

Во-первыхъ, качество десныхъ предстоятелей суда Христова выражается въ Евангеліи уподобительнымъ наименованіемъ овецъ: *поставитъ овцы одесную.* Итакъ желающій получить мѣсто на десной странѣ всемірнаго Судіи долженъ пріобрѣсти свойство и нравъ овчій. Въ чемъ же состоитъ сіе свойство и нравъ, можемъ узнать отъ самого Пастыря-Судіи, Который глаголетъ: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ, и по Мнѣ грядутъ* (Іоан. X. 27.). Слушать гласа Пастыря значитъ поучаться въ догматахъ и заповѣдяхъ Евангельскихъ. Идти за Пастыремъ значитъ самымъ дѣломъ и жизнію послѣдовать ученію Христа Спасителя, и подражать Его примѣру. Но не слишкомъ ли много для овецъ подражать пастырю, дѣлать то же, что пастырь? — Чтобы устранить сіе недоумѣніе, Христосъ Спаситель является не только Пастыремъ, но и Агнцемъ, какъ видитъ и указуетъ Его Іоаннъ Креститель: *се Агнецъ Божій, вземлій грѣхи міра.* Отговорка уничтожена: безпрекословно могутъ и должны овцы подражать соестественнымъ дѣйствіямъ Агнца, могутъ и должны человѣки подражать добродѣтелямъ, совершаемымъ въ соестественномъ имъ человѣчествѣ Христовомъ. Какимъ наипаче добродѣтелямъ? Сіе опять можемъ узнать отъ Него Самого. *Научитеся отъ Мене,* глаголетъ, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ!*

Повторяю: подумаемъ, куда мы идемъ. Если ты имѣешь искреннее усердіе поучаться въ истинахъ святыя вѣры и въ заповѣдяхъ Евангельскихъ; если стараешься исполнять сіе ученіе самымъ дѣломъ и жизнію; если кротость и смиреніе суть посто-

янныя твои качества: то ты послѣдователь Агнца Божія, ты овча Пастыря Хрїста; ты вѣрно идешь къ Нему на десную страну. Но если кто слушать гласа Хрїстова въ Евангелїи нерадитъ; о исполненїи заповѣдей Евангельскихъ не заботится; образовать себя въ качествахъ агнчаго послушанїя, кротости и смиренїя не подвизается; напротивъ того, прихотливо скачетъ отъ суеты къ суетѣ; мудрованїемъ плотскимъ и мірскимъ возноситъ себя до мечтательной высоты, какая изображена въ словахъ пророка: *козелъ козїй возвеличися до зѣла* (Дан. VIII. 8.); издаетъ отъ себя смрадъ нечистыхъ дѣлъ: можно ли о таковомъ сомнѣваться, куда онъ идетъ, и куда, наконецъ, прїйдетъ, если не перемѣнитъ пути своего? — Уже указано: *козлища ошуюю.*

Во-вторыхъ, отличительное качество десныхъ предстоятелей суда Хрїстова изображается въ Евангелїи наименованїемъ благословенныхъ сыновъ Отца небеснаго. *Прїидите*, глаголетъ Судїя, *благословенїи Отца Моего.* Самое имя сыновъ здѣсь умолчано, нельзя однако сомнѣваться, что оно подразумѣвается; ибо сему соотвѣтствуетъ то, что въ слѣдъ за нимъ Сынъ Божїй нарицаетъ человѣковъ *меньшими братїями* Своими. При семъ надобно вспомнить, что съ тѣтъ поръ, какъ проклята земля въ дѣлахъ человѣка согрѣшившаго, мы раждаемся въ мірѣ, и живемъ по природѣ, не въ качествѣ сыновъ Божїихъ, потому что раждаемся и живемъ во грѣхахъ, а всякъ творяй грѣхъ есть не сынъ Божїй, но рабъ грѣха,—и не въ качествѣ благословенныхъ Отца небеснаго, потому что *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законный, яко творити я* (Гал. III. 10.). Какъ же можетъ человѣкъ избавиться отъ проклятїя?—Чрезъ Хрїста, по реченному: *Хрїстосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. III. 13.), въ Своемъ крестномъ страданїи. Какъ можно сдѣлаться сыномъ Божїимъ?— Чрезъ Хрїста, по реченному: *елицы прїяша Его, даде имъ область чадомъ Божїимъ быти.* Какъ сдѣлаться благословеннымъ Отца небеснаго?—Чрезъ Хрїста, по реченному: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Хрїста, благословивый насъ всяцѣмъ благословенїемъ духовнымъ въ небесныхъ о Хрїстѣ* (Еф. I. 3.). И хотя благословенїе сїе уже готово для насъ со стороны Божїей: однако съ нашей стороны оно не очень легко прїобрѣтается. — Авраамъ получилъ благословенїе Божїе чрезъ Мелхиседека не прежде, какъ побѣдивъ враговъ, и высочайшее непосредственное благословенїе отъ самого Бога— не прежде, какъ отдавъ Ему въ жертву единороднаго сына своего. Іаковъ получилъ благословенїе и новое имя только тогда, когда *труды своими укрѣпѣ къ Богу, и укрѣпѣ со Ангеломъ, плакашеся и молящеся* (Ос. XII. 3. 4.). Надобно умѣть побѣждать страсти и похоти, надобно крѣпко подвизаться въ вѣрѣ, въ молитвѣ, въ самоножертвованїи, чтобы достигнуть преимущества быть благословеннымъ Отца небеснаго.

Теперь осмотримся вновь, на какомъ мы пути. Если на пути преодолѣнїя и умерщвленїя страстей и похотей, на пути трудовъ и слезъ благочестивыхъ, на пути вѣры, молитвы, самоотверженїя и самоножертвованїя изъ любви къ Богу и Хрїсту:—слава Богу! есть надежда, что не мимо насъ пройдетъ призывный гласъ: *прїидите благословенїи Отца Моего?* Но если кто не побѣждаетъ страстей и похотей, а ими побѣждается, плѣняется и увлекается; если кто любитъ не трудъ молитвенный и слезы умиленїя, но смѣхъ разсѣянїя и безполезную тревогу игръ и забавъ; если кто на чувственное удовольствїе, какъ Исавъ на вареніе сочевно, бросается съ такою жадностїю, что для него пренебрегаетъ безцѣнное преимущество духовнаго во Хрїстѣ первородства, теряетъ желаніе благословенїя Отца небеснаго: то куда приведутъ такїя расположенїя душевныя и такое направленїе жизни?—*Не восхотѣ благословенїя, и удалится отъ него* (Псал. CVIII. 17.). Въ адъ можно прїйдти или упасть, хотя того не хочешь, и не думаешь о томъ: на небо нельзя взойдти, когда того не хочешь, и не душаешь о томъ.

Въ-третьихъ, качество десныхъ, то есть, оправдываемыхъ и къ блаженству назначаемыхъ предстоятелей суда Хрїстова, въ

Евангеліи означается наименованіемъ *праведниковъ*. Ибо тѣ, которыхъ Судія призываетъ подъ наименованіемъ благословенныхъ Отца Своего, въ послѣдствіи называются праведниками: *отвѣщаютъ Ему праведницы: — идутъ праведницы въ животъ вѣчный*, и никто болѣе. Понятіе праведника заключаетъ въ себѣ всякую добродѣтель, исключаетъ всякую неправду, всякій порокъ и всякій грѣхъ; и слѣдственно представляетъ такое совершенство нравственное, что я не знаю, дерзнетъ ли кто, кромѣ какого нибудь самообольщеннаго фарисея, признать себя въ достоинствѣ праведника. Кто же посему можетъ надѣяться быть оправданнымъ на судѣ Хрістовомъ, на которомъ только праведники оправданы будутъ?—Можетъ надѣяться тотъ, кто, съ Апостоломъ, *вмѣняетъ вся уметы быти, да Хріста пріобрящетъ, и обрящется въ Немъ не имый своея правды, яже отъ закона, но яже вѣрою Іисусъ Хрістовою, сущую отъ Бога праведу въ вѣрѣ* (Фил. III. 8. 9.). *Аще исповѣдаемъ грѣхи наша*, говоритъ другой Апостолъ, *вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. I. 9.). Дѣятельное очищеніе себя покаяніемъ, сердечное стремленіе вѣры ко благодати Хрістовой, ревностное, при помощи благодати, упражненіе во всякой добродѣтели, — таковъ путь правды, въ продолженіе котораго смиренный христіанинъ всегда обрѣтаетъ себя не имущимъ своея правды, и на концѣ котораго благодать являетъ его совершеннымъ праведникомъ.

Можетъ быть, не удобно и даже не безопасно было бы требовать отъ васъ, братія, полной увѣренности, что вы находитесь на семъ пути: но нельзя не требовать отъ васъ заботливаго надъ собою наблюденія, не внѣ ли сего единаго спасительнаго пути лежатъ обыкновенныя стези нашей жизни. Кто не покаялся искренно и глубоко, тотъ не сдѣлалъ перваго шага на пути правды. Кто не ищетъ своея правды во Хрістѣ, тотъ нигдѣ не найдетъ ея. Кто не упражняется въ правдѣ, то есть, въ добродѣтели, для него доступной, тотъ, конечно, не идетъ по пути, по которому шествующіе возводятся въ достоинство праведниковъ.

Но дабы кто не былъ устрашенъ и обезнадеженъ необъятнымъ, по видимому, требованіемъ упражненія во всякой добродѣтели, укажемъ въ особенности на добродѣтель, которая представляетъ какъ бы сокращенный путь, и простое, но вѣрное и безопасное шествіе къ праведности и къ вѣчному на судѣ Хрістовомъ оправданію. Какая добродѣтель съ особенною свѣтлостію является на судѣ Хрістовомъ, и являетъ своихъ подвижниковъ праведниками, благословенными чадами Отца небеснаго, достойными царствія, уготованнаго отъ сложенія міра? — Милосердіе къ ближнимъ, ради Хріста. *Взалкахся бо*, глаголетъ Хрістосъ Судія сущимъ одесную, *и дасте Ми ясти, возждахся, и напоисте Мя, странень бѣхъ, и введосте Мене, нагъ, и одѣясте Мя, боленъ, и посѣтисте Мене, въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ. Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.* Какой это краткій путь, и какъ далеко достигаетъ? Какой тихій, пѣшій ходъ, и какъ высоко возводитъ быстрѣе колесницы! Какое мелкое сѣяніе, и какую многоплодную готовитъ жатву? Съ мыслію о Хрістѣ, которая здѣсь необходима по тому, что на судѣ цѣнится дѣйствованіе не просто для человѣковъ, но для человѣковъ, яко меньшихъ братій Хрістовыхъ, — ты подаешь укрухъ хлѣба, и тебѣ даруется право на царство; одѣваешь нагаго тлѣнною одеждою, и благодать отдариваетъ тебѣ нетлѣнною ризою правды; идешь встрѣтить странника, навѣстить больнаго или узника, и тѣми же самыми шагами идешь на десную страну грядущаго во славѣ Хріста Судіи, въ соборъ благословенныхъ Отца небеснаго.

При семъ естественно раждается вопросъ: неужели найдутся люди, которыхъ не привлечетъ сей легкій и пріятный путь, которые облѣнятся идти по немъ? — Разсудокъ готовъ на сіе отвѣтствовать, что это невѣроятно, а несчастный опытъ говоритъ, что это почти обыкновенно у не малаго числа людей. О бѣдные странники земли! Куда же идемъ мы, если пойдемъ путемъ милосердія христіанскаго къ милосердію Хрістову? Вѣдь предъ нами только два пути: путь приближенія ко Хрісту,

и путь удаленія отъ Него; одинъ къ благословенію, другой къ проклятію; одинъ въ животъ вѣчный, другой въ муку вѣчную. Кто не старается вѣрно держаться на первомъ пути, тотъ неизбѣжно сбивается на послѣдній.

Впрочемъ, братія, если кто изъ насъ и далеко уклонился отъ спасительнаго пути Христова: да страшится оставаться; но да не отчаявается возвратиться. Еще двери милосердія не затворены. Еще путь спасенія открытъ. Еще слышанъ гласъ Великаго Пастыря не разлучающій, а собирающій: *и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего; и тыя Ми подобаетъ привести* (Іоан. X. 16.). Поспѣшимъ на сей обнадеживающій гласъ, и ближніе и дальніе, отозвяться всѣми желаніями сердца: приведи насъ къ Себѣ, Божественный Пастырь и Посѣтитель душъ; сотвори насъ овцами пажити Твоея; собери въ ограду Твоего закона; покрый охранительнымъ кровомъ Твоея благодати; да и въ грозный день разлученія овецъ отъ козлищъ сподобимся стати одесную Тебе, и пріимемъ вѣчное благословеніе и наслѣдіе вѣчнаго царствія Твоего! Аминь.

6. СЛОВО

На память Святителя и Чудотворца Алексія, въ среду второй недѣли великаго поста,

Февраля 12, 1847 года.

Блажени плачущіе нынѣ: яко возсмѣетеся. Лук. VI. 21.

Образъ поста, и при осторожности противъ фарисейскаго лицемѣрнаго помраченія лицъ естественно нѣсколько суровый и печальный, довольно просвѣтляется у насъ нынѣ радостію праздничною, и это по уставу святыя Церкви. Но нынѣ же, и по тому же уставу, оглашены мы словомъ Евангельскимъ, располагающимъ къ плачу: *Блажени плачущіи нынѣ.*

Что же должно намъ дѣлать? Радоваться, или плакать? Подумала ли Матерь, чего желаетъ она отъ своихъ чадъ?—Безъ сомнѣнія, подумала, и знаетъ, чего желаетъ. Будьте внимательны: и безъ большаго труда усмотрите, какъ духовная радость свободно входитъ въ область печали, и опять, когда нужно, уступаетъ мѣсто справедливой печали.

Память праведника, Святителя и Чудотворца Алексія, мы совершаемъ. Но священная притча учитъ, что *память праведныхъ* должна быть *съ похвалами* (Притч. X. 7.). А другая притча сказуетъ, что *похваляемымъ праведнымъ, возвеселятся людіе* (XXIX. 2.). Изъ сего, людіе православніи, видите, какъ можно намъ нынѣ радоваться. Для сего довольно привести на память житіе Святителя Алексія, подвиги его, добродѣтели, благодѣянія. Доброе само въ себѣ заключаетъ похвалу, и само собою радуетъ.

Посмотрите мысленно на отрока Елевѳерія, которому суждено было въ послѣдствіи времени сдѣлаться Святителемъ Алексіемъ. Изъ дѣтскихъ забавъ онъ избираетъ для себя умную, чистую, и, можетъ быть, не безполезную. Ставитъ сѣть, и хочетъ ловить птицъ. Но Тотъ, безъ воли Котораго и врабій не падаетъ на землю, не посылаетъ ловитвы: потому что хощетъ не утѣшить Елевѳерія дѣтскимъ утѣшеніемъ, а отсѣчь у него склонность къ забавамъ, и готовить его къ важнымъ занятіямъ. Ловца земнаго самого хощетъ уловить Ловецъ небесный. Утомленный ожиданіемъ ловитвы, отрокъ дремлетъ: и, въ минуту сего безмолвія внѣшнихъ чувствъ, Ангелъ отверзаетъ у него внутренній слухъ, и говоритъ его душѣ: *Алексіе! что всуе трудишися? Будеши человѣки ловящь.* Потрясенная душа пробуждаетъ тѣло. Елевѳерій не знаетъ, чей это гласъ, чье это имя, что значитъ предсказаніе о ловитвѣ человѣковъ: но тѣмъ не менѣе небесное сѣмя глубоко всѣлось въ его душу, и начало прозябать. Онъ оставилъ птицеловство и всѣ другія забавы; сдѣлался молчаливъ и казался печальнымъ, потому что не былъ разсѣянъ, и не занимался внѣшнимъ; воспоминаніе таинственнаго гласа влекло его къ внутреннему и невидимому. Чрезъ три года онъ рѣшительно предался сему влеченію, отрекся

отъ міра, и при вступленіи въ монашество въ Богоявленскомъ монастырѣ, получилъ имя Алексія, предпареченное въ сновидѣніи.

Это ранняя заря духовной жизни Святаго Алексія: но не довольно ли уже она свѣтла и пріятна? Пятнадцатилѣтній отрокъ отрекается отъ утѣхъ юности, сынъ боярина — отъ блеска знатности, крестникъ Князя, чаемаго владѣтеля Москвы, — отъ видовъ на большую еще знатность; рѣшается жить только для Бога и для души; заключаетъ себя въ монастырскую жизнь, — надѣюсь, не станете спорить, если скажу: — болѣе строгую за пять сотъ лѣтъ предъ симъ, нежели въ наше время. Посмотрите, старцы, на отрока: и не только порадуйтесь о немъ, но и поучитесь отъ него. Хорошо было бы, если бы на него умѣли, какъ должно, посмотрѣть и нѣкоторые дѣти бояръ, по крайней мѣрѣ для того, чтобы не почитать себя очень любомудрыми и очень возвышенно мыслящими, когда они, поспѣшно вышедъ изъ училища, не столько стремятся къ подвигамъ и пользамъ Отечества, сколько преслѣдуютъ призраки почестей, или кружатся въ вихрѣ суеты и роскоши.

Посмотримъ далѣе на Алексія, монашествующаго. Надобно ли говорить о его подвигахъ, собственно монашескихъ? Понятно само собою, что пренебрегшій такъ много пріятнаго въ мірѣ, возложивъ руку на рало, уже не озирался вспять; не искалъ, какъ иные нынѣ, подъ наименованіемъ подвижничества, только покойной и обезпеченной жизни; отъ протяженныхъ богослуженій и молитвъ не уклекалъ по частицѣ для своей лѣности; не смотрѣлъ однимъ окомъ въ церковь, а другимъ за ограду Обители; не цѣнилъ собственности послѣ обѣтовъ нестяжанія; не вмѣшивалъ своей воли въ дѣла послушанія. Укажу на особенный подвигъ, который одинъ достаточенъ, чтобы показать Алексія свѣтильникомъ, необыкновенно свѣтлымъ не только для своего вѣка, но и для многихъ вѣковъ. Въ вѣкѣ, не представлявшемъ ни довольно пособій, ни довольно поощренія къ усиленному ученію, онъ имѣлъ ревность, и нашелъ способы, достаточно научиться греческому языку: и для чего? — для того, чтобы пріобрѣсти болѣе ясное и точное разумѣніе священныхъ книгъ Новаго Завѣта, на ихъ первоначальномъ Апостольскомъ языкѣ. И не довольствуясь симъ пріобрѣтеніемъ для себя, онъ возжелалъ еще раздѣлить оное съ единовѣрными и единоплеменными. Сличилъ славенскій переводъ новозавѣтныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ, и, очистивъ отъ несовершенствъ и погрѣшностей, внесенныхъ въ него неискусными переписчиками, собственною рукою написалъ оный въ книгѣ, которая хранится и до нынѣ въ сей, отъ него созданной Обители, какъ одно изъ безцѣнныхъ отъ него наслѣдій.

Кому любезна Божественная истина и чистая слава Церкви, тотъ всегда съ утѣшеніемъ взирать будетъ на сей богословскій подвигъ святаго Алексія. Какъ чисто сіяетъ въ ономъ Православіе, которое всегда обращалось и обращается къ священному Писанію, яко къ вѣчному и для всѣхъ открытому источнику Божественной истины! Въ какомъ благопріятномъ свѣтѣ представляетъ онъ достоинство россійскаго духовенства въ четвертомъ надесять христіанскомъ вѣкѣ, который нигдѣ не блисталъ просвѣщеніемъ! Какое подтвердительное свидѣтельство даетъ онъ дѣйствованію россійскаго священноначалія въ послѣдовавшіе вѣки, въ исправленіи поврежденныхъ славенскихъ рукописей священныхъ и церковныхъ книгъ по греческимъ подлинникамъ! Какъ ясно обличаетъ неправое мудрованіе тѣхъ любителей мнимой старины, у которыхъ любовь къ старинѣ превратилась въ благоговѣніе къ старинымъ ошибкамъ, и которые исправленіе описки стариннаго писца почитаютъ преступленіемъ, и даже поврежденіемъ вѣры!

Наконецъ, воззримъ на Алексія, какъ на Святителя, и святаго. Добродѣтельное житіе и мудрость его побудили Всероссійскаго Митрополита Ѳеогноста взять его въ митрополитскій домъ, и ввѣрить ему церковные суды. Двѣнадцать лѣтъ былъ онъ удержанъ въ семъ служеніи, не безъ особеннаго устроенія Провидѣнія, чтобы въ болѣзнующихъ членахъ ближе узналъ состояніе и потребности всего тѣла Церкви, которое потомъ долженъ былъ хранить и врачевать. Послѣ сего приготовленія, тѣмъ же Митрополитомъ Ѳеогностомъ постав-

ленъ святый Алексій Епископомъ граду Владиміру, а чрезъ четыре года, имъ же, со всѣмъ священнымъ Соборомъ, и съ Совѣтомъ Великаго Князя Симеона, избирается на престолъ Всероссійской Митрополіи. Избраніе нѣсколько необычайное, при жизни митрополита сего престола, имъ самимъ: но это было какъ бы по предвѣдѣнію, чтобы предупредить и не допустить не избранныхъ искателей сего престола, каковыми дѣйствительно вскорѣ явились Ѳеодоритъ и Романъ. Съ сего времени святый Алексій рѣшительно является богоизбраннымъ, богохранимымъ и богоправимымъ Ангеломъ Церкви Всероссійскія.

Онъ путешествуетъ въ Константинополь, и получаетъ патріаршее благословеніе и утвержденіе. Встрѣтивъ потомъ въ Россіи соперника, вновь путешествуетъ въ Константинополь, чтобы отдать себя и его на судъ Патріарха, и вновь получаетъ утвержденіе на каѳедрѣ всероссійской: а два не избранные искатели ея исчезаютъ. Въ послѣднемъ изъ сихъ путешествій онъ подвергается опасности на морѣ: но, давъ съ молитвою обѣтъ, по избавленіи, создать Обитель монашествующихъ, невредимъ достигаетъ берега и отечества; и монастырь Андрониковъ стоитъ донынѣ памятникомъ услышанной молитвы и оправданнаго обѣта.

Вскорѣ оказалось, что всеблагій Богъ, спасая святаго Алексія отъ опасности, сберегалъ спасительное орудіе для охраненія Церкви и Державы Россійской, и для славы Своего имени даже за предѣлами Церкви. Царь Орды, которой сила въ тѣ времена тяготѣла надъ Россіею, чрезъ посла требовалъ, чтобы Алексій пришелъ въ Орду, и исцѣлилъ царицу, ослѣпшую и бѣснуемую. Джанибекъ требовалъ того, что не во власти человѣческой: но, не понимая сего, въ случаѣ неисполненія требованія, безъ сомнѣнія, готовъ былъ прійдти въ ярость, опасную и для Святителя, и для Церкви, и для Россіи. Бѣды являютъ великихъ и святыхъ: такъ было и въ семъ случаѣ. Алексій явилъ великій духъ,—потому что не уклонился отъ опаснаго путешествія; крѣпкую вѣру,—потому что не отказался отъ молитвы о чудесномъ исцѣленіи; глубокое смиреніе, — потому что, не полагаясь на себя, молился при гробѣ святителя Петра. Богъ подкрѣпилъ его вѣру знаменіемъ: свѣща у гроба Святителя Петра зажглась сама собою. Святитель Алексій идетъ въ Орду, исцѣляетъ царицу, и стяжаваетъ удивленіе, почести, дары и безопасность Церкви и Россіи.

Совершившееся чудодѣйствіе поставило его такъ высоко во мнѣніи всѣхъ, что, когда другой жесточайшій царь Орды угрожалъ Россіи опустошительнымъ нашествіемъ, Великій Князь Іоаннъ не нашелъ для нея лучшей защиты, какъ Святителя Алексія: и сей, съ новымъ самопожертвованіемъ для блага общаго, идетъ въ Орду, и хотя встрѣчаетъ затрудненія, и много претерпѣваетъ, однако вновь возвращается со славою, принося Церкви безданность и миръ Отечеству.

Помянухъ судьбы Твоя отъ вѣка, Господи, и утѣшихся (Псал. CXVIII. 52.), сказалъ зритель судебъ Божіихъ въ народѣ Божіемъ. Не сіе ли долженъ чувствовать внимательный зритель Господнихъ отъ вѣка судебъ надъ Россіею и Церковію Россійскою? Какъ крѣпко у насъ Церковь и Отечество другъ друга обнимали и поддерживали! Какъ благодѣтельно было твердое единство священноначалія при недовершившемся еще единствѣ государственномъ! Какъ чудно, противъ тяготѣвшей надъ нами силы чуждаго невѣрнаго народа, поставлена была духовная сила Церкви, чтобы нѣсколько уменьшить и сдержать сію разрушительную тяжесть, доколѣ возрастутъ и созрѣютъ для ея отраженія побѣдоносныя государственныя силы! Помнай, православный сынъ Россіи, съ благодареніемъ сіи древнія судьбы, и съ упованіемъ храни для грядущихъ временъ силы, столь благотворныя во временахъ протекшихъ, силу вѣры и любви къ Отечеству, силу единодушія и готовой на всякое пожертвованіе любви къ самодержавной власти.

Не могу слѣдовать за святымъ Алексіемъ по всему двадцатичетырехлѣтнему поприщу его святительствованія въ Москвѣ. И васъ утомить боюсь. Но встрѣчаю нѣчто, чего не могу пройдти безъ вниманія. Есть одно начинаніе Святителя Алексія, котораго онъ не привелъ къ концу.

Есть одинъ споръ, въ которомъ онъ не одержалъ побѣды. Смотрю, дивлюсь, и радуюсь, хотя не понимаю. У чудотворца начинаніе, котораго онъ не можетъ совершить? У богомудраго споръ, въ которомъ онъ не одерживаетъ побѣды? Необычайно; а точно такъ. Приближаясь къ предѣлу своего земнаго поприща, святый Алексій желалъ найдти себѣ святаго преемника. Святые видятъ святыхъ: и такимъ образомъ святый Алексій видѣлъ святаго Сергія. Призвалъ его, и предложилъ ему свой престолъ. Но Сергій отрекся; и Алексій не настоялъ.

Что̀ можетъ быть святѣе начинанія Святителя Алексія? Ка̀къ же оно не совершилось! Ка̀къ смиренный Сергій дерзнулъ воспрекословить Святителю, котораго глаголовъ слушалъ всегда, какъ Христовыхъ? Ка̀къ Святитель не рѣшился преоборотъ Игумена силою церковнаго и монашескаго закона послушанія? Сколько бы мы ни умножали вопросовъ, ни святый Алексій, ни святый Сергій отвѣчать намъ на нихъ не будутъ. Для чего же намъ сіе показано?—Для того, чтобы до земли смирился нашъ гордый умъ предъ судьбами Божіими, которыхъ и святые иногда не постигаютъ, и предъ самыми святыми, которыхъ мы грѣшные часто ни видѣтъ, ни понять не умѣемъ; и чтобы благоговѣющее сердце изъ глубины своей воззвало съ псалмопѣвцемъ: *дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ* (Псал. LXVII. 36.).

Поистинѣ, дивенъ Богъ въ тебѣ, Святителю Алексіе: дивенъ и въ томъ, что пророчественно явилъ тебѣ въ преподобномъ Сергіи Свое избранное орудіе, не только для твоего времени, но и для послѣдующихъ временъ; дивенъ и въ томъ, что, не давъ тебѣ преемника, тебѣ подобнаго, предоставилъ тебѣ, съ нѣкоторыми сопрестольниками твоими, безпреемственную власть въ Церкви Своей. Ты безмолвствуешь: но паче слова проповѣдуешь благочестіе, и защищаешь Православіе. Покоишься видимо: но дѣйствуешь невидимо, данною тебѣ благодатною силою, очищая и укрѣпляя наши несовершенныя и немощныя молитвы, распространяя окрестъ себя духовное благоуханіе, успокоивающее, услаждающее, врачующее, питая такимъ образомъ стадо, и пася овецъ и пастырей. Твоему пастырству благодареніе, что и нынѣ сіи овцы твои любезно тѣснятся окрестъ тебя! Твоему благословенію благодареніе и за то, что и въ первые дни сего поста храмъ твой наполнялся молящимися, какъ въ торжественнѣйшіе праздники! Твой это даръ; а моя радость, и общая надежда спасенія, хотя есть о чемъ и печалиться, и чего страниться.

Радуясь о чтителяхъ поста, могу ли безпечально смотрѣть на тѣхъ, которые не только не довольно чтутъ его, но какъ бы ругаются надъ нимъ своими поступками? На что̀ была эта неумѣстная общественная веселость не въ праздникъ? А въ праздникъ, зачѣмъ похищено время у благоговѣнія, и расточено на суету? На что̀ эта невоздержность, это преобладаніе увеселеній въ преддверіи поста? Тысячи христіанскаго народа бѣгутъ по слѣдамъ языческаго легкомыслія; и находятся люди, которые о дѣлахъ легкомыслія, какъ о достопамятностяхъ, повѣствуютъ съ торжествомъ и похвалами. Для чего это многолюдство не напомнитъ себѣ, что постомъ нѣсколько сотъ тысячъ Ниневитянъ спаслись отъ близкой погибели; а весь первый міръ, ядущій и піющій, роскошествующій и веселящійся, поглощенъ потопомъ? Для чего и въ постъ нѣкоторые не довольствуются, или и совсѣмъ не пользуются, умилительнымъ сладкопѣніемъ церковнымъ, но идутъ слушать зрѣлищнаго пѣвца и сладострастные звуки, или смотрѣть зрѣлища, не говорящія, правда, безстыдныхъ рѣчей слуху, но и не говорящія ничего назидательнаго глазу? Нѣкоторые скорбящіе о семъ, подобно мнѣ, говорятъ: для чего много снисходитъ сему Начальство? Мнѣ кажется, я имѣю на сіе удовлетворительный отвѣтъ. Начальство, какъ дѣтямъ, снисходительно позволяетъ вамъ открытыя забавы, чтобы склонные къ забавамъ, не имѣя открытыхъ, не предались тайнымъ, болѣе безпорядочнымъ и вреднымъ. Но вы для чего всегда хотите оставаться дѣтьми, въ вашей склонности къ забавамъ? Не ходите слушать страстнаго пѣвца, или смотрѣть обаятеля; дайте себѣ лучшія упражненія: неблаговременныя и недостойныя христіанской мудрости зрѣлища закроются

сами собою; обаятели разочаруются; пекущееся о благочестіи и благонравіи народа Начальство будетъ довольно; и христіанское общество явится въ образѣ строгаго благонравія, достойномъ временъ Апостольскихъ. Доколѣ же сего нѣтъ: не станемъ, по крайней мѣрѣ, льстить себѣ; не станемъ хвалить легкомысліе, какъ мудрость; признаемъ наше несовершенство; осудимъ нашу суетность; возскорбимъ и восплачемъ надъ нашимъ неочищеннымъ отъ грѣха веселіемъ. Поспѣшимъ сѣять слезы покаянія, чтобы пожать радость спасенія. Остережемся, чтобы, гоняясь слишкомъ много и долго за суетнымъ веселіемъ, не впасть, наконецъ, въ поздніи и безполезныя слезы безнадежности. *Послѣдняя радости*, мірскія и чувственной, *въ плачъ приходятъ*, говоритъ опытный Соломонъ (Притч. XIV. 13.). Напротивъ того, *блажени плачущіи* слезами умиленія духовнаго, учитъ Господь Спаситель нашъ, Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

7. СЛОВО

Въ день Святителя Николая, говоренное въ Николаевскомъ Перервинскомъ монастырѣ, Маія 9 дня, 1822 года.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. XIII. 7.

Сіе пишетъ Апостолъ Павелъ къ Евреямъ, то есть, къ обратившимся въ Христіанство изъ Еврейскаго народа, и вѣроятно, къ тѣмъ, которые жили въ Іудеѣ. Посему догадываться можно, что наставники, которыхъ онъ имѣлъ въ мысляхъ, суть именно Апостолы Іаковъ, братъ Іоанна, и Іаковъ, братъ Господень. Первый изъ сихъ скончался отъ меча, подъятаго на Церковь Іерусалимскую Иродомъ; а вторый пострадалъ отъ Іудейскаго первосвященника Анны и его скопища. Естественно, что дѣти Церкви съ горестію воспоминали столь бѣдственную потерю столь великихъ наставниковъ. Сіе-то расположеніе духа исправляетъ и возвышаетъ Апостолъ, поучая воспоминать кончину благочестивыхъ наставниковъ не съ печалію, но съ благоговѣніемъ, не для оплакиванія, но для подражанія. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.*

Послику Апостолы говорили то, что подаваемо было имъ отъ Духа Святаго: то послушныя дѣти Церкви наставленія ихъ принимали какъ законы, и слово ихъ обращали въ дѣло. Отсюда обыкновеніе торжественно воспоминать отшедшихъ къ Богу наставниковъ Христіанскихъ, и, когда уже не поучаютъ они словомъ, поучаться ихъ примѣромъ.

Иные наставники просіяли словомъ мудрости, иные иными дарованіями духовными, на пользу Церкви. Воспоминаемый нынѣ наставникъ, Святитель Николай, ознаменовалъ себя преимущественно сильною вѣрою и ревностію по вѣрѣ.

Воспоминайте же его такъ, чтобы при томъ поучаться, и самымъ дѣломъ подражать его *ревности по вѣрѣ*.

Ревность есть духовный огнь. Какъ мудрость свѣтитъ въ умѣ, какъ любовь согрѣваетъ сердце: такъ ревность, сложное дѣйствіе оныхъ двухъ силъ, воспламеняетъ все существо, въ которомъ она есть. Она является въ немъ напряженною дѣятельностію, которая все, что можетъ ей покориться, могущественно направляетъ къ своей цѣли,—способное къ очищенію очищаетъ, смѣшенное раздѣляетъ, нечистое и тлѣнное разрушаетъ, противоборствующее отражаетъ и разсыпаетъ. Такъ ревность Самого Бога изображаетъ Апостолъ, когда называетъ ее *ревностію огня, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X. 27.).

По сему образу, ревность человѣка въ отношеніи къ вѣрѣ есть такое качество и расположеніе духа, по которому человѣкъ съ пламеннымъ желаніемъ и живѣйшею дѣятельностію старается, истинную вѣру, которую онъ позналъ и возлюбилъ, сохранить, распространить, очистить отъ примѣшенія суевѣрій и соблазновъ, и враговъ

ея или умягчить и обратить, или довести до невозможности вредить ей.

Ревность по вѣрѣ есть *алчба и жажда правды* въ вѣрѣ, которая поколику обрѣтаетъ вѣру правую, потолику насыщается и блаженствуетъ; а когда или не обрѣтаетъ правыя вѣры, или видитъ ее ослабляему нерадѣніемъ ложныхъ Христіанъ, колеблему раздорами, угрожаему бѣдами, тогда *снѣдаетъ* (Іоан. II. 17.) самого ревнителя. Соломонъ, изображая сію огненную или снѣдающую силу ревности, говоритъ: *жестока, яко адъ, ревность* (Пѣсн. VIII. 6.). Аду ее уподобляетъ не потому, чтобы она хотѣла кого либо низринуть во адъ;—ибо сего не можетъ быть отъ истинной ревности, поелику въ составѣ ея есть любовь; — но или потому, что она, видя возлюбленныя творенія Божія на пути ко аду, и съ живѣйшимъ состраданіемъ представляла себѣ погибель, имъ предстоящую, сама въ себѣ чувствуетъ ихъ адъ; или потому, что ревность, съ избыткомъ растворенная любовію, готова бываетъ раздѣлить даже адскую участь съ тѣми, по которыхъ ревнуетъ, дабы облегчить участь сію для нихъ, и своею опасностію исхитить ихъ отъ опасности. Такъ Апостолъ Павелъ, ревнуя по Израильтянахъ *ревностію Божіею*, побужденъ былъ сказать, что онъ *молилбыхся самъ отлученъ быти отъ Христа по братіи своей* (Рим. IX. 3.), то есть, дабы они во Христа увѣровали.

По сему и подобнымъ примѣрамъ, нѣкоторые, можетъ быть, думаютъ, что сія святая ревность не есть общая и всегдашняя обязанность, но даръ, низносылаемый благодатію не многимъ, на нѣкоторые особенные случаи, когда необыкновенныя опасности вѣры требуютъ необыкновенныхъ усилій для ея сохраненія и утвержденія. Подозрѣніемъ въ семъ образѣ разсужденія не касаемся мы тѣхъ, которые охладѣли въ вѣрѣ до такой степени, что не исполняютъ и обыкновенныхъ, всѣми признанныхъ, ея обязанностей: какъ искать ревности по вѣрѣ у тѣхъ, у которыхъ и самой вѣры въ дѣлахъ найти не можно? Нѣтъ ли такихъ, которые чтятъ вѣру, желаютъ, и употребляютъ нѣкоторыя усилія исполнять ея обязанности, поколику знаютъ ихъ, но у которыхъ ни въ исчисленіи должностей, ни въ спискѣ добродѣтелей не найдешь имени ревности? Не думаютъ ли, что намъ нѣтъ нужды въ ревности Павла, когда мы не назначены сражаться съ упорствомъ Іудеевъ, ни въ ревности Моисея, или Финееса, или Иліи, когда мы не живемъ среди мерзостей язычества?

Конечно, не всякому быть Моисеемъ или Финеесомъ, Иліею или Павломъ; когда и Моисей въ извѣстное время не могъ быть Финеесомъ, ни Финеесъ Моисеемъ. Но если Моисей въ одномъ, а Финеесъ въ другомъ случаѣ, спасли цѣлый народъ Божій своею ревностію: не лучше ли было бы еще, когда бы такихъ ревнителей было болѣе? А изъ сего уже и видно, что если святая ревность не есть необходимая обязанность, по крайней мѣрѣ она есть желательная добродѣтель.

Но осмотримся внимательнѣе, не найдемъ ли мы ревности и между необходимыми нашими обязанностями. Что можетъ быть необходимѣе и повсемственнѣе обязанностей, которыя Самъ Богъ возложилъ на насъ десятью заповѣдями? Здѣсь ищу я закона ревности, и сіе исканіе нѣтъ нужды простирать далѣе первой заповѣди. *Азъ есмь Господь Богъ твой; да не будутъ тебѣ боги иніи:* слышите ли вы въ сихъ словахъ, вмѣстѣ съ заповѣдію вѣры и любви, заповѣдь ревности? Вслушайтесь разборчиво. Когда небесный Законодатель провозглашаетъ Себя *Господомъ* и *Богомъ*: Онъ возвѣщаетъ Свою власть, и требуетъ нашей покорности; возвѣщаетъ Свое величіе, и поставляетъ насъ въ благоговѣніе предъ Нимъ. Когда же *не стыдится*, какъ выражается въ семъ самомъ предметѣ Апостолъ (Евр. XI. 16.), *нарицаться* Господомъ и *Богомъ нашимъ*: что являетъ Онъ намъ въ Себѣ, какъ не любовь, и что возбуждаетъ въ насъ къ Себѣ, какъ не любовь? Ибо что можетъ быть полнѣе любовію отъ лица говорящаго, что любезнѣе для слышащаго, какъ сказать, какъ услышать говорящаго: *Я есмь твой*. И такъ вотъ заповѣдь любви. Но что далѣе? *Да не будутъ тебѣ боги иніи, развѣ Мене*. Что сіе значитъ, какъ не то, что Богъ, постановивъ между Собою и человѣкомъ союзъ любви, желаетъ укрѣпить его и возвысить

до такого совершенства, чтобы любовь сія исключала всякую другую любовь, которая съ нею не согласна, и ей не подчинена, или, что тоже, открываетъ Свою ревность, и ревность намъ заповѣдуетъ? И такъ вотъ заповѣдь ревности. Изъясненіе сіе не вымышлено, а дано Самимъ Творцемъ закона, въ продолженіи десятословія: *Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель* (Исх. XX. 5.).

Изъ сего не трудно усмотрѣть, какъ то, что обязанность, быть ревностнымъ по Богѣ и по вѣрѣ въ Него, лежитъ на каждомъ человѣкѣ, такъ и то, что обязанность сія простирается на всѣ времена и случаи: поелику заповѣдь ревности неразрывно связана Высочайшимъ Законоположникомъ съ заповѣдію любви къ Богу, которая никогда никакому исключенію подвержена быть не можетъ.

Но дабы ближе въ самомъ дѣйствіи усмотрѣть, какъ далеко можетъ и должна простираться святая ревность, вопрошаю: должно ли быть ревнительну по такомъ Богослуженіи, которое хотя и было правильное и Богомъ установленное, но, по Его же судьбамъ, уже начало терять свое достоинство и значеніе, и вскорѣ совершенно должно быть разрушено? Какъ многія души, не воспламененныя Божественнымъ огнемъ, подумали бы, что онѣ, не нарушая своихъ обязанностей, съ хладнымъ равнодушіемъ смотрѣть могутъ на какое бы то ни было уничиженіе такого Богослуженія! Не подумаютъ ли нѣкоторые, что въ такомъ случаѣ ревность была бы даже неумѣстна и неразсудительна, усиливаясь подкрѣплять то, что непремѣнно должно быть разрушено? Примѣчайте же здѣсь, какъ много можетъ обмануть насъ мнимое благоразуміе, лишенное живаго чувствованія сердечнаго, или лучше сказать, нерадѣніе, прикрытое видомъ благоразумія. Не такъ мыслилъ, не такъ поступалъ Тотъ, Который есть самая Премудрость, и вмѣстѣ самая Любовь, и потому, чистѣйшій образецъ ревности. Іерусалимское Богослуженіе, состоявшее изъ тѣней и гаданій, должно было прекратиться, когда явился Іисусъ Христосъ, Свѣтъ тѣней и разрѣшеніе гаданій; и самому храму вскорѣ надлежало быть предану язычникамъ для конечнаго разрушенія. Но что въ сіе время чувствовалъ, что сказалъ, что сдѣлалъ Іисусъ Христосъ, когда увидѣлъ во храмѣ недостойное храма? Онъ чувствовалъ то, что изображено у Пророка: *ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня. Не творите*, говорилъ Онъ, *дома Отца Моего домомъ торговли.* И самымъ дѣломъ *изгналъ* продающихъ изъ храма (Іоан. II. 14—17.).

Видите, Христіане, примѣръ святыя ревности въ такомъ случаѣ, по которому должно заключить, что и каждому изъ насъ не будетъ недостатка въ случаяхъ къ подвигамъ ревности. И сей образъ ревности показанъ точно всѣмъ: ибо Іисусъ Христосъ поступилъ въ семъ случаѣ, не яко принадлежащій храму, но особенной къ нему обязанности, поелику извѣстно, что Онъ никогда не поставлялъ Себя въ такое положеніе, но во всѣхъ случаяхъ, для исполненія обязанностей установленнаго Богослуженія, даже очудодѣйствованныхъ Имъ, отсылалъ къ Священникамъ; Онъ дѣйствовалъ здѣсь по свободной, всеобщей ревности.

И такъ, Христіанинъ, если ты вѣруешь, и желаешь быть вѣренъ твоей вѣрѣ: то надлежитъ тебѣ быть и ревнителемъ по вѣрѣ. Не отрицайся отъ сего тѣмъ, что ты не видишь враговъ вѣры, и не встрѣчаешь предметовъ ревности. Іисусъ Христосъ нашелъ предметъ ревности въ самомъ храмѣ истиннаго Бога. Встрѣчается и въ истинной Церкви Христіанской то, что ревностнаго Христіанина снѣдаетъ ревностію.

Можно ли равнодушно видѣть многихъ изъ чадъ вѣры, живущихъ въ такомъ невѣдѣніи о томъ, во что они вѣруютъ, что имъ точно можно сказать сказанное Самарянамъ: *вы кланяетеся, Егоже не вѣсте* (Іоан. IV. 22.)? Если Богъ даровалъ тебѣ истинный свѣтъ вѣры и разумѣніе тайны Христовы: то возревнуй по таковыхъ со Апостоломъ *Божіею ревностію* (2 Кор. XI. 2.), и *болѣзнуй* спасительною болѣзнію, *дондеже воообразится въ нихъ Христосъ* (Гал. IV. 19.).

Не встрѣчаемъ ли Христіанъ, которые право такъ именовать себя основываютъ токмо на исполненіи нѣкоторыхъ наруж-

ныхъ, по легкости предпочтительно воспріемлемыхъ, обязанностей, безъ внутренняго исправленія сердца, безъ очищенія совѣсти, безъ возвышенія духа къ общенію съ Богомъ? Если ты Христіанинъ не по одному имени, но по духу и силѣ; скажи хотя одному изъ таковыхъ, кому можешь: почто ты, Христіанинъ сый, Іудейски, или даже язычески, живеши?

Трудно было бы окончить, если бы мы захотѣли продолжать исчисленіе подобныхъ случаевъ къ святой ревности, которые внимательный Христіанинъ ежедневно можетъ встрѣчать, обращаясь съ подобными себѣ Христіанами. Но еще не далеко ли мы оныхъ ищемъ, когда ищемъ далѣе самихъ себя?

Обратись, Христіанинъ, въ собственную твою храмину, войди въ себя самого: не найдешь ли и здѣсь того, что должно снѣдать тебя ревностію?

Если умъ твой *прилагается въ наученія странна и различна* (Евр. XIII. 9.), и не хочетъ отдать себя въ свободный плѣнъ и блаженное послушаніе вѣрѣ: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность святыхъ Отцевъ, которые силою вѣры *низлагали взнимавшіяся на разумъ Божій возношенія* (2 Кор. X. 5.) гордаго разума ереснальниковъ?

Если корысть или суета наполняетъ сердце твое предметами міра, и оно занимается ими болѣе, нежели Богомъ, для Котораго сотворено: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность Моисея и Иліи, обличавшихъ и истреблявшихъ идолослуженіе?

Если чувства твои отверсты къ удовольствіямъ, растлѣвающимъ и оскверняющимъ душу: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность Финеса, дабы, если можно, рѣшительнымъ ударомъ *умертвить уды сущія на земли, страсть и похоть злую* (Кол. III. 5.)?

Ревнуя поревнуй по Господѣ Богѣ твоемъ (3 Цар. XIX. 10.). Не одному Финеесу ревность принесла завѣтъ священства вѣчнаго. И намъ, если будемъ чистыми и неизмѣнными ревнителями и поборниками по царствіи Божіемъ въ насъ и въ ближнихъ нашихъ, сія ревность принесетъ обѣтъ, или лучше, самое исполненіе обѣта, да *сотворитъ насъ* Христосъ *цари и іереи Богу Отцу Своему. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ, Аминь* (Апок. I. 6.).

8. СЛОВО

Въ день Святаго Мученика Благовѣрнаго Царевича Димитрія,

1846.

Аще міръ васъ ненавидитъ: вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Іоан. XV. 18.

Міръ дѣлаетъ иногда такія дѣла, которыя не только для ненавидимыхъ имъ ужасны, но и для любимыхъ имъ ненавистны. Но есть ли у него средства успокоить или утѣшить людей, пораженныхъ такими дѣлами?

Отдайте на судъ самаго міра дѣло, которое одна изъ великихъ силъ міра, страсть честолюбія, совершила надъ сыномъ царевымъ, не смягчась невинностію отрока и не устрашась крови, отъ предковъ освященной для блага народа. Безъ сомнѣнія, и міръ скажетъ, что это ужасно и ненавистно. А что можетъ онъ сдѣлать, чтобы сіе ужасное и ненавистное дѣло загладить или исправить?

Единъ Іисусъ Христосъ творитъ сіе чудо, что зло, которое міръ дѣлаетъ, и котораго уничтожить не можетъ, не только уничтожается, но и превращается въ добро для страждущихъ отъ міра; что на событіе ужасное и ненавистное можно взирать спокойно и съ любовію; что, вопреки естественнымъ понятіямъ и чувствованіямъ, по которымъ и благополучная смерть бываетъ печальна, смерть злополучная становится предметомъ праздника: потому что это есть смерть мученика Христова; потому что *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. CXV. 6.).

Такъ міръ во злѣ самоосужденъ и безсиленъ! Такъ Іисусъ Христосъ во благѣ могущественъ и побѣдоносенъ!

Посему Господь нашъ, предваряя Своихъ учениковъ и послѣдователей о ненависти міра, не заботится ни мирить ихъ съ міромъ, какъ недостойнымъ ихъ союза, ни вооружать противъ него, какъ противоборца несильнаго, а только предостерегаетъ ихъ, чтобы нечаянно встрѣченная ненависть не привела ихъ въ страхъ и смятеніе. Онъ учитъ взирать на нее равнодушно, какъ на дѣло не новое. *Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ.*

Научись же подлинно, христіанинъ, не страшиться ненависти міра, если она возстанетъ противъ тебя за то, что ты послѣдуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродѣтельно.

Могутъ нѣкоторые подумать, что наставленіе Господа, не страшиться ненависти міра, не къ нимъ относится, и дано не для нашихъ временъ и обстоятельствъ. Оно было нужно для первыхъ послѣдователей Христовыхъ, которые жили среди враговъ и гонителей христіанства. Мы живемъ христіане между христіанами. Міръ, который нѣкогда ненавидѣлъ христіанъ, въ теченіе временъ переродился въ міръ христіанскій. Кому неизвѣстна *побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша* (1 Іоан. V. 4.)?

Остерегитесь, мысленные побѣдоносцы, торжествующіе побѣду, можетъ быть, не для васъ еще, или не вполнѣ для васъ, пріобрѣтенную! Міръ побѣжденъ, но не уничтоженъ. Онъ еще живетъ, и по прежнему ненавидитъ тѣхъ, которые Христовы суть, или дѣятельно стараются быть таковыми. Міръ, побѣжденный непреоборимою истиною вѣры, какъ бы невольно плѣненный въ ея послушаніе, и потому допущенный въ ея видимую областъ, не совсѣмъ отложилъ, а только скрылъ при семъ переходѣ свои древнія свойства, непримѣтно внесъ въ оную и распространилъ въ ней свой собственный духъ, и такимъ образомъ сей врагъ Христа и христіанства очутился въ предѣлахъ самого христіанства. Прикрываясь именемъ христіанскаго міра, онъ дѣйствуетъ свободно, и старается образовать для себя мірское христіанство, сыновъ вѣры превращать въ сыновъ міра, сыновъ міра не допускать до возрожденія въ истинную жизнь вѣры, а на не покаряющихся сему вооружается разными оружіями неправды, соблазномъ, укореніемъ, осмѣяніемъ, презрѣніемъ, клеветою, жестокостію.

Если сказанное теперь желаете увидѣть въ несомнѣнныхъ опытахъ: посмотрите въ лѣтописи! Кто такъ часто среди самаго христіанства возбуждалъ вражды, раздоры, смятенія, преслѣдовалъ не рѣдко лучшихъ изъ христіанъ, силился угашать свѣтильники вѣры? Кто наполнилъ христіанство мучениками, пострадавшими отъ людей, которые также назывались христіанами? Кто жизнь Аѳанасія Великаго превратилъ большею частію въ странничество изгнанника? Кто не оставлялъ спокойнаго дня въ жизни Василію Великому и Григорію Богослову? Кто заточилъ Златоуста? Кто былъ причиною, что многіе святые убѣгали отъ христіанскихъ городовъ, и находили себя въ большей безопасности въ пустынѣ между звѣрями? Кто сію святую жертву заклалъ такъ преступно, и еще усиливался безславить кончину благовѣрнаго Царевича, доколѣ она не была прославлена Богомъ? Кто? Неужели христіане, которымъ вдохновенный отъ Христа духъ есть духъ любви, мира, кротости, незлобія, послушанія, терпѣнія, взаимнаго назиданія во всякой добродѣтели! Конечно, это міръ, нѣкогда славно побѣжденный вѣрою нашею, но потомъ, по разности временъ, разными образами, то орудіями лжемудрія, то порывами страстей, дѣйствіями соблазна, прельщеніями, наконецъ, грубой силы, возобновлявшій и возобновляющій брань, не безъ печальнаго для насъ успѣха, не потому, чтобъ изнемогла непобѣдимая вѣра христіанская, но по нашему произвольному разслабленію и малодушію.

Если Господь, вѣрный въ покровительствѣ Своей вѣрѣ, и *не оставляющій искушатися паче, еже мощи* (1 Кор. X. 13.), въ наше время, на нашу немощь не попускаетъ столь сильныхъ искушеній, какъ прежде: міръ однако имѣетъ и нынѣ свои стрѣлы противъ тѣхъ, которые истинно Христовы суть, или дѣятельно желаютъ быть таковыми. И хотя это суть, по выраженію Псалмопѣвца, *стрѣлы младе-*

нецъ: но и онѣ могутъ наносить *язвы* (Псал. LXIII. 8.) младенчески немоществующимъ въ вѣрѣ. Напримѣръ, когда облеченные въ умъ Христовъ *глаголютъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. II. 7.), проповѣдуютъ ученіе о глубокомъ грѣховномъ поврежденіи человѣческаго естества, о самоотверженіи, о возрожденіи, о внутреннемъ человѣкѣ, о жизни созерцательной, о дѣйствіяхъ *Святаго Духа*, Которымъ, по изъясненію св. Іоанна Дамаскина, *всякая душа живится и чистотою возвышается*, и наконецъ *свѣтлѣется Тройческимъ единствомъ священнотайнѣ:* не возстаетъ ли противъ сего глубокаго ученія поверхностная мудрость міра, какъ будто противъ мечтательства и опаснаго новсведенія, хотя сіе ученіе можетъ назваться новымъ по тому только, что оно есть ученіе новаго, а не ветхаго человѣка, и опаснымъ только для грѣховной плоти, поелику въ немъ заключается ея распинаніе? Или, если бы кто изъ людей, по своему положенію въ обществѣ, находящихся въ глазахъ міра, совершенно предавшись влеченію христіанскаго духа, рѣшился отвергнуть всякій внѣшній блескъ, роскошь, зрѣлища, увеселенія, развлеченія, расточать имѣніе только на нищихъ, прилѣпиться исключительно къ храму Божію: не станетъ ли міръ сего своего бѣглеца преслѣдовать уязвляющими взорами? Не направитъ ли на него стрѣлъ остроумія? Не найдутся ли люди, которые усомнятся въ его здравомысліи по тому только, что онъ не примѣняется къ міру и его нездравымъ понятіямъ и неправымъ правиламъ?

Итакъ надлежитъ признать, что Христомъ обличенная ненависть міра противъ послѣдователей Христовыхъ не только была прежде, но продолжается и донынѣ. И если хотимъ быть безпристрастны, надлежитъ признаться, думаю, многимъ изъ насъ, что есть и ложный страхъ, производимый сею ненавистію, и малодушное угожденіе міру, именно для того, чтобы не подвергнуться сей ненависти. Для сего люди благоразумные позволяютъ себѣ дѣла легкомысленныя; люди, которые высоко цѣнятъ честность, попускаютъ себѣ дѣла, которыя честность очень не высоко цѣнитъ.

Самое обыкновенное благоразуміе можетъ разсудить, что игра есть упражненіе дѣтское, и потому людямъ зрѣлаго возраста и ума едва изрѣдка позволительное, для облегченія силъ послѣ долгаго напряженія во время важной дѣятельности. Какъ же изъяснить сіе странное явленіе общежитія, что общества людей зрѣлаго возраста и ума, въ уреченные часы каждаго дня, игрою занимаются, едва ли не больше неопустительно, нежели дѣломъ званія и служенія? Не иначе можно изъяснить сіе, какъ тѣмъ, что разсудительные, хотя внутренно признаютъ суетность сего упражненія, но боятся быть отлученными отъ общества, въ которомъ суета сдѣлалась закономъ, и потому раболѣпствуютъ суетѣ, и убиваютъ ею время, и болѣе, нежели одно время.

Не трудно христіанскому благоразумію по достоинству оцѣнить искусство, награжденное нѣкогда въ лицѣ Иродіады усѣченною главою проповѣдника покаянія и цѣломудрія, уже по сему одному воспоминанію непріятное для размышляющаго, и вообще не заслуживающее уваженія, какъ игра, и притомъ не дружная *съ тихимъ и безмолвнымъ житіемъ*, къ какому располагаетъ христіанство. Почему же на поприщѣ сего искусства, такъ часто, въ такомъ множествѣ, какъ бы неминуемо, идутъ христіане и христіанки? Не къ осужденію, а къ извиненію многихъ, можемъ полагать, что это по опасенію, чтобы міръ не наказалъ презрѣніемъ за презрѣніе къ законамъ міра.

Почтенный въ обществѣ званіемъ начальника или судіи знаетъ и чувствуетъ, какъ хорошо имѣть руки чистыя отъ неправды и мздоимства. Но онъ боится, чтобы міръ не упрекнулъ его благородной бѣдности: и послѣ сего нельзя ручаться, что онъ не отверзетъ своей руки для даровъ благодарности, а за симъ трудно ручаться и за то, что не отверзетъ ее для мзды неправедной.

Вотъ случаи, которые показываютъ, какъ въ самомъ обыкновенномъ теченіи жизни христіанинъ искушается опасеніемъ ненависти міра, и какъ чрезъ сіе можетъ онъ сдѣлаться или по нѣкоторой неволѣ рабомъ міра, или охотно его другомъ. Но что далѣе? Страшась быть отверженъ міромъ,

онъ можетъ дойдти до того, что будетъ отверженъ Богомъ. Ибо *никтоже можетъ двѣма господинома работати* (Матѳ. VI. 24.). *Иже восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. IV. 4.).

Научись же подлинно, христіанинъ, не страшиться ненависти міра, если она возстанетъ противъ тебя за то, что ты послѣдуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и жить добродѣтельно.

Что̀ страшиться?—глаголетъ тебѣ Христосъ Господь. Твое состояніе не есть необыкновенное; опасность твоя не есть нечаянная. Воззри на твоего Учителя и Господа, и познай, что Онъ прежде тебя перенесъ ненависть міра, и притомъ безъ сравненія жесточайшую, нежели какая тебя коснуться можетъ. *Вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ.*

Но, Господи! какое въ томъ утѣшеніе для ненавидимыхъ міромъ, что и Ты былъ имъ возненавидѣнъ прежде насъ? Не сугубая ли въ томъ для насъ скорбь, что и Ты, самая Любовь, былъ ненавидимъ? Не сугубая ли для насъ опасность въ томъ, что и Ты, самая Жизнь, былъ убіенъ ненавидящими?

Не усомнимся, христіане, въ утѣшеніи Господнемъ! Если *вся, елика преднаписана быша, въ наше наставленіе преднаписуяся, да терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній упованіе имамы* (Рим. XV. 4.): то возможно ли, чтобы слово Господа, особенно для утѣшенія сказанное, не было для насъ обильнымъ источникомъ утѣшенія? Если сей источникъ глубокъ: углубимъ, какъ почерпало, вниманіе! Чѣмъ болѣе углубимъ, тѣмъ обильнѣе почерпнемъ.

Вѣдите, глаголетъ, *яко Мене прежде васъ возненавидѣ.* Вѣдать, что Христосъ былъ міромъ ненавидимъ, утѣшительно для насъ, христіане, во-первыхъ, по тому, что сіе можетъ послужить намъ къ освобожденію отъ сомнѣнія, на правомъ ли пути мы находимся. Ибо міръ, ненавидящій насъ за Христа, старается дать своей ненависти такой видъ, будто онъ не за Христа противъ насъ враждуетъ, а осуждаетъ насъ, какъ не истинно Христовою стезею ходящихъ. Образъ мыслей и жизни, управляемый христіанскими началами, и потому не такой чувственный и разсѣянный, какой любятъ въ мірѣ, міръ называетъ неразсудительною строгостію, упрямствомъ, странностію, простоту и смиреніе—малостію и низостію духа, расположеніе къ духовнымъ упражненіямъ и жизни созерцательной — склонностію къ мечтательству. Но когда слышимъ, что и Христу, при Его божественныхъ дѣяніяхъ и глаголахъ, не разумѣвшіе тайнъ Божества и спасенія говорили: *жестоко слово сіе* (Іоан. VI. 60.), *хулы глаголетъ* (Лук. V. 21.), *неистовъ есть* (Іоан. X. 20.): тогда укоры міра противъ насъ перестаютъ быть страшными; потому что уподобляютъ путь нашъ пути Христову. Тогда терніе, по которому ступаемъ, не столько насъ уязвляетъ, сколько ободряетъ, какъ признакъ пути Христова. Тогда горькая чаша, которую подаютъ намъ, услаждается увѣренностію, что мы *піемъ чашу, юже пилъ* Господь нашъ; и слѣдственно это не чаша гнѣва, но чаша спасенія.

Во-вторыхъ, вѣдать, что и Господь нашъ былъ ненавидимъ отъ міра, утѣшительно намъ по тому, что чрезъ сіе можемъ усматривать послѣдствія ненависти, которую претерпѣваемъ отъ міра, и конецъ нашихъ бѣдствій. Если бы ненависть міра противъ Господа не кончилась побѣдою и славою Господа: то не могъ бы Онъ указывать на оную къ утѣшенію ненавидимыхъ міромъ учениковъ Своихъ. Но когда, видя себя на Его терновомъ пути, видимъ конецъ сего пути для Него: то и для насъ конецъ того же пути видимъ. Итакъ пусть клевещутъ на истину; пусть ненавидятъ любовь; пусть убиваютъ жизнь: истина оправдается, любовь побѣдитъ, жизнь воскреснетъ.

Въ-третьихъ, и безъ дальнѣйшихъ видовъ, ненавидимымъ отъ міра вѣдать, что и Господь былъ ненавидимъ отъ міра, утѣшительно по тому самому, что въ семъ является ихъ сообразность Его возлюбленному и вожделѣнному образу. Неужели пріятнѣе было бы христіанину быть любимому ненавидящимъ Христа міромъ? Нѣтъ. Пусть міръ насъ ненавидитъ, презираетъ, отвергаетъ: любезна сія ненависть; славно сіе презрѣніе; пріятно сіе отверженіе, ко-

торое ко Христу приближаетъ и Ему уподобляетъ.

Сподоби насъ, Господи, приближаться къ Тебѣ, если не дѣлами совершенной добродѣтели, по крайней мѣрѣ благодушнымъ терпѣніемъ противностей и скорбей, по вѣрѣ и любви къ Тебѣ, по образу Твоего терпѣнія! Но сохрани насъ отъ бѣды малодушія, чтобы, изъ опасенія противностей и скорбей, не раболѣпствовать страстямъ и суетѣ міра, который Тебя ненавидитъ! Сотвори сіе благодатію Твоею, милосердый къ грѣшнымъ, дивный во святыхъ, прославленный во вѣки! Аминь.

9. СЛОВО

Въ день Святаго Мученика Благовѣрнаго Димитрія Царевича, говоренное въ Архангельскомъ Соборѣ, Мая 15 дня, 1822 года.

Тѣмже и страждущіи по воли Божіей, яко вѣрну Зиждителю да предадятъ души своя во благотвореніи. 1 Петр. IV. 19.

Для чего такъ часто Церковь возобновляетъ предъ нами зрѣлища неповиннаго страданія, торжественно возобновляя память невинно пострадавшихъ? Для чего само Провидѣніе поспѣшествуетъ въ семъ Церкви, — для чего и оно такъ долго и непрерывно представляетъ намъ зрѣлища неповиннаго страданія, чудесно сохраняя, предъ нами, нетлѣнные останки невинно пострадавшихъ?

Для чего, святое Отроча, багрянородное въ жизни земной, по крови Царской, багрянородное и въ жизни небесной, по крови мученической,—для чего еще оставляешь между нами твои разсѣченные члены, и такимъ образомъ содѣлываешь потомковъ очевидцами того, какъ ты пострадалъ, безъ сомнѣнія, не безъ воли Божіей, хотя то было по волѣ и дѣйствіемъ забывшихъ Бога человѣковъ? — Домышляюсь. Губители принесли тебя въ печальную жертву законопреступному властолюбію, на погибель законной власти Царской; а дивный въ судьбахъ Своихъ Богъ попустилъ быть сему, дабы беззаконіемъ вельможи обличить и наказать грѣхи народа: но дабы не вотще пролита была чистая кровь твоя, Онъ сберегъ ее ко времени; повелѣлъ ей, какъ Авелевой, вопіять противъ мятежниковъ и похитителей Царскаго вѣнца; и такимъ образомъ содѣлалъ тебя священною жертвою, агнцемъ, закланнымъ за спасеніе законной власти Царской.

Только сіе нужно было на время. Для чего же и теперь еще призываемся мы быть свидѣтелями, болѣе, нежели за два вѣка предъ симъ совершившагося неповиннаго страданія? Для чего такъ открыто, по изреченію Церкви, *сѣются мощи мучениковъ по всей вселенной?* Для того, какъ она же говоритъ, чтобы отъ нихъ *прозябалъ плодъ исцѣленій?*—Правда. Но для чего и даръ исцѣленій дается невинно пострадавшимъ, и притомъ иногда такимъ, которые не совершили великихъ подвиговъ добродѣтели, какъ сіе, впрочемъ благословенное, Отроча? Для чего, повторяю, даръ исцѣленій? Для тѣла ли только, когда самое тѣло не для себя, но для души?

Какъ однимъ концемъ нити разрѣшается многосплетенный узелъ: такъ всѣ сіи вопросы разрѣшаются одною простою мыслію, что Богъ сохраняетъ и украшаетъ дарованіями чудесъ останки невинно пострадавшихъ, а Церковь, таинница путей и намѣреній Божіихъ, возобновляетъ и прославляетъ память ихъ, на тотъ конецъ, чтобы пріучить насъ къ мысли о неповинномъ страданіи, и содѣлать насъ готовыми предать на сіе души наши, если на то будетъ воля Божія. Мнѣ кажется, на каждомъ гробѣ мучениковъ написано то, что написалъ Апостолъ Петръ при мысли о Стефанѣ, Апостолѣ Іаковѣ и другихъ мученикахъ первенствующей Христіанской Церкви: *и такъ страждущіе по волѣ Божіей, Ему, какъ вѣрному Создателю, да предаютъ души свои, дѣлая добро.*

Должно признаться, что не легко привыкнуть къ мысли о неповинномъ страданіи. Противъ нея возстаетъ нѣкоторымъ образомъ вся природа, какъ человѣческая, такъ и прочихъ тварей Божіихъ. Поелику все сотворилъ единый, премудрый и все-

благій Богъ: то все сотворено въ единствѣ, расположено по закону порядка, и направлено къ блаженству; *смерти* же *Богъ* и *не сотворилъ* (Прем. I. 13.). И такъ естественно, что никакая вещь не расположена къ тому, чѣмъ разсѣкается единство, чѣмъ нарушается порядокъ, что уклоняетъ отъ блаженства. Такимъ образомъ всякая жизнь любитъ жить, и не хочетъ смерти; всякое орудіе познанія или ощущенія желаетъ находить свою пищу и радость въ предметахъ, сообразныхъ съ его устроеніемъ, а не страдать отъ тѣхъ, которые несообразны съ его свойствами, и разрушительны для его состава.

Въ человѣкѣ, кромѣ естественнаго отвращенія отъ страданія, противъ мысли о неповинномъ страданіи возстаетъ чувство справедливости, свойственное высшей его природѣ. Если чувственная природа, по началу своего устроенія, требуетъ, чтобы жизнь пользовалась безопасностію: то нравственная природа, по началу свободы и правды Божіей, въ ней впечатлѣнному, еще сильнѣе требуетъ, чтобы невинный былъ безопасенъ. И потому какъ видъ разрушенія приводитъ въ содроганіе чувственную природу: такъ нравственную природу приводитъ въ сугубый трепетъ и смятеніе видъ незаслуженнаго страданія.

Но вотъ страшность и противорѣчіе природы самой себѣ, которое должно погрузить размышляющаго въ безутѣшное уныніе и отчаянную скорбь, если онъ не откроетъ источника утѣшенія и надежды выше природы! Та же природа, которая внушаетъ отвращеніе и ужасъ отъ страданія, особенно неповиннаго, та же самая природа возвѣщаетъ, что страданіе, даже и неповинное, неизбѣжно. Пройдите по всѣмъ степенямъ видимыхъ тварей, пройдите по всѣмъ областямъ земной природы: гдѣ нѣтъ страданія? Что не страждетъ? И не болѣе ли страждетъ то, въ чемъ болѣе видны черты невинности? Агнецъ трепещетъ отъ волка, кроткая птица отъ хищной; сильнѣйшія животныя, то по естественному побужденію и необходимости, то по случаю, истребляютъ слабѣйшихъ, а иногда и сильнѣйшихъ хитрѣйшія; то, что есть лучшаго въ растеніяхъ, терзается и разрушается животными, составляя ихъ пищу. Всякое благо, всякая радость, всякое удовольствіе въ природѣ, болѣе или менѣе дорого, покупается страданіемъ. Зерно должно расторгнуться, и совсѣмъ погибнуть, чтобы родилось растеніе и плодъ; чувство чадолюбія, источникъ живѣйшей радости въ животной природѣ, очевидно растворено и въ безсловесныхъ тоскою и заботами; пріятность питанія и насыщенія почти соразмѣрна бываетъ съ предшествовавшимъ изнуреніемъ глада, и сладость сна,—съ утомленіемъ бдѣнія. Во всѣхъ, и самыхъ благодѣтельныхъ силахъ природы открыты источники страданія и разрушенія. Солнце согрѣваетъ, но и палитъ зноемъ; хладъ укрѣпляетъ, но и убиваетъ; вода орошаетъ, но и потопляетъ; вѣтръ освѣжаетъ, но и наноситъ болѣзни; земля приноситъ человѣку хлѣбъ, но требуетъ у него пота. Человѣкъ родится, живетъ и умираетъ также подъ закономъ страданія, и еще болѣе прочихъ тварей покоренъ сему закону. Раждающая мучится, раждаемое плачетъ; умирающій страдаетъ, плачутъ оставшіеся послѣ умершаго. Съ начала жизни человѣкъ страждетъ отъ недостатка силъ, отъ несовершеннаго развитія способностей; подъ конецъ жизни, отъ утраты силъ и способностей: если между сими крайностями есть какая средина, она черезъ край наполняется страданіями отъ того, что человѣкъ никогда не находитъ способностей и желаній своихъ удовлетворенными. А сколько разнообразныхъ случайностей! Болѣзни, страсти, оскорбленія отъ людей, безпомощная бѣдность, обременительное богатство, тяжкая подчиненность, разстроенное управленіе,—сколько стрѣлъ, или точнѣе, сколько туловъ, наполненныхъ стрѣлами, на уязвленіе сердца человѣческаго!

Какая участь! Страдать не хочется; но страдать надобно! Несносно; а неизбѣжно!

Что же дѣлать? «Тяжело, говоритъ одинъ размышляющій язычникъ, но терпѣніемъ облегчается то, чего перемѣнить не можно.» Сей примѣръ показываетъ, что и язычники признавали необходимость пріучать себя къ мысли о страданіи, и даже къ готовности на страданіе неповинное. Но *языцы, не имущіе упованія* (Ефес. II. 12.), не знали *терпѣнія*, которое

упованіе содѣловаетъ (Рим. V. 4.), и учили терпѣнію отчаянному. «Терпи охотно, говорили они; иначе невольно терпѣть будешь.» Или: «погибай великодушно; потому что все погибаетъ; пріятно пасть подъ огромными развалинами.» Горькія утѣшенія! какъ будто горькая чаша можетъ сдѣлаться сладкою отъ соединенія съ моремъ той же горечи, и отъ той мысли, что она менѣе горька быть не можетъ! Такъ мало можетъ человѣкъ усладить чашу судьбы своей безъ познанія Того, Который есть *утѣха Израилева* и *чаяніе языковъ* (Лук. II. 25. Быт. XLIX. 10.)!

Только въ истинномъ благочестіи, однимъ словомъ, только въ Христіанствѣ можно найти чудесный камень, превращающій мрачное желѣзо въ чистое золото, горечь въ сладость, зло въ добро, смерть въ жизнь, страданіе въ блаженство. *И такъ страждущіе по волѣ Божіей, Ему, какъ вѣрному Создателю, да предаютъ души свои.*

И отъ сей мысли, что мы *страждемъ по волѣ Божіей*, невѣрующій ужаснулся бы, и возропталъ бы на вѣрнаго Создателя. Но вѣрующій, углубляясь въ сію мысль, обрѣтаетъ въ ней обильный источникъ утѣшенія, который растворяетъ сладостію всякую горесть. Одобряющая и обнадеживающая мысль о *волѣ Божіей*, о волѣ *вѣрнаго Создателя*, мритъ вѣрующаго съ угрожающею мыслію о неповинномъ *страданіи*.

Мы страждемъ по волѣ Божіей, но волѣ Того, отъ Котораго *всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ сходитъ свыше* (Iак. I. 17.); но волѣ Того, Который питаетъ птицу, не стоющую ассарія, Который траву сельную одѣваетъ великолѣпнѣе, нежели Соломонъ облачался въ славѣ своей, и Который чрезъ Единороднаго Сына Своего увѣряетъ насъ, что мы, даже мы маловѣры, дороже у Него какого нибудь крина или врабія; но волѣ Того, Который *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. V. 45.), и заповѣдуетъ намъ подражать совершенству Своего милосердія. Какъ же можно, чтобы Тотъ, Который есть, и отъ Котораго происходитъ, единое благо, имѣлъ волю поставить насъ въ такое состояніе, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ зла? Какъ можно, чтобы Тотъ, Который бережетъ врабія и травное бѣліе, не хранилъ человѣка, хотя бы проводилъ его сквозь огонь и воду, когда то находитъ нужнымъ? Какъ можно, чтобы Тотъ, Который являетъ милосердіе Свое даже злымъ, не явилъ даже правосудія Своего невинно страждущимъ? Если Благій посылаетъ страданіе: то конечно и въ страданіи есть нѣкоторое благо. Если Милователь и Питатель нашъ *питаетъ насъ хлѣбомъ слезнымъ, и напаяетъ слезами* (Псал. LXXIX. 6.): то конечно есть нужда и польза приготовить намъ такую пищу, подобно какъ находятъ нужнымъ, съ тукомъ или сладостію обыкновенной пищи соединять остроту соли, кислоту, или горечь. Если безконечно Милосердый безконечнымъ милосердіемъ не удерживается отъ того, чтобы *показать людемъ Своимъ жестокая* (Псал. LIX. 5.): то конечно не можетъ статься, чтобъ Онъ допустилъ сіе вопреки правосудію. Скажутъ: посему и не было бы неправеднаго и неповиннаго страданія? И не знаю, есть ли въ отношеніи къ Богу неповинное страданіе, кромѣ страданія Того, Который *язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша* (Иса. LIII. 5.). Кромѣ Его *вси согрѣшиша* (Римл. V. 5.): и потому всѣ повинны страданію; а вмѣстѣ съ виновными человѣками и покорнная имъ тварь покорена суетѣ неволею, и отъ того вмѣстѣ съ ними совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ, въ надеждѣ очищенія и освобожденія вмѣстѣ съ ними. Если же и есть страждущіе неповинно въ отношеніи къ себѣ и своимъ дѣламъ: правосудіе и благость Божія съ избыткомъ являются надъ ними въ дѣлахъ Божіихъ чудесныхъ и спасительныхъ, совершаемыхъ въ воздаяніе за неповинное страданіе. Осязательный образъ сего представленъ намъ въ Евангельскомъ слѣпорожденномъ: если слѣпота его была темною загадкою въ отношеніи къ попятію о правосудіи наказательномъ: *сей согрѣши, или родителя его, да слѣпъ родися* (Іоан. IX. 2.)? то загадка сія совершенно разрѣшена правосудіемъ воздаятельнымъ: *ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явится*

дѣла Божія на немъ (3.). Тяжко ли, не видѣть нѣсколько лѣтъ свѣта тѣлеснаго, чтобы въ награду за сіе узрѣть свѣтъ духовный, Божественный, просвѣщающій всякаго человѣка къ жизни вѣчной?

Но если мысль о Богѣ, яко *вѣрномъ Создателѣ*, можетъ облегчить для насъ неповинное страданіе: то мысль о Іисусѣ Христѣ, яко возлюбленномъ Спасителѣ, можетъ сдѣлать страданіе любезнымъ, сладостнымъ, блаженнымъ. Кто имѣетъ сердце: тотъ знаетъ, что есть страданіе изъ любви и благодарности, и какъ сладостно сіе страданіе. Христіанинъ! Кто можетъ такъ любить тебя, и кто такъ достоинъ любви твоей и благодарности, какъ Тотъ, Который изъ любви къ тебѣ оставилъ славу небесную, вкусилъ всѣ скорби и горести земныя, пострадалъ на крестѣ, прошелъ даже сквозь адскія мученія, дабы исхитить тебя изъ ада и возвратить въ славу Божественную? Можешь ли ты отречься, если нужно, изъ любви къ Нему, вкусить нѣсколько капель изъ чаши, которую Онъ для тебя испилъ безъ остатка? Что я говорю? Не чувствуешь ли ты неизъяснимой сладости сей чаши, которая такъ обильно растворена Божественною любовію, что горечь страданія составляетъ въ ней едва примѣтную пряность? Ахъ! если ты сего не чувствуешь; то духовный вкусъ твой тупъ и мертвъ: болѣзнь, для уврачеванія которой опять не иное что нужно, какъ умножить горечь въ чашѣ твоей участи!

И такъ, ученики Пострадавшаго, въ наказаніе ли, въ залогъ ли милости, въ наслажденіе ли, или во исцѣленіе, только непремѣнно нужно намъ пріобщиться страданія. *Христу пострадавшу за ны плотію, и вы въ туже мысль вооружитеся: зане пострадавый плотію, преста отъ грѣха* (1 Петр. IV. 1.). *Возлюбленніи, не дивитеся еже въ васъ раждеженію ко искушенію вамъ бываему, яко чужду вамъ случающуся: но понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтеся, да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящеся* (12.). *Аще укоряеми бываете о имени Христовѣ, блажени есте: яко славы и Божій Духъ на васъ почиваетъ. Да не кто отъ васъ постраждетъ, яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопостыдитель: аще ли же яко Христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей* (14. 15. 16.). Аминь.

10. СЛОВО

Въ день Св. Мученика Благовѣрнаго Димитрія Царевича.

Молю убо васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше. Римл. XII. 1.

Указаніемъ на щедроты Божіи Святый Апостолъ возбуждаетъ въ Христіанахъ усердіе приносить Богу нескудные и достойные Его дары благодарности. Долгъ праведный, и очевидно для всѣхъ и каждаго обязательный: потому что и всѣ мы вообще, и каждый въ особенности, пользуемся щедротами Божіими.

Имѣя предъ очами Царственнаго Мученика, жертву нѣкогда оплаканную, но и нынѣ еще живую, Царству и людямъ благотворную, помыслимъ, братія, о должной и отъ насъ Богу жертвѣ, руководствуясь Апостольскимъ увѣщаніемъ: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.*

Говоря о жертвѣ, первоначально братіямъ церкви Римской,—людямъ, недавно вступившимъ въ Христіанство изъ Іудейства и язычества, Святый Павелъ, со свойственною Богомудрому наставнику мудростію, примѣняется къ понятіямъ о Богослуженіи, какія имѣли они до Христіанства, дабы легкимъ образомъ ихъ возвести отъ образнаго, несовершеннаго, или даже суетнаго, къ истинному и совершенному, отъ наружнаго ко внутреннему, отъ чувственнаго къ духовному. Прежде, — какъ-бы такъ говоритъ онъ имъ, — вы приносили

въ жертву земные плоды и плоть безсловесныхъ животныхъ: теперь вы знаете, что Богъ *не пріиметъ отъ дому твоего тельцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ* (Псал. XLIX. 9.); *ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ*, какъ-бы *требуя что, Самъ дая всѣмъ животъ, и дыханія, и вся* (Дѣян. XVII. 9.): принесите же Ему лучшую жертву— ваше тѣло, или лучше сказать, самихъ себя: *представите тѣлеса ваша жертву*. Прежде для жертвы вашей вы убивали живущее и разрушали бездушное: нынѣ научитесь служить Богу не разрушеніемъ твари Его, но сохраненіемъ ея, или даже возрожденіемъ въ лучшую жизнь: *представите тѣлеса ваша жертву живу*. Прежде вы наблюдали, чтобы ваша жертва была изъ рода чистыхъ животныхъ, и не имѣла на себѣ никакого тѣлеснаго порока: отнынѣ наблюдайте, чтобы тѣло ваше, какъ жертва Всесвятому, не было повреждаемо или оскверняемо душевными пороками и страстями нечистыми: *представите тѣлеса ваша жертву свѣту*. Какъ прежнія жертвоприношенія ваши вы учреждали, въ самомъ язычествѣ не по своему одному произволу, а въ Іудействѣ точно по установленію Божественному: такъ и жертвоприношеніе тѣла вашего совершайте по волѣ Божіей, дабы во всемъ благоугождать Единому Богу: *представите тѣлеса ваша жертву благоугодну Богови*. Какъ посредственмъ жертвоприношенія безсловесныхъ животныхъ и вещей безчувственныхъ совершалось чувственное, наружное Богослуженіе, у Іудеевъ несовершенное и только предуготовительное, а у язычниковъ совсѣмъ суетное и безплодное: такъ напротивъ посредствомъ непрестаннаго жертвоприношенія разумнаго существа вашего, вы, Христіане, совершайте духовное Богослуженіе, приличествующее Богу Духу; внутреннее, достойное Испытующаго сердца и утробы, дѣятельно словесное, открытое Богомъ Словомъ, прямо къ Нему ведущее, и съ Нимъ соединающее: *представите тѣлеса ваша жертву Богови, словесное служеніе ваше*.

Братія Церкви Христовы, въ ней рожденные, воспитанные и наставленные! Не напрасно ли мы расточаемъ слова, думая объяснить вамъ изреченіе, которое Апостолъ къ новоступившимъ въ Церковь написалъ, какъ само по себѣ ясное и вразумительное? Или напротивъ,—пусть каждый по сему примѣчаетъ за собою,—довольно ли углубленъ разумъ его въ тайнѣ Христовой;—или само по себѣ ясно ученіе Апостольское, и послѣ нѣкотораго усилія объяснить оное, для нѣкоторыхъ изъ насъ еще кажется темною загадкою?— Что подлинно значитъ принести тѣло свое въ жертву? Не значитъ ли сіе претерпѣть мученичество: такъ какъ въ семъ точно разумѣ тотъ же Апостолъ въ другомъ посланіи написалъ о себѣ: *азъ уже жрень бываю* (2 Тим. IV. 6.)? Но мученичество видимое не есть общій жребій всѣхъ Христіанъ, во всякое время: а заповѣдь о жертвѣ даетъ Апостолъ всѣмъ Христіанамъ, не изъемля никого, и не ограничивая времени. Мученичествомъ умерщвляется тѣло: а заповѣдь Апостольская требуетъ его въ жертву живую. На мученичество должно быть предану отъ другихъ, какъ и Апостолъ говоритъ о себѣ, что онъ *жрень бываетъ*, а не самъ себя приноситъ *въ жертву*: напротивъ того въ заповѣди своей онъ требуетъ, чтобы вы сами себя приносили въ жертву: *представите тѣлеса ваша жертву*. — Что значитъ притомъ, что онъ повелѣваетъ принести въ жертву *тѣлеса* наши, когда *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ достоитъ кланятися* (Іоан. IV. 24.)? Сей послѣдній вопросъ несомнительно, думаю, разрѣшится для каждаго, если вспомнимъ, какъ тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ подобнымъ образомъ говоритъ: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть* (1 Кор. VI. 19.)? А еще въ другомъ мѣстѣ о семъ самомъ предметѣ объясняется такъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III. 16.)? Изъ сличенія сихъ изреченій ясно усматривается, что когда Святый Павелъ храмомъ ли Духа Святаго, жертвою ли, называетъ *тѣлеса* наши, тогда онъ разумѣетъ не одно тѣло, но всего человѣка въ цѣломъ его составѣ; и слѣдственно предметомъ Христіанскаго

жертвоприношенія полагаетъ и душу и тѣло вмѣстѣ.—Какъ же должны мы содѣлать жертвою и душу и тѣло наше?—

Жертва существуетъ прежде, нежели становится жертвою: жертвою дѣлаетъ ее назначеніе. Агнецъ на пажити не есть жертва: тотъ же агнецъ, когда приведенъ ко олтарю, становится жертвою. Посему и человѣкъ доколѣ ходитъ въ мірѣ, поникши къ землѣ, собирая и поглощая пажить земныхъ благъ и чувственныхъ удовольствій: дотолѣ онъ, и тѣло его, есть не жертва Богу; въ семъ случаѣ онъ или бываетъ жертвою тварей, работая, вмѣсто Бога, богатству, боготворя чрево, или напротивъ поставляетъ себя идоломъ, и требуетъ себѣ въ жертву всего, что земля производитъ. Такимъ образомъ, Христіане, однимъ именемъ не превозносятся, и не обольщайтесь наружностію.—Кто не живетъ истинно по-Христіански: тотъ находится въ состояніи нравственнаго идолослуженія. Но когда духъ Христовъ, духъ покаянія и благодати, беретъ человѣка съ пажити міра, обращаетъ и влечетъ къ Богу, а человѣкъ, вѣруя, повинуется сему влеченію; вмѣняетъ за уметы, и оставляетъ позади себя все, что привлекало его въ мірѣ; всецѣло посвящаетъ Богу и душу, и тѣло, и дѣла, и желанія, и помышленія; рѣшается, съ безропотностію агнца, ведомаго на закланіе, и дѣйствовать и страдать, и жить и умереть для Іисуса Христа: съ сего времени онъ, пользуясь духовною силою священнодѣйствій и таинствъ видимаго, изобразительнаго храма, невидимо входитъ, и самъ таинственно зиждется, въ храмъ духовенъ, и вступаетъ въ чинъ живой жертвы Божіей. Хотя разныя жертвы скиніи Моисеевой или храма Соломонова, въ своихъ образахъ, въ тѣни, въ гаданіи, представляли первоначально единую, существенную, всеспасительную крестную жертву Господа нашего Іисуса Христа: впрочемъ, по причастію и подражанію сей всеобщей жертвѣ, и надъ каждою живою жертвою Христіанскою въ нѣкоторомъ степени, и съ примѣненіемъ къ особенному ея состоянію, можетъ и должно совершаться то, что нѣкогда представлялось жертвами преобразовательными. Ты закалаешь твою жертву, когда духомъ умерщвляешь плоть со страстями и похотями; омываешь ее, когда оплакиваешь прежніе грѣхи твои; возжигаешь ее, когда огнь любви Божіей объемлетъ и наполняетъ сердце твое такъ, что силою онаго темныя стихіи ветхой плотской жизни разрѣшаются и очищаются, и сквозь нихъ проникаетъ новая, свѣтоносная, горѣ идущая жизнь духа. Ты приносишь ѳиміамъ,—одну изъ самыхъ внутреннихъ жертвъ, проникающую во Святая Святыхъ, и усовершающую многія другія жертвы,—когда приносишь молитву: такъ еще во дни тѣней и гаданій разрѣшалъ сіе священное гаданіе тотъ, который воспѣвалъ: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою*, Господи! Приносишь въ жертву главу, когда *плѣняешь разумъ* твой *въ послушаніе вѣры*, и умомъ твоимъ предаешься Богомыслію. Приносишь рамо, когда благодарственно приписываешь Богу силу, тебѣ дарованную. Приносишь тукъ, когда посвящаешь Богу твою радость и веселіе. Приносишь агнца, когда ходишь въ незлобіи. Приносишь птенца голубинаго, когда хранишь чистоту. Приносишь работнаго тельца или юницу, когда ревностно подвизаешься для Бога, или благодушно трудишься въ пользу ближняго.

Но будь внимателенъ, чтобы жертва твоя была истинно *живая, святая, благоугодная Богу*. Если *вѣра твоя остается безъ дѣлъ*, и потому *мертва есть*; если велерѣчиво мудрствуешь о возрожденіи, о созерцаніи, о таинственности, но не радишь о исполненіи заповѣдей Божіихъ, не поступаешь по установленіямъ матери-Церкви, какъ свойственно сыну послушанія: то жертва духа твоего не есть живая; ты думаешь покланяться Богу духомъ, но не покланяешься Ему истинно. Если дѣла твои не одушевляются вѣрою, и потому кровь Христова не *очищаетъ совѣсти твоей отъ мертвыхъ* или умерщвляющихъ безсловныхъ *дѣлъ* (Евр. IX. 14.); если и въ тонкихъ, чистыхъ, и наиболѣе свойственныхъ духовному Богопоклоненію образахъ, коими облекается оно въ Христіанствѣ, ты не почерпаешь для себя духа и силы; приносишь ѳиміамъ, но не приносишь молитвы;

возжигаешь свѣщу, но не горишь духомъ; слышишь премудрость Божественную въ церковномъ чтеніи и пѣніи, но не воспѣваешь въ сердцѣ твоемъ Господеви; покланяешься тѣломъ, но не сокрушаешься духомъ: то жертва тѣла твоего не есть живая. Ты *имѣешь* одинъ *образъ благочестія*, за что отвержены Іудеи, а не *силу* (2 Тим. III. 5.) онаго, которою спасаются Христіане. Кто приноситъ во святый храмъ Божій сердце, отягченное объяденіемъ и піянствомъ, плоть съ неукрощенными похотями, уста лживыя и языкъ уязвляющій: тотъ вмѣсто агнца или голубя, животное нечистое или змію хочетъ принести въ жертву. Кто храмлетъ на оба колѣна, преклоняется то къ Богу, то къ міру, въ одной добродѣтели стоитъ, а въ другой колеблется или безпечно падаетъ: тотъ приноситъ въ жертву хромое. Кто не старается успѣвать въ познаніи Сына Божія и Его спасительнаго ученія, и думаетъ угодить Богу, какъ случится: тотъ приноситъ въ жертву слѣпое. Кто мнится служить Богу, но тайно ищетъ въ томъ своей выгоды, или славы человѣческой: тотъ святотатственно служитъ себѣ и людямъ, а не Богу жертву приноситъ. Всѣ таковыя жертвы какъ не могутъ назваться святыми, такъ не могутъ и быть благоугодны Богу.

Христіане! Еще съ той минуты, какъ мы крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа, симъ самымъ дѣйствіемъ обречены мы въ жертву Богу Тріипостасному. Сочтемся съ собою, сколько разъ потомъ сія непокорная жертва отторгалась отъ своего жертвенника и убѣгала изъ храма; сколько разъ вновь уловляема была благодатію Божіею, возвращаема покаяніемъ, и опять рвалась и убѣгала! Можетъ быть, столько разъ, что мы не найдемъ тому и счета. Долго ли же такъ будетъ? Когда наконецъ рѣшительно, невозвратно и совершенно *представимъ мы тѣлеса наши жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе наше?* Молилъ бы я васъ о семъ страхомъ суда Божія; молилъ бы чаяніемъ собственнаго вашего блаженства; но, повнуясь Апостолу, наипаче *молю васъ, братіе, щедротами Божіими.* Молю щедротами Бога, отъ не сущихъ сотворшаго насъ, и образомъ Своимъ почтившаго, покорившаго намъ тварь, и даже предавшаго ее въ повиновеніе суетѣ нашей, дабы мы не имѣли никакого предлога отказать Ему въ чемъ либо. Молю щедротами Бога, *тако возлюбившаго міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть* въ жертву, *да всякъ вѣрующій въ Онъ*, взаимно представивъ себя въ жертву Ему, *не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16.). Молю щедротами *помазавшаго насъ Бога, Иже и запечатлѣ насъ* Себѣ, *и даде обрученіе Духа въ сердца наша* (2 Кор. I. 21. 22.). Молю щедротами Господа нашего Іисуса Христа, давшаго намъ плоть Свою и кровь Свою, — высочайшую, животворящую жертву спасенія. Богъ вседовольный предаетъ все, и Самого Себя, въ жертву для человѣка: человѣкъ ли ничтожный не представитъ всего себя единожды на-всегда въ жертву Богу?

Господь же да *помянетъ всякую* духовную *жертву* вашу, братія Христіане, и внутреннее *всесожженіе* ваше *тучно* предъ Нимъ *да будетъ* (Псал. XIX. 4.). Аминь.

---

11. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей, Святителя Алексія, говоренное въ Чудовѣ монастырѣ, Маія 20 дня, 1822 года.

Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его. 2 Тим. IV. 8.

Необыкновенно смѣлыя слова! Можно подумать, что этотъ человѣкъ забывается и мечтаетъ, когда прежде суда Божія предъ Богомъ себя оправдываетъ, и самъ себѣ назначаетъ вѣнецъ отъ Бога. Но такъ думать не позволяетъ извѣстная его скромность и глубоко смиренное о себѣ мнѣніе. Ибо сей самый человѣкъ въ другое время

называть себя *наименьшимъ изъ Апостоловъ, недостойнымъ имени Апостола* (1 Кор. XV. 9.), *гонителемъ* Церкви, *хульникомъ* и *досадителемъ*, единственно по благодати *помилованнымъ, первымъ изъ грѣшниковъ* (1 Тим. I. 13. 15.).

Какъ же случилось, что человѣкъ, который такъ любитъ уничижать себя, съ такимъ дерзновеніемъ себя возвеличиваетъ? — Безъ сомнѣнія, вѣра дала ему предчувствовать то, что уготовано ему: а открыть сіе предчувствіе, думаю, любовь его побудила. *Злопостражди*, написалъ онъ предъ симъ возлюбленному чаду своему Тимоѳею: и тотчасъ, дабы сію горькую заповѣдь растворить утѣшеніемъ, указуетъ ему на примѣръ своего злостраданія: *аз уже жрен бываю*; и на свою несомнѣнную награду: *прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, еже воздастъ мнѣ Господь въ день онъ, праведный Судія*. Но сама любовь къ ученику исторгла изъ сердца учителя тайну высокой надежды; немедленно приходитъ смиреніе, и поставляетъ высокаго учителя на ряду съ послѣдними учениками: *не токмо же мнѣ вѣнецъ правды, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его*.

И всѣ человѣки Божіи не любятъ быть въ славѣ между человѣками: а если являются между ими въ славѣ, или являютъ въ себѣ чаяніе славы; то для того, чтобы, показуя имъ вѣнецъ правды, привлечь ихъ на путь правды. И ты, Духоносный преемникъ и подражатель Апостоловъ, *дѣло сотворившій благовѣстника, подвигомъ добрымъ подвизавшійся*, когда нѣкоторыми лучами твоего небеснаго вѣнца и здѣсь на земли сіяешь,—и ты, Алексіе, по кончинѣ своей, какъ Павелъ предъ кончиною своею, проповѣдуешь намъ надежду вѣнца небеснаго, и поощряешь насъ искать его. *Не токмо мнѣ вѣнецъ правды, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его*.

Достойно примѣчанія, Христіане, что Апостолъ обѣщаетъ вѣнецъ правды *всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Господне*. Чрезъ сіе научаетъ онъ насъ, что, между прочими спасительными подвигами, для достиженія вѣнца отъ Господа, потребно то, чтобы мы *возлюбили явленіе Его*, то есть, прилѣжно размышляли о пришествіи Христовомъ, ожидали его непрестанно, желали сердечно, готовились къ нему дѣятельно.

Когда Іисусъ Христосъ вознесся на небо, и Апостолы, хотя уже и предваренные о Его восхожденіи ко Отцу Своему, стояли съ устремленными въ слѣдъ Его взорами, въ изумленіи ли отъ дивнаго событія, въ недоумѣніи ли о Его послѣдствіяхъ, въ сѣтованіи ли о разлученіи съ Божественнымъ Спасителемъ: тогда успокоить ихъ волнуемыя мысли и чувствованія, посланы были Ангелы. Что же они дѣлаютъ? Какое употребляютъ врачевство? —Какъ крѣпкое врачевство, употребляютъ они мысль о будущемъ явленіи сокрывшагося отъ взоровъ Іисуса. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. 1. 11.). И какъ вѣрно помогло сіе духовное врачевство! *Возвратишася*, повѣствуетъ Евангелистъ о Апостолахъ, по вознесеніи Господнемъ, *возвратишася во Іерусалимъ съ радостію великою* (Лук. XXIV. 52.).

Видно, что, принявъ поданное Ангелами врачевство, Апостолы дѣйствительно и обильно вкусили въ немъ силы грядущаго вѣка. Отъ того такъ часто подаютъ они то же врачевство и другимъ человѣкамъ, то есть, даютъ вкушать надежду будущаго явленія Христова, нужно ли очистить зараженныхъ, или укрѣпить слабыхъ, или облегчить страждущихъ. *Христосъ*, пишетъ Апостолъ Павелъ ко Евреямъ, *единою принесеся, во еже вознести многихъ грѣхи, второе безъ грѣха явится, ждущимъ Его во спасеніе* (Евр. IX. 28.). Наставляя Тита преподавать ученіе спасительной благодати, онъ говоритъ, что сія благодать *научаетъ насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнѣмъ вѣцѣ*: но какъ возможемъ исполнить столь великія требованія благодати?—Въ отвѣтъ на сіе онъ присовокупляетъ: *ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II. 11—13.). Поощряя Тимоѳея *успѣвать въ правдѣ, благочестіи,*

вѣрѣ, любви, терпѣніи, кротости, подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры, онъ *завѣщаваетъ ему соблюдать сію заповѣдь чисто и неукоризненно*, — долго ли? спросилъ бы, можетъ быть, иногда изнуренный подвижникъ; и прозорливый наставникъ, предупреждая сіе, указуетъ радостный предѣлъ подвиговъ: *даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа* (1 Тим. VI. 11—14.). Подобно и Апостолъ Петръ, воззывая пастырей къ истинному пастырскому подвигу: —*образы бывайте стаду*, —возбуждаетъ въ нихъ ревность къ подвигу не инымъ чѣмъ, какъ мыслію о явленіи Вѣнцедателя Пастыреначальника: *и явльшуся Пастыреначальнику, пріимете неувядаемый славы вѣнець* (1 Петр. I. 3. 4.). Сею надеждою растворяетъ онъ и горькую чашу страждущимъ: *понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ; радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся, веселящеся* (1 Петр. IV. 13.). Апостолъ Іоаннъ требуетъ отъ Христіанина высочайшаго *очищенія себя, якоже* Самъ Христосъ *чистъ есть*. Какимъ же не разрушающимъ огнемъ, или какою огненною водою думаетъ онъ произвесть сіе коренное очищеніе? Надеждою явленія Христова. *Вѣмы*, говоритъ, *яко, егда явится, подобни Ему будемъ: ибо узримъ Его, якоже есть: и всякъ имѣй надежду сію нань, очищаетъ себе, якоже Онъ чистъ есть* (1 Іоан. III. 2. 3.).

Можно сказать, что мысль объ ожидаемомъ явленіи Христовомъ была въ первоначальномъ Христіанствѣ всеобщимъ основаніемъ, которымъ поддерживалось все зданіе, всеобщею силою, которою одушевлялось все тѣло, всеобщимъ двигательнымъ орудіемъ, которымъ производились дѣйствія великія и чистыя. Но для чего я сказалъ: въ первоначальномъ Христіанствѣ? Когда и какое Христіанство можетъ стоять безъ сего основанія, жить безъ сея силы, дѣйствовать безъ сего орудія? *Упованіемъ спасохомся* (Рим. VIII. 24.), говоритъ Апостолъ; мы спасены въ надеждѣ, а не въ полномъ совершеніи спасенія. Что значитъ *спасеніе въ надеждѣ?—Ожиданіе*, какъ опредѣляетъ тотъ же Апостолъ, *блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II. 13.). И такъ, гдѣ нѣтъ сего ожиданія, тамъ нѣтъ надежды; гдѣ нѣтъ надежды, тамъ нѣтъ спасенія; гдѣ нѣтъ спасенія, тамъ нѣтъ Христіанства.

Если кому сіи заключенія кажутся не довольно ясны потому, что выведены изъ свидѣтельства наставника въ Христіанствѣ, а не изъ простыхъ и очевидныхъ началъ разума; — хотя въ дѣлахъ вѣры гораздо надежнѣе полагаться на свидѣтельства знающихъ, нежели на собственныя изысканія естественнаго разума, кичливаго и суетнаго, который въ такихъ случаяхъ, со всѣми своими вопросами и недоумѣніями, не заслуживаетъ иного отвѣта, какъ обличительный отвѣтъ Христовъ Никодиму: *еже вѣмы, глаголемъ; и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ; и свидѣтельства нашего не пріемлете* (Іоан. III. 11.)!— если, говорю, не смотря на сіе, желаетъ кто собственнымъ разсужденіемъ изслѣдовать, до какого степени надежда и непрестанное ожиданіе явленія Христова входитъ въ существо Христіанства: пусть совѣтуется съ лучшимъ своимъ разумѣніемъ и совѣстію. Кто чувствуетъ въ себѣ грѣхъ: тому не существенно ли потребна твердая надежда совершеннаго прощенія и очищенія? Безъ сего не угрожало ли бы ему отчаяніе, которое есть адъ въ душѣ, прежде нежели низведетъ во адъ душу? Кто страждетъ: тому не существенно ли нужна отрадная надежда лучшаго состоянія? Кто испытываетъ, или хотя видитъ, несправедливость: тотъ, для успокоенія сердца и совѣсти, не имѣетъ ли также нужды въ надеждѣ правосудія? Кто подвизается до изнуренія: не имѣетъ ли нужды въ ободряющей надеждѣ воздаянія?

Христіанинъ знаетъ, что прощеніе и очищеніе грѣховъ пріобрѣтено ему кровію и смертію Христовою: однако чувствуетъ и то, что корень грѣха еще не исторгнутъ изъ него, какъ признавался и Апостолъ, что онъ чувствуетъ *живущій въ себѣ грѣхъ*, и что *не живетъ во плоти его доброе* (Рим. VII. 17. 18.). Можно даже сказать, что святый болѣе грѣшника чувствуетъ въ себѣ грѣхъ, потому что сіе внутреннее чувство не заглушает-

ся въ немъ ни внѣшними чувственными удовольствіями, ни усыпленіемъ совѣсти: посему, что было бы съ Христіаниномъ, если бы онъ не надѣялся и не ожидалъ непрестанно явленія Христова, которое во всѣхъ частяхъ, даже до тѣла смиренія, должно преобразить его въ славный образъ Христовъ, при чемъ безъ сомнѣнія и малѣйшіе останки нечистоты грѣховной исчезнутъ, и всякая брань грѣха, всякое искушеніе на вѣки прекратится?

Христіанинъ страждетъ, и страждетъ едва ли не болѣе прочихъ человѣковъ; ибо ему, сверхъ общихъ, для растлѣннаго естества человѣческаго неизбѣжныхъ страданій, въ особенный жребій данъ крестъ, подобный тому, на которомъ пострадалъ Христосъ: сколь же несчастенъ былъ бы Христіанинъ, если бы не думалъ, если бы не чувствовалъ въ своемъ страданіи, что *страданіемъ Вошедшій во славу* (Лук. XXIV. 26.) ежемгновенно приближается, чтобы осіять славою страдальцевъ?

Христіанинъ и видитъ надъ другими, и надъ собою испытываетъ несправедливость міра, по предреченію Истины: *якоже отъ міра нѣсте, сего ради ненавидитъ васъ міръ* (Іоан. XV. 19.); и чѣмъ яснѣе разумѣваетъ онъ правду Божію, тѣмъ пламеннѣе *ревнуетъ*, тѣмъ болѣзненнѣе сѣдается ревностію, *зря миръ грѣшниковъ* (Псал. LXXII. 3.) и бѣдствія праведныхъ: истаялъ бы онъ отъ собственной ревности, если бы, какъ гласъ хлада тонка, не дышала на него прохладная надежда правосудія: *се гряду скоро, и мзда Моя со Мною воздати комуждо по дѣломъ его* (Апок. XXII. 12.).

Наконецъ Христіанинъ подвизается; ибо съ тѣхъ поръ, какъ грѣхъ воцарилъ въ мірѣ зло, никакое добро не пріобрѣтается въ немъ иначе, какъ подвигомъ, бранію и побѣдою; и долженъ подвизаться, по примѣру Подвигоположника, иногда и до кроваваго пота, и до истощенія всѣхъ силъ: что же необходимѣе для ободренія его въ подвигѣ, и для обновленія силъ его, какъ то, чтобы окомъ надежды усматривать въ концѣ поприща Самого Подвигоположника, являющагося уже Вѣнцедавцемъ;—не потому, чтобы въ истинномъ подвижникѣ была корысть или тщеславіе, алкающее вѣнца, но потому, что душа его жаждетъ Самого Возлюбленнаго Подвигоположника и Вѣнцедавца, за котораго истинный подвижникъ *во всѣхъ преподѣждаетъ*, яко *за возлюбльшаго ны* (Рим. VIII. 37.)? Если бы истинный Христіанинъ не имѣлъ сей единственной надежды: то всякая другая надежда могла бы привести его въ отчаяніе. *Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа: окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. XV. 19.).

Все показываетъ, что съ истиннымъ Христіанствомъ существенно должно быть соединено упованіе и ожиданіе явленія Христова. Что же посему должно сказать о тѣхъ, въ которыхъ или совсѣмъ нѣтъ сего упованія и ожиданія, или оно слабо и по большой части покрыто забвеніемъ? —То, что или въ нихъ нѣтъ истиннаго Христіанства, или Христіанство ихъ слабо, и они забываютъ, чѣмъ обязаны сему имени.—*Еда азъ есмь?*—можетъ быть, помыслитъ при семъ истинный ученикъ, страшась преступленія.—*Еда азъ есмь?* скажетъ и ложный, убѣгая обличенія. Не можемъ никому подать обличительнаго знака: но, для имѣющихъ очи, дѣла все обличаютъ. *Отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѳ. VII. 16.).

Коснитъ Господинъ мой пріити, говоритъ упоминаемый въ притчѣ злый рабъ, *и начинаетъ бити клевреты своя, ясти же и пити съ піяницами* (Матѳ. XXIV. 48. 49.). *Коснитъ женихъ* (Матѳ. XXV. 5.), думаютъ юродивыя дѣвы, и спятъ безпечно, между тѣмъ какъ послѣднія капли елея догораютъ въ лампадахъ ихъ. Такъ въ слабыхъ или ложныхъ Христіанахъ забвеніе о предстоящемъ пришествіи Господа и праведномъ судѣ Его влечетъ за собою всѣ дѣла, противныя духу Христіанства, и до конца истощаетъ всѣ добродѣтели Христіанскія. Коснитъ *Князь царей земныхъ* (Апок. I. 5.), говоритъ сильный земли, прельщенный властолюбіемъ, и начинаетъ попирать слабыхъ. Коснитъ, вопіютъ, мятежные народы, и замышляютъ безначаліе. Коснитъ Царь терноваго вѣнца, говоритъ сынъ чувственныхъ утѣхъ, и, увѣнчавъ себя цвѣтами, засыпаетъ на цвѣтахъ, которые вскорѣ должны

увянуть, и оставить по себѣ одно будущее терніе. Коснитъ Царь Занмодавецъ, говоритъ рабъ сребролюбія или лѣности, и глубже зарываетъ въ землю талантъ, котораго лихвою могло быть царствіе. Коснитъ Женихъ, говоритъ душа, обрекшая себя небесному Жениху, и дремлетъ, не примѣчая, что въ ея духовномъ сосудѣ елей умиленія и любви Божественной оскудѣваетъ; а потому и свѣтъ разумѣнія вскорѣ угаснуть можетъ. Коснитъ, кричать ругатели; *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? отнельже бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія;* и въ надеждѣ на сіе коснѣніе, или лучше сказать, въ отчаяніи, *ходятъ по своихъ похотѣхъ* (2 Петр. III. 3. 4.).

Нѣтъ, лукавые рабы и рабыни легкомысленныя, *не коснитъ Господь обѣтованія, якоже нѣціи коснѣніе мнятъ, но долготерпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ* (2 Петр. III. 9.). И кто знаетъ, не наполнилась ли уже мѣра Его долготерпѣнія? —Примѣчайте, Христіане, какъ со дня на день умножаются знаменія Его пришествія, Имъ Самимъ предназначенныя: туга языковъ, глады и пагубы и труси по мѣстомъ, множество соблазновъ, предательство другъ друга, умноженіе беззаконія, изсякновеніе любви,— и то уже знаменіе, что такъ многіе дремлютъ, не обращая вниманія на поразительныя знаменія времени; ибо, по прежде-реченнымъ глаголамъ отъ святыхъ Пророковъ и Апостолъ вашихъ, *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи* (10).

Се грядетъ со облаки, и узритъ Его всяко око (Апок. I. 7.)! Блаженъ, кто можетъ отъ всего сердца сказать: *ей, гряди, Господи Іисусе* (Апок. XXII. 20.)! *Вѣнецъ возлюбльшимъ явленіе Его!* Аминь.

---

12. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей Святителя Алексія.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. XIII. 7.

Настоящій день есть одинъ изъ тѣхъ, въ которые Церковь съ особенною торжественностію призываетъ насъ къ исполненію Апостольскаго завѣщанія, мною теперь прочитаннаго. Но ея установленію мы воспоминаемъ нынѣ Богомудраго наставника нашего, Святителя Алексія, который какъ во все время Святительства своего съ благодатною силою глаголалъ слово Божіе въ назиданіе словеснаго стада Христова, такъ особенно потрудился въ чистомъ изглаголаніи слова Божія, когда Славенское преложеніе святаго Евангелія съ Греческимъ подлинникомъ повѣрилъ, и отъ несовершенствъ стараго нарѣчія, и отъ описокъ невнимательныхъ переписчиковъ, очистилъ и исправилъ. Сей подвигъ важенъ, между прочимъ, потому, что чрезъ него Святитель, Богомъ просвѣщаемый, предварительно обличилъ неправое мнѣніе людей, явившихся послѣ него, которые даже донынѣ утверждаютъ, будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ, и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ, непозволительно и противно Православію. Они говорятъ: по старымъ неисправленнымъ книгамъ спасались и спаслись извѣстные Святые; такія книги поправлять, значитъ, портить. Если бы такъ разсуждалъ святый Алексій: то конечно не сталъ бы онъ ни повѣрять переводъ, ни поправлять рукопись Евангелія; а долженъ былъ взять книгу Евангелія, какая въ его время находилась въ Успенскомъ Соборѣ, и сказать: по сей книгѣ спасался и спасся Святитель Петръ; нечего здѣсь повѣрять и исправлять. Но онъ повѣрялъ и исправлялъ: и потому очевидно не такъ разсуждалъ, какъ новые ревнители не очень старой старины, а точно также, какъ и

древле и нынѣ разсуждаетъ православная Церковь, то есть, что спасительная истина Христова и въ неисправленныхъ и исправленныхъ священныхъ и церковныхъ книгахъ одна; но что, для сохраненія и распространенія сей самой истины, исправная книга лучше неисправной. Какъ предназначаніе и оправданіе церковнаго изслѣдованія и исправленія книгъ въ послѣдовавшія времена, Провидѣніе Божіе сохранило намъ изслѣдованную и исправленную Святителемъ Алексіемъ книгу святаго Евангелія: и она являлась очамъ нашимъ въ самое сіе священнослуженіе, бывъ несена діакономъ во святый олтарь.

Видите, братія, благодѣтельность Апостольскаго завѣщанія. Мы воспомянули наставника нашего: и отъ сего воспоминанія тотчасъ получили полезное для всей Церкви наставленіе. Но углубимся нѣсколько въ завѣщаніе святаго Апостола Павла о благоговѣйномъ воспоминаніи наставниковъ нашихъ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе. Въ сихъ словахъ есть нѣчто печальное. Поминаютъ то, чего уже нѣтъ. И такъ когда Апостолъ завѣщаваетъ поминать наставниковъ Богоглаголивыхъ: то симъ самымъ сказываетъ, что ихъ нѣтъ уже, и едва ли не предсказываетъ, что подобныхъ имъ не будетъ. Ибо какъ тѣмъ, что имѣемъ и видимъ, легче пользоваться, нежели тѣмъ, чего не видимъ, и что уже миновало: то не очень нужно было бы заботиться о воспоминаніи прежнихъ наставниковъ, если бы подобные имъ непрерывно процвѣтали въ Церкви. Но Апостолъ заботится о воспоминаніи наставниковъ прежде бывшихъ: видно не надѣется, чтобы въ ихъ преемникахъ наставляемые вполнѣ обрѣли тотъ же духъ и силу, тѣ же подвиги и добродѣтели, то же слово и тотъ же примѣръ. Что сіе предусмотрѣніе вѣрно, къ сожалѣнію свидѣтельствуютъ опыты многихъ вѣковъ. Не случается ли слышать и нынѣ свѣтованія: гдѣ нынѣ Святые? Гдѣ прозорливцы или чудотворцы? Гдѣ наставники, которые бы глаголали слово Божіе съ такою силою, руководствовали ко спасенію съ такою вѣрностію, какъ Петръ или Павелъ, или хотя какъ нѣкоторые изъ Духоносцевъ, бывшихъ послѣ Апостоловъ?

На печальный подлинно видъ навело насъ Апостольское завѣщаніе, поминать наставниковъ нашихъ. Но смотрите, какъ оно же можетъ подать намъ и утѣшеніе.

Свѣтуютъ, что нѣтъ нынѣ Святыхъ. Мимоходомъ замѣчу, что не должно преувеличивать сего мнѣнія. Многіе, или немногіе, только должны быть и нынѣ Святые; и не можетъ быть, чтобы ихъ совсѣмъ не было: ибо безъ Святыхъ міръ не былъ бы достоинъ храненія Божія, и не могъ бы стоять. *Сѣмя свято стоянїе его* (Иса. VI. 13.). Мы можемъ говорить, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ Святыхъ, подобно какъ отецъ Алексія человѣка Божія сказалъ бы, что у него въ домѣ нѣтъ сына, и нѣтъ Сватаго, тогда какъ сынъ его жилъ у него въ домѣ, и былъ мужъ Святый, но закрытъ былъ, и отъ отца, и отъ другихъ, образомъ нищаго. Справедливѣе можно скорбѣть, что Богопросвѣщенные наставники и Святые нынѣ слишкомъ рѣдки; что ихъ не видно, что въ людяхъ духовныхъ примѣчается незрѣлость духа. Что жъ? Какъ утѣшиться намъ въ сей скорби? Какъ восполнить примѣчаемый недостатокъ?—Возьмите въ прошедшемъ то, чего не находите въ настоящемъ: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе* прежде. Правда, поминать наставниковъ скончавшихся, не то, что, пользоваться живущими: но слишкомъ ли велика сія разность, и не стоитъ ли одно другаго? Наставленіе отъ наставника живущаго близко и удобопріемлемо, когда его видимъ и слышимъ; слово и примѣръ его въ семъ случаѣ для насъ такъ же живы, какъ и онъ самъ: преимущество немаловажное! Но живя въ тѣлѣ, подобно намъ, кто бы онъ ни былъ, онъ еще подверженъ искушеніямъ, и не избавленъ отъ возможности преткнуться, и, можетъ быть еще, въ своемъ паденіи, увлечь съ собою наставляемыхъ. Напротивъ того наставникъ скончавшійся, котораго житіе и скончаніе жительства ознаменовано присутствіемъ въ немъ благодати Божіей, котораго чистое ученіе оправдано святою жизнію, и святость жизни подтверждена святою и блаженною кончиною, есть руководитель

ко спасенію рѣшительно достовѣрный и непоколебимый, есть притомъ помощникъ тѣмъ болѣе сильный и неизмѣняющій, что, отложивъ тлѣнность и немощь земной жизни, живетъ въ безпрепятственномъ причастіи свѣта и силы Божіей: преимущество высокое и несравненное! Что касается до близости и удобопріемлемости наставленія и помощи духовной: близость въ духѣ не измѣряется областями жизни и разстояніями мѣста и времени, но мыслію, желаніемъ и любовію, созерцаніемъ, молитвою и вѣрою. Вѣра можетъ сблизить васъ съ наставникомъ благоговѣйно воспоминаемымъ, почти такъ же, какъ съ присутствующимъ: ибо и съ симъ душеполезно сближаетъ она же, а не просто видѣніе лица и слышаніе слова. Вѣра посредствомъ писанія или преданія, оживитъ предъ вами ученіе и примѣръ отшедшаго къ Богу наставника; а посредствомъ молитвы пріобрѣтетъ вамъ его дѣйственную за васъ молитву къ Богу, и дѣйствительную помощь. Симъ образомъ *помнайте наставники ваша:* и безъ сомнѣнія, вы будете удовлетворены въ потребностяхъ духа вашего такъ, что не будетъ нужды сѣтовать на несовершенство или скудость наставленія современнаго.

Чудное, братія, устроеніе Царствія Христова! Наши немощи, наши недостатки угрожаютъ лишить васъ потребнаго вамъ духовнаго наставленія. Что же творитъ многомилостивый и благопромыслительный Господь? Дополняя недостатокъ наставниковъ живущихъ, Онъ прежде общаго воскресенія воскрешаетъ нѣкоторымъ образомъ наставниковъ умершихъ, и, еще прежде полнаго открытія царствія небеснаго на земли въ небесномъ царствіи Своемъ, то есть, въ Церкви Своей, особеннымъ образомъ *творитъ ихъ*, по изъясненію Тайновидца Іоанна, *Цари и Іереи*, небеснаго вкупѣ и земнаго священноначалія,—*Іереи*, возносящіе за васъ дѣйственную молитву непосредственно въ пренебесный жертвенникъ,—*Цари*, имѣющіе власть чудодѣйственною помощію благоуправлять васъ къ миру и спасенію. Вы боитесь не найти ни одного духовнаго наставника близъ себя, въ свое время. Онъ даетъ вамъ всѣхъ духовныхъ наставниковъ, изъ всѣхъ временъ всея Вселенскія Церкви, и въ нихъ дѣлаетъ для васъ доступными всѣ духовныя познанія и опыты, всѣ дарованія и силы благодатныя.

При семъ не безъ сожалѣнія и не безъ удивленія воспоминаю, что нѣкоторые изъ Христіанъ не хотятъ угодившихъ Богу наставниковъ воспоминать воспоминаніемъ благочестія и вѣры, и особенно прибѣгать къ ихъ помощи въ молитвахъ. Не нужно, говорятъ, никакого ходатайства предъ Богомъ, кромѣ ходатайства Христова; и ходатайствомъ простыхъ человѣковъ было бы оскорблено ходатайство Богочеловѣка. Сіе мудрованіе подобно тому, какъ если бы кто вздумалъ утверждать, что въ царствѣ, ни въ самыхъ даже и малыхъ дѣлахъ, ни къ кому не должно прибѣгать, какъ только къ царю, и не чрезъ кого инаго, какъ только чрезъ сына царева; и что прибѣгающій къ посредству подчиненныхъ властей, и рабовъ царевыхъ, имѣющихъ доступъ къ его престолу, оскорбляетъ верховное достоинство царя и высокое предстательство сына его. Не царь ли своею властію дѣйствуетъ чрезъ подчиненныя власти? Не къ его ли милосердію прибѣгаютъ чрезъ посредство вѣрныхъ ему рабовъ? Не Богъ ли и Христосъ дѣйствуетъ и славится чрезъ Святыхъ Своихъ? Не къ Его ли благодати прибѣгаютъ чрезъ ихъ посредство смиренные молитвенники, почитающіе себя недостойными непосредственно приступать къ Богу и Христу? Не совершенно ли согласно съ крайнею чистотою Божества и съ крайнимъ также Его снисхожденіемъ и милосердіемъ то, что наши молитвы, несовершенныя и нечистыя, вспомоществующею молитвою Святыхъ очищаются и дѣлаются способными къ пріятію на пренебесный мысленный жертвенникъ.

Но возвратимся еще разъ къ завѣщанію Апостола. Заповѣдавъ намъ помнить Святыхъ наставниковъ нашихъ, онъ указуетъ цѣль сего воспоминанія, чтобы мы, *взирающе на скончаніе жительства* ихъ, *подражали вѣрѣ ихъ*. Что мы, по благодати Божіей, сохраняемъ Апостольскую заповѣдь, о семъ свидѣтельствуетъ самое сіе собраніе, ради памяти Богомудраго наставника нашего, Святителя Алексія.

Остается намъ помыслить и попещись о томъ, идемъ ли мы точно къ цѣли, указуемой Апостольскою заповѣдію. Иныхъ ударающій громъ заставляетъ перекреститься: несчастіе, болѣзнь, печаль, приводитъ имъ на память Святыхъ, какъ утѣшителей, цѣлителей, помощниковъ, и побуждаетъ призывать ихъ. Хорошо и то, что въ бѣдахъ прибѣгаемъ къ предстательству и помощи Святыхъ; конечно это лучше, нежели совсѣмъ забывать ихъ: но не довольно воспоминать ихъ только по случаямъ и по нуждамъ временнымъ. Всѣхъ нуждъ важнѣе то, чтобъ воспоминать ихъ для подражанія вѣрѣ ихъ, и, неразлучному послѣдствію истинной вѣры, богоугодному житію ихъ. Та только память Святыхъ угодна имъ и Богу, и спасительна совершающимъ оную, которая совершается съ искреннимъ желаніемъ подражать имъ, и достигнуть полнаго съ ними во свѣтѣ Божіемъ общенія чрезъ освященіе и насъ самихъ. Аминь.

13. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей Святителя Алексія.

Слово Христово да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самѣхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣсенехъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви. Кол. III. 16.

Если нуженъ опытъ и примѣръ, до какого успѣха въ духовной жизни довести можетъ простое поученіе во псалмѣхъ, и пѣніихъ, и пѣсенехъ духовныхъ, по руководству Христова Церкви: то для сего мы можемъ указать на многихъ прославленныхъ въ Церкви Святыхъ, и въ числѣ ихъ на прославляемаго нынѣ Свѣтильника церкви Россійскія.

Ибо какія средства имѣлъ онъ для своего наставленія? Училища? Они въ его время не процвѣтали: и не въ училищѣ искалъ онъ образованія, но въ обители монашествующихъ. Отъ поученія во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣсенехъ духовныхъ, по чину церковному, возсіялъ въ немъ духовный свѣтъ, который, возрастая, вознесъ его на высокій свѣщникъ, озарилъ церковь его мудростію и святынею, и еще озаряетъ благодатію чудодѣйственною.

Какой же простый путь—упражненіемъ въ словѣ псалмопѣнія, дойти до чистаго состоянія духовнаго, до спасенія души, до славы чадъ Божіихъ! и притомъ путь конечно вѣрный: потому что его указалъ Апостолъ Павелъ; потому что имъ прошелъ Святитель Алексій.

А если такъ: то и удивленія, и сожалѣнія, и заботливаго размышленія достойно то, что многіе долго симъ путемъ идутъ, и не далеко достигаютъ; — долго упражняются въ церковномъ и домашнемъ Богослуженіи, но, и послѣ столь обильнаго сѣянія духовнаго сѣмени въ ихъ чувства и мысли, не только сторичнаго, ниже тридесятичнаго плода духовнаго въ нихъ не видно.

По устроенію и чину Христовой Церкви, мы всѣ ученики слова Христова: соотвѣтствуютъ ли же наши успѣхи цѣли и продолженію нашего ученія? — Дабы вы могли въ семъ испытывать сами себя, повторяемъ одинъ изъ начальныхъ уроковъ нашего ученія.

Слово Христово да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самѣхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣсенехъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.

Подъ именемъ *слова Христова*, въ наставленіи Апостола, по руководству другихъ его изреченій, надлежитъ разумѣть, во-первыхъ, *начала Христова слова* (Евр. VI. 1.), или первоначальное христіанское ученіе, о покаяніи отъ мертвыхъ, то есть, грѣховныхъ дѣлъ, о вѣрѣ въ Бога, о воскресеніи мертвыхъ и судѣ вѣчномъ; во-вторыхъ, *слово крестное* (1 Кор. I. 18.), или ученіе о спасеніи человѣка грѣшника крестнымъ страданіемъ и смертію Богочеловѣка Іисуса Христа; въ-третьихъ, *премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. II. 7.), от-

крытіе высокихъ таинъ Божества Духомъ Святымъ, *испытаніе духомъ глубинъ Божіихъ* (ст. 10.), многое, о чемъ знающіе говорить большею частію не смѣютъ и не умѣютъ, и о чемъ не знающіе мы напрасно усиливались бы плодить нѣмыя рѣчи.

Великое и необъятное слово Христово! И чего же въ отношеніи къ сему слову требуетъ Апостолъ отъ учениковъ своихъ? *Слово Христово*, говоритъ онъ, *да вселяется въ васъ*. Это не то, что слушать по временамъ сіе слово изъ устъ другаго, или своими устами произносить, или умѣть иногда приводить оное на память. Требуется, чтобы оно въ насъ *вселялось*, и слѣдственно жило въ насъ.—Какимъ образомъ? — Такъ, чтобы другія мысли въ умъ, другія желанія въ сердце были принимаемы, какъ гости, допускаемы, какъ пришельцы, на время, но нуждѣ: а слово Христово было постоянною мыслію въ умѣ, господствующимъ желаніемъ въ сердцѣ, душею во всей дѣятельности. Не скудный наставникъ дополняетъ: *да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости*: то есть, надобно, чтобы вы не оставались при скудныхъ дѣтскихъ начаткахъ ученія Христова, но постепенно пріобрѣтали въ ономъ новые, болѣе обильные успѣхи; чтобы никакую, даже въ тайнѣ сокровенную, премудрость не почитали для васъ чуждою, и до васъ не принадлежащею, но со смиреніемъ устроили умъ вашъ къ Божественному созерцанію, и сердце ваше къ небеснымъ ощущеніямъ.

Но какъ все сіе сдѣлать? — Искусный наставникъ для великаго дѣла предлагаетъ довольно простый способъ, или, — чтобы намъ понять его раздѣльнѣе, — въ одномъ способѣ заключаетъ два.

Апостолъ предлагаетъ, во-первыхъ, псалмопѣніемъ упражнять умъ: *учаще и вразумляюще себе самѣхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ*. Какой удобный способъ образованія духовнаго! Не посылаютъ васъ въ училища, на продолжительные и трудные уроки, для чего у многихъ не достало бы, или времени, или способности; не заставляютъ далеко искать превосходныхъ наставниковъ, если такихъ нѣтъ въ виду: вамъ предлагается родъ самообученія и взаимнаго обученія въ Христіанствѣ. Упражняйтесь, говоритъ вамъ, во псалмѣхъ и пѣснехъ духовныхъ; это не столько трудъ, сколько увеселеніе духовное; только дѣлайте сіе не просто и безъ вниманія, но съ симъ вмѣстѣ учите и вразумляйте сами себя и другъ друга. Когда слышишь, или произносишь слово псалма, или другаго духовнаго пѣснопѣнія, или церковнаго чтенія: собирай въ нихъ мыслящую силу твою, углубляй вниманіе твое, примѣчай, какая въ оныхъ заключается истина, или какая открывается тайна, или какое преподается правило жизни. Если не спокаи, какъ богатые, то, хотя по подобію бѣдныхъ, малыми класами и зернами собирай на великой нивѣ церкви сына жизни: довольно и симъ образомъ соберешь, чтобы засѣять твою малую духовную ниву. Если встрѣчаешь не вразумительное для тебя; и если притомъ не любопытство побуждаетъ тебя искать уразумѣнія: обратись къ другому внимательному и опытному, и преимущественно къ поставленному церковію наставнику, да послѣдуетъ одному отъ другаго вразумленіе въ томъ, что кому открылось. Случится ли, что и ближній твой такъ же, какъ ты, не доразумѣваетъ: обратись опять къ тѣмъ же псалмамъ, и они подадутъ тебѣ помощь противъ сего затрудненія, научая тебя взывать въ молитвѣ къ Богу: *открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего* (Псал. CXVIII. 18.). Тихая молитва, какъ безмолвная Марія, при ногахъ Христовыхъ, несравненно болѣе научается, нежели самодѣятельный, суетливый, какъ Мароа, разумъ, молвящій о многъ, съ своими мудрованіями и внѣшними пособіями знанія. Посмотрите, какъ Архангелъ Гавріилъ преподаетъ Даніилу откровеніе тайнъ, и вмѣстѣ изъясняетъ способъ, какимъ достигъ Пророкъ до того высокаго познанія. *Еще глаголющу ми въ молитвѣ*, сказуетъ о себѣ Пророкъ, *и се мужъ Гавріилъ, пернящъ: и сразуми мя, и рече: Даніиле, нынѣ изыдохъ устроити тебѣ разумъ. Въ началѣ молитвы твоея изыде слово, и азъ пріидохъ возвѣстити тебѣ, яко мужъ желаній еси ты* (Дан. IX. 21—23.). Чудное училище Божественное!

Ученикъ на земли; учитель на небеси: не успѣлъ ученикъ изъявить желаніе небеснаго наставленія, какъ молнія откровенія блистаетъ на небесахъ, и слово Божественное ниспходитъ на землю въ устахъ вѣстника небеснаго. Ты дольнѣ получить вѣдѣніе, говоритъ Архангелъ Пророку; потому что ты человѣкъ молящійся: *яко мужъ желаній еси ты.* Да не подумаетъ слушающій сіе: до меня сей примѣръ не касается; ибо я не Пророкъ. Что нужды, что не Пророкъ? Изъ сего можно заключить только, что къ тебѣ, вѣроятно, не Архангелъ пошлется, и не откровеніе судебъ тебѣ преподастся; но по крайней мѣрѣ единъ отъ меньшихъ Ангеловъ, тѣмъ не менѣе, по выраженію Церкви, *вѣрный наставникъ*, можетъ вразумить тебя о томъ, что тебѣ нужно уразумѣть для твоего спасенія: только дай ему доступъ до тебя путемъ твоей молитвы: *яко мужъ желаній еси ты.*

Во-вторыхъ, Апостолъ предлагаетъ псалмопѣніемъ питать сердце: *во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.* Если надобно, какъ то уже нѣсколько изъяснено, чтобы слово Христово жило въ Христіанинѣ: то, безъ сомнѣнія, недостаточно было бы стараться образовать онымъ умъ, безъ особеннаго попеченія о сердцѣ. То, что въ мірѣ обыкновенно называютъ просвѣщеніемъ, есть не болѣе, какъ лунное мерцаніе свѣта и жизни, а не полный свѣтъ и жизнь духа. Истинное начало жизни духовной, подобно солнцу, изливаетъ теплотворный свѣтъ, просіявающій въ умѣ истиною, и согрѣвающій сердце любовію къ добру. Даже преимущественно въ сердцѣ открывается духовная жизнь, по крайней мѣрѣ, ближайшая степень ея, на которую восходимъ изъ плотской жизни падшаго Адама. Такъ учитъ древній царственный мудрецъ: *всящьмъ храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходища живота* (Прит. IV. 23.). *Сердце отверзаетъ Господь*, дабы человѣкъ *внималъ* (Дѣя. XVI. 14.) слову Христову, и оно вселилось въ немъ. *Въ сердца изливается любовь Божія Духомъ Святымъ даннымъ намъ* (Рим. V. 5.). *Въ сердца посылаетъ Богъ Духа Сына своего, вопіюща: Авва Отче* (Гал. IV. 6.). Таковымъ благодатнымъ дѣйствіямъ Божества на сердце человѣка взаимнымъ сердечнымъ дѣйствіемъ соотвѣтствовать, и къ принятію оныхъ себя располагать учитъ Апостолъ, когда увѣщеваетъ *во благодати пѣть въ сердцахъ нашихъ Господеви.* Совершая священное пѣснопѣніе, или участвуя въ ономъ, берегись, чтобы не одними устами участвовать въ ономъ; поелику Господь со гнѣвомъ жалуется на тѣхъ людей, которые къ Нему *приближаются усты своими* только, и которыхъ *сердце далече отстоитъ* (Ис. XXIX. 13.) отъ Него; — также не однимъ слухомъ, хотя бы то было и не безъ разумѣнія; потому что *не пользуетъ слово слуха, не растворенное вѣрою слышащихъ* (Евр. IV. 2.). Но возбуждай сердце твое, чтобы оно изнутри отвѣтствовало на внѣшній псаломъ, въ духовномъ созвучіи; чтобы оно, при вопляхъ покаянія сокрушалось и умилялось, предъ глаголами вѣры и тайнъ благоговѣло и смирялось, при гласахъ славословій восхищалось на небо, когда воспѣвается любовь къ Богу и надежда на него, веселилось и радовалось, при пѣсняхъ духовныхъ, изображающихъ духовную, Богоугодную жизнь, всѣми своими желаніями воскрилялось къ сей вожделѣнной жизни; наконецъ, чтобъ и тогда, когда въ устахъ пѣніе умолкаетъ, оно еще отзывалось въ сердцѣ, и возобновлялось воспоминаніемъ и повтореніемъ благодатныхъ ощущеній.

Если кому представится недоумѣніе въ томъ, что Апостолъ заповѣдуетъ пѣть въ сердцахъ *во благодати*, которая отъ насъ не зависитъ; а потому, кажется, и заповѣди не подлежитъ: то, для отвѣта на сіе, можно указать на достойныхъ подражанія пѣвцовъ, *имущихъ гусли Божіи, стоящихъ на мори стклянномъ, смѣшенномъ со огнемъ* (Апок. XV. 2.). Благодать подобна сему морю: такъ она безпредѣльна; такъ водоогненна; ибо и орошаетъ жаждущее сердце, и воспламеняетъ охладѣвшее. Ты стоишь, можетъ быть, еще не на семъ морѣ, а на землѣ, потому что къ землѣ привязанъ помыслами, желаніями, пристрастіями: но сдѣлай шагъ, и станъ на морѣ стклянномъ, чистомъ и

свѣтломъ; отвергни земныя пристрастія, желанія, помыслы, и ты очутишься во благодати; и тогда познаешь, какъ удобно исполняется Апостольская заповѣдь, *пѣть въ сердцахъ во благодати.*

Таковъ, возлюбленные соученики, Апостольскій урокъ о вселеніи въ насъ слова Хрістова. Нужно ли напоминать, что сдѣлано Церковію къ большему облегченію нашего духовнаго ученія? Псалмы, пѣнія, пѣсни духовныя, назидательныя чтенія, избраны изъ священныхъ книгъ, дополнены чистыми изліяніями Духа чрезъ уста Богоносныхъ Отцевъ, расположены по днямъ и часамъ; небесное училище, вмѣстѣ и святилище, всякому отверсто. Что жъ? Довольно ли учимъ мы самихъ себя? Довольно ли вразумляемъ другъ друга? Каковы наши духовные успѣхи въ ученіи, въ житіи? Трижды въ день мы слышимъ въ церкви символъ святыя вѣры: но въ чемъ существенно состоитъ спасительная истина вѣры, какъ мало иные знаютъ! Годы проводятъ среди псалмовъ и пѣсней духовныхъ: но слова Хрістова, въ себѣ вселившагося, не являютъ; *плода духовнаго*, каковый *есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, вѣра, кротость, воздержаніе*, въ зрѣлости и обиліи не приносятъ. Ежедневно слышатъ въ церкви возбуждающій гласъ: *горѣ имѣмъ сердца:* но возносить сердца свои не подвизаются, безъ заботы оставляютъ ихъ долу, наполненныя суетою, одебелѣвшія, ожесточающіяся, окаменѣвающія. Что же будетъ далѣе?—по господствующей привычкѣ и многочисленнымъ примѣрамъ, вѣроятно, все то же. Что же наконецъ?—Сіе учебное время, сія учебная жизнь кончится, не какъ во внѣшнихъ училищахъ въ извѣстный срокъ, но совсѣмъ не ожиданно, и мы призовемся на открытое предъ цѣлымъ свѣтомъ испытаніе, еже на страшнѣмъ судѣ Божіемъ. Чѣмъ извинимъ тогда духовную малоуспѣшность нашу?

Знаю выдуманныя на сей случай извиненія. Не всѣмъ, говорятъ, быть учителями и Богословами; не всѣмъ быть Святыми.

То правда, что не всѣмъ предназначенъ даръ и долгъ учительства, что и Апостолъ не желаетъ *многихъ учителей* (Іак. III. 1.); и Церковь не многихъ удостоила имени Богослововъ. Однако жъ никому не позволено въ Христіанствѣ быть вовсе не ученымъ, и оставаться невѣждою. Самъ Господь не нарекъ ли Себя учителемъ, и Своихъ послѣдователей учениками? Прежде нежели Христіане начали называться Христіанами, они всѣ до одного назывались учениками. Не уже ли это праздныя имена, ничего не значащія? И за чѣмъ послалъ Господь въ міръ Апостоловъ? — первѣе всего учить всѣ народы: *шедше научите вся языки.* Если ты не хочешь учить и вразумлять себя въ Христіанствѣ: то ты не ученикъ и не послѣдователь Хріста; не для тебя посланы Апостолы; ты не то, чѣмъ были всѣ Христіане съ самаго начала Христіанства; я не знаю, что ты такое, и что съ тобою будетъ.

Что касается до тѣхъ, которые хотятъ основать себѣ надежду спасенія на семъ, конечно не святомъ, догматѣ: не всѣмъ быть святыми; довольно сказать противъ нихъ одно святое слово: *миръ имѣйте*, пишетъ Апостолъ, *со всѣми, и святыню, ихже кромѣ*, то есть, безъ мира и святыни, *никтоже узритъ Господа* (Евр. XII. 14.). Сбудется приговоръ, произносимый міромъ противъ себя, что не всѣмъ быть святыми: но что будетъ съ тѣми, которые не потщатся покаяніемъ, вѣрою, духовнымъ ученіемъ, благоговѣйнымъ житіемъ очиститься, просвѣтиться, и, рано или поздно, *имѣти святыню?* Апостолъ уже рѣшилъ ихъ участь: *не узрятъ Господа.*

Братія! да не разлучитъ насъ отъ Господа нерадѣніе наше и невнимательность. Перестанемъ думать, если кто думалъ до сихъ поръ, будто можемъ угодить Ему, исполняя только нѣкоторыя обязанности, только наружно, и какъ случится. *Богъ разумѣвъ Господь* (1 Цар. II. 3.). *Богъ зритъ на сердце* (1 Цар. XVI. 7.). *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII. 21.). И такъ непремѣнно нужно внутренно приготовлять и устроять для царствія Божія нашъ разумъ и наше сердце. Воспользуемся для сего средствами, кои столь щедро подаетъ намъ Церковь, непрерывно насъ учащая и вразумляющая, если только желаемъ учиться и вразум-

ляться. Примемъ себѣ въ дѣятельное руководство Апостольское слово, написанное нѣкогда для Христіанъ Колоссскихъ, но точно не мимо и каждаго изъ насъ изреченное Духомъ Святымъ; *слово Христово да вселяется въ васъ богатно, учаще и вразумляюще себе самыхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.* Аминь.

14. СЛОВО

Въ день Первоверхорныхъ Апостоловъ Петра и Павла.

Первоверховнымъ Апостоламъ празднуемъ: вникнемъ въ духъ и силу настоящаго празднованія.

Подъ именемъ *первоверховныхъ Апостоловъ* Церковь соединяетъ Петра и Павла.

Что сіе отличительное наименованіе приличествуетъ Святому Петру, въ томъ не трудно убѣдиться изъ Евангельской исторіи. Во всякомъ собраніи, даже равныхъ между собою людей, обыкновенно кто нибудь имѣетъ нѣкоторое первенство, или по избранію и назначенію, для порядка, или по превосходству своихъ способностей и особенному присутствію духа: и во многихъ случаяхъ, когда Евангельская исторія представляетъ Петра въ собраніи Апостоловъ, имя его первенствуетъ въ порядкѣ именъ Апостольскихъ, и лице его первенствуетъ между Апостолами, то въ словѣ, то въ дѣйствіи. Когда, на примѣръ, Святый Матѳей хочетъ составить списокъ избранныхъ въ званіе Апостольское; онъ пишетъ: *Дванадесятихъ же Апостоловъ имена суть сія: первый Симонъ, иже нарицается Петръ* (Матѳ. X. 2.); — и потомъ именуетъ прочихъ Апостоловъ. Когда Самъ Божественный Учитель, по нѣкоторомъ времени ученія, испытываетъ избранныхъ учениковъ Своихъ въ главномъ предметѣ Своего ученія, и вопрошаетъ: *кого Мя глаголете быти?* — Петръ предупреждаетъ всѣхъ Богомудрыхъ отвѣтомъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*; и за то первый не только похваляется, но и ублажается: *блаженъ еси Симоне*; ему первому сказуется: *на семъ камени созижду церковь Мою*, хотя впрочемъ не исключительно ему, потому что Церковь *назидается на основаніи Апостолъ и Пророкъ сущу краеугольну самому Іисусу Христу* (Еф. II. 20.); онъ первый получаетъ ключи Царства Небеснаго и власть вязать и рѣшить (Матѳ. XVI. 16—19.), хотя впрочемъ въ слѣдъ за симъ и всѣмъ Апостоламъ та же власть дарована (Матѳ. XVII. 18.). И въ то бѣдственное время, когда, при пораженіи Пастыря, разсѣялись овцы стада, когда самые столпы ея поколебались, самые камни основанія подвиглись отъ мѣстъ своихъ, потому что сатана просилъ, дабы свѣть ихъ, яко пшеницу; — что тогда камень Петръ? — Правда, не устоялъ и онъ, даже бѣдственнѣе другихъ былъ низринутъ: но съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ преимущество особенною молитвою Христовою быть воздвигнутъ на прежнее мѣсто свое, и ему предоставлено утвердить братію. *Азъ*, сказано ему, *молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя; и ты нѣкогда обращся, утверди братію твою* (Лук. XXII. 32.). Подлинно, когда воскресеніе Господа прежде всѣхъ открылось Мѵроносицамъ; сіе не утвердило Апостоловъ въ вѣрованіи оному: *и явишася предъ ними яко лжа глаголы ихъ* (Лук. XXIV. 11.). Но когда Воскресшій явился Петру: то и прочіе Апостолы, прежде общаго всѣмъ изъ явленія, уже съ твердостію говорили: *воистинну воста Господь, и явися Симону* (Лук. XXIV. 34.). Наконецъ должно ли наполнить пустоту, оставленную въ ликѣ Апостольскомъ чрезъ отпаденіе Іуды? — Первый примѣчаетъ сіе Петръ, и первый печется о семъ. Должно ли, непосредственно, по сошествіи Святаго Духа, торжественно начать проповѣдь Евангельскую? — *Ставъ Петръ со единонадесятьми*, первый изъ нихъ *воздвиже гласъ свой* (Дѣян. II. 14.). Должно ли положить основаніе Церкви Христіанской между язычниками, так-

же какъ между Іудеями? — Петръ креститъ Корнилія; и уже не въ первый разъ просто изъясняется событіями, много затрудняемое толкованіями слово Христово: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою.*

Но чѣмъ яснѣе такимъ образомъ первенство Святаго Петра между Апостолами: тѣмъ болѣе требуетъ изслѣдованія то, что Церковь и Святаго Павла присоединяетъ къ нему подъ общимъ для обоихъ наименованіемъ Первоверховныхъ Апостоловъ,— Павла, очень мало, по видимому, соединеннаго съ Петромъ въ Апостольствѣ. Извѣстно, что Господь избралъ сперва двѣнадцать Апостоловъ, а потомъ другихъ семьдесятъ, двѣнадцать, въ сравненіи съ семидесятью, всѣ могутъ быть названы верховными Апостолами. Но извѣстно также, что Святый Павелъ не былъ въ числѣ сихъ. Когда они въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ учились наукѣ Апостольства у Божественнаго Учителя: тогда, вѣроятно, Павелъ продолжалъ еще учиться у законоучителя Іудейскаго Гамаліила. Когда они воплощенною Премудростію Божіею торжественно произведены въ учители всѣхъ народовъ: *шедше научите вся языки*: Павелъ все еще оставался только ученикомъ Гамаліила. Когда они единодушно ждали, и всѣ совокупно получили Духа Святаго, и содѣлались Его непосредственными орудіями и верховными на земли раздаятелями даровъ Его: и тогда Павла между ими не было. Когда они начали созидать и распространять Церковь Христову: Павелъ еще былъ ея гонителемъ и разрушителемъ. Какъ же случилось, что столь далеко, по видимому, отставшій отъ сонма верховныхъ Апостоловъ, пріемлетъ нынѣ отъ Церкви честь, не только равную съ верховными, но и преимущественную, вмѣстѣ съ первоверховнымъ изъ нихъ?

Посмотримъ, нѣтъ ли способа сблизить сихъ двухъ мужей, и уразумѣть помышленіе Церкви, которая соединяетъ ихъ въ настоящемъ празднованіи.

Нѣтъ нужды пространно изъяснять, или доказывать, что Апостольство Павла столь же величественно и Божественно по своему началу, какъ Апостольство Петра и прочихъ Апостоловъ. Довольно для сего сказать, что Призвавшій Петра и прочихъ къ Апостольству во время пребыванія Своего на земли, — Самъ призвалъ къ тому же Павла, преклонясь къ нему изъ отверстыхъ небесъ. *Павелъ Апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ*, или какъ еще онъ изъясняется, *явленіемъ Іисусъ Христовымъ* (Гал. 1. 1. 12.).

Если великъ тотъ, кто изъ глубокаго невѣдѣнія въ краткое время восходитъ къ высокой и Божественной мудрости: менѣе ли великъ и тотъ, кто изъ смертельной вражды противъ Божественной истины вдругъ прелагается въ любовь къ ней, также, яко смерть, крѣпку? Вчера рыбарь; а нынѣ первый и единственный Богословъ: *Ты еси*, говоритъ, *Христосъ Сынъ Бога живаго*:—вотъ величіе Петра! Вчера гонитель Христовъ, а нынѣ Апостолъ Христовъ;—*гоняй насъ иногда*, говорятъ вѣрные, *нынѣ проповѣдуетъ вѣру, юже иногда разрушаше* (Гал. 1. 23.):—вотъ величіе Павла! Если верховность духа Петрова надъ прочими Апостолами видна въ томъ, что онъ нѣкогда утвердилъ братію свою, поколебавшуюся въ вѣрѣ: не также ли видна верховность духа Павлова надъ самимъ Петромъ, когда Павелъ примѣтилъ непримѣченный Петромъ соблазнъ, предстоящій Церкви, по причинѣ его устраненія отъ вѣрующихъ изъ язычниковъ, въ угожденіе вѣрующимъ изъ Іудеевъ, и исправилъ въ семъ случаѣ дѣйствія Петровы? *Егда*, говоритъ, *пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противу стахъ, яко зазоренъ бѣ* (Гал. II. 11.). Если Апостольское дѣйствованіе Петра является преимущественно великимъ въ томъ, что как между Іудеями, такъ и между язычниками, онъ полагаетъ первыя основанія Церкви Христовы; что чрезъ него наипаче, какъ чрезъ сильнѣйшее орудіе благодати, соборъ Апостольскій дѣйствуетъ изъ Іерусалима не только на всѣ Церкви Палестинскія, но и на многія другія: не обширнѣе ли еще область Апостольства Павлова, простирающаяся отъ Іерусалима и Сиріи до Македоніи, до Греціи, до Иллирика, отъ Антіохіи до Рима, и, можетъ быть, до Испаніи, при томъ такъ,

что и онъ большею частію *не на чужемъ основаніи созидалъ* (Рим. XV. 20.), но проповѣдывалъ тамъ, гдѣ до него не было произносимо имя Хрістово? Посмотрите, какъ сіи, безъ войска и безъ оружія всемірные завоеватели, дѣлятъ между собою народы, не уступая другъ другу, не въ томъ, кому болѣе владѣть вселенною, но кому болѣе страдать за спасеніе вселенныя: *увѣрено ми бысть*, сказуетъ Павелъ, *благовѣстіе необрѣзанія*, то есть язычниковъ, *якоже Петру обрѣзанія* (Гал. II. 7.), то есть Іудеевъ. Поелику же во время сего, не раздѣляющаго, но соединяющаго раздѣла, во вселенной не было ничего, кромѣ *обрѣзанія* и *необрѣзанія*, кромѣ Іудеевъ и язычниковъ: то Петръ и Павелъ раздѣлили ее между собою безъ остатка, и потому въ цѣломъ мірѣ некому оспоривать у нихъ достоинства первоверховныхъ.

Впрочемъ и тогда, какъ дѣйствительно есть нѣкоторая первоверховность Апостольская въ превосходствѣ даровъ, высотѣ добродѣтелей и обширности подвиговъ, можно еще спросить: для чего такъ торжественно возвѣщается первоверховность проповѣдниковъ вѣры, которые полагали, и другихъ научали полагать свое торжество не въ верховности, но въ смиреніи, и первенство въ служеніи другимъ? — Дабы на сіе отвѣтствовать, вспомнимъ притчу Хрістову: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѳ. V. 14.). Градъ на верху горы, здѣсь означаетъ душу возвышенную, наполненную и украшенную совершенствами и добродѣтелями: подобно какъ въ другихъ случаяхъ Слово Божіе душу Боголюбивую и благочестивую называетъ обителію Божіею, или домомъ Божіимъ. Какъ градъ на вершинѣ горы стоящій, сколь ни скромны его зданія, тѣмъ не менѣе виденъ издалека: такъ душа, отвергшая міръ и плоть со страстями и похотями, долу влекущими, приближенная къ небеснымъ Силамъ, вознесенная на гору Закона Божія, чистотою, вѣрою и любовію въ Богѣ обитающая, и содѣлавшаяся обителію благодати Божіей, сколь ни скромно ея слово, сколь ни смиренны ея дѣйствія, и въ смиреніи своемъ открываетъ свою возвышенность, и скромностію не можетъ скрыть своей внутренней славы отъ очей сколько нибудь очищенныхъ. И какъ путешествующіе, усматривая градъ на горѣ, останавливаются и сами на нѣкоторомъ возвышеніи, откуда удобнѣе видѣть его, указуютъ его другъ другу, замѣчаютъ особенныя возвышенности его, бесѣдуютъ о красотахъ его, наслаждаясь величественнымъ зрѣлищемъ, а иногда и управляя имъ путь свой, и поопрясь достигнуть видимаго вдали: такъ Богомудрые Отцы и руководители наши въ пути спасенія, останавливаютъ насъ на извѣстномъ поприщѣ времени, чтобы, какъ два величественные града, указать намъ великія души Петра и Павла; замѣчаютъ намъ преимущественную возвышенность ихъ совершенствъ и добродѣтелей; даютъ случай чистымъ душамъ насладиться созерцаніемъ двухъ высокихъ обителей Святаго Духа, или единой высокой благодати Апостольства, обитающей въ двухъ тѣлесныхъ обителяхъ; побуждаютъ очищаемыхъ, по возможности, хотя издалека, разсматривать сіе духовное зрѣлище, и по нему направлять и ускорять путь свой ко спасенію ревностнымъ подражаніемъ усматриваемымъ подвигамъ и добродѣтелямъ; а дабы и неочищенныхъ отъ праха мірскихъ суетъ очистить нѣкоторымъ предварительнымъ очищеніемъ, и отъ бренія плоти возвысить, для удобнѣйшаго умнымъ окомъ разсматриванія духовныхъ высотъ, они старались какъ-бы на нѣкое духовное возвышеніе возвести насъ стезею поста, настоящій день предварившаго.

Ничего не скажу чистымъ и возвышеннымъ созерцателямъ, чтобы не препятствовать имъ наслаждаться тѣмъ, что нынѣ видятъ они на горѣ Божіей, на высотѣ Церкви Хрістовы. Станемъ добрѣ и мы, едва, можетъ быть, возникающіе духомъ отъ плоти и міра; воспользуемся высокимъ духовнымъ зрѣлищемъ, которое Церковь нынѣ намъ представляетъ и указуетъ. — Если ты еще привязанъ къ міру, къ мірскимъ стяжаніямъ или удовольствіямъ, къ мірскимъ знаніямъ, къ мірской чести: воззри на Петра, который оставилъ все, чтобы слѣдовать за Хрістомъ; воззри на Павла, который, по видимому, и не совсѣмъ мірскія знанія Іудейскаго законника

и Фарисея, и славу сихъ знаній, вмѣнилъ за уметы, чтобы пріобрѣсть спасительное бѣдство и попошеніе Хрістово. Если не можешь оставить имѣнія: оставь по крайней мѣрѣ любостяжаніе и скупость. Если не можешь еще возлюбить попошеніе: отвергни по крайней мѣрѣ любочестіе. Иначе какой ты ученикъ Апостоловъ? Какой сынъ Апостольской Церки?—Если ты грѣшникъ, знающій свое беззаконіе; и грѣхъ твой, будучи предъ тобою выну, не даетъ покоя твоей совѣсти: хотя и низко въ семъ случаѣ ты стоишь, но и ты воззри на высокихъ Апостоловъ. И первоверховный Петръ не былъ ли на время отрекшимся отъ Хріста? И первоверховный Павелъ не былъ ли нѣкогда гонителемъ Церкви? Но слезы покаянія и глубоко падшаго Петра возстановили въ верховное Апостольство: а покаяніе Павла, еще и не начатое, но провидѣнное, принято простертыми съ небесъ объятіями Спасителя грѣшниковъ. Что же ты унываешь, грѣшникъ, и отягчаешь себя отчаяніемъ? Возьми крила покаянія и надежды, и лети на высоту благодати.

Довольно сего для примѣра, какъ можемъ и мы, униженные въ Церкви, разсматривать высокія совершенства Апостоловъ, и размышленіемъ о нихъ питать душу свою, и одушевлять жизнь свою. Въ семъ состоитъ истинный праздникъ Апостоламъ. Благословеніе Святыхъ Апостоловъ и Святыя Церкви Апостольскія почіетъ на празднующихъ симъ образомъ. Аминь.

15. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей преподобнаго Сергія, говореннoе въ Лаврѣ его, Іюля 5 дня, 1822 года.

Проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ. Евр. XI. 37. 38.

Что это за люди, которыхъ столь несообразными, по видимому, чертами описываетъ Апостолъ? Онъ цѣнитъ ихъ дороже цѣлаго міра: *ихже не бѣ достоинъ весь міръ;* но въ то же время показываетъ, что они брошены такъ, какъ-бы ничего не стоили, потому что не имѣютъ ни порядочной одежды, ни пищи, ни безопасности, ни жилища: *проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ.*

Можетъ быть, міръ не узнаетъ, или не захочетъ узнать сихъ добровольныхъ изгнанниковъ міра: но вамъ не должно быть трудно узнать ихъ, обитатели священной пустыни! Это наши предшественники, хотя, можетъ быть, большая часть изъ насъ отстали отъ нихъ такъ далеко, что мы оскорбляемъ ихъ, называясь ихъ послѣдователями. Если нужно указать на лица: таковъ былъ Илія Ѳесвитянинъ, котораго, какъ примѣтно, Апостолъ особенно имѣлъ предъ очами, когда писалъ свое изображеніе великихъ странниковъ міра;—Илія, который затворялъ и отверзалъ небо, низводилъ дождь и огнь, призывалъ гладъ и плодородіе, а самъ едва находилъ пропитаніе, иногда чрезъ пустынпаго врана, иногда чрезъ убогую вдовицу; словомъ истреблялъ живыхъ, дуновеніемъ воскрешалъ мертвыхъ, но самъ убѣгалъ въ *пустыню души ради своея*, то есть, по причинѣ опасности жизни, и, утомленный преслѣдованіями враговъ, *просилъ души своей смерти* (3 Царст. XIX. 3. 4.). Таковъ былъ Іоаннъ Креститель, котораго *болій не воста въ рожденныхъ женами* (Матѳ. XI. 11.), по свидѣтельству самой Истины, но который жилъ въ дикой пустынѣ, носилъ грубую одежду, питался акридами, окончилъ свое поприще темницею и мечемъ. Таковы были послѣ Павелъ Ѳивейскій, Антоній Великій, Макарій Египетскій, Ефремъ Сирійскій, и множество другихъ, которые изъ мрака пустынь, какъ звѣзды, просіяли свѣтомъ духовнымъ, и озарили вселенную.

Но на что, для очевидцевъ самаго дѣла, собирать многихъ постороннихъ свидѣтелей? Таковъ и сей дивный мужъ, который пришелъ сюда въ безлюдную и непроходимую пустыню; долго жилъ здѣсь во вся-

комъ лишеніи, одинъ съ единымъ Богомъ; потомъ, когда нашлись люди, которые, узнавъ цѣну его, предпочли міру его пустыню, и предали ему самихъ себя въ послушаніе и управленіе, былъ первый въ трудахъ и подвигахъ, и послѣдній въ успокоеніи, носилъ одежду, которую отвергали другіе; ѣлъ гнилой хлѣбъ; вмѣсто изгнанія непокоривыхъ, изгонялъ отъ нихъ самъ себя; и что же наконецъ?—По слову Пророка, *создались пустыни его вѣчныя; содѣлались основанія его вѣчныя родомъ родовъ, и прозвался онъ зиждитель оградъ* (Иса. LVIII. 12.). Не только немощные и сильные земли приходили въ пустыню его просить отъ него благословенія, совѣтовъ, чудесныхъ исцѣленій и побѣдъ на преобладавшихъ враговъ, но и Царица небесъ ближними Царя царствующихъ сопровождаемая, нисходила въ его святое уединеніе, чтобы утвердить въ его пустынѣ благословеніе неба, которое въ послѣдствіи времени враждебныя силы міра, при всемъ видимомъ ихъ могуществѣ, тщетно покушались разрушить.

Кто бросаетъ драгоцѣнности?—Почему же люди, *нѣже не бѣ достоинъ весь міръ*, которые, при высокомъ внутреннемъ достоинствѣ, собственно для міра должны быть драгоцѣнны по многимъ благотворнымъ для него дѣйствіямъ,—почему они, въ такомъ, по видимому, небреженіи, разсыпаны *по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли?* Міръ ли, не давъ имъ цѣны, отвергнулъ ихъ; или они, узнавъ его цѣну, не захотѣли принадлежать ему?

Гордость міра не позволяетъ ему признаться, что онъ оставленъ, какъ недостойный: и потому онъ старается увѣрить тѣхъ, которые легковѣрно его слушаютъ, что онъ самъ, какъ ни къ чему неспособныхъ, отвергаетъ тѣхъ, которые оставляютъ его; или что они, оставляя его добровольно, оставляютъ безразсудно. Но истина и опытъ говорятъ вопреки ему, что не столько онъ ихъ отвергаетъ, сколько они оставляютъ его; и что онъ безразсуденъ и несправедливъ, поколику отвергаетъ ихъ, а не они, поколику отъ него удаляются.

Думаютъ упрекнуть насъ, когда говорятъ, что нѣкоторые изъ древнихъ благочестивыхъ пустынножителей приведены были къ сему образу жизни страхомъ гоненій. Но противъ чего возставали гонители? — Противъ благочестія. Для чего убѣгали въ пустыни гонимые?—Для сохраненія благочестія. Кто же здѣсь заслуживаетъ укоризну? Воинъ, который, увидѣвъ себя одного въ непріятельскомъ станѣ, умѣлъ безопасно удалиться, и невредимо сохранить знамя, ему ввѣренное, не ужели есть безчестный бѣглецъ? Не есть ли онъ нѣкоторымъ образомъ побѣдитель? Если міръ хочетъ уничижить насъ, называя послѣдователями такихъ бѣглецовъ: то пусть осмотрится, не поставляетъ ли онъ тѣмъ самого себя въ достоинство—послѣдователя гонителей?

Справедливо ли ненавидѣть тѣхъ, которые всегда вамъ добра желаютъ? И такъ справедливъ ли міръ, когда онъ ненавидитъ людей, которые, оставляя его на всю жизнь, въ то же время на всю жизнь обрекшись желать ему истиннаго добра въ непрестанныхъ молитвахъ? Не совершенно ли безразсудно, отвергать тѣхъ, которые не только желаютъ намъ добра, но и могутъ самымъ дѣломъ доставить намъ то, чего желаютъ? Но не сіе ли самое дѣлаетъ міръ, когда отвергаетъ тѣхъ, которые подвигами благочестія и чистыми молитвами отводятъ отъ него громы раздраженнаго неба, и низводятъ на него могущественныя и дѣйственныя благословенія? Если онъ не постигаетъ тайны духовныхъ благословеній: укажемъ ему на благословенія видимыя и чувственныя. Смотрите, дикая пустыня превращается въ цвѣтущую, вѣковую обитель; безлюдная пустыня даетъ бытіе многолюдному селенію; пустынная обитель стоитъ непоколебимо противъ устремленія враговъ, уже низложившихъ столицу, становится щитомъ уже уязвленнаго царства, и сокровищницею его спасенія; и все сіе—отъ одного пустынножителя! Дадимъ послѣ сего міру судить о семъ родѣ людей хотя по однимъ временнымъ выгодамъ. Если онъ все еще отвергаетъ ихъ: онъ отвергаетъ свою пользу. Если онъ еще почитаетъ ихъ ни къ чему не полезными: онъ не знаетъ собственныхъ выгодъ.

Сколь несправедливо поступаетъ міръ въ томъ, что унижаетъ и отвергаетъ сихъ людей: столь же напрасно льститъ онъ себѣ тѣмъ, будто отчаяніе въ его благоволеніи заставляетъ ихъ отъ него удалиться. Тщетно Фараонъ сталъ бы хвалиться, что онъ изгналъ Израильтянъ въ пустыню; хотя подлинно *нуждаху Египтяне людей со тщаніемъ изгнути ихъ отъ земли* (Исход. XII. 33.). Не отчаяніе, но надежда вывела Израильтянъ изъ Египта; они воспользовались своимъ изгнаніемъ, какъ средствомъ своего избавленія, и за свое бѣгство воспѣли Богу побѣдную пѣснь. Истинно отрекающіеся отъ міра, если испытываютъ его неблаговоленіе, пользуются тѣмъ, какъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе удалиться отъ него; а часто, и не испытавъ отъ него никакой видимой непріязни, оставляютъ его совсѣмъ не потому, чтобъ онъ отвергалъ ихъ, но потому, что пустыня ихъ призываетъ, и тихій, частію даже печальный, гласъ ея для нихъ стократно вожделѣннѣе, нежели шумныя радости міра. Кто гналъ изъ міра сіе чудное отроча, которое оставило его прежде, нежели имѣло случай узнать его? *Отрона расташе, и крѣплящеся духомъ, и бѣ въ пустыняхъ* (Лук. I. 80.). Зналъ ли міръ и сего Варѳоломея, прежде нежели содѣлала его извѣстнымъ пустыня; и могъ ли отвергнуть его, прежде нежели онъ самъ отвергся міра? Міръ узналъ уже оставившаго міръ Сергія, по его подвигамъ и чудодѣйствіямъ; и не столько отвергалъ, сколько привлекалъ его: но даже и тогда, когда былъ онъ привлекаемъ въ такое состояніе, которое хотя и въ мірѣ, но не отъ міра, и не для міра,—самое послушаніе, столь свято хранимое Сергіемъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, не могло привести его къ тому, чтобы разстаться съ сладкою пустынею.

Какая же тайная сила влекла сихъ людей изъ міра, и заставляла ихъ, оставя все въ немъ пріятное, скитаться по пустынямъ въ лишеніи, въ скорбяхъ, въ озлобленіи? Узнаемъ сію тайну отъ Апостола, который изобразилъ сихъ непостижимыхъ для міра людей. Сія тайна есть *вѣра. Вѣрою*, говоритъ онъ, *побѣдиша царствія, содѣяша правду*, — и далѣе: *проидоша въ милотехъ,—въ пустыняхъ скитающеся; и паки заключаетъ: вси сіи послушествовани вѣрою* (Евр. XI. 33—39.). Вѣра представила имъ, что они *странніи и пришельцы суть на земли* (13), мысль, которую знаютъ и невѣрующіе, но и слыша пропускаютъ мимо ушей, или, лучше сказать, мимо сердца, и потому, хотя ежедневно, видятъ подобныхъ себѣ умирающихъ, однако живутъ въ такой безпечности о будущемъ, съ такою привязанностію къ земному, какъ-бы имъ жить здѣсь вѣчно! — Вѣра вдохнула вѣрнымъ своимъ послѣдователямъ глубокое чувство тлѣнности міра и краткости жизни, а въ слѣдствіе сего и пламенное желаніе отечества небеснаго; научила ихъ *невидимому* Богу *предстоятъ, какъ бы види Его* (27.), *взирать на Начальника вѣры и совершителя Іисуса, Иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же Престола Божія сѣде* (XII. 2.); указала имъ на *мздовозданіе* (XI. 26.), и для нихъ уготованное. При сихъ несродныхъ міру чувствованіяхъ, при сихъ высокихъ видахъ, красоты міра для нихъ померкли, сладости чувственныя преогорчились, земныя сокровища превратились въ уметы, міръ явился для нихъ пустынею, а пустыня раемъ,—и они побѣжали. Побѣжали, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, какъ плѣнники изъ Вавилона. Побѣжали отъ міра, гдѣ сообщество съ мірскими человѣками, и тварь, суетою и злоупотребленіемъ искаженная, непрестанно разсѣвали ихъ мысль, порабощали желанія, возмущали душу и совѣсть. Побѣжали въ пустыню, гдѣ поколику болѣе устранялись отъ тварей, потолику ближе могли ощущать Бога; отреклись отъ земнаго брака, дабы вмѣсто того, тѣмъ свободнѣе, уготовлять себя къ единому небесному *браку Агнца* (Апок. XIX. 7.); облеклись мрачною одеждою, дабы желаніе украшенія не имѣло инаго предмета, какъ *виссонъ оправданія святыхъ* (8.); осудили себя на гладъ и жажду, дабы чувственное насыщеніе не притупило глада и вкуса къ духовной *вечери* (9.) Царствія Божія; удалились, такъ ска-

зать, на самую границу видимаго и невидимаго міра, и, въ сообразность съ назначеніемъ къ невидимому, добровольно и благовременно перенесли туда и мысль и сердце; и если принуждены оставить здѣсь бренное тѣло, то по крайней мѣрѣ стараются, постомъ, бдѣніемъ и другими подвигами, очищать и утончать его такъ, чтобы не столько оно *отягощало душу* (Прем. IX. 15.), сколько душа облегчала его и воскриляла, чтобы оно, сколько можно, менѣе препятствовало имъ подражать жизни безплотныхъ, и принимать благодатныя посѣщенія Святаго Духа.

Вотъ, братія и сообитатели пустыни, краткій, но истинный чертежъ пути, которымъ истинные предшественники наши удалились отъ міра, и не на случай скитались по пустынямъ, но на вѣрное странствовали *ко граду, основанія имущему, егоже художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. XI. 10.). Входить о семъ въ подробности не время теперь, и не нужно, можетъ быть, для тѣхъ, которые сами дѣятельно идутъ путемъ симъ. Но дабы намъ, нерадѣніемъ или прельщеніемъ духа заблужденія, не совратиться съ истиннаго пути во слѣдъ тѣхъ, которые блуждаютъ *по непроходнымъ, а не по пути* (Псал. CVI. 40.), нужно намъ прилѣжно всматриваться въ слѣды нашихъ предшественниковъ, и повѣрять шествіе наше. Очень нужно намъ испытывать себя, точно ли потому мы удалились отъ міра, что возжелали благоугождать единому Богу, а не потому, что міръ намъ не благопріятствовалъ? Въ самомъ удаленіи отъ міра, не унесли ли мы съ собою, какъ Рахиль изъ дома Лаванова, боговъ, которымъ служатъ въ мірѣ, — идоловъ гордости, корыстолюбія и плотоугодія? Или въ самой пустынѣ, подобно Израильтянамъ, не сліяли ль себѣ новыхъ идоловъ, вмѣсто тѣхъ, которыхъ оставили въ Египтѣ? Чувствуемъ ли мы себя ближе къ Богу внутренно, съ тѣхъ поръ, какъ наружно стали далѣе отъ міра? Отрекшись отъ преимуществъ и обладанія въ мірѣ, не искушаемся ли желаніемъ преимуществъ и старѣйшинства между собратіями? Жизнь, предназначенную исключительно для подвиговъ духовныхъ, не обращаемъ ли въ одно успокоеніе плоти? Благословенъ мирный сынъ пустыни, которому при таковомъ испытаніи *не зазираетъ сердце его*: онъ *будетъ имѣть дерзновеніе къ Богу* (1 Іоан. III. 21.). Благо и тому, коему, при сознаніи нѣкоторыхъ претыканій и паденій, покаянная мысль и сокрушенное сердце обѣщаютъ надежду прощенія и утѣшенія. Горе свѣтилу соблазновъ, который, въ самую пустыню принесши съ собою міръ и его скверны, нарушаетъ ея духовную святыню! Тяжкій судъ падетъ на главу его: судъ грѣха, суд нарушенія обѣтовъ, и судъ ядовитаго соблазна.

Должно сказать нѣчто и къ благонамѣреннымъ посѣтителямъ священной пустыни. Когда мы, послѣдуя Апостолу, говоримъ о пустынножителяхъ, что вѣра увлекла ихъ изъ міра: не подумайте, будто вамъ, оставшимся въ мірѣ, мы уже не оставляемъ вѣры и надежды спасенія. Нѣтъ! *Вѣра есть побѣда, побѣдившая* и побѣждающая *міръ* (1 Іоан. V. 4. 5.). Можно и жить *въ мірѣ*, но не быть *отъ міра* (Іоан. XV. 10.). Не всѣмъ заповѣдалъ Іисусъ Христосъ то, что совѣтовалъ нѣкоему юношѣ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX. 21.), то есть, для послѣдованія Христу, не только оставь беззаконія и страсти міра, но и всякій съ живущими въ мірѣ союзъ расторгни. Напротивъ того всѣмъ проповѣдывалъ Онъ покаяніе, вѣру въ Евангеліе и надежду Царствія небеснаго. Онъ Самъ жилъ и въ мірѣ и въ пустынѣ: училъ въ мірѣ, а для молитвы удалялся въ пустыню.

Яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю (Марк. XIII. 37.). Какъ никого не спасаетъ одно внѣшнее пребываніе въ пустынѣ: такъ и не погубляетъ никого внѣшнее жительство въ мірѣ. Пустая пустыня, когда во внѣшней нѣтъ внутренней пустыни; для внутренней же пустыни есть, хотя не столь свободное, мѣсто и въ мірѣ, если кто найти его потрудится. *Егда молишися, вниди въ клеть твою*, то есть, въ уединенную храмину души твоей, *и затворивъ двери твои*, то есть удержавъ отъ разсѣянія твои мысли и чувства *помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ*

(Матѳ. II. 6.). — *Не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. II. 15.). Содѣлайте сердце ваше пустынею, въ коей бы не было ни богатствъ, ни красотъ міра, ни нечистыхъ плотскихъ желаній, ни страстныхъ помышленій. Вотъ и для пустынножителей, и для живущихъ въ мірѣ, общая священная пустыня, въ которую *приходитъ*, и въ которой *творитъ обитель* (Іоан. XIV. 23.) Себѣ возлюбленный Господь нашъ Іисусъ Христосъ, со Единосущнымъ Своимъ Отцемъ и Святымъ Духомъ, къ истинному блаженству нашему, во славу имени Своего Тривятаго. Аминь.

16. СЛОВО

Въ день Преподобнаго Сергія, о судѣ Святыхъ

Не вѣсте ли, яко святіи мірови имутъ судити? 1 Кор. VI. 2.

Мірови имутъ судити!— Слово Апостольское весь міръ предаетъ суду Святыхъ: кто же и куда можетъ уклониться отъ суда сего? Весь человѣческій родъ представляется раздѣленнымъ на двѣ части: на судей, которые суть *Святые*, и на подсудимыхъ, которые суть всѣ прочіе человѣки, подъ именемъ *міра*. Некуда уклониться изъ числа подсудимыхъ, какъ развѣ въ число судей. Если не поставимъ себя самопроизвольно въ санъ судей, что было бы весьма дерзновенно, и безъ дальнѣйшаго суда достойно осужденія; то по необходимости мы должны увидѣть себя во множествѣ подсудимыхъ.

Святіи судити имутъ! — Что же о судѣ семъ должны подумать мы грѣшные? О судѣ человѣческомъ, обыкновенномъ говорятъ, что не должно бояться суда, но судьи бояться должно; потому что судъ, по существу своему, какъ дѣйствіе правосудія, угрожаетъ только нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ, то есть, виновнымъ, а судья, по невѣжеству, по лицепріятію, по мздоимству, и невинныхъ, не менѣе виновныхъ, опасности подвергаетъ: о судѣ Святыхъ—не знаю что и сказать, судей ли болѣе, или самаго суда страниться должно. Чѣмъ менѣе могли бы невинные опасаться сихъ судей, въ которыхъ не льзя предполагать ни невѣдѣнія, ни пристрастія, превращающихъ судъ: тѣмъ болѣе грѣшные должны страниться сихъ судей; ибо въ нихъ не льзя предполагать ни непроницательности, которая бы не примѣтила грѣха, ни лицепріятія, которое бы покрыло грѣшника. Если они не страшны потому, что благи и милосерды: то страшны по тому самому, что суть Святые, а потому совершенною ненавистію ненавидятъ грѣхъ, и конечно съ совершенною правдою осудятъ его. Если же сіи судіи міра строги въ правдѣ; а *міръ весь во злѣ лежитъ* (1 Іоан. V. 19.); и *никтоже чистъ отъ скверны* грѣха и неправды, *аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XIV. 4. 5.): то какъ страшенъ долженъ быть по необходимости судъ Святыхъ надъ міромъ!

И Ты, у котораго мы нынѣ витаемъ и покоимся, какъ птицы подъ крилами коконы, къ которому прибѣгаемъ, какъ врачу немощей, какъ утѣшителю въ скорбяхъ, какъ сокровищехранителю милосердія, какъ раздаятелю щедротъ, какъ предстателю за насъ предъ Всевышнимъ Судіею, — и Ты наконецъ долженъ быть однимъ изъ сихъ грозныхъ судей надъ нами!

О ищущіе милости! Устрашимся суда, котораго избѣжать не можемъ, и предъ которымъ устоять не имѣемъ силы. Устрашимся же не страхомъ малодушія, ведущимъ къ отчаянію, но страхомъ благоразумія, внушающимъ осторожность. Уранимъ поставить себя мысленно предъ симъ судомъ, чтобы не опоздать намъ оправданіемъ предъ нимъ, когда онъ откроется внезапно и торжественно. Не вѣсте ли, *яко святіи мірови имутъ судити?*

Апостолъ Павелъ Христіанамъ своего времени кратко напоминаетъ о судѣ Святыхъ, какъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ полагается на ихъ собственное знаніе. *Не вѣсте ли?* Не ужели вы не знаете? Безъ сомнѣнія вы сіе знаете. Спрашиваю: можно ли и Христіанамъ настоящаго времени повторить напоминаніе Апостольское съ такою же благонадежностію? Можемъ ли мы на сіе отвѣтствовать: да, мы знаемъ судъ Святыхъ? Или, посовѣтуясь съ своею совѣстію, не большая ли часть изъ насъ должны признаться, что мы почти ничего не

знаемъ объ ономъ? Въ семъ случаѣ, опять спрашиваю: что значитъ сіе незнаніе? Незнаніе о судѣ означаетъ или простоту невиннаго человѣка, которому нѣтъ дѣла до суда; — но сіе не есть наше состояніе въ отношеніи къ суду Святыхъ, какъ уже изъ вышесказаннаго разумѣть можно; — или нерадѣніе и закоснѣніе грѣшника, который избѣгаетъ мысли о неизбѣжномъ судѣ потому, что всегда занимается помыслами и дѣлами грѣховными. О судъ, котораго познаніе устрашаетъ, и котораго незнаніе обличаетъ и посрамляетъ насъ; о которомъ размышленіе угрожаетъ осужденіемъ, и о которомъ забвеніе ведетъ прямо къ осужденію! Откройся намъ со страхомъ твоимъ, прежде нежели откроешься съ неизбѣжнымъ осужденіемъ нашимъ.

Не вѣете ли, говоритъ Святый Апостолъ вѣдающимъ о судѣ Святыхъ. Мы съ невѣдущими обратимся къ источнику вѣдѣнія. Первое и главное свѣдѣніе о судѣ Святыхъ почерпаемъ изъ словъ Самого Сына Божія, Которому Богъ Отецъ *весь судъ даде, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. V. 22. 23.), и Который въ Свою чреду раздѣляетъ судъ Свой съ Апостолами: *аминь глаголю вамъ, яко вы шедшіи по Мнѣ, въ пакибытіе, егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяти престолу, судяще обѣма надесяте колѣнома Израилевома* (Матѳ. XIX. 28.). Въ семъ изреченіи должно замѣтить, во-первыхъ, что судъ Святыхъ откроется торжественно *въ пакибытіе*, во вторичное бытіе человѣковъ, то есть, по воскресеніи мертвыхъ, и слѣдственно, судъ сей будетъ всемірный не только въ отношеніи къ человѣкамъ послѣднихъ временъ, но и въ отношеніи къ роду человѣческому отъ начала временъ до конца ихъ. Во-вторыхъ, что судъ сей откроется торжественно, *егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ славы Своея:* но какъ сіе будетъ, по другому изреченію Его тогда, *егда пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѳ. XXV. 31.); слѣдственно судъ Святыхъ произведенъ будетъ не только предъ родомъ человѣческимъ, но и предъ Ангелами Божіими. Въ-третьихъ, что послѣдователи Христовы *слядутъ на престолахъ* для суда въ то же время, *егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ Славы Своея:* слѣдственно судъ ихъ будетъ соединенъ съ Его судомъ; они порознь будутъ орудіями, или подчиненными, частными дѣйствователями Его единаго, всеобщаго и верховнаго суда. Въ-четвертыхъ, что Апостолы *слядутъ на двоюнадесяте престолу, судяще обѣма надесяте колѣнома Израилевома:* но какъ за симъ остается еще множество народовъ и племенъ, которые предстанутъ всемірному суду; то можно изъ сего заключать, что кромѣ сихъ двунадесяти судей, и еще многіе судіи должны будутъ явиться. Сіе догадочное заключеніе оказывается ясною и утвержденною истиною въ изреченіи Апостола, который говоритъ, что не одни Апостолы, но вообще *святіи міровѣ имутъ судити.* Пророкъ еще съ большею опредѣленностію сказуетъ, что всѣ Святые Божіи безъ изъятія возведены будутъ въ достоинство судей, дабы произвесть судъ надъ языками и людьми, надъ царями и славными ихъ: *сотворити въ нихъ судъ написанъ: слава сія,* то есть, слава быть судіями въ семъ судѣ, *будетъ всѣмъ преподобнымъ Его.* Присовокупимъ къ сему свидѣтельство очевидца сего суда: ибо Святый Іоаннъ уже видѣлъ оный въ откровеніи. *Видѣхъ,* пишетъ онъ, *престолы и сѣдящія на нихъ, и судъ данъ бысть имъ* (Апок. XX. 4.).

Трудно вообразить, какъ произведется одинъ, согласный и неподверженный никакому прекаканію судъ толикаго множества судей, надъ еще большимъ множествомъ подсудимыхъ, по столь многимъ разнообразнымъ и тонкимъ предметамъ суда, каковы суть всѣ явныя и тайныя дѣла, слова, желанія, и помышленія каждаго человѣка въ продолженіи всей его жизни. Въ изъясненіе сего находимъ нѣчто у Псалмопѣвца, который говоритъ, что преподобные сотворятъ *судъ написанный,* и у Тайновидца, который пишетъ такъ: *и видѣхъ мертвецы малыя и великія стоящя предъ Богомъ, и книги разгнушася; и ина книга отверзеся, яже есть живота; и судъ пріяша мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ*

(Апок. XX. 12.). Какъ обыкновенно между человѣками употребляется написанный судъ, частію для удобности въ отношеніи къ высшимъ судіямъ, поелику онъ не только слова и дѣйствія подсудимыхъ, со всѣми ихъ обстоятельствами и подробностями, но и множество въ разныхъ мѣстахъ находящихся свидѣтелей и другихъ доводовъ суднаго дѣла представляетъ въ нѣсколькихъ написанныхъ листахъ; частію для вѣрности, поелику слово сказанное мгновенно скрывается, и можетъ быть пересказано иначе, а слово написанное остается видимымъ и непремѣннымъ: такъ и судъ Святыхъ представляется написаннымъ въ книгахъ, и особенно въ книгѣ жизни, въ ознаменованіе того, что имъ данъ будетъ отъ Верховнаго Судіи способъ такъ же удобно и вѣрно, или лучше сказать, несравненно удобнѣе и вѣрнѣе, видѣть всю внѣшнюю и внутреннюю жизнь каждаго судимаго ими, нежели какъ обыкновенный судія видитъ поступки подсудимаго въ написанномъ полномъ судномъ дѣлѣ; и что потому судимымъ грѣшникамъ не останется никакого способа не признаться въ томъ, въ чемъ обличатъ и осудятъ ихъ Святые. Но кто, и когда пишетъ книгу нашей жизни для будущаго суда Святыхъ? — Думаю, что пишемъ ее мы сами, и пишемъ непрерывно, въ то самое время, когда что дѣлаемъ или говоримъ, желаемъ или помышляемъ: такъ должно быть для того, чтобы мы не имѣли предлога отрицаться отъ нея на судѣ, и говорить, что въ ней кѣмъ-то, когда-то написано, чего мы не знаемъ, и чего отъ насъ не было. Но гдѣ лежитъ сія книга?— Кто знаетъ, въ какомъ мѣстѣ хранитъ Судія написанный судъ, доколѣ придетъ время открыть его всенародно? Впрочемъ надѣюсь, не погрѣшимъ, если скажемъ, что въ сердцѣ каждаго изъ насъ лежитъ книга жизни для будущаго суда нашего,—тамъ, гдѣ не только знающіе Бога, и законъ Его, и благодать Его, но и язычники *являютъ дѣло законное написано, сосвидѣтельствующей имъ совѣсти, и помысломъ другъ друга осуждающимъ или оправдывающимъ* (Рим. II. 15.), ибо сіе внутреннее явленіе не иное что есть, какъ большее или меньшее открытіе книги жизни, которая наконецъ вся, отъ начала до конца, откроется, и изъ нашей же внутренности освѣтится или тихимъ свѣтомъ, или пожирающимъ огнемъ, *въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ*. Можно еще сказать, что и въ самомъ тѣлѣ нашемъ, которое подъ покровомъ тлѣннаго уготовляется къ воскресенію, какъ-бы въ нѣкоей книгѣ, мы пишемъ жизнь нашу непримѣтными нынѣ, но явственными для будущаго суда нашего чертами: *каковая бо нынѣ*, говоритъ Святый Макарій, *сокровища внутрь себе стяжала душа, таковая откроются и явятся тогда на тѣлѣ* (Бесѣд. V. 8.), можетъ быть, также и на другихъ созданіяхъ Божіихъ;— ибо у Тайновидца сказано, что кромѣ особенной книги животной, есть еще книги, которыя должны разгнуться для суда по написанному въ нихъ,—можетъ быть, говорю, и на другихъ созданіяхъ Божіихъ, нами беззаконно употребляемыхъ, оскверняемыхъ, повреждаемыхъ, окажется по частямъ написанный судъ настоящей жизни нашей, на примѣръ, наши грубыя нечистоты на землѣ и водѣ, наши праздныя слова на воздухѣ, слѣды злобы нашей въ томъ, что было предметомъ или орудіемъ злобныхъ дѣйствій, улики соблазновъ нашихъ въ тѣхъ, которыхъ мы соблазнили. Такъ необличенное живыми свидѣтелями братоубійство Каиново написано на землѣ кровію Авеля: и небесный Судія точно сими кровавыми, не только явственными для прочтенія, но даже говорящими письменами, уличилъ непризнававшагося преступника: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли* (Быт. IV. 10.). Такъ одинъ изъ будущихъ судей Божіихъ ржа золота и серебра предварительно принимаетъ въ качествѣ свидѣтеля противъ сребролюбцевъ: *ржа ихъ*, говоритъ, *въ послушество на васъ будетъ* (Іак. V. 3.). Наконецъ самая благодать, вселившаяся во Святыхъ, которой мы не приняли не почему другому, какъ по самопроизвольному нерадѣнію или упорству, ихъ вѣра, ихъ подвиги, ихъ добродѣтели, которыя мы долго имѣли предъ очами въ сихъ подобострастныхъ намъ людяхъ, но которымъ не подражали, явясь въ день суда въ полномъ свѣтѣ, произведутъ то, что дѣйствіе суда Святыхъ само собою окажется надъ нами,

посредствомъ совѣсти нашей: подобно какъ Ной, не поставляя судилища, не производя судебнаго изслѣдованія, тою самою вѣрою, которою самъ спасся отъ погибели въ потопѣ, осудилъ невѣровавшій первый міръ: *вѣрою* говоритъ Апостолъ, *отвѣтъ пріимъ Ное, о сихъ, яже не у видѣ, убоявся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего: ею же,* то есть, вѣрою, *осуди весь міръ.*

Вотъ нѣкіе малые, какіе съ глубокимъ невѣдѣніемъ нашимъ совмѣстны, начатки познанія о великомъ судѣ Божіемъ и Святыхъ Божіихъ надъ всѣми нами: малые для того, чтобы ввести насъ въ тайны будущаго, но можетъ быть, уже не малые для того, чтобы возбудить насъ къ спасительному страху будущаго. Если мы страшимся обнаруженія нѣкоторыхъ, не совсѣмъ уже тайныхъ, грѣховъ нашихъ, предъ нѣкоторыми человѣками, подобно намъ грѣшными; если смущаемся предъ тайнымъ свидѣтелемъ и судіею нашей совѣсти, котораго Церковь даетъ намъ не столько для осужденія, сколько для изглажденія грѣховъ нашихъ: то какъ снесемъ мы обнаруженіе всѣхъ, даже въ самой глубинѣ души нашей сокровенныхъ грѣховъ, предъ вселенскимъ по истинѣ Соборомъ Святыхъ, при всѣхъ знаемыхъ и незнаемыхъ человѣкахъ, предъ чистѣйшими взорами Ангеловъ, въ открытомъ присутствіи сѣдящаго на престолѣ славы Своея, тогда какъ обнаруженія грѣховъ нашихъ требовать будутъ не покаяніе и прощеніе, но адъ и огнь вѣчный? Если одинъ лучь строгой истины, освѣтившій одно слово баззаконія въ книгѣ совѣсти нашей, какъ стрѣла, пронзаетъ нашу внутренность: то каковы должны быть наши ощущенія, когда вся книга жизни нашей отверзется, всѣ, по видимому, изгладившіяся черты грѣха въ ней сдѣлаются явственными, все, что есть въ существѣ нашемъ, представитъ написанный судъ нашей прошедшей жизни, а все, насъ окружающее, явится полнящемъ свидѣтелей противъ насъ? О судъ, о которомъ помышленіе колеблетъ и потрясаетъ меня! Какъ устою я, когда ты въ самомъ дѣйствіи откроешься? — *Что сотворимъ, мужіе братіе?*

Если толико страшенъ судъ: устрашимся грѣха, который одинъ виною того, что судъ толико страшенъ. А поколику мы уже виновны во грѣхѣ: то какъ угрожаемые явнымъ и торжественнымъ судомъ человѣческимъ предварительно иногда прибѣгаютъ къ имѣющему власть судить, и, чтобы избѣжать явнаго и строгаго суда и наказанія, доброволно подвергаютъ себя тайному и снисходительному суду и исправленію, такъ и мы ускоримъ прибѣгнуть къ имѣющимъ судити міру, и къ Самому Верховному Судіи, взыскуя себѣ суда тайнаго прежде явнаго, суда милосердія прежде суда правосудія, суда исправленія прежде суда наказанія. Подлинно, есть предварительный судъ Святыхъ, судъ милосердія и исправленія, чрезъ который предупреждается и отвращается страхъ послѣдняго суда ихъ, суда правосудія и наказанія. *Что убо есть,* вопрошаетъ Святый Макарій, *еже Господь рекъ: сядете на двоюнадесяте престолахъ, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома?* И отвѣтствуетъ: *сіе находимъ исполнившееся уже на земли, по вознесеніи Господнемъ на небеса: снизпослалъ бо Онъ Духа Утѣшителя на обнадесять Апостоловъ и святую силу, яже пришедши вселилася въ нихъ, и возсѣла на престолахъ разумовъ ихъ. Но зане предстоящіи глаголаху быти ихъ пѣнныхъ; сего ради нача Петръ судити ихъ, глаголя о Іисусѣ, яко мужа сильна въ словесѣхъ и знаменіихъ вы распясте, повѣсивше на древѣ* (Дѣян. II.). — *Чего ради,* продолжаетъ Святый Макарій, *покаялися многіе, научившеся отъ Петра, дабы быти имъ новымъ и Богу избраннымъ міромъ. Видиши ли, како явилось начало суда? Тамо бо показася новый міръ. И хотя и еще будутъ сидѣти и творити судъ въ пришествіе Господне, въ воскресеніе мертвыхъ: обаче и здѣ сіе сбыстся, Духу Святому возсѣдшу на престолахъ разумовъ ихъ* (Бес. VI.).

Какъ Петръ, одинъ изъ Судей Божіихъ надъ колѣнами Израилевыми, повинный Богу родъ Израильскій, исполненнымъ духовной силы словомъ судилъ не къ осужденію и погибели, но къ покаянію и спасенію: такъ Ты, Судія Божій въ языцѣ

нашемъ, Преподобне Сергіе, исполненнымъ благодати примѣромъ житія твоего суди исполненную грѣхами жизнь нашу къ очищенію, исправленію и обновленію. Твоимъ воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти суди нашу роскошь и нѣгу, и исправи насъ по крайней мѣрѣ въ здравую умѣренность и простоту въ удовлетвореніи потребностямъ тѣлеснымъ. Твоимъ неусыпнымъ трудолюбіемъ суди нашу лѣность и праздность, и возбуди насъ къ полезной дѣятельности и къ безропотному исполненію нашихъ обязанностей. Твоею кротостію и смиреніемъ суди нашу гордость и презорчивость, и научи насъ не мудрствовати о себѣ паче, еже подобаетъ мудрствовати. Твоею вольною нищетою суди нашу любостяжательность, и наставь насъ быть довольными тѣмъ, что кому даруетъ Промыслъ Божій, и не прилагать сердца къ богатству, аще и течетъ оно. Паче, живущимъ въ тебѣ духомъ Благодати суди и осуди плотское наше мудрованіе, и мудрованіемъ симъ угашаемый духъ благодати возжги въ насъ неугасимо. Предстательствуй опасъ предъ престоломъ Верховнаго Судіи, Господа нашего Іисуса Хріста, да пріимемъ участіе въ искупленіи отъ суда смертнаго животворящею Его кровію, и, если не можетъ прейти насъ судъ и наказаніе, пусть нынѣ *судими отъ Господа наказуемся* временно, *да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI. 32.) на вѣки. Аминь.

17. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія.

Въ благословеніи правыхъ возвысится градъ; усты же нечестивыхъ раскопается. Прит. XI. 11.

Вотъ необыкновенный родъ строительнаго искусства, который, вѣроятно, не всѣмъ извѣстенъ, а инымъ покажется вовсе несбыточнымъ. Городъ созидается: чѣмъ, думаете? Богатствомъ? художествомъ? властію? многолюдствомъ? — По мнѣнію Соломона, не тѣмъ, а добрими словами добрыхъ людей: *въ благословеніи правыхъ.* И напротивъ, городъ разрушается: чѣмъ? оружіемъ враговъ? огнемъ? водою? землетрясеніемъ?—Опять не тѣмъ, а злыми словами злыхъ людей: *усты нечестивыхъ раскопается.* Какъ могущественно и благотворно, по мнѣнію Соломона, благословеніе! И какъ разрушительны слова злобныя!

Но если бы Соломонъ не открылъ сей тайны слова, въ Палестинѣ: то мы могли бы домыслиться о ней, при внимательномъ разсмотрѣніи мѣста, гдѣ теперь находимся. Была здѣсь безлюдная, ни руками человѣческими не воздѣланная, ниже слѣдами человѣческими не ознаменованная, пустыня. Но явилось здѣсь благословеніе одного праведника, или еще немногихъ съ нимъ: и совершилось то, что праведному и Богоугодному мужу предсказано Пророкомъ: *созиждутся пустыни твоя вѣчныя и будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ; и прозовешися здатель оградъ, и стези твоя посреди упокоиши* (Ис. LVIII. 12.). Пустыня уподобилась градамъ, благоустроеніемъ и многолюдствомъ; создалась крѣпче градовъ, потому что не падала и во время неоднократнаго паденія царствующаго града; воздвиглась выше градовъ, потому что подъ сѣнь ея приходятъ обитатели градовъ и весей, приносятъ здѣсь Праведнику дары, которыхъ онъ никогда не искалъ, и честь, отъ которой всегда убѣгалъ; и все дѣлаютъ потому, что видятъ на ближнихъ, испытываютъ на себѣ, какъ могущественно и благотворно благословеніе сего Праведника.

Сіе располагаетъ меня къ нѣкоторымъ размышленіямъ *о благословеніи*, которыя, можетъ быть, и для другихъ окажутся неизлишними.

Благословеніе, по своему имени, происходитъ отъ благаго слова. Если же хотите доискиваться, откуда происходитъ благое слово, гдѣ первоначальный его источникъ, и глубочайшій корень его силы: то найдете, по указанію Божественнаго мудреца Іоанна, что *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово: — въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. I. 1. 4.). Поелику человѣкъ сотворенъ по

образу Божію: то изъ сего самаго заключить можно, что и въ дарѣ слова онъ получилъ нѣчто по образу творческаго Слова Божія. Святый Іоаннъ доводитъ сію мысль до высочайшей степени знаменательности, когда говоритъ, что та самая жизнь, или сила, которая есть въ Богѣ Словѣ, содѣлалась свѣтомъ человѣковъ. Внутренній свѣтъ человѣка проявляетъ себя въ словѣ. Итакъ, поелику Богъ Слово *рече, и быша,* и притомъ *вся добра зѣло:* то неудивительно, что и человѣкъ, когда онъ находится въ возвышенномъ состояніи образа Божія, изъ полноты вѣры въ Бога Слово, Котораго *животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ,* изъ глубины благости сердечной, изрекаетъ слово, и оно дѣйствуетъ, оказывается могущественнымъ, творитъ благо.

Предложенное теперь размышленіе должно быть достовѣрно: поелику основано на непреложной истинѣ Священнаго Писанія. Но дабы кто не усомнился въ томъ, вѣрно ли изъ истины Божественной извлечено наше заключеніе: представляемъ вамъ свидѣтельство святаго Мужа, который изъ одного съ нами начала вывелъ одинаковое съ нами заключеніе. Глубокій, при всей простотѣ слова, созерцатель вещей Божественныхъ и человѣческихъ, Макарій Египетскій, о состояніи человѣка, *когда онъ еще небеснаго образа былъ причастникъ,* пишетъ слѣдующее: *доколѣ Слово Божіе было съ нимъ, и хранилъ заповѣдь, все имѣлъ.* И далѣе: *самое Слово въ немъ сущее, было ему вся, то есть, оно было ему и разумъ, и чувство, и наслѣдіе, и ученіе. Что бо Іоаннъ глаголетъ о Словѣ? Въ началѣ бѣ Слово. Видиши, что Слово было вся.* И еще: *Вся ему было Слово, и доколѣ пребывалъ хранѣй заповѣдь, другъ былъ Богу* (Бесѣд. XII. §§ 6. 7. 8.). Слово Божіе было человѣку все; въ Словѣ Божіемъ имѣлъ онъ все, говоритъ Святый Макарій. Я только договариваю: Слово Божіе было человѣку и могуществомъ его собственнаго человѣческаго слова; въ Словѣ Божіемъ имѣлъ онъ и силу благословенія. Не удивительно, если сила сія была велика: сіе напротивъ очень естественно, когда она такъ близко происходила отъ Божественнаго начала. Гораздо страннѣе было бы представлять ее столь же ограниченною въ человѣкѣ совершенномъ, какъ и въ человѣкахъ, отчужденныхъ отъ жизни Божіей.

Обыкновенный разумъ человѣческій не знаетъ духовнаго могущества слова, и даже боится догадокъ объ ономъ. Сему почти такъ надлежитъ быть: поелику онъ беретъ образы своихъ познаній уже не съ того человѣка, который сотворенъ по образу Божію, но съ того, который, ниспадши съ сей высоты грѣхомъ, *приложися,* какъ говоритъ Псалмопѣвецъ, *скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. XLVIII. 13.). И сему-то человѣку принадлежитъ и самый сей разумъ, который теперь разсуждаетъ о способностяхъ и силахъ человѣка. Какой же мудрости ожидать отъ такого разума? Онъ, какъ слѣпой, осязаетъ глазъ, и не могши ощупать въ немъ свѣта, заключаетъ, что солнца точно также нѣтъ на небѣ, какъ нѣтъ у него въ глазахъ, и что вѣрить бытію и дѣйствію солнца и свѣта было бы суевѣріе и мечтательство. Сему слѣпцу нуженъ, да для него именно и написанъ, сей врачебный совѣтъ тайновидца: *коллуріемъ помажи очи твои, да видиши* (Апок. III. 18.), вылечись отъ ослѣпленія грубою чувственностію; помажь око разумѣнія тонкою мазью вѣры въ духовное и Божественное: тогда будешь истинно видѣть. Притомъ, если хотимъ видѣть или познавать силу и дѣйствіе духовное: то надобно и предметомъ наблюденія избирать не людей плотскихъ, хотя они всегда въ глазахъ, но людей духовныхъ, хотя сіи не часто встрѣчаются;—людей, которые нравственнымъ очищеніемъ и самоотверженіемъ уменьшили тяжесть вещества, подавляющаго духъ человѣческій, а постояннымъ обращеніемъ ума и сердца къ Богу, приблизились къ Нему, возвратились къ причастію образа небеснаго, возобновили внутреннее общеніе съ Словомъ и Духомъ Божіимъ.

Если вы, какъ должно, расположены къ сему роду наблюденія: то мнѣ не трудно показать вамъ въ опытахъ, какъ много заключается въ выраженіи Клеопы: *мужъ силенъ словомъ* (Лук. XXIV. 19.). Словомъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце.

Отъ устъ словесе (3 Цар. XVII. 1.) Иліи зависѣли роса и дождь, въ продолженіи трехъ лѣтъ съ половиною. *По глаголу Господню, егоже глагола рукою Иліиною*, горсти муки въ водоносѣ, и столь же малаго количества елея въ чванцѣ, достало на все время голода. Трикратнымъ духовеніемъ и словомъ Иліи воскрешенъ сынъ вдовы Сарептской. Елисей исправилъ злокачественные источники Іерихонскіе, всыпавъ въ нихъ соль: но какъ всякой знаетъ, что соль не имѣетъ такой силы, то по необходимости должно заключить, что сила сего дѣйствія заключалась въ семъ словѣ Пророка: *сице глаголетъ Господь: исцѣлихъ воды сія* (4 Цар. II. 21.). Словомъ Апостолъ Петръ исцѣлилъ хромаго, и воскресилъ Тавиѳу. Не собирая болѣе примѣровъ, замѣчу въ особенности, какъ ясно въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ теперь дѣйствіе Слова Божія въ словѣ человѣческомъ, какъ-то: въ словахъ Елисея: *сице глаголетъ Господь*, и въ словахъ Апостола Петра къ хромому: *во имя Іисуса Христа Назорея, востани и ходи*. Въ другихъ случаяхъ, повидимому, иначе, какъ-то: Тавиѳѣ тотъ же Апостолъ говоритъ какъ будто своимъ только словомъ: *Тавиѳо, востани*. Но предыдущій случай не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и здѣсь, хотя не проявляется именемъ и звуками, но дѣйствуетъ силою то же самое Слово Божіе, обитающее въ святомъ Апостолѣ.

Если же такимъ образомъ дознано, что Слово Божіе, являясь ли открыто въ устахъ человѣковъ, приближенныхъ къ Богу, или дѣйствуя сокровенно изъ сердецъ ихъ, творитъ дѣла чудесныя, нѣкоторымъ образомъ подражательныя творческимъ дѣйствіямъ Божества: то не менѣе должно быть понятно и достовѣрно, что то же Слово Божіе чрезъ тѣхъ же людей, тѣми же способами, изрекаетъ и преподаетъ благословенія, нѣкоторымъ образомъ подражательныя дѣйствіямъ Божескаго Провидѣнія.

Итакъ благословлять, въ сильнѣйшемъ значеніи сего слова, значитъ проспирать дѣйствіе Божія Слова на творенія Божіи. Благословляющій есть благою волею посредствующій между Словомъ Божіимъ и твореніемъ Божіимъ.

По сему понятію, верховный и всеобщій раздаятель благословеній, есть Іисусъ Христосъ, Ходатай Бога и человѣковъ, Богочеловѣкъ, въ которомъ *Слово плоть бысть*. Вотъ почему благословеніе было древнѣйшею чертою, которою Онъ означенъ былъ еще Патріархамъ, на примѣръ, Аврааму: *благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII. 18). Вотъ почему и Апостолъ, желая изобразить благодѣянія Христовы роду человѣческому, сказалъ, что Богъ Отецъ *благословилъ насъ всякымъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ* (Еф. I. 3.). Вотъ почему и мы, преподавая наше заимственное благословеніе, обыкновенно употребляемъ имя Іисуса Христа, въ особенности, или въ составѣ имени Пресвятыя Троицы, и крестное знаменіе Христово!

Изъ преподавателей заимственнаго благословенія, родители суть нѣкоторымъ образомъ естественные посредники между творческимъ Словомъ и своими дѣтьми: поелику нѣкоторымъ образомъ довершили надъ ними дѣло созданія, произведя ихъ на свѣтъ. Вотъ почему естественно важно и сильно благословеніе родительское, особенно же, если благочестіемъ возвышается до силы благодатной. Въ семъ родѣ удивительны благословенія Патріарховъ. На примѣръ, благословеніе Сима Іафету: *да распространитъ Богъ Іафева* (Быт. IX. 27.), теперь, послѣ нѣсколькихъ тысячь лѣтъ, какъ сильно еще дѣйствуетъ въ потомкахъ Іафета, Европейцахъ, которые не престаютъ распространять во всѣ страны свѣта свои поселенія, торговлю, власть, религію, нравы!

Священникъ есть раздаятель благословенія, по чину благодатнаго таинводства. Еще въ первоначальномъ постановленіи о законномъ священствѣ, Богъ сказалъ священникамъ: *благословите сыны Израилевы* (Числ. VI. 23.). И паки о нихъ же: *да возложатъ имя Мое на сыны Израилевы, и Азъ Господь благословлю я* (27). И въ Новомъ Завѣтѣ, когда Господь повелѣлъ Апостоламъ, преемникамъ ихъ служенія до скончанія вѣка, учить,

крестить, вообще, таинодѣйствовать, *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. XXVIII. 19.), Онъ положилъ чрезъ сіе въ нихъ силу Своего благословенія, и далъ имъ власть преподавать оное. По сему судите, достойно ли вниманія благословеніе священства. Не о томъ думайте, какою рукою, или въ какомъ сосудѣ, но, какой Божественной Лозы духовное вино подается вамъ, чрезъ благословеніе служителя Христова.

Впрочемъ и то справедливо, что *аще кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь освященъ и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое благое дѣло уготованъ* (2 Тим. II. 21.). По сему Святѣе, какъ сосуды, вѣрою и духовными подвигами очищенные, благодатію исполненные, любовію отверзаемые и преливающіеся, суть не столько почерпатели и раздаятели благословенія, на время, по должности, по нуждѣ, сколько живые потоки благословеній, непстощимо текущіе и орошающіе. Благословеніе Христово непрестанно ліется въ нихъ, и преливается чрезъ нихъ, *яко миро на главѣ, сходящее на браду, браду Ароню, сходящее на ометы одежды его: яко роса Аермонская, сходящая на горы Сіонскія: яко тамо заповѣда Господь благословеніе и животъ до вѣка* (Псал. CXXXII. 2. 3.). Оно изливаетъ свѣтъ и миръ въ души, цѣлбу въ тѣла, благоспѣшество въ начинанія и дѣла, благоустройство въ мѣста, невидимую, но богато и разнообразно плодотворную небесную росу на землю.

Іудеевъ посылали за благословеніемъ въ Іерусалимъ, на горы Сіонскія: *яко тамо заповѣда Господь благословеніе* (Псал. CXXXII. 3.). Колико благополучнѣе мы, Христіане! Для насъ оно и болѣе открылось, и болѣе приближилось. И тамо и здѣсь, заповѣда Господь благословеніе. Уразумѣемъ же благословеніе.

Какъ вожделѣнно должно быть то, чего самъ вседовольный Богъ желаетъ! А Онъ желаетъ, Онъ требуетъ Себѣ отъ насъ, и отъ всѣхъ Своихъ твореній, благословенія: *благословите Господа вси раби Господни* (Псал. CXXXIII. 1.). *Благословите Господа вси Ангели Его; благословите Господа вся дѣла Его* (Псал. CII. 20. 22.). Возлюбимъ же и мы благословеніе, и во-первыхъ, собственно Христово благословеніе.

Преклонимъ сердце и предъ всякимъ благословеніемъ святыни, по той же причинѣ, что въ ономъ нисходитъ благословеніе Бога Слова.

Родители! не забывайте благословлять дѣтей своихъ любящимъ сердцемъ, и старайтесь возвысить силу вашего естественнаго благословенія, привлекая благочестіемъ и вѣрою силу благодатную.

Дѣти! дорожите благословеніемъ родителей тысячекратно болѣе, нежели прочимъ наслѣдствомъ: ибо чрезъ оное, по вѣрѣ, можете получить благословеніе Отца, *изъ Негоже всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Ефес. III. 15.). *Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и матерь, да найдетъ ти благословеніе отъ нихъ. Благословеніе бо отчее утверждаетъ домы чадъ* (Сир. III. 8. 9.).

Поелику во всякомъ неложномъ благословеніи чрезъ благословляющаго человѣка сокровенно течетъ благотворное Слово Божіе: то помыслимъ, братія, какую духовную выгоду имѣемъ мы, когда благословляемъ. Тогда, какъ мы отверзаемъ сердце наше человѣку, подавая благословеніе, Богъ Слово изнутри отверзаетъ входъ въ сердце наше Своему благословенію. Подавая человѣку, мы пріобрѣтаемъ отъ Бога. Посему примемъ, какъ духовное благодѣяніе, и будемъ искренно исполнять, и сію Христіанскую заповѣдь: *благословляйте гонящія вы; благословите, а не клените* (Рим. XII. 14.). Вѣрное исполненіе сего вѣрно содѣлаетъ насъ благословенными Отца небеснаго, которыхъ Іисусъ Христосъ призоветъ наслѣдовать уготованное таковымъ царствіе отъ сложенія міра. Аминь.

18. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія.

Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое, и потерпи, и не скоръ буди во время наведенія: прильпися ему, и не отступи, да возрастеши на послѣдокъ твой. Сир. II. 1—3.

Собравшіеся здѣсь къ Мужу, который прилѣжно поработалъ Господеви Богу во время свое, и пріялъ отъ Него вѣчное воздаяніе, столь обильное, что вотъ уже нѣсколько вѣковъ отъ избытка онаго неистощимо удѣляетъ всякому, истинно нуждающемуся и непритворно просящему,— собрались, безъ сомнѣнія, для того, чтобы найти себѣ у него помощь и наставленіе въ работаніи Господеви Богу, дабы получить воздаяніе спасенія и блаженства.

Тѣхъ, которые успѣшно прошедъ начальные подвиги служенія Богу, *ведутся уже на совершеніе*, мы предоставляемъ непосредственному тайному наставленію и руководству сего Богомудраго Наставника, глаголющаго духомъ къ духу, *и помазанію* общаго для него и для нихъ Духа Божія, которое *учитъ* ихъ *о всемъ* (I Іоан. II. 27.). Поелику же и на нашу немощь возложенъ долгъ служенія слову истины: то, принявъ благословеніе отъ сего Сильнаго дѣломъ и словомъ, сообразно съ нашею мѣрою, обратимъ мы малую бесѣду къ тѣмъ, которые, подобно намъ, коснятъ еще въ *словѣ начала Христова* (Евр. VI. 1.); не столько *работаютъ* Богу, сколько *приступаютъ* къ сему; давно, можетъ быть, начинаютъ, но все не находятъ себя *уготованными* къ спасительному дѣланію. И симъ предложимъ не нашего мудрствованія ненадежное изобрѣтеніе, но готовое поученіе опытнаго мудреца.

Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе.

Поученіе для иныхъ недовольно ожиданное, и еще менѣе пріятное! Я думалъ, скажетъ иной, что приступающій работать Богу долженъ готовиться къ подвигамъ, хотя не малымъ, но нетруднымъ, болѣе же—къ утѣшенію, къ радости, къ блаженству: потому что Богъ всемогущій и всеблагій не только видитъ работающихъ Ему, но и приближается къ нимъ, помогаетъ имъ, утѣшаетъ ихъ, награждаетъ.— Да, это все такъ; надежда сія вѣрна; и должно держаться ея: но надлежитъ знать и то, что на пути къ наградѣ и блаженству, среди поприща подвиговъ, и при самомъ вступленіи въ оное, нерѣдко, и притомъ иногда немиуемо, встрѣчается искушеніе; а потому надобно готову быть и къ сей встрѣчѣ. *Аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе.*

Что такое *искушеніе?*—Испытаніе, какое, въ чемъ, или въ комъ, свойство, какая сила, какое превосходство, или напротивъ, какое несовершенство, находятся, по наружности недостовѣрно узнаваемыя, или совсѣмъ скрытыя во внутренности. Такъ слово Божіе изъясняетъ о семъ предметѣ само себя: *якоже искушается въ пещи сребро и злато: тако избранная сердца у Господа* (Прит. XVII. 3). Вещь, кажущаяся золотою, можетъ быть или изъ чистаго золота, или изъ нечистаго, или вовсе не изъ золота во внутренности: въ огнѣ золото становится чище, примѣсь отдѣляется, поддѣльное вещество обличается. Такъ добродѣтель человѣка можетъ быть чистая и твердая, о Бозѣ содѣланная, и въ силѣ Божіей неизмѣнная, или нечистая, по причинѣ примѣшенія помысловъ тщеславія, своекорыстія и самоугодія, или наконецъ вовсе лицемѣрная: въ огнѣ искушенія чистота ея возвышается, нечистота отдѣляется, лицемѣріе обличается.

При семъ можетъ кто нибудь подумать: мы дѣлаемъ испытаніе вещей, потому что не всегда узнаемъ по наружности, что скрывается въ ихъ внутренности: но Богу, Котораго взоръ, какъ все объемлетъ, такъ и сквозь все проницаетъ, на что испытывать сердца человѣковъ? Недоумѣвающій о семъ пусть примѣтитъ, что и ху-

дожникъ полагаетъ золото или серебро въ огнь не для того только, чтобы узнать подлинность и чистоту или нечистоту металла, но и для того, чтобы нечистое и поддѣльное отдѣлить и отбросить, и получить чистый, свѣтлый, прочный и болѣе прежняго цѣнный металлъ. Для первой изъ сихъ двухъ цѣлей какими нибудь особенными опытами искушать сердца не нужно Богу всевѣдущему: но для другой попускать на человѣковъ, и даже, можетъ быть, иногда наводить искушенія, полезно для самихъ человѣковъ. Полезно посредствомъ искушенія обличеніе ложной и лицемѣрной добродѣтели, дабы освободить человѣка отъ пагубнаго самопрельщенія, и поставить на путь истиннаго покаянія и исправленія. Полезно посредствомъ искушенія и неложную добродѣтель возводить къ высшей чистотѣ, крѣпости и совершенству, по реченному: *святый да святится еще* (Апок. XXII. 11.), да, по обѣтованію Христову, *чистіи сердцемъ Бога узрятъ* (Матѳ. V. 8.), да вся *побѣждай наслѣдитъ вся* (Апок. XXI. 7.), да совершенный, безъ препоны, по закону подобія и единства, приступитъ и пріобщится *къ церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и духомъ праведникъ совершенныхъ* (Евр. XII. 23.). Наконецъ полезно и очищенную уже вѣру, и усовершенствованную добродѣтель, и Божественную по истинѣ любовь, обитающую въ сердцѣ человѣка, скромностію и смиреніемъ покрываемую, посредствомъ искушенія открывать, дабы ее познали, возлюбили, возжелали перенять, и сугубо прославили Бога, и за образецъ, и посредствомъ подражанія.

Не входя теперь въ разсужденіе объ особенномъ, высшемъ родѣ искушенія душъ совершенныхъ или приближающихся къ совершенству, какъ, напримѣръ, нѣкогда *Богъ искушаше Авраама* (Быт. XXII. 1.); требованіемъ въ жертву единственнаго сына обѣтованія, а сообразно взятому нами въ основаніе настоящей бесѣды слову Писанія, ограничивая взоръ болѣе общимъ, низшимъ, начальнымъ родомъ искушеній, къ которымъ долженъ готовиться каждый, приступающій работати Господеви Богу, не скроемъ, что встрѣча съ искушеніемъ, которая, по направленію Провидѣнія, должна быть полезна, хотя и трудна, можетъ быть напротивъ опасна, хотя притомъ иногда и пріятна. Есть злохудожное и насильственное направленіе искушенія, которое усиливается ослабить и подавить добро, и подпять зло въ человѣкѣ, ввести нечистоту сперва въ помыслы, потомъ въ желанія, и наконецъ въ дѣла, возмутить и разстроить душу. Не пренебреги сего, желающій работати Богу; будь предусмотрителенъ; приготовляй силу противъ насилія, благонскусство противъ злохудожности. *Уготови душу.*

Для сего нужно знать, откуда происходитъ сей родъ и сіе направленіе искушенія. О семъ говоритъ святый Апостолъ Іаковъ: *никто же искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ есть; Богъ бо ньсть искушаемъ злыми, не искушаетъ же Той никогоже* (Іак. I. 13.). Иной во время искушенія говоритъ: Богъ послалъ на меня искушеніе; и не заботится, когда оно производитъ въ душѣ его движенія неправильныя, немирныя, нечистыя; не примѣчаетъ, какъ отворяетъ оно дверь грѣху. Нѣтъ, возражаетъ ему святый Іаковъ, не усиляй себя тщеславною мыслію, что ты на пути Божіемъ, потому что неблагопріятному состоянію твоему ты далъ невинное и даже почетное названіе искушенія; Богъ, какъ Самъ не искушается зломъ, которому совсѣмъ недоступно естество Его; такъ и не искушаетъ никого злымъ направленіемъ искушенія, что было бы противно Его благости. Откуда же сей родъ и сіе направленіе искушенія? — *Кійждо,* продолжаетъ тотъ же Апостолъ, *искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ; таже похоти зачеши раждаетъ грѣхъ* (ст. 14—15.). Если же таковое самоискушеніе — отъ похоти, иногда еще не рѣшительно грѣховной, впрочемъ способной зачать грѣхъ: то не трудно усмотрѣть многочисленные источники искушеній, по слѣдующему указанію другаго Апостола: *все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская, ньсть отъ Отца,* присовокупляетъ и Іоаннъ согласно съ Іаковомъ, *отъ міра сего есть* (1 Іоан. II. 16.). Дополнимъ

еще, что и міръ, какъ твореніе Божіе, не есть самъ по себѣ гнѣздо похоти, или работная храмина искушеній; не къ сему назначилъ его премудрый Художникъ и Содѣтель Богъ; но къ сему силится обратить его, чрезъ преслушаніе перваго человѣка вошедшій въ него, злохудожникъ и разрушитель діаволъ, который и есть *искуситель* по преимуществу, какъ и называется въ священномъ Писаніи (Матѳ. IV. 3.). Если онъ нагло дерзнулъ приступать къ семъ качествѣ къ самому Іисусу Христу, въ Которомъ *не имѣлъ нечесоже* (Іоан. XIV. 30.), въ Которомъ, то есть, не было ничего грѣховнаго, или поврежденнаго, или нечистаго, и слѣдственно никакой внутренней пищи искушенію: то не должно ли заключить, что сей адскій вѣтръ всегда, до предсказаннаго рішительнаго запечатлѣнія бездны (Апок. XX. 3.), примѣтными или непримѣтными, прямыми или косвенными исходами дышетъ въ міръ, и силится раздуть всякую искру похоти въ человѣкѣ, и *все еже въ міръ*, превратить въ дрова огню сему нечистому?

Какъ же много причинъ, какъ много случаевъ къ искушенію; какъ иногда прикрыта, и между тѣмъ какъ велика должна быть опасность! Не годится быть безпечну; не льзя пускаться на удачу; надобна осторожность, бдительность; надобно изыскивать средства къ безопасности; надобно имѣть въ готовности оружіе для отраженія нападеній; надобно присутствіе духа, мужество, твердость, непреклонная рѣшимость, долго, можетъ быть, стоять въ искушеніи, которымъ испытуется въ насъ доброе, и ни на минуту не уступать искушенію, которое клонитъ къ злу. Все сіе не приходитъ само собою: если ты подлинно желаешь работати Господеви Богу; то подумай о семъ не поверхностно, не разсѣянно, съ глубокимъ вниманіемъ, съ дѣятельнымъ попеченіемъ; устрой умъ твой, расположи сердце твое. *Уготови душу твою во искушеніе.*

Спросишь ли, какъ сіе сдѣлать?—Предлагаю тебѣ дальнѣйшія наставленія избраннаго мною наставника.

Первое. *Управи сердце твое.* Не попускай твоимъ помысламъ и желаніямъ носиться безъ управленія, какъ корабль безъ кормчаго, какъ конь безъ узды. Дай имъ управленіе. Направляй непрестанно мысли къ истинѣ, желанія къ добру. Обуздывай помыслы и желанія суетныя, чтобы не возненстовались похоти злыя, и не повергли колесницу души въ пропасть беззаконія.

Второе. *Потерпи, и не скоръ буди во время наведенія.* Опрометчивость и непостоянство суть равно вредные домашніе враги добрыхъ намѣреній, и перемѣтчики на враждебную сторону искушенія. Непостоянство разрушаетъ начатое устроеніе души; опрометчивость, начиная безъ основанія, также готовитъ не иное что, какъ разрушеніе. Кто *не скоръ во время наведенія*, то есть, во время приращенія искушенія не поступаетъ опрометчиво, тотъ сберегаетъ себя отъ шага, который, по всей вѣроятности, оказался бы не на прямомъ пути, и выигрываетъ время собраться съ силами, и получить помощь. *Претерпѣвый же до конца*, по непреложному обѣтованію, *той спасенъ будетъ* (Мат. X. 22.).

Третіе. *Прилѣпися ему, и не отступи, да возрастеши на послѣдокъ твой.* Вспомнимъ слышанное отъ Апостола. *Богъ искушаетъ искушаемъ злыми, не искушаетъ же Той никогоже.* Итакъ чѣмъ крѣпче прилѣпляешься къ Нему, чѣмъ постояннѣе въ Немъ утверждаешь сердце твое: тѣмъ ты безопаснѣе отъ искушенія, которое не можетъ проникнуть въ Бога, слѣдственно и тебя въ Немъ поколебать не можетъ.

Если искушеніе, происходящее не отъ Бога, *искушаетъ* тебя *злыми*, тревожитъ, поднимаетъ нечистое дрожде со дна чувственности, приводитъ въ броженіе злыя склонности: прибѣгай къ Богу, и молись молитвою, преданною отъ Господа: Отче Небесный! *Не введи насъ во искушеніе.*

А если искушеніе, управляемое Провидѣніемъ Божіимъ, даетъ тебѣ средства усмотрѣть въ себѣ недостатки, которыхъ ты до того не примѣчалъ, немощи, отъ которыхъ почиталъ себя избавленнымъ; увеличиваетъ твою опытность и ревность о своемъ исправленіи; погружаетъ тебя въ смиреніе: прибѣгай также къ Богу, и молись молитвою Псалмопѣвца: *искуси мя*,

Боже, и увѣждь сердце мое; истяжи мя, и разумѣй стези моя; и виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣчень (Пс. CXXXVIII. 23. 24.).

Заключимъ утѣшительнымъ для искушаемыхъ словомъ Апостольскимъ: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, егоже обѣща Богъ любящимъ Его* (Іак. I. 12.). Аминь.

19. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія.

Рече же ему Господь его: добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю. Матѳ. XXV. 21.

Сіе сказано въ притчѣ о царствіи небесномъ. Слѣдственно въ сихъ словахъ представляется законъ царствія небеснаго: кто на дѣлѣ оказывается вѣрнымъ въ маломъ, тому дается полномочіе на многое.

Хотите ли видѣть въ дѣйствительномъ бытіи то, что слышите въ иносказаніи притчи? Можете еще на землѣ усматривать, какъ дѣйствуетъ законъ царствія небеснаго въ людяхъ, которыхъ Царь Небесный особенно избралъ, испыталъ въ вѣрности, обрѣлъ *вѣрными въ маломъ*, и потому *поставилъ надъ многимъ*, и прославилъ, какъ высокія и сильныя орудія своего царствія.

Укажемъ на то, что ближе. Многое ли имѣлъ Преподобный Отецъ нашъ Сергій, когда избралъ для себя сіе мѣсто, или лучше, когда Богъ избралъ его, чтобы благословить чрезъ него и сіе мѣсто? — Удобнѣе сказать, чего онъ не имѣлъ, и что оставилъ, нежели, что имѣлъ. Онъ оставилъ званіе, родительскій домъ, наслѣдство; нашелъ здѣсь пустыню безплодную, непроходимую, не совсѣмъ безводную для одного, но для жительства многихъ даже водою скудную; построилъ хижину и малый храмъ, но не имѣлъ въ немъ Священнодѣйствующаго; иногда не имѣлъ въ хижинѣ хлѣба, а въ храмѣ обычнаго свѣтильника для нощныхъ молитвословій. Одинъ можно было примѣчать рано данный ему талантъ:—это желаніе служить Богу; но только время открыть могло, чистаго ли золота сей талантъ, и до какого степени обогатитъ онъ дѣлателя. И что же открыло время? Смотрите, сколь *надъ многими поставленъ* сей *вѣрный о малѣ*. Какъ во многомъ небесномъ былъ онъ уполномоченъ, когда еще жилъ на землѣ! Какъ на многое земное простираетъ свое полномочіе и теперь съ неба! Не высокимъ ли небеснымъ полномочіемъ дѣйствовалъ онъ, когда, на примѣръ, жизнь умершему призвалъ, или когда избавленію отечества отъ ига невѣрныхъ не просто совѣтомъ и молитвою, но прозрѣніемъ и предсказаніемъ споспѣшествовалъ? Что можетъ быть сильнѣе и обширнѣе сего полномочія, которое возмогло дикую пустыню превратить въ вѣковую обитель, и которое благотворныя вліянія и дѣйствія,— благословеніе, охраненіе, утѣшеніе, исцѣленіе, помощь въ добрѣ, помощь противу зла, распространяетъ по вѣкамъ, по мѣстамъ, по людямъ, такъ что, по благодати дивнаго во святыхъ Бога, не льзя указать сему ни конца, ни предѣла?

Вотъ удивительный, очевидный опытъ, какъ въ царствіи Божіемъ *вѣрный о малѣ поставляется надъ многими!* Но я говорю о семъ не для того, чтобы только удивляться, а чтобы учиться. И потому, показавъ вамъ въ частномъ опытѣ дѣйствіе общаго закона, поспѣшаю возвратить вниманіе ваше къ самому сему закону, который, какъ общій законъ царствія Божія, долженъ касаться до всѣхъ, и до каждаго изъ насъ, если желаемъ принадлежать царствію Божію.

Кто бы ты ни былъ, желающій себѣ царствія небеснаго, притча о царствіи небесномъ сказана и къ тебѣ. Итакъ, если хочешь достигнуть желаемаго; то надобно и тебѣ достигнуть того, чтобы тебѣ сказано было сіе одобрительное слово: *добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ.* Ибо, если сего не достигнешь; то по необходимости, слу-

чится противное сему; тебѣ сказано будетъ: *лукавый рабе и лѣнивый*; а вслѣдъ за симъ:—*неключимаго раба ввергните во тму кромѣшнюю* (Матѳ. XXV. 26. 30.). Если сего ужасаешься: то позаботься о *вѣрности*. Не почитай маловажнымъ и того, чтобы *о малѣ быть вѣрнымъ*.

Какъ Христіане, мы охотно называемъ себя *вѣрными*, и въ семъ наименованіи полагаемъ надежду спасенія, такъ какъ напротивъ наименованіе *невѣрнаго* представляемъ себѣ и ненавистнымъ и погибельнымъ. И справедливо. Сей образъ мыслей есть Евангельскій и Апостольскій. *Кая часть вѣрну съ невѣрнымъ?* говоритъ Апостолъ (2 Кор. VI. 15.). И какъ часть вѣрнаго есть спасеніе, по слову самого Іисуса Христа: *иже вѣру имѣетъ и крестится, спасенъ будетъ* (Мар. XVI. 16.): то противоположная часть невѣрнаго должна быть погибель.

Но, чтобы намъ не обмануть самихъ себя, нужно со вниманіемъ разсмотрѣть вопросъ: кто имѣетъ полное право называться вѣрнымъ, и потому имѣемъ ли мы сіе право?

Скажетъ ли кто: я имѣю полное право называться вѣрнымъ, потому что вѣрю Христіанскому ученію о Богѣ? — Боюсь, чтобы такому не сдѣлалъ сильнаго возраженія Апостолъ: *ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть, добрѣ твориши; и бѣси вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. II. 19.). Однако ихъ никто не называетъ вѣрными.

Видите, что вопросъ, по видимому, простой, становится труднѣе, при углубленіи въ его изслѣдованіе. Усильте же вниманіе, чтобы побѣдить затрудненіе.

Примѣняя свойство нашего языка къ духу Евангельскаго ученія, кажется, безъ опасенія погрѣшности, можемъ мы въ полномъ понятіи *вѣры* признать три подчиненныя и составительныя понятія: *увѣренность, довѣренность* и *вѣрность*. Когда Апостолъ говоритъ, что безъ *вѣры не возможно угодити Богу; вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть и взыскающимъ его Мздовоздатель бываетъ* (Евр. XI. 6.): онъ указываетъ симъ особенно на начальную часть вѣры, на *увѣренность* въ истинахъ Богопознанія, на вѣру ума. Но когда тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Авраамѣ, что онъ *вѣрова* Богу, *животворящему мертвыя, и нарицающу не сущая, яко сущая*; что Онъ *паче упованія во упованіе вѣрова* (Рим. IV. 17. 18.): здѣсь представляется уже не простая вѣра ума, но болѣе глубокая и болѣе сильная вѣра сердца; это безусловная преданность человѣка Богу, неограниченная *довѣренность* къ обѣтованіямъ благодати, не имѣющая нужды ни въ какомъ ручательствѣ доводовъ и удостовѣреній; это рѣшительное направленіе души къ Божественному, какъ-бы естественно встрѣчающееся съ благодатію Божіею. Сюда принадлежитъ вѣра пріемлющая спасительную силу таинствъ, и, въ особенныхъ случаяхъ, ознаменуемая дарами чудодѣйственными. Но что и сего рода вѣра, даже чудодѣйственная, можетъ иногда быть неполною, неоправдательною и неспасительною, въ томъ не позволяетъ сомнѣваться грозное, поистинѣ, изреченіе Христово: *мнози рекутъ Мнѣ въ онъ день: не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ; и тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ; отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII. 22. 23.). И такъ необходимымъ дополненіемъ вѣры, чтобы она была оправдывающею и спасительною, должна быть *вѣрность*. На сіе дополненіе вѣры указуетъ Апостолъ, когда говоритъ: *праведный отъ вѣры живъ будетъ; и аще обинется, не благоволитъ душа Моя о немъ. Мы же, братіи, нѣсмы обиновенія въ погибель, но вѣры въ спасдѣніе души* (Евр. X. 38. 39.). *Вѣра* противоположная погибельному *обиновенію*, колеблемости, отступленію вспять, непостоянству, измѣнѣ, есть *вѣрность*,—вѣрность Богу и Христу въ неизмѣнномъ исповѣданіи православныя вѣры, вѣрность въ отношеніи къ заповѣдямъ Божіимъ, состоящая въ нелѣпостномъ ихъ исполненіи, вѣрность въ отношеніи къ таинствамъ, дарованіямъ, служеніямъ, въ тщательномъ употребленіи оныхъ по намѣренію Божію, во славу Божію.

Теперь, кажется, открылось, что полное право на спасительное наименованіе *вѣрныхъ* не такъ легко пріобрѣсть, какъ легко мы присвояемъ себѣ сіе наименованіе, не думая о правѣ. Если хочешь дѣйствительно принадлежать къ числу *вѣрныхъ*, надъ которыми должно исполниться предуставленіе Христово: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ*: то не только мысленно вѣруй, что Богъ есть, что Онъ ищущихъ Его награждаетъ, что, по неизреченному человѣколюбію, Онъ послалъ Единороднаго Сына Своего на землю, дабы открыть намъ путь спасенія, и Духа Своего Святаго, чтобы насъ облагодатствовать и освятить; не только безъ пытливости разума, съ довѣренностію принимай неизъяснимыя таинства вѣры, но предайся вѣрѣ всею душею твоею, и всею жизнію твоею, такъ, чтобы вѣра была главною мыслію твоей жизни, и вся твоя жизнь выраженіемъ вѣры; наконецъ будь вѣренъ Царю небесному, которому, кромѣ того, что принадлежишь по праву естественному, какъ Творцу и Господу всего, сверхъ того добровольно вписался ты въ службу, когда вступилъ въ Христіанство; будь же неизмѣнно и постоянно вѣренъ Его имени, Его повелѣніямъ, Его службѣ, Его дарованіямъ и талантамъ, которые Онъ ввѣряетъ намъ *комуждо противу силы его* (Матѳ. XXV. 15.).

Вѣроятно, многіе изъ насъ не довольно опасаются сдѣлаться невѣрными предъ Богомъ, потому, что представляютъ себѣ невѣрность только въ большомъ видѣ, а не обращаютъ вниманія на невѣрность въ маломъ. Если бы кто сказалъ намъ: *идемъ, да послужимъ Богомъ инымъ* (Втор. XIII. 2.): кто не ужаснулся бы одной мысли о толикой невѣрности? Въ семъ случаѣ самая великость зла уменьшаетъ опасность подвергнуться оному. Сдѣлаться невѣрнымъ *о малѣ* не такъ странно: и опасность, по виду маловажности пренебрегаемая, тѣмъ удобнѣе постигаетъ неосторожныхъ.

Иной успокоиваетъ себя мыслями: я не то, что лукавый рабъ, который зарылъ данный ему талантъ въ землю, и ничего добраго не сдѣлалъ; я нѣчто дѣлаю; то еще не бѣда, если нѣкоторыя лепты моего таланта остались безъ прибыли, или вовсе потеряны; что нѣкоторыя заповѣди или обѣты не исполнены; что нѣкоторые дни года или часы дня не посвящены Богу, какъ бы надлежало; что нѣкоторыя средства добра употреблены небрежно, или обращены только къ удовольствію собственному. Ахъ, клеветъ мой! Ты не такъ разсуждаешь, какъ судитъ праведный Господь нашъ. Только *вѣрному о малѣ* Онъ даруетъ многое: слѣдственно, попуская себѣ умышленно невѣрность въ маломъ, ты самъ себя лишаешь права на многое. И если за невѣрность въ маломъ ты не получишь отъ Господа многаго, да и малое утратишь невѣрностію: то съ чѣмъ ты наконецъ останешься?

Лукавое самооправданіе дерзаетъ иногда говорить и то, что быть вѣрнымъ *о малѣ* не стоитъ труда; и что можно было бы больше быть вѣрнымъ, если бы больше было ввѣрено. Заградимъ и сіи безстыдныя уста словомъ Господнимъ: *вѣрный въ малѣ, и во мнозѣ вѣренъ есть, и неправедный въ малѣ, и во мнозѣ неправеденъ есть* (Лук. XVI. 10.). Кто изъ рубля крадетъ или расточаетъ: не то же ли сдѣлаетъ изъ тысячи? Такъ и въ духовномъ: невѣрному въ маломъ дары большіе были бы только случаемъ къ большей невѣрности. Не щедрости не достаетъ у Бога, чтобы дать человѣку вдругъ многіе и высокіе дары благодати: но чтобы предохранить отъ крайняго осужденія за невѣрность въ великомъ, Онъ испытываетъ его въ меньшихъ служеніяхъ, и тѣмъ приготовляетъ къ большимъ дарованіямъ.

Сими и подобными размышленіями, потщимся, братія, часто возбуждать себя къ вѣрному во всемъ хожденію предъ Богомъ. Потщимся быть вѣрными предъ Нимъ въ употребленіи даровъ природы, да ниспослетъ намъ высшіе природы дары благодати; вѣрно сохранимъ начатки благодати, да сподобимся дарованій большихъ; какъ же скоро усмотримъ въ чемъ нашу невѣрность, будемъ по крайней мѣрѣ вѣрны въ признаніи и исповѣданіи грѣховъ нашихъ, и—Богъ *вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. I. 9.); и за сію вѣрность въ ма-

ломъ, въ покаяніи, воздастъ намъ обиліемъ душевнаго мира и вѣчнаго спасенія. Аминь.

20. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія.

Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Доселѣ не просите ничесоже во имя Мое: просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ. Іоан. XVI. 23. 24.

Молитва есть одна изъ высшихъ потребностей души человѣческой, одна изъ существенныхъ принадлежностей Богопочтенія. Душа, погруженная въ чувственность, разсѣянная въ мірѣ, омраченная грѣхомъ, не чувствуетъ, что, по своему началу, она есть дыханіе изъ устъ Божіихъ: но сила сего чувства, безъ ея вѣдома, возникаетъ изъ ея глубины, и движетъ сердце къ Богу, хотя бы то было къ невѣдомому, или только погрѣшительно знаемому. Потому во всякомъ Богослуженіи, отъ духовнаго до чувственнаго, отъ просвѣщеннаго до невѣжественнаго, сущность и душу обыкновенно составляетъ призываніе Божества, и слѣдственно молитва. Хотя въ учрежденіяхъ ветхозавѣтныхъ важнѣйшую торжественность Богослуженія составляли жертвы: но жертва была всегда или посредницею, или представительницею молитвы, и восходящій дымъ сожигаемой жертвы представлялся колесницею, на которой молитва хотѣла достигнуть до неба.

Но дѣло молитвы, для всѣхъ временъ всегданнее, для всѣхъ человѣковъ общее, научились ли наконецъ человѣки дѣлать, всегда въ совершенствѣ, всегда съ полнымъ успѣхомъ?—Кто не знаетъ, что нѣтъ!

Съ утѣшеніемъ вижу себя среди собора приносящихъ молитвы истинному, въ Троицѣ Единому Богу, по Богопреданному церковному чину, при преспѣтельствѣ совершеннаго молитвенника, Преподобнаго Отца нашего Сергія. *Просилъ* онъ, *и пріялъ* вожделѣнное для души своей, и *радость исполненную* небесную: и еще *проситъ, и пріемлетъ* полезное для притекающихъ съ вѣрою къ его предстательству. Какъ-бы лѣствицу здѣсь утвердилъ онъ и для неокрилленныхъ молитвъ нашихъ, которыя полагаемъ здѣсь при святыхъ мощахъ его, и которыя онъ своими молитвами подъемлетъ, подкрѣпляетъ, очищаетъ и возводитъ въ пренебесный мысленный жертвенникъ Господень. И конечно нѣтъ здѣсь недостатка въ опытныхъ свидѣтеляхъ исполненныхъ молитвъ. Но при всемъ томъ, не льзя не признаться, что и здѣсь не всѣ *просятъ, и пріемлютъ*, и потому не всѣхъ *радость исполнена.*

Что же въ семъ случаѣ дѣлается съ обѣщаніемъ, которое такъ увѣрительно изрекъ Господь и Спаситель нашъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ; — просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ?* Не ужели сіе обѣщаніе остается безъ исполненія? Или оно не къ намъ относится?

Не должно, братія, сомнѣваться въ томъ, что и къ намъ относится обѣтованіе Господа о благоуспѣшности молитвы. Онъ далъ оное въ числѣ Своихъ послѣднихъ завѣщаній, когда оставлялъ міръ, и, путемъ креста и смерти, отходилъ къ Отцу Своему; и Онъ Самъ изъяснился, что блага, тогда имъ завѣщанныя первоначально Апостоламъ, должны принадлежать не имъ однимъ, но и всѣмъ въ Него *вѣрующимъ словесе ихъ ради.* Всѣ Христіане суть наслѣдники оныхъ. Но должно замѣтить, что съ обѣщаніемъ Господа о благоуспѣшности молитвы соединено ученіе о способѣ молитвы, и поощреніе къ упражненію въ ней. Кто вѣрно слѣдуетъ ученію, и возбуждается поощреніемъ къ молитвѣ: въ томъ вѣрно исполнится и обѣтованіе о молитвѣ.

Важное для благоуспѣшности молитвы ученіе заключается въ томъ, чтобы она приносима была во имя Господа Іисуса. *Елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.*

Уже Апостолы не одинъ годъ были учениками Господа Іисуса, уже были отъ Него научены молитвѣ Господней, и намъ отъ нихъ извѣстной, когда Онъ открылъ имъ, чего еще имъ не доставало, чтобы молитва ихъ была рѣшительно успѣшна: *доселѣ не просите ничесоже во имя Мое*. Такъ съ ними случилось, можетъ быть, потому, что до сихъ поръ они видѣли въ Немъ болѣе учителя и благодѣтеля человѣчества, нежели Ходатая Бога и человѣковъ: ибо въ семъ послѣднемъ качествѣ открылся Онъ наипаче Своими страданіями, смертію и воскресеніемъ. Но какъ бы то ни было, если Апостолы не вдругъ научились приносить молитву во имя Господа Іисуса: поспѣшимъ ли мы похвалиться, что довольно успѣли въ семъ ученіи? Въ незнаменательномъ, но видимому, молчаніи, которымъ столь обыкновенно встрѣчаетъ Небо наши стужающія ему прошенія, не скрывается ли чаще, нежели мы думаемъ, кроткое обличеніе Сердцевѣдца Іисуса: *доселѣ не просите ничесоже во имя Мое?*

Что такое—*просить во имя Господа Іисуса?*—Просто сіе для простыхъ, искреннихъ и смиренныхъ сердецъ, и, безъ изслѣдовательнаго изъясненія, или понятно для нихъ, или ощутительно. *Миро изліянное имя Твое* (Пѣсн. I. 2.), Господи Іисусе! Когда изливается миро: его благоуханіе распространяется, и непритупленное или неподавленное обоняніе, безъ искусства и усилія, получаетъ ощущеніе услаждающее и ободряющее. Когда имя Господа Іисуса изливается въ молитвѣ: отъ него распространяется благоуханіе Святаго Духа; и не отягченное земными пристрастіями сердце, не заглушенное страстями чувство внутреннее, легко и просто пріемлетъ ощущеніе благодати, услаждающее и возвышающее. Такъ вѣрующая душа, во имени Господа Іисуса, и чрезъ то во благости Духа Святаго, приближается къ Отцу Небесному, и со дерзновеніемъ вопіетъ Ему: *Авва Отче;* и съ дѣтскою простотою сказуетъ Ему свои прошенія; и Онъ благопріемлетъ ея прошенія, сопутствуемыя ходатайствомъ Его Единороднаго Сына и Единосущнаго Духа.

Такъ можетъ, и должно быть со всѣми, по силѣ имени Господа Іисуса, которая для всѣхъ одна и та же: но не такъ бываетъ со многими, по ихъ собственнымъ расположеніямъ, поколику сердце ихъ одебелѣло, поколику душа ихъ возмущена, и внутреннее чувство заглушено страстями, поколику ихъ собственное мудрованіе не повержено предъ благодатію Божіею. Для такихъ людей сила Іисусова имени есть, какъ благоуханіе мура предъ поврежденнымъ чувствомъ, въ заключенномъ сосудѣ. Потребно искусство, потребно усиліе, чтобы очистить чувство, чтобы открыть сосудъ Божественнаго мура,—искусство благоговѣйнаго размышленія;—усиліе вниманія въ молитвѣ.

Помысли, бѣдная душа, что безъ общенія съ Богомъ блаженна быть ты не можешь; но и доступъ имѣть къ Богу сама собою также не можешь. Рай, въ которомъ нѣкогда ходилъ Богъ, и бесѣдовалъ съ человѣкомъ, грѣхомъ утраченъ, и правосудіемъ Божіимъ отъ тебя затворенъ. Можно было и въ раю сдѣлаться грѣшникомъ, и за то быть изгнану изъ него: но войти въ него грѣшникомъ не можно. Пламенное оружіе Херувима заграждаетъ отъ тебя входъ его; проклятіе грѣхъ противъ тебя; законъ осуждаетъ тебя. Съ другой стороны ты не имѣешь силы сама собою исторгнуться изъ области тьмы: потому что наслѣдственнымъ и произвольнымъ поползновеніемъ продана подъ грѣхъ; а какъ область грѣха принадлежитъ къ владычеству имущаго державу смерти, то ты ли, порабощенная, преодолѣешь своихъ поработителей? Ты ли, проданная, искупишь себя отъ рабства? *Что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою* (Матѳ. XVI. 26.)?

Но послѣ сего, помысли, бѣдная прежде, и уже почти блаженная душа, что сдѣлалъ для тебя Единородный Сынъ Божій Іисусъ Христосъ. Онъ сошелъ съ небесъ, чтобы къ тебѣ приблизить Божество, къ Которому безъ сего ты не могла бы приблизиться. Дивно и непостижимо пріобщился Онъ твоего сотвореннаго естества, твоей плоти и крови, кромѣ грѣха, дабы Своимъ крайнимъ снисхожденіемъ положить основаніе твоему восхожденію, да возможешь благодатно и спасительно

быть причастницею Его Божественнаго естества, Его животворящей плоти и крови. Будучи безгрѣшенъ, Онъ взялъ на Себя твои грѣхи, со грѣхами всего міра, чтобы тяжесть ихъ не подавила тебя и всего міра. Понесъ на Себѣ заслуженную тобою клятву, осужденіе, смерть, мученіе, и тѣмъ заслужилъ и приготовилъ тебѣ благословеніе, оправданіе, жизнь, блаженство. Чрезъ смерть и чрезъ самый адъ прошелъ Онъ для тебя, чтобы отвсюду тебѣ открыть новый и живый путь, и Своимъ воскресеніемъ и вознесеніемъ отверзъ тебѣ не только райскія, но и небесныя двери, ниспославъ также и свѣтъ, и силу свыше, для твоего восхожденія по стопамъ Его. Какъ сокращеніе Своихъ для тебя дѣлъ, какъ залогъ Своихъ даровъ, какъ ключь къ сокровищамъ благодати, далъ Онъ твоей вѣрѣ, любви и надеждѣ Свое Божественное имя и сказалъ: *елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.*

Сими и подобными помышленіями вразумляй себя, Христіанская душа, какія для тебя блага заключаетъ въ себѣ имя Господа Іисуса, и отверзай чувство твоего сердца, чтобы оно могло усладиться Божественнымъ благоуханіемъ сего *мира изліяннаго.* Уразумѣй, что истинно молиться Отцу Небесному во имя Господа Іисуса, значитъ, не устами только произносить звуки сего имени, но паипаче къ Самому именуемому возводить вниманіе ума, объемлать Его вѣрою, и любовію пріимать Его въ свое сердце. Молиться Богу Отцу во имя Іисуса Христа, значитъ вѣрою и желаніемъ облекаться во Христа, то есть, въ Его послушаніе Отцу Своему, въ Его страданія, для насъ очистительныя, въ Его животворящую смерть, въ Его оправданіе и освященіе, въ Его Божественную за насъ заслугу, въ Его силу, свойства и примѣръ, сими святыми и освящающими облаченіями покрывать и преобразовывать наше недостоинство, и такимъ образомъ съ упованіемъ приступать къ Вѣчному Отцу, не могущему ни въ чемъ отказать добродѣтелямъ и заслугамъ Своего Единороднаго Сына, въ Которомъ почиваетъ Его вѣчное благоволеніе. Такимъ собственно молитвенникамъ принадлежитъ, и, по мѣрѣ ихъ вѣры и вѣрности, вѣрно въ нихъ исполняется непреложное обѣтованіе Господа Іисуса: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.*

Обѣщаніе успѣха въ молитвѣ, столь великолѣпное, отъ Обѣщателя, столь могущественнаго, столь вѣрнаго, Который не только ручается за исполненіе обѣщанія, но и дѣятельно ходатайствуетъ объ исполненіи онаго,—такое обѣщаніе не есть ли вмѣстѣ и поощреніе къ молитвѣ, столь сильное, что не нужно никакое дальнѣйшее о семъ напоминаніе, или настояніе? Такъ бы, кажется, надлежало быть: но, видно, не то провидитъ Обѣщатель: и, не довольствуясь обѣщаніемъ, какъ-бы опасаясь, чтобы оно не осталось безъ вниманія и употребленія, еще поощряетъ къ молитвѣ прямымъ повелѣніемъ и настоятельнымъ увѣщаніемъ: *просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ.*

Подлинно, есть въ природѣ человѣческой странная двоякость и противорѣчіе направленій: съ одной стороны, чувство нужды въ Божественномъ и желаніе общенія съ Богомъ, съ другой, какая-то тайная неохота заниматься Божественнымъ, и наклонность убѣгать отъ собесѣдованія съ Богомъ. И не трудно понять, отъ чего это такъ. Первое изъ сихъ направленій принадлежитъ природѣ первозданной, а послѣднее природѣ, поврежденной грѣхомъ. Это есть продолженіе донынѣ того движенія, которое оказалось въ Прародителяхъ по первомъ нарушеніи заповѣди Божіей. *Услышаста гласъ Господа Бога ходяща въ рай по полудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога* (Быт. III. 8.).

О чада, уже не столько Адамовы, сколько Божіи во Христѣ! Мы слышимъ гласъ Господа, уже не обличеніемъ грѣха смущающій, хотя впрочемъ и сіе не столько тяжко, сколько благодѣтельно, не проклятіемъ гремящій, хотя впрочемъ и страхъ у Него есть средство спасенія, но кротко и любезно призывающій насъ, идти и брать у Отца Небеснаго блага, которыя мы грѣ-

хомъ утратили. Не ужели не послѣдуемъ гласу Господню?

Если бы царь земный повелѣлъ провозгласить, что кто придетъ, и произнесетъ предъ нимъ имя возлюбленнаго сына его, тотъ получитъ изъ его сокровищъ богатый даръ: думаете ли, что нужно было бы уговаривать рабовъ его, дабы они симъ воспользовались? Какъ побѣжали бы всѣ! Какъ старались бы упредить другъ друга, пока не истощились царскія сокровища! Но вотъ Царь Небесный, чрезъ Единороднаго Сына Своего, провозгласилъ, что всякъ просящій во имя сего Сына, властенъ получить изъ Его неистощимыхъ и нетлѣнныхъ сокровищъ все, чего желаетъ, все, чѣмъ безсмертная душа можетъ обогатиться и сдѣлаться блаженною на вѣки. Что жъ? Всѣ ли бѣгутъ къ Нему? Всѣ ли возносятъ имя Сына Его, и вмѣстѣ съ симъ свои прошенія и молитвы? Нѣтъ! Вотъ Онъ подтверждаетъ Свое обѣтованіе, повелѣваетъ, убѣждаетъ: *просите, и пріимете*. Что теперь? Всѣ ли одумались? Всѣ ли восчувствовали свою небрежность, безразсудность, неблагодарность? Все еще нѣтъ!—*Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица* (Дан. IX. 8.).

Почудимся, братія, Божіимъ щедротамъ и долготерпѣнію. Устыдимся нашей лѣности и невниманія. Воздвигнемъ себя къ духовному дѣланію, возбуждая умъ отъ невниманія, собирая отъ разсѣянія, очищая отъ помысловъ лукавыхъ и суетныхъ, и сердце отъ страстей и порочныхъ желаній. *Въ молитвѣ терпите, бодрствующе въ ней со благодареніемъ. И все, еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тѣмъ* (Кол. IV. 2. III. 17.). Перестанемъ препятствовать, но потщимся содѣйствовать исполненію въ насъ Господня повелѣнія и обѣщанія: *просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ*. Аминь.

---

21. СЛОВО

Въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія.

1845.

Возлюбленніи, молю яко пришельцевъ и странниковъ, огребатися отъ плотскихъ похотей, яже воюютъ на душу. 1 Петр. II. 11.

Изъ предстоящихъ здѣсь не многіе ли находятся на мѣстѣ семъ, какъ пришельцы изъ другихъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, мѣстъ, пришедшіе къ единому здѣшнему вѣковому обитателю, который сдѣлался благодѣтелемъ для множества пришельцевъ и странниковъ, потому что самъ умѣлъ быть пришельцемъ и странникомъ? Но и тѣ, которые находятся здѣсь, какъ нынѣшніе обитатели сего мѣста, откажутся ли отъ наименованія пришельцевъ, если вспомнятъ, что Давидъ въ своемъ домѣ, въ своемъ царственномъ градѣ, на своемъ престолѣ, признавалъ себя пришельцемъ у Бога, равно какъ и всѣхъ отцевъ своихъ? *Пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои* (Псал. XXXVIII. 13.).

Итакъ, братія пришельцы и странники! пріймемъ отъ страннолюбиваго Апостола Петра то, что подаетъ онъ пришельцамъ и странникамъ. Какъ напутствіе, какъ руководство и охраненіе отъ заблужденій, какъ оружіе противъ опасностей странствованія, подаетъ онъ намъ свое богодухновенное наставленіе. *Возлюбленніи, пишетъ онъ, молю, яко пришельцевъ и странниковъ, огребатися отъ плотскихъ похотей, яже воюютъ на душу.*

Что значатъ въ наставленіи Апостольскомъ *плотскія похоти*, можно понять изъ самыхъ сихъ словъ, только не вполнѣ. Похоть есть желаніе: но не всякое желаніе есть похоть. Похоть есть какъ бы хотѣніе послѣ хотѣнія, желаніе простертое далѣе предѣловъ естественнаго желанія, страстное, не управленное закономъ, порядкомъ и умѣренностію. Похоть плотская собственно есть безпорядочное желаніе плотскихъ, чувственныхъ удоволь-

ствій, въ противоположность воздержанію, трезвости, цѣломудрію.

Какъ святый Петръ остерегаетъ насъ отъ похотей, *яже воюютъ на душу*: то, чтобы намъ лучше узнать сихъ опасныхъ враговъ, призовемъ на помощь и другихъ священныхъ писателей. Апостолъ Павелъ пишетъ, что *спасительная благодать Божія* научаетъ *насъ, да, отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ* (Тит. II. 12.). Здѣсь встрѣчаемъ наименованіе *мірскихъ похотей*, въ которыхъ, впрочемъ, заключаются и плотскія, потому что имъ противополагается *цѣломудренное* житіе. Апостолъ Іаковъ пишетъ: *похоть зачеснш раждаетъ грѣхъ* (Іак. I. 15.). Изъ сего надлежитъ заключить, что похоти такъ же многообразны, какъ многообразны грѣхи. Апостолъ Іоаннъ пишетъ: *все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть* (I Іоан. II. 16.). Святый Іоаннъ, для удобнѣйшаго обозрѣнія воюющихъ на насъ похотей, указуетъ три главныя ихъ отряда. Это суть, во-первыхъ, *похоть плотская*, о которой мы уже дали понятіе; во-вторыхъ, *похоть очесъ*, неудерживаемое желаніе несытыхъ глазъ, которое предметами видимаго міра хочетъ не пользоваться благоразумно, а жадно наслаждаться, или завладѣть,—любостяжаніе, любовь къ суетнымъ украшеніямъ, страсть къ зрѣлищамъ; въ-третьихъ, *гордость житейская*, желаніе превозносить себя надъ другими, а другихъ видѣть ниже себя, склонность величаться и тщеславиться нѣкоторыми преимуществами видимаго и временнаго міра, частію достойными нѣкотораго уваженія, какъ то: родомъ, званіемъ, знаніемъ, дѣлами необыкновенными; частію суетными и ничтожными, какъ то: богатствомъ, пышностью и роскошью. Всѣ сіи виды похотей могутъ быть названы *плотскими*, какъ названы у Апостола Петра; потому что ихъ источникъ и цѣль есть плоть, а не духъ, — и *мірскими*, какъ у Апостола Павла: потому что берутъ себѣ пищу изъ видимаго и временнаго міра.

Изъ сказаннаго доселѣ можно усмотрѣть, какъ многозначительно краткое увѣщаніе Апостола: *огребатися отъ плотскихъ похотей*. Онъ учитъ удаляться отъ невоздержанія, отъ нетрезвости, отъ плотоугодія, отъ любостяжанія, отъ любви къ суетнымъ украшеніямъ, отъ страсти къ зрѣлищамъ, отъ гордости, отъ тщеславія, отъ желанія унижать передъ собою другихъ, которое легко перейдти можетъ и въ желаніе зла ближнимъ. И притомъ учитъ удаляться не только отъ дѣлъ, въ которыхъ проявляются сіи страсти и пороки, но и отъ безпорядочныхъ и страстныхъ желаній, не произведенныхъ въ дѣло, отъ похотей, еще не родившихъ грѣха дѣйствительнаго. Дѣло порочное оскверняетъ всего человѣка, отъ души до тѣла, которое болѣе или менѣе служитъ порочному дѣлу: но чистый отъ внѣшняго порочнаго дѣла еще не весь чистъ, если въ душѣ его гнѣздится похоть плотская или мірская. Если вы, христіане, по слову Апостольскому, *храмъ Божій есте* (I Кор. III, 16.), *и храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (17.); если, посему, тѣло ваше надлежитъ признавать частію храма Божія болѣе внѣшнею, а душу, сердце, умъ, внутреннимъ святилищемъ, въ которомъ надлежитъ обитать Христу и дышать Духу Святому: то довольно ли вы охраняете святость сего храма Божія, если очищаете только болѣе внѣшнюю часть онаго, а въ святилищѣ внутреннемъ безпечно допускаете внутреннюю нечистоту? Страстный помыслъ, утвердившійся въ умѣ, есть идолъ, поставленный во святилищѣ Божіемъ; похотное желаніе, господствующее въ сердцѣ, есть мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Люди обыкновенные не видятъ сей внутренней нечистоты: но ее видитъ сердцевѣдѣцъ Богъ, и Ангелы Его, и души Святыхъ, которыхъ внутреннія очеса открыты. Если стыдимся, когда, подобные намъ, люди видятъ обнаруженную нечистоту нашихъ дѣлъ: да стыдимся тысящекратно болѣе, когда всечистый Богъ и Его Святые видятъ въ насъ сокровенную нечистоту страстныхъ помысловъ и похотныхъ желаній. То, что во внѣшнемъ дѣлѣ грѣховномъ представляется отвратительнымъ даже для людей, которые и сами не безъ порока, уже заключается во вну-

тренней похоти, какъ трава въ сѣмени, какъ порожденіе въ зародышѣ: потому что *похоть зачениши раждаетъ грѣхъ: грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смерть.* Итакъ поспѣшайте извергать изъ души не разродившуюся еще нечистоту, чтобы она, раскрывшись, не посрадила всего вашего существа. Поспѣшайте полоть едва возникающіе изъ земли сердца плевелы, чтобы они, возросши, не подавили пшеницы. Поспѣшайте сокрушать яица змінныя, пока не родился ядовитый и смертоносный змій. Поспѣшайте изринуть изъ внутренняго святилища идолъ страстнаго помысла и похотнаго желанія, пока онъ не потребовалъ убійственныхъ жертвъ. *Молю огребатися отъ плотскихъ похотей.*

Братія! Не будемъ холодны къ увѣщаніямъ любви и кротости! Святый Петръ могъ бы учить со властію, какъ Апостолъ, или говорить равнодушно, какъ безстрастный; но онъ лучше восхотѣлъ облечь свое слово любовію и смиреніемъ: *возлюбленніи, молю вы.* Почему такъ?—И потому, что любовь и смиреніе суть неразлучныя и высшія свойства совершенныхъ христіанъ, слѣдственно и Апостоловъ Христовыхъ; и потому еще, что зналъ онъ потребность своего увѣщанія для нашего спасенія, желалъ, чтобы увѣщаніе было принято, и также зналъ естественное дѣйствіе слова любви и кротости, которое, какъ елей, во все проникаетъ, отъ котораго, какъ отъ луча солнца, самъ собою таетъ ледъ и холодныхъ сердецъ, иначе не легко разбиваемый силою. Онъ предваряетъ объ опасности; потому что любитъ. Онъ жертвуетъ собственнымъ достоинствомъ, униженно умоляя, когда имѣлъ право повелѣвать: дабы сердцемъ открыть путь къ нашему сердцу, и внушить намъ спасительныя расположенія. Можно ли не внимать такому наставнику и такому наставленію? *Возлюбленніи, молю огребатися отъ плотскихъ похотей.*

Дабы наставленіе сіе удобнѣе могло быть исполняемо, прозорливый наставникъ мимоходомъ указываетъ и на нѣкоторыя пособія къ исполненію онаго.

Первое пособіе есть помышленіе о томъ, что мы пришельцы и странники. *Молю*, говоритъ, *яко пришельцевъ и странниковъ.*

Наименованіе пришельцевъ Апостолъ употребилъ въ простомъ, обыкновенномъ значеніи, когда писалъ въ началѣ своего посланія: *избраннымъ пришельцемъ разсѣянія Понта, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Виѳиніи.* Но сіе значеніе не можетъ имѣть мѣста, когда говорится объ удаленіи отъ похотей, которое, безъ сомнѣнія, равно поставляется въ обязанность живущимъ въ отечественной землѣ, какъ и странствующимъ въ землѣ иноплеменной. Итакъ наименованіе *пришельцевъ и странниковъ*, въ увѣщаніи Апостола, должно имѣть высшее, духовное значеніе. Отечество, изъ котораго всѣ мы странствуемъ, есть рай. Отечество, котораго всѣ ищемъ, или должны искать, есть опять рай и небо. Въ отношеніи къ сему отечеству, на земли, во временной жизни, всѣ мы *пришельцы и странники.* Въ основательныхъ о семъ размышленіяхъ можно находить немалую силу для отраженія похотей, приражающихся къ нашему сердцу. Если, напримѣръ, приближается похоть плотская, и призываетъ къ чувственному наслажденію; ты можешь отвѣчать ей: удались отъ меня; я пришлецъ и странникъ; на пути не пирШествуютъ и не роскошествуютъ; благовидная или неблаговидная гостинница, суровая или не суровая пища, мягкій или жесткій одръ, не много разнствуютъ для странника; благодушно перенесши лишенія моего странничества, безмѣрно буду вознагражденъ утѣшеніями въ моемъ отечествѣ. Если похоть очесъ представитъ воображенію тлѣнныя богатства, и скажетъ: для чего ты мало имѣешь? для чего не стараешься имѣть болѣе? отвѣчай и ей: я пришлецъ и странникъ; для странника часто удобнѣе нести съ собою мало, нежели много; сохранивъ себя въ странничествѣ, въ отечествѣ найдутъ себѣ сокровища, которыхъ *ни червь, ни тля тлитъ, и татіе не подкопываютъ, ни крадутъ* (Матѳ. VI. 20.). Если гордость житейская станетъ докучать тебѣ: зачѣмъ ты не довольно возвышенъ, не довольно почтенъ; и ей скажи: не смущай меня напрасно; я здѣсь пришлецъ и странникъ,

а имѣю такое высокое отечество, предъ которымъ и возвышенное и униженное на земли едва примѣтно, и равно ничтожно; горами ли, дебрями ли ведетъ меня невидимая рука Провидѣнія, все равно, только бы привела меня въ мое горнее отечество.

Другое пособіе къ отраженію похотей есть проницательное и осторожное усмотрѣніе того, что онѣ *воюютъ на душу*. Похоть обыкновенно приближается къ душѣ не въ видѣ воюющаго врага, но въ видѣ друга, или угодливаго прислужника. Она представляетъ какое либо удовольствіе, или мнимое благо. И нынѣ, какъ въ первоначальномъ искушеніи первыхъ человѣковъ, похоть плоти и похоть очесъ о непозволенномъ и запрещенномъ внушаютъ искушаемому, *яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти* (Быт. III. 6.); и нынѣ гордость обнадеживаетъ: *будете, яко боги* (5). Но это все только приманка, которою злый ловецъ старается прельстить и уловить бѣдную душу. Это воинская хитрость врага, который, притворяясь мирнымъ, располагаетъ человѣка оставаться безпечнымъ и безоружнымъ, чтобы безъ сопротивленія, или только по слабомъ сопротивленіи, взять его въ плѣнъ, повергнуть въ рабство порочной склонности, заключить въ оковы грѣховнаго навыка, и наконецъ, чрезъ смерть временную препроводить въ область вѣчной смерти. Сіе приводи себѣ на умъ, искушаемый похотію, и когда страстный и похотный помыслъ предлагаетъ тебѣ удовольствіе, разумѣй, что это приманка, подъ которою скрыта уда, уловляющая и увлекающая въ неволю и въ смерть; когда онъ, по видимому, ласкаетъ, помышляй, что въ самомъ дѣлѣ онъ *воюетъ на душу*; и немедленно вооружись мужествомъ, и всею силою доброй воли отвергни похоть злую; а поколику чувствуешь недостаточество собственной силы, спѣшно прибѣгни вѣрою и молитвою къ *Искушенному по всяческимъ по подобію, развѣ грѣха*, и *Могущему искушаемымъ помощи* (Евр. IV. 15. III. 18.) силою Божественною; повергнись предъ крестомъ Побѣдителя воюющихъ на души наши грѣховъ; приметайся къ Его всецѣлебнымъ язвамъ. Какъ воззрѣніе на мѣднаго змія, вознесеннаго Моисеемъ въ пустынѣ, имѣвшаго силу прообразованнаго имъ креста Христова, вскорѣ исцѣляло уязвленныхъ ядовитыми зміями: такъ воззрѣніе покаянія, вѣры и молитвы на распятаго Іисуса вскорѣ исцѣляетъ душу, уязвленную ядовитыми впечатлѣніями похотнаго и грѣховнаго помысла.

Крестомъ побѣдившій всякое зло и самаго начальника зла, Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію Своею да даруетъ каждому изъ насъ побѣждать все воюющее на душу, при вспомоществующихъ молитвахъ совершившагося подвижника, преподобнаго Отца нашего Сергія, *вельми подвизавшагося на страсти въ жизни временнѣй*, и своимъ примѣромъ къ подобнымъ подвигамъ насъ призывающаго, и данною ему благодатію готоваго споспѣшествовать нелѣностно подвизающимся. Аминь.

---

22. СЛОВО

Въ день Св. Пророка Иліи.

И иде въ крѣпости яди тоя четыредесять дней, и четыредесять нощей до горы Божія Хоривъ. И вниде тамо въ пещеру, и вселися въ ней, и се глаголъ Господень къ нему. 3 Цар. XIX. 8. 9.

Во многихъ церквахъ, какъ здѣсь, память Святаго Пророка Иліи совершается по особенному Церковному чину. Усердствующіе собираются въ первенствующій храмъ мѣста, и, съ предношеніемъ священныхъ знаменій вѣры, съ пѣніемъ духовныхъ пѣсней, путешествуютъ въ другой храмъ, особенно посвященный памяти Пророка, и здѣсь уже совершается торжественное Богослуженіе. Что была за мысль Богомудрыхъ Отцевъ нашихъ въ семъ учрежденіи, каковаго для многихъ другихъ Святыхъ, и даже для многихъ Господнихъ праздниковъ, не сдѣлано?

Чтобы съ основаніемъ отвѣчать на сей вопросъ, замѣтимъ общее правило Святыя Церкви: представлять видимые образы и подобія того, что воспоминается или созерцается духовно въ ея праздникахъ. Такъ, воспоминая Крещеніе Господа, она ведетъ васъ на рѣку, и совершаетъ молитвы надъ водою; торжествуя воскресеніе Господне, она пробуждаетъ васъ въ полночь, и преизобильнымъ свѣтомъ свѣтильниковъ во храмѣ изображаетъ день вѣчныя жизни въ горнемъ Іерусалимѣ, гдѣ свѣтильникъ Агнецъ, гдѣ солнце не нужно, гдѣ нощи не будетъ.

По сему правилу, по симъ примѣрамъ, догадываться можно, что наше крестное хожденіе въ день Иліи Пророка есть для назиданія нашего представленный, уменьшенный образъ многихъ его хожденій, по нашемъ крестныхъ, то есть, соединенныхъ съ подвигомъ и страданіемъ ради Бога и благочестія, и въ особенности, образъ великаго и чудеснаго путешествія его въ гору Хоривъ, гдѣ онъ сподобился созерцать торжественное явленіе Божества.

И такъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ приведемъ себѣ на память хожденіе Пророка Иліи во время бездождія и глада къ потоку Хораѳову, и здѣсь его чудесное препитаніе служеніемъ вранов; потомъ его хожденіе въ Сарепту, и тамъ чудеса неоскудѣвающей горсти муки, неизсякающаго елея, воскресенія сына вдовицы; обратное хожденіе въ землю Израильскую, и чудеса низведенія дождя на землю, и огня небеснаго на жертву; бѣжаніе предъ Ахаавомъ во Іезраель, можетъ быть, съ желаніемъ и нечестивую Іезавель обратить къ Богу силою совершившихся чудесъ, и обратное отшествіе души ради своея, не потому, чтобы подвизающійся для неба дорожилъ земною жизнію, но потому, что не хотѣлъ доставить торжества нечестію, въ предосужденіе благочестію; наконецъ великое, какъ я сказалъ, путешествіе, къ которому Ангелъ приготовляетъ Пророка двукратнымъ сряду обѣдомъ, безъ сомнѣнія, потому, что постникъ не хотѣлъ вкусить довольно, тогда какъ сіе нужно было для его укрѣпленія на долгій путь, — чудесно трудное путешествіе въ продолженіи четыредесяти дней и четыредесяти нощей безъ пищи, впрочемъ достаточно награжденное бесѣдою съ Богомъ, и непостижимымъ для насъ блаженнымъ ощущеніемъ: *тамо Господь*. Не буду говорить о послѣднемъ путешествіи Пророка изъ Галгалъ въ Веѳиль, изъ Веѳиля въ Іерихонъ, изъ Іерихона за Іорданъ, при чемъ Илія старался скрыть себя и славу своего вознесенія отъ Елисея. Съ нашими еще очень земными движеніями ума и сердца не догнать намъ путешественника, поспѣшающаго на небо.

Особенно меня останавливаетъ вопросъ о Хоривскомъ путешествіи Пророка, подобный вопросу о нынѣшнемъ нашемъ крестномъ хожденіи: что была за мысль послать его въ столь дальній и необыкновенный путь? Если бы спросили: за чѣмъ посланъ онъ былъ во время бездождія на потокъ Хораѳовъ; отвѣтъ не труденъ: тамъ еще сохранялось естественно хотя одно изъ средствъ жизни, вода. За чѣмъ въ Сарепту? — За тѣмъ, что въ Хораѳѣ воды не стало; а въ Сарептѣ нашлась вѣрующая женщина, которая достойна была и сама быть сохранена отъ глада чудесно, и послужить сохраненію человѣка Божія. Но за чѣмъ въ Хоривъ? Для бесѣды съ Богомъ? Для явленія Божія? Но не бесѣдовалъ ли Богъ съ Иліею и въ Хораѳѣ и въ Сарептѣ? Не равно ли для Вездѣсущаго явиться въ пустынѣ Іудейской, или Аравійской! Не обвините меня по симъ вопросамъ въ любопытствѣ или дерзости. Внимайте спокойно; я ищу наставленія.

Подлинно Богъ вездѣ можетъ бесѣдовать съ вѣрующимъ; вездѣ можетъ дать узрѣть Себя чистому сердцемъ. Однако изъ сего не можно заключить, что Илія не нужно было идти въ Хоривъ: ибо идти туда повелѣлъ ему Богъ; а Богъ не можетъ повелѣть что-либо излишнее или безполезное. Благодатное общеніе всегда готово для человѣка со стороны Бога: но человѣкъ съ своей стороны не всегда готовъ для общенія съ Богомъ, и требуетъ большаго или меньшаго приготовленія, смотря по тому, въ какомъ состояніи обыкновенно находится, и къ чему приготовляется. *Очисти я днесь и утрь: и да испеструть ризы: и да будуть готовы въ день третій* (Исх. XIX. 10. 11.).

Симъ повелѣніемъ самъ Богъ очевидно приготовлялъ Евреевъ къ великому откровенію на горѣ Синайской. *Уготовихся и не смутихся, сохранити заповѣди Твоя* (Пс. CXVIII. 60.), говоритъ къ Богу Псалмопѣвецъ, и тѣмъ даетъ разумѣть, что если для исполненія заповѣдей Божіихъ въ порядкѣ, безъ смущенія, нужно приготовленіе, кольми паче для принятія благодатныхъ общеній и духовныхъ откровеній. Чѣмъ особеннѣе общеніе, къ которому Богъ призывалъ Пророка Илію, тѣмъ особеннѣе требовалось къ оному приготовленіе, которое и заключалось въ его четыредесятидневномъ крестномъ ходѣ.

Ходъ Иліи былъ въ мірѣ, но отъ міра къ Богу; во плоти, но отъ плоти къ духу; по земли, но отъ земли къ небу.

Ходъ его былъ отъ міра: потому что часъ отъ часа далѣе оставлялъ онъ за собою и невразумимое безуміе Ахаава, и неукротимую злобу Іезавели, и мерзости лжепророковъ, и бѣдственное ослѣпленіе Израильскаго народа. Какъ луна отъ тумана и облаковъ, душа Пророка освобождалась отъ темныхъ, печальныхъ и нечистыхъ воспоминаній мірской суеты, порока и нечестія; возвышалась въ свѣтлости, въ спокойствіи, въ чистотѣ, и силою уподобленія, болѣе и болѣе открывала себя Богу, Который есть свѣтъ и миръ.

Ходъ Иліи былъ отъ плоти къ духу: ибо хотя онъ и прежде сего не покорялся плоти, а предстоялъ Богу духомъ, почему и былъ способенъ слышать гласъ Его, и принимать Его повелѣнія; но когда надлежало ему вступить въ ближайшее, и послѣ сокровеннаго въ открытое нѣкоторымъ образомъ общеніе съ Богомъ, тогда потребовалось крайнее очищеніе и утонченіе внѣшняго человѣка, дабы сей бренный сосудъ не распался отъ прикосновенія высочайшей духовной силы. Больной глазъ не можетъ сносить обыкновеннаго свѣта, который пріятенъ оку здравому: но чтобы смотрѣть безопасно на солнце, потребно зрѣніе орлиное. Такъ плотскій, грѣхомъ зараженный человѣкъ, не способенъ къ благодатнымъ ощущеніямъ даже низшей степени: но чтобы откровеннымъ лицемъ взирать на славу Божію, или хотя подъ покрываломъ предстоять ей вблизи, для сего и очистившійся отъ скверны плоти, и причастившійся духа, требуетъ новаго возведенія. Посему, какъ Синайскому съ Богомъ общенію Моисея сопутствовалъ четыредесятидневный постъ: такъ и Хоривскому съ Богомъ общенію Иліи предшествовало четыредесятидневное путешествіе, въ которомъ онъ не питался ничѣмъ другимъ, какъ только помышленіемъ о Богѣ и молитвою.

Ходъ Иліи былъ къ небу и къ Богу: ибо хотя онъ, вѣроятно, не зналъ предварительно, что будетъ съ нимъ въ Хоривѣ; но идучи на сію гору, которая сопредѣльна, и въ основаніи своемъ есть одна съ Синаемъ, почему и названа *горою Божіею*, безъ сомнѣнія, вспоминалъ славное Богоявленіе Синайское, и симъ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ не только *приступалъ къ горѣ осязаемѣй, и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и сумраку, и бурѣ, и трубному звуку, и гласу глаголъ* небесныхъ, но, какъ созерцатель, и къ самому Глаголателю *небесному, Егоже гласъ землю тогда поколеба* (Евр. XII. 12. 13. 26.), и такимъ образомъ, когда ноги Иліины текли всѣ по земли, духъ Иліинъ всѣ восходилъ къ небу, и приготовлялся къ высокому общенію съ Богомъ.

Таковъ, братія, великій крестный ходъ Иліи; таковъ его святый праздникъ, въ который онъ нимало не работалъ плоти, нимало не занимался міромъ, точно праздновалъ единому Богу. По сему можно судить, каковъ долженъ быть и нашъ, хотя малый, крестный ходъ, и нашъ, хотя не столь совершенный, духовный праздникъ.

Когда въ священномъ шествіи ведутъ тебя отъ одного святаго мѣста въ другое для протяженнаго молебствія и торжественнаго Богослуженія: помышляй, что и тебя хотятъ приготовить къ общенію съ Богомъ, елико можно, чистому, елико можно, близкому. А если ты внимателенъ: то и всякій обыкновенный твой путь изъ дома во храмъ Господень совершай по возможности, какъ дѣятельное приготовленіе къ общенію съ Богомъ. Еще же лучше, да будетъ и вся жизнь твоя, по примѣру Святыхъ, не иное что, какъ непрерывный

крестный, крестомъ Христовымъ предваряемый, управляемый и охраняемый, кресту Христову послѣдовательный ходъ, отъ плоти къ духу, отъ земли къ небу, отъ міра къ Богу. Да будетъ твоимъ праздникомъ не только то, чтобы ты былъ празденъ отъ тяжкихъ рабскихъ дѣлъ, но то наипаче, чтобы ты былъ свободенъ отъ пріятной работы чреву, разсѣянію, тщеславію, суетамъ разнаго рода. Содѣлывай всемѣрно умъ твой, сердце твое, и самыя чувства твои праздными отъ всякой твари, прельщающей, озабочивающей, смущающей, да возможенъ принять Бога въ умѣ, въ сердцѣ, во внутреннемъ чувствѣ, созерцаніемъ, желаніемъ, ощущеніемъ, чрезъ духовное ученіе, чрезъ чистую молитву, чрезъ дѣла благія и святыя.

Послѣ сего что сказать о тѣхъ, которые безъ благоговѣнія, безъ размышленія, безъ вниманія идутъ на праздникъ Церковный, какъ на мірское зрѣлище,—на мѣсто святое, какъ на мѣсто увеселенія чувственнаго? Да сохранитъ ихъ Богъ, чтобы они не пріобщились къ праздникамъ Ахаава и Іезавели: но чтобы они участвовали въ праздникѣ Иліи Пророка, того конечно сказать о нихъ не можно.

Щедрый стяжатель даровъ духовныхъ, не отказавшій Елисею въ недовольно скромномъ домогательствѣ имѣть вдвое болѣе тебя! Не откажи и намъ дерзновенно просящимъ: ходатайствуй предъ Богомъ твоимъ и нашимъ о усугубленіи благодати празднующимъ день твой вмѣстѣ съ тобою молитвою и воздержаніемъ, или, съ пренитавшею тебя вдовицею, дѣлами человѣколюбія и милосердія. Но и на тѣхъ, которые не постигаютъ еще высоты и чистоты твоего праздника, низведи отъ благопослушливаго тебѣ неба не огнь гнѣва пожирающій, но свѣтъ благодати просвѣщающій, да и сіи наконецъ путемъ истины и правды пріидутъ въ гору Божію святую, и вселятся въ ней во вѣки. Аминь.

---

23. СЛОВО

О ветлѣніи Святыхъ мощей, на память Преподобнаго Сергія, Сентября 25 дня, 1821 года.

И кости твоя утучнѣютъ, и будутъ, яко вертоградъ напоенный, и якоисточникъ, смуже не оскудѣ вода. Исаіи LVIII. 11.

Во дни Пророка Исаіи были люди, — какіе, вѣроятно, есть и нынѣ,—которые жаловались на Бога, для чего не награждаетъ Онъ ихъ благочестія. *Что яко постихомся, и не увидѣлъ есм?* Пророкъ отвѣтствуетъ на сіе, что и *постъ и суббота*, и благочестивый подвигъ, и духовное празднованіе, пріятны Богу, если люди *во дни пощеній своихъ не обрѣтаютъ волей своихъ, если не творятъ хотѣній своихъ въ день святый*; и, въ награду за сіе непритворное благочестіе, обѣщаетъ между прочимъ, что *и кости* таковыхъ людей *утучнѣютъ, яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, смуже не оскудѣ вода.* — Неожиданное обѣщаніе! Кости сего тлѣннаго тѣла, кажется, не тучнѣютъ отъ подвиговъ поста, ниже отъ субботствованія духовнаго.— Подобно сему, другой Богопросвѣщенный мужъ, *восхваляя мужей славныхъ*, между прочимъ говоритъ: *и обоюнадесяте Пророковъ да процвѣтутъ кости отъ мѣстъ своихъ* (Сир. XLIX. 12.). Но кости сихъ Пророковъ давно уже почивали во гробахъ, когда сіе написалъ о нихъ сынъ Сираховъ. И такъ не ужели кости угодившихъ Богу, и въ умерщвленіи плоти *тучнѣютъ*, и во гробахъ *процвѣтаютъ?*

Воистинну *тучнѣютъ и процвѣтаютъ!* Тучнѣютъ и процвѣтаютъ кости благочестивыхъ во время житія ихъ, духовно, когда, *яко отъ тука и масти, исполняется душа ихъ радостію* (Псал. LXII. 6.) о Богѣ; когда *праведникъ, яко финикъ, процвѣтаетъ* (Псал. XCI. 13.) благими дѣлами, приносящими плодъ во святыню; — тучнѣютъ и процвѣтаютъ,

не смотря на то, что плоть ихъ увядаетъ и изсыхаетъ отъ подвиговъ воздержанія; ибо, *аще и внѣшній ихъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV. 16.). По смерти же тучнѣютъ и процвѣтаютъ кости благочестивыхъ славою ихъ добродѣтелей, такъ что они, бывъ нерѣдко умалены и забвенны въ жизни, являются великими и знаменитыми по смерти, такъ что гробы ихъ бываютъ великолѣпнѣе жилищъ, въ которыхъ они обитали.

Но кромѣ сего, въ предлежащихъ намъ священныхъ остаткахъ Праведника мы усматриваемъ собственными очами еще образъ, какъ и во гробахъ *тучнѣютъ и процвѣтаютъ* кости праведныхъ. И всѣ тѣла человѣковъ, по смерти ихъ, подобно сѣменамъ, погребеннымъ въ землѣ, и растѣніямъ во время зимы, медленнымъ, непримѣтнымъ для насъ прозябеніемъ, среди самаго истлѣнія, постепенно прозябаютъ и приготовляются къ животворной веснѣ общаго воскресенія. Но нѣкоторыя тѣлеса праведниковъ подобятся лавровымъ и нѣкоторымъ другимъ древамъ, во время самой зимы очевидно растущимъ и зеленѣющимъ; *хранимыя Господомъ кости ихъ* (Псал. XXXIII. 21.), и послѣ смерти, являютъ въ себѣ, *яко тукъ и масть*, духовную силу жизни, чудесно изливающуюся и на то, что ихъ окружаетъ; ихъ тѣлеса прежде общаго воскресенія *процвѣтаютъ* начатками нетлѣнія.

Отъ чего сіе, и для чего? Отъ чего нетлѣнны тѣлеса праведниковъ? Для чего Богъ даруетъ имъ сіе нетлѣніе? Разсужденіе о сихъ вопросахъ можетъ объяснить одну изъ наградъ благочестія, и одно изъ побужденій къ благочестію.

Богъ, какъ говоритъ Премудрый, *созда человѣка въ неистлѣніе* (Прем. II. 23.). Духъ его жилъ словомъ Божіимъ, и потому наслаждался блаженнымъ безсмертіемъ; тѣло его питалось отъ древа жизни, и такимъ образомъ должно было сохраняться въ безболѣзненномъ нетлѣніи. *Единѣмъ человѣкомъ*,—такъ изъясняетъ Апостолъ печальную перемѣну сего состоянія,—*единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша* (Рим. V. 12.). И такъ причина, по которой человѣкъ смертенъ, и тѣло его тлѣнно, есть грѣхъ, — ядъ, который принялъ человѣкъ первоначально душею, но который, въ дѣльнѣйшемъ дѣйствіи своемъ, отравилъ и тѣло, медленною отчасти, но вообще смертоносною отравою. Изъ сего не трудно усмотрѣть, что возвращеніе человѣка *въ неистлѣніе* возможно только тогда, когда онъ перестанетъ отравлять себя *грѣхомъ*.

Но возможно ли сіе послѣ того, когда *грѣхъ во* весь *міръ вниде*, когда мы, *въ беззаконіяхъ зачинаемся, раждаемся во грѣхахъ* (Псал. L. 7.), и, какъ-бы по естественной необходимости, *піемъ неправды, якоже питіе* (Іов. XV. 16.)? Притомъ для исцѣленія зараженнаго ядомъ потребно нѣчто болѣе, нежели только прекратить употребленіе яда. Никто не можетъ быть творцемъ самого себя: смертно болящій или умершій не можетъ даровать себѣ здравія или жизни, которыхъ источникъ въ немъ затворился. Если и въ неповрежденномъ состояніи своемъ человѣкъ жилъ, какъ мы сказали, словомъ Божіимъ: кольми паче смертнаго возставить въ безсмертіе, и растлѣннаго въ нетлѣніе, не можетъ ничто, кромѣ Творческаго слова Божія.

Слово Творческое вновь изречено въ поврежденное грѣхомъ твореніе Божіе, для его возстановленія, и низведено въ немъ до такой глубины, до какой грѣхомъ низпадали человѣки. *Слово плоть бысть* (Іоан. I. 14.). Теперь все паднее и отчужденное отъ жизни Божіей получаетъ новый, возвратный ходъ. Источникъ Божественный вновь открывается во глубинѣ человѣческой природы, и внутренно изливаетъ въ нее благодатный свѣтъ и силу. Здѣсь обрѣтаетъ душа человѣческая врачевство, очищающее и исцѣляющее, которое истребляетъ въ ней смертоносный ядъ грѣха, и вмѣстѣ врачевство укрѣпляющее и предохраняющее, которое не допускаетъ сей заразѣ возобновляться и усиливаться новыми грѣхопаденіями. Животворное дѣйствіе благодати, такъ же какъ нѣкогда смертоносное дѣйствіе грѣха, простирается по всему существу человѣческому отъ духа до тѣла; и поелику сила Божія ко-

нечно могущественнѣе, нежели сила грѣха, которая собственно есть немощь, то не удивительно, что благодать, по выраженію Апостола (Рим. V. 20.), *преизбыточествуетъ*, паче *умножившагося грѣха*, что она дѣйствительнѣе исцѣляетъ и возстановляетъ, нежели грѣхъ заражаетъ и разрушаетъ. *Аще прегрѣшеніемъ единаго*, разсуждаетъ Апостолъ, *мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова* (Рим. V. 15.); *Да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную, Іисусомъ Христомъ Господемъ нашимъ* (21.). Такимъ образомъ Слово Божіе, нисходя до воплощенія, самой плоти открываетъ путь, восходить до нетлѣнія и прославленія; Іисусъ Христосъ становится *воскрешеніемъ* нашимъ (Іоан. XI. 25.), и когда вселяется вѣрою въ сердца наши, тогда и въ самыхъ тѣлесахъ, вѣрою очищенныхъ и освященныхъ, скорѣе или медленнѣе просіяваетъ сила Его воскресенія.

Примѣчайте въ цѣломъ бытіи рода человѣческаго, какъ явленіе сея силы воскресенія всегда соразмѣрно было съ постепеннымъ откровеніемъ воплощеннаго Слова Божія. Въ первые вѣки, когда всю тайну Христову находимъ заключенною въ одномъ словѣ *о сѣмени жены, сокрушающемъ главу змія*, и силу воскресенія усматриваемъ во одномъ Энохѣ, который, какъ уединенный орелъ въ обновленной юности, воспаряетъ въ нетлѣніи надъ цѣлымъ міромъ, чрезъ годподствующее растлѣніе нравственное приближающимся ко всеобщему истлѣнію естественному. Во времена Пророковъ, когда обѣтованіе о Христѣ, какъ о *сѣмени, въ которомъ благословятся всѣ народы*, многократно повторенное, и болѣе объясненное, ощутительнѣе возбуждало вѣру, и потому обильнѣе вселяло въ сердца, хотя и глубоко еще сокровенную силу Христову, и сила воскресенія не только, по подобію Эноха, явилась въ Иліи, при взятіи его на небо, но кромѣ того, еще къ продолженіи земной жизни, открывалась въ Иліи же и Елисеѣ, воскрешеніемъ умершихъ; и даже, — что составляетъ единственный въ священныхъ сказаніяхъ примѣръ прежде пришествія Христова, но согласный со многочисленными сего рода явленіями по пришествіи Христовомъ,—сила воскресенія сверхъ чаянія воздѣйствовала нѣкогда чрезъ кости умершаго уже Пророка Елисея. *Бысть*, повѣствуетъ книга Царствъ (4 Цар. XIII. 21.), *бысть погрѣбающимъ мужа, и се видѣша воиновъ, и* — отъ страха — *повергоша мужа въ гробъ Елисовъ: и впаде тѣло человѣка мертва, и прикоснуся костемъ Елисеовымъ, и оживе, и воста на ноги своя*. Когда же, столь давно предреченное, и постепенно предуготовленное, воплощеніе Слова Божія наконецъ совершилось; тогда, кто не знаетъ, какими быстрыми потоками сила воскресенія потекла по сей, еще и необновленной, землѣ? Сообразно съ цѣлію настоящаго разсужденія, особенно должно указать здѣсь одинъ случай. Когда Іисусъ Христосъ вольнымъ страданіемъ нашего ради спасенія допустилъ низвести Себя въ область смерти для того, чтобы ввести туда собственную силу жизни, и такимъ образомъ разрушить царство смерти въ самыхъ основаніяхъ его: тогда сила Его немедленно проникла все, и въ томъ, что способно было принять ее, тотчасъ ознаменовала себя животворнымъ дѣйствіемъ. Вотъ изъясненіе того, что въ то время *и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Матѳ. XXVII. 52.).

Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки (Евр. XIII. 8.). Онъ яко Богъ *дѣйствуетъ вся во всѣхъ* (1 Кор. XII. 6.), дѣйствуетъ и нынѣ, подобно какъ дѣйствовалъ отъ начала, и дѣйствовать будетъ до конца; дѣйствуетъ въ маломъ, равно какъ въ великомъ, дѣйствуетъ какъ во всей Церкви, которая есть тѣло Его, такъ и во всѣхъ вѣрующихъ, которые суть члены Его. Онъ *воображается въ нихъ* (Гал. IV. 19.), *живетъ въ нихъ* (Гал. II. 20.), и какъ *въ Немъ* Самомъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Кол. II. 9.), такъ, по нѣкоему образу его Божественнаго таинства, и Онъ благоволитъ жить въ избранныхъ Своихъ даже тѣлеснѣ; поколику обрѣтаетъ

ихъ способнымп ко внутреннему съ Нимъ общенію. Обрѣтаетъ ли Онъ умъ, постоянно къ Нему обращаемый благоговѣніемъ и молитвою? Онъ *воображается* въ умѣ, и исполняетъ его свѣтомъ Своимъ, истиною Своею, *безвѣстная и тайная премудрости Своея являетъ ему* (Псал. L. 8.). Обрѣтаетъ ли сердце, отверстое предъ Нимъ покаяніемъ, вѣрою и любовію къ Нему? Онъ *вселяется въ сердце* (Ефес. III. 17.), и съ Собою вноситъ въ него новую жизнь, вмѣсто плотской духовную, вмѣсто земной небесную, преображаетъ любовь человѣческую въ Божественную, и свойства человѣческія въ Ангельскія. Обрѣтаетъ ли наконецъ и тѣло, въ сообразность съ душею, непрестанно очищаемое воздержаніемъ и подвигами, и потому способное принимать и сохранять въ себѣ какъ-бы нѣкіе отпечатки и слѣды внутреннихъ движеній благодатныхъ? И оно, нѣкоторымъ образомъ, и даже въ земной еще жизни, начинаетъ быть Богоноснымъ. Сколь бы ни странною казалась для нѣкоторыхъ мысль о Богоносномъ тѣлѣ земнаго человѣка: я не раскаяваюсь, что произнесъ ее; ибо не догадкою и соображеніемъ составляю сей образъ, но обрѣтаю его на самомъ опытѣ, который представили еще Апостольскія времена, и о которомъ преданіе времена Святыхъ благоговѣйно сохранили. Святый Игнатій Богоносецъ такъ пріобыкъ питать сердце свое любительнымъ воспоминаніемъ сладкаго имени Іисуса Христа, что сіе глубокое душевное впечатлѣніе чувственнымъ образомъ отпечатлѣлось въ тѣлесномъ органѣ, и когда, послѣ мученической кончины его, разсѣчено было его сердце, въ немъ усмотрѣли буквенно изображенное имя Іисуса Христа (Чет. Мин. Дек. 20.). Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоухания: такъ самое тѣло Христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проницается ею во всемъ составѣ своемъ, и даже благоухаетъ ею для другихъ. И поелику *сила Христова*, нетлѣнна: то естественно, что она, *вселяясь* (2 Кор. XII. 9.) въ человѣковъ, *иже Христовы суть* (Гал. V. 24.), и тѣлесамъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; поелику сила Христова всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чрезъ нихъ чудодѣйствуетъ, когда то благоугодно Господу, подобно какъ нѣкогда чудодѣйствовала, чрезъ *главотяжи и убрусцы*, которые были на *тѣлѣ* Святаго Апостола Павла, и приняли въ себя *потъ* его (Дѣян. XIX. 12.), и чрезъ одно *осѣненіе тѣнію* Святаго Апостола Петра (Дѣян. V. 15.).

Какое, братія, дивное воздаяніе за благочестіе, что имъ не только духъ человѣческій возводится къ благодатному общенію со Христомъ, но и самое тѣло, которымъ совершаемъ сіи малые подвиги пощенія, молитвеннаго колѣнопреклоненія, братолюбнаго служенія, содѣлывается чрезъ то причастнымъ благодатной силы Христовой, животворящей и чудодѣйственной! И если сіе на земли еще, то на небеси какая жизнь, какое могущество, какая слава ожидаетъ благочестивыхъ!

Между тѣмъ примѣчать можемъ, что не всѣ благочестивые, и даже не всѣ Святые участвуютъ въ семъ *первомъ*, такъ сказать, *воскресеніи* (Апок. XX. 6.), которое состоитъ въ чудесномъ на земли нетлѣніи освященныхъ тѣлесъ ихъ; подобно какъ и въ первоначальномъ явленіи сего перваго воскресенія, *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа*, но не всѣ тѣлеса Святыхъ усопшихъ. Что значитъ сіе? Не ужели неправосуденъ Богъ ко Святымъ Своимъ, однимъ увеличивая мѣру благодати, а другимъ уменьшая, однихъ безсмертіе приближая, а другихъ отдаляя, однихъ прославляя, а другихъ сокрывая? Безъ сомнѣнія, никто, знающій Бога, не можетъ сего помыслить. И такъ, что значитъ видимое неравенство видимой награды, даруемой Святымъ? Можетъ быть, оно нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуетъ степенямъ внутренняго ихъ освященія, по которому,—скажемъ словами Апостола,—как *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ; такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. XV. 41. 42.), и послѣднее, совершительное, и первое, начинательное: но съ большею основательностію изъ неравенства сей предварительной награды Святымъ заключить можемъ, что сія

награда имъ даруется не столько въ воздаяніе собственно имъ, сколько для другой, съ премудростію и благостію Божіею сообразной, цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, для тѣхъ, которые не ищутъ славы человѣческой, и которые увѣрены, что вѣчно будутъ царствовать во славѣ Божіей со Христомъ, велико ли то, чтобы имѣть, или не имѣть временныхъ начатковъ сея славы на земли? — Но какъ съ воскресеніемъ Христовымъ *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* для того, чтобы, *по воскресеніи Его, внити во святый градъ, и явитися многымъ* живущимъ, для удостовѣренія ихъ объ открывшейся силѣ воскресенія: такъ и до нынѣ тѣлеса усопшихъ Святыхъ являются въ нетлѣніи, съ силою чудодѣйственною и живоносною, для насъ живущихъ, для удостовѣренія,— если къ стыду времени есть и такіе между нами невѣрующіе,—для удостовѣренія въ воскресеніи Христовомъ и въ нашемъ будущемъ воскресеніи, для укрѣпленія немощныхъ въ подвигахъ противу грѣха и смерти, для возбужденія невнимательныхъ и нерадивыхъ къ подвигамъ благочестія.

Поминайте наставники ваша, учитъ Апостолъ Христіанъ своего времени, поминайте наставники ваша, *иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII. 7.). Какъ-бы такъ разсуждалъ онъ: «мы не довольствуемся «поучать васъ нашимъ словомъ; не всѣ «души довольно отверсты для него, и не «всѣ сохраняютъ его, когда пріемлютъ. «Для сего указуемъ вамъ еще на примѣръ «*наставниковъ вашихъ*, и въ семъ при«мѣрѣ на то, что сильнѣе поражаетъ чув«ства, и тѣмъ глубже проникаетъ въ ду«шу,—на *скончаніе жительства* ихъ, «запечатлѣнное ясными знаменіями вѣры.» Зрѣлище подлинно назидательное, и въ молчаніи болѣе обильнаго слова говорящее духу! Но какъ слово наконецъ умолкаетъ; такъ и примѣръ наконецъ скрывается: и память скончавшихся наставниковъ можетъ угаснуть. Что же творитъ Богъ, *хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. II. 4.)? Онъ, такъ сказать, увѣковѣчиваетъ назидательную кончину совершившихся во благочестіи наставниковъ. Проходитъ нѣсколько вѣковъ, и мы все еще видимъ ее собственными очами, взирая на нетлѣнные остатки ихъ. Сіе нетлѣніе, сія цѣлебная и живоносная сила, отъ нихъ исходящая, внятнѣе и убѣдительнѣе слова поучаютъ насъ благочестію, и побуждаютъ *подражать вѣрѣ ихъ*.

На что болѣе мое скудное слово? — Довольно и для насъ, братія, того неумолкающаго поученія, которое произноситъ сей безмолвный гробъ. Можно ли не слышать сего поученія! Можно ли, слыша, не разумѣть его? «*Взирайте*, глаголетъ «самъ скончавшійся Наставникъ нашъ, *взи«райте на скончаніе моего житель«ства*, которое я столько вѣковъ пред«ставляю предъ очи моихъ учениковъ, и «всѣхъ требующихъ наставленія. Вы всѣ «признаете, что скончаніе жительства мо«его благословенно и блаженно; я слышу, «въ Богѣ моемъ, какъ вы оное ублажае«те; вижу, какъ стекаетесь торжество«вать оное. Для меня ли ублажаете вы «кончину мою? Ваши ублаженія не ум«ножатъ моего блаженства въ Богѣ моемъ. «Но если вы ублажаете кончину мою: то «ублажите и житіе, которое привело меня «къ сей кончинѣ, и ублажите оное для «вашего собственнаго блаженства. Сугубо «неизвинителенъ тотъ, кто видя путь, «уклоняется въ заблужденіе; видя благій «примѣръ, во злѣ закоснѣваетъ. Сугубо «бѣдственно, близъ пристанища претерпѣть «кораблекрушеніе и потопленіе, при видѣ «награды заслужить наказаніе, при видѣ «блаженства погибнуть. Единственное при«ращеніе, какое вы можете доставить мо«ему блаженству, есть то, чтобы доставить «моей къ вамъ любви радость вашего «спасенія. Ублажите самихъ себя, подра«жаніемъ вѣрѣ моей со всѣми плодами, «которые произвела отъ нея благодать Хри«ста моего и вашего.»

Что речемъ на сіе, братія? — Ей, Богоносный Отче нашъ и Наставниче! *Буди намъ по глаголу твоему*. Аминь.

24. СЛОВО

На память Преподобнаго Сергія.

Возвратишася въ Листру и Иконію и Антіохію, утверждающе души ученикъвъ, моляще пребыти въ вѣрѣ, и яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе. Дѣян. XIV. 21. 22.

Сіе сказаніе святаго Евангелиста Луки о проповѣди святыхъ Апостоловъ Павла и Варнавы представляетъ способъ наставленія, довольно необыкновенный. Цѣль наставленія, какъ вы видите изъ самаго сказанія, была та, чтобы утвердить души учениковъ въ вѣрѣ. Какое же средство употребляютъ для сего Богомудрые Наставники? — Они предсказываютъ вѣрующимъ скорби, и скорби необходимыя, потому что чрезъ нихъ надобно достигать царствія Божія. *Многими скорбми подобаетъ внити въ царствіе Божіе.* Не надлежало ли опасаться, что сія истина, грозная, поколеблетъ вѣру, а не утвердитъ? Не лучше ли было бы скрыть опасное предусмотрѣніе опасностей? Но нѣтъ! Апостолы не скрываютъ ученія о скорбяхъ, предстоящихъ на пути къ царствію Божію: видно, нужно сіе ученіе. Они предлагаютъ сіе ученіе, желая утвердить души учениковъ въ вѣрѣ: видно, есть въ семъ ученіи сила для утвержденія вѣры.

Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе. Апостолы не говорятъ: многими познаніями подобаетъ внити въ царствіе; хотя сіе, по видимому, было бы сообразно съ *сокровищами премудрости и разума* (Кол. II. 3.), сокровенными во Христѣ. Видно, многія познанія полезны, но не совсѣмъ необходимы для достиженія царствія Божія. Въ самомъ дѣлѣ, мытарь достигъ оправданія, а слѣдственно и близкой надежды царствія Божія, не многими познаніями, но многимъ смиреніемъ, не высокими созерцаніями, но очень простою молитвою: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII. 13.).

Не говорятъ: многимъ временемъ подобаетъ внити въ царствіе Божіе: хотя и на земли многое достигается не скоро; а небо, кажется, далѣе земли. Видно, продолжительность времени не есть строгое условіе приближенія къ царствію небесному. Въ самомъ дѣлѣ, разбойникъ на крестѣ, въ нѣсколько часовъ, и даже, можетъ быть, въ нѣсколько минутъ совершилъ путь отъ вратъ адовыхъ до дверей рая.

Не говорятъ: многими трудами и подвигами подобаетъ внити въ царствіе Божіе: хотя то правда, по слову Самого Іисуса Христа, что *царствіе небесное нудится* (Матѳ. XI. 12.). Видно, успѣхъ усилій, которыми достаютъ царствіе небесное, не всегда опредѣляется тягостію трудовъ и числомъ подвиговъ. Перстень сына царствія данъ блудному сыну скорѣе, нежели онъ окончилъ трудъ договорить покаянную рѣчь оскорбленному отцу. Онъ едва успѣлъ изобразить свое недостоинство: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой* (Лук. XV. 21.); а не успѣлъ еще принести просьбы: какъ ему даровано болѣе, нежели онъ смѣлъ желать и надѣяться.

Не многими познаніями, не многимъ временемъ, не многими трудами, но, — говорятъ Апостолы, — *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.* Видно, скорби, паче другихъ средствъ и пособій, нужны и полезны для достиженія царствія Божія.

Разумъ, не довольно покоренный вѣрѣ, не довольно ею просвѣщенный, не вдругъ усмотрѣтъ можетъ, подлинно ли, и почему путь къ царствію Божію долженъ лежать непременно чрезъ скорби. Что, кажется, за необходимость заставлять человѣка страдать, чтобы потомъ сдѣлать его блаженнымъ? Отсюда можетъ родиться догадка, не относится ли ученіе о скорбяхъ ради царствія Божія только до первенствующихъ Христіанъ, которымъ надлежало вытерпѣть гоненія отъ Іудеевъ и язычниковъ, до утвержденія Христіанства во вселенной. Симъ подлинно Христіанамъ, и въ сихъ обстоятельствахъ, Апостолы Павелъ и Варнава говорили *о многихъ скорбяхъ* ради царствія Божія, и притомъ вскорѣ послѣ

того, какъ Павелъ предъ ихъ глазами, въ Листрѣ, едва не до смерти побитъ былъ камнями, за проповѣдываніе Христіанства. Но, что ученіе о скорбяхъ ради царствія небеснаго есть не временное только и частное, а всегдашнее и всеобщее въ Христіанствѣ, въ семъ не трудно удостовѣриться изъ наставленій Самого Іисуса Христа, не случайныхъ и примѣненныхъ къ особеннымъ обстоятельствамъ, но коренныхъ и всеобщихъ. — Чѣмъ началъ Онъ Свое ученіе о царствіи небесномъ? — *Блажени нищіи духомъ; блажени плачущіи* (Матѳ. V. 3. 4.). Ощущеніе нищеты, болѣе или менѣе, соединено съ ощущеніемъ скорби; и плачь, даже благочестивый, течетъ изъ источника скорби, хотя впрочемъ должно быть и такое время, когда, какъ Моисей древомъ горькія воды Мерры, Христосъ крестомъ услаждаетъ горесть благочестиваго плача. Чѣмъ оканчиваетъ Господь Свое ученіе о блаженствѣ? — *Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради* (Матѳ. V. 11.). Не видите ли, что ученіе Господне о блаженствѣ скорбію начато, и еще большею скорбію окончено? — Какое ученіе можетъ быть болѣе общимъ для Христіанъ, какъ ученіе о послѣдованіи Христу? Но въ чемъ состоитъ сіе ученіе? —*Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: и иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Матѳ. XVI. 24. 25.). Какъ ни уменьшайте силу, какъ ни смягчайте значеніе сихъ изреченій Господнихъ: во всякомъ случаѣ не льзя не признать, что ими предрекаются послѣдователю Христову многія скорби. Если ты возмешь крестъ и пойдешь за Христомъ: то куда ты придешь? — Очевидно, туда, куда шелъ, взявъ крестъ, Онъ Самъ; слѣдственно на Голгоѳу, на страданіе, на распятіе. *Погубить душу свою* ради Христа, значитъ ли пострадать за Него мученически (что впрочемъ не есть общій жребій, тогда какъ напротивъ изреченіе Господне о погубленіи души есть общее для всѣхъ спасаемыхъ); или сіе значитъ пресѣчь и умертвить въ душѣ страстныя движенія, составляющія жизнь ветхаго человѣка, изсушить похоть, угасить ярость, обуздать порывы собственной воли, отвергнуть пристрастіе къ собственному мудрованію: — самое выраженіе: *погубить душу*, которымъ изображены сіи подвиги послѣдователя Христова, сіи душевныя преобразованія, даетъ разумѣть, что здѣсь имѣютъ мѣсто многія скорби, простирающіяся даже до смертнаго борешія и подвига.

Святый Апостолъ Петръ учитъ: *Христу пострадавшу за ны плотію, и вы вѣ ту же мысль вооружитеся* (1 Пет. IV. 1.). Подлинно, мысль о страданіи Христовомъ за насъ одна можетъ быть достаточна для того, чтобы примирить насъ со всякою скорбію и страданіемъ ради Христа и Его царствія. Если Христосъ, не сотворившій грѣха, пострадалъ: можно ли намъ грѣшнымъ роптать на страданіе? Если Христосъ пострадалъ за насъ: какая была бы неблагодарность не хотѣть принять скорбь ради Его и Его заповѣди? Если возлюбленный Спаситель нашъ пiетъ чашу страданій: любовь къ Нему не должна ли ощутить жажду причаститься отъ чаши Возлюбленнаго? Если *подобаше*, должно было, сообразно было съ премудрою, праведною и благою судьбою Божіею, *пострадати Христу и внити въ славу Свою* (Лук. XXIV. 26.); и сіе *подобаше* ради насъ: какъ не повѣрить, что и намъ *подобаетъ*, должно, прилично, сообразоваться съ примѣромъ и судьбою нашего Подвигоположника, — *многими скорбми внити въ царствіе Божіе?*

Но если кому не довольно, просто вѣрить, а нужно притомъ о потребности скорбей быть удостовѣрену разсужденіемъ: и сей способъ наставленія имѣемъ мы также въ словахъ святаго Апостола Петра: *зане пострадавый плотію преста отъ грѣхи, во еже не ктому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время* (1 Пет. IV. 1. 2.). Чудно сіе разсужденіе Апостола. Оно подаетъ случай къ вопросу: не ужели человѣкъ не можетъ *престать отъ грѣха, не пострадавъ плотію*, тогда какъ онъ имѣетъ свободу избирать лучшее,

и сверхъ того помощь къ добру отъ благодати Божіей? Я не буду довольно смѣлъ, чтобы рѣшительно отвѣтствовать на сей вопросъ, на который Апостолъ только намекнулъ. Но замѣчу, что дѣло, о которомъ говоритъ Апостолъ, конечно лучше насъ знаетъ онъ, и какъ Богопросвѣщенный Апостолъ, и какъ опытный подвижникъ, который уже не мало шелъ путемъ страданій, когда указывалъ сей путь Христіанамъ: и конечно его Божественное просвѣщеніе и его страдальческіе опыты показали ему причину, по которой Христіанинъ долженъ поставлять себя въ готовность къ страданіямъ: *зане пострадавый плотію преста отъ грѣха.* Въ самомъ дѣлѣ, грѣхъ, который человѣкомъ допущенъ, пробилъ себѣ дорогу въ его сердце и въ его существо. Если вы, усиліемъ свободной воли, при помощи благодати, изгоняете его: по пробитой дорогѣ онъ силится возвратиться. По слѣдамъ прежнихъ грѣховныхъ впечатлѣній вновь идутъ страстныя и грѣховныя движенія, возбуждаемыя воспоминаніемъ или присутствіемъ искушающихъ предметовъ и привычкою. Что же надобно дѣлать, дабы рѣшительнѣе освободить себя отъ грѣха?—Не только изгнать его, но и пробитую имъ дорогу заградить, разрушить, истребить. Надобно глубоко взрыть землю сердца, чтобы уничтожить слѣды грѣховнаго услажденія, чтобы исторгнуть глубоко проникшіе тонкіе корни грѣха. Надобно съ огнемъ пройти по стезямъ внутреннихъ чувствъ, чтобы очистить ихъ отъ остатковъ грѣховныхъ впечатлѣній. Слѣдственно надобны скорби и страданія, дабы *пострадавый плотію преставъ отъ грѣха.*

Найдя такимъ образомъ, что скорби въ рукѣ Провидѣнія суть очистительное орудіе для человѣка, уготовляемаго къ царствію Божію, мы не должны удивиться, если найдемъ въ опытахъ Святыхъ и то, что высшему очищенію нерѣдко соотвѣтствуютъ преимущественно многія скорби. *Многи скорби праведнымъ* (Псал. XXXIII. 20.), сказуетъ Псалмопѣвецъ по наблюденію; а также и по собственному опыту исповѣдуетъ предъ Богомъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою* (Псал. XCIII. 19.). *Лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. XI. 37.):—сими чертами описалъ Апостолъ ветхозавѣтныхъ подвижниковъ вѣры, не заботясь называть ихъ по имени: такъ находилъ онъ черты сіи общими и обыкновенными! Если бы надлежало изобразить жизнь и новозавѣтныхъ подвижниковъ вѣры, Апостоловъ, Мучениковъ, Преподобныхъ: опять годились бы тѣ же черты: *лишени, скорбяще, озлоблени.*

Не сими ли же чертами ознаменованъ образъ и твоей жизни, присный Наставниче нашъ къ царствію Божію?—*Лишенъ, скорбящъ, озлобленъ.* Не только *лишенъ* всякаго земнаго стяжанія, что, можетъ быть, не трудно для лишившаго самого себя добровольно; не только *скорбящъ* въ заботахъ о мирѣ и спасеніи братіи; но и *озлобленъ*, то отъ малодушія облагодѣтельствованной тобою братіи, во время скудости потребностей, то отъ любоначалія роднаго брата:—*озлобленъ* даже до того, что сдѣлалъ было себя изгнанникомъ изъ обители, которая и существованіемъ, и всемъ тебѣ одному обязана. Итакъ и житіе твое то же проповѣдуетъ намъ, что слово Апостольское: *яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.*

Посмотримся, братія, въ два вѣрныя зеркала, — въ зеркало слова Божія, и въ зеркало житія Святыхъ, — такъ ли, какъ подобаетъ, идемъ мы къ царствію Божію.

Хвалимся въ скорбѣхъ (Рим. V. 3.), сказуетъ о себѣ Апостолъ. Отъ насъ, можетъ быть, еще рано сего требовать. Исполняется ли въ насъ хотя другое, меньшее слово Апостольское: *скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе* (Рим. XII. 12.)? Скорби, которыми, по судьбамъ Божіимъ, посѣщаемся, пріемлемъ ли съ терпѣніемъ, и, когда изнемогаетъ терпѣніе, подкрѣпляемъ ли оное молитвою, чтобы не впасть въ нетерпѣніе или ропотъ? Не тяготимся ли напротивъ даже легкими и обыкновенными въ жизни скорбями, трудностію нѣкоторыхъ дѣлъ, неисполненіемъ нѣкоторыхъ желаній, лишеніемъ нѣкоторыхъ пріятностей жизни? — Малая скорбь оскорбительнаго слова не истощаетъ ли иногда всего терпѣнія нашего, такъ что

вмѣсто пріобрѣтенія посредствомъ ея награды терпѣнія, мы мучимъ сами себя преувеличенною и вредною скорбію гнѣва и памятозлобія?

Апостолъ сказалъ Коринѳскимъ Христіанамъ: *нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбиствуется въ покаяніе, оскорбѣсте бо по Бозѣ* (2 Кор. VII. 9.). Скорбимъ ли и мы о грѣхахъ нашихъ скорбію по Бозѣ, скорбію покаянія, такъ искренняго и глубокаго, чтобы о нашей скорби радовались Ангелы, какъ о залогѣ нашего исправленія и спасенія?

Кто не подвергаетъ себя добровольно очистительной работѣ внутренней скорби покаянія и самоукоренія, и внѣшнихъ скорбей не пріемлетъ съ терпѣніемъ и смиреніемъ: тотъ еще не на пути, который указываетъ Евангеліе къ царствію Божію. *Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.* Аминь.

25. СЛОВО

О молитвѣ, преимущественно церковной, въ день памяти Преподобнаго Сергія.

Молитеся о насъ: уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити (Евр. XIII. 18.), пишетъ святый Апостолъ Павелъ ко Евреемъ, то есть, къ Христіанамъ изъ Евреевъ.

Молитеся о насъ! говоримъ иногда и мы людямъ, которыхъ почитаемъ сильными въ молитвѣ, или, по крайней мѣрѣ, упражняющимися въ ней съ примѣтнымъ вниманіемъ. И нынѣ, для чего множество людей собралось во храмѣ семъ, если не для того иначе, чтобы сказать Преподобному Сергію, какъ могущественному молитвеннику: моли Бога о насъ?

Воспользуемся же словами Апостола, чтобъ извлечь изъ нихъ о взаимной молитвѣ нѣкоторыя мысли, для насъ полезныя.

Молитеся о насъ. Подумайте, кто это проситъ себѣ молитвы другихъ?—Павелъ, который нѣкогда, съ своимъ сотрудникомъ Силою, въ темницѣ Филиппійской, совершалъ молитвенное Богу славословіе, съ такою духовною силою, что *внезапу трусъ бысть велій, яко поколебатися основанію темничному, отверзошася же абіе двери вся, и всѣмъ юзы ослабѣша* (Дѣян. XVI. 25. 26.);—Павелъ, который объятіемъ сострадательной любви и молитвы воскресилъ Евтиха;—Павелъ, котораго молитвѣ даровалъ Богъ вдругъ двѣсти семдесятъ шесть душъ, сопутниковъ его въ плаваніи, готовыхъ погибнуть отъ кораблекрушенія;—Павелъ, котораго самъ Господь нарекъ *избраннымъ сосудомъ* благодати Своея, и который самъ о себѣ не обинулся исповѣдать: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV. 13.). И сей, вся могущій, проситъ себѣ помощи молитвенной; и отъ кого проситъ? —Не отъ какихъ либо избранныхъ, крѣпкихъ молитвенниковъ, но отъ всѣхъ Христіанъ-Евреевъ, безъ разбора, не исключая и послѣдняго мірянина. Что жъ такое дѣлаетъ святый Павелъ? Да, что онъ дѣлаетъ, то достойно глубокаго вниманія нашего, и, если будемъ внимательны, можетъ подать намъ немаловажныя наставленія.

Примѣръ Апостола долженъ вразумить насъ, Христіане, какъ настоятельна потребность взаимной другъ о другѣ молитвы, и наипаче общественной, когда и сей, толико крѣпкій подвижникъ духовный, признаетъ для себя нужду сей духовной помощи; какъ дерзко было бы опираться на силу одной собственной молитвы, хотя бы кто въ ней уже имѣлъ нѣкоторые опыты, и достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ, когда на собственную молитву не дерзаетъ положиться мужъ, облагодатствованный столь необыкновенно и чудесно; съ какимъ смиреніемъ и простотою надлежитъ намъ не отвергать, не пренебрегать молитвенной помощи немощнѣйшаго изъ вѣрующихъ, когда прозорливый духъ Павла не употребилъ въ семъ случаѣ разборчивости, которую трудно употребить безъ возношенія себя и безъ уничиженія ближняго, и которая была бы безъ цѣли, потому что *сила Божія въ немощехъ совершается*, слѣдственно можетъ иногда совершиться и

въ немощнѣйшихъ, по видимому, молитвенникахъ.

Кстати замѣтимъ изъ примѣра святаго Павла, какъ вѣрно, даже до нынѣ, въ Церкви Божіей сохраняется тотъ же духъ и тотъ же чинъ, какой ученіемъ и примѣромъ ввели въ нее святые Апостолы. Въ каждомъ Богослуженіи слышите вы, какъ Церковь призываетъ всѣхъ вѣрующихъ, не исключая немощнѣйшаго и послѣдняго, молиться, какъ другъ за друга вообще и въ разныхъ отношеніяхъ, такъ въ особенности за тѣхъ, которые призваны въ преемственное Апостоламъ служеніе благодати.

Дабы, безъ трудныхъ разсужденій, ясно показать вамъ благотворное дѣйствіе молитвы другъ за друга, приведу примѣръ другаго Апостола. *Петра стрежаху въ темницѣ: молитва же бѣ прилѣжна бываемая отъ Церкве къ Богу о немъ. Егда же хотяше его извести Иродъ*, для суда, и, вѣроятно, для убіенія, *въ нощи той бѣ Петръ спя между двѣма воинома, связанъ желѣзнома ужема двѣма, стражіе же предъ дверми стрежаху темницы.* Опасность крайняя; избавленіе кажется невозможнымъ; притомъ же самъ Петръ не молится о избавленіи: *бѣ Петръ спя.* Но какая нечаянность! *Се Ангелъ Господень предста.* Онъ разбудилъ Петра; оковы спали съ него сами собою; Ангелъ провелъ его сквозь запертыя двери, между стоящими при нихъ стражами, и оставилъ на свободѣ. Какимъ же образомъ Петръ не вымолилъ, а покоясь сномъ пріобрѣлъ себѣ избавленіе? Тѣмъ образомъ, что *молитва бѣ прилѣжна бываемая отъ Церкве къ Богу о немъ.* Она совершила избавленіе Петра безъ его вѣдома.

Мало свѣдущіе въ дѣлахъ духа могутъ спросить: почему посторонняго молитвеннаго содѣйствія, или даже полнаго дѣйствія, требуютъ и такіе люди, которые имѣютъ сами даръ молитвы, воздѣланный упражненіемъ, и приносящій даже чудесные плоды? Нѣкоторые, по недоумѣнію, въ простотѣ, могутъ сказать о Петрѣ или Павлѣ то, что нѣкогда Іудеи, въ ожесточеніи въ укоризну говорили о Христѣ: *иныя спасе, себе ли не можешь спасти?* На сіе, для искренно вопрошающихъ, отвѣтствуемъ: Павелъ просилъ себѣ чужой молитвы, по смиренію; Петръ не спасаетъ себя изъ темницы, по отверженію своей воли, по преданности въ волю Провидѣнія Божія: между тѣмъ какъ того же Петра, и того же Павла, въ молитвѣ за другихъ гораздо болѣе свободными, и по вѣрѣ дерзновенными, дѣлаетъ человѣколюбіе и состраданіе; и потому они подлинно иныя спасаютъ своей молитвою, и не стыдятся сами молитвою иныхъ быть спасаемы. Но для чего Богъ полагаетъ на избранныхъ Своихъ сей образъ духовной скудости и уничиженія, что они заимствуются пособіями молитвы отъ другихъ людей, менѣе облагодатствованныхъ? Для того же, чтобы лучше сберечь высоту ихъ достоинства въ глубинѣ ихъ смиренія. Или, пусть сіи люди сами изъяснятся о дивномъ въ нихъ смотрѣніи Божіемъ: *имамы говорятъ, сокровище сіе въ скудѣльныхъ сосудѣхъ, да премножество силы будетъ Божіи, а не отъ насъ* (2 Кор. IV. 7.). Если бы Святые всегда были такъ же чудесно могущественны для себя, какъ часто бываютъ для другихъ: то непроницательные люди удобно приписали бы имъ самимъ силу Божію, въ нихъ дѣйствующую; и слѣдственно похитили бы у Бога славу, Ему принадлежащую: но когда тѣ же люди въ одномъ случаѣ Богоподобны чудеснымъ могуществомъ, а въ другомъ подобострастны намъ общею человѣкамъ немощію; тогда и малопроницательные должны усмотрѣть, что тутъ является *премножество силы Божіи, а не отъ насъ.*

Возвратимся къ словамъ Апостола, которыя мы взяли въ руководство настоящему размышленію. *Молитеся о насъ: уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити.* Не просто требуетъ онъ молитвъ о себѣ, но представляетъ нѣчто такое, по чему бы его требованіе признали справедливымъ, и не отказали въ требуемомъ: *уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити.* Въ сихъ словахъ можно видѣть слѣдующее размышленіе Апостола: если бы я признавалъ въ себѣ совѣсть недобрую, неочищенную отъ грѣховъ, по возможности человѣческой и по благодати Божіей; если бы не имѣлъ искренняго на-

мѣренія вести добрую жизнь во всѣхъ отношеніяхъ: то не отважился бы просить себѣ отъ Церкви молитвенной помощи, которой нечистая совѣсть недостойна, и которая злому намѣренію споспѣшествовать не можетъ: но поелику, испытуя сердце свое предъ Богомъ, не нахожу, чтобы совѣсть обличила меня въ дѣлахъ, завѣдомо и по намѣренію злыхъ; а напротивъ того стараюсь во всѣхъ случаяхъ имѣть намѣренія Богу угодныя, ближнимъ полезныя, собственной душѣ моей спасительныя; то съ несмущеннымъ дерзновеніемъ прибѣгаю къ духу благодати и щедротъ, дышущему въ Церкви, испытующему сердца, и дающему всѣмъ по сердцу каждаго. И такъ, вотъ еще наставленіе, которое мы должны для себя извлечь изъ примѣра Апостола: кто желаетъ воспользоваться споспѣшествующею молитвою ближнихъ и всея Церкви; тотъ долженъ прилѣжно испытать свою совѣсть, отвергнуть всякое намѣреніе грѣховное, всякое хотѣніе нечистое, стараться нелицемѣрно, во всякомъ случаѣ, содѣлать такую долю добра и правды, какая возможна ему, по дару Божію естественному, и по предварительной благодати; и потомъ уже съ упованіемъ просить дѣйствительнѣйшей помощи духовной и благодатной отъ душъ, искренно молящихся.

Таковы суть, братія, законы общественнаго духа молитвы; таковъ порядокъ его дѣйствованія. Кто не подчиняется симъ законамъ; кто не обращаетъ вниманія на сей порядокъ: тотъ напрасно вздумаетъ жаловаться на скудость плодовъ общественной и взаимной молитвы; онъ долженъ жаловаться на самого себя, на свое неразуміе, или, поелику для простаго добролюбиваго невѣдѣнія есть простыя внушенія духа и тайная помощь благодати, еще справедливѣе долженъ жаловаться на свое произвольное нерадѣніе или невѣрность.

Церковь непрестанно призываетъ насъ къ молитвѣ взаимности, то въ особенности за начальствующихъ и служащихъ Церкви, то за братій нашихъ, разнообразно бѣдствующихъ, то за всѣхъ единовѣрныхъ вообще. Учрежденный такъ, то и дѣло, вопіетъ за насъ ко Господу о помилованіи насъ, и подаяніи намъ благодати. Что же ты предстоящій? Вопіешь ли также въ сіе время въ сердцѣ твоемъ? Чувствуешь ли важность сего общенія, чтобы присоединить твой малый молитвенный гласъ къ великому молитвенному согласію Церкви? Помышляешь ли о твоей частной молитвѣ смиренно и униженно, а о соединенной молитвѣ Церкви—благоговѣйно и благонадежно? Или только слушаешь пробѣгающія слова чтеца, какъ шумъ вѣтра, и гласъ пѣвца, какъ звукъ свирѣли, и, между одушевленными духомъ молитвы, стоишь празденъ, холоденъ, безчувственъ? Если, по несчастію, такъ: то очувствуйся, полумертвая душа, возбуди сердце твое, воззови ко Господу изъ глубины твоей внутренней, да возможешь рѣшеніемъ твоимъ коснуться глубинъ Духа Божія, исполняющаго Церковь Божію, и привлещи себѣ начатокъ духа благодати и щедротъ, въ обновленіе и благоуправленіе твоея жизни.

Иные, по видимому, обращаются къ молитвамъ Церкви, призываютъ молитвы Святыхъ, просятъ молитвъ отъ нѣкоторыхъ ближнихъ: но между тѣмъ не довольно обращаются къ своей совѣсти, не довольно вниманія обращаютъ на свою жизнь, не воспріемлютъ добрыхъ намѣреній, или, воспріявъ, не сохраняютъ. Говорятъ Святому: молися о насъ, а сами беззаботно стоятъ на пути грѣшныхъ. Подумали ль вы, чего требуете? Не ужели духъ молитвы для того данъ Церкви, чтобы онъ, какъ вихрь, могъ схватить некающагося грѣшника, и бросить въ рай? Какая въ семъ случаѣ была бъ правда у Бога? И что было бы съ самымъ раемъ, когда бы его наполнили неочищенные покаяніемъ и неисправленные въ житіи грѣшники?—Блаженное мѣсто не можетъ сдѣлать блаженнымъ грѣшника; но грѣшникъ и блаженное мѣсто оскверняетъ собою и повреждаетъ, какъ именно съ симъ блаженнымъ нѣкогда міромъ случилось чрезъ грѣхъ Адама. Нѣтъ! — Благодатный духъ молитвы дарованъ отъ Бога для помощи грѣшникамъ, восчувствовавшимъ и возненавидѣвшимъ свою грѣховность, рѣшительно возжелавшимъ очищенія и совершеннаго исправленія, у которыхъ не достаетъ только силы дѣлать добро, а не добраго намѣренія.

Желаю, братія, чтобы какъ можно ме-

нѣе нашлось между нами такихъ, для которыхъ въ настоящемъ размышленіи нашемъ найдется обличеніе: —Кто же найдетъ здѣсь для себя обличеніе: тотъ да не гнѣвается на обличающаго по долгу, но да пріиметъ доброжелательное напоминаніе, и употребитъ оное къ своему исправленію, которое да подастся всѣмъ намъ благодатію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, молитвами Преподобнаго Отца нашего Сергія и всѣхъ Святыхъ. Аминь.

26. СЛОВО

Въ день памяти Преподобнаго Сергія.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. XIII. 7.

Вотъ заповѣдь Апостольская. Кажется, не забыта она у насъ, и не оставлена безъ исполненія. Ибо что значитъ настоящій день, и настоящее собраніе, какъ не то, что мы наставника нашего, Преподобнаго Сергія, *поминаемъ* памятію торжественною? Благоговѣйно *взираемъ на скончаніе жительства* его, когда празднуемъ дни, скончанія его жительства, и его по скончаніи вновь явленія между живущими, въ его нетлѣнныхъ и чудодѣйственныхъ останкахъ.

Можемъ ли, къ довершенію сего, похвалиться и тѣмъ, что *подражаемъ вѣрѣ* наставниковъ нашихъ, *иже глаголаша намъ слово Божіе?* О если бы! Но и Апостолъ не всѣмъ Христіанамъ Апостольскимъ приписываетъ сію похвалу. Высокое свидѣтельство далъ онъ вѣрѣ Христіанъ Филиппійскихъ, когда написалъ имъ: *вамъ даровася, еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Фил. I. 29.). А когда писалъ къ Христіанамъ Евреямъ: тогда нашелъ нужнымъ о томъ же предметѣ еще заповѣдывать и учить. *Подражайте*, говоритъ, *вѣрѣ ихъ.*

Признаемъ и мы, братія, что имѣемъ, не столько права на похвалу вѣры нашей, сколько нужды въ обученіи подражать вѣрѣ Святыхъ.

Подражаніе есть одно изъ самыхъ употребительныхъ орудій для образованія и направленія жизни и дѣятельности, во всѣхъ видахъ. Это есть средство не менѣе дѣйствующее, какъ слово ученія, иногда еще болѣе, а иногда почти единственное. Подражаніе старѣе слова ученія, а самое слово раскрывается и образуется посредствомъ подражанія. Можетъ ли мать искусственно истолковать младенцу, какими движеніями языка и устъ, какимъ направленіемъ дыханія долженъ онъ производить различные звуки, чтобы произносить слова? —Но дитя слышитъ слова, произносимыя матерью; и, раскрывающеюся жизнію побуждаясь къ дѣйствованію, однако не самоизобрѣтаемому и самоуправляемому, къ которому еще не способно, получаетъ направленіе дѣлать то же, что мать, однимъ словомъ, подражаетъ ей, между прочимъ и въ произношеніи словесныхъ звуковъ, и, послѣ возобновляемыхъ покушеній и опытовъ, одинъ болѣе другаго удачныхъ, —дитя умѣетъ говорить.

Такова сила подражанія, всажденная въ самой природѣ человѣка. Съ возрастомъ, ее ограничиваютъ и подчиняютъ себѣ другія открывающіяся способности и возрастающія силы: свободная воля, ученіе, размышленіе, изобрѣтательность. Но все еще значительною остается сила подражанія, во-первыхъ, потому, что ранѣе другихъ раскрываясь, и объемля многіе предметы, она поддерживается и привычкою, и необходимостію; во-вторыхъ, потому, что къ возвышенному ученію, къ умственному изслѣдованію, къ изобрѣтенію, не многіе имѣютъ достаточныя дарованія, а подражать способенъ весь родъ человѣческій; въ-третьихъ, потому, что умственное изслѣдованіе слѣдитъ свой предметъ въ призрачной области воображенія и памяти, въ неокончательныхъ чертахъ общихъ понятій, а подражаніе смотритъ на предметъ существующій въ природѣ, въ опредѣленныхъ и оконченныхъ чертахъ дѣйствительности, и потому первое, перевода свои созерцанія въ дѣйствительность, не рѣдко

затрудняется и запутывается, а послѣднее легче и надежнѣе дѣлаетъ то, что видитъ уже сдѣланнымъ.

Отсюда можно усматривать, какъ важно для жизни, чему, и какъ человѣкъ подражаетъ. Если бы онъ рѣшился не подражать ничему, а все изобрѣтать самъ, и дѣлать по своему изобрѣтенію: то въ какое бѣдственное состояніе поставилъ бы онъ себя, и какъ трудно было бы ему оттуда выйти! На примѣръ, скорѣе умеръ бы онъ отъ голода, нежели въ безчисленномъ разнообразіи царства растеній открылъ бы пшеницу или рожь, и устроилъ многосложное искусство воздѣлать ее, собрать, отдѣлить, превратить въ муку, и наконецъ въ хлѣбъ. Если съ своею подражательностію попадаетъ онъ на недостойные и ложные образцы: то естественно дѣлается худымъ спискомъ съ худаго подлинника, и нерѣдко на долго. Кто въ малолѣтствѣ по худому образцу образовалъ свою способность писать буквы: тотъ обыкновенно во всю жизнь худо пишетъ. Бываетъ и хорошему образцу худое подражаніе, когда подражаніе не внимательно, не разсудительно, не постоянно. Если же избираемъ себѣ образцы дѣятельности достойные по предмету, совершенные или хотя приближающіеся къ совершенству по образу и степени дѣйствія; и если слѣдимъ ихъ внимательно, разсудительно, постоянно: то и мы на пути къ совершенству, открытомъ и вѣрномъ.

Но размышленія о вліяніи подражанія на естественную жизнь и ея дѣйствія не суть ли посторонніе для ученія о подражаніи Святымъ въ жизни духовной? — Разсуждайте. Если уста младенца не иначе, какъ подражаніемъ образуются, чтобы нарещи отца и мать: думаете ли вы, что гораздо легче, безъ образца, безъ подражанія, какъ нибудь, научится сердце ваше, не движеніемъ воздуха производить словесные звуки, но движеніемъ Духа Святаго въ вѣрѣ, нарицать и призывать Господа Іисуса, взывать изъ глубины своей къ Отцу небесному: *Авва Отче?* Если безъ помощи подражанія вы затрудились бы приготовить и здравоносно употребить земный хлѣбъ для поддержанія тѣлесной жизни: думаете ли, что безъ подобнаго пособія не трудно вамъ обрѣсти и спасительно вкушать устами вѣры хлѣбъ небесный, который даетъ новую жизнь душѣ, который, правда, сходитъ съ небесе безъ нашего искусства и труда, но котораго вкушеніе необычайно и недовѣдомо земной природѣ, и который знающіе не всѣ вкушаютъ въ жизнь вѣчную, но нѣкоторые въ судъ себѣ? Если только постояннымъ подражаніемъ образцу научились вы писать мертвыя буквы на тлѣнной бумагѣ, думаете ли, что гораздо простѣе, безъ образца, безъ подражанія, наудачу, напишете имя ваше въ нетлѣнной книгѣ жизни, письменами живыми, то есть, дѣлами живой вѣры?

Впрочемъ перестанемъ, если угодно, любомудрствовать по нашимъ соображеніямъ и догадкамъ. *Имамы извѣстнѣйшее пророческое* и Апостольское *слово.* Что говоритъ оно?— *Бывайте подражатели Богу*, гласитъ оно устами Святаго Павла. И Само Ѵпостасное воплощенное Слово глаголетъ: *будите вы совершени, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.* А какъ можетъ сіе сдѣлаться?—Безъ сомнѣнія посредствомъ подражанія.

Или безмѣрная высокость сего образца, предлагаемаго вамъ для подражанія, приводитъ васъ въ недоумѣніе и въ безнадежность о успѣхѣ? — Напрасно. Подражаніе не требуетъ равенства съ первообразомъ. Вы можете снять съ онаго только нѣкоторыя черты для васъ благопотребныя и доступныя, одну часть необъятной картины въ уменьшенномъ размѣрѣ: и при семъ подражаніе можетъ имѣть свою пользу, достоинство и даже совершенство. Отецъ небесный *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. V. 45.). Вотъ первообразъ представленный вамъ, дабы вы могли снять съ него подобіе для себя. Конечно, ты не можешь засвѣтить другое солнце для того же или для другаго міра: но ты можешь засвѣтить свѣтъ спасительной истины въ умѣ невѣдущаго, зажечь искру любви къ добру въ сердцѣ жестокомъ, или иначе испорченномъ: и вотъ, ты подражатель Богу, не только Сіяющему солнцемъ на видимый міръ, но и просвѣщающему души свѣтомъ духов-

нымъ. Не дано тебѣ свести съ неба дождь, и оросить поля праведныхъ и неправедныхъ: но ты можешь оросить слезою сострадательной любви изсохшее отъ скорби сердце невиннаго страдальца, или жегомое раскаяніемъ сердце грѣшника: и вотъ, ты подражатель Богу, Который дождитъ на праведныя и на неправедныя. Ты не въ силахъ, какъ Богъ, облаготворить всѣхъ добрыхъ и злыхъ, праведныхъ и не праведныхъ: но хотя одному, котораго ты знаешь недобрымъ для тебя, сдѣлай возможное для тебя добро, съ усердіемъ, съ самопожертвованіемъ: и одно такое дѣло уже дѣлаетъ тебя подражателемъ Отцу небесному, Иже *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.*

Но, дабы высоту образца Божественнаго сдѣлать очевиднѣе доступною для ревности подражанія, посмотрите, что еще умышляетъ искусный и снисходительный наставникъ спасительнаго подражанія, Святый Павелъ. Какъ-бы лѣствицу восхожденія поставляетъ онъ для насъ, говоря: *подобни мнѣ бывайте, яко же азъ Христу.* Теперь уже не на превысреннее, невидимое, непостижимое небо зоветъ онъ васъ искать образца для подражанія, но низводитъ его для васъ на землю, и показуетъ во Христѣ, истинномъ Богѣ, но купно истинномъ человѣкѣ, принявшемъ на Себя естество наше, даже немощи наша, кромѣ грѣха. Если и сіе не воздвигаетъ нашу низость къ высотѣ: руководитель сходитъ ниже, и еще ближе полагаетъ для насъ въ степень восхожденія самого себя: *подобни мнѣ бывайте.* Мнѣ, говоритъ, подобострастному вамъ человѣку,—мнѣ, бывшему нѣкогда хулынку и гонителю вѣры,—мнѣ безъ труда можете подражать и грѣшники, *отъ нихже первый есмь азъ.*

Если бы кто на сіе возразилъ, что черты жизни Апостольской неудобоприимнымы къ состоянію его души, къ обстоятельствамъ его жизни: разрѣшаетъ Апостолъ и сіе, когда заповѣди подражанія даетъ большее пространство: *помнинайте наставники ваша,—подражайте вѣрѣ ихъ.* Во множествѣ благихъ примѣровъ, подаваемыхъ истинными наставниками, безъ сомнѣнія, откроются достоподражательныя черты, для тебя, для каждаго, по особенному состоянію души, по особеннымъ обстоятельствамъ жизни.

Заповѣдуя особенно *взирать на скончаніе жительства* наставниковъ, Апостолъ, кажется, особенно имѣлъ въ мысляхъ примѣры мученической твердости въ вѣрѣ, такъ какъ имѣлъ особенную потребность указывать оные, для утвержденія вѣрующихъ въ бѣдственныя времена Церкви. Но если заповѣдь Апостольская должна обнять всѣ времена Церкви, и потребности всѣхъ и каждаго вѣрующаго: то должна имѣть и сіе вообще значеніе: подражайте вѣрѣ и жизни Святыхъ. И подлинно, для чего и осіялъ Господь небо церковное толикимъ множествомъ прославленныхъ Святыхъ, подобно какъ небо стихійное множествомъ звѣздъ, — для чего иначе, если не для того, чтобы каждый изъ насъ удобно могъ, по своей потребности, принимать отъ нихъ свѣтъ и управленіе своего пути на небо?

Предлежитъ ли кому подвигъ охраненія Святыя Вѣры отъ неправославія? — Да ищетъ таковый себѣ образца и руководства въ жизни и словѣ такихъ наставниковъ, какъ Великіе Аѳанасій и Василій, Григорій Богословъ и Златоустъ.

Избралъ ли кто себѣ путь жизни уединенной и особенно посвященной Богу и молитвѣ? — Да проходитъ мысленно, по книгамъ и преданіямъ, духовныя пустынножительства и общежительства, и да назираетъ, хотя издалека, слѣды также Великихъ въ своемъ родѣ подвижниковъ, каковы Антоній, Макарій, Пахомій, Ефремъ, и многіе изъ вѣка въ вѣкъ стонамъ ихъ послѣдовавшіе, и столь еще близкій къ намъ, по благости Божіей, Сергій.

Поставляетъ ли кого Провидѣніе Божіе въ испытаніе вѣры лишеніями и бѣдствіями?—Да утверждаетъ себя таковый примѣромъ Іова, который и въ лишеніяхъ, и въ страданіяхъ, не преставалъ благословлять имя Господне.

Озабоченъ ли кто, какъ бы жить достойно вѣры въ богатствѣ и обиліи?—Да взираетъ на жизнь Авраама кроткаго, уступчиваго, благодѣтельнаго, избавителя бѣдствующихъ, страннолюбца, страннопріяннаго Ангеловъ и Бога.

Если кто и глубоко низринулся въ дѣла страстей и пороковъ: покажуть и ему надежду и способъ возникновенія изъ пропасти спасшійся на крестѣ разбойникъ, подобный ему Моисей Муринъ, Марія Египетская, и многіе послѣ погибели спасенные, послѣ глубокаго развращенія святые.

Мнѣ бы не кончить слова, если бы исчислять примѣры Святыхъ, разнообразно назидательные и спасительные. Старайтесь, братія, узнавать и замѣчать особенно тѣ изъ нихъ, которые ближе къ состоянію вашей души, къ обстоятельствамъ вашей жизни. Внимая имъ, вы получите сугубый плодъ: и удостовѣрительное познаніе спасительнаго для васъ пути, и сильную помощь къ прохожденію его, молитвами Святыхъ, къ которымъ приближитесь подражаніемъ и вашею молитвою.

Братія! Подражательность такъ сродна человѣку, что безъ нея не живетъ никто изъ насъ. Разность въ предметахъ и въ ревности подражанія.—Кто предписываетъ законы суеты, роскоши, скоскорыстія, самочестія?—Никто. Какъ же успиваются и распространяются суета, роскошь, своскорыстіе, самочестіе?—всего болѣе посредствомъ безразсуднаго подражанія. Какую же силу должно имѣть подражаніе, когда обращается на предметы законные и благословенные?—

Да помышляемъ, братія, что *добро ревновати въ добромъ* (Гал. IV. 18.); и что какъ возвышенный образецъ возвышаетъ подражателя, такъ низкій унижаетъ. И потому да отвращаемъ очи отъ суеты міра; да взираемъ внимательно на жизнь Святыхъ: да подражаемъ ихъ вѣрѣ непорочной, твердой, живой, дѣйствующей въ подвигахъ, въ любви, въ твореніи добра, да наслѣдимъ и мы *достояніе Святыхъ въ свѣтѣ*, и съ ними вѣчно славимъ Отца, и Сына и Святаго Духа. Аминь.

27. СЛОВО

На память преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца.

1844.

Ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ. 2 Тим. II. 3.

Часто слышимъ здѣсь пѣснопѣніе, въ которомъ Церковь, восхваляя Преподобнаго Сергія, какъ *подвижника добродѣтелей*, съ симъ вмѣстѣ именуетъ его *истиннымъ воиномъ Христа Бога*, и въ изъясненіе сего присовокупляетъ, что онъ *на страсти подвизался*, — страстямъ и вожделѣніямъ противоборствовалъ, и побѣждалъ ихъ силою ума, помощію Божіею, оружіями, духовной брани свойственными.

Съ какимъ расположеніемъ должны мы слушать похвалу *истинному воину Христа Бога?* Такъ ли, какъ не рѣдко похвалы воинамъ и побѣдителямъ слушаютъ люди, не бывшіе и не думающіе быть ни побѣдителями ни воинами? Или какъ новоступившіе и вступающіе въ воинство внимаютъ славѣ много подвизавшихся воиновъ и побѣдителей, чтобы перенимать ихъ искусство, чтобы возбуждать свою ревность къ браннымъ подвигамъ?

Святая Церковь, провозглашая подвиги и добродѣтели Святыхъ, обыкновенно не о томъ заботится, чтобы къ ихъ небесной славѣ присовокупить не нужную для нихъ, ничтожную, земную славу, а о томъ, чтобъ насъ обучать подвигамъ и поощрять къ добродѣтелямъ. Чему же научаетъ насъ, и чего требуетъ отъ насъ показуемый намъ образъ истиннаго воина Христова?

Хвалебное представленіе Святаго мужа въ образѣ воина Христова заимствовано, безъ сомнѣнія, отъ святаго Апостола Павла, который въ посланіи къ Тимоѳею пишетъ: *ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ-Христовъ.*

Тимоѳей, которому дано сіе наставленіе, или заповѣдь, чтобы злопострадать, какъ надлежитъ доброму воину Іисусъ-Христову, былъ одинъ изъ учениковъ святаго Павла, заслуживший особенное у него

довѣріе, и получившій отъ него въ управленіе Церковь Ефесскую. Изъ сего можемъ заключить, что наставленіе сіе достойно пріятія и для людей преимущественнаго достоинства. Но не должно думать, что сіе относилось исключительно къ одному лицу, къ которому писано, или только къ званію, въ которомъ сіе лице находилось. Нѣтъ, сіе болѣе или менѣе относится и къ каждому христіанину. Въ семъ удостовѣриться можно другимъ изреченіемъ того же Апостола къ тому же Тимоѳею, въ другомъ посланіи. *Да воинствуеши,* пишетъ онъ, *доброе воинство, имѣя вѣру и благую совѣсть* (1 Тим. 1. 18. 19.). Не каждый ли христіанинъ долженъ имѣть вѣру и благую совѣсть? Но какъ сіе относитъ Апостолъ къ доброму воинствованію: то ясно, что и къ доброму воинствованію обязывается каждый христіанинъ, а слѣдственно и къ злостраданію, какого требуетъ святый Павелъ отъ добраго воина Іисусъ-Христова.

Для большаго въ семъ удостовѣренія приведемъ еще ученіе того же Апостола, которое онъ уже не чрезъ примѣръ одного лица, но прямо ко всѣмъ христіанамъ простираетъ. *Пріимите*, говоритъ, *всѣ оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ, и всѣ содѣявше стати. Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и облекшеся въ броня правды, и обувше нозѣ во уготованіе благовѣствованія мира: надъ всѣми же воспріимше щитъ вѣры, въ немже возможете всѣ стрѣлы лукаваго разжженныя угасити: и шлемъ спасенія воспріимите, и мечь духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. VI. 13—17.). Видите, что всѣхъ насъ записалъ Апостолъ въ воинскую службу Христову, и всѣмъ раздаетъ оружіе по роду сей службы.

Посмотримъ нѣсколько ближе на сіи оружія, которыя Апостолъ называетъ *Божіими*, потому что не человѣческимъ искусствомъ и силою они устрояются, но благодатію Божіею намъ даруются.

Воинъ *препоясуется*, чтобы связать одежду, скрѣпить тѣло, и тѣмъ крѣпче и свободнѣе дѣйствовать. Вашимъ препоясаніемъ должна быть *истина*. Познавайте истину, связуйте истиною ваши мысли, склонности, желанія. Въ семъ препоясаніи вы можете духовно дѣйствовать крѣпко и свободно, не разслабѣвая — лѣностію, не претыкаясь — соблазномъ, не колеблясь — лжеученіями, и не падая—въ грѣхъ и въ порокъ.

Воинъ облекается въ *броню*, чтобы оружіе врага не могло ранить его, хотя бы и приразилось къ нему. Вашею бронею да будетъ *правда*, честность, добродѣтель. Правая совѣсть сохранитъ васъ внутренно невредимыми, хотя бы внѣшно и приразилась къ вамъ клевета или несправедливость.

Воинъ, *обуваясь*, становится готовымъ невредимою ногою идти противъ врага. Вамъ, вмѣсто обувенія, да будетъ *готовность* идти не для того, чтобы нападать и поражать, ибо не въ семъ состоитъ ваше воинствованіе, но чтобы *благовѣствовать миръ*—миръ Христовъ, побѣждающій всякую вражду и брань.

Воинъ беретъ *щитъ*, чтобы не допускать до своего тѣла стрѣлъ врага. И въ васъ невидимый врагъ направляетъ стрѣлы, острыя и уязвляющія, разжженныя и палящія,— то болѣе невидимыя стрѣлы богоборныхъ мудрованій и сомнѣній, воспламеняющихся страстей и вожделѣній, то болѣе видимыя стрѣлы навѣтовъ, поношеній и самыхъ гоненій отъ враговъ истины и добродѣтели. Но если сердце ваше покрыто *щитомъ вѣры*: то и острыя стрѣлы не пронзятъ его, и палящія, не повредивъ, угаснутъ.

Воинъ *шлемомъ* охраняетъ голову отъ ранъ, особенно въ сей части тѣла опасныхъ. Охраняйте и вы вашъ умъ *шлемомъ спасенія*, или, какъ полнѣе изъяснился Апостолъ въ другомъ посланіи, *шлемомъ упованія спасенія* (1 Сол. V. 8.). Какія бы ни встрѣтились съ нами трудности или опасности: упованіе на Бога не должно допустить до души вашей духа унынія, за которымъ могло бы послѣдовать и смертоносное отчаяніе.

Воинъ, поражая врага *мечемъ*, приводитъ въ бездѣйствіе и его силу, и силу оружія его. Такъ, и еще болѣе побѣдоносно дѣйствуетъ *мечь духовный*, который есть *слово Божіе*. Симъ оружіемъ самъ Начальникъ нашъ Господь Іисусъ выдержалъ образно-

вое для насъ сраженіе, и одержалъ благотворную для насъ побѣду надъ начальникомъ зла. *Писано есть*, говорилъ Онъ, *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.—Писано есть: не искуши Господа Бога твоего.—Писано есть: Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши* (Матѳ. IV. 4. 8. 10.). И троекратно мечемъ духовнымъ произенный врагъ въ изнеможеніи оставилъ мѣсто сраженія. Вооружайся и ты, христіанинъ, мечемъ духовнымъ, глаголомъ Божіимъ; держи его въ твоей памяти и въ твоемъ сердцѣ; обучи себя обращать его остріе противъ всякаго глагола беззаконія: и никакое зло не будетъ для тебя непобѣдимо, никакая сила врага страшна, никакая хитрость его непроницаема, и всѣ оружія его сокрушатся и упразднятся.

Но возвратимся къ заповѣди наставника Христовыхъ воиновъ, которая подала намъ случай обозрѣть ихъ оружія.

Злопостражди, говоритъ, *яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ*. Что̀ значитъ: злопостражди? Значитъ ли: заставлять самъ себя страдать, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые въ избыткѣ ревности бичеваніемъ, или другимъ неестественнымъ изнуреніемъ и даже искаженіемъ тѣла?— Но извѣстно, что Апостолъ не одобрялъ *непощадѣнія тѣла* (Кол. II. 23.). Значитъ ли: сдѣлайся мученикомъ?— Но сего не льзя рѣшительно предписывать, какъ не состоящаго во власти воина Христова.

Мысль, заключенную Апостоломъ въ словѣ: *злопостражди*, должна изъяснить его уподобительная мысль о *воинѣ*. Чѣмъ отличается званіе воиновъ, и пріобрѣтаетъ преимущественное предъ другими званіями право на уваженіе и почести?—Особенными трудами, лишеніями, подвигами, соединенными съ готовностію пожертвовать жизнію за исполненіе своего долга. Подобное сему въ воинѣ Христовомъ Апостолъ называетъ *злостраданіемъ*.

Среди покоя другихъ, воинъ бодрствуетъ на стражѣ. Онъ жертвуетъ своимъ покоемъ, чтобы охранить безопасность, чтобы замышляемому врагомъ нападенію не уступить нечаянности, которая во много кратъ увеличила бы опасность. Надобно и тебѣ, Христовъ воинъ, съ трудомъ бодрствовать на стражѣ твоея вѣры и благія совѣсти, на стражѣ твоего и другихъ спасенія. Предавшись дремотѣ безпечности и мечтамъ чувственности, падали даже избранные подвижники вѣры и добродѣтели, внезапно уязвленные стрѣлами лукаваго. Надобно тебѣ постоянно имѣть въ мысляхъ и въ дѣйствіи повелѣніе твоего Началовождя: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. XXVI. 41.).

Воинъ, то въ трудныхъ походахъ, то въ продолжительныхъ сраженіяхъ, долженъ переносить холодъ, непогоду, зной, голодъ, жажду, утомленіе, боль, и все сіе побѣждать силою духа, безъ чего не совершить бы ему подвига, и не побѣдить бы врага. Подобно сему и христіанинъ долженъ умѣть переносить трудности, лишенія, скорби, чтобы совершить духовные подвиги, чтобы пріобрѣтать побѣды надъ страстями. Гладъ и жажду чувственныхъ желаній онъ долженъ не столько удовлетворять, сколько преодолѣвать и умерщвлять. Онъ долженъ отвергать удовольствія, которыя развлекаютъ и ослабляютъ духъ, и еще рѣшительнѣе тѣ, которыя оскорбляютъ нравственное чувство и совѣсть. Онъ долженъ охотно переносить скорби, начиная отъ скорби покаянія, чтобы превозмогать искушенія, чтобы пріобрѣтать добродѣтели.

Только совершенная готовность пожертвовать жизнію за царя своего дѣлаетъ воина безстрашнымъ и исколебимымъ въ бранномъ подвигѣ, способнымъ къ побѣдѣ, достойнымъ вѣнца. Только совершенная готовность пожертвовать всѣмъ, когда нужно, и самою жизнію за Царя-Христа, за сохраненіе вѣры въ Него, за соблюденіе заповѣдей Его, дѣлаетъ христіанина *добрымъ воиномъ Іисусъ-Христовымъ*, способнымъ исколебимо стоять противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, побѣдить все сопротивное, достигнуть вѣнца нетлѣннаго. Сіе значатъ слова Христовы: *иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Матѳ. X. 39.).

Если бы кто сталъ жаловаться, что правила христіанскаго самопожертвованія строги и тяжки; то, продолжая слѣдовать уподобительному разсужденію Апостола, я сказалъ бы ему: какъ же не тяготятся ру-

ководствоваться подобными правилами самопожертвованія воины царя земнаго? Прекрасно и пріятно всѣмъ пожертвовать царю и отечеству: но менѣе ли достойны пожертвованій нашихъ небесный Царь и небесное отечество? Напротивъ того, и самопожертвованіе ради царя земнаго ни чѣмъ лучше не облегчается и не поддерживается, какъ самопожертвованіемъ ради Царя небеснаго, имѣющимъ непреложное обѣтованіе жизни вѣчной и вѣнца безсмертнаго. *Иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю.*

Если правила самопожертвованія для вѣры и добродѣтели тяжки: изобрѣтите мнѣ другія—легкія, дайте мнѣ нетрудную добродѣтель, и я вамъ отдамъ на судъ ея достоинство. Если воинъ не переносилъ трудностей брани, если не стоялъ въ сраженіи глазъ противъ глаза со смертію: станете ли вы хвалить его твердость и мужество? Если христіанинъ не стоялъ противъ искушеній съ готовностію все претерпѣть, чтобы только не измѣнить своему званію: какъ припишете вы ему сильную и высокую христіанскую добродѣтель? Кто не переносилъ скорбей и бѣдъ, у того какъ найдете вы терпѣніе?

Итакъ уразумѣемъ, что трудности, лишенія, самопожертвованіе составляютъ преимущество и нѣкоторую потребность добродѣтели, частію для того, чтобы она могла имѣть достоинство, возвышенность, право на чести и награду, частію даже для того, чтобы могла существовать. Такъ, безъ сомнѣнія, мыслитъ Апостолъ и о вѣрѣ, когда особеннымъ *явленіемъ спасенія* въ нѣкоторыхъ христіанахъ признавалъ то, что имъ *дарован, сже о Христѣ, не токмо сже въ Него вѣровати, но и сже по Немъ страдати* (Фил. 1. 29.).

Братія! Даръ совершенно пострадать и умереть за Христа и Его вѣру есть даръ высокій для высокихъ душъ. Поревнуемъ, чтобы хотя низшія степени сего дара не были намъ чужды! Когда намъ предлежитъ подвигъ вѣры, дѣло правды, но для сего надобно употребить трудныя усилія, или понести лишенія, или подвергнуться опасности преканій отъ людей холодныхъ къ вѣрѣ, преслѣдованія отъ враждебныхъ правдѣ: не поколеблемся избрать трудную возвышенность духа, предпочтительно предъ нетрудною низостію. Возбудимъ себя увѣщаніемъ Апостольскимъ: *ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ-Христовъ.* Съ пожертвованіемъ собственнаго покоя, выгоды, удовольствія, безопасности, совершимъ подвигъ вѣры, правды, добродѣтели, — и онъ вѣрно соблюдетъ намъ вѣнецъ правды, егоже воздастъ Господь, праведный Судія, всѣмъ возлюбльшимъ Его! Аминь.

28. СЛОВО

Въ день собора Святаго Архистратига Михаила, говоренное въ Архангельскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, 1821 года.

Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе? Евр. 1. 14.

Торжественно собрался нынѣ соборъ земный, воздать честь Собору небесному; собрался соборъ человѣковъ, воспѣть хвалы Собору Ангеловъ. Для чего? *Не вси ли они*, говоритъ Апостолъ, изъясняя высокое превосходство Сына Божія предъ Ангелами, не всѣ ли они *суть служебные духи?* Для чего же Церковь, которая часто изъявляетъ желаніе вмѣстѣ съ Ангелами служить Богу и славословить Его благость, теперь, такъ сказать, остается позади ихъ, и совершаетъ родъ служенія въ честь ихъ самихъ? Сіе тѣмъ болѣе требуетъ изслѣдованія, что и древній законъ, *вчиненный Ангелами* (Гал. III. 19.), не представляетъ никакого торжественнаго установленія въ честь Ангеловъ.

Самое обыкновенное основаніе священныхъ установленій, — говоря сіе, мы не колеблемъ другихъ основаній, глубокихъ и таинственныхъ,—самое, говорю, обыкновенное основаніе церковныхъ установленій есть благочестивое напоминаніе. *Помни день субботный* (Исх. XX. 9.), говоритъ заповѣдь. *Будетъ вамъ день сей въ память* (Исх. XIV. 14.), говоритъ законъ Пасхи. *Сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. XXII. 19.), говоритъ

Самъ Іисусъ Христосъ, установляя таинство Тѣла и Крови Своей. На семъ основаніи древній законъ не могъ основать особеннаго церковнаго установленія въ честь Святыхъ Ангеловъ въ такія времена, когда человѣки наклонны были воздавать служебнымъ силамъ честь Божескую, и когда всего болѣе нужно было напоминать о подобающемъ служеніи единому Богу. Нынѣ, подъ закономъ Христовымъ, совсѣмъ иныя времена. Единство Божіе, какъ солнце, озаряетъ умы: но какъ звѣзды неприметны при солнцѣ; такъ, при занятіи любомудрствующаго ума одною великою мыслію о Свѣтѣ несотворенномъ, нѣкоторые уже не примѣчаютъ свѣтовъ сотворенныхъ, малыхъ конечно предъ Онымъ, впрочемъ чистыхъ и благодѣтельныхъ,—не примѣчаютъ *служебныхъ духовъ, посылаемыхъ* отъ Бога *въ служеніе для тѣхъ, которые должны наслѣдовать спасеніе*; а не примѣчая ихъ, устраняются отъ ихъ благодѣтельнаго сообщества и помощи. Для такихъ временъ прозорливо и премудро установила Церковь торжествовать въ честь Собора небесныхъ Силъ, дабы мы немощные земнородные получали назидательное напоминаніе о сихъ спостѣшникахъ нашего спасенія.

Удивительно, что забвеніе о небесныхъ Силахъ въ нѣкоторыхъ изъ Христіанъ простирается до того, что сомнѣваются даже о существованіи невидимаго міра. Если бы не имѣли мы о семъ свидѣтельства въ книгѣ Откровенія: мы могли бы найти оное въ книгѣ природы. На всемъ видимомъ написано свидѣтельство о невидимомъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что *невидимое Божіе, Его присносущная сила и Божество, отъ созданія міра, чрезъ разсматриваніе тварей, есть видимо* (Рим. I. 20.): но какъ не все видимое можетъ отнесено быть непосредственно къ невидимой силѣ Божіей; то, на основаніи Апостольскаго изреченія, можно видѣть міръ невидимый, сквозь міръ преходящихъ образовъ—міръ постоянныхъ силъ, посредствомъ которыхъ вседѣтельная сила Божія держитъ, *носитъ* (Евр. I. 3.), движетъ, управляетъ и сохраняетъ все видимое. Посмотрите на дерево или траву: то, что вы видите, можетъ только увянуть, засохнуть и разрушиться; а то, что производитъ зелень, ростъ, цвѣтъ и плодъ, не есть ли невидимое? Оглянитесь на самихъ себя: то, что въ васъ чувствуетъ, желаетъ, мыслитъ, не есть ли невидимое? Примѣтьте подобную лѣствицѣ постепенность тварей, которыя потолику совершеннѣе одна другой, поколику болѣе открывается въ нихъ дѣйствіе невидимаго; начните отъ земли и камня, въ которыхъ невидимое совершенно погребено, взойдите по лѣствицѣ видимыхъ тварей до человѣка, въ которомъ невидимое можетъ уже господствовать: не естественно ли надъ сею степенью предполагать твари, въ которыхъ видимое совершенно поглощено,—существа, чисто невидимыя, духовныя?

Правда, въ нынѣшнемъ омраченномъ состояніи человѣка и міра, сквозь письмена видимыхъ вещей тускло мелькаетъ свѣтъ міра невидимаго. Но за то въ книгѣ Откровенія очищенное вѣрою око ясно усматриваетъ не только существованіе міра невидимаго, но и его близость, и тѣсный союзъ его съ видимымъ. Тамъ Херувимъ стережетъ путь древа жизни (Быт. III. 24.); здѣсь Ангелъ утѣшаетъ отчаянную Агарь (Быт. XVI. 7—12.); въ другомъ мѣстѣ Ангелы вмѣстѣ съ Господомъ гостятъ у Авраама (Быт. XVIII.); Ангелы спасаютъ Лота изъ погибающаго Содома (Быт. XIX.); Ангелъ сохраняетъ жизнь умирающему отъ жажды Измаилу (Быт. XXI. 17—19.); Ангелъ,—и, можетъ быть, болѣе, нежели Ангелъ по существу, однако же Ангелъ по явленію и по наименованію въ священномъ бытописаніи,—удерживаетъ руку Авраама, вознесенную на заклаціе Исаака, и осыпаетъ его благословеніями (Быт. XXII. 15. 17.); Ангела обѣщаетъ Авраамъ въ руководство рабу своему (Быт. XXIV. 7.), и сей рабъ дивно руководствуется въ обрѣтеніи Ревекки. Іаковъ, то спящій во множествѣ видитъ Ангеловъ, по лѣствицѣ восходящихъ на небо, и нисходящихъ на землю (Быт. XXVIII. 12.), то бдящій встрѣчается съ полками Ангеловъ (Быт. XXXII. 1.). Ангелъ является Моисею въ горящей купинѣ (Исх. III. 2.), для приготовленія его къ изведенію Израильтянъ изъ Египта. Ангелъ въ столпѣ огненномъ и облачномъ предшествуетъ Израиль-

танамъ изъ Египта, заграждаетъ ихъ отъ преслѣдующихъ Египтянъ (Исх. XIV. 19.), сопровождаетъ чрезъ Чермное море, и сорокъ лѣтъ непрерывно странствуетъ съ ними по пустынѣ. Подъ *распоряженіемъ Ангеловъ пріемлютъ* (Дѣян. VII. 53.) Израильтяне законъ Моисеевъ. *Архистратигъ силы Господни* является Іисусу Навину (Іис. Нав. V. 14.), и распоряжаетъ чудесное завоеваніе Іерихона. Ангелъ, вмѣсто Пророка, проповѣдуетъ Израильтянамъ, и плачущій отъ его проповѣди народъ ознаменовываетъ мѣсто сего явленія именемъ *Плача* (Суд. II. 1—6.); Ангелъ призываетъ Гедеона къ избавленію Израильтянъ отъ порабощенія (Суд. VI. 11.); Ангелъ двукратно посѣщаетъ родителей Самисона, предсказываетъ необыкновенное рожденіе, и научаетъ воздержаніемъ матери охранять плодъ чрева (Суд. XIII.). Ангелъ поражаетъ Іерусалимлянъ за тщеславіе Давида (2 Цар. XXIV. 16.), и Ассиріанъ за гордость Сеннахирима (4 Цар. XIX. 35.) Пророкъ Илія неоднократно въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется Ангеломъ (3 Цар. XIX. 5. 4 Цар. I. 15.); Елисей показываетъ отроку своему сонмъ Ангеловъ, подобный охранительному воинству (4 Цар. VI. 17.). Исаія видитъ Серафимовъ окружающихъ престолъ Господень, и отъ одного изъ нихъ пріемлетъ огненное очищеніе (Иса. VI.); Іезекіиль среди отверстыхъ небесъ созерцаетъ четыре Богоносныя животныя и одушевленныя колеса (Іез. I.); Даніилъ зритъ *тысящи тысящь служащихъ* Ветхому деньми, *и тмы темъ предстоящихъ Ему* (Дан. VII. 10.); иногда встрѣчаетъ онъ Ангела хранителя и, можетъ быть, болѣе нежели Ангела, въ разженной пещи (Дан. III. 92.); иногда во рвѣ львиномъ (Дан. VI. 22.); иногда Гавріилъ *паритъ* надъ нимъ, и *прикасается* къ нему, и изъясняетъ ему видѣнія (Дан. IX. 21.); иногда въ откровеніяхъ своихъ онъ слышитъ о *Михаилѣ, единомъ отъ первыхъ старѣйшинъ* небесныхъ, и *Князѣ* народа своего (Дан. X. 13. 21.). Захарія, кромѣ того, что видитъ и слышитъ Ангеловъ, многократно *въ себѣ* ощущаетъ *Ангела глаголющаго* (Зах. I. 14.). О Господи силъ! Какіе воистинну Соборы небесныхъ Силъ собираешь Ты для земнородныхъ! Какъ дивно *ополчаешь Ангеловъ Твоихъ окрестъ болящихся Тебѣ* (Пс. XXXIII. 8.)! Какимъ содружествомъ, какимъ единствомъ сопрягаешь духи Ангельскіе и человѣческіе!

Можетъ быть, нѣкоторые думаютъ, что Ангеламъ покорены были только ветхозавѣтныя времена тѣней и гаданій, подобно тому, какъ видимыя звѣзды поставлены для обладанія нощію. Посмотримъ. Откроемъ Новый Завѣтъ. Се восходитъ Солнце духовъ; является Царь откровеній, Іисусъ Христосъ. Что же? Должны ли исчезнуть звѣзды? Должны ли удалиться служебные духи Свѣта? Или присутствіе солнца не уничтожитъ звѣздъ, а только сдѣлаетъ ихъ менѣе примѣтными? Или и въ присутствіи Царя, царственные служители будутъ учреждать и облегчать доступъ къ Нему? Но почто вопрошать о семъ? Самъ Царь провозглашаетъ, чему быть надлежитъ: *отселѣ узрите небо отверсто, и Ангелы Божія восходяща и нисходяща къ Сыну человѣческому* (Іоан. I. 51.): и дѣйствительно, мы видимъ Ангела, возвѣщающаго неплодное зачатіе Предтечи (Лук. I. 11.) и безсѣменное зачатіе Спасителя (Лук. I. 26.), цѣлое воинство Ангеловъ, воспѣвающихъ славу рождества Спасителева (Лук. II. 13.), Ангела разрѣшающаго недоумѣніе Іосифа (Матѳ. I. 20.) и устрояющаго безопасность Младенца Іисуса отъ ищущихъ души Его (Матѳ. II. 13.), Ангеловъ служащихъ Іисусу по искушеніи Его въ пустынѣ (Матѳ. IV. 11.), Ангеловъ ускоснныхъ каждому младенцу, *выну видящихъ Отца небеснаго* (Матѳ. XVIII. 10.), болѣе двѣнадцати легіоновъ Ангеловъ, готовыхъ ополчиться за Іисуса противъ Іудеевъ (Матѳ. XXVI. 53.), Ангела явившагося для укрѣпленія Его въ Геѳсиманскомъ подвигѣ (Лук. XXII. 43.), Ангеловъ, отверзающихъ гробъ Его (Матѳ. XXVIII. 2), возвѣщающихъ Его воскресеніе (Іоан. XX. 12.), Ангеловъ, сопровождающихъ Его вознесеніе и возвѣщающихъ Его паки пришествіе (Дѣян. I. 10. 11.), Ангеловъ разрѣшающихъ узы (Дѣян. XII. 7.), и отверзающихъ темницы для Апостоловъ (Дѣян. V. 19.); наконецъ Ангела только еще возникающему отъ тьмы язычества

Корнилію явившагося для того, чтобы указать ему входъ въ Церковь Христіанскую (Дѣян. X. 3—6.).

Христіане! Іисусъ Христосъ, по изреченію Іоанна Богослова, есть *Святый, истинный, имѣяй ключь Давидовъ, отверзаяй, и никтоже затворитъ* (Апок. III. 7.). И такъ, если Онъ отверзъ небо: кто же смѣетъ затворить его? Или кто смѣетъ сказать, что теперь уже не время видѣть Ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по волѣ Сына человѣческаго? *Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* Кто же и нынѣ можетъ утверждать, что они уже безъ дѣла, и мы безъ помощи?

Но чѣмъ несомнѣннѣе удостовѣряемся мы о близости къ намъ святыхъ Ангеловъ и о ихъ готовности на помощь намъ: тѣмъ съ большею заботливостію мы должны помыслить о томъ, отъ чего въ наши дни такъ мало слышать о сей помощи, а еще менѣе вѣрять слышанному о томъ. Или нѣтъ при насъ Ангеловъ; или мы не примѣчаемъ ихъ; или удаляемъ отъ себя. Что ихъ нѣтъ, то неправда, какъ мы видѣли. Слѣдственно правда то, что мы или не примѣчаемъ ихъ, или даже удаляемъ отъ себя.

Какъ въ видимыхъ своихъ явленіяхъ, святые Ангелы нерѣдко принимаемы были человѣками за подобныхъ человѣковъ: такъ легко случиться можетъ, что и невидимыя ихъ дѣйствія человѣкъ приметъ за собственныя человѣческія, или обыкновенныя естественныя дѣйствія. Не случается ли, на примѣръ, что среди недоумѣнія, или нѣкоего бездѣйствія ума, вдругъ, какъ молнія, просіяваетъ чистая, святая и спасительная мысль; что въ обуреваемомъ или хладномъ сердцѣ, мгновенно водворяется тишина, или возгарается небесный пламень любви къ Богу? Если всякое явленіе по роду своему свидѣтельствуетъ о присутствіи дѣйствующей силы: то чіи внутреннія явленія души нашей не свидѣтельствуютъ ли о присутствіи небесныхъ Силъ, по человѣколюбію бросающихъ лучи свои въ нашъ умъ и искры въ наше сердце? Не суть ли это дѣйствія Ангеловъ, по изреченію Пророка Захаріи, *глаголющихъ въ насъ?* Какъ достойно сожалѣнія, если мы не примѣчаемъ сей Ангельской помощи! Ибо не примѣчая, не пріемлемъ ея, какъ должно, и не пользуемся ею: не пользуясь, остаемся неблагодарными и виновными, не приготовляемъ себя къ другимъ подобнымъ посѣщеніямъ, и такимъ образомъ даже удаляемъ отъ себя хранителей нашихъ.

Если мы человѣки удаляемся отъ человѣковъ, которыхъ расположенія противны нашимъ расположеніямъ; если наставникъ наконецъ отрекается отъ ученика, не внемлющаго наставленіямъ, или нѣтуръ отъ воспитанника, отвергающаго руководство; если самый отецъ удаляетъ отъ себя непокориваго сына: то какъ не удалиться наконецъ отъ насъ святымъ Ангеламъ, когда мы не слѣдуемъ ихъ спасительнымъ внушеніямъ, и оставляемъ безплоднымъ для насъ ихъ служеніе? Какъ не удалиться отъ насъ небеснымъ Силамъ, когда мы предаемся токмо земному? Какъ не удалиться чистымъ духамъ, когда мы живемъ въ нечистотахъ плоти? Какъ не удалиться Ангеламъ Божіимъ, когда мы непрестанно имѣемъ въ мысляхъ и въ желаніяхъ не Бога и Христа Его, но міръ и самихъ себя?

Чада Церкви! Чада Божіи! Будемъ ходить, яко чада послушанія. Не слышимъ ли, какъ Матерь ежедневно проситъ намъ у Господа и Отца нашего, *Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ?* Не отвергнемъ блага, о которыхъ она столько для насъ подвизается. Презримъ земное, и приближимся къ небесному. Очистимъ чувствія, и узримъ сверхчувственное. Изгонимъ изъ души нашей плотскія желанія и суетные помыслы, и тогда посѣтятъ ее безплотныя Силы, и поведутъ насъ съ собою *отъ силы въ силу*, доколѣ наконецъ и Сэмъ *явится Господь Богъ въ Сіонъ* духа нашего (Псал. LXXXIII. 8.), и *сотворитъ* въ немъ Себѣ *обитель* (Іоан. XIV. 23.). Аминь.

29. СЛОВО

Въ день Собора Св. Архистратига Михаила.

Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе? Евр. I. 14.

Въ честь Собора безплотныхъ небесныхъ духовъ, собрался здѣсь нынѣ плотоносный, однако также духовный, Соборъ Церковный. Чудное, вѣрѣ только возможное, сближеніе земнаго съ небеснымъ, видимаго съ невидимымъ. Ангели на небеси, а мы на земли: однако мы празднуемъ для нихъ, какъ-бы имѣя ихъ съ собою. Они невидимы для насъ; безъ сомнѣнія, и мы не всегда видимы для нихъ, какъ не вездѣ сущихъ и не всевидящихъ: однако мы празднуемъ для нихъ такъ, какъ-бы они были предъ нашими очами, какъ-бы мы были предъ ихъ очами. Ибо странно и безполезно было бы составлять для нихъ праздникъ, обращать къ нимъ слова хваленія и молитвы, въ томъ случаѣ, если они сего не видатъ, не слышатъ и не знаютъ. Итакъ настоящій праздникъ есть свидѣтель намъ въ томъ, что святая Церковь признаетъ близкое общеніе наше, Христіане, съ Ангелами. Въ какомъ же отношеніи находятся они къ намъ? Въ какомъ отношеніи мы къ нимъ должны находиться?

Главное и общее изображеніе отношенія Ангеловъ къ человѣкамъ находимъ въ сихъ словахъ Апостола Павла: *не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* Апостолъ преподаетъ въ сихъ словахъ три достопримѣчательныя свѣдѣнія: первое, что Ангелы суть *духи служебные*, хотя по роду служенія и называются иногда *властями* и *господствіями*, а по благодати *сынами Божіими*, и слѣдственно достоинства ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ верховнымъ достоинствомъ Іисуса Христа, Сына Божія по естеству, единосущнаго и сопрестольнаго Богу Отцу, истиннаго Бога и Господа Вседержителя; второе, что хотя Ангелы живутъ на небесахъ, однако *посылаются* Богомъ *въ служеніе* и на землю: третіе, что служеніе Ангеловъ особеннымъ образомъ направляетъ Онъ въ пользу тѣхъ изъ человѣковъ, которыхъ провидитъ, по вѣрѣ и доброму, или покаяніемъ исправляемому житію, способными *наслѣдовать спасеніе* и вѣчное блаженство.

Если же хотимъ и нѣсколько подробнѣе узнать, какимъ образомъ Ангелы совершаютъ свое служеніе въ пользу хотящихъ наслѣдовать спасеніе: сказуетъ Святый Іоаннъ Дамаскинъ, научась отъ Святыхъ Діонисія Ареопагита и Григорія Богослова, что Ангелы *хранятъ части земли, народамъ и мѣстамъ предстательствуютъ, яко же на сіе отъ Создателя учинены суть, сущая наша управляютъ, и помогаютъ намъ, обаче всячески по Божественному хотѣнію и повелѣнію, яко вышше насъ суще, и Богу присно предстояще* (Богосл. кн. 2. гл. 3.).

Въ откровеніи Святаго Іоанна видимъ Ангела, *имѣющаго область на огни* (XIV. 18.), *Ангела воднаго* (XVI. 5.), *четыре Ангелы стоящыя на четырехъ углахъ земли, держащыя четыре вѣтры земскія* (VII. 1.). Итакъ есть Ангелы, которымъ ввѣряется храненіе и благоуправленіе нѣкоторыхъ частей и силъ стихійнаго міра. И можно понять, какъ сіе благопотребно. Ибо если долготерпѣніемъ Божіимъ попускается и діаволу дѣйствовать на стихіи, какъ попущено ему возбудить въ воздухѣ огнь, чтобы сжечь овецъ и пастырей Іова, и воздвигнуть бурю, чтобы обрушить храмину, и побить дѣтей его: то кольми паче прилично и благопотребно, чтобы благіе Ангелы имѣли власть надъ стихіями, дабы направлять ихъ дѣйствіе къ сохраненію и благу человѣковъ, а неистовыя усилія губителя отражать и уничтожать.

Въ видѣніяхъ Пророка Даніила усматриваемъ небеснаго посланника, который навѣщаетъ его о своемъ небесномъ (безъ сомнѣнія молитвенномъ) подвигѣ за судьбу народа Еврейскаго, и присовокупляетъ: *и се Михаилъ, единъ отъ старѣйшинъ первыхъ, пріиде помощи мнѣ*, и далѣе: *нѣсть ни единаго помогающаго со мною*

о сихъ, по ꙗ*чію Михаилъ князь вашъ* (VII. 13. 21.). Итакъ есть Ангелы хранители и небесные помощники народовъ и Царствъ.

Наконецъ, — что всего ближе должно быть къ каждому изъ насъ,—есть Ангелы хранители каждаго человѣка, принадлежащаго къ царству благодати Божіей. Сіе можемъ уразумѣть изъ словъ Самого Іисуса Хріста: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Матѳ. XVIII. 10.). Сила сего изреченія состоитъ въ томъ, что Господь убѣждая не пренебрегать дѣтей, указуетъ на примѣръ Ангеловъ, которые, хотя *выну видятъ лице Отца небеснаго* въ славѣ небесной, однако не почитаютъ для себя низкимъ пещись о малыхъ чадахъ человѣческихъ, и называться *ихъ* Ангелами. Если же такимъ образомъ для малыхъ дѣтей, которыхъ духовныя силы и способности еще не довольно раскрыты къ самодѣятельности, и которые потому менѣе, нежели возрастные, подвержены искушеніямъ, не излишнимъ признано сіе устроеніе, чтобы они имѣли своихъ Ангеловъ: то тѣмъ паче надлежитъ заключить, что не исключены изъ сего устроенія и возрастные, болѣе искушаемые, слѣдственно имѣющіе болѣе нужды въ духовной помощи, и, при высшемъ раскрытіи силъ духовныхъ, болѣе способные къ духовнымъ общеніямъ. Православная Церковь такъ сильно убѣждена въ потребности сего Ангельскаго служенія для каждаго изъ хотящихъ наслѣдовати спасеніе, что каждый день нѣсколько разъ проситъ намъ отъ Бога *Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ.*

Вникая въ сію молитву Церкви, не только познаемъ, въ какомъ отношеніи Ангелы находятся къ намъ, (то есть, что они сокровенно, или открыто, наставляютъ насъ, охраняютъ нашу душу, и наше тѣло), по частію научаемся и тому, въ какомъ отношеніи мы къ нимъ должны находиться.

Услышавъ отъ Апостола, что Ангелы суть *служебные духи, посылаемые въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе*, ты, можетъ быть, слишкомъ обезпечилъ бы себя, и воздремалъ бы въ надеждѣ на сихъ готовыхъ охранителей. Потому Церковь часто посылаетъ служителя молитвы возбуждать тебя, чтобы ты просилъ отъ Бога спасительнаго тебѣ посланника: *Ангела—хранителя у Господа воспросимъ!*

Но какая нужда просить себѣ Ангела, скажешь, можетъ быть, когда хранитъ человѣковъ есть назначеніе всѣхъ Ангеловъ по непреложнымъ судьбамъ Божіимъ? Какая нужда просить себѣ Ангела хранителя, когда онъ дается и младенцамъ, которые просить его себѣ даже и не умѣютъ? — Вопросы нѣсколько дерзновенные: поелику одного повелѣнія Церкви должно быть довольно для того, чтобы мы приносили молитву сего рода съ увѣренностію въ ея потребности и пользѣ. Но я не уклоняюсь отъ дерзновенія въ вопросѣ, чтобы найти назиданіе въ отвѣтѣ.

Итакъ отвѣтствую. Ангелъ есть слуга Божій, а не твой: итакъ смѣешь ли ты желать, чтобы онъ приходилъ къ тебѣ какъ рабъ, небрегомый въ своемъ служеніи, а не какъ посланникъ, честно срѣтаемый и пріемлемый? А какъ пойдешь на встрѣчу приходящему съ небесъ, если не восходя умомъ и сердцемъ къ небу, посредствомъ молитвы? *Азъ пріидохъ въ словесѣхъ твоихъ*, говоритъ небесный посланникъ Даніилу Пророку (X. 12.),—безъ сомнѣнія, въ словесѣхъ молитвы: молитвою своею Даніилъ проложилъ стезю, или поставилъ лѣствицу, по которой низшелъ къ нему небесный посланникъ. Но если ты не пролагаешь такого пути Ангелу, если вѣрный слуга Божій видитъ тебя, обращающаго къ Господу своему хребетъ, а не лице: то берегись; правда и святость его потребуетъ, чтобы онъ сильнѣе возревновалъ за славу Господа своего, нежели за тебя; и не удивительно, если онъ вознегодуетъ, удалится отъ тебя, и отъиметъ отъ тебя свое крыло, готовое покрывать тебя. Если сего не хочешь: то будь прилѣженъ и внимателенъ, и къ молитвѣ вообще, и въ особенности къ той, которою Церковь возбуждаетъ тебя испрашивать отъ Бога помощь Ангела Хранителя.

Младенцамъ Ангелъ хранитель дается и не просящимъ, но ихъ немощи. Думаешь ли, что подобнымъ образомъ надобно посылать его и къ тебѣ, не просящему по лѣности? Душа младенца, крещеніемъ очищенная, произвольными грѣхами не оскверненная, своею невинностію, простотою, незлобіемъ представляетъ нѣкоторую содружность естеству Ангельскому, и потому не только не поставляетъ преградъ приближенію Ангела хранителя, но, можетъ быть, и привлекаетъ его. Мы, возрастные, сохранили ль душу нашу въ семъ Ангело-содружномъ состояніи? Не отражаемъ ли мы отъ себя чистоту Ангельскую нашею грѣховностію? Ибо какъ пчелы удаляются оттуда, гдѣ распространяется смрадъ: такъ Ангелы удаляются оттуда, гдѣ распространяется грѣхъ. Удивительно ли же, что насъ такъ часто приглашаютъ, какъ новой милости Божіей просить себѣ Ангела хранителя, хотя мы получили его еще при купѣли крещенія?

Изъ сказаннаго теперь не трудно догадаться, что еще, кромѣ молитвы, нужно съ нашей стороны въ отношеніи къ святымъ Ангеламъ:—именно, стараніе достигать содружности съ ними посредствомъ очищенія себя отъ грѣха и стремленія къ святости жизни.

Кое общеніе свѣту ко тмѣ (2 Кор. VI. 14.)? вопрошаетъ Апостолъ, изрекая чрезъ сіе законъ духовныхъ общеній. Итакъ, кое общеніе Ангелу свѣта съ человѣками тьмы грѣховной? Кое общеніе чистому духу съ погрязающими добровольно въ нечистотахъ плоти? Кое общеніе Ангелу доброму и святому съ человѣками, въ которыхъ добродѣтель подавляется страстями, которые святость почитаютъ качествомъ, не для нихъ назначеннымъ?

Уготовляй себя къ общенію съ Ангелами молитвою, и по крайней мѣрѣ искреннимъ желаніемъ очищенія и освященія сердца и жизни: и будь увѣренъ, что Господь *Ангеломъ Своимъ заповѣстъ о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ* (Псал. XC. 11.), то есть, во всякихъ обстоятельствахъ жизни временной, а наипаче въ пути спасенія вѣчнаго. Аминь.

---

30. СЛОВО

Въ день Преподобнаго Никона, Игумена Радонежскаго.

Еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ, не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо времена, невидимая же вѣчна. 2 Кор. IV. 17. 18.

Легко переносить печаль, преуспѣвать въ добродѣтели, надѣяться вѣчной славы,—чего болѣе можно пожелать человѣку въ жизни, въ которой печаль неизбѣжна, добродѣтель трудна, благополучіе ненадежно? И такими преимуществами настоящей жизни обладаніе, необинуясь, приписываетъ себѣ Апостолъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ.*

Будемъ же внимательны къ средству, которымъ пріобрѣтаются такія преимущества жизни. Какъ *легка печаль*, даже Вамъ, которые, по собственному признанію, *во всемъ скорбяще, печаеми, гонимы, низлагаеми, присно живіи въ смерть предаетеся* (2 Кор. IV. 8. 11.)? Какъ сія печаль *преумножаетъ* Ваше *преспѣяніе*, какъ *содѣлываетъ* Вамъ *тяготу вѣчныя славы?*—Отвѣтствуютъ: *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ.* Дѣло состоитъ въ томъ, что мы не смотримъ на видимое, а смотримъ на невидимое.

Итакъ не смотрѣть на видимое, а смотрѣть на невидимое,—въ семъ заключается сильное средство противъ печали, для добродѣтели, для блаженства.

Если, для опредѣленія врачебнаго средства, съ пользою обращаются къ началу болѣзни: то не безполезно замѣтить здѣсь, что первое и всеобщее начало всеобщей болѣзни человѣчества, начало всякаго несовершенства и несчастія, или иначе, начало всякаго грѣха и наказанія человѣковъ, есть неправильная мысль ума, и безпорядочная рѣшимость воли, не смотрѣть бо-

лѣе на невидимое, а смотрѣть только на видимое. Что иное называютъ *паденіемъ* человѣка, который и въ состояніи паденія остается на своихъ ногахъ, не какъ змій, осужденный ходить на чревѣ,—что, говорю, иное называютъ паденіемъ человѣка, если не то, что его умъ, воля, дѣятельность отвратились, уклонились, низпали отъ Бога къ твари, отъ небеснаго къ земному, отъ невидимаго къ видимому? Вникайте, какъ описываетъ сіе книга Бытія: *видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти* (III. 6.). Вмѣсто того, чтобы прилѣжнѣе взирать къ невидимому Богу, Который заповѣдалъ не вкушать отъ сего древа, взирать въ невидимое небо, гдѣ уготовано вѣчное воздаяніе за исполненіе заповѣди Божіей, взирать на невидимую еще, но уже указанную смерть, которая неминуемо должна была послѣдовать за нарушеніемъ заповѣди,—вмѣсто всего невидимаго, жена смотритъ только на видимую красоту запрещеннаго плода, и засматривается, и вкушаетъ, и привлекаетъ мужа къ такому же вкушенію. И такимъ образомъ отъ страстнаго вниманія къ видимому, раждаются грѣхъ, нагота, изгнаніе, проклятіе, труды, печали, болѣзни, смерть, истлѣніе.

Повторимъ сказанное: для опредѣленія врачебнаго средства, съ пользою обращаются къ началу болѣзни; загражденіемъ источника зла пресѣкается распространеніе зла, и потоки его изсушаются. Итакъ, если начало душевныхъ болѣзней въ человѣкахъ, и первый источникъ всякаго зла, найденъ въ томъ, что человѣкъ пересталъ смотрѣть на невидимое, а началъ смотрѣть только на видимое; то не трудно заключить, сколь естественно искать врачебнаго противу зла и спасительнаго средства въ томъ, чтобы перестать смотрѣть на видимое, и рѣшиться смотрѣть преимущественно на невидимое.

Что было въ источникѣ, то и въ потокахъ протекаетъ. Забвеніе невидимаго и пристрастіе къ видимому, было началомъ зла въ человѣкѣ: то же начало дѣйствовало и дѣйствуетъ въ распространеніи зла между человѣками. Нѣкоторые изъ нихъ упорно не захотѣли взирать къ невидимому Богу,—и родилось нечестіе; другіе, по пристрастію къ видимому, и Бога видимаго имѣть захотѣли: отсюда произошло идолопоклонство и суевѣріе. Презрѣли невидимую часть существа своего, душу, а стали смотрѣть только на видимую часть своего состава, тѣло; — и вмѣсто человѣческой жизни, управляемой разумомъ и закономъ добра, открылась въ человѣкахъ жизнь скотская, чувственными похотями водимая, и звѣрская, необузданною яростію порываемая. Страстный и жадный взоръ на видимое, въ неудержанномъ направленіи, становится нѣкоею злотворною силою, которая изъ всѣхъ видимыхъ предметовъ, по ихъ различію, различный извлекаетъ ядъ, тѣмъ болѣе страшный, что въ комъ онъ образуется, того и отравляетъ. Такъ, смотрятъ на видимую красоту тѣлесную, и впадаютъ въ неистовство сладострастія;—на злато и другія видимыя блага, и заражаются любостяжаніемъ;—на видимыя блага въ рукахъ другихъ, и отравляютъ собственное сердце завистію;—на видимыя преимущества собственныя, и сами себя ослѣпляютъ гордостію. Такъ, по выраженію Пророка Іеремія (IX. 21.), *восходитъ смерть сквозѣ окна ваша*; то есть, чрезъ чувства, которыми вы сообщаетесь съ видимымъ міромъ, слишкомъ отверстыя по неосторожности, а еще болѣе по пристрастію къ видимому, входитъ грѣховная смерть въ душу. Что же намъ дѣлать?—Безъ сомнѣнія, тщательнѣе затворять окна, которыми входитъ смерть, то есть, удерживать чувства, которыми прелесть и соблазнъ входятъ въ душу; или, по выраженію Апостола, *не смотрѣть на видимое, но на невидимое*. Не останавливай взора на видимой красотѣ,—и сохранишься отъ прелести сладострастія. Не смотри на блескъ богатства, твое ли оно, или чужое,—и не поработишься любостяжанію, и не уязвишься завистію. Не смотри на твои видимыя преимущества, но старайся познавать совершенства, которыхъ требуетъ невидимое существо твое,—и не унизишь себя гордостію, но вознесетъ тебя смиреніе. Не сѣй въ плоть сѣмена истлѣнія, — и пожнешь отъ духа животъ вѣчный. Минуя все видимое, взирай непрестанно къ невидимому Богу,—

и обращешь благодать предъ очами Его, и насытишься явленіемъ славы Его.

Какъ можно, скажутъ, не смотрѣть на видимое, которое не только безъ воли, но даже противъ воли нашей, находится у насъ въ глазахъ; и напротивъ смотрѣть на невидимое, которое скрывается отъ взоровъ нашихъ? —

На сіе, дабы кто подлинно не смутился мнимою невозможностію, отвѣтствуемъ, во-первыхъ, что какъ можно не смотрѣть на видимое, сіе показываетъ самый обыкновенный опытъ, когда, на примѣръ, человѣкъ, углубленный въ размышленіе, не примѣчаетъ, что происходитъ вокругъ его; или когда объятому печалію, самое близкое и пріятное дотолѣ, становится не мило и чуждо. Подобно сему человѣкъ, занимающійся благоговѣйнымъ размышленіемъ о высокихъ тайнахъ невидимаго, или благочестивою печалію по Богѣ, углубляясь въ сіи внутреннія состоянія, отрѣшается отъ всего внѣшняго такъ, что и пріятнымъ не сильно привлекается, и непріятнымъ не глубоко поражается, и видитъ, но не смотритъ, и смотритъ, но не пригвождаетъ взора къ видимому. Посему и Апостольское слово, средствомъ преспѣянія во благѣ и пособіемъ къ достиженію блаженства, представляетъ не просто презрѣніе видимаго, но въ соотвѣтствіи съ усиленнымъ вниманіемъ къ невидимому: *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ.*

Во-вторыхъ, дабы удостовѣриться, что и на невидимое смотрѣть можно, какъ-бы на видимое, довольно вспомнить, что хотя въ высочайшемъ степени невидимое существо есть Богъ, по изреченію Апостола, *во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI. 16.); однако и Его, по свидѣтельству того же Апостола, *невидимаго, яко видя, терпяше* (Евр. XI. 27.) Боговидѣцъ Моисей. Да и для всѣхъ человѣковъ *невидимая Его, отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. I. 20.). Такъ самое видимое, когда не на него единственно смотримъ, но стараемся проникать далѣе, становится зрительнымъ стекломъ для созерцанія невидимаго.

Впрочемъ отъ Апостола можно заимствовать особенный способъ, какъ отставать отъ видимаго, и прилѣпляться къ невидимому. Сей способъ состоитъ въ размышленіи, что *видимая временна, невидимая же вѣчна.*

Видимая временна. Что же смотрѣть на видимое? Какая польза строить на пескѣ, писать на водѣ, гнаться за вѣтромъ, или бѣгущею тѣнію? Для чего корыстолюбивый, честолюбивый, завистливый, нечистыми глазами хотятъ поглотить весь міръ? Прежде нежели они могутъ насытиться, исчезнетъ міръ, и прежде нежели міръ исчезнетъ, исчезнутъ они отъ міра.

Видимая временна. Что жъ, если сей непремѣнный законъ видимаго, уже и оказываетъ свое дѣйствіе на томъ, что насъ окружаетъ; если время похищаетъ у насъ пріятное и любезное, и оставляетъ чувство лишенія, или даже страданія? — Тотъ же законъ времени, который теперь на насъ нападаетъ съ оружіемъ скорби, вскорѣ обратится, чтобы насъ избавить отъ нея. Если безразсудно привязывать себя слишкомъ крѣпкими узами любви къ видимому, которое вскорѣ можетъ быть похищено временемъ; то не болѣе благоразумно и то, чтобы самому на себѣ отягчать бремя печали о видимомъ, которое уже временемъ похищено.

Невидимая же вѣчна. Предъ вѣчностію, какъ одна минута, такъ и все продолженіе времени, равно непримѣтны. Что же значитъ минута лишенія, за которою слѣдуетъ вѣчность обладанія благомъ, минута страданія, которая приготовляетъ къ вѣчности наслажденія, минута подвига для добродѣтели, которую ожидаетъ вѣчность воздаянія и славы?

Невидимая вѣчна. И—ахъ! въ обширныхъ областяхъ невидимаго есть не только вѣчное обладаніе благомъ, но и вѣчное лишеніе блага, не только вѣчное наслажденіе, но и вѣчное страданіе, не только вѣчное воздаяніе и слава, но и вѣчная укоризна и стыдѣніе, не только вѣчный свѣтъ и вѣчная жизнь, но и вѣчный огнь и вѣчная смерть. Въ краткой настоящей жизни мы проходимъ видимое, временное,

какъ-бы нѣкое преддверіе невидимаго, вѣчнаго. Тѣлесная смерть отверзаетъ дверь, и если мы благовременно научились, вѣрнымъ и неуклоннымъ окомъ смотрѣть на сокровенный путь невидимаго, и рѣшительно направили стопы свои къ вѣчному, вводитъ насъ въ вышнія обители свѣта и жизни; а ослабленныхъ и отягченныхъ пристрастіемъ къ видимому, низвергаетъ въ мрачную бездну, въ ужасное преддверіе смерти вторыя. Научимся, пришельцы видимаго міра,—доколѣ не поздно, научимся, какъ должно намъ проходить краткій путь временной жизни безопасно и благонадежно, что на немъ оставить безъ вниманія, дабы предостеречься отъ развлеченія, и куда обратить внимательные, осторожные взоры. Намъ должно стремиться къ вѣчной славѣ, *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна.*

Если когда, въ исключеніе изъ сего правила, позволительно и должно со вниманіемъ смотрѣть на видимое, то наипаче въ тѣхъ случаяхъ, когда видимое, какъ образъ, какъ таинственное орудіе и пріятелище невидимаго, святаго, Божественнаго, самимъ Богомъ, или Богомудрыми учредителями, поставлено въ предметъ благочестиваго вниманія для человѣковъ. Таковы суть видимые образы, вещества, знаменія, обряды Церковныхъ Таинствъ и Богослуженія. Но и въ семъ случаѣ, сколь ни достойно благоговѣнія видимое, — не на немъ одномъ останавливаться должно. Сквозь святые образы и знаменія видимыя, благоговѣйный, только не любопытный, взоръ вѣры, долженъ быть устремляемъ къ невидимой силѣ и существенному дѣйствію благости Божіей. Странно подумать, что и Симонъ волхвъ видимо крещенъ былъ по чину Христіанскому: подумаемъ же, какъ нужно и тамъ, гдѣ святыня, исходя изъ невидимаго, наполняетъ и объемлетъ видимое, — какъ нужно и тамъ восходить отъ видимаго къ невидимому, чтобы не оскорбить и невидимой и видимой святыни.

Святая Церковь многообразно подвизается приближать насъ отъ видимаго къ невидимому. Такъ, при тайнодѣйствіи, она не только невидимыхъ Ангеловъ присутствующими и сослужащими представляетъ, но и намъ самимъ повелѣваетъ таинственно изображать въ себѣ Херувимовъ. Такъ, она призываетъ насъ торжественно творить память Святыхъ, преждеиншихъ изъ видимаго въ невидимое. И Провидѣніе Божіе частію привлекаетъ насъ къ общенію съ Ними чрезъ ихъ видимые чудодѣйственные останки, частію же и сіи скрываетъ отъ нашего видѣнія, чтобы вѣра училась, и безъ помощи видимаго, восходить къ невидимому. Да внимаемъ сему руководству, и да *смотряемъ невидимыхъ.* Если, по слову Господню, Ангелы въ вѣрѣ воспитываемыхъ младенцевъ выну видятъ лице Отца небеснаго, и если нѣтъ причины отнять сихъ невидимыхъ охранителей и у вышедшихъ изъ младенчества, продолжающихъ ходить въ вѣрѣ; если Святые Божіи человѣки, вступя въ невидимыя обители свѣта, еще удостоваютъ озираться въ сей сумракъ видимаго, и благотворными знаменіями даютъ намъ призывныя мановенія: то со святыми Ангелами хранителями, и со Святыми Божіими человѣками, и—въ особенности мы здѣсь съ Богоносными Отцами нашими Сергіемъ и Никономъ, да соединяемся, поколику можемъ, въ единый чистый взоръ къ невидимому Отцу Ихъ, и нашему, и въ единое молитвенное желаніе, да утвердитъ Онъ насъ, чтобы постоянно и неуклонно взирать къ Нему духомъ, *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ;* и въ семъ расположеніи духа, и печали сего временнаго житія благодушно переносить, и въ добродѣтели съ успѣхомъ подвизаться, и вѣчныя славы достигнуть, благодатію Отца славы, съ Единороднымъ Его Сыномъ и Единосущнымъ Его Духомъ препрославленнаго во вѣки. Аминь.

Конецъ первой части.

1240473